

ИТОГОВЫЕ НАУЧНЫЕ СЕССИИ 2015–2018 ГОДОВ

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

**НАУЧНЫЕ
ДОКЛАДЫ**

**ИТОГОВЫЕ
НАУЧНЫЕ
СЕССИИ
2015–2018 ГОДОВ**

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**ИТОГОВЫЕ
НАУЧНЫЕ
СЕССИИ
2015—2018 ГОДОВ**

Чебоксары — 2018

УДК 001(082)
ББК 72.4я43
И 93

Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института
гуманитарных наук

Составитель и ответственный редактор —
кандидат исторических наук Г.А. Николаев

Итоговые научные сессии 2015—2018 годов / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары : ЧГИГН, 2018. — 390 с. — (Научные доклады).

В сборнике публикуются научные доклады участников итоговых научных сессий Чувашского государственного института гуманитарных наук 2015—2018 гг. Издание адресовано научным работникам, преподавателям и студентам — всем, кто проявляет интерес к истории и культуре народов Отечества.

ISBN 978—5—87677—235—0

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2018
© Авторы публикаций, 2018

Наука не достается без труда — правда; в науке нет другого способа приобретения, как в поте лица; ни порывы, ни фантазии, ни стремление всем сердцем не заменяют труда.

Герцен А.И.
Дилетантизм в науке. Статья первая
// Герцен А.И. Собрание сочинений:
в 30 т. М., 1954. Т. 3. С. 12

В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

Карл Маркс.
Капитал. Критика политической экономии.
Т. 1, кн. 1. Предисловие к французскому изданию
// К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения.
Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23. С. 25

Науку часто смешивают с знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, т.е. уметь пользоваться знанием как следует.

Ключевский В.О.
Записная книжка // Ключевский В.О.
Письма. Дневники. Афоризмы и мысли
об истории. М., 1968. С. 333

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее издание включает тексты научных докладов, прочитанных сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук на итоговых научных сессиях в 2015—2018 гг. В них авторами апробированы новые идеи и положения по разным отраслям гуманитарных наук — археологии, истории, искусствоведению, литературоведению, социологии и языкознанию.

В своем развитии наука неизменно сталкивается с необходимостью подведения итогов проделанной в той или иной области работы и постановки новых исследовательских задач. Данная аналитическая операция — неотъемлемый фактор-условие ее поступательной динамики. В названном аспекте выполнены три научных доклада, включенные в сборник. В них отражены итоги изучения и очерчены перспективы дальнейшей разработки таких тем, как археология Чувашского Поволжья, чувашская диалектология и этническая, языковая и религиозная идентичность «ясачных чувашей» Казанского края. Помимо научных задач, авторами первых двух трудов намечены и организационно-практические шаги, которые следует предпринять нынешнему поколению археологов и языковедов.

Основная часть публикуемых научных докладов принадлежит к работам конкретно-исторического плана. Специалисты разных отраслей гуманитарных знаний — музыковеды, историки, этнологи и фольклористы — найдут интересным в первую очередь, пожалуй, сочинение, посвященное параллелям в музыкально-поэтическом фольклоре южных удмуртов и чувашей в исторической ретроспективе. В нем, в частности, представлен музыковедческий аргумент для подтверждения прямого отношения летописных «чюваша» эпохи Казанского ханства к современным чувашам. Внимание искусствоведов непременно привлекут два изыскания. В первом из них прослежены основные этапы и итоги развития чувашской станковой живописи в XX в., во втором — в широком контексте российского и чувашского искусства рассмотрено творчество выдающегося художника А.И. Митова. Много нового почерпнут историки из научного доклада о развитии переводной чувашской книги. Несомненно, вызовут интерес тексты, освещающие модернизационные процессы в чувашском селе на рубеже XX—XXI вв., трансформацию сельского общества Чувашской Республики в начале XXI в. Литературоведы не оставят без внимания доклад, демонстрирующий опыт анализа развития чувашской интеллектуальной прозы на рубеже XX—XXI вв. Обществоведы не будут равнодушны к положениям, высказанным в научном докладе, посвященном актуальным вопросам преподавания чувашского языка в современной школе и проблеме языкового поведения родителей.

Г.А. Николаев.

2015

СЕССИЯ 1
УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧУВАШЕВЕДЕНИЯ

С.В. Охотникова

**«ЯСАЧНЫЕ ЧУВАШИ»:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ**

Оппоненты: В.П. Иванов, Р.Г. Галлям, Н.И. Егоров,
С.А. Селиванова

ВВЕДЕНИЕ

«Наследие прошлого — проблема настоящего» — эта мысль вполне актуальна и для современного этапа многолетней борьбы за болгарское наследие между казанскими и чувашскими исследователями. Пожалуй, во многом причинами столь затяжного процесса стали «советская идеология и основанная на ней практика национально-государственного строительства», которые «политизировали этничность, тесно связав ее с административными образованиями»¹. Отголоски их влияния чувствуются и в исследованиях настоящего времени, поэтому для современного ученого столь необходимым качеством является сохранение объективного «взгляда со стороны», абстрагированного от идеологии, групповых и национальных интересов.

Определение этнической, религиозной и языковой принадлежности, социально-экономического положения, численности и территории расселения «ясачных чувашей» Казанского края, упоминаемых в русских источниках XVI — первой половины XVII в., было и остаётся одной из узловых проблем в изучении средневековой истории чувашского и татар-

ского народов. Её значимость становится всё очевиднее по мере роста интереса общества к наследию предков.

Цель данного доклада — рассмотреть основные результаты многолетних трудов исследователей дореволюционного и советского периодов по различным аспектам проблемы «ясачных чувашей», осветить современное состояние разработанности данной темы и выявить перспективы ее дальнейшего изучения.

Проблема этнической, языковой и религиозной принадлежности «ясачных чувашей» Казанского края тесно переплетена с вопросами этногенеза чувашей и татар. Это обусловлено тем, что завершающий этап формирования чувашской народности протекал в рамках Казанского ханства. Поскольку литература об этногенезе чувашского и татарского народов весьма многочисленна и рассмотрена в ряде работ историографического характера², постольку в рамках данного доклада ограничимся освещением трудов, содержащих суждения об этнической принадлежности «чувашей», проживавших на левобережье и правобережье Волги в XIV—XVII вв.

1. «ЯСАЧНЫЕ ЧУВАШИ»: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Дискуссии по вопросу этнической идентификации

Интерес к происхождению группы населения Казанского и Свияжского уездов, известной под названием «ясачные чувашы» (в документах «ясачная чуваша»), наблюдается в историко-этнографических исследованиях XIX в. В трудах К.С. Мильковича³, С.М. Михайлова (Яндуша)⁴, И.Н. Юркина⁵ чувашы названы потомками болгарского населения Казанского ханства. Среди этнографов конца XIX — начала XX в., занимавшихся изучением истории народов Среднего Поволжья (В.К. Магницкий, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров), преобладала точка зрения о болгарском происхождении чувашского народа. Основываясь на сравнительном анализе этнографических и языковых материалов, В.К. Магницкий впервые предпринял попытку (хотя и безуспешную) выявить этнических чувашей среди массы поволжских народов, упоминаемых в источниках XVI—XVII вв. под собирательным именем «татары»⁶.

Точки зрения о финской принадлежности чувашей Казанского ханства придерживались Н.А. Фирсов⁷, Г.И. Перетяткович⁸ и М.Н. Пинегин⁹. На формирование взглядов татарских ученых на проблему «ясачных чувашей» большое влияние оказали идеи Ш. Марджани о принадлежности чувашей к финно-угорским народам¹⁰. В 1970-х гг. теория о финно-угорском этногенезе чувашского народа была поддержана казанским археологом А.Х. Халиковым¹¹.

Новый виток в обосновании автохтонного происхождения чувашского населения Казанского ханства был спровоцирован постановлением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной

организации». Концепция болгарского происхождения казанских татар, ставшая основой исследований большинства татарских историков, являлась большим препятствием на пути объективного и достоверного освещения истории чувашского народа, так как выделяла большей частью этнические различия чувашей и татар, уделяя минимум внимания их родству.

Часть исследователей 1940—1950-х гг. (С.Е. Малов, М.Н. Тихомиров, В.Г. Егоров, Н.А. Андреев и др.) склонялась к мнению о болгарском этногенезе чувашей с включением финно-угорского элемента. Привлечение археологических и этнографических материалов позволило П.Н. Третьякову и Н.И. Воробьеву¹² сделать вывод о формировании чувашского народа в ходе смешения местных финских племен с болгарским этносом, отметить родственную связь чувашей с казанскими татарами. Важным для объяснения различий культуры и языка чувашского и татарского народов является положение П.Н. Третьякова о проникновении в XIII — первой половине XVI в. в среду предков татар печенежско-огузских и кыпчакских элементов и практически их полном отсутствии в среде предков чувашей¹³. В исследованиях И.П. Панькова развиваются взгляды о суварском этногенезе чувашей, протекавшем с участием марийцев, и преобладании кыпчакского элемента в происхождении татар. При этом автором подчеркивается общность болгарского наследия для чувашского и татарского народов¹⁴.

Новая веха в изучении этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского края началась с появлением во второй половине 1950-х гг. затрагивающих эту тему публикаций В.Д. Димитриева¹⁵ и И.Д. Кузнецова¹⁶, взгляды которых легли в основу исследований большинства последующих чувашских историков. Во многом ученые были солидарны с выводами И.П. Панькова о многокомпонентности слагаемых чувашской народности. Основным компонентом этнического синтеза чувашей они обоснованно считали не только племя сувар, а всю болгаро-суварскую общность. Термин «ясачные чуваша», употребляемый относительно податного населения Казанского ханства, В.Д. Димитриев относил только к этническим чувашам, то есть считал этнонимом. По мнению ученого, потомки левобережных болгар и в XVI—XVII вв. назывались чувашами и лишь позднее слились с татарами¹⁷.

В начале 1960-х гг. в полемику с чувашскими исследователями вступил казанский историк Е.И. Чернышев, придававший термину «ясачные чуваша» значение всего тяглого нерусского населения Казанского края, включая некоторую часть татарского этноса¹⁸. В 1970-х гг. его последователем являлся исследователь писцовой книги Казанского уезда 1602—1603 гг. И.П. Ермолаев¹⁹.

С новой силой дискуссия по вопросу этнической принадлежности «ясачных чувашей» между чувашскими и татарскими учеными разгорелась в 1980—1990-х гг., с выходом в свет исследований Д.М. Исхакова, содержащих основательную критику аргументов предшественников (В.Д. Димитриева, Е.И. Чернышева, Г.Ф. Саттарова и др.) по данной проблеме²⁰. Согласно версии Д.М. Исхакова, под наименованием «ясачные чуваша»

в документах XVI—XVII вв. фигурировали не только казанские татары, но и часть чувашского этноса. Причину бытования данного термина историк видит в возможном существовании переходного этнического состояния между чувашами и татарами на правобережье Волги в XVI — начале XVII в.²¹

Своеобразным «ответом» на критические замечания казанского исследователя стали основанные на многочисленных и разнообразных источниках работы чувашских ученых — археологов В.Ф. Каховского и Б.В. Каховского, языковедов М.Р. Федотова, Н.И. Егорова, литературоведа В.Г. Родионова, этнографа В.П. Иванова, призванные укрепить доказательную базу тезиса о чувашской этнической принадлежности «ясачных чувашей» Приказанья и Заказанья. Чуваша-язычники, по мнению авторов, переселились с этих территорий к своим собратьям на правобережье Волги и в Закамье²². Дополняя аргументацию В.Д. Дмитриева этнографическими свидетельствами, В.П. Иванов утверждает, что в 1565—1568 гг. «чуваша» пяти даруг Казанского уезда были собственно чувашами же и лишь в XVII в. отатаренные чуваша стали именоваться «ясачными татарами»²³.

С началом XXI в. бескомпромиссные споры татарских и чувашских исследователей, характерные для предыдущих периодов изучения поставленной проблемы, стали сменяться конструктивным диалогом и поиском точек соприкосновения, все чаще стали слышны призывы к признанию общности болгарского наследия и исторического прошлого для двух этносов.

Если в трудах В.Д. Дмитриева²⁴ по-прежнему содержится обстоятельная критика взглядов казанских ученых, то в работах В.П. Иванова и Н.И. Егорова прослеживается стремление к поиску «золотой середины», позволяющей сблизить позиции татар и чувашей по многим моментам. Так, в одном из последних исследований Н.И. Егоровым сделано следующее заключение: «В целом, с мнением Д.М. Исхакова относительно того, что “в ясачных чувашах” XVI—XVII вв. и “бесерменах” XIV—XV вв. надо видеть этносословную группу, в формировании которой основную роль сыграли болгары, скорее всего включившие в свой состав и перешедших к оседлости кыпчаков, а также других тюрков...”, я вполне солидарен, но с одной небольшой оговоркой: применение термина “этносословная группа” ни к XIV—XV вв., когда Казанского ханства как такового еще не было... ни тем более к XVI—XVII вв., когда Казанского ханства уже не стало, а термин “ясачная чуваша” появился на русской почве, не совсем корректно. Поэтому будет гораздо правильнее, если “бесермен” и “чувашей” будем считать конфессиональными группами единого постзолотоордынского болгарского этноса»²⁵.

Схожее мнение, исходя из предположения, что в период существования ханства еще не произошло слияния болгар с пришлыми ордынскими татарами и, следовательно, не сформировался единый этнос казанских татар, выразил марийский историк А.Г. Бахтин. Он относит «ясачных чувашей» Казанского ханства к «позднебулгарскому крестьянскому населе-

нию, которое, как и в период Золотой Орды, продолжало выплачивать ясак уже новому казанскому правительству»²⁶.

На современном этапе в обсуждение вопроса об этнической принадлежности «ясачных чувашей» активно включились башкирские исследователи. Согласно их концепции, потомками сувазов являлись две группы чувашей Казанского края: 1) предки казанских татар — левобережные чувашаи-мусульмане, составлявшие основное население Казанского ханства и принявшие имя «татары» не ранее конца XIX в.; 2) предки современных чувашей — правобережные чувашаи-язычники²⁷.

Со второй половины 1950-х гг. у исследователей проявился интерес к проблеме этнической принадлежности чувашей, расселенных в пределах Арской даруги Казанского ханства. Проследивая в истории «арских чувашей», проживавших в XV—XVI вв. в бассейне р. Чепцы, аналогии с историей бесермян, В.Д. Димитриев относил бесермян к «обудмуртившимся чувашам»²⁸. Мнение о болгарских корнях бесермян было поддержано М.Н. Тихомировым²⁹ и Т.И. Тепляшиной³⁰. Согласно гипотезе М.В. Гришкиной и В.Е. Владыкина, чувашаи Арской земли были родственны бесермянам, проживавшим в XVI — начале XVII в. в бассейне р. Чепцы, и представляли собой тюркизированное южнодмуртское население³¹. Д.М. Исхаков, напротив, считает основой бесермян волжских болгар, проникших в бассейн р. Чепцы не позже первой четверти XIV в., или «арских чувашей», перешедших с территории Казанского ханства во владения арских князей в первой половине XVI в., в состав которых не ранее XVII в. вошел южнодмуртский компонент³².

1.2. «Ясачные чувашаи»: сословная и социально-экономическая составляющие

Социально-экономическое положение «ясачных чувашей» получило краткое освещение в многочисленных работах отечественных историков. Ошибочными мнениями, не имеющими обоснования, являются именование К.С. Мильковичем³³ чувашского населения ханства кочевниками и утверждение Г.И. Перетятковича³⁴ о полукочевом образе жизни чувашей до их вхождения в состав России. Позиции Н.А. Фирсова³⁵ и Г.И. Перетятковича³⁶ расходились в вопросе принадлежности татар к тяглому люду: если первый был убежден в зависимом положении некоторой части татар³⁷, то второй относил татарское население к господствующему классу³⁸. Кроме того, Н.А. Фирсов, ссылаясь на «аристократический склад государства», был убежден, что податной люду ханства «далеко не был так угнетен, как можно было думать»³⁹. Мнение Г.И. Перетятковича о принадлежности татар Казанского ханства к аристократическому слою, а местных инородцев — к податному разделял Н.А. Спасский⁴⁰. О подчиненном положении чувашского населения по отношению к татарам, существовавшем до середины XVI в., писали в своих исследованиях М.Н. Пинегин⁴¹ и Н.В. Никольский⁴².

Особенный интерес социально-экономическое положение податного сословия Казанского ханства представляло для исследователей советского периода. Взгляды Н.А. Фирсова о принадлежности части татар к ясачному населению получили развитие в работах еще одного казанского историка — М.Г. Худякова⁴³. Оригинальностью отличаются суждения Г.С. Губайдуллина (Г. Газиза)⁴⁴ и Г. Исхаки⁴⁵, относивших чувашское население ханства к полноправным гражданам, пользовавшимся полной свободой в области религии и культуры. Чувашским исследователем Д.П. Петровым высказано противоположное мнение: в Казанском ханстве татары жили за счет угнетенного чувашского населения, занимавшегося земледелием⁴⁶. Взгляды о подчиненном положении чувашей в ханстве и о «грабительском собирании ясака татарскими феодалами» разделяли знатоки русских летописей и других документов XVI столетия М.Н. Тихомиров⁴⁷ и В.В. Мавродин⁴⁸, а также историк Т.Г. Гусев⁴⁹.

Придерживаясь тенденций татарской историографии 1950-х гг., Н.Ф. Калинин утверждал, что значительная часть казанских татар являлась ясачными людьми. При характеристике положения подчиненных ханству народов историк отметил, что казанские феодалы управляли чувашами, мари, удмуртами, мордвой и башкирами, «грабя и жестоко притесняя их»⁵⁰. В противовес его взглядам Ш.Ф. Мухамедьяров относил к податному населению ханства, обложенному ясаком и многочисленными повинностями, только удмуртское, марийское и чувашское население. Татары, согласно привлеченным им летописным сведениям, стали ясачными лишь в составе России⁵¹. Это мнение разделял и И.П. Паньков, писавший о существовании покоренных народов, входивших в состав ханства, в условиях жестокого социального гнета со стороны татарской феодальной знати⁵².

В работах первой половины 1950-х гг. В.Д. Дмитриев⁵³ и Н.И. Воробьев⁵⁴ относили часть татарского населения Казанского ханства к «черному люду». Начиная со второй половины 1960-х гг. В.Д. Дмитриев стал утверждать, что татары в ханстве составляли класс феодалов различного ранга и большинство из них относилось к мелким служилым людям — казакам, а ясачное население состояло из крестьян нетатарских народов (в том числе чувашей)⁵⁵. По мнению историка, часть татарских казаков была переведена в ясачных людей уже в составе Русского государства⁵⁶. Данная точка зрения получила дальнейшее обоснование и развитие в последующих трудах В.Д. Дмитриева и стала фундаментом для исследований следующего поколения чувашских ученых.

Среди казанских историков 1960-х гг. по вопросу принадлежности некоторой части казанских татар к «ясачным чувашам» единогласия не наблюдалось. Так, Е.И. Чернышев⁵⁷ и И.П. Ермолаев⁵⁸ полагали, что наименование «ясачные чуваша» являлось соционимом, присвоенным ясачным татарам служилой группой, не имевшим этнического значения и обозначавшим категорию ясачного населения в целом. Р.Н. Степанов, напротив, относил татар к служилым людям, а чувашей — к ясачному населению⁵⁹.

На современном этапе казанские историки Д.М. Исхаков, И.Л. Измаилов, Р.Ф. Галлямов, относя к податному сословию подавляющее большинство татарского населения Казанского ханства, придерживаются мнения об этнословном содержании термина «ясачные чувашы»⁶⁰. В противовес им А. Каппелер поддерживает взгляды В.Д. Димитриева об отсутствии ясачных татар в ханстве и их появлении только в составе Русского государства, однако выражает согласие с тем, что в источниках XVI—XVII вв. «ясачными чувашами» часто назывались и этнические татары⁶¹. А.Г. Бахтиным сделан вывод об обложении ясаком всего нетатарского населения Казанского ханства⁶². Башкирские исследователи делят население ханства на две страты: оседлые земледельцы-чувашы и тонкий господствующий слой, состоявший из представителей кочевых тюрко-монгольских племен⁶³.

1.3. Конфессиональная принадлежность

Религиозная принадлежность «ясачных чувашей» Казанского края в XV — первой половине XVI в. также является предметом постоянных дискуссий. Исследователи XIX в. К.С. Милькович⁶⁴, С.М. Михайлов⁶⁵, И.Н. Юркин⁶⁶ считали чувашей язычниками, вплоть до крещения сохранившими свои верования. Чувашские этнографы отметили существование в период ханства тенденции к омусульманиванию и последующему отатариванию чувашского населения. Так, по мнению С.М. Михайлова, чувашы до походов на Казань «скрывались у летописцев русских под именем татар, с которыми они проживали несколько веков в Казанском ханстве, и многие женились на их дочерях и переходили в мухаммеданскую веру, равно и татары в старину, соединяясь с чувашами, женились на дочерях сих последних, так что ныне найдется несколько деревень чуваш, происшедших от татар, и татар, происшедших от чуваш»⁶⁷. И.Н. Юркиным высказана точка зрения, что «татары, живущие на территории бывших Булгарского и Казанского царств, не потомки татар-монголов ... а лишь магометане-чувашы»⁶⁸.

Н.А. Фирсов⁶⁹ и Г.И. Перетяткович⁷⁰ солидарны во мнении о сохранении большей частью чувашей языческих верований, хотя не отрицают принятие некоторой частью народа ислама. Мнение о принадлежности чувашей к мусульманской умме отстаивал татарский историк Ш. Марджани⁷¹.

Венгерский тюрколог Д. Месарош, отметив значительное влияние ислама на языческую веру чувашей, пришел к выводу, что «большая часть народа когда-то была мусульманами, но в результате позднейшей неблагоприятной политической ситуации связь между ними и мусульманским миром прекратилась, и в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством»⁷².

К началу XX в. в работах В.К. Магницкого, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова утвердился тезис об отатаривании чувашей посредством ислама. В ходе изучения данной проблемы В.К. Магницким был сделан вывод, что татары, известные у марийцев под названием «суас», являются

отатарившимися чувашами⁷³. Процесс распространения ислама среди чувашского населения Казанского ханства прослежен в трудах Н.В. Никольского⁷⁴. По мнению Г.И. Комиссарова, чувашаи, относившиеся к привилегированному классу в Казанском ханстве, исповедовали ислам и именовали себя татарами, тогда как представители низшего класса (ясачные чувашаи) оставались язычниками⁷⁵.

В советский период тезис об отатаривании чувашей получил развитие в трудах М.Г. Худякова. Отрицая насильственное обращение инородцев в мусульманство, историк сделал верный вывод об отатаривании и ассимиляции жителей инородческих, в том числе и чувашских, деревень, перешедших в ислам⁷⁶. К сходному мнению после анализа переселений чувашей в XV—XVI вв. пришел Д.П. Петров, писавший об ассимиляции татарами части чувашей, оставшейся на левобережье Волги⁷⁷.

Несколько иных взглядов придерживался языковед В.Г. Егоров, писавший о насильственной исламизации и отатаривании чувашского населения в составе Казанского ханства, угрожавших существованию чувашей как отдельного этноса⁷⁸. На основании выявленных болгарских и чувашских языковых совпадений Н.А. Андреев считал необходимым признать болгарские надгробные памятники чувашскими (сувазскими), «принадлежавшими тем представителям народа чуваш (суваз), которые приняли ислам и отатарились»⁷⁹.

И.П. Паньковым также было высказано мнение о насильственном распространении ислама среди населения ханства с целью его окончательного подчинения, вопреки которому значительная масса чувашей продолжала придерживаться языческой веры. Мусульманами историк считал чувашскую феодальную «верхушку», которая позднее слилась с татарской знатью⁸⁰. Не только религиозную, но и сословную подоплеку выделения татар как особой народности от болгаро-чувашей видели также В.Д. Дмитриев⁸¹ и И.Д. Кузнецов⁸².

В.Д. Дмитриевым прослежен процесс постепенной трансформации массы левобережных чувашей в татар. Историк утверждает, что ассимиляция болгаро-чувашей кыпчаками-татарами путем распространения ислама и языка кыпчакского типа началась с XIII в., усилилась с образованием Казанского ханства и достигла пика после вхождения левобережных чувашей в состав России⁸³.

По мнению Н.И. Воробьева⁸⁴ и И.Д. Кузнецова⁸⁵, в период существования ханства чувашаи испытывали религиозные притеснения и оказывали упорное сопротивление попыткам насаждения в их среде ислама. Помимо религиозного фактора причиной отатаривания значительной части чувашского населения в XV—XVI вв. Н.И. Воробьев считал сильное татарское влияние в бытовом и языковом отношении. В качестве примера отатаренной группы этнических чувашей им названы молькеевские кряшены⁸⁶. Наиболее полно и основательно данная точка зрения на основе историко-этнографического материала была изложена П.В. Денисовым, утверждавшим, что насильственное распространение ислама, а также усвоение чуваш-

шами татарского языка привели к тому, что не только феодальная знать, но и сельское население постепенно отатаривались⁸⁷. Мнение о постепенной мусульманизации населения в Казанском ханстве и отатаривании чувашской феодальной знати, стремившейся упрочить свое положение, разделяли археологи В.Ф. Каховский⁸⁸ и Е.П. Михайлов⁸⁹. А.Х. Халиков признавал факт происходившей в XV—XVI вв. «этнической ассимиляции и мусульманизации» марийского и чувашского населения, «проживавшего на окраинных землях ханства»⁹⁰.

Религиозный аспект изучаемой проблемы является поводом для дискуссий и в современном научном сообществе. На единичных фактах, имеющих место в источниках XVII в., основано утверждение Д.М. Исхакова об исповедовании всеми «ясачными чувашами» Казанского края в XVI в. ислама⁹¹. Мнения о принятии к XVI в. значительной частью чувашского населения левобережья Волги и Приказанья ислама «на уровне мусульманско-языческого синкретизма» придерживается Л.Ю. Браславский⁹².

Интерес представляет мнение Н.И. Егорова о принадлежности «чувашей» и «бесермен» Казанского ханства к разным конфессиональным группам (язычникам и мусульманам соответственно) болгарского этноса⁹³. На мусульман левобережья и язычников правобережья Волги чувашей Казанского края разделяют башкирские историки⁹⁴.

1.4. Языковой аспект проблемы

Большой интерес для исследователей истории народов Среднего Поволжья представлял и продолжает представлять вопрос языковой принадлежности «ясачных чувашей». Первой, хотя и ошибочной, попыткой его решения является предположение К.С. Мильковича о происхождении чувашского языка от смешения сарматского языка с татарским⁹⁵.

В 1940—1950 гг. сравнение чувашского и татарского языков, в результате которого чуваша были названы «потомками болгар по языку», было проведено лингвистами С.Е. Маловым и В.Г. Егоровым. На основании лингвистических данных С.Е. Малов пришел к выводу о существовании в Средневековье на территории современного Татарстана двух исконных тюркских языков — татарского и чувашского⁹⁶. В.Г. Егоров признавал, что «современная лексика чувашского языка в своей тюркской части в основном почти вся болгарская», а решающую роль в формировании татарского языка сыграли пришлые ногайцы, куманы и крымские татары⁹⁷. К схожим выводам пришел в своих исследованиях И.П. Паньков, отмечавший, что «чувашский язык, существовавший раньше в виде диалекта болгарского языка, в XIV—XV вв. постепенно превращался в самостоятельный язык»⁹⁸.

Большой вклад в установление языковой принадлежности чувашей Казанского края внесен лингвистами, вступившими в полемику с татарскими учеными — сторонниками болгарского этногенеза татарского языка и народа. Б.А. Серебренников⁹⁹ и Н.А. Андреев¹⁰⁰ склонялись к мнению, что

чувацкий язык сформировался в результате видоизменения языка камских болгар под влиянием языка местных финно-угорских, главным образом марийских, племен, проживавших на территории северных и восточных районов Чувашии и северо-западной части Татарстана. Основой татарского языка Б.А. Серебренников обоснованно считал тюркский язык кыпчакского типа. И.Д. Кузнецов находил чувашский язык языком волжских болгар, причем «языком не только разговорным, но и письменным, счетоводным»¹⁰¹.

Основываясь на комплексном анализе многочисленных источников, В.Ф. Каховский утверждал, что в Казанском ханстве «из трудового населения кыпчакский язык восприняли прежде всего те, кто исповедовал ислам; болгарское население левобережья постепенно отатаривалось». Различия в диалектах чувашского языка автор объяснял особенностями языка предков чувашей — болгар (окающий говор) и сувар (укающий говор)¹⁰².

Подробный анализ топонимических и антропонимических материалов Казанского уезда позволил языковедам Г.Ф. Саттарову¹⁰³ и М.И. Скворцову¹⁰⁴ сделать вывод о возможности их истолкования исключительно на чувашской базе. Данный факт, по мнению ученых, свидетельствует о сохранении частью болгарского населения, именуемой в XVI — середине XVII в. «ясачными чувашами», языка чувашского типа.

По версии М.И. Ахметзянова, основанной исключительно на данных эпиграфических памятников, основная масса болгар бывшего Булгарского улуса в языковом отношении отатарилась уже к началу XV в., но с оговоркой, «что до начала XVIII столетия они ещё не совсем потеряли свой язык»¹⁰⁵. Выступая с критикой взглядов Г.Ф. Саттарова и привлекая косвенные источники, Д.М. Исхаков «с некоторой долей осторожности» отнес «ясачных чувашей» XVI в. к татароязычному населению Казанского края¹⁰⁶. С доводами Д.М. Исхакова не согласился знаток татарского и чувашского языкового материала Н.И. Егоров, подчеркнувший чувашскую языковую принадлежность чувашей Казанского ханства и отнесший окончательный переход «ясачных чувашей» левобережья Волги на татарский язык к началу XVIII в.¹⁰⁷

1.5. Численность и территория проживания чувашского населения Казанского края в XV—XVII вв.

Из всех заявленных аспектов проблемы «ясачных чувашей» наиболее сложным для научного разрешения и обоснования является вопрос о численности татарского и чувашского населения, проживавшего в составе Казанского ханства. Исследователи дореволюционного периода практически его не затрагивали. Различные мнения представлены в работах советских исследователей. По мнению татарского историка 1920-х гг. Г.С. Губайдуллина, основную массу населения ханства составляли тюрки-татары, пришедшие из Золотой Орды¹⁰⁸. Н.Ф. Калинин основным населением ханства называл происшедших от болгар казанских татар¹⁰⁹. М.Н. Тихомиров, напротив, считал татарское население Казанского ханства немногочис-

ленным и компактно проживавшим в его центральной части. Чувашей же, проживавших на территории ханства в середине XVI в., историк причислял к крупным по численности народам¹¹⁰.

Исследования В.Д. Димитриева¹¹¹ и И.Д. Кузнецова¹¹² были направлены на доказательство положения о численном превосходстве чувашей над татарами, имевшем место на территории Казанского ханства в XIV—XV вв. По подсчетам В.Д. Димитриева, в первой половине XVI в. в ханстве татары составляли 20 % населения, чувашаи — 50 %, марийцы, удмурты и представители других народностей — 30 %¹¹³. Особенно интенсивный рост численности татар за счет ассимиляции чувашского населения, по его мнению, происходил во второй половине XVI—XVII в., так как отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста против эксплуатации русских феодалов¹¹⁴.

На современном этапе изучения проблемы данные взгляды получили развитие в трудах В.П. Иванова, утверждающего, что «первоначально кыпчак-татар на территории Казанского ханства было немного, и они не преобладали»¹¹⁵. Увеличение численности татарского населения к середине XVI в. автор объясняет двумя факторами: 1) притоком представителей тюркоязычных групп, 2) ассимиляцией болгар-мусульман и позже болгар-язычников, то есть чувашей. По приблизительным подсчетам автора, численность чувашей к первой половине XVI в. могла составлять 90—120 тыс. чел.¹¹⁶

Противоположных взглядов придерживался Е.И. Чернышев, который, отвергая тезис о росте численности татар в XVI—XVII вв. за счет ассимиляции проживавших на левобережье Волги чувашей, утверждал, что в самом центре этнической территории казанских татар чувашей никак не могло быть больше, чем татар¹¹⁷. Вероятно, исходя из этого положения И.Р. Тагировым без указания источников и необходимого обоснования приведены данные о том, что численность населения ханства составляла около 2,5 млн чел., из них собственно татар было не более 1 млн чел.¹¹⁸ По подсчетам сторонника тезиса о численном преобладании татар Д.М. Исхакова, к середине XVI в. численность татар в Казанском ханстве составляла от 120 тыс. до 160 тыс. (медиана — 140 тыс.)¹¹⁹, а чувашей, по предположению Б.Л. Хамидуллина, насчитывалось около 80 тыс.¹²⁰

Благодаря недавней публикации источника 1635 г., характеризующего этнический состав коренного населения Казанского ханства, новые сведения о численности чувашского населения Казанского края в первой половине XVII в. были привлечены Ю.М. Юсуповым¹²¹. Исходя из расчета 1 дом (семья) — 5 чел., автор приводит данные о проживании на территории бывшего Казанского ханства более 400 тыс. чел., 1/4 часть которых составляли ясачные чувашаи. При этом «татар» в источнике не встречается вовсе¹²².

В литературе представлены различные взгляды о территории проживания чувашского населения в составе Казанского ханства. Ш. Марджани чувашей отнес к народам, проживавшим на периферии Казанского края¹²³.

Придерживаясь его концепции, А.Х. Халиков территорией расселения «черемис» (марийцев и чувашей) считал лишь окраинные земли ханства — северные заказанские районы и волжское правобережье¹²⁴. Т.Г. Гусев и М.Н. Тихомиров полагали, что чувашаи всегда жили только на современной территории Чувашии¹²⁵.

Факты обитания чувашей на левобережье Волги задолго до взятия Казани приведены Г.И. Перетятковичем¹²⁶. Мнение о том, что основные черты чувашской народности сформировались в составе Волжской Булгарии как на правобережье, так и на левобережье Волги разделяли В.Д. Димитриев¹²⁷, И.Д. Кузнецов¹²⁸, П.В. Денисов¹²⁹. В 1980-х гг. к ним присоединились Н.И. Егоров, В.П. Иванов, Б.В. Каховский, В.Г. Родионов, М.Р. Федотов¹³⁰. В.Ф. Каховский, очерчивая территорию расселения чувашей в середине XVI в., помимо правобережья Волги относил к ней и земли к западу от Свияги, где «ныне обитает татарское население — потомки отатарившихся чувашей»¹³¹.

Наиболее четко позиция чувашских исследователей по вопросу ареала расселения булгаро-чувашей в середине XVI в. изложена в многочисленных трудах В.П. Иванова¹³². Ученым выделены две области их компактного проживания: 1) центральные и северные районы современной Чувашской Республики, 2) земли к востоку от Казани вплоть до р. Вятка, входившие в состав «Чувашской даруги» Казанского уезда. Позиция современных татарских и башкирских исследователей по этому вопросу сходна: в XV—XVII вв. основная масса «ясачных чувашей» была расселена на территории Казанского и Свияжского уездов, то есть в центральной части бывшего Казанского ханства и на правобережье Волги¹³³. По мнению Д.М. Исхакова, «в Свияжском уезде наряду с интересующей нас группой имелись и этнические чувашаи»¹³⁴.

2. АРГУМЕНТЫ НА ЧАШАХ ВЕСОВ

Анализ историографии поставленной проблемы позволяет выделить три основные версии, трактующие содержание термина «ясачные чувашаи», которые вкратце можно сформулировать в виде следующих тезисов: 1) «ясачные чувашаи» — этноним, 2) «ясачные чувашаи» — соционим, и 3) «ясачные чувашаи» — конфессионим.

2.1. «Ясачные чувашаи» — этноним

В рамках первой из названных версий ее сторонниками (В.Д. Димитриевым, О.Н. Петровой, В.П. Ивановым) выдвинуты положения, каждое из которых обосновано группой аргументов. Рассмотрим все имеющиеся «за» в намеченном порядке.

Положение 1. Упоминаемые в русских источниках XVI — середины XVII в. «ясачные чувашаи» Казанского уезда являлись этническими чувашами, то есть данный термин является этнонимом.

Доводы:

1. Сам факт употребления в писцовых книгах второй половины XVI — начала XVII в. наименований «ясачные чувашы»¹³⁵.

2. Топонимы селений «ясачных чувашей» Казанского уезда — чувашские.

3. Многие селения ясачных чувашей Казанского уезда, сохранив свои прежние названия, переселились в XVII в. в Нижнее Закамье и до настоящего времени являются чувашскими.

4. В районах Татарстана, населенных в период Казанского ханства «чувашами», записаны легенды, идентичные чувашским преданиям.

Положение 2. В Казанском ханстве ясачным населением являлись подчиненные татарам народы (чувашы, марийцы, удмурты, восточная мордва, западные башкиры). Казанские татары составляли замкнутую категорию свободной социально-политической элиты, ясачных татар в ханстве не было.

Довод: многочисленную группу ясачного населения, проживавшего на левобережье Волги, ранее названные письменные источники именуют «ясачными чувашами», используя это понятие наряду с терминами «ясачные черемисы» (марийцы) и «ясачные вотяки» (удмурты)¹³⁶. Термин «ясачные татары» появляется в источниках лишь со второй половины XVII в.¹³⁷

Положение 3. До середины XVI в. основная масса чувашского населения ханства сохраняла язык чувашского типа.

Довод: названия многих деревень центральной части Казанского уезда этимологизируются на основе чувашского языка¹³⁸.

Положение 4. На территории Казанского ханства татарское население численно не преобладало. Постепенное увеличение численности татар связано с процессом отатаривания подчиненных народов. Значительная часть левобережных чувашей и чувашей в районе устья р. Свияга была отатарена за период с середины XV до XVIII в. Только с XVII в. отатаренные ясачные чувашы стали называться «ясачными татарами».

Доводы:

1. Согласно писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг., на левобережной части Казанского ханства насчитывалось не менее 200 чувашских деревень — больше, чем татарских¹³⁹. Во второй половине XVII в. данные чувашские селения считались уже татарскими.

2. Об ассимиляции чувашского населения в составе Казанского ханства говорит тот факт, что отатаренных булгаро-чувашей удмурты продолжали называть бигерами (булгарами), луговые мари — суасами (чувашами)¹⁴⁰.

3. Анализ демографических сведений о численности чувашей и татар в XVIII—XIX вв. позволяет утверждать, что основной причиной замедления роста численности чувашей являлась их ассимиляция татарами путем исламизации¹⁴¹. Эти данные косвенно свидетельствуют о протекании процесса отатаривания и в период существования Казанского ханства.

Вывод: «Ясачные чувашы» левобережья Казанского края, упоминаемые в источниках XVI—XVII вв. — этнические чувашы, отатаривание которых продолжалось вплоть до XVIII в.

В несколько ином виде предстает этот вывод в трактовке башкирских историков (Ю.М. Юсупов и др.): под левобережными «ясачными чувашами» они понимают этнических чувашей-мусульман — предков казанских татар, подвергшихся в XV—XVI вв. экспансии со стороны кочевых тюркомонгольских племен, в том числе башкирских. Ученые убеждены, что «этнофолизм “татары” прижился в качестве самоназвания казанских мусульман» не ранее конца XIX в., поэтому тезис об «отатаривании» чувашей следует заменить на тезис об их «тюркизации»¹⁴².

2.2. «Ясачные чувашаи» — соционим

Основной тезис сторонников социального содержания термина (Е.И. Чернышев, И.П. Ермолаев, Д.М. Исхаков, А. Каппелер), причисляющих основную массу «ясачных чувашей» к этническим татарам — представителям тяглого населения, можно разложить на четыре утверждения, объединенные в одну логическую цепь.

Положение 1. Термин «ясачные чувашаи» в письменных источниках XVI—XVII вв. не имел этнического значения, а являлся социальным понятием, обозначавшим ясачное население Казанского края в целом.

Доводы:

1. Социальную верхушку Казанского ханства составили представители золотоордынской феодальной знати, в связи с этим булгары, являвшиеся одним из этнических компонентов казанских татар, оказались в подчиненном положении. Следовательно, «вряд ли можно говорить об отсутствии в XV—XVI вв. среди казанских татар представителей феодально-зависимого класса»¹⁴³.

2. Нет свидетельств того, что русская администрация, составляя писцовые и переписные книги, при определении этнической принадлежности ясачного населения Среднего Поволжья учитывала этническое самосознание.

3. Отождествление этнических реальностей XVI — середины XVII в., отражением которых могли быть этнонимы русских источников, и народов, границы которых очерчиваются в Поволжье позднее, не является правомерным. Так, этноним «черемисы» употреблялся в документах не только по отношению к марийцам, но и для обозначения части чувашского населения¹⁴⁴.

4. При отнесении «ясачных чувашей» к этническим чувашам завершение формирования этноса казанских татар следует отнести к концу XVII в. «Данный вывод по отношению к этносу, создавшему свое феодальное государство с развитой социальной стратификацией, представляется необоснованным»¹⁴⁵.

5. Поскольку названия селений могли сохраниться и после частичной или полной смены первоначального этнического облика населения, давшего эти названия, а точная датировка появления указанных топонимов болгарского (чувашского) типа невозможна, прямое связывание их появ-

ления с «ясачными чувашами» «вряд ли правомерно» и «не выходит за рамки предположения»¹⁴⁶.

6. Среди личных имен, входивших в группу «ясачных чувашей», доминируют имена, которые сложились по лексическим и фонетическим законам татарского языка¹⁴⁷.

7. Слово «šüäš» (отсюда — чуваш) могло означать «крестьянин, земледелец»¹⁴⁸. Учитывая общность хозяйственных занятий населения центральной части Казанского ханства и правобережья Волги, этим термином могли называть как чувашей, так и часть казанских татар.

Положение 2. Хотя численность группы «ясачных чувашей» намного превышала численность группы «служилых татар», в Казанском уезде, являвшемся центром этнической территории казанских татар, чувашаи не имели численного превосходства над татарами.

Довод: анализ изменения численности татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII—XIX вв. показывает, что его прирост можно считать близким к естественному и почти совпадающим с общероссийскими показателями. Таким образом, изучение этностатистических источников для реконструкции демографической ситуации в XVI—XVII вв. «никаких заметных скачков в численности татар в период между XVI—XVII и XVIII вв. не обнаруживает»¹⁴⁹, что противоречит утверждению о резком увеличении численности татар к XVIII в. за счет массового отатаривания «ясачных чувашей» Казанского уезда.

Положение 3. «Ясачные чувашаи» Казанского края в XVI—XVII вв. исповедовали ислам.

Доводы:

1. В писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг. рядом с селениями «ясачных чувашей» упоминаются татарские кладбища¹⁵⁰. Кроме того, документом от 1673 г. зафиксирован следующий факт: «ясачная татара» д. Ачей Зюрейской даруги Казанского уезда схоронила «мертвых чувашу», учинив «татарские мазары» (мусульманское кладбище)¹⁵¹.

2. В актовых материалах XVII в. встречаются упоминания случаев присяги «татар и чувашей» «по их вере и шерти»¹⁵². Такая форма присяги использовалась по отношению к мусульманам.

3. По отношению к нукратским «чувашам» применялся термин «агаряне», обозначавший в русских источниках мусульман¹⁵³.

Положение 4. Уже начиная с XVI в. «ясачные чувашаи» говорили на татарском языке кыпчакского типа.

Доводы:

1. Язык эпиграфических памятников XV—XVII вв., расположенных на территории Казанского ханства, относится к кыпчакскому, а не чувашскому типу¹⁵⁴.

2. В документе 1644 г. зафиксирован случай, когда служилые татары переводили русской администрации речь «ясачных чувашей»¹⁵⁵, из чего следует, что «татары» понимали язык «чувашей».

3. В сочинении А.М. Курбского второй половины XVI в. чувашский «язык» (народ) локализован на правобережье Волги¹⁵⁶.

4. О татароязычности нукратских «чувашей» может свидетельствовать именование их в некоторых жалованных грамотах «татарами»¹⁵⁷.

5. Упомянутые в источниках начала XVII в. «чувашаи», переименованные в середине этого же столетия в «татар», не могли поменять язык за 30—40 лет¹⁵⁸.

Вывод: «Ясачные чувашаи» XVI—XVII вв. — этнословная группа, локализованная на основной этнической территории казанских татар, исповедовавшая ислам и говорившая на татарском языке¹⁵⁹. Современными татарскими исследователями признано, что «под этим наименованием в документах того времени фигурировала и часть чувашского этноса»¹⁶⁰.

2.3. «Ясачные чувашаи» — конфессионим

В недавних исследованиях Н.И. Егорова было предложено несколько отличное от вышеназванных толкование термина «ясачные чувашаи», базирующееся на разделении болгарского населения Казанского ханства по конфессиональному признаку на «бесермян» — мусульман и «чувашей» — язычников¹⁶¹.

Положение 1. «Государствообразующий этнос» в Казанском ханстве состоял из двух этносов: татарских феодалов, имевших золотоордынско-кыпчакские корни, и болгарского населения, численно их намного превосходившего¹⁶².

Положение 2. В первую очередь отатарилась мусульманская часть болгар («бесермены»), окончательная ассимиляция заказанских и арских «чувашей» в среде татар относится ко второй половине XVII в.

Довод: более раннее, в сравнении с термином «ясачные чувашаи», исчезновение со страниц русских источников «бесермен», упоминаемых до конца XV в.

Положение 3. Левобережная группа болгаро-чувашей, упоминаемая в источниках XVI—XVII вв. под именем «ясачные чувашаи», в основной своей массе сохраняла языческие верования.

Довод: «этноним “чуваш” (чув. *чӱваш*) сформировался в татарском языке на базе собственно чувашского конфессионима *çӱваç* “язычник”»¹⁶³.

Положение 4. Булгаро-чувашское население второй половины XV — первой половины XVI в. не успело полностью перейти на татарский язык.

Доводы:

1. Формирование татарского языка началось только с образованием Казанского ханства в связи с притоком на его территорию золотоордынско-кыпчакского населения.

2. Татарский язык занимает промежуточное положение между стандартными тюркскими и чувашским языками, обусловленное его формированием на основе «булгаро-чувашского» субстрата, который «перетянул» татарский вокализм на свою сторону¹⁶⁴. Поэтому переход «ясачных

чувашей» с чувашского на татарский язык за 30—40 лет вполне возможен.

Вывод: «Ясачные чувашаи» XVI—XVII вв. — этноконфессиональная группа единого постзолотоордынского болгарского этноса.

2.4. Оценка положений и доводов сторон

Подводя некоторые итоги, отметим, что современные ученые едины во мнении, что представители многочисленной группы, именуемой в документах второй половины XVI—XVII вв. «ясачными чувашами», являлись феодально-зависимым населением Казанского края, так называемым «черным людом», жившим общинами и платившим ясак и подати. Общим для татарских и чувашских исследователей является представление об ареале расселения «ясачных чувашей»: данное население в основной своей массе проживало в центральной части Казанского ханства и на правобережье Волги, а после присоединения к Русскому государству и изменения административно-территориального деления — на территории Казанского и Свияжского уездов.

Различие точек зрения современных татарских и чувашских исследователей по данной проблеме заключается, главным образом, в разном понимании того, кем по этнической принадлежности являлись упоминаемые в источниках более позднего периода «ясачные чувашаи» во времена существования Казанского ханства. Большинство чувашских и башкирских ученых придерживается мнения, что данное название являлось этнонимом, их татарские коллеги считают, что понятием «чуваш» русской администрацией обозначалось тяглое нерусское население местного происхождения, включавшее собственно чувашей, а также татар, мари и мордву. Подвергнем анализу слабые и сильные стороны озвученных точек зрения.

Безусловным преимуществом сторонников точки зрения «ясачные чувашаи — этноним» является аргумент об отсутствии в источниках XVI — первой половины XVII в., исходящих как от русской администрации, так и от жителей бывшего Казанского ханства, термина «ясачные татары». Возможны два толкования этого факта: первый — татары были столь немногочисленным населением ханства, что их присутствие не получило отражения в документах, второй — татары скрыты под другим этнонимом. До настоящего момента не получил опровержения весомый аргумент о том, что селения ясачных чувашей Казанского уезда, переселившиеся в XVII в. в Нижнее Закамье, сохранили свои прежние названия и до настоящего времени являются чувашскими.

«Сильной стороной» приверженцев тезиса «ясачные чувашаи — соционим» является «слабая сторона» их оппонентов: некоторые факты свидетельствуют о татароязычности если не всей, то некоторой части левобережных «ясачных чувашей» и исповедовании ими ислама. Несомненно то, что начиная с XV в. язык эпитафий на памятниках Казанского ханства относится к кыпчакскому типу, а сама традиция установления

эпиграфических памятников связана с распространением мусульманской религии.

Точка зрения о конфессиональном значении термина «ясачные чуваш» в целом базируется на доказательствах, озвученных чувашскими исследователями ранее. Однако зыбкость этой версии, на наш взгляд, состоит в том, что главный ее аргумент — утверждение о формировании в татарском языке этнонима «чуваш» на базе чувашского конфессионализма *сйваç* «язычник» — не является бесспорным и вызывает сомнения¹⁶⁵.

Относительно дискуссии о численности татар и чувашей, обусловленной обоснованием тезиса об «отатаривании» чувашского населения в XV—XVI вв. и последующих столетиях, отметим следующее: исследования казанских ученых базируются на анализе динамики численности исключительно татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII—XIX вв. в сопоставлении с усредненными общероссийскими показателями, в то время как чувашскими исследователями и В.М. Кабузаном изменение численности татар и чувашей прослежено в сравнении с соседними народами (марийцами, мордвой, русскими), проживавшими в Среднем и Нижнем Поволжье, Южном и Северном Приуралье в сходных социально-экономических и природных условиях. Исходя из принципа комплексности изучения объекта картина, представленная в результате анализа численности всех народностей Среднего Поволжья, включая чувашей, на наш взгляд, является более полной и достоверной, чем выводы, основанные преимущественно на данных о численности средневожско-приуральских татар.

На наш взгляд, в свете последних публикаций, обосновывающих принятие имени «татары» поволжскими мусульманами не ранее конца XIX — начала XX в.¹⁶⁶, требует пересмотра вопрос об оправданности использования термина «отатаривание» применительно к чувашскому населению Казанского края XV—XVIII вв. и более резонном использовании термина «тюркизация».

Приведенные в пользу изложенных точек зрения аргументы, несмотря на имеющиеся в них противоречия и многовариантность толкования, бесспорно, свидетельствуют об общности болгарского наследия для чувашского и татарского народов. Данное положение должно стать лейтмотивом дальнейшего исследования проблемы «ясачных чувашей».

2.5. Перспективы изучения проблемы «ясачных чувашей»

Изучение историографии и анализ имеющихся точек зрения на проблему «ясачных чувашей» Казанского края позволяют выявить имеющиеся лакуны и возможные перспективные направления для дальнейшей разработки этой дискуссионной темы.

В условиях крайней скудости исторических источников по затронутой проблеме необходимо расширение источниковой базы исследования, возможное несколькими путями. Во-первых, это выявление и привлечение

ранее не опубликованных материалов XVI—XVII вв., относящихся к истории Казанского края, в отечественных архивах и архивах других государств, налаживание с этой целью сотрудничества с отечественными и зарубежными исследователями. Не все возможности в данном направлении исчерпаны. Так, совсем недавно башкирским историком А.Г. Салиховым был опубликован уникальный дипломатический документ первой половины XVII в., хранящийся в Стамбульском архиве и обнаруженный еще в 1970-х гг. турецким историком Акдесом Нигметом Куратом¹⁶⁷. Кроме того, необходимо выявить и привлечь письменные источники XVIII—XIX вв., содержащие сведения о населении Казанского края более раннего периода.

Во-вторых, ввиду утраты основной массы письменных документов особое значение приобретает дальнейшее изучение языковых памятников — от различных бытовых понятий, названий населенных пунктов и юридических терминов до многочисленных исторических преданий, содержащих богатый фактический материал по средневековой истории чувашского и татарского народов.

В-третьих, по-прежнему не теряют своей значимости для изучения поставленной проблемы этнографические материалы, которые «могут вскрыть некоторые стороны старой культуры, ныне уже забытые, затемненные или утраченные»¹⁶⁸.

В-четвертых, для уяснения распространения и интенсивности различных культур на территории Казанского края необходимо широко привлечь итоги археологических изысканий, относящихся к золотоордынскому и казанскоханскому периодам. В частности, большой интерес представляет сопоставление уже имеющихся результатов исследования археологических памятников на территории Чувашии¹⁶⁹ и Татарстана¹⁷⁰. Актуальным для научного сообщества остается призыв казанского археолога А.А. Бурханова «обратить внимание и на перспективы археологических исследований памятников эпохи Казанского ханства в ближайшие годы. Для этого нужно принять специальную программу по изучению памятников указанного времени и необходимо создать группу специалистов по изучению памятников периодов Улуса Джучи и Казанского ханства не только в отдельных регионах республики, а в целом Татарстане, но и за его пределами»¹⁷¹.

Основными задачами исследования проблемы «ясачных чувашей» на базе достоверных и недостаточно использованных источников, на наш взгляд, являются: 1) уточнение территории проживания татарского и чувашского населения Казанского и Свияжского уездов во второй половине XVI—XVIII в. с составлением подробных (насколько это возможно) карт, отражающих изменения в их расселении; 2) определение приблизительной динамики численности чувашского этноса и его доли среди всего населения Казанского края с середины XVI в. по XVIII в.; 3) объяснение и аргументация положения о завершении формирования современной чувашской народности к началу XVI в., а татарской народности — к концу XVII в.; 4) выяснение языковой ситуации и прослеживание

этноязыковых контактов на территории Казанского края в XV—XVIII вв.; 5) исследование процесса мусульманизации чувашей и населения Среднего Поволжья в целом в XV—XVIII вв.; 6) характеристика хозяйственных занятий, социально-экономического и политико-правового положения чувашского населения Казанского ханства и «ясачных чувашей» в составе Русского государства; 7) обоснование применения наименования «предки казанских татар» к чувашскому населению левобережья Волги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Среднего Поволжья соткана из периодов тесного взаимодействия проживающих здесь этносов — казанских татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, башкир. В этих условиях при изучении прошлого отдельно взятого народа наиболее оправданным является подход, учитывающий существовавшие в то или иное время межконфессиональные и межъязыковые взаимосвязи. Иногда такие контакты сопровождались сменой веры частью населения и ее переходом на другой язык, что приводило к кардинальным изменениям в образе жизни и быте и, как итог, — смене этнической идентификации. На наш взгляд, учет этнокультурных взаимовлияний необходим и при рассмотрении проблемы «ясачных чувашей» левобережья Казанского края.

Если происходившее в XVIII—XIX вв. в условиях совместной жизни стирание этнических границ между чувашами и татарами прослеживается документально¹⁷², то реконструкция этого процесса в более ранние периоды формирования этносов основана лишь на косвенных признаках. Данное обстоятельство породило многолетние дискуссии, результатом которых стало вынесение на первый план этнических, языковых, религиозных и бытовых различий татар и чувашей. «Центробежные» тенденции в изучении проблемы «ясачных чувашей», характерные для XX в., сменились более конструктивным диалогом между исследователями XXI в. Осознание того, что в реальной жизни истина всегда находится посередине между полярными точками зрения, позволило современным ученым частично освободиться от прежних идеологических штампов в трактовке имеющегося «арсенала» фактов. В итоге позиции татарских и чувашских исследователей по некоторым аспектам поставленной проблемы сблизились, а также появились научные работы, в равной степени учитывающие аргументацию сторонников тезисов «ясачные чуваше» — этноним» и «ясачные чуваше» — соционим»¹⁷³.

Признание того факта, что «булгарское наследие для чувашей и татар является таким же общим достоянием, как Киевская Русь для русского, украинского и белорусского народов»¹⁷⁴, в перспективе должно быть дополнено подробным изучением этнических составляющих, определивших уникальность и своеобразие каждого из этносов. Каково соотношение булгаро-чувашского и золотоордынского-кыпчакского компонентов в формировании татарской и чувашской народностей? С каких

пор казанские чуваша стали именовать себя татарами? Разрешение этих и других вопросов способствует раскрытию загадки «ясачных чувашей» Казанского края.

Литература и источники

¹ *Шнирельман В.А.* Национальные символы, этноисторические мифы и политика. URL: <http://tatar-history.narod.ru/shnir.htm> (дата обращения: 28.10.2014).

² *Воробьев И.И.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 66—78; *Закиев М.З.* Происхождение тюрков и татар. М.: Инсан, 2002. 496 с.; *Шнирельман В.А.* Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. Вып. 5 (37). С. 62—73; *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 22—30.

³ *Милюков К.С.* О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27. № 9. С. 47—67; № 10. С. 120—139; № 11. С. 210—232.

⁴ *Михайлов С.М.* Собр. соч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 144—145.

⁵ *Юркин И.Н.* Служилые татары из чуваш // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2. Инв. № 2—6. 51 с.

⁶ *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1905. 102 с.

⁷ *Фирсов Н.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: В универ. тип., 1866. 261 + VII с.

⁸ *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI века: очерки по истории края и его колонизации. М.: Тип. Грачева и К°, 1877. С. 115—230.

⁹ *Пинегин М.* Казань в ее прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с прил. крат. адрес. сведений. СПб.: Тип. А.А. Дубровина, 1890. С. 25—130.

¹⁰ *Мәржани Ш.* Мостэфадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. Переиздание монографии 1885 г. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 415 б.

¹¹ *Халиков А.Х.* История формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза татароязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7—30.

¹² *Воробьев Н.И.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 66—78; Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. 538 с.

¹³ *Третьяков П.Н.* Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. 1950. № 3. С. 44—53.

¹⁴ *Паньков И.П.* История чувашского народа (с древнейших времен до конца XVIII века): рукопись. Калинин, 1949. Отд. II. Ед. хр. 284. Инв. № 687. 145 с.; *Его же.* История чувашского народа (с древнейших времен до конца XVIII в.). Рукопись. Калинин, 1950. Отд. II. Ед. хр. 235. Инв. № 792. 472 с.; *Его же.* Чуваша под властью Золотой Орды и Казанского ханства. Рукопись. Калинин, 1952. Отд. II. Ед. хр. 262. Инв. № 646. 57 с.; *Его же.* Чуваша в составе Казанского ханства // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 95—103.

¹⁵ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 96—118.

¹⁶ *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении чувашской народности // О происхождении чувашского народа. С. 119—126.

¹⁷ *Димитриев В.Д.* Чуваша в составе Казанского ханства // История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 53—58; *Его же.* Чуваша в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.

¹⁸ *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1963. С. 170—183.

¹⁹ *Ермолаев И.П.* Писцовая книга Ивана Болотина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Публикация текста / сост. Р.Н. Степанов; под ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 5—31.

²⁰ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 25—39.

²¹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

²² Болгары и чувашаи: сб. статей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1984. 160 с.

²³ *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа: научный очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 88 с.

²⁴ *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.

²⁵ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному: доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2012 год. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 31.

²⁶ *Бахтин А.Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. С. 199.

²⁷ *Юсупов Ю.М.* Волго-Уральская историко-этнографическая общность и динамика этнических процессов в рамках политической системы джучидов (предварительное сообщение) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы междунар. конф., г. Курган, 22—23 апреля 2011 г. Курган: КГУ, 2011. С. 24—29; История башкирских родов. Т. 2: Гирей / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин, Р.Р. Шахеев, Р.М. Рыскулов, А.Я. Гумерова, Г.Ю. Галеева, Г.Д. Султанова. Уфа: АОНБ ЦИИИ «ШЕЖЕРЕ», 2014. С. 61—74.

²⁸ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. С. 96—118.

²⁹ *Тихомиров М.Н.* Бесермяны в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 50—57. (Труды Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР; вып. 7).

³⁰ *Тепляшина Т.И.* О смешении терминов «чувашаи» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. Вып. 40. С. 177—187; *Ее же.* Этноним «бесермяне» // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 177—188; *Ее же.* Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

³¹ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 3—42.

³² *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С.16—38; *Его же.* О происхождении «арских князей» и их место в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: проблемы истории и культуры: Материалы конференции. Казань: Заман, 1995. Вып. 1. С. 95—98; *Его же.* Арские князья и нукратские татары: (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социальной структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Фэн, 2010. 224 с.

³³ *Милькович К.С.* Указ соч.

³⁴ *Перетякович Г.* Указ. соч. С. 115—230.

³⁵ *Фирсов Н.* Указ. соч.

³⁶ *Перетякович Г.* Указ. соч. С. 115—230.

³⁷ *Фирсов Н.* Указ. соч.

³⁸ *Перетякович Г.* Указ. соч. С. 115—230.

³⁹ *Фирсов Н.* Указ. соч. С. 17.

⁴⁰ *Спасский Н.А.* Очерки по родоноведению: Казанская губерния. Казань: Типо-литогр. Императ. ун-та, 1910. 165 с.

⁴¹ *Пинегин М.Н.* Указ. соч.

⁴² *Никольский Н.В.* Указ. соч.

⁴³ *Худяков М.Г.* Казань в XV—XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани в 1565—68 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. VII—XXV.

⁴⁴ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2. С. 71—111.

⁴⁵ *Исхаки Г.* Идель-Урал. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 49 с.

⁴⁶ *Петров Д.П.* 1905-мѣш сүл. Чăвашем хушшинче пулнă ёссене асăнни [1905-й год. Воспоминания о событиях среди чувашей]. Чебоксары: Чувашиздат, 1925. С. 5—21; *Его же.* Чувашаи: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 10—22.

⁴⁷ Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 93—106.

⁴⁸ Мавродин В.В. Русское многонациональное государство и финно-угорские народы // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Л., 1948. Вып. 2. С. 33—46.

⁴⁹ Гусев Т.Г. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1950. Вып. 4. С. 50—81.

⁵⁰ Калинин Н.Ф. Казанское ханство (XV—XVI вв.) // История Татарской АССР: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Н.И. Воробьева [и др.]. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 100—147.

⁵¹ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI в.): репр. воспр. канд. дис. Казань: Ихлас: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с.; *Его же*. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань: Гос. музей ТАССР, 1958. 27 с.; *Его же*. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. С. 89—122; *Его же*. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Ученые записки КГУ. Казань, 1962. Т. 122, Кн. 2. С. 143—169; Казанское ханство // Очерки истории распространения исламской цивилизации. В 2 т. М.: РОСПЭН, 2002. Т. 2. С. 144—151.

⁵² Паньков И.П. Указ. соч.

⁵³ Димитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 107—115; *Его же*. К вопросу о ясаке в Среднем Поволжье // Ученые записки. Вып. 16. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. С. 278—293.

⁵⁴ Воробьев Н.И. Краткий очерк истории формирования народа, его культуры и быта // Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1: Материальная культура. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. С. 25—62.

⁵⁵ Димитриев В.Д. Чувашия в составе Казанского ханства // История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 1. С. 53—58; *Его же*. Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI — начале XVII века // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1981. С. 3—19.

⁵⁶ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.

⁵⁷ Чернышев Е.И. Указ. соч.

⁵⁸ Ермолаев И.П. Указ. соч.

⁵⁹ Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Право. История. Филология: сб. аспирант. работ КГУ. Казань, 1964. С. 52—70; *Его же*. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Вторая научная конференция молодых ученых города Казани, 27—28 марта 1964 г.: сб. науч. работ, Казань, 1966. С. 94—110.

⁶⁰ Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. 116 с.; Галлямов Р.Ф. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство. С. 280—316.

⁶¹ Каппелер А. Как классифицировали русские источники XVI — середины XIX в. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии: (на примере Волго-Уральского региона XVIII—XXI вв.). Н. Новгород: Изд-во НЛГУ, 2012. С. 13—39.

⁶² Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV—XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 597 с.; *Его же*. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 252 с.

⁶³ История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61—74.

⁶⁴ Милькович К.С. Указ. соч.

⁶⁵ Михайлов С.М. Указ. соч. С. 144—145.

⁶⁶ Юркин И.Н. Указ. соч.

⁶⁷ Михайлов С.М. Указ. соч. С. 144—145.

⁶⁸ Юркин И.Н. Указ. соч.

⁶⁹ Фирсов Н. Указ. соч.

⁷⁰ Перетяткович Г. Указ. соч. С. 115—230.

⁷¹ Мәржани Ш. Указ. соч.

⁷² Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.

⁷³ Магницкий В.К. Нечто о чувашах, татарах и мишарях // Действия Нижегород. ГУАК. Н. Новгород, 1898. Т. 3. С. 37—50.

⁷⁴ *Никольский Н.В.* Народное образование у чуваш: ист. очерк. Казань: Центр. тип., 1906. 86 с.; *Его же.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках: ист. очерк // Казань: Типолитограф. Императ. ун-та, 1912. 416 с.

⁷⁵ *Комиссаров Г.И.* Чувашаи Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 27, вып. 5. Казань: Типолитограф. Императ. ун-та, 1911. С. 319—327.

⁷⁶ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Гос. изд-во, 1923. С. 139—196.

⁷⁷ *Петров Д.П.* Указ. соч.

⁷⁸ *Егоров В.Г.* Этногенез чувашей по данным языка // Советская этнография. 1950. № 3. С. 79—92.

⁷⁹ *Андреев Н.А.* Данные языка к вопросу о происхождении чуваш // О происхождении чувашского народа. С. 48—70.

⁸⁰ *Паньков И.П.* Указ. соч.

⁸¹ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 96—118.

⁸² *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении ...

⁸³ *Димитриев В.Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX века // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 47: История, этнография, социология. Чебоксары: ЧНИИ, 1969. С. 242—246; *Его же.* Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI — начале XVII века // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1981. С. 3—19.

⁸⁴ *Воробьев Н.И.* Краткий очерк истории формирования народа, его культуры и быта // Чувашаи: этнографическое исследование. Ч. 1. Материальная культура. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. С. 25—62.

⁸⁵ *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1: Чувашские коштаны до двадцатого века. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 26—154.

⁸⁶ *Воробьев Н.И.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 66—78.

⁸⁷ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 408 с.

⁸⁸ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.

⁸⁹ *Михайлов Е.П.* Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 3—23.

⁹⁰ *Халиков А.Х.* Указ. соч.

⁹¹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 90—91.

⁹² *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты. Чебоксары: Чувашия, 1997. 160 с.

⁹³ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ... С. 26—31.

⁹⁴ *История башкирских родов.* Т. 2: Гирей. С. 61—74.

⁹⁵ *Милькович К.С.* Указ. соч.

⁹⁶ Происхождение казанских татар: Материалы сессии отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казан. филиала АН СССР, 25—26 апреля 1946 г. в г. Москве (по стенограмме). Казань: Татгосиздат, 1948. С. 116—119.

⁹⁷ *Егоров В.Г.* Этногенез чувашей по данным языка // Советская этнография. 1950. № 3. С. 79—92.

⁹⁸ *Паньков И.П.* Указ. соч.

⁹⁹ *Серебренников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа: сб. ст. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. С. 28—47.

¹⁰⁰ *Андреев Н.А.* Данные языка к вопросу о происхождении чуваш // Там же. С. 48—70.

¹⁰¹ *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении ...

¹⁰² *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 378—458.

¹⁰³ *Саттаров Г.Ф.* Антропонимы Татарской АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. 282 с.

¹⁰⁴ *Скворцов М.И.* Чуваши́ский языковой материал в писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 годов // межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. И.А. Андреев. Чебоксары: ЧГУ, 1988. С. 89—101.

¹⁰⁵ *Әмәтҗанов М.И.* Болгар теленен язмышы (Эпиграфика материаллары буенча) // Татар археологиясы. Казан, 1998. № 1 (2). 99—120 б.; *Ахметзянов М.И.* Этноним чуваш в источниках по истории татар // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань, 2011. Вып. 2. С. 196—221.

¹⁰⁶ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 91.

¹⁰⁷ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ...

¹⁰⁸ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2. С. 71—111; *Газиз Г.* История татар. М.: Моск. лицей, 1994. 198 с.

¹⁰⁹ История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. 1. С. 46—147.

¹¹⁰ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч.

¹¹¹ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 96—118; *Его же.* Чувашия в составе Казанского ханства // История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 1. С. 53—58.

¹¹² *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении ...

¹¹³ *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству: К 450-летию вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. С. 32.

¹¹⁴ *Димитриев В.Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX веков // С. 242—246; *Его же.* Динамика численности чувашей в XVIII—XIX веках в сравнении с соседними народами // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары, 2004. С. 170—184.

¹¹⁵ *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа: научный очерк. С. 52.

¹¹⁶ *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 113.

¹¹⁷ *Чернышев Е.И.* Указ. соч.

¹¹⁸ *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 454 с.

¹¹⁹ *Исхаков Д.М.* Этнополитические и демографические процессы в XV—XX веках // Татары. М.: Наука, 2001. С. 136; *Его же.* Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 141—148.

¹²⁰ *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. С. 167.

¹²¹ *Салихов А.Г.* Онотологан тарих битгаре. Уфа: Гилем, 2003. С. 63, 64.

¹²² *Юсупов Ю.М.* Указ. соч.

¹²³ *Мәрҗани Ш.* Указ. соч.

¹²⁴ *Халиков А.Х.* История формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза татароязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7—30; *Его же.* Происхождение татар Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 160 с.; *Его же.* Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 224 с.; *Его же.* Кто мы — болгары или татары? Казань: Казан, 1992. 64 с.

¹²⁵ *Гусев Т.Г.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1950. Вып. 4. С. 57; *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV—XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 98—100.

¹²⁶ *Перетяткович Г.* Указ. соч. С. 115—230.

¹²⁷ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. С. 96—118.

¹²⁸ *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении чувашской народности // Там же. С. 119—126.

¹²⁹ *Денисов П.В.* Указ. соч.

¹³⁰ Болгары и чувашы: сб. статей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1984. 160 с.

¹³¹ *Каховский В.Ф.* Указ. соч. С. 378—458.

¹³² *Иванов В.П.* Формирование чувашской диаспоры: тезисы. Чебоксары: ЧГИГН, 1988. 12 с.; *Его же.* Общая характеристика исторической динамики расселения и численности чувашей // Чувашы Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 12—18; *Его же.* Расселение и численность чувашей: этногеографический очерк.

Чебоксары: Чуваш. респ. ин-т образования, 1992. 72 с.; *Его же*. Этническая история чувашей. Чебоксары: Чуваш. респ. ин-т образования, 1992. 68 с.; *Его же*. Этногенез и этногеография // Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИ, 1993. С. 12—77; *Его же*. Чувашский этнос: проблемы истории и этнографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.

¹³³ История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61—74.

¹³⁴ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 89—90.

¹³⁵ Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во Акад. наук, 1932. 208 с.; Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 240 с.

¹³⁶ Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во Акад. наук, 1932. 208 с.; Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 240 с.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 6447. Л. 404; Ед. хр. 6483. Л. 221—227.

¹³⁸ *Саттаров Г.Ф.* Антропонимы Татарской АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. 282 с.; *Скворцов М.И.* Чувашский языковой материал в писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 годов // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье: междуз. сб. науч. трудов / отв. ред. И.А. Андреев. Чебоксары: ЧГУ, 1988. С. 89—101.

¹³⁹ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. С. 39—204.

¹⁴⁰ *Димитриев В.Д.* Динамика численности чувашей в XVIII—XIX веках в сравнении с соседними народами // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары, 2004. С. 170.

¹⁴¹ *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М.: Наука, 1963. С. 72—74.

¹⁴² История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61—74.

¹⁴³ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 83.

¹⁴⁴ *Там же*. С. 81.

¹⁴⁵ *Там же*. С. 83.

¹⁴⁶ *Там же*. С. 86.

¹⁴⁷ *Ахметзянов М.И.* Указ. соч.

¹⁴⁸ *Ахметьянов Р.Г.* К значению слова чуваш (чюваш) в документах XVI—XVII веков: рукопись // Арх. журн. «Tatarica».

¹⁴⁹ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 25—39; *Его же*. От средневековых татар ... С. 82.

¹⁵⁰ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. С. 44, 53, 101.

¹⁵¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 134—135.

¹⁵² *Там же*. С. 19, 23.

¹⁵³ *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 16—38.

¹⁵⁴ *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 144—145, 154—157; *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники: Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. Вып. 6. С. 100.

¹⁵⁵ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 51.

¹⁵⁶ Сказания князя Курбского / под ред. Н.Г. Устрялова. СПб.: Тип. Императ. АН, 1868. С. 14.

¹⁵⁷ *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи ... С. 27.

¹⁵⁸ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 91.

¹⁵⁹ *Там же*.

¹⁶⁰ *Там же*. С. 93.

¹⁶¹ *Егоров Н.И., Егоров Э.Н.* Бесермяне и чувашы — этнонимы этноконфессионального происхождения // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. С. 146—158; *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ...

¹⁶² См. доводы к этому тезису в разделе 2.1.

¹⁶³ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ... С. 27.

¹⁶⁴ *Леонтьев А.П., Егоров Н.И.* Откуда мы? Куда идем? Беседы под древом познания. Чебоксары: Хыпар, 2012. Кн. 1. С. 355.

¹⁶⁵ *Димитриев В.Д.* Заключение // *Тафаев Г.И.* Фальсификация истории волжско-болгарской цивилизации. Чебоксары: Чувашия, 2013. С. 286.

¹⁶⁶ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций ... С. 31—36; История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61—74.

¹⁶⁷ *Салихов А.Г.* Указ. соч. С. 63, 64.

¹⁶⁸ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М: ИНСАН, 1991. С. 10.

¹⁶⁹ *Михайлов Е.П.* Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 3—23.

¹⁷⁰ *Бурханов А.А.* Некоторые итоги изучения памятников эпохи Казанского ханства // Ученые записки Татар. гос. гуманитар. ин-та. 1999. Вып. 7. С. 121—132.

¹⁷¹ *Бурханов А.А.* Некоторые итоги изучения памятников эпохи Казанского ханства (по материалам исследований Заказанской историко-археологической экспедиции в 1995—1999 гг.) // URL: <http://www.tataroved.ru/institut/arheolog/publ/2/> (дата обращения: 21.10.2014).

¹⁷² *Кобзев А.В.* Исламизация православных чувашей и чувашей-язычников Симбирской губернии в XIX — начале XX века // Отечественная история. 2007. № 5. С. 120—126.

¹⁷³ История башкирских родов. Т. 2: Гирей. С. 61—74.

¹⁷⁴ *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа: науч. очерк. С. 57.

СЕССИЯ 2

МИР РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

И.Е. Ильин

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ РЕАЛИЗАЦИИ

Оппоненты: В.И. Елагин, Г.А. Никитина, В.В. Орлов

ВВЕДЕНИЕ

Анализ социально-экономического развития современного российского села ставит перед учеными задачу изучения гармоничного взаимодействия различных сегментов агропромышленного комплекса для формирования доктрины продовольственной безопасности страны, исследования демографической структуры, уровня и образа жизни сельского населения, выработки эффективной социальной политики.

Рассматриваемая тема актуальна и востребована во всех отношениях. Её изучение позволит раскрыть важные стороны социально-экономического развития многонационального села Чувашской Республики, способствует комплексному познанию содержания проводившейся аграрной и социальной политики. Междисциплинарный анализ проблемы обогащает отечественную историографию, восполняет в ней пробелы. В практическом же плане выявленные исторические уроки помогут предостеречь от повторения ошибок, содействуют выработке современных подходов, вооружают пониманием непреходящей ценности таких категорий, как любовь к родной деревне, земле-кормилице, формируют в кадровом составе высокую

степень компетентности и профессионализм, умение принимать грамотные решения и оперативно действовать.

Исключительным моментом является серьёзная обеспокоенность власти и общества вопросами развития сельского хозяйства, социальной сферы села, обострением многих его проблем в рыночных условиях. С 2003 г. в стране реализуется программа по социальному развитию села, а в 2006 г. был принят приоритетный национальный проект «Развитие АПК». Выполнение задач по социально-экономическому развитию российского села позволило сосредоточиться на ключевых проблемах, заложить основу для их решения. Речь идет о строительстве жилья, газификации, создании социально-инженерной инфраструктуры, привлечении молодых специалистов. За 2008—2012 гг. в рамках национального проекта «Развитие АПК» было выделено около 200 млрд руб.¹

В 2014 г. на совместном заседании Государственного совета и Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике были обсуждены вопросы устойчивого развития сельских территорий. В.В. Путин подчеркнул, что «село для России — это не только производство продуктов питания. Это свой, традиционный уклад и образ жизни, это богатство нашей культуры и самобытность многонационального народа огромной страны»².

Актуальность темы исследования несомненна и с точки зрения регионального подхода к проблеме. Региональная политика по социально-экономическому развитию села выступает органичной частью единой государственной политики, синтезирует в себе общее и особенное, комплекс взаимосвязанных интересов субъектов различных уровней.

Проблемы истории аграрного строя, российской деревни второй половины XX — начала XXI в. рассматривались в трудах Ю.В. Арутюняна, И.М. Волкова, М.А. Вылцана, П.П. Великого, О.М. Вербицкой, В.П. Данилова, Л.Н. Денисовой, Т.И. Заславской, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, В.В. Кабанова, П.С. Кабытова, В.Б. Островского, А.С. Сенявского, В.И. Староверова, П.И. Симуша, А.П. Тюриной и других исследователей. Но новые исторические явления, процессы еще не расположились в своих научных ячейках, отсутствуют многие исторические факты о происходивших социально-экономических, политических событиях исследуемого периода. Необходимо также иметь в виду, что каждый ученый отражает свое видение исторического события, формируя субъективную авторскую позицию. Еще прошло мало времени, и такие грандиозные события в отечественной истории не могут быть изучены за короткий промежуток времени.

Цель научного доклада — на основе сравнительного анализа выявить основные тенденции, отражающие результаты и последствия социально-экономических реформ в российском селе на рубеже XX—XXI вв.

При анализе и интерпретации привлеченного историко-социологического материала автор опирался на методологические принципы, предполагающие изучение любого явления в динамике и конкретных исторических обстоятельствах.

Ключевым понятием теоретической основы доклада является «модернизация», под которой понимается процесс трансформации традиционного общества в современное. В начале XXI в. теория модернизации явственно тяготеет к теоретическим обоснованиям глобализации. Мир вступает в новую эру, причем неравномерно и противоречиво.

Постановка проблемы модернизации стала для некоторой части ученых определенной неожиданностью. Российское общество, казалось, миновало ту фазу, в которой оно нуждалось в ускоренной модернизации. В период реформ оно вступило, будучи урбанизированным, грамотным, имеющим развитую науку и некоторые неплохие даже по мировым рынкам технологии. Этап модернизации был пройден им, с большими людскими потерями и материальными жертвами, в первой и отчасти второй половине XX в. Переход к рынку должен был сделать общество еще более современным, российскую экономику — более совершенной и эффективной, а международный контекст, в котором находилась Россия, — дружественным. Если по истечении двадцати лет реформ модернизация снова ставится в повестку дня, это может означать только одно: в этот период российское общество либо стояло на месте (при том, что другие страны на месте не стояли), либо деградировало до состояния, когда ему снова необходим модернизационный рывок. Вторая точка зрения становится все более популярной среди российских и зарубежных ученых³.

Междисциплинарный характер исследования определяет широкий круг источников. В научном докладе использованы архивные материалы, выявленные в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Государственного архива современной истории Чувашской Республики, научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук, а также текущих архивов министерств сельского хозяйства, труда, социальной политики, образования и молодежной политики Чувашской Республики.

Официальные документы и материалы, а именно: нормативно-правовые документы, постановления общегосударственного и регионального масштаба, Конституция Российской Федерации и Конституция Чувашской Республики, Земельный кодекс РФ (2001), Закон РФ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002), Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Указ «О стратегии развития Чувашской Республики до 2020 года» — позволили с достаточной полнотой определить и проанализировать политический курс, тенденции и происходящие в аграрном секторе экономики изменения, выявить особенности их функционирования в регионах страны.

Большой интерес представляли статистические материалы российского и регионального уровня, материалы социологических исследований, где

автор возглавлял исследовательский коллектив, являлся руководителем полевых этапов и региональной сети интервьюеров. Изучение проводилось в мониторинговом режиме по единой программе в течение ряда лет и позволяло сопоставлять результаты, формировать научно обоснованные, взвешенные выводы и прогнозировать развитие исследуемого объекта в исторической перспективе.

Проблема социально-экономического развития российского села исследовалась с теоретико-методологических позиций междисциплинарного подхода, сопоставления и сравнения на основе данных многих источников, что позволило объективно оценить происходившие события и явления.

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО СЕЛА В 1990-Х ГОДАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Для начала необходимо уточнить соотношение понятий «реформа» и «революция». Обратимся к определениям указанных терминов, данным в энциклопедическом словаре. «Реформа социальная — преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающие основ существующей социальной структуры. Революция — коренное качественное изменение, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому, одна из закономерностей развития явлений природы, общества или познания. Революция — коренной переворот в жизни общества, приводящий к ликвидации отжившего общественного строя и утверждения нового, более прогрессивного»⁴.

В центре управления аграрной политикой должна быть вся гамма социально-экономических явлений. Центральным вопросом является изучение и учет интересов крестьянства как главного субъекта аграрных преобразований в обществе.

В определении «крестьянство» существуют различные точки зрения отечественных ученых-аграрников. Автор считает, что крестьянство — это проживающая в сельской местности, преимущественно занятая земледельческим трудом в различных по форме собственности хозяйствах, предприятиях социальная категория сельского населения, определяемая в основном присущими в данных обществах социально-производственными отношениями, имеющая характерные черты образа жизни.

За последние годы реформаторы совершили много ошибок, результатом которых стало возникновение двух экономик — одной для бедных, другой — для богатых. Не соединив их в одну, обеспечивающую стабильность, порядок и соблюдение законов при разумных налогах, повышение уровня жизни сельского населения и т.д., мы никогда не придем ни к благосостоянию общества, ни к демократии.

В силу особенностей социальной структуры сельского населения, неразвитости социальной и инженерной инфраструктуры деревня всегда уязвима по сравнению с городом. Этому положению должна противо-

поставляться сильная государственная протекционистская аграрная политика, которая позволяет решать социальные проблемы села через создание приоритетных условий развития АПК страны, ее регионов.

Политические и социально-экономические изменения в российском обществе на рубеже XX—XXI вв. являются судьбоносными в истории человечества, когда на огромной территории произошел переход от одной социально-политической системы к другой, сопровождавшийся морально-нравственными переломами в жизни многих миллионов людей.

В 1990-х гг. произошли коренные социально-экономические преобразования в аграрном секторе России, в результате которых были преодолены негативные явления, связанные с чрезмерным огосударствлением экономики и преобладанием командно-административных методов управления. В основном были созданы правовые и организационные условия для функционирования разных форм собственности и хозяйствования, заложены основы рыночных механизмов развития. Сельскохозяйственные товаропроизводители получили право выбора форм хозяйствования, свободу в реализации произведенной ими продукции, приобретении материально-технических ресурсов и использовании доходов. В результате институциональных преобразований создана новая социально-экономическая структура агропромышленного производства.

Новые хозяйственные структуры не везде и не всегда встречались с одобрением, поддерживались сельским сообществом и руководителями колхозно-совхозного производства. Так, не приветствовалось противопоставление крестьянских (фермерских) хозяйств колхозам и совхозам, личным подсобным хозяйствам. В то же время разрушение успешно работающих колхозов было величайшей глупостью. Поддержка продолжающихся аграрных преобразований связывалась с надеждой на быстрое оздоровление экономики страны, с успешной деятельностью всех форм сельскохозяйственного производства. Все эти вопросы бурно обсуждались в работе Комитета по земельной реформе и земельным ресурсам при Правительстве Российской Федерации⁵.

В Чувашии зарождались новые формы хозяйствования. В 1990 г. внутрихозяйственные арендные отношения применялись в 129 хозяйствах из 352. Было создано 7 фермерских хозяйств, больше внимания уделялось развитию личных подсобных хозяйств населения. Однако вопросы, связанные с переводом предприятий АПК на рыночные отношения, решались медленно. Затянулась работа по проведению земельной реформы, разгосударствлению и приватизации собственности⁶.

На начальном этапе формирования фермерских хозяйств в Чувашии, как и в других регионах страны, встречались примеры торможения, препятствования выделению земли для организации своего хозяйства. Так, житель Аликовского района, работник совхоза «Аликовский», двадцатипятилетний мужчина с высшим сельскохозяйственным образованием просил выделить землю, увеличить размер своего фермерского хозяйства до 50 га. В Козловском районе жители деревни Воробьевка организовали ко-

оператив «Маяк», просили выделить их паи у руководства совхоза. Однако директор и специалисты совхоза препятствовали выделению земли⁷.

В декабре 1991 г. Правительством Российской Федерации были приняты постановления о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий⁸. Эти меры были нацелены на изменение организационно-правового статуса коллективных хозяйств, на реализацию права свободного выбора формы хозяйствования, свободного выхода из состава коллективного хозяйства без согласия на то трудового коллектива. Реорганизации подлежали все коллективные хозяйства независимо от эффективности их деятельности. На их базе могли быть созданы товарищества, акционерные общества, сельскохозяйственные производственные коллективы, крестьянские фермерские хозяйства и их ассоциации. Трудовым коллективам предоставлялось право сохранить прежнюю форму хозяйствования.

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации в свете постановления о реорганизации колхозов и совхозов создало специальную комиссию по выработке рекомендаций, которые были направлены во все регионы страны. В составе комиссии работали ученые-аграрники Е.В. Серова, В.Я. Узун. Особое внимание обращалось на учет национальных и исторических особенностей российских регионов. Согласно Указу Президента «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», колхозы и совхозы должны были до 1 января 1993 г. провести реорганизацию предприятия — зарегистрировать свою организационно-правовую форму.

Реорганизацию колхозов и совхозов в Чувашской Республике проводили с учетом местных условий — острого недостатка сельскохозяйственных угодий и избытка сельского населения. При реорганизации сельскохозяйственных предприятий старались учитывать и конкретные условия каждого административного района, отдельного хозяйства. Совхоз «Красноармейский» Красноармейского района стал союзом кооперативов, используя опыт реорганизации колхоза им. С.М. Кирова Канашского района, где подобные кооперативы уже утвердились. В совхозе «Красноармейский» были организованы три кооператива, в каждом из которых имелись 1—2 животноводческие фермы и производственная бригада. У кооперативов имелись свои счета, на которые поступали деньги за сланную продукцию, и они сами распоряжались денежными средствами. Реорганизацию провели здесь без особой ломки производственных структур. Оставив на своих местах руководителей и специалистов подразделений, каждому из трех кооперативов дали полную финансовую самостоятельность, что материально заинтересовало всех членов трудовых коллективов в получении хороших конечных результатов в производстве продукции растениеводства и животноводства⁹.

В Чувашской Республике для исполнения Указа Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» в январе 1992 г. была образована комиссия для осуществления

земельной реформы и реорганизации колхозов и совхозов. По состоянию на 1 сентября 1992 г. из 407 колхозов и совхозов 105 были преобразованы в различные формы хозяйствования, в 302 принято решение о сохранении прежнего статуса. Функционировали 392 крестьянских (фермерских) хозяйства. Для последующего перераспределения земель был создан специальный фонд глав районных администраций. Площадь сельскохозяйственных угодий в нем составляла 60,1 тыс. га, в том числе пашни — 53,9 тыс. га. Определены среднерайонные нормы бесплатной передачи земель в собственность граждан, которые колебались от 1,53 га по Моргаушскому району до 5,1 га по Алатырскому району. За 1992 г. количество крестьянских (фермерских) хозяйств возросло и на 1 января 1993 г. составляло 509 с площадью земли 4154 га¹⁰.

В 1992 г. аграрные преобразования в Российской Федерации анализировали американские ученые Института развития села США, которые предлагали немедленно ввести куплю-продажу сельскохозяйственных земель. Они утверждали, что кредиты, выдаваемые фермерам, должны быть на средне- и долгосрочную перспективу, крестьяне-фермеры обязаны владеть основами экономики рыночного хозяйства, между ними должна быть кооперация. Наиболее эффективная форма хозяйствования, по мнению американцев, должна стать фермерская ассоциация¹¹.

В 1992 г. на развитие фермерских хозяйств предполагалось направить 3,6 млн руб. централизованных капиталовложений. Реформирование аграрного сектора шло скачкообразно, нервно, многие члены колхозов и совхозов до конца не понимали конечных целей происходящих событий, их беспокоила неизвестность. В сельском сообществе чувствовалась социальная напряженность. В целях недопущения дальнейшего снижения производства сельскохозяйственной продукции, стабилизации экономики сельского хозяйства, как считали многие руководители хозяйств, реформа в агропромышленном комплексе должна иметь цель не разваливать отрасль, а поднимать ее на должный уровень, носить последовательный характер, должен соблюдаться принцип отбора форм хозяйствования самими собственниками¹².

Реорганизация коллективных сельскохозяйственных предприятий характеризуется экономическими показателями деятельности, где вновь организованные структуры (фермерские хозяйства) заняли лишь незначительную долю. В Чувашии в 1992 г. валовая продукция сельского хозяйства всех категорий хозяйств составила 1 023,7 млн руб., в том числе крестьянских (фермерских) хозяйств — 2,7 млн руб. В сельском хозяйстве было занято 118,8 тыс. чел.¹³

Разгосударствление агропромышленного производства не дало ожидаемого социально-экономического эффекта. С переводом планомерно регулируемого агропромышленного комплекса на рыночно регулируемую систему производства методом «шоковой терапии» экономические условия производства в аграрной сфере были подорваны. Реорганизация производства сопровождалась колоссальным нарастанием диспаритета цен на сельскохо-

зыйственную продукцию и средства производства, используемые в отрасли, а также уменьшением государственной поддержки отрасли. Одновременно происходило интенсивное вытеснение отечественного производителя с внутреннего рынка.

Нарастание диспаритета цен вынуждало крестьян Чувашии принимать меры по защите своих интересов, им приходилось поднимать цены на молочную продукцию, мясо и т.д. Однако Чувашское территориальное управление по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур отменило решение Крестьянского союза Чувашии и совещания руководителей колхозов и совхозов о согласованном повышении в одностороннем порядке цен на молоко, поставляемое перерабатывающим предприятиям¹⁴.

Сложившийся диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукции является легальной формой перекачки средств из сельского хозяйства в другие сферы экономики. Потери сельского хозяйства от неэквивалентного обмена с промышленностью за 1990-е гг. составили 300 млрд руб.

2. ФЕРМЕРЫ («НЕОКРЕСТЬЯНЕ») КАК РЕЗУЛЬТАТ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Развитие фермерского сектора началось с принятием в декабре 1990 г. Закона Российской Федерации «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»¹⁵. В Законе были определены экономические, социальные и правовые основы организации и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств и их ассоциаций как формы свободного предпринимательства, осуществленного на принципах экономической выгоды.

Постановлением Совета министров Чувашской Республики от 3 июня 1991 г. № 177 была утверждена программа поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств в вопросах материально-технического обеспечения, производственного обслуживания, реализации продукции и финансирования. В 1992 г. крестьянским (фермерским) хозяйствам было выделено тракторов различной марки — 42 шт., автомобилей — 35 шт., семян зерновых культур — 483 тонны, семян трав — 6 тонн. Выделено кредитов на сумму 43 млн руб. За счет бюджетных средств заложено 26 га хмельников. Создание и функционирование различных форм хозяйствования на селе осуществлялись в соответствии с действующими законодательными актами Российской Федерации и Чувашской Республики¹⁶.

В свете исполнения Закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», Постановления Совета министров РСФСР от 4 января 1991 г. № 9 «О поддержке развития крестьянских (фермерских) хозяйств, их ассоциаций, союзов и кооперативов» проведение земельной реформы в регионе происходило на основе законов Чувашской ССР «О земле», «О земельной реформе», «О социальной политике на селе и развитии сельских населенных пунктов», Постановления Верховного Совета

Чувашской ССР от 21 марта 1991 г. «О порядке введения в действие Закона РСФСР “О крестьянском (фермерском) хозяйстве”»¹⁷.

В Чувашии была разработана программа поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств в вопросах материально-технического обеспечения, производственного обслуживания, реализации продукции, финансирования. Материально-технические ресурсы должны были обеспечиваться за счет фондов, выделенных специально для данной категории хозяйств, по ценам, действующим для колхозов и совхозов. Земельный налог и арендная плата за земельные участки не взимались и не взимаются с граждан, впервые организующих крестьянское (фермерское) хозяйство, за земельные участки, находящиеся в стадии сельскохозяйственного освоения, в течение пяти лет с момента предоставления им земельных участков¹⁸.

Однако становление фермерского движения в Чувашии шло медленно. Одним из факторов, сдерживающих их формирование, увеличение и укрепление фермерского слоя, являлись плохая обеспеченность сельскохозяйственной техникой, автотранспортом, высокая цена материально-технических ресурсов.

Вместе с тем крестьянские (фермерские) хозяйства в своем становлении испытывали определенные трудности. В ряде мест искусственно создавались барьеры и всевозможные надуманные ограничения в выделении земельных участков, а некоторые из них находились далеко от населенных пунктов или были плохого качества. Несвоевременно рассматривались заявления граждан на получение земельных участков главами администраций в Вурнарском, Урмарском, Цивильском районах. Две трети фермеров жаловались на низкий уровень материально-технической базы, испытывали трудности в приобретении техники, удобрений, строительных материалов, семян, породистого скота, горючего. Все вопросы, связанные с фермерским движением, рекомендовалось освещать в республиканских газетах «Хыпар», «Чăваш ен», «Советская Чувашия», Чувашской государственной телевизионной и радиовещательной компанией¹⁹.

Слой адаптировавшихся к переменам составляют в первую очередь фермеры и предприниматели. Итак, для всестороннего анализа аграрного реформирования необходимо учитывать своеобразный количественно-качественный состав сельского населения, спрогнозировать возможный удельный вес людей предприимчивых, деловых, готовых к позитивным, решительным изменениям в аграрных отношениях.

Большое значение в аграрном реформировании страны отводится развитию малого бизнеса в сельской местности, формированию у сельского населения рыночной направленности. В условиях интенсивного перехода к рыночным отношениям заметной фигурой становится фермер, предприниматель, являющийся хозяином по форме собственности и новатором по методам деятельности. Становление предпринимательства как социального явления и предпринимателей как новой социальной группы — важный теоретико-практический вопрос.

В условиях реформирования аграрного сектора страны для эффективного функционирования сельскохозяйственных предприятий необходима сильная финансово-правовая государственная поддержка. Предприятиям должна быть определена и полная ответственность субъектов предпринимательства за результаты хозяйственной деятельности. Важна и конкуренция производителей, прежде всего как фактор стимулирования хозяйственной активности, снижения издержек производства, увеличения количества и качества продукции в соответствии с запросами потребителей. Поэтому появление новых форм хозяйствования, в том числе и крестьянских хозяйств, нужно рассматривать как необходимое условие для создания конкурентной среды.

На первом этапе (1990-е гг.) ошибочным был расчет на достаточно массовое желание создать самостоятельное фермерское хозяйство. Крестьянство воспринимало такой путь как серьезный шаг назад, свое негативное отношение объясняя тем, что отсутствует необходимый для такого хозяйствования комплекс материально-технических и иных условий: на создание фермерства у государства нет ни средств, ни иных ресурсов.

На втором этапе (2000-е гг.) увеличивается численность крестьян-фермеров, отношение к ним со стороны сельского сообщества становится толерантным (терпимым). Сельчане видят солидный вклад представителей данного слоя сельского предпринимательства в производство сельскохозяйственной продукции, обустройство сельского бытия.

В сфере интересов исследователей и самих сельских жителей находится фермерское движение, различающееся по районам республики. В 2011 г. больше всего фермерских хозяйств насчитывалось в Аликовском (145), Батыревском (159), Шемуршинском (170) районах²⁰. За 2012—2013 гг. в рамках реализации программ по поддержке начинающих фермеров и семейных животноводческих ферм 97 начинающих фермеров и 10 крестьянских (фермерских) хозяйств, строящих в сельской местности животноводческие фермы, получили государственную поддержку на общую сумму 164 млн руб.²¹

В настоящее время социально-политический барьер перед фермерским движением меняется в лучшую сторону, у сельских жителей повышается степень доверия фермерам. Так, в 2000 г. 14,4 % и в 2009 г. 21 % опрошенных крестьян Чувашии сказали, что фермерские хозяйства должны стать главными производителями товарной продукции.

3. ЛИЧНЫЕ ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ — РЕСУРС ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕЛА

В российском селе личное подсобное хозяйство (ЛПХ) в условиях кризиса, вызванного аграрной реформой 1990-х гг., стало ведущей сферой приложения трудовых ресурсов жителей деревни и средством адаптации к изменившимся условиям жизни, обеспечивающим сельские семьи продуктами питания и денежными средствами, необходимыми для выживания.

Хозяйства населения представляют собой специфическую форму аграрного производства, значимую для рынка продовольствия и сельскохозяйственного сырья в национальных масштабах, вписываясь в качестве одного из важных элементов в структуру многоукладной сельской экономики. Уклад, представленный ЛПХ, имеет ярко выраженную специфику (по сравнению с другими формами сельхозпроизводства), связанную с факторами, предопределившими его развитие, поскольку он формируется в результате процессов адаптации жителей села к условиям аграрной реформы. В основу реформы была положена идея возвращения российского села в русло пресеченного революцией капиталистического уклада в сельской экономике и «возрождения крестьянства» (в более модернизированной, фермерской форме).

Устоявшейся тенденцией реформенных лет является то, что формирование бюджета сельской семьи происходило из нескольких источников («многоканальная модель» выживания). Уменьшение за годы реформ более чем вдвое доли зарплаты в семейном доходе привело к такому положению, когда она перестала выполнять стимулирующую, воспроизводственную, социально-защитную функции, что послужило толчком к развитию альтернативных способов обеспечения сельских домохозяйств²².

Реформаторы в преобразованиях аграрного сектора активно использовали тезис о более высокой эффективности крестьянского (фермерского) и личного подсобного хозяйства по сравнению с общественным производством.

ЛПХ выполняет социально-психологические функции престижности, самоутверждения личности сельского труженика. Хорошо возделанный огород, сад, пасека и т.д. свидетельствуют в глазах деревенских жителей о хозяйственной основательности их владельца, обеспечивают кредит доверия. Существенно и другое: сад, огород, пасека способствуют приобщению подростков к опытничеству, развивают интерес к живой природе, что подчас предопределяет их взгляды, выбор профессии, образ жизни.

Труд в ЛПХ является прогрессивной традицией крестьянской жизни. В этой связи нельзя не отметить воспитательного значения постоянной трудовой занятости. Во все времена наибольшим трудолюбием, усердием, умением все делать (в пределах бытовых потребностей) отличались именно выходцы из деревни. Это не случайно. Среди воспитательных средств в крестьянской семье всегда важнейшее место занимал домашний труд, тесно вплетенный в реальный процесс жизнедеятельности. Он являлся той основной частью народной педагогики, которая вместе с обычаями, традициями формировала жизнестойкую личность.

В ведении ЛПХ большую помощь оказывают дети, а также соседи, родственники, особенно при выполнении тяжелых физических работ. Традиционно в российских (русских, чувашских, татарских и т.д.) сельских семьях считалась общепринятой практикой помощь родителей взрослым детям, даже если они уже имеют собственную семью. В дореформенное время это содействие чаще всего выражалось в передаче продуктов, совместном выполнении работ по дому и на приусадебном участке, уходе за

малолетними детьми. В тяжелое время характер межпоколенческой взаимопомощи приобретал новые черты — родители-пенсионеры становились источником не только продовольственных, но и денежных поступлений. Денежные ссуды от родителей чаще всего носят безвозмездный характер, «расплачиваются» взрослые дети услугами — работой на родительском огороде, заготовками кормов для скота и птицы и т.д. Пенсионеры утверждают, что без помощи взрослых детей они не могли бы запастись корма и содержать скот, делать домашние заготовки на зиму. Таким образом, работают межпоколенческие взаимопересекающиеся потоки перемещения материальных и денежных ресурсов, услуг. В отличие от городских семей, на селе очень тесны не только родственные, но и соседские взаимоотношения.

В начале 1990-х гг. для значительной части сельских семей дополнительным источником дохода, определяющим их материальное положение, являлись поступления от личного подворья, которое поставляло для собственного потребления основные продукты питания (мясо, молоко и молочные продукты, овощи). Если раньше, в дореформенный период ЛПХ держали в основном для обеспечения семьи качественными продуктами питания, то в 1990-х гг. оно стало источником не только натуральных, но и денежных поступлений.

Не все категории семей смогли активно развивать производство на базе личного хозяйства. Демографический состав семьи и ее социально-профессиональный статус оказывают решающее влияние на степень включенности домохозяйства в этот процесс. Тяжелый физический труд, продолжительность которого в летний период достигает 12—16 часов, под силу только здоровым людям активного трудоспособного возраста. Наиболее стремительный рост производства сельскохозяйственной продукции зафиксирован в семьях с детьми и другими родственниками, средний возраст членов которых не превышает 40 лет. Одиноким и супружеским парам пенсионеров, неполным семьям такой труд не под силу, поэтому наряду с посильным использованием личного хозяйства они задействуют и другие ресурсы обеспечения, такие, как родственная и соседская помощь, бартерный обмен.

Вопреки намерениям реформаторов ведущими секторами сельскохозяйственного производства стали не фермерские хозяйства и не акционированные коллективные хозяйства, а личные подсобные хозяйства сельских жителей. Не имея никаких средств механизации (отчасти в силу неразвитости рынка малогабаритной техники, приспособленной для использования в приусадебных хозяйствах, но в большей степени из-за отсутствия средств у сельского населения для их приобретения) владельцы ЛПХ смогли увеличить объемы производства исключительно за счет эксплуатации собственного труда. Необходимо учитывать то обстоятельство, что ликвидация колхозов, совхозов означала для многих селян потерю работы, основного источника получения денежных средств. В результате проведенных преобразований резко увеличились как число убыточных хозяйств, так и их удельный вес.

Семейные хозяйства стали заметным сектором аграрной экономики, но не как результат реформирования, а как следствие реализации человеческого потенциала села: они зачастую вопреки реальной аграрной политике заняли свое место среди хозяйственных укладов. Именно здесь и в фермерских хозяйствах формируется новая рыночная культура труда, способность к риску, социальная ответственность, появляются навыки предприимчивости, уверенность в своих силах.

В Чувашской Республике в структуре производства продукции сельского хозяйства за 1990—2010 гг. произошли перемены. Если в 1990 г. 69,1 % продукции сельского хозяйства производили сельскохозяйственные организации, то в 2010 г. — 29,9 %. С 1997 г. ЛПХ населения начали производить более половины продукции сельского хозяйства²³, достигнув в 2010 г. 66,9 % от общего объема (табл. 1).

Таблица 1

Структура продукции сельского хозяйства Чувашской Республики по категориям хозяйств (в фактически действовавших ценах; в % к итогу)*

	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100	100	100
В том числе сельскохозяйственные организации	69,1	51,1	37,3	34,9	34,8	34,7	29,9
хозяйства населения	30,9	48,5	62,0	63,4	60,4	61,1	66,9
крестьянские (фермерские) хозяйства	—	0,4	0,7	1,7	4,8	5,2	3,2

* Источники: Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2008 / Чувашстат. Чебоксары, 2008. С. 10; Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 12.

Аграрные преобразования привели к новому этапу в истории ЛПХ. В результате резкого ухудшения экономических условий воспроизводства в сельскохозяйственных предприятиях в аграрном секторе сложилась принципиально новая структура производства, хозяйства населения превратились в преобладающий источник сельскохозяйственной продукции. Удельный вес личных подсобных хозяйств сельского населения в общем объеме сельскохозяйственного производства последовательно возрастал. За счет ЛПХ удалось в значительной мере восполнить падение производства в сельскохозяйственных предприятиях.

Работы по ведению семейного хозяйства в основном ложатся на членов домохозяйств, не занятых постоянно в общественном производстве. Как правило, это люди моложе и старше трудоспособного возраста. К тому же работа по уходу за скотом, огородом и т.д. требует крепкого здоровья, больших затрат времени, так как многие виды работ выполняются вручную. Это тяжелый неквалифицированный физический труд.

Ведение сельского подворья, то есть его хозяйственное обслуживание, требует большой физической нагрузки, отнимает много времени, связано с другими определенными трудностями. В этой связи немаловажное значе-

ние имеет здоровье сельского населения, что в свою очередь зависит от многих параметров (состояние медицинского обслуживания, особенно бесплатного, структура свободного времени, здоровый образ жизни и т.д.).

В 2002 г., по материалам Всероссийской переписи, личные подсобные хозяйства как источник средств к существованию назвали 30,2 % проживающих в Чувашской Республике. Это в 2,5 раза больше российского показателя. В 2010 г. данный пункт выделили 23,9 % жителей Чувашии²⁴.

В условиях реформирования аграрных отношений, трансформации, распада колхозно-совхозного производства, длительности и сложности процесса становления новых хозяйственных форм АПК роль личного подсобного хозяйства как наиболее гибкой, достаточно устойчивой и самонастраивающейся организационно-правовой формы в производстве сельскохозяйственной продукции возросла. Если в общественном секторе Чувашии наблюдался заметный спад сельскохозяйственного производства, то в хозяйствах населения спад производства сельскохозяйственной продукции, особенно животноводства был незначительный.

Материалы исследований показывают, что ЛПХ является существенным источником пополнения бюджета семьи, обеспечивает свежими продуктами питания, имеет большое воспитательное значение для подрастающего поколения в плане уважительного отношения к нелегкому крестьянскому труду, рассмотрения его источником материального благополучия сельской семьи.

4. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРАКТИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Первые годы аграрных преобразований реально продемонстрировали, что вопрос о земле, о формах хозяйствования является наиболее острым, актуальным и вызывает неоднозначные точки зрения как в обществе в целом, так и среди отдельных представителей различных социальных групп.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1994 г. № 998-р предусматривались меры по формированию федеральных и региональных продовольственных фондов, где 4,6 трлн руб. выделялись органам исполнительной власти субъектов РФ на создание региональных фондов зерна и на закупки плодоовощной продукции и картофеля в федеральные фонды, а 1,8 трлн руб. — на закупку зерна урожая 1993 г. Однако средств на полное обеспечение формирования продовольственного фонда страны не хватало, по расчетам Министерства экономики и Министерства сельского хозяйства и продовольствия, требовалось 10 трлн руб.²⁵

В 1994 г. в целях совершенствования организационно-экономического механизма функционирования новых форм предпринимательства в агропромышленном комплексе, оптимизации производственных структур в условиях рыночных отношений и создания необходимой нормативно-правовой базы Правительство Российской Федерации постановило одобрить разработанную и применяемую в Нижегородской области программу при-

ватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий. Рекомендовалось органам исполнительной власти в регионах активно использовать данную программу²⁶.

В письме Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину губернатор Нижегородской области Б.Е. Немцов просил включить в состав комиссии по земельной реформе в стране тех же иностранных экспертов, работавших в области, и пригласить их в Москву для обсуждения земельной реформы в Российской Федерации²⁷.

Опыт приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий на примере Нижегородской области был обсужден и рекомендован органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые должны были поддержать вновь образованные сельскохозяйственные предприятия, подготовить и выдать документы о праве на земельные доли и имущественные паи²⁸.

В Чувашии было предусмотрено проведение земельной реформы, где за основу была взята программа «ЗеРНО» (Земельная реформа в Нижегородской области)²⁹. В соответствии с Указом Президента Чувашской Республики от 22 мая 1994 г. № 55 «О регулировании земельных отношений в Чувашской Республике» земельные участки предоставлялись в собственность и пожизненное наследуемое владение для ведения крестьянского (фермерского) и личного подсобного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства³⁰. Были разработаны меры по дальнейшему проведению земельной реформы в сельских районах, отдельных хозяйствах. Колхоз «Ленинская искра» Ядринского района (председатель А.П. Айдак) был выбран показательным хозяйством для проведения экспериментальных работ по землеустройству и мониторингу земель в 1994—1995 гг.³¹

Оценки нижегородской модели аграрной политики разнятся, есть как сторонники, так и противники осуществленных преобразований. В 1995 г. отделение экономики Россельхозакадемии постановило считать распространение данной модели реформирования сельскохозяйственных предприятий на другие регионы РФ преждевременным. Главными недостатками программы «ЗеРНО» были названы: 1) передача в частную собственность земли неработающему на ней населению, что создает условия для распада сельхозпредприятий; 2) разрушение технологических комплексов; 3) снижение эффективности производства. Действительно на базе 5 пилотных хозяйств было создано 56 новых. Члены комиссии подчеркнули, что «ЗеРНО» ведет фактически к полной дезинтеграции агропромышленного комплекса страны³².

В Чувашии земельную реформу намеревались проводить эволюционным путем, с учетом опыта в стране, соседей, исторических традиций. По мнению Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова, Чувашия не являлась благоприятной зоной для фермерского движения и фермерский сектор экономики не будет перспективным, опыт проведения земельной реформы в Нижегородской области совершенно неприемлем для Чувашии и никакой купли-продажи земли в регионе не будет³³.

На 1 января 1994 г. в Чувашской Республике было приватизировано 30 предприятий и организаций по агропромышленному комплексу (19,2 % всех предприятий), получено от приватизации 20,1 млн руб.³⁴ На 1 января 2000 г. в республике было приватизировано 65 предприятий сельского хозяйства, что составляло 51,4% всех сельхозпредприятий республики³⁵.

Контроль за использованием земельных ресурсов в Чувашской Республике показал, что за 1994—1997 гг. были установлены границы землеиспользований 190 КФХ, восстановлены границы 43 сельхозпредприятий. Выданы правоустанавливающие документы всем сельскохозяйственным предприятиям: 489 КФХ (44,9 %), 117 646 гражданам, ведущим ЛПХ (56,7 %), 68 468 садоводам (50,7 %), 23 089 гражданам под индивидуальное жилищное строительство (47,9 %). Вместе с тем было выявлено 8 тыс. нарушений, более 1200 юридических, физических и должностных лиц привлечены к административной ответственности с наложением штрафа³⁶.

Социально-экономические реформы в стране 1990-х гг. явились испытанием для большинства населения, особенно тяжело пришлось селянам, обратившимся к патриархальным способам ведения сельскохозяйственного производства. Действительно, радикальное реформирование, проведенное в аграрном секторе, не привело к ожидаемому быстрому вовлечению крестьянства в новые формы экономического поведения. Активизировались экстенсивные способы развития, произошел возврат к архаичным формам жизнедеятельности, направленным на выживание в усложнившихся условиях. Большинство крестьян Чувашии было за коллективное владение землей, коллективные формы хозяйствования, государственную поддержку села и против частной собственности на землю и «дикий» приватизации (табл. 2).

Таблица 2

Отношение крестьян к формам собственности на землю
(в % к числу опрошенных)*

Варианты	1993	2000	2001	2009
Земля должна быть государственным достоянием, ее нельзя передавать в собственность колхозов, совхозов, граждан	18,8	21,8	20,8	15,5
Земля должна быть собственностью колхозов, совхозов	40,0	33,6	26,7	19,5
Землю передавать в пожизненное наследуемое владение крестьянским (фермерским) хозяйствам	7,9	6,1	11,7	10,3
Земля выдается садово-огородным товариществам городского населения	2,5	3,4	6,7	1,2
Земля передается в частную собственность гражданам с правом купли-продажи	4,2	7,6	15	16,6
Земля не может быть объектом купли-продажи	31,3	37,6	26,7	25,8
Земля выделяется сельскому населению для ведения личного подсобного хозяйства	**	**	20,4	18,5
Другое	6,3	4,4	2,6	1,4

* Вследствие выбора респондентами нескольких вариантов сумма превышает 100%.

** Вариант ответа в анкете не указан.

По результатам исследования 1995 г., 55 % опрошенных чувашей и 47 % русских были настроены против передачи земли в частную собственность. Они считали, что землю вообще нельзя приватизировать, она общая. Сторонники же приватизации выступали за равные права при ее осуществлении (24 % чувашей, 28 % русских). Большинство респондентов (62 % чувашей, 64 % русских) исключало для себя перспективу превращения в фермера, сельского предпринимателя.

При анализе состояния земельного фонда необходимо учитывать качество земли. В 1993 г., по данным государственного учета земель, водная эрозия наиболее активно проявила себя на сельскохозяйственных угодьях Чувашии (78,5 %), Удмуртии (66,9 %), Марий Эл (59,2 %), Башкирии (51,5 %). В этом плане примером для восстановления плодородия земли был рекомендован опыт производственной работы колхоза «Ленинская искра» Ядринского района Чувашии³⁷.

На протяжении всего периода аграрной реформы ключевой проблемой является формирование ее социальной базы. Слабость социальной базы реформы вызвана действиями властных структур различного уровня. Крестьянство выступает главным образом в качестве объекта, а не субъекта аграрной политики. Большинство решений, определяющих жизнь деревни, принимается вне сельских социумов, представителями деревенской элиты.

С 1990-х гг. реформа усиливает социальные позиции сельской элиты (в частности, руководителей, специалистов хозяйств, представителей сельской администрации) и обостряет противоречия между ними и другими социальными группами деревни. В Чувашии при реорганизации коллективных хозяйств, особенно при делении их на несколько организаций, встречались примеры открытого противоборства. По замыслу реформаторов, разгосударствление земельной собственности, переход к экономическим методам управления в сельском хозяйстве должны были уменьшить властные полномочия сельской элиты, обуславливая ее противодействие осуществляемым мерам. На самом деле произошло обратное: руководители и специалисты не столько сопротивлялись реформе, сколько использовали ее в целях номенклатурной приватизации. В ходе перераспределения земли и реорганизации колхозов и совхозов начальству и его окружению достались лучшие земельные участки, большие имущественные паи и проч.

В 1998 г., по результатам социологического исследования «Местная политика в российских регионах», проведенного центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова в 72 субъектах Российской Федерации, в том числе и в Чувашской Республике, было опрошено 698 представителей республиканской, областной законодательной и исполнительной власти, которые охарактеризовали причины конфликтов, возникших в 1996—1997 гг. на почве землепользования (табл. 3)³⁸.

В 1999 г. мною были проведены интервью с 12 представителями высшей законодательной и исполнительной власти Чувашской Республики (министры, глава Госсовета и т.д.). Среди приоритетных задач, решаемых

**Оценка причин конфликтов, возникающих
на почве землепользования (в % к числу конфликтов)***

Суть конфликта	Законодательная власть	Исполнительная власть
Вопросы, связанные с распределением земельных участков	12,5	11,7
Незаконный захват земли	6,2	9,3
Административные границы	6,5	6,9

* Материалы исследования в 72 российских регионах (N = 698).

в ближайшей перспективе (1 год), были выделены своевременная выплата зарплаты, пенсий, повышение уровня собираемости налогов, поддержка наименее защищенных групп населения, обеспечение безопасности граждан. А реформу системы землепользования 7 экспертов предлагали решать в течение длительного периода (до 5 лет), а 5 экспертов посчитали ее неактуальной проблемой для республики на момент исследования.

Историко-социологический анализ современного сельского социума показывает появление на волне популизма руководителей, лидеров, носителей духа «дикого капитализма», для многих из которых характерны некомпетентность, низкий профессионализм, политический и культурный провинциализм. Особенно опасен для крестьянской общности свойственный этим людям статус временщика, осознающего случайность повышения и стремящегося к корыстному использованию своего положения — поспешному получению престижной и доходной должности, высокого оклада, материальной выгоды и т.п.

В условиях, когда большинство трудоспособных жителей села не может получить оплачиваемой работы, количество сельскохозяйственных предприятий должно не уменьшаться, а увеличиваться. Социальная детерминация этого дополняется и новыми экономическими условиями, которые создаются фактом членства России в ВТО. Государство и бизнес несут ответственность за обеспечение всеобщей занятости для трудоспособных членов общества. Однако эта модель плохо совместима с современными сельскими реалиями, которые трудно поддаются обновлению ресурсами аграрной политики в ее современной форме.

5. ДИНАМИКА РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛА И АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В 2000-Х ГОДАХ

Глубокие трансформационные процессы в сфере экономической жизни сельского сообщества, запущенные в России с начала 1990-х гг., привели к многоукладной экономике. Наиболее сильными по воздействию факторами, повлиявшими на аграрные уклады, были: ликвидация государственной монопольной собственности на земли сельскохозяйственного назначения; прекращение масштабной государственной поддержки аграрных производителей; понижение технологического уровня (вплоть до архаизации)

производства значительной части аграрных производителей в результате сокращения количества имеющейся в их распоряжении техники, использования удобрений и средств защиты растений, оттока квалифицированных кадров; резкое и глубокое сокращение государственной поддержки социальной и культурной сфер жизни сельских сообществ и др.

В настоящее время в сельском хозяйстве сформировалась многоукладная экономика, которую представляют:

— коллективный (корпоративный) сектор, который образуют крупные сельхозпредприятия — преемники колхозов и совхозов. В 1995 и 2010 гг. в Российской Федерации они производили соответственно 94,4 и 77,1 % зерна, 49,9 и 60,6 % мяса. В Чувашской Республике на долю сельхозпредприятий приходилось соответственно: 95,1 и 81,9 %, 46 и 41,2 %³⁹.

— личные подсобные хозяйства, на долю которых в 2010 г. в стране приходилось 71,5 % производства овощей, 84 % — картофеля, 50,4 % — молока. В 1990 г. в Чувашии в структуре производства всей сельскохозяйственной продукции ЛПХ (хозяйства населения) имели 30,9 %, а в 2010 г. на их долю приходилось 66,9 % сельхозпродукции, 87,4 % овощей, 74,2 % молока, 85,0 % картофеля, 57,4 % мяса⁴⁰. Достигнутый объем сельхозпродукции в семейном секторе, вероятно, является наивысшим, в ближайшие годы здесь ожидается спад производства, связанный прежде всего с уменьшением численности занятых в данном сегменте аграрной экономики.

— фермерский сектор, доля которого в общем объеме в 2010 г. в Чувашской Республике составляла 3,2 %. На долю крестьянских (фермерских) хозяйств приходилось 17,1 % зерна, 5,4 % картофеля, 2,1 % молока, 1,4 % мяса⁴¹.

Итак, многоукладность и многовариантность позволили деревне устоять, выжить в очень неблагоприятных обстоятельствах, оказать сопротивление разорительным реформам сверху. Эти формирования могут стать стартовой площадкой для развития сельских территорий, базирующихся на использовании индивидуальных и коллективных инициатив, местных ресурсов, кооперации и интеграции мелких, средних и крупных форм сельскохозяйственного производства и агробизнеса.

В 2002 г. был принят закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», разрешающий юридическим лицам с иностранным капиталом покупать земли сельскохозяйственного назначения, если доля иностранного капитала менее 50 %.

Вопреки мировой практике российское правительство считает, что аграрная сфера должна функционировать на принципе самодостаточности, поэтому доля сельского хозяйства в общих расходах федерального бюджета снизилась с 19,8 в 1991 г. до 1 % в 2006 г. В Чувашской Республике расходы на сельское хозяйство за 2005—2010 гг. увеличились с 468,1 млн до 2 263,1 млн руб., что составляло соответственно 3 и 6,4 % в общем бюджете региона⁴².

Время реформ, декларировавшихся как рыночные, ведущих к всеобщему прогрессу, улучшению жизни крестьянина, ознаменовалось рез-

ким падением производства, разрушением материально-технической базы сельского хозяйства, деградацией сельского социума. За 1990—2010 гг. в стране с 116,7 до 60 млн тонн уменьшился валовой сбор зерна (при сокращении посевных площадей всех сельскохозяйственных культур с 117,7 до 75,1 млн га), с 57 до 19,9 млн — сократилось поголовье крупного рогатого скота, с 38,3 до 17,2 млн — поголовье свиней⁴³.

В Чувашской Республике, как и в большинстве субъектов Российской Федерации, отмечалось падение производства сельскохозяйственной продукции. За 1990—2010 гг. в хозяйствах всех категорий валовой сбор зерна уменьшился с 946,9 тыс. до 571,3 тыс. тонн, молока — с 618,7 тыс. до 494,6 тыс. тонн⁴⁴. В большей степени этот спад был связан как с общей экономической ситуацией в стране, так и с поспешной реорганизацией колхозов и совхозов. За 1990—2011 гг. численность колхозов в Чувашии уменьшилась с 220 до 16, совхозов в 1990 г. насчитывалось 133, с 2000 г. не стало ни одного. Вместо них были организованы сельскохозяйственные предприятия новых организационно-правовых форм хозяйствования, среди которых в 2011 г. насчитывалось 169 кооперативов, 211 обществ с ограниченной ответственностью, 57 акционерных обществ⁴⁵.

Большинство сельскохозяйственных предприятий республики представляет собой различные организационно-правовые формы частной собственности, в основном это сельскохозяйственные производственные кооперативы (в 2011 г. — 148 хозяйств).

Агропромышленный комплекс является одним из жизненно важных секторов экономики Чувашской Республики. В 2009 г. в сельском хозяйстве создано 9,7 % валового регионального продукта, среднегодовая численность занятых составляла 5,2 %⁴⁶. В ведении землепользователей, занимающихся сельскохозяйственным производством, находится 1 038 тыс. га сельскохозяйственных угодий, или 56,6 % земельного фонда. В 2011 г. в республике действовали 2 198 организаций агропромышленного комплекса, 1 558 крестьянских (фермерских) хозяйств, за 2007—2011 гг. их численность уменьшилась на 778 хозяйств. В 2011 г. АПК региона насчитывал 20,8 тыс. работников, из них 66,9 % имели профессиональное образование (18,4 % — высшее, 35,1 % — среднее, а 46,5 % — начальное)⁴⁷.

В Чувашской Республике производственный потенциал аграрного сектора понес серьезные потери (табл. 4). За 1990—2010 гг. посевные площади уменьшились с 799,8 до 571,9 тыс. га, численность крупного рогатого скота сократилась с 526,1 до 223 тыс., свиней — с 507,8 до 212,2 тыс., овец и коз — с 401 до 171,3 тыс. голов. Объемы применения органических удобрений уменьшились с 471,7 до 313,2 тыс. тонн (более чем в 14 раз)⁴⁸.

За 1990—2011 гг. в Чувашии численность крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях уменьшилась в 5 раз, а в личных подсобных хозяйствах населения произошло увеличение с 134,9 тыс. до 148,3 тыс. голов⁴⁹.

**Динамика основных показателей производственного потенциала
сельского хозяйства Чувашской Республики**
(в хозяйствах всех категорий)*

	1990	1995	2000	2005	2009	2010
Посевные площади, тыс. га	799,8	770,6	693,1	564,7	595,7	571,9
Поголовье скота, тыс. голов						
В том числе коровы	526,1	431,0	343,9	261,8	236,0	223,0
свины	202,0	206,9	180,8	143,9	123,8	118,0
овцы	507,8	350,8	280,7	154,1	183,3	212,2
козы	401,0	295,5	204,7	175,6	171,6	171,3
Объемы применения органических удобрений, тыс. т	4271,7	2971,1	1136,4	449,5	354,5	313,2
Среднегодовая численность работников в сельхозпредприятиях, тыс. чел.	131,5	108,3	88,6	38,6	22,6	20,0

* Источники: ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Оп. 1. Д. 640 Л. 33; Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2007 / Чувашистат. Чебоксары, 2007. С. 17, 23, 31; Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2011 / Чувашистат. Чебоксары, 2011. С. 33; Труд в Чувашской Республике, 2011 / Чувашистат. Чебоксары, 2011. С. 83.

В Чувашии за 1991—2010 гг. уменьшился парк основных видов сельскохозяйственной техники: тракторов — с 12 413 до 3 262, зерноуборочных комбайнов — с 3 075 до 783, грузовых автомобилей — с 7 342 до 2 274⁵⁰.

Износ парка тракторов составляет 85 %, зерноуборочных комбайнов — 87 %. Ежегодное обновление по тракторам составляет 1,2 % (норма 10 %), зерноуборочным комбайнам — 2,8 % (норма 10 %) при списании 8—9 %. Годовая нагрузка на сельскохозяйственную технику увеличилась по ряду районов в 1,5—2 раза: средняя нагрузка за 1996—2007 гг. возросла с 58 до 106,3 га. Для доведения парка сельскохозяйственной техники до требуемого количества, обеспечивающего проведение сельскохозяйственных работ, необходимо ежегодно закупать не менее 850 тракторов и 220 зерноуборочных комбайнов на общую сумму 900 млн руб.

Сокращение производственного потенциала закономерно сопровождается снижением масштабов производства. За 1990—2009 гг. производство зерна на душу населения в Чувашии снизилось с 707,4 до 448,1 кг, картофеля — с 695,9 до 633,2 кг, мяса — с 83,5 до 57,4 кг, молока — с 462,3 до 387,0 кг (табл. 5). В сельскохозяйственных предприятиях производство снижается более высокими темпами, чем в хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах, удельный вес коллективного сектора падает.

В результате нарастания диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, используемую в сельском хозяйстве, резкого сокращения бюджетной и кредитной поддержки государства, отсутствия гарантированного рынка сбыта отечественной продукции при одновременном давлении импорта резко снизилась эффективность отечественного аг-

**Производство продукции сельского хозяйства на душу населения
в Чувашской Республике (кг)***

	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010
Зерно (в весе после доработки)	707,4	359,8	382,2	306,8	408,1	448,1	102,0
Картофель	695,9	698,5	448,1	598,2	610,5	633,2	240,7
Овощи	73,8	78,4	148,1	170,8	85,4	85,6	79,2
Мясо (в убойном весе)	83,5	56,7	50,2	47,3	54,1	57,4	55,6
Молоко	462,3	421,4	349,9	335,1	385,5	378,0	395,0
Яйца, шт.	286,5	199,7	191,2	219,3	208,7	224,1	227,1

* Источники: ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Оп. 1. Д. 640. Л. 16; ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Д. 1025. Л. 22; Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2008 / Чувашстат. Чебоксары, 2008. С. 11; Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 14.

рарного сектора, основная масса сельскохозяйственных предприятий стала убыточной. В Чувашии в 1995 г. 32,7 %, в 2000 г. — 57,2 %, в 2009 г. 24 %, в 2010 г. 41 % сельхозпредприятий были убыточными⁵¹.

Проводимая аграрная политика поставила массу ранее устойчиво работавших крупных сельскохозяйственных предприятий в разряд несостоятельных, что является основанием для проведения процедуры банкротства. Эта практика в ближайший период может расширяться, так как агропродовольственная политика предусматривает государственную поддержку только устойчиво работающих хозяйств, которые способны обеспечить эффективное использование выделяемых средств.

В результате значительного сокращения количества сельскохозяйственных предприятий за 1990—2010 гг. численность работающих в сельском хозяйстве Чувашской Республики уменьшилась с 131,5 тыс. до 20 тыс. чел. (в 6,5 раз). Ухудшается качественный состав кадров сельского хозяйства. За 1998—2010 гг. удельный вес механизаторов 1 и 2 классов снизился с 70 до 64 %. За 2006—2010 гг. доля работников сельского хозяйства старше сорока лет увеличилась с 59,3 до 68,5 %, а доля молодежи уменьшилась с 19,7 до 15,9 %⁵².

Достаточно парадоксальным является то, что своеобразный ренессанс крестьянского уклада стал одним из немногих, хотя и неожиданным позитивным результатом аграрного реформирования. К нему подтолкнула массы селян суровая необходимость выживания в новых общественно-экономических условиях. Сейчас много пишут о насильственном «раскрестьянивании» в советской России. Но, оказывается, и современное «окрестьянивание» сельского населения происходит отнюдь не добровольно, а под огромным прессом экономического принуждения, в конце концов, под угрозой голода⁵³.

Тяжелые финансово-экономические условия хозяйствования привели к резкому ухудшению соотношения заработной платы в сельском хозяйстве и других отраслях экономики. Сельскохозяйственный труд полностью

обесценился. В 1995 г. среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства составляла 50,4 %, в 2000 г. — 34,2 %, в 2007 г. 47,5 %, а в 2010 г. 57,3 % от среднемесячного уровня оплаты труда в экономике Чувашии⁵⁴.

Рыночная экономика тяжелым бременем легла на сельхозтоваропроизводителей, непосредственно отразилась на материальных стимулах крестьянства. Хозрасчет, оплата от валового дохода, премирование за экономию затрат, надбавки за стаж — все это осталось в прошлом, а сельским труженикам в очередной раз приходится ждать лучших времен. А придут ли они, когда это будет — вечные вопросы, требующие своевременного ответа.

В аграрном секторе Чувашской Республики пока не наступил кардинальный перелом к лучшему, а достигнутые улучшения еще не носят устойчивый характер. Учитывая, что для повышения доходов, материального благосостояния, уровня жизни сельского населения первоочередное значение имеют увеличение объемов сельскохозяйственного производства, в том числе на основе создания новых рабочих мест, и улучшение финансово-экономического состояния аграрного сектора, необходимо усилить его государственную поддержку, обеспечить мобилизацию всех внутренних резервов развития регионального агропромышленного комплекса.

Сельское население Чувашии характеризуют некоторые этнонациональные особенности. В 2010 г. чувашаи — лица коренной (титульной) национальности — составляют 67,7 % населения республики. В то время как в других национальных республиках Приволжского федерального округа представители этноса, давшего название той или иной республике, составляют менее половины населения. А в структуре сельского населения Чувашской Республики абсолютное большинство (более 85 %) — чувашаи.

Численность чувашей в стране за 1989—2010 гг. уменьшилась на 46 тыс. чел., в 2010 г. составила 1 435,8 тыс. чел. (в сельской местности — 731,6 тыс.). В Чувашской Республике проживают 814 750 лиц чувашской национальности, что составляет 56,7 % чувашей в стране⁵⁵.

Анализу сельского хозяйства страны, социально-экономического развития нечерноземной деревни посвящены научные изыскания Т.Г. Нефедовой, которая выделяет национально-региональные особенности в пространственной организации сельской местности. «Национальные различия наиболее ярко проявляются в разнообразии индивидуальных сельских хозяйств, их специализации и товарности, но влияют и на агропредприятия. Периферийные нечерноземные районы, в которых преобладает русское население с его сильной депопуляцией и длительным негативным отбором, явно контрастируют с демографически более полноценными сельскими сообществами таких же окраинных чувашских, татарских, башкирских сел. Архаичные «островные» этнические сообщества в современных кризисных условиях оказались более устойчивыми и зачастую даже более гибкими»⁵⁶.

В 2006 и 2009 гг. для улучшения жизни населения региона соответственно 20,8 и 17,1 % опрошенных сельчан считали необходимым разви-

вать малый и средний бизнес, 24 и 32,6 % — усилить государственный контроль за экономикой, а 62,9 и 55,6 % — создавать новые рабочие места. В 2009 г. 39,5 % респондентов считали, что необходимо навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией в стране, в республике, а 57,2 % требовали улучшения медицинского обслуживания в сельской местности.

В результате реорганизации коллективных хозяйств был сделан первый шаг на пути создания многоукладной аграрной экономики на базе равноправия всех форм собственности и форм хозяйствования на земле. Однако ощутимых положительных результатов в повышении эффективности сельскохозяйственного производства и увеличении его объемов эта реорганизация не принесла. Объемы производства и доля коллективных сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции после их реорганизации неуклонно падают. И фермерские хозяйства не дали ощутимых результатов, их сельскохозяйственный потенциал в Чувашии составляет около 3 %, в ближайшей перспективе они вряд ли смогут кардинально изменить ситуацию в сфере производства сельскохозяйственной продукции.

Исследования, проведенные нами в Чувашии, показали, что в 2000 г. 52,5 %, а в 2009 г. 49,6 % опрошенных крестьян указали на отрицательное влияние реорганизации колхозов и совхозов 1990-х гг. на экономическое положение сельскохозяйственных предприятий. Среди форм организации сельскохозяйственного производства наиболее эффективными были названы колхоз (29,5 % — в 2000 г. и 20,3 % — в 2009 г.), крестьянское (фермерское) хозяйство (6,2 % в 2000 г. и 15,1 % в 2009 г.), а 33,9 % в 2000 г. и 33,5 % респондентов в 2009 г. были согласны с существованием различных форм хозяйствования.

Селяне при своей жизни хотят увидеть и почувствовать позитивные результаты очередного аграрного реформирования. Выдающийся русский экономист А.В. Чаянов в работе «Крестьянское хозяйство» писал: «...для народа важна не собственность на землю, а важно то, чтобы он получил доступ к земле и чтобы ему не мешали работать на ней устойчиво и производительно. Ему важно также, чтобы земля не скапливалась в руках новых богачей. Между тем при частной собственности земля весьма легко ускользает из рук бедных землевладельцев и скапливается в руках богатых»⁵⁷.

В условиях социально-экономической дифференциации беднейшие слои сельского населения — а они составляют абсолютное большинство — не смогут в равной степени конкурировать с богатыми, состоятельными покупателями. И этот фактор также может послужить основанием осложнения социальной ситуации в многонациональной деревне Чувашии.

Исследование процесса реализации аграрных преобразований в Чувашской Республике в конце XX — начале XXI в. показывает, что чувашское крестьянство с осторожностью подходит к разного рода нововведениям в сельском социуме.

Реорганизация колхозов и совхозов не привела к ожидаемому повышению сельскохозяйственного производства, лидирующее положение заняли личные подсобные хозяйства сельского населения. Формирующиеся акционерные предприятия, агрохолдинги в Чувашии только начинают эффективно действовать, малый и средний бизнес на селе, не ощутив государственной поддержки, не смог еще кардинально повлиять на улучшение экономической ситуации.

Аграрные преобразования не принесли экономического оживления в чувашской деревне, наоборот, они сопровождаются спадом объемов и эффективности сельскохозяйственного производства. Существенно снижается уровень жизни сельского населения, усиливается социально-имущественная дифференциация (расслоение) сельского социума, уменьшается доля экономически активных и профессионально подготовленных специалистов в агропромышленном производстве, понижается социальный статус хозяина земли — крестьянина. Сегодня растут ряды беднейших слоев сельского населения, повышается вероятность потери работы, увеличивается количество безработных, в том числе среди молодежи. Социальные ожидания крестьян не связываются с оптимистическими перспективами на улучшение экономического положения, в целом их жизни. В 2002 г. 21,3 % и в 2009 г. 13,5 % крестьян смогли спрогнозировать улучшение жизни через 10 лет, а соответственно 32,7 и 21,9 % ответили, что никогда у большинства населения Чувашии жизнь не улучшится.

Необходим мониторинг социально-психологических факторов изменения отношения различных социальных групп сельского населения к аграрной реформе, нужна системная работа по воспитанию предпринимчивости в сознании людей, поддержка духа предпринимательства крестьян. Решение всех вышеназванных задач представляется наиболее кардинальным шагом в реформировании агропромышленного комплекса, от успехов которого в конечном счете зависят судьба крестьянства и перспективы дальнейшего развития Российской Федерации в целом, ее субъектов в особенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XX—XXI столетий либеральные реформы стали серьезным испытанием для многонациональной российской деревни, отразились на функционировании агропромышленного комплекса, произошло резкое снижение объема производства сельскохозяйственной продукции, размеров оплаты труда, уровня жизни сельского населения.

Происходит формирование социальной базы аграрных преобразований, то есть тех социальных групп, которые поддерживают реформу и активно в ней участвуют. Аграрная реформа разрушила старую структуру хозяйствования и управления, нарушив отлаженный механизм интеграции сельского социума с сельскохозяйственными предприятиями. Неэффективность проводимых мероприятий в агропродовольственном комплексе объясняется

малой государственной помощью финансовыми и материальными ресурсами, ментальностью российского крестьянства, склонного к коллективным формам ведения хозяйства.

В то же время индивидуализм как основа западного типа модернизации с трудом прокладывает себе дорогу в традиционной общественной организации жизни, какой она в основном сохраняется в деревне до сих пор. Не следует искусственно ускорять данный процесс — подавлять коллективность во имя индивидуализма.

Происходит социально-экономическая дифференциация деревенского сообщества, уменьшается численность экономически активных и профессионально подготовленных специалистов, понижается социальный статус крестьянства. Вместо ожидаемого «среднего класса» аграрные преобразования умножают ряды беднейших слоев сельского населения, повышается вероятность потери работы для сельских жителей. Молодежь, имеющая высокий образовательный уровень, ориентируется на получение престижной профессии, специальности, гарантирующей в условиях рынка материальное благополучие, достойную жизнь.

Современной деревне нужны руководители, способные организовать дело по-новому, в соответствии с изменившимися условиями и поставленными задачами. Среди молодых специалистов (агрономов, инженеров, зоотехников) имеется немало компетентных, преданных селу талантливых людей, способных стать опытными организаторами, управленцами, хозяйственниками. В этом направлении необходимо объединить усилия государственных органов, бизнеса, сельского сообщества, создать комфортные условия для производственной деятельности и проживания в сельской местности.

Реализация приоритетных национальных проектов направлена на преодоление негативных результатов реформирования села, актуализирует необходимость научного осмысления источников возрождения и путей развития села, выделения интегративных процессов в сельском социуме. И задача ученых-аграрников — выявить и использовать эти ростки в качестве потенциала возрождения сельского хозяйства, деревни в целом.

Литература и источники

¹ Заседание Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. URL: <http://dovernment.ru/news/2001> (дата обращения: 04.07.2014).

² Совместное заседание Государственного Совета и Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, 21 апреля 2014 г. URL: <http://szfo.gov.ru/news&id=40412> (дата обращения: 16.06.2014).

³ Черныш М.Ф. О модернизации в России и Китае // Социс. 2013. № 4. С. 143.

⁴ Социологический энциклопедический словарь // ред.-коор. — академик РАН Г.В. Осипов. М., 1998. С. 293—294, 304.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10218. Оп. 1. Д. 40. Л. 44—45; Ф. 10218. Оп. 1. Д. 33. Л. 75.

⁶ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 2680. Оп. 1. Д. 23. Л. 9—11.

- ⁷ ГИА ЧР. Ф. 2680. Оп. 1. Д. 30. Л. 22—24, 26—27.
- ⁸ Аграрное законодательство Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов и документов / сост. М.С. Пашова. М.: Юрист, 1999. С. 290—293.
- ⁹ Лосева Е. Хлеб, наш батюшка // Советская Чувашия. 1992. 26 августа.
- ¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 2681. Оп. 1. Д. 98. Л. 2, 9.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 10218. Оп. 1. Д. 83. Л. 2—7.
- ¹² ГИА ЧР. Ф. 2681. Оп. 1. Д. 98. Л. 8—9.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 268. Л. 60.
- ¹⁴ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 2942. Оп.1. Д. 8. Л. 6.
- ¹⁵ Аграрное законодательство Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов и документов. С. 15—29.
- ¹⁶ ГИА ЧР. Ф. 1041. Оп. 6. Д. 2348. Л. 1—2.
- ¹⁷ Там же. Ф. 2681. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Д. 51. Л. 4, 10.
- ¹⁹ Там же. Л. 56—58.
- ²⁰ Хозяйствующие субъекты Чувашской Республики на 1 января 2011 года / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 66.
- ²¹ Сделать нашу республику краше и богаче только созидательным трудом // Советская Чувашия 2013. 18 декабря.
- ²² Российское село в условиях глобальных вызовов. Уфа, 2014. С. 216.
- ²³ ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Оп. 1. Д. 640. Л. 3.
- ²⁴ Арзамасова Л. Чувашия в зеркале переписи // Советская Чувашия. 2012. 12 января.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 6532. Л. 1—2.
- ²⁶ Там же. Д. 6587. Л. 23—24.
- ²⁷ Там же. Л. 28—29.
- ²⁸ Там же. Д. 6613. Л. 4; Д. 6614. Л. 1—8; Д. 6615. Л. 1—5.
- ²⁹ ГИА ЧР. Ф. 2680. Оп. 1. Д. 36. Л. 1—20.
- ³⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 2994. Оп. 3. Д. 124. Л. 45.
- ³¹ Там же. Л. 47—48.
- ³² См.: Ромашин А.Ф., Черкасов Г.И., Широкалова Г.С. Аграрные отношения и аграрная политика в современной России. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2002. С. 75—77.
- ³³ ГАСИ ЧР. Ф. 2994. Оп. 3. Д. 2. Л. 7, 8.
- ³⁴ Там же. Ф. 2939. Оп. 1. Д. 147. Л. 47.
- ³⁵ Там же. Д. 840. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Ф. 2994. Оп. 4. Д. 63. Л. 5, 6.
- ³⁷ Там же. Л. 24, 38.
- ³⁸ Статистический отчет по результатам социального исследования «Местная политика в российских регионах». М.: ЦСИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. С. 17.
- ³⁹ Регионы России: социально-экономические показатели, 2011. М., 2011. С. 522—523, 529—530.
- ⁴⁰ Там же. С. 525—532; ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Оп. 1. Д. 640. Л. 4; Д. 477. Л. 8; Статистический ежегодник Чувашской Республики, 2003. Чебоксары, 2003. С. 264; Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2011. Чебоксары, 2011. С. 12.
- ⁴¹ Текущий архив Министерства сельского хозяйства Чувашской Республики.
- ⁴² Социальное положение и уровень жизни населения Чувашии, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 21.
- ⁴³ Регионы России: социально-экономические показатели, 2011 / Росстат. М., 2011. С. 546—547, 568—571.
- ⁴⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Оп. 1. Д. 640. Л.10; Регионы России, 2011 / Росстат. М., 2011. С. 547, 583.
- ⁴⁵ Текущий архив Министерства сельского хозяйства Чувашской Республики.
- ⁴⁶ Основные показатели экономического и социального развития Чувашской Республики (2003—2010 гг.) / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 26, 86.
- ⁴⁷ Текущий архив Министерства сельского хозяйства Чувашской Республики.
- ⁴⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Оп. 1. Д. 640. Л. 7; Агропромышленный комплекс Чувашии, 2008 / Чувашстат. Чебоксары, 2008. С. 29, 31, 39; Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 20.
- ⁴⁹ Чувашия — цифры и факты, 2008 / Чувашстат. Чебоксары, 2008. С. 16—17; Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 33.

⁵⁰ Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 17.

⁵¹ ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Оп. 1. Д. 640. Л. 16; Основные показатели экономического и социального развития Чувашской Республики (2003—2010 гг.) / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 208.

⁵² Труд в Чувашской Республике, 2007 / Чувашстат. Чебоксары, 2007. С. 27, 29. Труд в Чувашской Республике, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 28.

⁵³ *Крухмалев А.Е.* Социологическое исследование потенциала села // Социс. 2004. № 12. С. 138.

⁵⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 3002. Оп. 1. Д. 1025. Л. 59; Агропромышленный комплекс Чувашии, 2007 / Чувашстат. Чебоксары, 2007. С. 65; Труд в Чувашской Республике, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. С. 156, 158.

⁵⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4 / Росстат. М., 2012. С. 20, 196.

⁵⁶ *Нефедова Т.Г.* Географические вариации сельского хозяйства и их возможные изменения // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 61.

⁵⁷ *Чаянов А.В.* Избранные произведения. М., 1990. С. 254.

СЕССИЯ 3
ЧУВАШИ В СЕМЬЕ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

М.Г. Кондратьев

**«ЧУВАШСКИЙ СЛЕД» В ФОЛЬКЛОРЕ
ЗАВЯТСКИХ УДМУРТОВ**

Оппоненты: И.М. Нуриева, Г.Б. Матвеев, С.В. Ильина

К ПРОБЛЕМЕ ЧУВАШЕЙ ЗАКАЗАНЬЯ

Базовые основы музыкально-поэтического творчества древних предков удмуртов и предков чувашей в структурно-типологическом отношении весьма различны, и обнаруживаемые сегодня параллели в языке, фольклоре и материальной культуре имеют происхождение в более позднее время, охватывающее примерно II тысячелетие н.э., когда стали возможными их непосредственные контакты.

За истекшие десять веков культуры чувашей и удмуртов претерпели значительную эволюцию. В них, в зависимости от конкретных местных условий, отложились следы длительных и многоплановых взаимодействий с соседящими народами. Касясь таких взаимодействий в культуре и языке, исследователи истории удмуртского народа обычно указывают коми, русские, марийские, татарские параллели. Чувашаи в этом ряду, как правило, не рассматриваются, поскольку историки и этнографы, языковеды и фольклористы единодушно поддерживают мнение, что «после складывания чувашской народности и нации удмурты с последними никогда не соприкасались и не имели непосредственных торгово-экономических связей»¹.

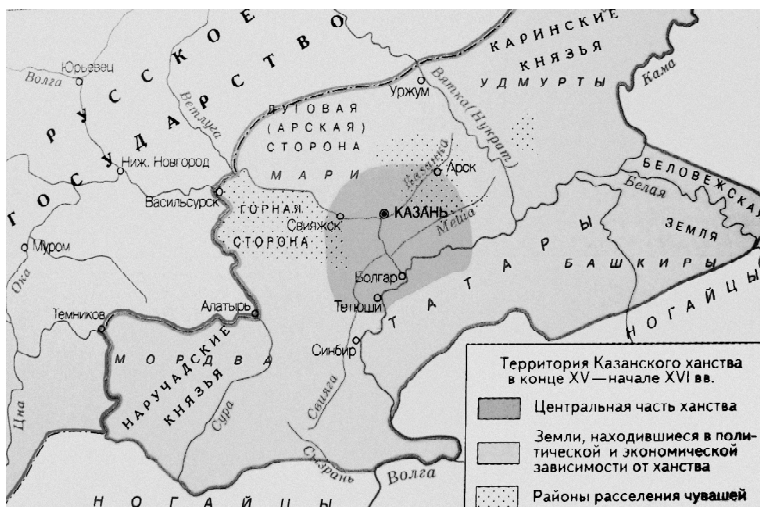
Но не подвергаются сомнению и очевидные параллели удмуртского фольклора с чувашским. Впервые вопрос о них был подробно рассмотрен автором настоящей работы четверть века тому назад в докладах и статьях «On regional ethnomusical ties between the peoples in the Volga and the Uralregion (based on the research of parallels between the Udmurt and the Chuwash musical folklore» (1989) и «О чувашско-удмуртских этномусыкальных параллелях» (1990)².

Касаясь языковых параллелей, обычно уточняют, что в удмуртском языке их правильнее называть не чувашскими, а болгарскими, то есть относящимися к давней истории — до XIV в. Согласно хронологии, разработанной лингвистами, болгарские заимствования в пермских языках датируются VIII—XIII вв., а следующий период тюрко-удмуртских отношений относится к XIII—XVI вв. и связан в языке уже не с болгаро-чувашскими, а с татарскими заимствованиями³, которых в удмуртской культуре обнаруживается также достаточно много, причем многие населенные пункты удмуртов «отатарены» в течение нескольких последних веков. Чувашский язык используется лишь как инструмент для подсчета, сколько слов в удмуртском языке имеет болгарское происхождение. Таковых в словаре, составленном М.Р. Федотовым, свыше четырехсот, по данным И.В. Тараканова — более двухсот⁴.

В этой простой и, казалось бы, убедительной исторической схеме взаимодействий чувашской и удмуртской культур упускаются два момента, ей противоречащие.

Во-первых, есть факты, свидетельствующие о пребывании чувашей в Заказанье (на территории арских или, если смотреть с противоположной стороны, завятских удмуртов) и в XVI—XVII вв. Так, по данным писцовых, отказных и межевых книг русских властей XVI—XVII вв. составлен и опубликован список чувашских деревень левобережья Волги, входивших в состав Казанского ханства, из *нескольких сотен* названий. Известно, что впоследствии они стали татарскими. В.К. Кельмаков цитирует грамоту 1680 г., упоминающую в одном ряду земли здешних удмуртов, чувашей и марийцев⁵. Иначе говоря, чувашаи документально фиксировались здесь практически весь XVII в. Поэтому специалисты по истории чувашского народа считают, что в середине XVI в. чувашаи наряду с современной территорией заселяли Приказанье и Заказанье, ибо «от Казани на восток вплоть до Средней Камы широкой полосой растянулась Чувашская даруга (позднее Зюрейская дорога Казанского уезда)»⁶. Согласно источникам, первоначально селившиеся в Заказанье болгаро-чувашаи ассимилировали часть местных удмуртов и частично оттеснили их на север. Эта территория показана на картосхеме (с. 62).

Судьба здешней группы чувашей видится такой: «После образования в середине XV в. Казанского ханства заказанские (или «арские» — от города Арск) “чуваша” в ходе завоевания Старой Казани Улу Мухаммедом мигрируют сначала в бассейн Илети на марийские земли и только впоследствии из-за Волги перебираются на территорию нынешнего Мариинско-Посадского района Чувашии. Оставшаяся в Заказанье часть болгаро-чуваш-

Территории расселения чувашей в конце XV — начале XVI в.⁷

ского населения к концу XVII в. окончательно растворилась среди казанских татар»⁸. Наиболее подробно аргументация изложена В.Д. Димитриевым⁹. Высказано также предположение, что и здешние чуваша «частично обудмуртились»; поэтому не исключено, что «этноним “чуваша” в... документах использовался для обозначения особой этнической группы удмуртов»¹⁰.

Второй момент появляется при сравнительном изучении современного песенного фольклора южных удмуртов с аналогичными материалами соседних народов. При накоплении материала выясняется, что в этой области столь многочисленных и очевидных параллелей, подобных чувашским, нет ни у марийцев, ни у татар, ни у русских. Этот факт пока не столь известен в этнологии, поскольку компаративные фольклористические и этномузыковедческие исследования в регионе только разворачиваются.

Нельзя не упомянуть еще одну точку зрения, излагаемую в трудах по истории татар и Казанского края. Ряд казанских авторов утверждает, что неоднократно фиксируемые в летописях «арская чюваша», «ясачная чюваша» на землях Казанского ханства — термин не этнический, а сословный: «В “ясачных чувашах” надо видеть... этносословную группу, в формировании которой основную роль сыграли болгары, скорее всего, включившие в свой состав и перешедших к оседлости кыпчаков, а также других тюрок, ранее находившихся среди кочевой части населения Золотой Орды...»¹¹ Тем самым подразумевается, что «чюваша» письменных источников эпохи Казанского ханства имели отношение к любым тюркоязычным этносам, только не к одноименному. Обычной логикой этот ход мысли трудно объяснить.

* * *

Приступая к сравнительному изучению музыкального фольклора зятских удмуртов и чувашей, целесообразно оттолкнуться от факта, отмеченного исследователем этнической истории удмуртов В.К. Кельмаковым.

В статье «К истории удмуртов правобережья Вятки» он обращает внимание на «загадочную судьбу чувашей, которых писцовые книги XVII века застают в Заказанье, а грамоты Трифонова монастыря — на территории Кукморского района [Татарстана], где в настоящее время нет ни одного чувашского поселения»¹². Выдвигая тезис об «обудмурчивании» части местных чувашей, Кельмаков сообщает, что «удмурты дд. Старая Уча и Важашур считают себя выходцами из деревни Люга, которая в XVII веке считалась чувашской (т.е. удмуртской); а к настоящему времени деревня полностью отатарилась». Это подтверждают и документы, опубликованные В.Д. Димитриевым: деревня Люга имеется в списках чувашских населенных пунктов Казанского уезда 1642—1646 гг.¹³

К настоящему времени в Старой Уче записано и опубликовано 17 образцов традиционных народных песен, еще один — в Важашуре (в сборнике И.М. Нуриевой 1995 г. это название дается в транскрипции «Вожашур»)¹⁴. В свете приведенных В.К. Кельмаковым данных наличие такого материала дает повод сопоставить его особенности:

- а) с песенным фольклором ближайшего удмуртского окружения;
- б) с общими данными о фольклоре южных удмуртов, в частности завятских удмуртов;
- в) наконец, с данными о чувашском песенном фольклоре.

По первым двум пунктам выводы можно сделать, опираясь на исследования удмуртских ученых. Ответ на третий вопрос, который и является главной целью доклада, требует сопоставления восемнадцати образцов из Старой Учи и Важашура, а также почти полутора сотен доступных нам кукморских записей с данными музыкального чувашеведения. Это более трудоемкая задача, поскольку, кроме упомянутых двух статей четвертьвековой давности, на эту тему исследований нет.

Расположение селений, основанных выходцами из д. Люга

1. СТАРОУЧИНСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ БЛИЖАЙШЕГО УДМУРТСКОГО ОКРУЖЕНИЯ

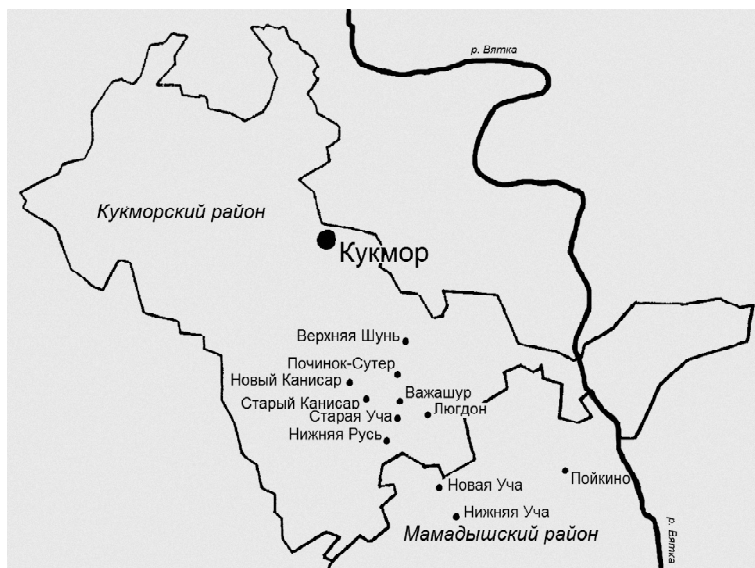
В этнографическом отношении население деревень Старая Уча и Важа-шур не обособляется от соседей. Напротив, оно естественно включается в одну из старейших воршудно-родовых групп южных удмуртов — Уча. Одинадцать селений рода Уча фиксируются на территории современных Кукморского и Мамадышского районов Республики Татарстан с начала XVIII в. В том числе уже известные нам деревни Важашур и Старая Уча, а также близлежащие — Новый Канисар, Старый Канисар, Верхняя Шунь, Починок-Сутер, Люгдон, Нижняя Русь, Новая Уча, Пойкино, Нижняя Уча¹⁵. Все они компактно располагаются поблизости от интересующих нас селений, предположительно связанных с архаичным чувашским населением, в течение трех веков ассимилированным удмуртами рода Уча (см. картосхему).

Обратимся к музыкально-фольклорному материалу, записанному в деревнях Старая Уча и Важашур, а также в близлежащих и примыкающих к ним удмуртских населенных пунктах, образующих «куст» из 11 деревень рода Уча.

Населенный пункт	Записи И.М. Нуриевой (номера в сборнике 1995 г.)	Записи Л. Викара (номера в сборнике 1989 г.)
Новый Канисар	39, 42, 71, 103, 81, 121, 138	3, 61, 85, 109, 122, 150, 159
Старый Канисар	38, 70, 73, 96, 109, 120, 131	Нет
Верхняя Шунь	4, 5, 36, 67	2, 48, 57, 115, 129, 156, 182, 205
Починок-Сутер	32, 40, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 93, 94, 95, 102, 122, 132, 133	1, 56, 132, 141, 204
Важашур	41	Нет
Люгдон	37	Нет
Старая Уча	43, 45, 46, 123	5, 55, 101, 123, 130, 131, 154, 181, 185, 206, 223, 226, 227
Нижняя Русь	33	46, 128, 155, 160, 172, 305
Новая Уча	29, 30, 44, 137	Нет
Нижняя Уча	Нет	Нет
Всего записей:	44	39

Этномузыковед И.М. Нуриева, проводившая фольклорные экспедиции на этой территории, также рассматривает население названных деревень как единую южную группу завятских удмуртов — *кукморскую*, публикуя записанные здесь материалы (141 музыкально-поэтический образец) в отдельном томе и в дальнейшем изучая их в монографии¹⁶. Иными словами, песенный фольклор Старой Учи и Важашура по своим свойствам не отличается от фольклора ближайшего удмуртского окружения рода Уча.

Селения
удмуртского
рода Уча в
Кукморском
и Мамадыш-
ском районах
Республики
Татарстан¹⁷

2. ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР КУКМОРСКИХ УДМУРТОВ В ЮЖНОУДМУРТСКОМ КОНТЕКСТЕ

На наш второй вопрос точный ответ дает И.М. Нуриева: «Завятская локальная традиция... по своим основным, наиболее общим характеристикам... вписывается в южноудмуртскую песенную систему»¹⁸. При этом исследователь обращает внимание на особенность песенной культуры кукморцев, отличающую последнюю от традиции близко расположенных на северо-западе завятских удмуртов-шошминцев. И.М. Нуриевой опубликован также сборник шошминского материала (115 образцов). Он дает аргументы для ответа и на вопрос о соотношении староучинского материала с общими данными о фольклоре завятских удмуртов. «Кукморская традиция органично входит в общую музыкально-песенную систему правобережья Вятки, наиболее характерной чертой которой по сей день остается устойчивое бытование древних обрядовых и песенных форм. По сравнению с шошминской традицией здесь существует несколько важных отличительных особенностей... почти полное отсутствие лирического жанра... многочисленные обрядовые песни... составляют основу жанровой системы».- Такие особенности территориально локализованы, «граница между кукморской и шошминской традициями ощущается очень четко»¹⁹.

Обособленность кукморской традиции прослеживается и в народной терминологии. Именно у кукморцев и только у них в значении «напев» используется местный термин *сям* (в литературном языке имеет значение «обычай, традиция»), на что указывает И.М. Нуриева²⁰. В близко расположенном шошминском ареале это понятие, как она отмечает, выражается диалектным словом *зут*. Добавим, что в современном общеудмуртском лексиконе напев обозначается народным термином *гур*, песня, пение — *кырзан*.

В самых общих чертах музыкально-поэтический фольклор завятских удмуртов является сегодня полноправной частью южно-удмуртской культуры, вполне вписывается в ее музыкально-поэтическую систему, хорошо представленную в современных публикациях и исследованиях Р.А. Чураковой, Е.Б. Бойковой-Вершининой, Л. Викара и Г. Берецки.

3. ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР КУКМОРСКИХ УДМУРТОВ В СРАВНЕНИИ С ЧУВАШСКИМ

Многосторонние связи южноудмуртской и чувашской музыкально-фольклорных культур, вскрытые в свое время в упомянутых наших статьях, при рассмотрении материала завятских удмуртов указывают на еще более «концентрированные» параллели, практически — совпадения. Это позволяет рассматривать кукморские записи с позиций чувашской музыкально-поэтической системы, используя понятийно-терминологический аппарат чувашского этномузыковедения, частично принятый и в региональном, в том числе удмуртском, этномузыковедении²¹. Наблюдаемые при этом небольшие несоответствия (ибо описание любой культуры требует адекватного аппарата), которые мы также постараемся отмечать по каждому пункту, вполне естественны: все-таки перед нами две самостоятельные по истории и современному функционированию самобытные музыкально-поэтические культуры. Вместе с тем в контексте настоящей работы такие противоречия вполне могут быть квалифицированы как в некотором роде исключения, обязанные своим появлением свойствам исходно контрастных народно-песенных культур. Это говорит о глубине пласта явлений, несущих следы таких связей. Параллели будут прослежены в сюжетосложении, структуре жанров, ладозвукорядов, в музыкально-ритмической организации и песенных формах.

3.1. Параллели в сюжетосложении

Начнем с краткосюжетных песен параллелистического строения, составляющих коренную традицию чувашской народной поэзии и глубоко проникших в южноудмуртскую поэзию, как считается, в результате многовековых контактных взаимодействий с южными тюркоязычными соседями. Тезис о заимствовании удмуртами принципа двучленного параллелизма, вместе с присущей ему краткой афористической сюжетностью*, у южных тюркоязычных соседей вполне согласуется и с локализацией стихов такого типа в южноудмуртском фольклорно-песенном диалекте.

Совпадения кратких афористических сюжетов южноудмуртского и чувашского песенного фольклора во многих случаях очевидны без дополнительных разъяснений и рассуждений.

Так, образ пения как важной формы духовного общения — один из характернейших в поэзии обоих народов. И чувашаи (в песнях весенних

* См. специальные понятия в Приложении.

хороводов), и удмурты (в песне весеннего обряда *акашка*) в одинаковых выражениях мечтают слышать и исполнять свои песни всю жизнь:

Эпирех те ёлѣк выляни-кулни Каяймѣ-ши ёмѣрѣн тѣршшѣне.	Наши да старинные игры-песни Пусть же звучат на протяжении жизни.
	[Я 1908:34]*

Асьмэлэн тазы, ай, кырганмы Кожысал ке гумырлэн кузяз.	Такие наши, ай, песни Если б звучали на протяжении [всей нашей] жизни.
	[Н 1995.15:30, д. Новый Кумор]

«Мотив прославления родственных отношений... стал основным в гостевых песнях», — указывает Т.Г. Владыкина²². Как в чувашских, так и в удмуртских песнях родственные чувства выражены наилучшим образом. Отсюда — пожелание в дальней разлуке вспоминать близких через их песню:

Вѣренсе юл, тѣванѣм, юррѣма, Эпир кайсан асѣнса юрлама.	Разучи, родимый, мою песню, Когда мы уедем, чтобы, вспоминая, петь.
	[Я 1908:69]

Сагынон дырѣяды, мозмыкуды, Милесьтым но кылмез но кырзалѣ но.	Когда сильно заскучаете, когда затоскуете, Слова наших песен да пойте.
	[Н 1995.29:53, д. Новая Уча]

Одной из кульминаций как семейных, так и общинных обрядов является совместная трапеза со специальными кушаньями и напитками; именно в связи с этим сюжет завершается главным, глубочайшим пожеланием — прожить жизнь с родными:

Асран кайми пѣлѣш-тантѣш! Пуринчен пахи ял-йыш, пускил! Ай ёсѣр-и, ай сѣяр-и! Виличчен пѣрле пуранар-и!	Незабываемые родные и друзья! Дорогие соседи и однодеревенцы! Давайте есть и пить! Давайте жить вместе до самой смерти!
	[М 1932:129]

Этот сюжет полностью воспроизведен в удмуртском варианте, хотя в опубликованном переводе его сакральный смысл несколько приглушен:

Векчиен-векчиен но, ай, виясьтѣ Покчиен-покчиен но юоме. Улѣм но мында но асьмеос ум улѣ, Кулытозь но валче но мед уломы.	Тонкой-тонкой /струйкой/ да, ай, любящийся /самогона/ Понемногу да потягивать будем. Долго да мы с вами не проживем, Но до самой смерти да вместе пусть мы проживем.
	[Н 1995.36:62, д. Верхняя Шунь]

В философских размышлениях о жизни и смерти у чувашей четко выявляется сюжетный мотив уникальности земного бытия, даруемого человеку однократно:

* В ссылках на источники примеров после года издания через точку дается номер песни, через двоеточие — страница в сборнике.

Сар лаша ури саккър мар, саккър мар,
Пирён ёмёр иккё мар, иккё мар.

У саврасого коня ног не восемь, не
восемь,
У нас жизнью не две, не две.

[М 1932.31]

Или:

Утсӓм анмасть ай тарӓн та сӓрманана,
Ёмёр иккё килмест те тӓнчене.
Ёмёр иккё килсен те сак тӓнчене,
Вилмӓччӓсӓ ыра та улпучӓ.

Конь мой не спускается, ай, в глубокий овраг,
Век (человеческий) дважды не приходит в мир.
Если бы век дважды приходил в этот мир,
Не умирали бы достойные и богатые.

[В 1979.172].

Удмурты уникальность бытия оценивают точно так же:

Ай-гай, эшгӓсы, ум тодиське,
Гумырмыкык пол уз лыкты.
Гумырмыкык пол, ай, лыктысал,
Инмармыӓрик уз сӓты.

Ай-гай, друзья, не ведаем,
Еще один век нам не прожить.
Еще один век можно бы прожить,
Да Бог (этого) не позволит.

[Н 1995.10:24, д. Красный Цветок]

Внимание в эти и другие образцы песенной поэзии кукморских удмуртов при сравнении с чувашской порождает ощущение несомненной генетической близости, иногда несколько завуалированной трехвековой автономной эволюцией в разной этнокультурной среде. В случаях, когда сходство не лежит на поверхности, оно угадывается по многочисленным сцеплениям мелькающих тут и там одинаковых элементов структуры, эпитетов, метафор, образов, сходному мироощущению поющих, создающему близкий эмоционально-образно-стилевой контекст. Например, асемантическое восклицание «ай-гай», с которого начинается первая строка приведенной выше песни, имеет точную чувашскую параллель — возглас «ай-хай», всегда располагающийся в начальной позиции строки. Он представляет собой распетое на два слога эмоциональное восклицание «ай»:

Ай-хай, утисене те ай сӓласси,
Сӓлассинчен ыгла та пухасси;
Ай-хай, тӓвансене те ай курасси,
Курассинчен ыгла та калаҫасси.

Ай-хай, травы да, ай, [нелегко] косить,
Косить нелегко, труднее да собирать;
Ай-хай, родных да, ай, [хорошо] видеть,
Увидеть [хорошо], еще лучше да вести беседу.

[В 1979.169:253]

Экскурс в сюжетику необходимо дополнить еще одним примером совпадения, которое не может быть названо поверхностным или случайным.

В песенных текстах завятских удмуртов с конца XIX в. фиксируются тексты с упоминанием некоего мифического *марзӓн кар* (букв. «жемчужный город»). Современные записи его представлены и в сборнике И.М. Нуриевой, например²³:

Пуксимы валлэн, ай, жӓчьӓсаз,
Васькимы марзӓнкарӓсы.
Со марзӓнкарӓез, ай, кинадӓзем?
Вордӓйськем но юртлӓсь
кин тырем?

Сели мы на быстрых коней,
Доехали до жемчужного города.
Видел ли кто-нибудь этот жемчужный город?
Насладился ли кто-нибудь до конца
родительским домом?

[Н 1995.32:55, д. Починок-Сутер]

Обсуждая вопрос о происхождении этого необычного сюжета, удмуртский исследователь констатирует, *во-первых*, его устойчивость во всех многочисленных записях, *во-вторых*, символическую обобщенность образа этого города, в представлении певцов нереального (в отличие от реальных городов Казань, Бухара, Москва, также фигурирующих в удмуртских текстах), *в-третьих*, наличие своеобразного восточного колорита, выделяющего его из общей системы удмуртской песенной поэзии. *В-четвертых*, как пишет И.М. Нуриева, «для самих этнофоров выражение *марзан кар*, очевидно, уже утратило свою семантику и потому может искажаться при пении... или заменяться»²⁴. Логично предположить, что все названные особенности могут отличать сюжет, включенный некогда в культуру извне и, не имея реального содержания, «законсервировавшийся» в виде формального клише, не обладающего конкретным смыслом.

Данный сюжет хорошо известен исследователям чувашского фольклора также с конца XIX столетия в записи В.А. Мошкова:

Уләхрәм-ске Мерчен ай хулине,	Поднялся же в Мерчен, ай, городок,
Мерчен хулисенче чән мерчен сук.	В городе Мерчен настоящего жемчуга нет.
Сак ял-йышсенче <...>	Среди здешних жителей
Пирён таван пекки ялта сук.	Подобных нашей родне в деревне нет.

[М 2011.67]

В свете изложенных в преамбуле нашего доклада общеисторических представлений об отсутствии в последние четыре-пять веков прямых связей с чувашами, высказывается и предположение, что «в поэзию завятских удмуртов образ жемчужного города мог проникнуть в эпоху булгарско-пермских контактов...»²⁵.

В отличие от удмуртских фольклористов, чувашские исследователи указывают на возможное историческое содержание словосочетания *Мерчен хули*, если рассмотреть его как фольклоризованный топоним, «народную этимологию» названия средневековой столицы Суварского царства VI—VII вв. на Северном Кавказе — *Варачан* (в других транскрипциях также *Вараджан*, *Варшан*, *Варсан*). Вкупе с достаточно известными в чувашском песенном фольклоре сюжетами о горах²⁶ песенный сюжет о городе Мерчен в горной местности приобретает характер исторического свидетельства, согласующегося со старинным преданием, записанным в 1852 г., о том, что предки народа «пришли из-за черного моря и из-за дальних гор»²⁷. И если принять тезис об «обудмурчивании» части чувашского населения в окрестностях д. Люга позднее XVII в., то следует допустить и более позднее усвоение сюжета. Образ легендарного города Мерчен трансформировался в мифический *Марзан* в песнях той части местных удмуртов, в чьих жилах текла и чувашская кровь.

3.2. Параллели в жанровой структуре

Преобладание обрядовых жанров, отмечаемое как специфическая особенность кукморского фольклора, — общая отличительная черта песенного фольклора всех этнографических групп чувашей. Поэтому практически

всем жанровым разновидностям легко находятся чувашские аналоги. Во многих случаях прямые соответствия прослеживаются и в народной терминологии. Например, кукморцы, как уже отмечалось, имеют свой термин для обозначения напевов — *сям*, который совпадает с чувашским *сем* (*семё*) «напев, мелодия, лад, строй». Сходное значение передает и марийское слово *сем*. Однако фольклорные материалы завятских удмуртов не дают повода говорить о марийских заимствованиях. Среди самых распространенных обрядово-жанровых терминов — *акашка* (*акаяшка*), который происходит от чувашского словосочетания *ака яшки* «похлебка в честь плуга или сева». Подробную этимологическую справку дает М.Р. Федотов: «Первоначальное значение удм. *акаяшка* раскрывает чувашский язык: *ака* (*ак* «сеять» + *-а*) «плуг»; «сев» + *яшки* «его кушанье» (*-и* — аффикс притяжательной формы), т.е. эта изафетная конструкция обозначает языческое ритуальное кушанье в честь первой борозды...»²⁸ Любопытно, что и североудмуртское название этого праздника *гершыд* буквально означает «суп в честь плуга».

Иного рода параллели присутствуют в названиях весенних праздников, включенных в период христианизации в систему понятий православия: *Троица*, *Семьк* (*Троица*, *Семик*), их чувашские аналоги *Труйски*, *Симёк*.

Упомянутые в литературе древние обрядовые песни кукморских удмуртов относятся к циклам календарно-обрядовых (весенне-летних и осенне-зимних) и семейно-обрядовых песен. Представим их в таблицах вместе с чувашскими аналогами.

Календарные обряды и праздники и приуроченные к ним напевы²⁹

Кукморские удмурты	Чуваши	Обстоятельства функционирования, значение термина
Ниськылан (миськылян) сямень	Катачки юрри	Песни катания с гор
[Вöй сиён гур]	Ѕаварни юрри	Песни проводов зимы [Масленицы]
Быдзым ³⁰ гур	Мән кун юрри	Песни праздника весеннего равноденствия, Пасхи
Сўрен шуккон, урай карон	Сёрен юрри	Песни и заклички очистительного обряда
Акашка сямень ³¹	Акатуй	Праздник выхода на пашню
Троица, ёчыран, таган сямень	Труйски юрри	Песни Троицы, качельные песни
Семьк, сямень	Ѕимёк юрри	Семицкие песни
Возьвыл сямень	Ваййă, уяв юрри	Хороводные, игровые, луговые песни
[Петрол]	Питрав юрри	Песни Петрова дня
Songs at hay-making times	Утăси юрри, вăрман юрри	Сенокосные песни
Сйзыл юон сямень	Кёрхи сăра юрри	Песни осеннего пива, пива нового урожая

Семейно-бытовые обряды и праздники и приуроченные к ним напевы

Кукморские удмурты	Чуваши	Обстоятельства функционирования, значение термина
[Родильные]	Ача суралнӑ чух юрланӑ юрӑ	Песни во время родильных обрядов
[Колыбельные]	Сӑпка юрри	Колыбельные песни
Сюан сямень	Туй юрри	Свадебные песни
Ныл келян сямень	Хёрсум юрри	Песни подружек невесты, оплакивание прощания с невестой
Эмеспи келян сямень	Туй арӑмсен юрри	Песня женщин — участниц свадьбы
[Bridal lament]	Хёр йёрри	Причитания невесты
[Куать куно]	Тавӑрна, фёне хӑта юрри	Послесвадебные обряды, песни новой родни
Солдат келян сямень	Салтак юрри, никрут юрри	Солдатские песни, песни рекрутов
[Веме гур]	Ниме, миме юрри	Помочанские песни
Юон, куно сектан сямень	Ёскё, хӑна юрри	Пировые, гостевые песни
Йырпыдсётон. Юбо*	Асӑну, пумилкке юрри. Юпа*	Поминки, поминальные песни, установка столба

Кроме этого, параллели можно обнаружить и в необрядовых напевах.

Кукморские удмурты	Чуваши	Обстоятельства функционирования, значение термина
[Кузь кырӑн, пересьгур]	Вӑрӑм юрӑ, пейёт	Долгая старинная песня
Такмак, юмшан сямень	Такмак	Плясовые припевки
Usually sung by youth	Урам, сӑмрӑксен юрри	Уличные, молодежные песни

Таким образом в трех жанровых группах чувашского и южноудмуртского песенного фольклора выявляется не менее двадцати четырех функциональных тождеств. Это позволяет утверждать, что жанровая система южноудмуртских народных песен близка к чувашской, может быть, несколько менее детализирована. Как и у чувашей, для нее характерна обрядовая приуроченность.

3.3. Параллели в ладозвукорядных структурах

Звуковые шкалы. Сравнение ладозвукорядных основ чувашской и удмуртской народных песен позволяет говорить о большей цельности чувашской музыкальной системы. Она в целом принадлежит к типу ангемитонно-пентатонических культур с рядом местных диалектных особенностей и сравнительно небольшими слоями диатонических песен как старой,

так и новой формации. Для чувашской ладовой системы наиболее существенны, кроме (1) собственно ангемитонно-пентатонных звуковых шкал (основная *degah*, почти столь же распространена *egahd'*, еще реже *gahd'e'*), (2) нисходящее или восходяще-нисходящее направление развертывания звуковысотной линии, (3) достаточно большой диапазон от сексты до октавы и более, (4) соотношение внутренних ладовых опор, смещающихся вниз, образующее «фазовое» раскрытие ладозвукоряда*, (5) главная опора, выявляемая в заключительном кадансе, представляющая собой нижний тон звукоряда, наконец, (6) трихордовая структура попевок.

В ладовом строе удмуртских народных песен различаются в равной степени значимые пласты разного происхождения, как диатонические, так и ангемитонные. Последние, в определенной мере совпадая с чувашской системой, сосредоточены главным образом в фольклоре южных удмуртов, в частности кукморцев. И это заставляет нас внимательнее приглядеться к их структуре.

Ангемитонный пласт в удмуртской культуре так же неоднороден по составу и происхождению. Можно предполагать, что какие-то его слои обязаны своим появлением контактам с тюркскими культурами. Другие же возникли путем внутренней эволюции музыкальной системы. И.К. Травина, пытаясь сформулировать отличия удмуртской ангемитоники от других ее национальных форм, пишет: «В марийских, мордовских, татарских песнях пентатоника возникает на основе трихордных образований секундно-терцового типа. Последние являются в удмуртских народных песнях производными»³². Под основой, от которой производны удмуртские трихорды, подразумевается занимающий центральное место среди бесполутоновых звукорядов удмуртской песни *большетерцовый трихорд*, или, как его иногда называют, мажорный терцовый лад. Л. Викар, посвятивший целую статью трихордным мелодиям южных удмуртов, живущих в Марийской и Татарской АССР, считает музыкальный стиль этих песен «таким же характерным (exclusive) в данном регионе, как, например, тональный квинтовый сдвиг горных мари»³³. Вряд ли он заимствован откуда-либо извне, ибо нигде в пентатонических культурах столь широко не представлен. Как полагает И.К. Травина, именно этот лад является «исходным моментом развития пентатоники, а в известной мере и диатоники в удмуртских народных песнях...»³⁴. Эту точку зрения поддерживает и Р.А. Чуракова, расходясь с И.К. Травиной только в определении меры самостоятельности большетерцового трихорда как лада³⁵. Другие ладовые структуры удмуртских песен возникают «путем расширения объема первоначального мажорного терцового лада» как вверх, так и вниз³⁶. Например:

Расширение вниз	Большетерцовый трихорд	Расширение вверх
$d \leftarrow e \leftarrow$	$g a h$	$\rightarrow d \rightarrow e$

Диатонические же звукоряды, по предположению И.К. Травиной, появляются в результате заполнения малотерцовых «промежутков», например: *gahc'd'*. Это выглядит тем более вероятным, что в южноудмуртском материале, опубликованном Р.А. Чураковой, одна и та же ритмоструктурная формула свадебных песен находит равнозначное выражение в звукорядах:

Звукоряд	Номера песен в сб. [Ч 1986]
<i>gah</i>	18, 21, 26, 31, 36, 38
<i>gahd'</i>	24
<i>gahc'</i>	43
<i>gahc'd'</i>	45, 55

Другими словами, предлагаемая эволюционная схема позволяет чисто логически «реконструировать» историю развития звукорядов удмуртской народной песни так, что внешнему заимствованию ангемитонной пентатоники, кажется, места не останется. Но схема не учитывает возможности построения других логических же схем или существования иных ладовых образований, не связанных с большетерцовым трихордом как основой. Таков, например, трихорд в кварте *deg* или тетрахорд в квинте *dega*. Встретив тетрахорд *dega* в семи песнях своего южноудмуртского собрания, Р.А. Чуракова, тем не менее, считает его несущественным: «Этот лад не характерен древнейшим песням, составляющим основу обряда. Он встречается лишь в одной песне “сюан”; остальные шесть песен, где обнаруживается этот лад, — это лирические песни проводов невесты...»³⁷ Но И.М. Нуриева, анализируя записи кукморской подгруппы южных удмуртов, напротив, выделяет звукоряды *deg*, *dega* и логически легко с ними связывающийся *degah* в отдельную группу ладов удмуртской песни, которая встречается в луговых и троицких песнях. Важен вывод, прямо противоположный приведенному выше: «Собранный нами песенный материал также позволяет со всей определенностью утверждать, что оба вида ладов (большетерцовый и трихорд в кварте) совершенно самостоятельны и независимы друг от друга...», усиливая его утверждением: «...эти системы не являются несовершенными, незаконченными ладовыми образованиями, вроде “недо-пентатоники” или “недо-диатоники”»³⁸.

Согласно этому представлению, есть основание говорить о взаимодействии южноудмуртской и тюркской ладоинтонационных систем. Так, тетрахорд в квинте вполне типичен для чувашской и татарской песен. Что касается полного звукоряда *degah*, то в чувашской и татарской музыке он выступает как основная форма ангемитонной пентатоники.

Любопытно, что звукоряда 'e' (достаточно популярного не только в чувашском фольклоре³⁹), по-видимому, вообще нет у завятских уд-

муртов. По крайней мере, в указателях звукорядов, имеющихся в изданиях И.М. Нуриевой, он отсутствует и не обсуждается.

Большетерцовый трихорд и его особенности. В силу формального совпадения звуковых шкал большетерцового трихорда с ангемитонными расширениями $gah+d'+e'$ и чувашской пентатоники 'g' возникает искушение их отождествить. Однако при детальном рассмотрении конкретных примеров выясняется их разная интонационная родословная.

Удмуртские большетерцовые напевы этнографы нередко характеризовали как «монотонные» и «однообразные». При этом не отрицалось их сильнейшее эмоциональное воздействие на исполнителей и слушателей. «Едва только послышались первые звуки этого напева, как все призастихли... К концу... от слез не могли продолжать дальше», — делился своими наблюдениями Б. Гаврилов. Объясняя этот феномен, современный музыковед призывает изучать его с предельным вниманием «к каждой детали, к каждому интонируемому звуку»⁴⁰. Такой подход дает ключ к пониманию ладоинтонационной природы кукморского материала. В нем имеется восемь образцов напевов, основанных на большетерцовом трихорде, в том числе с захватом квинты, иногда сексты $gah+d'+e'$ ⁴¹:

Соотношение ладовых опор	Примеры из кукморских записей
$h \searrow g$	В 1989.154:207 – по сюжету – прощальная песня новобранцев В 1989.185:241 – старинная шуточная песня о селянах
$ah \searrow g$	В 1989.131:182–183 – солдатская прощальная песня
$a \searrow g$	В 1989.181:237 – качельная песня В 1989.130:182 – солдатская прощальная песня
$a \searrow g + g \rightarrow g$	В 1989.123:175 – поется в конце весны, когда снимают качели
$g \rightarrow g$	В 1989.55:102 – свадебная песня В 1989.101:153 – молодежная

Между моноопорной системой $g \rightarrow g$ (как в примере 1) и двухопорными системами $h \searrow g$ (пример 2) или $a \searrow g$ принципиальной разницы нет. Все указанные напевы представляют собой интонационное «вращение» между ладовыми опорами — побочной h , a или g , экспонируемыми в серединных кадансах (при их опевании возможен и «захват» верхней терции — как в примере 2), и основной опорой g , завершающей музыкальную мысль на нижней ступени звукоряда, долгой по протяженности.

Нотный пример 1. В 1989.55:102. g → g

Нотный пример-схема 2. В 1989.154:207. h ↘ g

В последнем случае (пример-схема 2) суммарный звукоряд напева *gahd'* раскрывается в четыре этапа в соответствии с композицией, состоящей из двух многословных строк АВ. Каждая строка состоит из двух относительно законченных (разделяемых обязательными цезурами) асимметричных полустрок со звукорядами:

Строки	Звукоряд большой полустроки (а)	Звукоряд малой полустроки (b, c)
A (a+b)	<i>gahd'</i>	<i>gahd'</i>
B (a+c)	<i>gahd'</i>	<i>gah</i>

Побочная опора опеваётся трижды, подводя к кадансу на устойчивом тоне $h \rightarrow h \rightarrow h \searrow g$. В целом образуется *одноуровневый* интонационный рисунок с тенденцией к *дугообразности* — поскольку напев начинается на первой ступени, в каденциях поднимается к третьей и заканчивается вновь на первой.

У чувашей малообъемный звукоряд *gah* в традиционных песнях практически не встречается. Но есть примеры со сходной структурой опорных тонов $h \searrow g$ и более широким амбитусом. Такие напевы основаны, как и большинство пентатонных у чувашей, на полном звукоряде *gahd'e'(g)*. Раскрытие лада происходит в хорошо различимых «фазах», выявляющих в нем несколько звуковысотных уровней. В примере 3 первая фаза — энергичное широкодиапазонное движение в объеме сексты к промежуточной опоре *h*, вторая — то же в пределах квинты — к основной опоре *g*. В отличие от удмуртских напевов, никаких опеваний и «вращений» вокруг интонационных опор нет.

Нотный пример 3. ПНЧ 1982.185:81. $h \searrow g$

АТАЛПАЛА ТИНЕС 185 ВОЛГА С МОРЕМ

А - тәл - па - ла ти - нәс те сик - се ю - хәть
та - рән сыр - ма тип - нә те вә - хәт - ра,
та - рән сыр - ма тип - нә те вә - хәт - ра

Строки	Звукоряд большой полустроки (а)	Звукоряд малой полустроки (b, c)
A (a+b)	$d'e'g'$	$hd'-g'$
B (c+d)	$hd'e'$	ga

Таким образом, в напевах с опорами $h \searrow g$, при сходстве схемы интонационная природа кукморских напевов принципиально отличается от чувашских аналогов. Комплекс ладоинтонационных признаков удмуртских народных песен, основанных на большом трихорде, весьма далек от соответствующего комплекса у чувашей.

Трихорд в кварте. Иначе выглядят удмуртские напевы системы «трихорда в кварте». В учинском материале они преобладают.

Суммарный звукоряд напевов	Соотношение ладовых опор	Примеры из кукурморских записей
degahd'	d' \ d	Н 1995.45:73,
degahd'	d' \ d	В 1989.226:284
degahd'e'	hd' \ d	В 1989.227:284–85
degahd'	hd' \ d	Н 1995.46:74
Hdeg	g \ d	Н 1995.41:70
degah	g \ d	Н 1995.43:716
dega	g \ d	Н 1995.123:181
dega	deg \ d	В 1989.1:57
Hdeg	g \ d	В 1989.3:59
degah	g \ d	В 1989.223:281
Hdeg	g \ d	В 1989.5:60
degah	g \ d → d	В 1989.206:264
defisg	e \ d	В 1989.2:58

Рассмотрим *акашка сям* (песню обряда *акашка*) из д. Старая Уча:

Нотный пример 4. Н 1995.45:73

1. пук(ь) - с'и - мь ва - лэн но ай д'эс' - йо - сав
 вас'(ь) - ки - мь но(й) ма(ь)зэн карт(ь) - йо - сэ(й) бон

Суммарный звукоряд удмуртского напева из примера 4 *degahd'* раскрывается поэтапно в соответствии с композицией, состоящей из двух многословных строк А (a+b) + В (c+d). Первая строка имеет сквозное строение без выраженного каданса между полустроками. Обрисовывается восхождение в ангемитонном тетра хорде *gahd'* с каденцией на верхнем тоне (что исключает определение его как расширенного большого трихорда). Звукоряд строки В раскрывается в двух фазах: нисхождение $d' \searrow \underline{a}$ и нисхождение $g \searrow \underline{d}$.

Строки	Звукоряд большой полустроки (a, c)	Звукоряд малой полустроки (b, d)
А (a+b)	<i>gah</i>	<i>gahd'</i>
В (c+d)	<i>gahd'</i>	<i>dega</i>

Сравним чувашскую песню с аналогичным соотношением опор $d' \searrow d$, состоящую из двух музыкальных предложений с частичным повторением АВ+АС.

Нотный пример 5. Сăварни юрри (масленичная), Ядринский у. М 1924.33: 20 $d' \searrow d$

Музыкальный пример 5. Сăварни юрри (масленичная), Ядринский у. М 1924.33: 20 $d' \searrow d$

Музыкальный пример 5. Сăварни юрри (масленичная), Ядринский у. М 1924.33: 20 $d' \searrow d$

Музыкальный пример 5. Сăварни юрри (масленичная), Ядринский у. М 1924.33: 20 $d' \searrow d$

Суммарный звукоряд приведенного чувашского напева: *degahd'e'*. Раскрывается в дугообразном восходяще-нисходящем направлении в трех «фазах»: $g \rightarrow g, g \nearrow d', h \searrow d$.

Предложения	Звукоряды нечетных строк	Звукоряды четных строк
АВ	<i>gahd'</i>	<i>gahd'e'</i>
АС	<i>gahd'</i>	<i>degah</i>

Анализ кукморских напевов системы «трихорд в кварте» приводит к выводу о родственности их ладоинтонационной системы с интонационным комплексом чувашской ангемитонной структуры — пентатоники d' . Кроме (1) собственно ангемитонно-пентатонной шкалы *degah* (исключение — в одном напеве имеется тон *fis*, образующий полутон), об этом свидетельствуют:

2) нисходящее или восходяще-нисходящее направление развертывания звуковысотной линии,

3) диапазон от большой сексты до октавы и более (исключение — в шести образцах менее большой сексты),

4) соотношение внутренних ладовых опор, смещающихся вниз, обеспечивающее «фазовость» раскрытия ладозвукоряда,

5) главная опора, выявляемая в заключительном кадансе, представляющая собой нижний тон звукоряда (исключение — в трех образцах захватывается субтон *H*),

6) трихордовая структура попевок (она несколько завуалирована частыми «микрораспевами» слогов).

Обобщая, отметим наличие нескольких отступлений от чувашской системы (в пунктах 1 — полутон, 3 — малый диапазон, 5 — субтон и 6 — «микрораспевы»), связанных с характерными ладоинтонационными свойствами удмуртской мелодики.

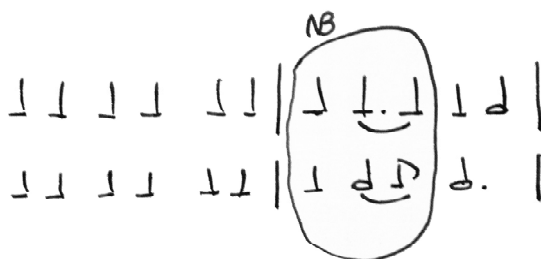
3.4. Параллели в музыкально-ритмической организации

Единица движения (мора). Исследователями как чувашской, так и удмуртской музыкальных культур установлено, что музыкально-поэтическая ритмика традиционных песен чувашей и южных удмуртов имеет квантитативную* природу, основанную на соотношениях долгот. Это означает, как минимум, четкость временных соотношений длительностей и наличие единицы отсчета, соответствующей античным понятиям о хронос протосе (или море), ритмических ячеек (стоп) и сложение их в строки (метры).

О точном воспроизведении чувашами напевов «без малейшего изменения» при повторениях («чрезвычайно твердо») писал еще в позапрошлом веке В.А. Мошков, выделяя это свойство чувашской музыки в сравнении с другими поволжскими культурами, в том числе и с вотякской (удмуртской)⁴². Это и позволяет долготным отношениям утвердиться в качестве основы ритмической организации.

Описывая свойства удмуртских песен, Е.В. Гиппиус и З.В. Эвальд также указали, что в них «пропорции временных музыкально-ритмических отношений выдерживаются почти математически точно и являются определяющей закономерностью музыкальной ритмики»⁴³. Вместе с тем уже Мошкову бросилась в глаза сравнительно меньшая степень кристаллизации ритмических структур* в интонировании удмуртов. Этим отличается прежде всего интонационная культура северных удмуртов, однако неполная окристаллизованность достаточно заметна и у южных. Так, в ряде случаев фиксируется нестабильность длительности единицы отсчета, т.е. эпизодически теряется ощущение ровной пульсации. В нотациях это видно по смене тактового размера. Например, в следующем случае с самого начала утверждается мора, равная четверти, однако в каждой строке возникает группа в 7/8, в которой четверть как единица отсчета исчезает — «дезаувируется» небольшим удлинением:

Нотный пример 6. В 1989.115:167, д. Верхняя Шунь. 222/33 + 222/33с

С целью показать неустойчивость временных параметров таких песен в современных изданиях удмуртских народных песен публикаторы в обозначении темпа часто используют знак приблизительного соответствия \approx . Кроме того, И.М. Нуриева прибегает также к методу Д. Штокмана — суммарной хронометризации временной протяженности мелострок. Например, хронометраж начальной пары строк в песне «Акашка сям» из примера 4 [Н 1995.45:73] равен 21'70", а в продолжении песни он колеблется от 21'80" до 23'30".

При нотировании чувашских напевов проблемы неровности единицы отсчета практически не возникают. За единицу отсчета чаще всего принимается восьмушка. Удмуртские же фольклористы предпочитают четвертную длительность. Это объясняется характером мелодики, наполненной у удмуртов небольшими внутрислоговыми опеваниями тонов⁴⁴, которые удобно записывать не слишком мелкими восьмыми и шестнадцатыми длительностями. В чувашской песне подобные опевания встречаются реже. Выпевая эти мелодические фигуры, удмуртские исполнители придерживаются и более медленных темпов.

Ритмические ячейки (стопы). Как в чувашской, так и в удмуртской песенной мелодике ритмическая выразительность основывается на чередовании ритмических групп — ячеек-стоп — определенной конфигурации, причем ритмические рисунки образуются как из однородных, так и из различных ячеек.

Впервые такие музыкально-ритмические группы были замечены Е.В. Гиппиусом и З.В. Эвальд. «Просмотренные нами музыкальные записи удмуртских народных песен (всего около 600 напевов), — пишут они, — позволяют выделить... постоянно повторяющиеся и, по-видимому, типовые формы музыкально-ритмических формул сопряжений долгих и кратких музыкальных времен, соответствующих мелким слоговым группам текста...»⁴⁵ В 1970-х гг. начали изучаться типические ритмоформулы чувашских народных песен. Таблицы чувашских ячеек-стоп неоднократно публиковались⁴⁶. Аналогично поддаются формализации и классификации — несмотря на отмеченные нами отступления от стабильности жесткой меры и темпа — учинские записи. В них достаточно легко вычленяются ритмические ячейки, которые, как и чувашские, удобно обозначить цифрой, указывающей долготу ячейки:

Долгота ячейки (единица отсчета =)	2-слоговая (типичные формы)	2-слоговая обращенная	1-слоговая (со слиянием элементов)	3-слоговая (с дроблением)
1, 1с	 			
2, 2с, 2д	 			
3, 3о, 3с, 3д	 			
4, 4с	 ; 			
5, 5о, 5с, 5д	 ; 	 		
6, 6о, 6с	 	 		
7, 7с	 			
8, 8с	 			

Все приведенные здесь ячейки и их сочетания обычны и для чувашских песен. Родство чувашских и учинских ритмических рисунков особенно очевидно при сравнении их слогоритмических схем. Например (для наглядности обе схемы записаны в едином масштабе — с четвертной морой):

Нотный пример-схема 7. Н 1995.43:71, а) «Акашка сям» (песня обряда акашка), б) ПНЧ 1981:14. «Хана юрри» (гостевая). Слогоритмическая схема.

а)

б)

Примером редкого разноstopного «набора» протяженных ритмических ячеек в одном рисунке является напев прощальной троицкой песни (исполняется, когда снимают качели и «провожают» их домой):

Нотный пример 8. В 1989.123:175. Whitsunsong (троицкая песня)

Аналогичный «набор» протяженных ритмических ячеек в чувашском фольклоре можно увидеть в прощальных песнях невесты на свадьбе «Хёр йёрри»:

Нотный пример 9. В 1979.16:119.

При несомненном типологическом сходстве с чувашскими, особенностью удмуртских ритмов являются, наряду с нестабильностью моры, нередкие отступления от последовательной ямбичности и включение в ритмический рисунок обращенных формул (хореических). В чувашских песнях подобные обращения — редкость.

3.5. Параллели в песенных формах

Сосуществование двух основных музыкально-поэтических песенных форм — 7—8-слоговой и многослоговой — в фольклорных традициях чувашей и южных удмуртов, а также татар, башкир, мари (восточных) в последнее время признается исследователями одной из важных отличительных особенностей музыкального фольклора всех названных культур.

7—8-слоговая форма с точки зрения ритма опирается на четырехъячейковую строку. Ее важное свойство — обязательная цезура после второй ячейки⁴⁷. У чувашей она описана под названием «форма “такмак”».

Четырехъячейковая форма староучинских удмуртов наиболее характерна для жанров, импульсом ритмической организации которых является так называемая двигательная моторика, — хороводных, качельных, масленичных, молодежных уличных, танцевальных песен. Поэтому в них преобладают простые «квадратные» ритмы из двухвременных ячеек. Тем не менее органически присущая удмуртским напевам неровность единицы отсчета фиксируется и здесь, хотя и в несколько меньшем диапазоне. Так, в «Ниськылян сям» (песня катания с гор, Н 1995.4:18) темп обозначен по метроному: четверть приблизительно 90. Пары строк первой строфы хронометрированы следующим образом: 7'20" — 9'15" — 7'90" — 9'10", вторая строфа: 7'60" — 8'70" — 8'70" — 9'20", третья строфа: 8'50" — 9'80" — 9'20" — 8'90".

Нотный пример 10. Н 1995.138:200. Плясовая.

Тӧ_рӧк_тӧ_рӧк ай_э_зӧ_рӧк 2 2 2 2

Тӧ_рӧк_тӧ_рӧк ай_э_рӧк_рӧк 2 2 2 2

Ул_мо_пу_лӧн, ай_сась_ка_ез 2 2 2 2

Ул_мо_пу_лӧн, ай_сась_ка_ез 2 2 2 2

Это же отличает и песни аналогичных жанров — хороводных, плясовых, молодежных игровых в чувашском фольклоре (см. нотный пример 11).

Единственное исключение по сложности ритмического рисунка 7—8-сложника в доступном нам учинском материале составляет Whitsunsong (троицкая песня) В 1989.123:175 (ее слогоритмическая схема приведена в примере 8). Не подчиняясь двигательной моторике, она, тем не менее, связана с жанром молодежных качельных песен, исполняется в момент «прощания» с весенними играми, «провождения качелей домой».

Нотный пример 11. ПНЧ 1981.109:126.

(4) Чё-рү пан. хан йёк. сү. кил. гё,
 Чё-рү пан. хан йёк. сү. кил. гё
 Эл-ле сав. ни а. сән. гё,
 Эл-ле сав. ни а. сән. гё.

Характерное явление чувашской формы «такмак» — дополнительные построения, дополняющие 7—8-слоговую строку повторением последней слоговой группы. В интонационном плане они представляют собой отдельную фазу раскрытия лада, каданс на главном (нижнем) опорном тоне, отсутствующем в двух предшествующих фазах (*gahc'd' ↘ egah ↘ de*):

Нотный пример 12. П 2012.50:111. Улах юрри / Посиделочная. 2222с+2222с+32с+2222с+32с.

Ман ка _ луш пек ка _ луш сук,
 Ман ка _ луш пек ка _ луш сук, ка _ луш сук:
 шав_сас _ сән та у _ кер_мест. Ю _ ра _ тап!

Вполне органичны дополнительные кадансы и в весенних молодежных песнях учинцев. Однако, совпадая с композицией чувашских четырех-ячейковых песен, узкообъемные большетерцовые напевы учинцев в ладовом отношении остаются однофазовыми (*gah + egah + gah*):

Нотный пример 13. Н 1995.71:108. Качельная. 2222+2222с+24с.

та-ган сү-рә-мәй) ай та-т'и-йа
 ми-лям э - шос та-т'ән - а(й) та-т'ән-а(й)

Небольшие отступления от чистой «квадратности» допускаются в кадансах. Как и в чувашских 7—8-сложниках, возможны дробления и слияния единиц движения, связанные с увеличением или, напротив, уменьшением числа слогов в строке. Кроме того, иногда встречаются обращенные хореические стопы, весьма редкие у чувашей. Общая картина представлена в таблице:

7–8-слоговые песни из д. Старая Уча и Важашур	Слогоритмические схемы	Особенности (отступления от нормативной схемы)
Н 1995.4:18 – катания с гор	2222+2222e	–
Н 1995.5:20 – катания с гор	2222c+2222c+2222c	С дроблениями
Н 1995.67:103 – качельная	2222+223o3c	С обращением
Н 1995.70:107 – тройская	2222+k+ 2222c+k	С доп. кадансом
Н 1995.71:108 – качельная	222д2+2222c+k	С дроблением и доп. кадансом
Н 1995.72:109 – семык (луговая)	2222+k+2222c+k	С доп. кадансом
Н 1995.138:200 – плясовая	2222+2222	–
В 1989.85:137 – сенокосная	2222+2222+24c22c	Со слиянием
В 1989.101:153 – молодежная	222д2+k 22д22c+k	С дробл.
В 1989.123:175 – Троица	56°5'8+5865°	С обращениями
В 1989.156:208 – танцевальная	2222+2222	–
В 1989.181:237 – качельная	2д222+222c7c	С дроблением, слияниями. Бесцезурный стих
В 1989.182:238 – качельная	2д222+223o1c	С дроблениями и обращением

Многослоговая форма с точки зрения ритма опирается на пятиячейковую строку с асимметричной цезурой после третьей ячейки.

У чувашей она описана под названием «многосложник “анатри”». По сравнению с 7—8-слоговым «такмак» чувашский многосложник отличается более жесткими силлабическими канонами, допускающими дробления и слияния только в определенных позициях перед цезурами. Подавляющее большинство образцов укладывается в слоговую схему строк: А 10(11)+ В 9(11) слогов.

Нотный пример 14. ПНЧ.68:84—85. Строки А: 6+4, В: 6+3 слога. Ритмические ячейки: 223/33+223/33c+223/33c.

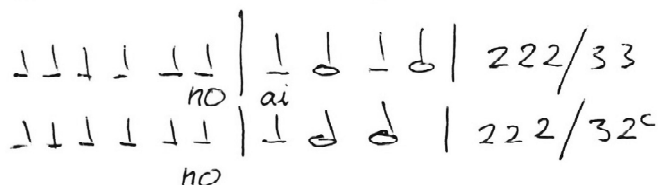
Юр - ла - ма та хуш - сан, ай, юр - ла - пяр,
ка - шак ав - ри - се - но сяр - ла - пяр,
ка - шак ав - ри - се - ни сяр - ла - пяр.

В южноудмуртских многослоговых песнях жесткие слоговые ограничения не столь заметны. По характеристике Р.А. Чураковой, для южноудмуртской «модели» многосложника свойственны колебания слогов «либо в сторону уменьшения (реже), либо в сторону увеличения (очень часто)». Строки, по ее данным, включают в себя до 15 слогов⁴⁸.

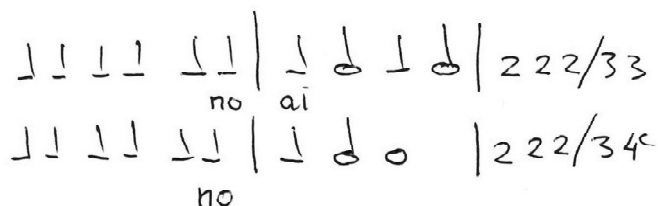
В учинском материале таких отступлений от силлабического канона значительно меньше.

При этом комбинации ритмических ячеек напоминают чувашские:

Нотный пример-схема 15. В 1989.129:181 (разделительная тактировка показывает полустроки). Строки А: 6+4, В: 6+3 слога.

Нотный пример-схема 16. В 1989.155:208 (разделительная тактировка показывает полустроки). Строки А: 6+4, В: 6+3 слога.

По приведенным примерам можно также заметить, что в обеих фольклорных традициях маркерами цезуры внутри строки многосложника часто выступают асемантические частицы: у чувашей перед цезурой 'та' или 'те', у удмуртов 'но'. После цезуры полустрока часто начинается с частицы 'ай'.

Полностью нормативной чувашской схеме многослоговой формы отвечают песни из сборника И.М. Нуриевой: Н 1995.93:134, Н 1995.132:194 и из сборника Викара — Берецки: В 1989.129:181, В 1989.132:184, В 1989.155:208.

Отступления от строгой схемы формы «анатри» проявляются в виде:

1) эпизодической «утери» пульсации (моры) — при полном сохранении слогоритмических норм. См.: Н 1995.121:177, Н 1995.122:180, В 1989.115:167, В 1989.122:174, В 1989.128:180, В 1989.130:182, В 1989.131:182, В 1989.141:194, В 1989.154:207;

2) ненормативных дроблений элементов отдельных ритмических ячеек, связанных с увеличением числа слогов. См.: Н 1995.43:716, Н 1995.94:135, Н 1995.95:136, В 1989.172:228. В этом ряду следует упомянуть Н 1995.131:192, Н 1995.133:195 — в них дробления сочетаются с эпизодической «утерей» пульсации;

3) эпизодических слияний элементов отдельных ритмических ячеек, связанных с уменьшением числа слогов. См.: Н 1995.33:56. Такие слияния сочетаются с эпизодической «утерей» пульсации в песнях Н 1995.96:137, В 1989.109:161, В 1989.150:203, В 1989.185:241.

Заметное отличие кукморских многосложников от чувашских наблюдается в строфике. Двусоставность строфических форм, складывающихся из двух различных мелострок АВ (вопрос — ответ), является коренным свойством музыкальной структуры многослоговой формы у чувашей. Наиболее типична, как уже сказано, музыкальная композиция с повторением второй строки АВВ. Удвоение «ответа» имеет хорошо выраженное эстетическое значение, поскольку не просто придает музыкальному периоду завершенность, но усиливает ощущение жизнеустойчивости мироощущения исполнителей — носителей фольклорного художественного образа.

Интонационная природа удмуртских напевов, особенно проявляющаяся в так называемой «монотонности» большетерцовых мелодий (о чем речь шла выше), нивелирует контраст «вопроса» и «ответа». Повтор четной строки В здесь как бы становится несущественным. Например, в фонозаписях Кукморского района Татарстана (сборник И.М. Нуриевой 1995 г.) подавляющее число многословных песен не имеет повтора строки В.

Зато повторяется вторая половина стихотворной строфы. Это основная часть параллелизма, т.е. усиливается (удваивается) не музыкальный, а поэтический (вербальный) «ответ». Та же вопросо-ответная композиция удвоена, повтор четной строки внутри строфы смещается на другой уровень:

Напев	АВ + АВ + АВ
Поэтический текст	АВ + CD + CD

Это удвоение масштаба строфы обусловило особый формат — альбомный — обоих завятских сборников И.М. Нуриевой, в котором ей удалось наиболее рельефно представить специфическую строфику здешних песен во всей ее полноте. Одну из страниц сборника 1995 года мы воспроизводим в нотном примере 17.

ВЫВОДЫ

Таким образом, детальный анализ «чувашского следа» в музыкально-поэтическом фольклоре завятских удмуртов доказывает реальность функционирования народно-песенной культуры современного чувашского типа в Заказанье. Ее отчетливые признаки буквально «просвечивают» в фольклорных материалах на территории завятских южных удмуртов, конкретнее — сел воршудно-родовой группы Уча Кукморского района. Это подтверждает мнение исследователей о существовании здесь чувашского населения и прямых контактах его с местными удмуртами вплоть до XVIII в. Появляется еще один — музыковедческий — аргумент, подтверждающий, что летописные «чюваша» эпохи Казанского ханства имели прямое отношение к одноименному современному этносу. Признание этого факта влечет за собой следующие выводы.

1. Общеизвестное влияние тюркских южных соседей на удмуртов включает в себя существенный чувашский компонент, который по сложившейся

Нотный пример 17. Н 1995.45:73. Представлены две строфы.

АКАШКА СЯМ

45

ПЕСНЯ ОБРЯДА АКАШКА

Пуксимы валэн но, ай, зеч'ёсаз,
Васкисмы марзан кар'ёсы бен.
Со марзан карез но, ай, кин адзём?
Ворд'ёскем но юртлэс кин тырем бен?

Акашка мелдо но, (А)кашка мелдо,
Кашка вальёсмы но сёл мелдо бен.
Кашка вальёсмы но сёл мелдо луоз,
Анаен но атай зеч мелдо бен.
Кашка вальёсмы но зеч мел луоз,
Анаен но атай сёл мелдо бен.

Если мы на быстрых да, ай, коней,
Доехали да до жемужного города,
Кто видел да, ай, этот жемужный город?
Кто наследился /до конца/ родительским домом?

Акашка пусть будет да, акашка пусть будет,
Наши лошади со звездочкой на лбу добрыми пусть будут.
Наши лошади с отметиной на лбу добрыми пусть будут,
Отец с матерью да живы-здоровы пусть будут.

в науке традиции до сих пор не принимаются во внимание ни историками, ни языковедами, ни этнографами, ни фольклористами-филологами.

2. Наблюдаемые параллели в музыкально-поэтическом фольклоре южных удмуртов и чувашей позволяют рассматривать два пласта или вида этнокультурных взаимодействий, в том числе:

— базирующиеся на данных лингвистики и уже много десятилетий признаваемые наукой как древнебулгарский «след» VIII—XIII вв. н.э. в удмуртской культуре;

— базирующиеся на данных этномузыковедения, доказывающих более поздние (до XVIII в.) *генетические* связи какой-то части представителей удмуртского рода Уча с арскими чувашами по ряду критериев. Это многочисленные близкие параллели, часто — полные совпадения, в сюжетосложении, жанровой структуре, ладозвукорядных структурах, музыкально-ритмической организации, песенных формах.

3. Еще один вид этнокультурных параллелей возник как результат *контактного* влияния культуры чувашского населения Заказанья XV—XVII вв. на культуру всей этнической общности южных удмуртов. Выявляемые в фольклорных материалах рода Уча компоненты, прямо восходящие к чувашам, принципиально не отличаются от аналогичных явлений в песенном фольклоре южных удмуртов других, более обширных территорий, разве что выглядят они менее «концентрированно». Для оценки масштабов контактного взаимодействия культур следует принять во внимание количество выявленных историками чувашских населенных пунктов на территории Заказанья рассматриваемого исторического периода. Только в опубликованных списках их содержится не менее семисот.

Список сокращений в названиях источников

В 1979 — Chuvash Folksongs by László Vikár and Gábor Bereczki. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1979. 579 p.

В 1989 — Votyak Folksongs by László Vikár and Gábor Bereczki. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1989. 521 p.

М 1924 — Максимов С.М. Чăваш кĕввисем. 1-мĕш пайĕ. М., 1924. 88 с.

М 1932 — Максимов С.М. Тури чăвашсен юррисем. Шупашкар, 1932. 136 с.

М 1893 — Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. I. Мелодии чувашских песен // ИОАИЭ. 1893. Т. 11, вып. 1.

М 2011 — Мошков В.А. Мелодии Волго-Камья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 366 с.

Н 1995 — Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов. Ижевск: УдМНИИЯЛ УрО РАН, 1995. Вып. 1. 232 с.

П 2012 — Парамонов Т.П. Чувашские народные песни. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 368 с.

ПНЧ 1981 — Песни низовых чувашей. Чебоксары, 1981. Кн. 1. 144 с.

ПНЧ 1982 — Песни низовых чувашей. Чебоксары, 1982. Кн. 2. 176 с.

Ч 1986 — Чуракова Р.А. Удмуртские свадебные песни. Устинов, 1986. 147 с.

Я 1908 — Яковлев И.Я. Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. Симбирск, 1908. 116 с.

Приложение

Специальные понятия, характеризующие чувашскую и южноудмуртскую музыкально-фольклорную и обрядовую системы

Анатри — этнографическая группа чувашского этноса, низовые чуваш.

«Анатри» — многослоговая песенная форма, характерная для песенного фольклора низовых чувашей. См. *Многосложник*.

Воршуд — родовое божество и родо-племенное подразделение в составе удмуртского этноса. В трудах исследователей обозначены территории крупных воршудно-родовых групп. См., например: *Атаманов М.Г.* Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // *Материалы по этногенезу удмуртов: сб. ст. Ижевск, 1982. С. 81—127.*

Квантитативность, квантитативная ритмика — тип музыкально-поэтической ритмики, основанный на упорядоченном чередовании долгих и кратких элементов (интонируемых слогов) и их сочетаний в строках и строках. Он характеризует традиционные пласты народных песен чувашей, волжских татар, башкир, марийцев, удмуртов. Квантитативный тип ритмики выявлен в удмуртской народной песне Е.В. Гиппиусом и З.В. Эвальд и описан в статье «К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни» (Записки НИИ истории, языка, литературы и фольклора при СНК Удмуртской АССР. Ижевск, 1941. Вып. 10. С. 61—88). В чувашской культуре исследован в монографии: *Кондратьев М.Г.* О ритме чувашской народной песни: К проблеме квантитативности в народной музыке. М., 1990.

Краткие афористические сюжеты, краткосюжетные песни — разновидность афористической поэзии в народно-песенных культурах Волго-Уральского региона. Понятия краткосюжетности по отношению к поэзии местных культур введены в нашей монографии «Чувашская *савра юрă* и ее татарские параллели» (Чебоксары, 1993).

Кристаллизация ритмических структур — типологическое свойство временной организации традиционной музыки. В песенном искусстве волго-уральских народов можно отметить поляризацию типов мышления, выражающуюся в глубине или мере «окристаллизованности» оформления музыкально-поэтического текста. Структурно «неокристаллизованный» тип мышления отличают свободно варьируемые при повторениях формы, не имеющие системы жестко выдерживаемых при повторениях структурных схем-формул, кроме достаточно общих. Структурно «окристаллизованный» тип мышления можно назвать многопланово формульным — в нем четки, жестки структурные каноны, пронизывающие его на всех уровнях временной и синтаксической организации музыки и стиха — от архитектурного до ритмического. Жесткость, «окристаллизованность» структурных рамок непосредственно восходит к квантитативной ритмической организации песенных культур региона. Понятие введено в нашей статье «О типологии ритмической вариантности / формульности в песенных традициях народов Поволжья и Приуралья» (Искусство устной традиции. Историческая морфология: сб. ст. СПб.: РИИИ, 2002. С. 204—215).

Многосложник — многослоговая песенная форма, характерная для музыкального фольклора чувашей-анатри, волжских татар, башкир, восточных марийцев, южных удмуртов. Понятие «анатри» в этом значении введено в нашей статье «Многослоговой стих низовых чувашей в его взаимодействии с музыкальной формой» (Труды ЧНИИ. Вып. 75. Чебоксары, 1977. С. 3—37). Многослоговая форма как региональное явление впервые проиллюстрирована в примерах в нашей публикации в сб. «Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами» (Таллин, 1980. С. 276—286). Подробно этот тезис обоснован в специальной работе «О типологии ритмической вариантности / формульности в песенных традициях народов Поволжья и Приуралья» (Искусство устной традиции: историческая морфология. С. 204—215). С этим согласны и исследователи удмуртского фольклора. «Анализ координации стиха с напевом показал особое значение многослогового стиха для общности обрядового фольклора этнокультурного региона», — пишет Е.Б. Вершинина в статье «Этническое и наднациональное в традиционных музыкальных культурах народов Поволжья и Приуралья» (Мир традиционной музыкальной культуры: сб. трудов. Вып. 174. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 140).

Песенные формы — понятие, учитывающее совокупные свойства типологии, ритмико-синтаксической организации строк и строфики народных песен. Отличается от изолированно рассматриваемых понятий о форме строки и композиции строфы. Введено в нашей статье «О ритмической системе чувашской народной песни. Статья вторая» (Чувашское народное творчество. Чебоксары, 1985. С. 19).

Сёрен — составная часть обрядов чувашского Мӑн кун (праздник весеннего равноденствия). О музыке этих обрядов см. нашу статью «Музыка чувашского праздника *Мункун — Сёрен*» (Народное музыкальное искусство Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 81—94). У завятских удмуртов *сӱрен шуккон* (битва суреном) — второй день недели *акашка* (*Нуриева И.М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов. Ижевск, 1999. С. 96). В фольклоре кукморцев зафиксирована заличка «Урай» [Н 1995.42:71], аналогичная чувашским заличкам «Сёрен юрри».

Такмак — плясовые припевки, жанр традиционного музыкального фольклора народов Поволжья, в том числе чувашей, татар, удмуртов, марийцев.

«**Такмак**» — 7—8-слоговая песенная форма с четырёхъязычной строкой, имеющей обязательную цезуру между второй и третьей ритмической ячейками. Понятие «такмак» в значении песенная форма (не жанр) введено в 1920-х гг. чувашскими фольклористами Н.Р. Романовым и С.М. Максимовым.

Фаза — понятие характеризует отдельный момент или период в изменении формы или состояния вещества (в естественных науках). Понятие о фазовом раскрытии звукоряда введено для характеристики чувашского ладоинтонационного комплекса в сравнении с удмуртским в нашей статье «О чувашско-удмуртских этномызыкальных параллелях» (с. 98—99). Его операциональность в приложении к южноудмуртским напевам подтверждена И.М. Нуриевой в монографии «Музыка в обрядовой культуре...» (с. 184).

Юпа (чуваш.), **юбо** (удм.) — букв.: столб. У некрещенных чувашей — атрибут поминального обряда, столб со специальными знаками, устанавливаемый в день поминовения на могиле. При этом исполняется обрядовая песня — *юпа юрри*. У удмуртов «при погребении некрещеного на могиле ставился не крест, а столбик, на котором вырезали тамгу — пус — знак семейной собственности» (*Христолюбова Л.С.* Семейные обряды удмуртов. Ижевск, 1984. С. 90).

Литература и примечания

¹ *Тараканов И.В.* Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов: сб. ст. Ижевск, 1982. С. 151.

² Опубликованы в сборниках: International Conference «Folk music Today». Tallinn. July 10—13, 1989. Abstraks. Tallinn, 1989. P. 91—93; Этническая культура чувашей: вопросы генезиса и эволюции: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 72—104.

³ *Тараканов И.В.* Об исторических связях ... С. 152—153, 156.

⁴ *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками / отв. ред. Н.А. Баскаков. Чебоксары, 1968. Ч. 2. С. 93—170; *Тараканов И.В.* Об исторических связях ... С. 153.

⁵ *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 168—181; *Кельмаков В.К.* К истории удмуртов правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов: сб. ст. Ижевск, 1982. С. 137.

⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993. С. 130.

⁷ Приводится по кн.: Чуваши: история и культура. Т. 1 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Вкладка между с. 112—113.

⁸ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания ... С. 62.

⁹ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 312 с.

¹⁰ *Кельмаков В.К.* К истории удмуртов ... С. 137. Впервые об «обудмурчивании» (тогда — «овотячивании») чувашей написал, по-видимому, И.Н. Смирнов в монографии «Вотяки», вышедшей в «Известиях ОАИЭ» в 1890 г.

¹¹ Татары. М.: Наука, 2001. С. 105.

¹² *Кельмаков В.К.* К истории удмуртов ... С. 137.

¹³ *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства ... С. 159. В настоящее время это село с татарским населением (см.: Населенные пункты Республики Татарстан: краткий справочник. Казань, 1997. С. 159).

¹⁴ *Нуриева И.М.* Песни завятских удмуртов. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 1995. Вып. 1. 232 с.

¹⁵ *Атаманов М.Г.* Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов: сб. ст. Ижевск, 1982. С. 107. Любопытно, что в списке чувашских населенных пунктов XVII в. также имеется деревня Уча (Ача) на Ногайской даруге (*Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства ... С. 175).

¹⁶ Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов; *Ее же*. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: проблемы культурного контекста и традиционного мышления: монография. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 1999. 272 с.

¹⁷ Картограмма составлена с использованием карт из сборника И.М. Нуриевой «Песни завятских удмуртов...» (с. 13) и справочника «Населенные пункты Республики Татарстан» (с. 159).

¹⁸ Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре ... С. 134—135.

¹⁹ Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов ... С. 5—6.

²⁰ Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре ... С. 79.

²¹ Применяемый метод обусловил введение в публикацию приложения, в котором поясняется содержание специфических этномузыковедческих понятий, в тексте помеченных астериском (звездочкой).

²² Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: монография. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 1998. С. 97.

²³ См. также варианты: Н 1995.24:41, д. Куркино; 45:73, д. Старая Уча.

²⁴ Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре ... С. 58—59.

²⁵ Там же. С. 58.

²⁶ См.: Юмарт Г.Ф. Некоторые особенности развития жанра чувашских исторических песен // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984. С. 113—114; Кондратьев М.Г. Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993. С. 49—51.

²⁷ Михайлов С.М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 53.

²⁸ Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка ... С. 96.

²⁹ В этой и следующих таблицах в квадратных скобках даны названия жанров, имеющих в удмуртском фольклоре, но не зафиксированных в Кукморском районе.

³⁰ Значение удм. *быдӱым нунал* совпадает с чуваш. *Мӑн кун* — букв. «великий день».

³¹ В книге Л. Викара и Г. Берешки они названы «Eastersongs» (пасхальными): «The *akažka* chants have been listed as Easter songs in our volume, because the time of the feast has coincided with the Russian Easter for the past hundred years» (Votyak Folksongs by László Vikár and Gábor Bereczki. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1989. P. 43).

³² Травина И.К. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1964. С. 14.

³³ *Vikar L. Votyak Trichord Melodies* // *Studia Musicologica*. Budapest. 1969. P. 463.

³⁴ Травина И.К. Удмуртские народные песни. С. 14.

³⁵ Чуракова Р.А. Удмуртские свадебные песни. Устинов, 1986. С. 35.

³⁶ Травина И.К. Удмуртские народные песни. С. 14, 15; Чуракова Р.А. Удмуртские свадебные песни. С. 46.

³⁷ Чуракова Р.А. Удмуртские свадебные песни. С. 46.

³⁸ Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре. С. 150, 160.

³⁹ Например, в венгерской традиции он считается основным, его рассматривали в качестве первого Золтан Кодай, Бела Барток и Бенце Сабольчи. Аналогично рассматривают его исследователи мордовской музыки Георгий Сураев-Королев и Николай Бояркин.

⁴⁰ Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре ... С. 138, 135.

⁴¹ Здесь и далее в звукобуквенных схемах двойной чертой подчеркивается главная ладовая опора, одинарной — побочные.

⁴² Мошков В.А. Мелодии Волго-Камья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 42.

⁴³ Гиппиус Е.В., Эвальд З.В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки НИИ истории, языка, литературы и фольклора при СНК Удмуртской АССР. Ижевск, 1941. Вып. 10. С. 76.

⁴⁴ В большинстве случаев их трудно квалифицировать как внутрислоговые *распевы*, ибо они не связаны с так называемым *широким дыханием*, которое придает песне свойства распевности.

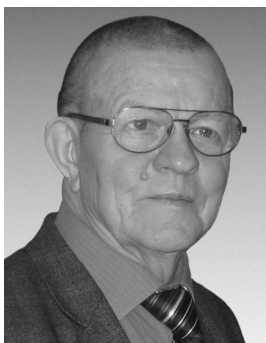
⁴⁵ Гиппиус Е.В., Эвальд З.В. К изучению ... С. 81.

⁴⁶ См., например: Кондратьев М.Г. О ритмической системе чувашской народной песни // Вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары, 1982. С. 88—111. (Труды / ЧНИИ). *Его же*. О ритмической системе чувашской народной песни. Статья вторая // Чувашское народное творчество. Чебоксары, 1985. С. 19—40.

⁴⁷ Единственное исключение — качельная песня в сборнике Л. Викара (1989. № 181. С. 237). В третьей строке 5+3 слога, при сохранении ритмической структуры напева, стиховая цезура не совпадает с музыкальной.

⁴⁸ Чуракова Р.А. Традиционные формы напевов и поэтических текстов в южноудмуртских календарных и семейных обрядовых песнях // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986. С. 250; *Ее же*. Песни южных удмуртов. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 17.

СЕССИЯ 4 ЧУВАШСКОЕ ИСКУССТВО

Ю.В. Викторов

ЧУВАШСКАЯ СТАНКОВАЯ ЖИВОПИСЬ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ

Оппоненты: В.Г. Кудрявцев, А.В. Данилов, И.К. Кутураков

ВВЕДЕНИЕ

История профессионального изобразительного искусства Чувашии, зародившегося более века назад, пока не написана. Сегодня это является одной из актуальнейших задач чувашской искусствоведческой науки. Понятно, такую архиважную и сложную научную работу невозможно выполнить, охватив одновременно все основные виды изобразительного искусства. В предлагаемом научном докладе предпринята попытка осветить истоки зарождения, основные этапы и итоги развития одного из них — станковой живописи. На основе анализа наиболее значимых произведений искусства, созданных в XX в. талантливыми мастерами живописи всех поколений, в докладе наглядно представлена и эволюция основных жанров станковой живописи Чувашии — исторического, бытового, портретного, пейзажного и натюрмортного.

В контексте комплексного изучения изобразительного искусства Чувашии, все затронутые в докладе вопросы в той или иной мере рассматривались в научных трудах наших ведущих искусствоведов — А.Г. Григорьева, Н.А. Ургалкиной и А.А. Трофимова. Об истоках и формировании

чувашикого изобразительного искусства писал историк А.И. Иванов-Ехвет. О чувашском искусстве, о жизни и творчестве отдельных художников республики в своих публикациях и монографиях писали также известные российские искусствоведы Н.В. Воронов и С.М. Червонная. К обзорам художественных выставок, анализу творческой деятельности живописцев чуть позже подключились искусствоведы следующих поколений — М.А. Карачарскова, Ю.В. Викторов, А.И. Мордвинова, Л.В. Семечкина, В.М. Петрова и др.

Прежде чем приступить к освещению темы научного доклада, напомним, что первым выявленным донныне профессиональным художником из чувашей был П.Е. Егоров (1731—1789) — один из крупнейших представителей раннего русского классицизма в зодчестве, создатель решетки Летнего сада в Санкт-Петербурге и других известных памятников архитектуры. Несомненным художественным дарованием обладал другой наш земляк — всемирно известный китаевед, основатель отечественной синологии Н.Я. Бичурин (1777—1853), о чем свидетельствуют его акварельные портреты, пейзажи и путевые зарисовки. Известно также, что начиная с конца XVIII в. в Чувашском крае работали мастера, украшавшие соборы и церкви иконами и настенными росписями. Зарождение и формирование профессионального изобразительного искусства как нового явления в культурной жизни нации относится к рубежу XIX—XX вв. И это происходило прежде всего благодаря художникам-живописцам. Хронологические рамки отдельных этапов развития искусства живописи в Чувашии в докладе определены в соответствии с историческими событиями в стране и республике.

1. ИСТОКИ ЧУВАШСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Общеизвестно, что первые живописцы из чувашей профессиональное образование получили как в специальных учебных заведениях (Казанская художественная школа, Пензенское художественное училище, Императорская Академия художеств), так и в различных частных студиях. Однако известно и то, что в зарождении изобразительного и ряда других видов профессионального искусства — приоритет за Симбирской чувашской учительской школой, основанной И.Я. Яковлевым в 1868 г. Ее учебные планы предусматривали изучение широкого круга дисциплин, приобщавших воспитанников к разным видам искусства, к русской и мировой художественной культуре. В школе на должном уровне были поставлены хоровое пение, обучение игре на скрипке, рисованию, резьбе по дереву, чувашской вышивке. Регулярно проводились литературные и музыкальные вечера. Ставились сцены из оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин» и пьесы русских авторов. В дни каникул нередко совершались экскурсии в Москву, Санкт-Петербург и Нижний Новгород, где ученики знакомились с историческими и архитектурными памятниками, монументальной скульптурой, музеями, посещали театры. Организатор и руководитель школы,

один из гигантов мировой культуры Нового времени И.Я. Яковлев писал: «Я всегда был убежден и веровал, что чувашаи Богом не обижены, не менее способны, чем русский простой народ. Если они до сего не представили выдающихся деяний, то можно сказать, что не было благоприятных условий. Я всегда видел доказательства, что чувашаи во всех областях могут с успехом заниматься наукой и искусством...»¹

Деятельность И.Я. Яковлева и его школы, вопреки бытовавшему мнению, что чувашской культуры не было и не будет, способствовала зарождению и развитию чувашской художественной литературы, музыкального, театрального и изобразительного искусства. Для преподавания рисования в чувашской учительской школе приглашались художники, имевшие профессиональное образование и склонность к педагогической деятельности. Наиболее яркий след в ней оставил Н.Ф. Некрасов, ученик В.А. Серова и К.А. Коровина по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества. В мастерской Н.Ф. Некрасова углубленные знания и навыки по рисунку и живописи получил классик национальной поэзии К.В. Иванов, готовившийся к поступлению в Академию художеств в Петербурге. С именем Некрасова связано зарождение профессиональных форм чувашского изобразительного искусства, в том числе портретной и тематической живописи. Уроки преподавателя-наставника пробудили устойчивый интерес к живописи также у А.В. Китаева и И.С. Максимова-Кошкинского, ставших впоследствии признанными мастерами искусства. Искусствовед Е.Л. Силантьева вполне обоснованно пишет: «Некрасов стоял у истоков чувашского изобразительного искусства, на протяжении восемнадцати лет он преподавал рисование в Симбирской чувашской учительской школе, которая являлась в то время единственным в России центром чувашской культуры»².

Крупным центром художественного образования многонационального Поволжья была Казанская художественная школа, открывшаяся в 1895 г. Ее организовали передовые художники города Н.И. Белькович, Г.А. Медведев и Х.Н. Скорняков, окончившие Императорскую Академию художеств в Петербурге. Они ставили перед собой конкретную задачу: «содействие художественному развитию местного населения и подготовительное образование для художников — живописцев, скульпторов, архитекторов и граверов, имея в виду и поступление их в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств»³. Высокий уровень обучения в Казанской художественной школе обеспечивали художники-реалисты. Среди них наибольшей популярностью у молодежи пользовались П.П. Беньков и Н.И. Фешин.

На разных отделениях Казанской художественной школы профессиональное образование получили многие будущие мастера искусства из Чувашии. С 1898 г. в ней учился В.Д. Воронов из Алатырского уезда, в будущем художник-живописец и преподаватель Алатырского художественно-граверного училища. Вольнослушателями школы были художники-педагоги Н.А. Каменьщиков из Алатыря (1897—1898) и Ф.Л. Лаврентьев из

Цивильского уезда (1902—1903). В 1904 г. архитектурное отделение школы закончил чебоксарец И.В. Ведянин. В 1905—1906 гг. вольнослушателем состоял А.В. Китаев из Чебоксар. В 1905 г. с правом поступления в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств без вступительных экзаменов и вне конкурса школу окончил цивилинин А.А. Александров. Такое же право в 1912 г. получили «сыновья государственных крестьян» из с. Яншихово-Норваши Цивильского уезда живописцы М.С. Спиридонов и Н.К. Сверчков, а также уроженец с. Яндашево Чебоксарского уезда живописец М.А. Адрианов. В 1913 г. Казанскую художественную школу окончили живописец И.А. Александров и архитектор В.А. Александров, в 1918 г. — скульптор Г.С. Спиридонов, художник-декоратор К.М. Васильев и живописец И.С. Максимов-Кошкинский⁴.

Первым живописцем из чувашей, окончившим в 1912 г. Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств по мастерской И.Е. Репина — Д.Н. Кардовского, был А.А. Кокель, который за конкурсную картину «В чайной» удостоился права на пенсионерскую командировку в страны Западной Европы. С 1916 г. он жил и работал в Харькове, стал одним из организаторов Ассоциации художников Червонной Украины и председателем ее Харьковского отделения, был ректором и профессором Харьковского художественного института. В творческом наследии мастера есть произведения, вошедшие в историю советского, украинского и чувашского изобразительного искусства.

Почти в те же годы, что и А.А. Кокель, в Высшем художественном училище при Академии учился А.А. Александров (1905—1913), также заслуживший право на заграничную пенсионерскую командировку. Чуть позже учились М.А. Адрианов (1912—1916), Н.К. Сверчков (1912—1916) и М.С. Спиридонов (1912—1917). Кокель, Адрианов, Сверчков и Спиридонов одновременно окончили Высшие педагогические курсы при Академии художеств. А.А. Александров (1884—1918) и М.А. Адрианов (1890—1916) из-за чрезмерной краткости жизненного пути не успели в полной мере проявить себя в искусстве живописи. Но в историю предреволюционного русского искусства эти талантливые художники, родившиеся на чувашской земле, вошли как участники «отчетных» выставок Высшего художественного училища, «весенних» выставок в залах Императорской Академии художеств и ряда других. А.А. Александров более известен полотнами на исторические темы, а М.А. Адрианова привлекал пейзажный жанр. Произведения первого репродуцировались на страницах журналов «Нива», «Солнце России», «Искра», «Новое время», второго — в журнале «Лукоморье». Это было первое поколение национальных живописцев с академическим образованием.

Второе и последующие поколения художников, чьи произведения яркой страницей вписались в историю чувашской станковой живописи XX в., профессиональное образование получили в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова, Харьковском

художественном институте, Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухомой, Московском художественно-промышленном училище (бывшее Строгановское), Московском текстильном институте, Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, Пензенском художественном училище, Алатырском художественно-граверном — Чебоксарском художественном училище, на художественно-графическом факультете Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева и других учебных заведениях страны.

2. М.С. СПИРИДОНОВ И КОНСОЛИДАЦИЯ ТВОРЧЕСКИХ СИЛ ХУДОЖНИКОВ ЧУВАШИИ

История становления и развития чувашской станковой живописи неразрывно связана с именем Моисея Спиридоновича Спиридонова. Именно он сыграл в послереволюционный период решающую роль в консолидации разрозненных сил местных мастеров изобразительного искусства. «На меня выпала большая честь — решать все вопросы изобразительного искусства у нас с самого начала образования Чувашской автономии...» — не без гордости вспоминал он в 1958 г. в письме к студенту — будущему искусствоведу А.Г. Григорьеву⁵.

Еще в период широкого обсуждения вопроса о самоопределении чувашского народа, о создании в составе РСФСР особой административной единицы — Чувашской трудовой коммуны преподаватель Канашского педагогического техникума М.С. Спиридонов размышлял о том, что в новых условиях совершенно иначе должны быть поставлены художественное образование и воспитание народа. Глубоко продумав и всесторонне проанализировав волновавшие его вопросы, связанные с организацией художественной жизни и основными направлениями работы в области художественного образования и воспитания, он составил в марте 1920 г. «Докладную записку» в адрес чувашского правительства. Познакомившись с этим важным документом, его подписал и Никита Кузьмич Сверчков — двоюродный брат Моисея Спиридоновича. В документе, представленном молодыми живописцами в отдел просвещения Центрального комитета Чувашской трудовой коммуны, высказывалось предложение о создании в Чувашии коллегии художников, которая явится центральным учреждением и руководящим началом в организации художественной жизни нации. В письме отмечалось, что в обязанности коллегии должны входить наблюдение за художественным воспитанием в чувашских школах, участие в оформлении чувашских книг, охрана исторических памятников, организация передвижных выставок и т.д.⁶

После образования Чувашской автономной области многое из того, что предлагалось в «Докладной записке», начало претворяться в жизнь. Так, в сентябре 1920 г. в областном отделе народного образования была организована секция изобразительного искусства (изосекция). На первый взгляд, по масштабности звучания «секция изобразительного искусства»

уступает «коллегии художников», но именно с нее началась в Чувашии активная художественная жизнь с участием местных мастеров изобразительного искусства, учителей школ, преподавателей средних учебных заведений и театральных деятелей. Для заведования работой изосекции М.С. Спиридонова пригласили в столицу.

Чебоксары начала 1920-х гг. не были городом с бурлящей художественно-выставочной жизнью. Здесь не кипели страсти вокруг вопроса об искусстве нового времени, как это было в Москве, Петрограде и других крупных городах страны. Приступая к должностным обязанностям, М.С. Спиридонов разработал положение о функциях изосекции, в соответствии с которым следовало начать собирание художественных сил области. «Привлечь к ней (изосекции. — Ю.В.) больших художников, живущих за пределами Чувашии, мне не удалось. Установил связи с местными художниками разных профессиональных уровней и возможностей. Среди них были чебоксарцы Воронова (преподаватель педтехникума), супруги Л.И. и Г.Я. Поляковы (учителя средних школ), В.Д. Нефедьев (городское училище), П.Е. Мартенс (латыш, художник-прикладник, воспитанник художественно-промышленного училища барона Штиглица, ныне Высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухомовой в Ленинграде), К.М. Васильев и И.С. Максимов-Кошкинский (из чувашского театра), Г.Д. Данилов (занимавшийся иконописью), Г.С. Спиридонов из Шихран (Канаш, скульптор), Н.А. Каменьщиков из Алатыря (опытный учитель, получивший это звание и свидетельство в Академии художеств в Петербурге)»⁷.

Здесь вполне уместно дополнение воспоминаний М.С. Спиридонова любопытным фактом, им же изложенным. Несмотря на письма «в разные концы страны», ему не удалось «собрать национальных художников в родном краю». Его особенно огорчило, что на приглашение не откликнулся А.А. Кокель: «Было обидно, что, изредка приезжая на родину, он не стремится встретиться с чувашскими художниками, помочь им в их становлении и развитии»⁸.

Таким образом, ядро первого художественного объединения творческих сил Чувашии составили лишь местные мастера. Во главе с М.С. Спиридоновым они взяли на себя ответственность за все виды работ в изобразительном искусстве, за художественное образование и воспитание в автономной области. Изосекция довольно быстро заявила о себе конкретными художественно-оформительскими делами. Первой значительной работой было оформление Чувашского театра, переведенного в Чебоксары из Казани. «На мою долю выпало оформление арки перед сценой, — вспоминает Моисей Спиридонович. — Я написал на рогожах большой *сурпан*, который декоративно ярко и эффектно обрамил всю арку и свисал концом вниз. Получился своеобразный символ — чувашское представление о красоте, ее вечном обновлении и продолжении на земле»⁹.

Впечатляющим и общественно значимым стало украшение столицы к празднованию 1 Мая в 1921 г. На чувашском и русском языках художники

исполнили два десятка живописных панно и плакатов на злободневные темы современности. На Базарной площади была сооружена триумфальная арка-трибуна, а на берегу Волги было разыграно театральное действо — бой отряда Разина с царскими стрельцами, — завершившееся открытием памятника Степану Разину.

1921 г. памятен в истории чувашского изобразительного искусства и первой по счету художественной выставкой, проведенной в Центральном чувашском музее (ныне Чувашский национальный музей). В экспозицию вошли живописные произведения М.С. Спиридонова, Н.К. Сверчкова, К.М. Васильева, Г.Д. Данилова и других авторов.

Важно отметить, что живописцы Чувашии, воспитанные на традициях русского реалистического искусства, придерживались тех же принципов, которые легли в основу деятельности Ассоциации художников революционной России (АХРР), организованной в мае 1922 г. Из воспоминаний М.С. Спиридонова: «Во главе АХРРа стояли мои товарищи по Казанской художественной школе Павел Александрович Радимов и Александр Владимирович Григорьев, в лице которых чувашское искусство нашло умелых организаторов и замечательных учителей-творцов»¹⁰. АХРР сыграла важную роль в отстаивании и развитии позиций социалистической идейности и реализма в отечественном изобразительном искусстве. В начале 1926 г. было создано Чебоксарское отделение АХРР. Этому событию в немалой степени способствовал тот факт, что в Чувашии тогда в творческой командировке находилась целая группа живописцев-ахрровцев: Ф. Богородский, П. Байбарышев, Н. Козочкин, С. Литвиненко, Г. Медведев.

17 марта 1927 г. в Академии художественных наук (Москва) правительство нашей республики организовало вечер чувашского искусства. Один из разделов выставки назывался «Чувашия в живописи». Наряду с произведениями московских живописцев на чувашские темы здесь экспонировались и картины М.С. Спиридонова. 22 марта 1927 г. президиум АХРР вручил Моисею Спиридоновичу удостоверение, в котором говорилось, что ему «поручается войти в связь с членами Чебоксарского филиала АХРР с тем, чтобы принять организационные меры по продвижению и оформлению АХРРовской работы в Чувашской области»¹¹. 5 сентября 1927 г. вопрос о преобразовании Чебоксарского филиала в Чувашский филиал АХРР был решен положительно. Его председателем избрали М.С. Спиридонова.

С созданием в Чувашии филиала АХРР, куда вошли те же художники, которые ранее были объединены в изосекции, начинается новый этап в формировании нашего профессионального изобразительного искусства. Уже через два месяца, 6 ноября, в Чебоксарах открылась выставка произведений художников Чувашского филиала АХРР, посвященная 10-летию Октября. В выставке участвовали Ф.Л. Лаврентьев, В.Д. Нефедьев, К.М. Васильев, Г.Я. Поляков, Л.И. Полякова, Г.Д. Данилов, М.С. Спиридонов, В.З. Мочалов, Г.С. Спиридонов, И. Спиридонов. Экспонировалось более восьмидесяти произведений¹². Это был первый крупный смотр чу-

вашского профессионального изобразительного искусства, который вызвал широкий общественный резонанс. Основную часть экспозиционной площади занимали живописные полотна.

Развернутую рецензию на выставку подготовил известный поэт, драматург и композитор Федор Павлович Павлов — один из выдающихся воспитанников Симбирской чувашской учительской школы. Его статья под названием «На выставке картин» в том же году была опубликована в ноябрьском номере журнала «Сунтал». По ее содержанию видно, что автор с большим интересом изучил каждый экспонат, доброжелательно отозвался об их создателях. В ходе повествования сделаны удачные экскурсы в историю мирового искусства, что свидетельствует о познаниях Ф.П. Павлова в предмете исследования.

Рецензия состоит из нескольких частей. Вводная (первая) часть заканчивается выводом: «Выставка производит хорошее впечатление, о чем можно сказать без всяких колебаний. Правда, картин маловато, но это объясняется тем, что многие из них были отправлены на выставку в Москву»¹³. Вторая часть статьи посвящена анализу творчества Ф.Л. Лаврентьева. В произведениях этого живописца рецензент заметил «тяготение к натурализму» и одновременно «значительную склонность к импрессионизму». Явно с идеологических позиций рассмотрены картины «Крушение» и «Чебоксарские церкви»¹⁴.

Третья часть, самая значительная, знакомит с творчеством М.С. Спиридонова. «Художник изображает трудовые массы чуваш в этнографическом плане. Спиридонов — художник-этнограф, так что анализ его творчества должен иметь свои особенности», — подчеркивает Федор Павлов¹⁵. Далее он вспоминает другого мастера кисти — Алексея Афанасьевича Кокеля, проживавшего в Харькове: «Художник Кокель тоже очень известен. Его, вероятно, знает вся Россия. Однако он забыл свою родину и предпочитает приобретать известность в других местах. На его картинах не нашли место чувашские образы. Как же мы можем судить о его полезности как чувашского художника? Никак. Художник Кокель не наш. М. Спиридонов — художник чувашского трудового народа. В этом его ценность, его слава. В этом же и его метод»¹⁶.

Весьма ценным в статье является то, что на основе сравнительного анализа произведений М.С. Спиридонова разных лет автор прослеживает эволюцию профессионального мастерства художника. В картинах, написанных в 1918—1921 гг., рецензент увидел «тускловатость» и недостаток «воздуха». О работах, созданных в 1921—1924 гг., пишет: «...краски изменяются, становятся более живописными. Воздуха уже больше». Анализ завершается оценкой работ, исполненных в 1924—1927 гг. Рассматривая их, Федор Павлов отмечает: «...колорит расцветает, хорошеет. Краски как бы просвечивают». Особо выделена картина «Пузырист», завершенная уже после открытия выставки. По справедливому выводу автора, картина свидетельствует о значительном изменении стиля живописи М.С. Спиридонова. «Раньше он был немного суховат, академичен, сейчас мягче, ласкает взгляд своей манерой»¹⁷.

В последнем разделе статьи в лаконичной форме говорится о других участниках выставки и акцентируется внимание читателя на их отдельных работах. При этом каждый из живописцев, исходя из манеры письма, удостоился той или иной характеристики. К.М. Васильев, например, отнесен к «реалистам», а В.З. Мочалов назван «художником-самоучкой». По выражению автора статьи, Г.Д. Данилов «пишет излишне сглаженно», В.Д. Нефедьев «склоняется к натурализму». О Л.И. Поляковой сказано: «Она красиво кладет краски». А вот Г.Я. Поляков «впадает в плакатность»¹⁸.

Рецензия Ф.П. Павлова исторически значима. Она является первой развернутой публикацией о творчестве чувашских живописцев. Отметим также, что, наряду с позитивными сторонами, она не лишена субъективности и тенденциозности. М.С. Спиридонов, как бы реагируя на нее, правда, намного позже, в свою защиту писал: «Естественно, при моем добросовестном подходе к этюдам и зарисовкам у меня, я чувствовал, получалась своего рода этнографическая живопись, документальная летопись уходящей старины. Позднее, указывая на мои произведения начала 20-х гг., некоторые товарищи упрекали меня в этнографизме, в нежелании создавать обобщенно-типические образы и картины. Наверное, они поспешили, не захотели увидеть в моих творениях живой души моего народа, того, что на моих холстах предстает жизнь в ее конкретных, материально-предметных проявлениях. В них нет вольной фантазии, желания поразить моих зрителей необычной манерой изображения. Ибо предмет моих изображений выше всех фантазий и сам представляет образец живого мастерства, которым следовало бы овладеть, чтобы стать подлинным художником. Наконец, создавая галерею этнографических зарисовок, я в своих наблюдениях пришел к новым открытиям, к познанию зарождающегося нового, закономерно вырастающего из прежней жизни. Не умозаключение, не мое прозрение, а изменение самой жизни — вот что я пытался изобразить на примере повседневности нашего села»¹⁹.

Приведенные воспоминания М.С. Спиридонова наглядно раскрывают творческий метод мастера — от натуральных этюдов и набросков к созданию типических образов современников и к написанию картин, правдиво отражающих обновляющуюся жизнь родного народа. Работая рядом с М.С. Спиридоновым, подобного творческого принципа придерживались почти все чувашские живописцы той поры. Необходимо заметить также, что в отдельных произведениях наших художников, как и в творениях большинства ахрровцев страны, наблюдаются отголоски передвижнических традиций. Совершенно иначе развивалось живописное творчество Ю.А. Зайцева, обладавшего яркой индивидуальностью творческого мышления. Правда, в изобразительном искусстве Чувашии он активно заявил о себе лишь с 1928 г.

Выдающимся событием в жизни коллектива чувашских живописцев стало участие во Всесоюзной выставке «Искусство народов СССР» (1927), проходившей в Москве одновременно с выставкой в Чебоксарах. Комиссией Наркомпроса Чувашской АССР на выставку было рекомендовано

восемнадцать живописных работ, созданных Г.Д. Даниловым, Ф.Л. Лаврентьевым, В.Д. Нефедьевым, Г.Я. Поляковым и М.С. Спиридоновым. В экспозицию вошли шесть из предложенных произведений: «Чувашская школа. Урок физики», «Толчение сукна», «Жницы», «В избе-читальне» Спиридонова, «Сбор податей в чувашской деревне» Нефедьева и «Маки» Лаврентьева. Надо отметить, что произведения чувашских художников не потерялись на фоне огромной экспозиции Всесоюзной выставки — на них обратили внимание и критики. Известный искусствовед Я.А. Тугендхольд писал: «Революция привела художников СССР к одним и тем же чувствам и мыслям. Так, чуваша, башкиры и грузины изображают сбор налогов, выколачивание податей при старом режиме — воспоминания о произволе чиновников, которые, очевидно, ничем не выколотишь из памяти!.. Но вот уже отзвуки нового мирного строительства — избы-читальни в изображении чувашей и украинцев»²⁰.

В мае 1928 г. в Москве состоялся первый Всесоюзный съезд АХРР. От Чувашского филиала в его работе принял участие М.С. Спиридонов. Съезд заслушал и обсудил несколько докладов по актуальным вопросам развития советского искусства. Первым был доклад наркома просвещения А.В. Луначарского — «Изоискусство как фактор культурной революции». Съезд принял решение о переименовании АХРР в АХР — Ассоциацию художников революции, придав ахровскому движению всесоюзный характер. В новой декларации, принятой съездом, подчеркивалось, что «героическая классовая борьба, великие будни строительства должны быть главнейшим источником содержания нашего искусства».

Вдохновленный идеями съезда, М.С. Спиридонов вернулся на родину с намерением активизировать деятельность Чувашского филиала АХР. Он глубоко понимал важность профессионального изобразительного искусства в создании художественно-духовной культуры республики. Вскоре в Чебоксарах состоялся первый Всечувашский краеведческий съезд, в котором участвовал и М.С. Спиридонов. Выступая с докладом «Изобразительное искусство среди чуваш», он вкратце охарактеризовал историю вопроса, обратил внимание слушателей на богатые традиции народного искусства, особо выделив чувашскую вышивку. Касаясь профессионального изобразительного искусства, Моисей Спиридонович с чувством гордости сказал: «Несмотря на малочисленность у нас художников и материальную необеспеченность их, чувашские художники сумели объединиться в филиал Ассоциации художников революции и в настоящее время ведут работу на ИЗО-фронте, осуществляя лозунги культурной революции». Его доклад был пронизан также заботой о будущей творческой смене: «Чтобы получить молодых чувашских художников, необходимо организовать художественный центр в республике в виде художественно-промышленной мастерской, студии, кабинета ИЗО и т.д., где чувашская молодежь могла бы подготавливаться для продолжения... образования их изобразительному искусству в художественных техникумах и художественных ВУЗах»²¹.

В ориентации творческих сил Чувашского филиала АХР на потребности современной культуры определенную роль сыграло постановление областного комитета партии от 7 мая 1929 г. «О мероприятиях по развитию чувашской художественной культуры». В нем, в частности, указывалось на необходимость более активного использования различными учреждениями республики творческих сил художников, привлечения их к работе в книжном издательстве, в редакциях газет и журналов, что способствовало бы как популяризации их творчества, так и улучшению художественного оформления национальной периодики и печатной продукции Чувашского государственного издательства²².

В 1929 г. в Москве состоялась XI выставка АХР «Искусство — в массы». Чувашскую живопись на ней представляла картина М.С. Спиридонова «Пузырист». Эту работу можно назвать эпохальной, поскольку она стала одним из первых значительных произведений чувашской профессиональной живописи советского периода, знаменующих переход художников республики от этнографического, созерцательного подхода к действительности, к творческому обобщению и типизации.

В 1930 г. в Чебоксарах состоялась вторая выставка работ Чувашского филиала АХР, посвященная 10-летию республики. Задолго до ее открытия была проведена большая организаторская и целенаправленная работа. «В декабре 1929 года, — вспоминает М.С. Спиридонов, — в Центральное бюро АХР было направлено письмо, в котором мы, желая придать местной выставке более крупный вид, просили художников столицы принять в ней участие своими новыми произведениями. <...> К сожалению, из художников вне республики откликнулся лишь один — москвич А.В. Китаев. Одновременно обратились мы и к чувашским художникам, проживающим в других республиках и областях»²³. На это обращение откликнулся только Н.К. Сверчков из Омска, представивший на выставку несколько картин. Среди них — «Проводы на войну», «Голодный год», «Хоровод» и др. Наряду с его полотнами в экспозиции заметно выделялись: «Тракторная молотба в колхозе», «Очистка леса для строительства Шумерлинского мебельного комбината», «Фосфоритная шахта в Вурнарах» и многие другие произведения М.С. Спиридонова. Имели успех также картины: «В тракторный фонд» А.Ф. Мясникова, «Завод» Ю.А. Зайцева, «Тракторная колонна», «Колхоз на пашне» И.А. Алексеева.

К открытию второй выставки Чувашского филиала АХР был издан каталог — первый в истории изобразительного искусства республики. Этот факт, по мнению М.С. Спиридонова, подтвердил, что творческая деятельность чувашских художников приняла серьезный характер и теперь привлекает внимание подлинной науки, подвергается профессиональному анализу и оценке²⁴.

Итак, к началу 1930-х гг. завершилась консолидация художественно-творческих сил и были созданы реальные условия для дальнейшего поступательного развития профессионального изобразительного искусства Чувашии. Решающую роль в этом процессе сыграл М.С. Спиридонов.

В авангарде основных видов изобразительного искусства как в этот период, так и во все последующие десятилетия XX в. была станковая живопись. Важно также отметить, что художники республики не испытывали прямых воздействий различных формалистических организаций и группировок, которых было довольно много в отечественном искусстве 1920-х гг. В Чувашии работали только убежденные сторонники и последователи реалистических традиций.

3. СТАНКОВАЯ ЖИВОПИСЬ 1930—1945 ГОДОВ

23 апреля 1932 г. ЦК ВКП(б) принял известное постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», согласно которому были распущены все художественные организации и основан единый Союз художников СССР. Чувашский филиал АХР продолжил свою деятельность до февраля 1933 г., когда был создан оргкомитет Союза чувашских советских художников. Учредительный съезд Союза художников состоялся в июле 1935 г.

Коллектив мастеров изобразительного искусства республики в 1930-х гг. значительно пополнился. Заметно возрос по образованию и мастерству его профессиональный уровень. В ряды художников в это десятилетие влились А.Ф. Мясников, Г.Д. Харлампьев, А.Д. Демидов, А.М. Тагаев-Сурбан, В.М. Макаров, Н.Д. Мохов, Е.П. Дементьева. В творческую работу активнее включились художники-педагоги Н.А. Каменьщиков, В.Д. Воронов, Ф.С. Быков, Б.В. Воскресенский, Г.Ф. Филиппов, Д.П. Толстов. Из Сибири на родину вернулся Н.К. Сверчков. В Чебоксарах окончательно обосновался Ю.А. Зайцев. «Приглашался в Чувашию и А.А. Кокель, но он работу в Харькове не оставил, лишь выполнил по договору с правительством одну картину к выставке 1935 г. — «Ликбез»²⁵. В художественной жизни республики начал участвовать студент Московского полиграфического института И.Т. Григорьев.

6 июля 1935 г. в Чебоксарах открылась юбилейная выставка, посвященная 15-летию Чувашской АССР. Наряду с художниками республики, к участию в выставке были приглашены живописцы Москвы (А.В. Григорьев, Г.Г. Ряжский, Ф.С. Богородский, А.П. и Н.П. Поманские), Горького (В.П. Савельев), Казани (В.К. Тимофеев), Ульяновска (И.А. Александров). Центральное место в экспозиции заняли тематические картины, отражающие современную жизнь республики: «Ударная бригада бетонщиков на строительстве Канашского вагоноремонтного завода» М.С. Спиридонова, «Акатуй» Ю.А. Зайцева, «Ликбез» А.А. Кокеля, «Женская бригада на прополке» Н.К. Сверчкова, «Козловский домостроительный комбинат» В.К. Тимофеева. Выделялись также картины, посвященные историческим событиям («Осада разинцами города Цивильска» А.М. Тагаева-Сурбана) и событиям из современной истории («Объявление Чувашской автономии» Н.К. Сверчкова).

На этой выставке впервые в чувашском искусстве широко был представлен живописный портрет. В этом жанре вновь выделялись произведения

М.С. Спиридонова, Ю.А. Зайцева, а также молодых авторов Е.П. Дементьевой, В.М. Макарова и А.Ф. Мясникова. Из воспоминаний М.С. Спиридонова: «Выставка имела большой успех, она впервые так широко знакомила массы трудящихся с достижениями чувашских художников. В журнале “Наши достижения” (1935 год, № 9) появился репортаж с выставки: “...По залам ходят чувашки в лаптях, колхозники, учителя, рабочие, писатели, председатель ЦИК ЧАССР А.Н. Никитин, секретарь обкома С.П. Петров. Многие рассматривали себя на портретах. Рядом видели живых художников. Картины, писатели, художники жили одной жизнью, дополняя друг друга, сливаясь. Выставка воспринималась как подлинно народная — и по тому, кто изображен, и по тому, кто пришел смотреть”»²⁶.

Творческий отчет чувашских художников после Чебоксар продолжился в Горьком. обстоятельный анализ выставки дан видными мастерами советского искусства А.А. Рыловым и И.Э. Грабарем. В статье «Свидетельство культурного роста», опубликованной в газете «Горьковская правда» (30 августа 1935 г.), академик И.Э. Грабарь писал: «Выставка производит отрадное впечатление и свидетельствует о чрезвычайном культурном росте ранее угнетаемой и отсталой царской колонии, какой была Чувашия. Что больше всего бросается в глаза на этой выставке, являющейся подлинным откровением для всех художников, искусствоведов, — бодрость, жизнерадостность, вера в свои силы и свое будущее... Такие художники, как Спиридонов, Кокель, Зайцев, Дементьева и многие другие, были бы выгодно замечены на любой большой выставке советского искусства в наших столицах»²⁷.

Процесс дальнейшего развития профессиональной станковой живописи Чувашии, так же как и прежде, шел в рамках традиций русской реалистической художественной школы. Нашим живописцам были чужды формальные поиски — они продолжали создавать произведения, «понятные массам».

Живопись второй половины 1930-х гг. отмечена появлением большого количества произведений в историческом жанре: были созданы картины, воскрешающие страницы жизни народа в царской России, написаны полотна, посвященные событиям Октябрьской революции и Гражданской войны. В произведениях нашли отражение и значительные события недавнего прошлого. Начали появляться картины, посвященные В.И. Ленину. В историческом жанре успешно работали Н.К. Сверчков («Насильственное крещение чувашей», «Передача колхозу государственного акта на вечное пользование землей»), А.М. Тагаев-Сурбан («Картофельный бунт. Акрамовское восстание»), В.Д. Воронов («Выступление М.И. Калинина в Алатыре в 1918 году», «В.И. Ленин в Казанском университете» — одна из первых картин в советском искусстве на эту тему), В.И. Иванов («Выступление В.И. Ленина на митинге на Пороховых складах Петрограда в 1917 г.»). Н.К. Сверчков создал также картины на актуальные темы современности («Первый трактор в чувашской деревне») и исторические пейзажи («Чебоксарская крепость в начале XVI века» и др.).

В жанровой живописи и в создании запоминающихся портретных образов современников больших успехов достиг Ю.А. Зайцев («Колхозники слушают радио», «Летчица Санюк»). Зрелым портретистом-психологом предстал в своих произведениях М.С. Спиридонов. Портретами-картинами воспринимаются портреты его кисти: народного поэта Чувашии Николая Ивановича Полоруссова-Шелеби и колхозника-орденоносца Степанова.

В живописи данного периода заметен повышенный интерес мастеров кисти к пейзажному жанру. М.С. Спиридонов исполнил серию этюдов Волги, колхозных полей и Кавказа. Пейзажем-картиной стало его полотно «Колхозное стадо». В творчестве Н.К. Сверчкова второй половины десятилетия также встречаются серии кавказских и волжских этюдов. Этюдами Суры и родного города заявил о себе алатырский художник Н.А. Каменьщиков. М.С. Спиридонов и Н.А. Каменьщиков во второй половине 1930-х гг. положили начало зарождению в чувашской живописи натюр-мортного жанра.

Среди значительных выставок этих лет выделяются персональные выставки произведений художников старшего поколения — Ю.А. Зайцева (1936), М.С. Спиридонова (1938), Н.К. Сверчкова (1940) и Н.А. Каменьщикова (1940). Состоялись также юбилейные выставки произведений чувашских художников, посвященные 20-летию Октября (1937), 20-летию Чувашской АССР (1940) и 50-летию поэта К.В. Иванова (1940). Все перечисленные выставки прошли в Чебоксарах. Выставочная деятельность еще более расширилась после открытия в 1939 г. Чувашской государственной художественной галереи. В практику выставочной деятельности был введен показ произведений изобразительного искусства в других городах республики. Летом 1940 г. «Передвижная выставка работ чувашских художников» была проведена в Алатыре, Канаше и Шумерле.

Организация в Чувашии филиала АХР, а затем создание взамен его Союза чувашских советских художников были способом проявления государственной поддержки и одновременно партийного контроля в сфере искусства. Однако на начальном этапе становления это не довлекло над коллективом чувашских живописцев, ибо на первом месте стояли проблемы профессионального роста. К тому же новая жизнь, отмеченная важными событиями, захватывала художников грандиозными масштабами, новизной тем, что воспринималось и воплощалось ими с абсолютно искренними чувствами. В Чувашии заметно выросло число профессиональных живописцев, активно включившихся в художественно-выставочную деятельность республики 1930-х и последующих годов.

Таким образом, начиная с 1930-х гг. исходя из новой идеологии государства активизировалось его внимание к искусству. Оно регулировалось важными партийными постановлениями. Как показали последующие десятилетия, это было началом ограничения творческой свободы деятелей искусства. Постепенно рамки предлагаемых тем и сюжетов становились более регламентированными и жесткими, что приводило к единообразию искусства. Единственно «правильным» и «нужным» государству методом

признавался и поддерживался социалистический реализм. Но талантливые живописцы и в этих рамках находили пути для создания глубоких по содержанию и форме выражения произведений в традициях русской реалистической школы.

Особой страницей в развитии чувашской живописи отмечены годы Великой Отечественной войны. К лету 1941 г. на учете в Союзе художников состояло тринадцать человек вместе с кандидатами. По воспоминаниям М.С. Спиридонова, семеро из них «ушли на фронт в первые же дни войны, в Чебоксарах осталось 3 человека с профессиональным художественным образованием, и то люди пожилые, не подлежащие мобилизации в армию. И они работали за всех, сообразуясь с требованиями военного времени»²⁸. В художественной жизни республики военных лет активное участие приняли мастера искусства, эвакуированные в Чувашию из Москвы, Ленинграда и республик Прибалтики. Некоторые из них (М.М. Михаэлис, Л.И. Осинский и К.Е. Томашевский) после войны навсегда остались в Чувашии.

Все произведения, созданные в суровые годы войны, отмечены высоким патриотическим звучанием. О зрелости национальной живописи свидетельствуют тематические картины Н.К. Сверчкова, отражающие конкретные события военных лет: «Бронепоезд “Комсомол Чувашии”» и «Переправа через Днепр» (посвящена подвигу Героя Советского Союза Филиппа Ахаева), а также масштабное полотно А.М. Тагаева-Сурбана «Сталинград». В годы войны многие советские живописцы обратили взоры к героическому прошлому Отечества. В этом русле Н.К. Сверчковым были созданы эскизы картин «Пугачевцы» и «Чуваши у Ивана Грозного во время Казанского похода».

С темой войны напрямую связана эмоционально насыщенная картина М.С. Спиридонова «Разгром фашистов у переправы». Мастерством живописного исполнения отличаются его портретные образы фронтовиков — связистки Лизы Сергеевой и капитана-орденоносца Осипова. В эти же годы им написано несколько портретов колхозников-патриотов, внесших свои сбережения на постройку танков и самолетов. К 1945 г. относятся портреты «Школьница» и «Чувашка Ирина» — выдающиеся произведения не только в творчестве М.С. Спиридонова, но и во всей чувашской живописи. Как пишет Н.А. Ургалкина, в первом портрете «отразилась вера художника в весну Победы, предчувствие бурного расцвета мирной жизни на освобожденной от фашизма земле»²⁹.

Не замерла в годы войны и выставочная деятельность. Уже в конце июня 1941 г. в саду им. Н.К. Крупской в Чебоксарах открылась «Выставка картин на оборонные темы», среди участников которой были С.Н. Богаткин, Н.К. Сверчков, Г.Д. Харлампьев и другие живописцы. Впечатляющей стала выставка «Художники Чувашии в дни Отечественной войны», развернутая в фойе Чувашского академического театра им. К.В. Иванова. Вместе с работами живописцев и графиков республики в ней экспонировались произведения эвакуированных живописцев, графиков и скульпторов.

В ноябре 1943 г. в фойе чебоксарского кинотеатра «Родина» проведена «Выставка произведений художников, работающих в Чувашии».

В 1944 г. в Москве состоялась выставка «Художники союзных, автономных республик и областей РСФСР». Из воспоминаний М.С. Спиридонова: «Из того, что мы предложили от Союза художников Чувашии, большая часть была отвергнута комитетом выставки. В экспозицию включили лишь произведения А.В. Лобанова, М.М. Рубанова (эвакуированные в Чувашию художники. — *Ю.В.*), Н.К. Сверчкова и М.С. Спиридонова. Мы восприняли это как своевременное напоминание о том, что в жизни и искусстве наступает новый этап, когда на первый план выступает высокое качество нашего труда. Лишь так произведения искусства будут способны привлечь, тронуть и мобилизовать зрителя на новые свершения и победу над врагом»³⁰.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. многие мастера искусства ушли на фронт и ряды художников сильно поредели. Но в республике художественная жизнь, в которой участвовали и эвакуированные живописцы, графики и скульпторы, не остановилась: создавались произведения на темы войны и исторического прошлого, проводились тематические выставки.

4. НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ЖИВОПИСИ: ПОСЛЕВОЕННЫЕ, 1950 ГОДЫ

Постановлением Совета народных комиссаров Чувашской АССР от 31 декабря 1940 г. Алатырское художественно-граверное училище, открытое в 1934 г., было преобразовано в Чебоксарское художественное училище. С началом Великой Отечественной войны оно было законсервировано и возобновило свою работу в 1944 г. Послевоенный и последующие периоды развития чувашской живописи в немалой степени связаны с деятельностью этого учебного заведения, в котором начали готовить профессиональных художников по разным видам искусства и учителей для школ. Преподавателями специальных дисциплин в училище изначально работали художники, способные раскрыть студентам сложные законы изобразительного искусства и увлечь их личным примером в творчестве. Таковыми были педагоги-наставники старшего поколения Н.К. Сверчков и М.С. Спиридонов, а также И.Т. Григорьев, начавший свою педагогическую деятельность еще в Алатырском художественно-граверном училище.

Во второй половине 1940—1950-х гг. в преподавательский коллектив училища влились талантливые выпускники академических институтов Москвы и Ленинграда, иных вузов страны: П.Г. Григорьев-Савушкин, В.М. Макаров, А.М. Спиридонова, В.С. Гурин, Р.М. Ермолаева, Е.Е. Бургулов, М.Ф. Харитонов, С.Т. Терехилов и др. С их именами напрямую связано начало нового этапа в развитии чувашской станковой живописи, поскольку педагогическую работу по воспитанию творческой молодежи они успешно сочетали с плодотворной творческой деятельностью. Более того, ряды

профессиональных художников республики вскоре начали пополняться одаренными воспитанниками училища. На базе «училищного» образования талантливо проявили себя и стали видными мастерами чувашского изобразительного искусства Ф.П. Осипов, В.С. Семенов, Б.М. Белоусов, Н.П. Карачарсков, П.П. Козлов, В.И. Агеев, В.Л. Немцев, В.Е. Емельянов, Е.А. Вдовичева, В.Я. Арапов и др. А для таких выпускников 1950-х гг., как О.И. Филиппов, А.И. Миттов, Р.Ф. Федоров, С.И. Алатов, А.Г. Григорьев, А.А. Ефейкина, Чебоксарское художественное училище, входившее в число лучших в России, явилось хорошей базой для успешного продолжения профессионального образования в ведущих художественных вузах страны.

В послевоенной чувашской живописи на первый план выходит тема жизни и труда на мирной земле. Причем в станковой живописи этого времени разрабатываются доселе не встречавшиеся сюжеты: радость коллективного труда хлеборобов, строительство, учеба... Появляются произведения, отражающие тему безоблачного детства. Из представителей старшего поколения, живописцев подобного направления в авангарде был М.С. Спиридонов. Полна жизнеутверждающего смысла и оптимизма его картина «Уборка урожая» (1955). Из произведений молодых художников, представляющих второе поколение чувашских живописцев, выделяются полотна Н.В. Овчинникова («Первенец», 1952; «Воробушки», 1957), Р.М. Ермолаевой («Юннатка», 1952), П.Г. Кипарисова («Сторож-волжанин», 1956), В.С. Гурина («Бакенщик», 1957) и картина В.М. Макарова «Капитан “Ракеты”» (1959), посвященная Герою Советского Союза М. Девятаеву.

Молодые живописцы подключаются к созданию картин на историко-революционную тему и пробуют свои силы в работе над образом В.И. Ленина. Сложную гамму переживаний представителей разных слоев сельских жителей сумел передать В.М. Макаров в картине «Первые вести об Октябрьской революции в чувашской деревне» (1957). С юным Лениным, будущим революционером, знакомит его полотно «В. Ульянов в первой ссылке в селе Кокушкино» (1950). Дальнейшее развитие ленинской темы в чувашской живописи связано с картиной С.Т. Теребилова «В.И. Ленин среди крестьян», написанной в 1959 г. Тогда же было завершено полотно Н.В. Овчинникова «Первая борозда. В.И. Ленин на испытании первого советского электроплуга под Москвой в октябре 1921 года». Эта картина выдвинула чувашского мастера в ряды известных советских живописцев, работающих над образом В.И. Ленина.

В историческом жанре заметен повышенный интерес художников к образам выдающихся творческих личностей. Конкретная страница из биографии великого поэта положена в основу сюжетной завязки одной из лучших картин Н.К. Сверчкова — «Приезд А.С. Пушкина в чувашскую деревню» (1950). Впечатляющей стала и дипломная работа П.Г. Кипарисова «Песня» (1955). Картина, посвященная классику чувашской поэзии К.В. Иванову, как отмечали видные мастера советского искусства, стала подлинным событием в истории послевоенного Института им. И.Е. Репина и была помещена в Научно-исследовательском музее Академии

художеств СССР. Авторское повторение этого полотна под названием «К.В. Иванов слушает песню» (1957), выполненное по инициативе М.С. Спиридонова, ныне украшает экспозицию Чувашского государственного художественного музея.

В портретной живописи послевоенного времени прежде всего следует назвать глубоко содержательные и остро психологичные автопортреты старейшин чувашского искусства М.С. Спиридонова (1946) и Н.К. Сверчкова (1957). Выдающимся произведением национальной живописи стал портрет народной артистки Чувашской АССР О.И. Ырзем, созданный Р.М. Ермолаевой в 1957 г. В портретном жанре выделяются также работы Е.А. Ноздрина («Портрет художника-педагога Н.А. Каменьщикова»), П.Г. Кипарисова («Чувашка») и Н.М. Онуфриева («Портрет доярки»).

Более масштабной и содержательной становится пейзажная живопись, поскольку художники, работавшие в этом жанре, не ограничивались этюдами, как это было в прежние десятилетия, а стремились создать пейзажи-картины. Наибольшие успехи в этом направлении достигнуты В.С. Гуриным («Осень на Волге», «Полдень на Волге»), А.М. Спиридоновой («Волга зимой»), Б.М. Белоусовым («Дворик») и М.Ф. Харитоновым («Весна на Волге»).

Заметны успехи и в натюрмортном жанре. К художникам старшего поколения М.С. Спиридонову, Н.К. Сверчкову и Н.А. Каменьщикову, заложившим основы этого жанра в чувашской живописи, присоединились И.Т. Григорьев, Р.М. Ермолаева и А.М. Спиридонова.

Насыщенной и разнообразной была в изучаемый период выставочная деятельность Союза художников Чувашии. Систематически проводились выставки, посвященные очередным годовщинам и юбилеям Октябрьской революции, юбилеям родной республики. Проведено немало персональных и передвижных выставок. Начали практиковаться «весенние» выставки произведений художников Чувашии. В 1949 и 1950 гг. наши живописцы участвовали в республиканских выставках произведений художников краев, областей и автономных республик РСФСР, состоявшихся в Москве. Наглядный обмен творческим опытом происходил на конференциях-выставках автономных республик, проходивших в Казани (1947, 1950). Более масштабной была выставка, организованная в Сталинграде (1953), где экспонировались произведения художников шести волжских областей, Татарской и Чувашской АССР. Следует назвать также «Передвижную выставку работ художников Поволжья», состоявшуюся в 1958—1959 гг. На ней экспонировались произведения мастеров искусства из Астрахани, Горького, Казани, Калинина, Костромы, Саратова, Сталинграда, Ульяновска, Чебоксар, Ярославля. В Чувашской художественной галерее выставка работала в октябре 1959 г.

В послевоенной художественной жизни Чувашии произошли большие изменения. Значительную роль в дальнейшем развитии станковой живописи сыграли недавние выпускники ведущих вузов страны — Р.М. Ермолаева, В.С. Гурин, А.М. Спиридонова и др., работавшие преподавателями в Че-

боксарском художественном училище, а также Н.В. Овчинников и П.Г. Кипарисов, поддерживавшие постоянные творческие контакты с Союзом художников республики. Они придали всем жанрам чувашской живописи качественно новый профессиональный уровень и тематическое многообразие. Помимо экспонирования своих произведений в Чебоксарах, чувашские живописцы принимали участие в выставочных проектах, осуществляемых за пределами республики.

5. ЖИВОПИСЬ 1960—1980 ГОДОВ

В 1960 г. в Чувашском государственном педагогическом институте (ныне университет) им. И.Я. Яковлева был открыт художественно-графический факультет, организацию которого возглавил выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, искусствовед А.Г. Григорьев. С того года в изобразительном искусстве Чувашии отмеченных десятилетий активное участие начинают принимать преподаватели факультета: Н.В. Овчинников, М.А. Зобнина, А.И. Миттов, В.Г. Березин, Л.Е. Бураков, М.Ф. Харитонов, А.А. Ефейкина, В.П. Авраменко, Р.Ф. Федоров, С.С. Головатый, В.М. Непомнящий, В.Д. Чураков, П.В. Павлов, Н.Е. Егоров, А.А. Макаров, Б.М. Макаров, Е.П. Старостин, Н.Н. Лукин и др. Среди художников-педагогов, работавших на факультете в разные периоды, немало тех, кто внес значительный вклад не только в художественную педагогику, но и в подготовку чувашских живописцев. Уже первый выпуск специалистов, состоявшийся в 1965 г., свидетельствовал, что, наряду с высококвалифицированными учителями, преподавательский коллектив факультета способен готовить и профессиональных живописцев. Об этом заявили своими дипломными работами Н.С. Ведерников и В.Н. Ненаездников.

Немало профессионалов-живописцев подготовил и выпустил факультет за десятилетия своей деятельности, причем не только для Чувашии, но и для соседних республик и областей, для ряда других регионов России и всего Советского Союза. Ниже приводится далеко не полный список воспитанников факультета, которые внесли заметный вклад в чувашскую живопись, стали признанными мастерами искусства и членами Союза художников СССР: Н.А. Алимасова, А.П. Анохин, К.В. Владимиров, М.Г. Григорян, В.Ф. Гришаев, А.В. Данилов, Н.А. Енилин, Е.М. Есин, В.А. Иванов (Северянин), Н.Г. Кумбиров, Ю.П. Матросов, В.Я. Медведев, В.Г. Милославская, С.Н. Михайлов (Юхтар), Н.Н. Николаев, П.В. Петров, Ю.Н. Романов, В.Н. Серов, Г.Г. Фомиряков, Ю.Ю. Ювенальев.

Уникальным и неординарным явлением в истории чувашского изобразительного искусства стало творчество А.И. Миттова. В противовес устоявшимся традиционным приемам «живописания», в 1960-х гг. он вел поиски новых изобразительно-выразительных средств. Языком живописи и графики художник искал и находил национальные формы выражения, созвучные миропониманию родного народа, его философии, этике и эстетике

(серии «Чувашская старина», «Земля наших дедов» и другие произведения). Надо отметить, что творческое наследие гениального Мастера, всеобъемлющая «чувашскость» художественного языка и образного строя большинства его произведений будоражат умы уже нескольких поколений молодых художников Чувашии, направляя их на поиски своего оригинального пути в изобразительном искусстве.

Совершенно особым, самобытным явлением в чувашском искусстве стало также творчество В.И. Агеева. Как и А.И. Митгов, этот талантливейший художник заявил о себе в 1960-х гг. На протяжении всего творческого пути самозабвенно работая пером и кистью в рамках реалистической школы искусства, он создал свой неповторимый, оригинальный, глубоко национальный «агеевский» стиль. В живописных произведениях виртуозного мастера восстановлены страницы древней истории родного народа, воссозданы образы выдающихся его сынов, показана современная жизнь сельских жителей, воспета чарующая красота чувашского пейзажа.

Отличительной особенностью развития живописи первых двух десятилетий названного периода является то, что ряды мастеров старших поколений — устойчивых последователей социалистического реализма, начали «разбавляться» молодыми художниками — приверженцами нового направления в советском искусстве, названного «суровым стилем». Его наиболее яркие представители в нашей живописи — В.Д. Чураков, Н.Е. Егоров, П.В. Павлов. Сначала в графике, а затем и в живописи яркими признаками «сурового стиля» отмечено творчество Р.Ф. Федорова. Идеи и формы этого стиля затронули творчество В.С. Карандаева, отчасти они проявились в живописных произведениях К.В. Владимирова и Н.Г. Кумбирова.

На завершающем этапе творческого пути из графики в живопись перешел И.Т. Григорьев, своими натюрмортами внося в чувашское искусство отголоски отечественного «сезаннизма». Весьма показателен последний период творчества старейшего художника Ю.А. Зайцева, продолжившего в пейзажах и портретах смелые поиски в области национального колорита и нового пластического языка в чувашской живописи. Наиболее выразительными результатами этих поисков стали пейзаж «Над Цивилем» (1962) и портрет-картина «Матери» (1968).

Достоинно, значительными произведениями завершили свой творческий путь в искусстве основатели чувашской профессиональной станковой живописи. Так, М.С. Спиридонов в традициях реалистической школы написал несколько портретов-картин под названием «Невеста». В них представлен портрет красивой чувашской девушки-невесты, ассоциирующейся с образом главной героини поэмы Константина Иванова «Нарспи». Наиболее известен трогательный портрет-образ невесты, созданный в 1960 г.

Н.К. Сверчков в 1967 г. завершил работу над многофигурным полотном «Старинная чувашская свадьба», первый эскиз которого датирован 1947 г. Как отмечает искусствовед Н.А. Ургалкина, картина, прошедшая испытание временем, по праву «вошла в основной фонд чувашской живо-

писи как произведение глубоко национальное и по содержанию, и по колориту, и по трактовке характера народа»³¹.

Из мастеров искусства второго поколения в эпоху «развитого социализма» и в «перестроечные» годы выделялся Н.В. Овчинников. Заметным событием в советской живописи стали его картины «Здравствуй, Земля!» (1963) и «Страда. Мать» (1974). Значительно обогатили чувашскую тематическую живопись полотна художника «В нашей бригаде прибыло» (1963), «На родине. Свадьба в Шоршелах» (1967), «Навеки вместе» (1985) и др. В эти десятилетия Н.В. Овчинников создал немало удачных портретов. Среди них выделяются портреты деятелей национальной культуры — художника Ю.А. Зайцева, драматурга Н.Т. Терентьева, писателя Н.Ф. Ильбекова, поэтов П.П. Хузангая и Я.Г. Ухсяя.

В отмеченные десятилетия насыщенной была и творческая жизнь Р.Ф. Федорова, создавшего вслед за «Сеспелем» значительное количество живописных полотен, отличающихся многообразием тем. В основу всех произведений мастера этого периода положена новая образная система, сказавшаяся на композиционном строе, богатстве цветовой палитры и более экспрессивной манере письма («Праздник в Шоршелах», «Икар XX века», «Золотистый вечер. Мои родители», «Созерцание. К. Иванов и Нарспи», «Дионисий», «М. Сеспель. Жизнь моя, за какими холмами...»). Самым выдающимся произведением Р.Ф. Федорова, созданным в преддверии заката эпохи социализма в нашей стране, является многофигурная, «хоровая» картина «Фреска о хлебе» (1985), за которую автор удостоился Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова.

Одним из ярчайших представителей третьего поколения чувашских художников, заявивших о себе в начале 1960-х гг., является Н.П. Карачарсков, творчество которого охватывает все жанры живописи. Жизненная правда художественных образов мастера заключается в том, что своих героев он находит в самой действительности и пишет их с натуры такими, какие они есть в конкретной ситуации и определенной среде. Об этом свидетельствуют картины «Мои новые друзья», «Конюхи», «Мужики», «О нас пишут. Бригада строителей», «На полях Чувашии», «Победители. 9 Мая в Янгорчино», а также серии картин и портретов «Мы из “Гвардейца”», «Люди колхоза “Янгорчино”» и др. Н.П. Карачарсковым написаны сотни портретов сельчан, механизаторов, животноводов, ученых, деятелей литературы и искусства, ветеранов войны и труда.

Видное место в чувашской живописи этих десятилетий занимает творчество П.В. Павлова, картины которого отличаются композиционным совершенством, глубоко продуманным образным строем и строго выверенной живописностью. Многие его произведения посвящены истории страны и чувашского народа («Ополченцы Красной гвардии», «В трудные годы», «Ликбез», «Красные пахари», циклы «Земля», «Песни старой Чувашии» и др.). В полотнах мастера отражена и тема современности («Страда. Ужин», «Тишина», «Сын», цикл «Пограничники» и др.). Успешно работал П.В. Павлов в портретном и пейзажном жанрах.

На рубеже 1960—1970-х гг. все активнее начинает заявлять о себе новое поколение чувашских живописцев: Н.С. Ведерников, И.И. Григорьев, И.И. Даренков, К.В. Владимиров, Н.А. Енилин, Е.М. Есин, Н.Г. Кумбиров, Ю.П. Матросов, В.Я. Медведев, Н.Н. Николаев, В.В. Пономарев, П.В. Петров, Н.И. Садюков, В.Н. Сандомирова (Пономарева). Произведения этих авторов, относящиеся к разным жанрам или выполненные на их стыке, отличаются многообразием творческих исканий и находок, особой эстетической окраской.

Заметное место в истории чувашского изобразительного искусства 1970—1980-х гг. занимают творческие бригады художников. Наиболее плодотворной и длительной была деятельность бригады «Сельские зори», которой руководил Н.П. Карачарсков. Успешно развивая в своих картинах, портретах или в пейзажах и натюрмортах «деревенскую» тему, в разное время в нее входили известные чувашские живописцы В.Л. Немцев, В.С. Семенов, Е.А. Вдовичева, П.Г. Григорьев-Савушкин, А.М. Спиридонова, Э.М. Юрьев и др. Благодаря деятельности «сельскозоринцев» в целом ряде колхозов и совхозов республики появились народные картинные галереи, галереи воинской славы и галереи трудовой славы.

Другой известной бригадой руководил Н.В. Овчинников. Она работала в первой половине 1970-х гг. в колхозе им. космонавта А.Г. Николаева в Шоршелах. В составе бригады было немало живописцев — Р.Ф. Федоров, В.Д. Чураков, П.В. Павлов, М.Ф. Харитонов, Б.М. Макаров, создавшие сюжетно-тематические полотна, портреты-картины, отмеченные большой человечностью образов и высоким профессиональным уровнем исполнения.

Группа молодых художников во главе с Н.Е. Егоровым в те же годы с «нулевого цикла» начала летопись строительства завода промышленных тракторов в Чебоксарах. Лучшими живописными произведениями того времени стали «Весна на Чебоксарском тракторном» А.И. Симакова и В.А. Федулова, «Групповой портрет строителей тракторного» Н.Е. Егорова, «И звезда с звездой говорит» В.С. Карандаева. О новом уровне воплощения этой темы убедительно свидетельствуют масштабные полотна, созданные несколько позже: «Утро на строительстве Чебоксарского тракторного завода», «Смена. Бригада депутата Верховного Совета СССР А. Захарова» Н.В. Овчинникова, «Мы — кузнецы» В.Д. Чуракова и «Ритмы стройки» Р.Ф. Федорова.

В 1968 г. Э.М. Юрьев первым из художников республики открыл тему, отражающую строительство Чебоксарской ГЭС. Художник завершил ее в 1974 г. созданием серии живописных и графических произведений, в которой центральное место занимает полотно «Верхняя перемычка». Творческую бригаду художников, сформированную для работы на ГЭСстрое, возглавил живописец С.И. Алатов. Из всех художников этой бригады выделяется Н.Г. Белоцерковский, весомо заявивший о себе картинами «Начало Чебоксарской ГЭС» и «Митинг на ГЭСстрое». Живописные полотна, связанные с этой темой, созданы также В.Я. Медведевым. Не остался в

стороне от нее и Н.В. Овчинников, который в 1981 г. завершил картину «Покорители. Строители Чебоксарской ГЭС».

Определённый след в изобразительном искусстве оставила творческая бригада художников «Цивиль», работавшая на чувашском участке строительства газопровода Уренгой — Ужгород. Н.В. Овчинников создал серию портретов строителей газопровода и написал картину «Первопроходцы». С этой темой связаны картина «Сегодня в мире» Н.Е. Егорова и картина Р.Ф. Федорова «Интервью на трассе».

В 1980-х гг. на путь большого искусства вступили В.Г. Бритвин, Ю.А. Бубнов, М.Г. Григорян, А.В. Данилов, В.А. Иванов (Северянин), В.Г. Милославская, С.Н. Михайлов (Юхтар), А.М. Федосеев, Г.Г. Фомиряков. Эти талантливые художники, каждый из которых работает в своей манере, привнесли в чувашскую станковую живопись тематическое и стилистическое разнообразие. Так, С.Н. Михайлов (Юхтар) и Г.Г. Фомиряков представляют новое направление — этнофутуризм. В это же десятилетие в художественную жизнь республики включается А.С. Розов, в 1984 г. вернувшийся в Чувашию. Он создавал символические пейзажно-жанровые живописные композиции, наполненные ярко выраженной «чувашскостью». Активнее начали работать в живописи мастера декоративно-прикладного искусства Р.Ф. Терюкалова и А.А. Силов. Не только в Советском Союзе, но и во многих странах мира стал известен триптих В.К. Бобкова «Припятская трагедия — Боль Чернобыля», созданный в конце десятилетия после трагедии на Чернобыльской АЭС в 1986 г.

Активной, разнообразной и масштабной была в эти десятилетия выставочная деятельность чувашских живописцев. Помимо экспонирования своих произведений на республиканских выставках, многие из них начиная с 1964 г. участвовали в зональных смотрах искусства «Большая Волга», были участниками периодически проходивших в Москве всероссийских и всесоюзных выставок. Их произведения экспонировались на выставках «Художники Чувашии», проводимых в рамках Дней литературы и искусства Чувашской АССР в Москве, Ленинграде, Горьком, Саранске, Казани, Уфе.

Выдающимся событием в культурной жизни республики стало проведение в Чебоксарах (с 25 апреля по 31 июля 1985 г.) Шестой зональной тематической художественной выставки «Большая Волга». Примечательно, что основная часть экспозиции, где экспонировались живописные произведения художников Астраханской, Волгоградской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, Ульяновской областей, Марийской, Татарской, Удмуртской, Чувашской автономных республик, была развернута в залах нового здания Чувашского государственного художественного музея. Выставка показала, что чувашские мастера кисти ни в одном из жанров живописи не уступали собратям по творческому цеху, в том числе и в создании крупномасштабных сюжетно-тематических произведений.

Скандально-привлекательной была выставка, состоявшаяся в конце 1988 г. в Чувашском государственном художественном музее. Тогда там работала выставка молодых художников Чувашии, Татарстана, Башкортостана,

стана и группы творческого объединения «Черный пруд» из Нижнего Новгорода. Подобные смотры молодежного творчества в Чебоксарах еще не проводились. Выставка была организована в тот период, когда в стране набирала силу «перестройка», охватившая все стороны общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни государства. В подобной атмосфере у молодых художников региона созрел протест против устаревших, как им казалось, канонов в искусстве советского периода. Как справедливо считает доктор искусствоведения А.А. Трофимов, «молодые художники, организовавшие в Чебоксарах выставку абстрактных произведений, инсталляций и т.д., нашли для себя удовлетворение в разовой демонстрации своих работ»³². При этом надо вспомнить, что наряду с «абстрактными» и прочими «произведениями» показывалось немало реалистических полотен молодых авторов.

Чувашские мастера кисти всех поколений, работавшие в эти десятилетия в разных жанрах станковой живописи, независимо от творческих пристрастий создавали произведения, в которых неповторимо, самобытно и ярко отражались многогранная жизнь народа, его история и современность, его быт, обычаи и нравы, национальные особенности психологии, типажа и характера, воссоздавались образы выдающихся сынов и дочерей, на весь мир прославивших свою нацию. Нацию, имеющую древнюю историю, культуру, богатые традиции в народном искусстве и начиная с рубежа XIX—XX вв. успешно развивающую профессиональные формы творчества — художественную литературу, изобразительное искусство, музыку и театр. Однако былая целостность в развитии искусства, в том числе и искусства живописи, к концу данного периода утрачивается. На горизонте маячили крах идеологического диктата и многообразии стилей и творческих методов.

6. ЖИВОПИСЬ 1990-Х ГОДОВ. ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Развал в 1991 г. Советского Союза, некогда мощного и, как казалось, несокрушимого государства, смена государственной власти в октябре 1993 г. и экономические реформы первой половины 1990-х гг. сказались на судьбе отечественной художественной культуры и в корне изменили ход ее дальнейшего развития. Экономика оказалась вне привычной плановой системы и находилась на пути к рынку. Большинство россиян переживало тогда острый социальный и глубокий психологический кризис.

Не избежали подобного удара судьбы и деятели литературы и искусства. Ведь известно: чтобы искусство (в том числе изобразительное) успешно развивалось, не говоря о его процветании, во все времена требовалась относительная гармония между политикой, экономикой и культурой. Даже при тоталитарном режиме, исходя в первую очередь из идеологических установок, изобразительному искусству всегда оказывалась мощная политическая и определенная материальная поддержка. С распадом СССР художник лишился партийно-государственной опеки и поддержки,

а соответственно, лишился и идеологического контроля: художник оказался совершенно свободным. Рынок поманил к себе всех — народных и ненародных, заслуженных и незаслуженных, лауреатов и нелауреатов — и, нарушив привычную субординацию, сравнил их в глазах публики. Покупателю не важно, кто создал приглянувшуюся ему работу — член Союза художников или самоучка, столичный мастер или автор из провинции. Судя по многочисленным экспонатам художественных салонов и выставок-продаж, было понятно, что ценитель с любыми эстетическими запросами может подобрать себе необходимое произведение — товар.

В подобных экспозициях предстала богатая и пестрая контрастами палитра методов, стилей и направлений. В них соседствовали самые различные творения: одни претендовали на классические образцы, другие отдавали откровенным примитивизмом, третьи сохраняли традиции реализма, четвертые выполнены с налетом салонности, пятые замешены на западном авангардизме, шестые содержали отголоски отечественной «левизны», седьмые отличались неприкрытым эклектизмом и т.д. Все более откровенный ориентир на реализацию имели персональные и тематические выставки. Рядом с привычной этикеткой на раме, где указываются фамилия автора работы и ее название, то и дело начали мелькать ценники в рублях или валюте.

Бывшие советские мастера кисти, пережив за короткое время душевный дискомфорт, связанный с деидеологизацией жизни общества и собственного мировоззрения, а также художники нового времени, не до конца «подпорченные» идейной обработкой, постепенно вырабатывали в себе устойчивый иммунитет на выживание. В этих условиях, взамен былой конъюнктуры, в изобразительном искусстве, особенно в станковой живописи, посттоталитарного периода все явственнее начал проступать меркантильный дух. Дух, который уже на свой лад диктовал трактовку художественных задач, по-своему выстраивал иерархию жанров и вводил в творческий процесс новые темы и сюжеты, тесно переплетались и взаимодействовали позитивные явления с негативными. Этот процесс непосредственно отражался как в общем развитии искусства живописи, так и в творческой практике отдельных мастеров кисти.

Не стало так называемого «социального заказа» на тематические картины, сразу же погас интерес ряда ведущих чувашских мастеров живописи к многофигурным композициям на «заданные темы». Вслед за подобными полотнами в выставочных залах поредели, а вскоре и вовсе исчезли парадные портреты, индустриальные пейзажи и натюрморты на производственные темы. Но все эти жанры, благодаря новациям, освободились от политики ложного пафоса, помпезности и стали более лиричными, интимными и одухотворенными. Пейзаж и натюрморт, некогда бывшие «второстепенными» жанрами, начали преобладать на любой очередной выставке и нередко формировали лицо всей экспозиции. А сюжетно-тематическая картина «на злобу дня», в недавнем прошлом служившая показателем зрелости коллектива чувашских живописцев, появлялась все реже и

вскоре исчезла вовсе. Ее место начали занимать полотна религиозно-философского содержания.

Искусству социалистического реализма, основанному, как принято было считать, на правдивом отражении действительности и социальной жизни, искусству, по своей природе антиклерикальному, было чуждо подобное направление. Теперь же ни одна выставка не обходилась без произведений на «одиозные» ранее темы и сюжеты. Причем особой популярностью у ряда живописцев стали пользоваться библейские сюжеты и образ Иисуса Христа. В последующие годы, в связи с возрождением Церкви и возрастанием ее роли в общественно-политической и духовной жизни страны, это направление стало одним из ведущих.

На новый, более высокий уровень художественного осмысления вышла в последнее десятилетие XX столетия национальная тема. Этому явлению способствовал ряд крупных событий в жизни чувашского народа. Главным из них, конечно же, стало проведение в октябре 1992 г. Международного конгресса чувашского народа и создание Чувашского национального конгресса (ЧНК). Свою позитивную роль в дальнейшем развитии национальной темы в искусстве сыграла научно-практическая конференция «Вопросы возрождения чувашского народного костюма», состоявшаяся в Чебоксарах в марте 1993 г., а также III Конгресс Ассамблеи тюркских народов, прошедший в Чебоксарах в сентябре того же года.

Стремление языком живописи поведать миру о талантливом и трудолюбивом народе, о народе с древней историей и самобытной культурой, боль за нынешнюю и будущую судьбу родного народа еще острее зазвучали в 1990-х гг. в творчестве В.И. Агеева, К.В. Владимирова, Н.А. Енилина, А.С. Розова и других художников. Эти же проблемы волновали более молодых авторов — С.Н. Михайлова (Юхтара) и Г.Г. Фомирякова. Но жизнь показала: какими бы талантами ни обладали и какими бы благими намерениями ни вдохновлялись художники-патриоты, создание большого национального искусства невозможно без поддержки властных структур, без продуманной государственной программы в этой области. Отчасти новые властные структуры заботились о развитии культуры и искусства. Подвижки в этой области были. Так, 9 октября 1992 г. была принята декларация «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», а вслед за ним закон «О культуре» принят и в Чувашской Республике.

Жизнь непредсказуема и полна неожиданностей, о чем красноречиво свидетельствовали события, развернувшиеся на очередном, XIII съезде Союза художников Чувашии, состоявшемся 24 июня 1993 г. На этом съезде с необычным заявлением выступила группа известных чувашских живописцев, скульпторов и графиков, членов Союза художников России. В нем говорилось, что существующая организационная структура Союза художников Чувашии не отвечает современным требованиям законов Российской Федерации и Чувашской Республики о культуре. Подробно изложил все то, что, на их взгляд, не устраивает в работе нынешнего Союза, заявители выступили с предложением реорганизовать Союз художников

Чувашии в ассоциативный орган, объединяющий творческие союзы, коллективы по интересам, культурно-национальным признакам, и объявили о намерении создать Союз чувашских художников.

Вспомним, что незадолго до этого памятного съезда организационная структура Союза художников СССР вполне удовлетворяла всех обладателей членских билетов единого образца. Каждый из них всегда «что-то» имел от Союза или мог на «что-то» претендовать. В новых условиях Союз художников как бы исчерпал свою историческую миссию. «Наше бурное время разрушило монополию творческого союза. Возникают новые союзы художников, творческие объединения, международные ассоциации. Но мы к этому относимся спокойно и взвешенно, считаем, что все они вправе по своему усмотрению организовывать свои структуры, решать вопросы членства и осуществлять собственные выставочные программы»³³, — говорилось в отчетном докладе председателя Союза художников России В.И. Сидорова на VII съезде Союза, состоявшемся в декабре 1993 г.

Ко времени проведения очередного форума мастеров изобразительного искусства России в нашей республике был создан Союз чувашских художников. Естественно, в Москве знали об этом факте, и благословение председателя СХР как бы адресовалось и новой творческой организации, возникшей в провинции. Однако судьба Союза чувашских художников и его членов складывалась далеко не просто. Так, 9 декабря 1993 г. собрание Союза художников Чувашии большинством голосов решило вывести из своего состава В.И. Агеева, К.В. Владимирова, В.А. Зотикова, Н.А. Енилина, Ф.И. Мадурова, Ю.П. Матросова, С.Н. Михайлова (Юхтара), В.П. Петрова (Праски Витти) и П.С. Пупина — инициаторов создания нового творческого объединения. 28 мая следующего года данное решение утвердилось на своем заседании бюро секретариата Союза художников России. После череды судебных разбирательств, где истцами выступали перечисленные мастера искусства, справедливость восторжествовала, и в 1996 г. все они были восстановлены в рядах Союза художников России. С той поры они продолжают участвовать в выставочной деятельности Союза художников Чувашии и Союза художников России. Не остаются в стороне и от многих других общественно-культурных мероприятий, проводимых в республике и стране. Союз чувашских художников периодически проводит отчетные выставки и ежегодно выставки ко Дню города Чебоксары. Остается добавить, что в творчестве ряда ведущих мастеров живописи этого Союза приоритетными являются проблемы национального искусства, начиная от тематической направленности, кончая вопросами формирования.

За период со второй половины десятилетия художественная жизнь Чувашской Республики становится еще более яркой и насыщенной. В живописи работают мастера разных поколений, появляются имена новых, уже сформировавшихся художников. Так, из Казахстана на родину в 1994 г. вернулся Н.Г. Егоров. Начиная с 1996 г., когда петербуржец А.П. Рыбкин провел в Чебоксарах персональную выставку под названием «День

уходящий», Чувашия стала для уроженца Мариинско-Посадского района неотъемлемой частью его творческой и выставочной жизни. Впечатляющие пейзажи в последнее десятилетие своей жизни вдохновенно писал Э.М. Юрьев. Список живописцев постоянно пополнялся молодыми авторами, окончившими различные художественные учебные заведения, ищущими свой жанр, свою тему и стиль, активно участвующими в выставках (К.А. Долгашев, Н.П. Комаров, О.Н. Польшаев, Ю.Н. Романов, А.Р. Федоров и многие другие).

Несколько иначе, чем в прежние периоды, выстраивается творческая программа именитых мастеров живописи Н.В. Овчинникова, Н.П. Карачарскова и Р.Ф. Федорова. Первый из них не оставляет без внимания традиционные жанры живописи. Палитра его высветляется. Подлинными героями произведений патриарха становятся выдающиеся исторические личности: А.С. Пушкин, Н.Я. Бичурин, И.Я. Яковлев. Драматичную судьбу престарелых жителей родной деревни, страницы истории Чувашии и всей России конца минувшего столетия средствами живописи наглядно отразил в своих полотнах Н.А. Карачарсков. Достойное внимание он уделил также просветителю чувашского народа И.Я. Яковлеву. В авангарде всей чувашской живописи уже несколько десятилетий находится Р.Ф. Федоров. Он весьма популярен: у него много подражателей среди молодых. Он плодотворен, смел в творческих изысканиях и каждой новой картиной демонстрирует неиссякаемый потенциал.

Чувашская станковая живопись последнего десятилетия XX в. представлена произведениями художников разных поколений. Рядом с мастерами, пришедшими в искусство в середине столетия, в годы «хрущевской оттепели», в период «развитого социализма» и в «перестроечные» времена, работали молодые авторы. Смена государственной власти после распада Страны Советов, крутые перемены во всех сферах жизни общества, острый социальный и психологический кризис, переживаемый большинством россиян, нашли яркое отражение в творениях наиболее талантливых художников. Круг поднимаемых ими проблем, сложность тематики и интеллектуальное начало в осмыслении новых явлений, новизна формальных подходов значительно обогатили и изменили общую картину живописи Чувашии. На новый уровень развития вышла и национальная тема.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальной задачей современного отечественного искусствоведения становится исследование объективных закономерностей формирования и развития искусства народов России, выявление ведущих тенденций и неповторимого своеобразия изобразительного искусства каждой из национальных республик. В настоящем докладе на основе предложенного автором нового варианта периодизации рассмотрена целостная картина становления и развития чувашской станковой живописи в XX в. Выявлены знаковые события и фигуры, названы этапные произведения живописи.

Изобразительное искусство Чувашии зародилось в конце XIX столетия. Но в полной мере о его профессиональном уровне можем говорить в связи с появлением таких художников, как М.С. Спиридонов и Н.К. Сверчков, получивших образование в Петербургской академии художеств. Усилиями М.С. Спиридонова произошла консолидация художников республики и созданы Чувашский филиал АХРР и Союз чувашских советских художников. С конца 1920-х гг. в республике развернулась полноценная выставочная деятельность. Более того, участвуя во всесоюзных выставках, живописцы вышли за пределы Чувашии. Мастера искусства были вовлечены в реализацию крупных проектов, исходивших из потребностей государственной политики.

В годы Великой Отечественной войны художественная жизнь не остановилась — она была направлена на победу над врагом. Высоким патриотическим содержанием отличались живописные произведения, связанные с военной темой, и выставки, проводившиеся в то суровое время. Тема войны находила отражение и в мирные годы. Кроме того, в творческие интересы живописцев мощной волной вошли послевоенные события. Тема возрождения страны, жизни и труда на мирной земле нашла продолжение в живописи последующих десятилетий вплоть до развала СССР. С середины столетия видное место начали занимать полотна на исторические темы, тему Гражданской войны и картины, посвященные В.И. Ленину. В поле зрения живописцев всех поколений находились рабочие и колхозники, писатели и поэты, артисты и композиторы, ученые и педагоги. Галерея живописных портретов представлена также образами детей, студенческой молодежи, известных спортсменов и т.д. Важное место в чувашской живописи всегда занимал пейзажный жанр. Пейзаж и натюрморт стали ведущими жанрами в живописи последнего десятилетия минувшего века.

Наряду с художниками, получившими профессиональное образование в ведущих вузах страны, видную роль в развитии чувашской станковой живописи XX в. сыграли талантливые выпускники Чебоксарского художественного училища и художественно-графического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева.

Основным творческим методом на протяжении всего XX в. для художников Чувашии, как и для подавляющего большинства отечественных мастеров искусства, был социалистический реализм. Однако это не умаляло высокого содержания и профессионального мастерства в произведениях талантливых художников. Рождение иного направления в советском искусстве, названного «суровым стилем», дало новый импульс и живописцам Чувашии. Молодое поколение увидело в нем широкие возможности для реализации своего творческого потенциала. В этот период появляются художники с ярким индивидуальным почерком и устремлениями в решении языком искусства вопросов его национальных особенностей. Возрождение интереса к чувашской истории и традиционной культуре питало в дальнейшем умы и сердца новых поколений живописцев конца XX столетия.

Эта идея позволила талантливым художникам сохранить самобытность в годы так называемой перестройки, когда рушились идеологические установки и каноны прошлого.

Сложный XX в. стал временем становления и развития чувашской станковой живописи. Зародившаяся в формах реалистического искусства, она достигла ко второй половине столетия общероссийского уровня профессионализма и дала импульс развитию новых творческих направлений.

Литература и примечания

- ¹ Александров Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С. 6.
- ² Силантьева Е.Л. Художественная жизнь Симбирска на рубеже XIX—XX веков: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005. С. 17.
- ³ Ургалкина Н.А. Чувашское советское искусство. Чебоксары, 1973. С. 7.
- ⁴ Там же. С. 8.
- ⁵ Спиридонов М.С. Крылья памяти. Чебоксары, 1990. С. 200.
- ⁶ Ургалкина Н.А. Чувашское советское искусство. С. 9.
- ⁷ Спиридонов М.С. Крылья памяти. С. 77.
- ⁸ Там же. С. 54.
- ⁹ Там же. С. 77.
- ¹⁰ Там же. С. 80.
- ¹¹ Там же. С. 90.
- ¹² Ургалкина Н.А. Художники Чувашии: биобиблиографический справочник. Чебоксары, 1989. С. 346.
- ¹³ Павлов Ф.П. Собрание сочинений: в 2 т. Чебоксары, 1962. Т. 1. С. 137.
- ¹⁴ Там же. С. 138.
- ¹⁵ Там же. С. 139.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 140.
- ¹⁸ Там же. С. 140—141.
- ¹⁹ Спиридонов М.С. Крылья памяти. С. 85.
- ²⁰ Цит. по: Ургалкина Н.А. Чувашское советское искусство. С. 11—12.
- ²¹ Спиридонов М.С. Изобразительное искусство среди чуваш: тезисы доклада // Первый Всечувашский краеведческий съезд (15—21 июня 1928 г. в г. Чебоксары ЧАССР): тезисы докладов и резолюции. Чебоксары: Изд. Об-ва изучения Чувашского края, 1929. С. 75—76.
- ²² Ургалкина Н.А. Чувашское советское искусство. Чебоксары, 1973. С. 13.
- ²³ Спиридонов М.С. Крылья памяти. С. 94.
- ²⁴ Там же. С. 99.
- ²⁵ Там же. С. 101.
- ²⁶ Там же. С. 105—106.
- ²⁷ Там же. С. 106.
- ²⁸ Там же. С. 116.
- ²⁹ Ургалкина Н.А. Художники Чувашии. Л., 1978. С. 42.
- ³⁰ Спиридонов М.С. Крылья памяти. С. 120.
- ³¹ Ургалкина Н.А. Н.К. Сверчков: жизнь и творчество. Чебоксары, 1983. С. 64.
- ³² Трофимов А.А. Время и искусство // Художественная жизнь Поволжья: современное состояние и тенденции развития: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, 1 ноября 2013 г. Йошкар-Ола, 2014. С. 26.
- ³³ Сидоров В.И. Художник в современном мире // Художник России. 1994 (№ 2/16). 30 января — 15 февраля.

2016

СЕССИЯ 1
**СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ СОЦИУМ:
ЯЗЫКИ ОБЩЕНИЯ**

Э. Алос-и-Фонт

**ПРЕПОДАВАНИЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА
И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ
РОДИТЕЛЕЙ**

Оппоненты: Е.Ю. Протасова, Г.Ф. Габдрахманова

В любом обществе, в котором среди населения сильно распространено явление билингвизма или мультилингвизма, приоритетом в раннем обучении должен стать язык или языки, имеющие меньше других возможностей для дальнейшего развития.

У. Ламберт, Р. Такер

ВВЕДЕНИЕ

Мнение о преимуществе или вредности двуязычного образования или образования на родном языке в истории многократно менялось. В Римской республике развивалось двуязычное образование на латинском и греческом языках. В Средневековье в католических странах нормой было преподавание на латинском языке, хотя на нём никто не говорил в повседневной жизни. Исследования начала XX в. показали, что преподавание на неродном языке было менее эффективным, чем на родном. В 1928 г. международной конференцией о двуязычии в обучении, организованной Международным бюро по проблемам образования в Люксембурге, было рекомендовано, чтобы дети получали образование только на родном языке, а второй язык нельзя вводить до достижения 12 лет¹. Независимо от этого, в связи с развитием национальных

государств во многих странах акцент был сделан на то, чтобы образование велось только на государственном языке. Во Франции, Испании, Великобритании и других странах языки национальных меньшинств были унижены; запрещено их использование в школе; дети, говорящие на родном языке в школе, наказывались; преподаватели настоятельно рекомендовали родителям говорить дома с детьми на государственном языке и др. Тем не менее к 1960-м и 1970-м гг. под влиянием важных социальных изменений, происшедших в обществе с развитием постиндустриального строя экономики, понимание языковых процессов улучшилось. Стало более понятным наличие множества факторов, связанных с двуязычием, и в то же время возникли сомнения в существовании естественных иерархий, в том числе иерархий в языках. Во многих странах снова начали ценить родные языки, распространилось двуязычное или трёхязычное (на родном, государственном и иностранном языках) образование. Эта тенденция распространена в мире не одинаково и часто возникает слишком поздно, когда межпоколенческая преемственность многих языков уже прервана.

В России, в том числе и в Чувашии, темпы развития таких идей в XX и начале XXI в. значительно отличаются от западных стран, что обусловлено как различием социально-экономической структуры государств, так и менее тесными культурными взаимосвязями с западными государствами по политическим причинам. Это привело к тому, что сегодня наблюдаются две противоположные тенденции: развитие школьного преподавания на языках меньшинств во многих странах и сокращение образования на национальных языках в России.

Нами преследуется цель изучить, как в настоящее время осуществляется преподавание чувашского языка в Чувашии и как оно влияет на межпоколенную передачу языка в семье. Множество показателей свидетельствует о быстром переходе чувашских семей к домашнему использованию русского языка. На базе международного опыта, гипотезой нашей работы было то, что нынешняя образовательная система вредит сохранению чувашского языка.

Для изучения данной проблемы нами рассмотрены разные формы двуязычного образования в аспекте их влияния на сохранение, развитие или исчезновение языков. Обсуждаются развитие образования и результаты его для билингвизма и билингвальной грамотности в Канаде, Уэльсе, Стране Басков и Татарстане. Это служит основой для изучения ситуации с чувашским языком в образовательной системе Чувашской Республики. В докладе представлена ситуация преимущественно в 2014/15 учебном году. Изучается влияние языка школьного обучения на выбор языка семейного общения. Рассматривается неудавшийся проект двуязычного чувашско-русского преподавания в трёх школах г. Чебоксары. В заключении представлены выводы и предложения по дальнейшему развитию образования на чувашском языке.

1. ДВУЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ БИЛИНГВИЗМА И БИЛИНГВАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ

Существует всеобщее согласие среди специалистов, что образование является одной из фундаментальных сфер языковой политики. Не случайно везде в мире, где проводилась политика, нацеленная на изменение распределения функций языков в обществе, она была тесно связана с реформой образовательной системы, направленной на расширение или ограничение использования определённых языков. В Советском Союзе, например, большое значение имели усилия в 1920-х гг. по внедрению или расширению использования десятков языков в системе образования, а также реформы 1930-х, 1940-х и особенно 1958—1959 гг., которые ограничили обучение на них.

Авторы работ в области двуязычного образования подчеркивают фундаментальное значение использования языка как средства коммуникации в школе. Важно не только обучение языку как предмету, но и преподавание неязыковых предметов на нём. Исключительно важным является влияние школьного обучения на выбор языка, на котором ученики говорят дома или между собой, если язык обучения отличается от языка семейного общения. При условии, когда коммуникация происходит дома на доминирующем в обществе языке и основной язык обучения в школе редко или вообще не используется в повседневной жизни детей за пределами школы, язык домашнего общения редко изменяется (кроме использования отдельных слов при рассказе о школьных событиях). Наоборот, когда язык домашнего общения используется редко или не используется вообще в повседневной жизни вне семьи, а язык школьного обучения является в обществе доминирующим, часто язык школы становится и языком домашнего общения, иногда полностью заменяя исконный язык. Научная литература представляет многочисленные примеры таких случаев среди представителей национальных меньшинств или мигрантов². На самом деле в таких условиях часто переход семей к доминирующему в обществе языку происходит до начала посещения ребёнком детского сада, до школьного обучения, чтобы «подготовить» его для занятий. Как указывают Т.Л. Маккарти, Т. Скутнабб-Кангас и О.Н. Магга, «хотя сами по себе школы не могут “спасти” языки, находящиеся под угрозой исчезновения, школы могут погасить их в течение нескольких поколений почти самостоятельно»³.

1.1. Основная терминология

Различия в статусах вынуждают выделять два основных типа языков. Мы используем термин «**язык большинства**» как «язык доминирующей языковой группы исходя из числа носителей и/или положения по отношению к власти» и «**язык меньшинства**» как «язык, который не является доминирующим языком территориальной единицы»⁴. Как отмечают Т. Скутнабб-Кангас и Т.Л. Маккарти, часто «большинство» и «меньшинство» совпадают в количественном соотношении, хотя носители языка на опреде-

лѐнной территории не обязательно связаны с этим: «например, носители языка навахо численно доминируют в полуавтономной Нации навахо, но их язык ограничен внутри и за пределами их родных земель»⁵. Подобное наблюдается и в Чувашии, где для большинства населения чувашский язык является языком первичной социализации, но русский преобладает в общественной жизни. Данную терминологию, в соответствии с международной научной литературой по двуязычию, мы используем и в отношении носителей этих языков: например, «школьники языкового меньшинства» — о школьниках, говорящих дома на языке меньшинства. Альтернативные термины подчеркивают различия в широте функций языков или скрытое неравное соотношение сил между языковыми группами: «доминирующий язык» в противоположность «дополнительным языкам» (по российской терминологии) или «приниженным», «униженным» языкам (по терминологии, часто используемой западными учёными: фр. *langues minorisées*, *langues minorées*, *langues subordonnées*, англ. *minoritised languages*, а также *dominated minorities*, *disempowered minorities* и др.)⁶.

Следует принять во внимание, что представителем языкового большинства может быть как представитель этнической группы, находящейся в большинстве в государстве, так и представитель другой этнической группы, родители которого передали только доминирующий в обществе язык.

Необходимо дать уточнение и по поводу различного толкования термина «родной язык». В большинстве стран мира под ним понимается язык, который человек усвоил первым. В данной работе используем его именно в этом смысле, так же как и его синонимы: «язык первичной социализации», «первый язык» или «Я1». «Второй язык», или «Я2», — это, соответственно, язык, который индивид изучал или изучает после родного. Если первый язык начинает осваиваться в семейном кругу, то вторые языки учатся, как правило, вне дома, при общении на улице, в школе и др. Как подчёркивают В.А. Кожемякина и др., «впоследствии в зависимости от жизненной ситуации этот (второй. — Э. А.-и-Ф.) язык может остаться функционально вторым, а может стать функционально первым»⁷. Возможно также, что у человека было два или больше родных языков, но редко какой-либо один не преобладает над другими⁸.

Следует также принять во внимание, что язык большинства имеет тенденцию повышать число говорящих на нем за счёт языков меньшинств. Носитель языка меньшинства склонен заменить его на язык большинства, поскольку владение им является необходимым условием для восхождения по лестнице социальной иерархии. В результате родители, будучи носителями языков меньшинств, склонны максимально увеличивать языковой контакт своих детей в пользу доминирующего в обществе языка. Они часто предпочитают общаться дома с детьми на языке большинства и делают выбор в пользу школьного обучения на этом же языке. Дети в таких семьях не будут владеть языком меньшинства или владеть в той мере, чтобы передать его новому поколению. Переход общества от регрессивного языка к экспансивному языку социолингвисты называют «языковым сдвигом».

Параллельно с этим процессом происходит развитие идеологической базы, помогающей оправдать и ускорить его. Как правило, подчеркивается исключительная важность владения в совершенстве языком большинства как единственным легитимным всеобщим языком. В то же время акцент делается на географические и демографические ограничения языков меньшинств. Часто подразумевается, что «неразвитость» языков меньшинств в определённых сферах, как, например, терминология или высокая культура, является причиной, а не результатом (в основном) их функционального ограничения. Тем не менее чаще всего не полностью унижаются языки меньшинств, а восхваляется роль их в передаче богатого культурного наследия народа. Широкий круг авторов называет эти процессы «фольклоризацией» языка. Можно также посмотреть на это явление как на механизм компенсации при потере ценного объекта, известный психологам.

Изучение сотен случаев повсюду в мире дало возможность накопить широкую эмпирическую и теоретическую базу по проблеме языкового сдвига. Процесс языкового сдвига, как правило, начинается в крупнейших городах, охватывает средние населённые пункты и наконец достигает деревень. Доминирующий язык вначале используется в государственном управлении и крупном бизнесе, постепенно расширяет сферу функционирования и в конечном итоге заменяет языки меньшинств в домашнем общении. Люди с высшим образованием, чиновники и индивиды с тесным контактом с языком большинства более склонны передать его своим детям. На сегодняшний день в социолингвистике существует достаточно глубокое понимание факторов языкового сдвига и механизмов его развития. Другое дело, как остановить этот процесс, можно ли повернуть его так, чтобы регрессивный язык расширял свои функции и демографическую базу. Нет сомнений, что здесь образовательная система должна играть важную роль. С. Ромэн отмечает, что во многих случаях в процессе **обратного языкового сдвига** школа (посредством метода погружения) играет более важную роль, чем семья, в передаче регрессивного языка, потому что осталось мало носителей. В качестве примера она упоминает баскский, ирландский, гавайский и бретонский языки⁹. Тем не менее следует отметить, что носители языка большинства, учившиеся на языке меньшинства, как правило, более свободно говорят на языке, который они используют дома и на улице. Переход от владения языком меньшинства, полученного носителями доминирующего языка посредством методов погружения или двойного погружения, к его эффективному использованию в повседневной жизни (магазины, работа и др.) является важной задачей многосторонней языковой политики, нацеленной на обратный языковой сдвиг.

С. Ромэн также предупреждает о спорности термина «обратный языковой сдвиг», введённого Дж. Фишманом¹⁰. С. Ромэн отмечает, что языковой сдвиг является переходом от практически одноязычного сообщества, говорящего на определённом языке, к одноязычному сообществу, говорящему на другом языке, через этап широкого двуязычия. Тем не менее обратный

языковой сдвиг — это, скорее, переход от почти одноязычного сообщества к широко распространённому сбалансированному двуязычию без дальнейшего перехода к новому одноязычию, которое сегодня практически никого не интересует¹¹.

1.2. Формы билингвального образования или образования для билингвов

Существует большое разнообразие в типах двуязычного и многоязычного обучения. Например, У.Ф. Маккей различал 70 типов двуязычного обучения¹², и эта цифра — без учёта растущего многоязычного обучения (на трёх или более языках), которое сегодня процветает в мире. Основная разница между ними в том, насколько образование ориентировано на развитие четырёх видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо) на языке меньшинства, языке большинства и на одном или более иностранных языках. Это во многом зависит от взглядов представителей власти на ценность языков и функциональное распределение их в обществе. Таким образом, образовательные системы направляют все силы на то, чтобы выпускники владели языком большинства на очень высоком уровне, как устно, так и письменно, когда как относительно языков меньшинств их часто удовлетворяет элементарное устное владение.

К. Бейкер в своей известной типологии двуязычного образования различает понятия «одноязычные формы образования для билингвов», «слабые формы двуязычного образования» и «сильные формы двуязычного образования для билингвизма и билингвальной грамотности»¹³. К первому типу относится т.н. «**мейнстрим-обучение**» (англ. mainstream, submersion), то есть использование доминирующего языка для носителей языков меньшинств. Среди форм обучения второго типа выделяются «**переходные**» (англ. «transitional») программы, которые отличаются тем, что «учащимся, представителям языковых меньшинств, временно разрешено использовать свой родной язык. Такие учащиеся непродолжительное время учатся на родном языке, пока не считается, что они достаточно овладеют языком большинства и могут справиться с системой мейнстрим-обучения»¹⁴. К. Бейкер уточняет: «...основной целью “слабых” форм двуязычного образования является ассимиляция языковых меньшинств, а не сохранение их языков домашнего общения и культурного плюрализма»¹⁵.

К. Бейкер определяет 4 основные сильные формы двуязычного образования: «поддерживание», «двойное погружение», «погружение», «двуязычное мейнстрим-обучение». Суть метода «**поддерживания**» (англ. maintenance, heritage language) заключается в том, что школьники языкового меньшинства учатся как на своём родном языке, так и на языке большинства на протяжении всего процесса образования. В методе «**двойного погружения**», также называемом «**два направления**» (англ. dual language, two way), используются и язык большинства, и язык меньшинства для преподавания смешанному по языку коллективу школьников. Учащиеся языкового меньшинства «погружаются» в язык большинства, в то время как

учащиеся языкового большинства «погружаются» в язык меньшинства. Обе группы учатся вместе на своих родных языках, поэтому устраняется опасность сегрегации по родному языку. В методе «погружения» (англ. immersion) школьники языкового большинства учатся на языке меньшинства. В «двуязычном мейнстрим-обучении» (англ. mainstream bilingual) представители языкового большинства учатся на иностранном и родном языках. Основное отличие от предыдущих форм образования состоит в том, что статус иностранного языка высокий и он располагает большим количеством дидактических средств (включая учебники, книги, словари, аудиовизуальные материалы и др.).

Следует отметить, что терминология в этой области на сегодня не зафиксирована строго. Например, часто под названием «погружение» представлены разные методики. В США принято называть «структурированным погружением в английский язык» форму мейнстрим-обучения для носителей языков меньшинств.

Необходимо принять во внимание, что есть существенные различия между отдельными программами каждого типа. Например, программы по методу погружения различаются между собой, среди прочего, по возрасту обучаемых, «погружающихся» во второй язык, и количеству часов, отводимых на данное погружение. В самом распространённом типе («раннее полное погружение») обучение ведётся полностью на втором языке с детского сада или с 1 класса, с 3 или 4 класса на использование родного языка отводится примерно 20 % времени обучения на протяжении 3—4 лет, и среднее общее образование заканчивается с равным использованием обоих языков.

1.3. Контакт с языками и школьная успеваемость

Учившиеся по сильным формам двуязычного образования владеют языком меньшинства (или иностранным языком) лучше, чем изучавшие его только как предмет. Самое важное: исследования показывают, что дети изучают язык большинства и другие предметы на том же уровне или лучше, чем учившиеся только на языке большинства или по слабым формам двуязычного образования. К примеру, в Галисии (Испания) не найдено статистически значимых различий в результатах Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) между галисийскими школьниками, говорящими дома на галисийском или испанском языках¹⁶. В Фрисландии (Нидерланды) не выявлено статистически значимых различий в уровне владения нидерландским языком между детьми, говорящими на фризском или нидерландском языке дома¹⁷. В Татарстане школьники с нерусским языком домашнего общения показывают лучшие школьные результаты, чем говорящие дома только на русском языке¹⁸. По Дж. Камминсу, «результаты практически всех двуязычных программ, которые были оценены в течение последних 50 лет, показывают либо отсутствие связи между степенью контакта в школе с языком большинства и успеваемостью на этом языке, либо отрицательную связь»¹⁹.

Неожиданным для многих оказалось, что уменьшение школьной нагрузки с обучением на доминирующем языке приводит к такому же или лучшему уровню владения им. Согласно Х. Сенос и Х. Пералесу, при преподавании второго языка необходимо различать те случаи, в которых язык не встречается за пределами школы, и те, в которых учащиеся имеют языковой контакт на улице, в СМИ и т.д. Кроме этого, во втором случае следует иметь в виду, живёт учащийся в почти одноязычном обществе, где говорят на преподаваемом в школе языке, или данный язык является одним из языков двуязычного или многоязычного общества. И ещё в этом же случае позиция данного языка в обществе является фундаментальной (доминирует ли он, какой у него статус?)²⁰. Исследователи объясняют влияние этих обстоятельств: «В принципе, возможности для взаимодействия с носителями целевого языка больше, если изучающий его как второй живёт в одноязычном сообществе или изучает язык большинства в двуязычном или многоязычном сообществе. В последнем случае носители языков меньшинств, как правило, чаще контактируют с языком большинства и имеют больше возможностей для достижения высокого уровня владения им, чем носители языка большинства в отношении языка меньшинства»²¹. Подобным образом в своём отчёте об исследовании в области билингвального и мультилингвального обучения К. Бейкер и Г. Льюс обращают внимание на то, как существующее большое разнообразие в типах двуязычного и многоязычного обучения переплетено с ещё более широким разнообразием двуязычных и многоязычных ситуаций в школах и обществе²². Такое разнообразие вызвало бесчисленные исследования по отдельным проектам. К. Бейкер и Г. Льюс отметили свыше тысячи таких работ только по методу погружения²³.

Тем не менее эти социальные аспекты не объясняют ментальных процессов, помогающих развитию языков на высоком уровне у билингвов вопреки их более ограниченному контакту с каждым из своих языков по сравнению с монолингвами. Дж. Камминс предложил модель «общего базового владения» (англ. Common Underlying Proficiency model), согласно которой у билингвов есть общие знания, связанные с аудированием, говорением, чтением и письмом, независимо от языка, поэтому им не нужно осваивать всё с нуля при изучении нового языка. Особенно важным в модели является связанная с ней «гипотеза лингвистической взаимозависимости» (англ. linguistic interdependence hypothesis). Гипотеза предполагает: «По мере того, как обучение на $Я_x$ является эффективным в повышении уровня владения $Я_x$, передача этого уровня на $Я_y$ будет происходить при условии адекватного контакта с $Я_y$ (в школе или в окружающей среде) и адекватной мотивации к изучению $Я_y$ »²⁴. Другими словами, обучение на одном языке (на родном или неродном) помогает изучению другого в определённых условиях. В случае обучения на языке меньшинства детей, носителей языка большинства, необходимо уделить особое внимание мотивации, поскольку контакт с родным языком в основном обеспечивается обществом. В случае обучения на языке большинства детей,

носителей языка меньшинства, проблема в том, что необходимый контакт и мотивация для развития собственного родного языка часто не даются. На самом деле, в случае больших различий в отношении власти к языкам, используемым на определённой территории, и в статусах этих языков на ней у носителей языка меньшинства, принужденных обучаться на языке большинства, может развиваться неуверенность в себе²⁵. Это приводит к снижению школьной успеваемости, что нередко наблюдается у представителей языковых меньшинств, страдающих от социально-экономического уровня значительно ниже среднего.

Важнейшее значение имеет то, что образовательные системы не только передают знания одного или нескольких языков, но и сильно влияют на нормы функционирования языков в условиях многоязычия. С этой точки зрения, позиция в них языков меньшинств является исключительно важной для формирования у нового поколения нравственных ценностей и отношения к таким языкам и их носителям. Хотя это относится ко всем учащимся, независимо от их родного языка, исследователи сообщают, что это особенно значимо для представителей самых слабых в социально-экономическом плане сообществ. Дж. Камминс отмечает: «Познавательный/академический и социальный/эмоциональный (связанный с личностью) факторы концептуально различны. Тем не менее данные показывают, что чрезвычайно трудно разделить эти факторы в случае с теми студентами из числа меньшинств, которые относятся к “группе риска” по успеваемости. Например, данные из Швеции и США свидетельствуют, что у студентов из меньшинств, которые иммигрировали сравнительно поздно (когда им было около десяти лет), появляются лучшие перспективы в успеваемости, чем у студентов аналогичного социально-экономического статуса, родившихся в принимающей стране²⁶. Является ли это результатом приобретения познавательных/академических навыков на родном языке или, наоборот, результатом того, что они не испытывали девальвации своей идентичности в социальных институтах, а именно в школах принимающей страны, как это было со студентами, родившимися в ней?»²⁷

1.4. Страх перед двуязычным образованием

В своём анализе отечественных и зарубежных подходов к общегосударственной интеграции и культурному многообразию общества М.Ю. Мартинова предупреждает, что в некоторых случаях есть опасность создать «специальное образование для тех или иных групп, выделенных по этнокультурному принципу»²⁸. В 2010 г., отчитываясь перед Советом Европы о своём выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, Российская Федерация объявила, что методика т.н. «языковых гнёзд» (дошкольное образование на языке национального меньшинства по методу погружения) «представляет создание замкнутой языковой среды на базе детских дошкольных учреждений, где дети с первых лет

жизни погружаются в среду родного языка, что в условиях многонациональной России существенно ограничивает возможности их социализации в поликультурной среде»²⁹. Производит впечатление резко отрицательная оценка методики, используемой в обучении сотен тысяч учащихся во многих государствах (включая Канаду, США, Великобританию, Францию, Испанию, Норвегию, Финляндию, Австралию, Новую Зеландию и др.) и доказавшей отличные результаты в сотнях исследований.

Как показывают исследования, сложно создать условия, в которых дети, воспитанные в среде, где их язык находится в меньшинстве, не изучали в совершенстве язык большинства в коммуникационных условиях XXI в. Если что-то подобное случается, это говорит о сегрегации группы, причины которой никогда не являются только языковыми, в основном они другие (религиозные, экономические, политические и т.д.). На самом деле, если кто действительно и испытывает ограниченные возможности для своей социализации в поликультурной среде, это, скорее, носители языка большинства, которые, как правило, не изучают другие языки своего окружения. Монолингвизм ограничивает возможности понимать сограждан, представителей меньшинств, и в полной мере наслаждаться плодами их культур. В то же время он ограничивает возможности этих представителей меньшинств свободно использовать свои языки в обществе. Поэтому нельзя не согласиться с выводами галисийского социолингвиста Э. Монтеагудо о важнейших преимуществах двуязычных образовательных систем на языке большинства и меньшинства для всех учащихся:

1. Системы двуязычного образования являются не обедняющими, а обогащающими для учащихся, поэтому нельзя бояться введения дополнительного языка обучения в школьные программы.

2. Нет другой возможности обеспечить минимальные знания языков меньшинств, кроме их повсеместного использования в качестве языков обучения в начальном и среднем образовании, в то время как обучение доминирующему языку широко поддерживается его повсеместным присутствием в средствах массовой информации и в повседневной жизни.

3. Минимальное владение двумя языками всем населением является единственным условием для эффективного обеспечения государственного статуса обоих языков, равенства возможностей в области образования и труда, также единства общества³⁰.

Независимо от этого, языковая политика разных государств пока способствует распространению возможных и выдуманных опасностей двуязычного образования, скрывает его преимущества, не создаёт школы, использующие эти методы, или сокращает разными путями их число. Из множества способов следует отметить сокращение стипендий для подготовки воспитателей и преподавателей по билингвальным методикам, а также осуществление экзаменационных систем, оказывающих давление на языковые решения учащихся, родителей и учителей и осуществляющих за этим контроль³¹.

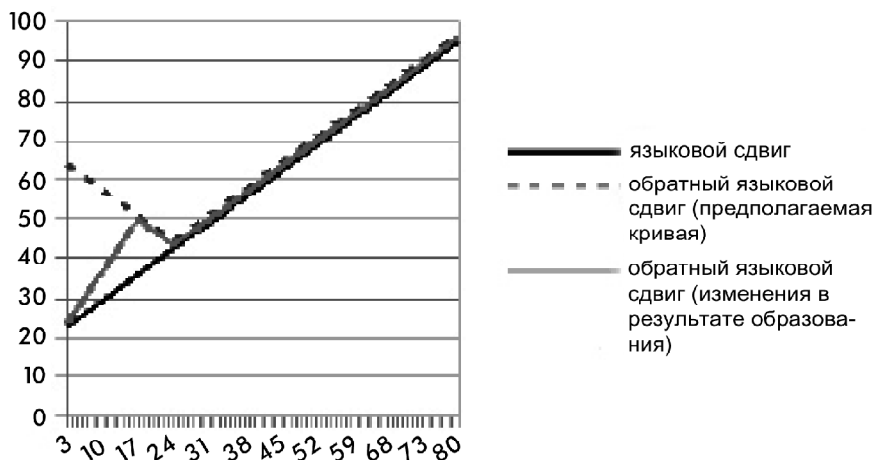
2. МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ

Какая бы образовательная программа для содействия языковой политике в образовании ни была выбрана властями, её следует оценивать по конечным результатам. Ф. Грэн предлагает следующую методику оценки. Она учитывает «внутреннюю» и «внешнюю» эффективность. Первая оценивает процессы, имеющиеся прежде всего в пределах системы образования (например, эффективность учебника в улучшении языковых знаний учащихся). Внешняя эффективность подразумевает результат языковой политики в обществе (например, увеличение численности владеющих и пользующихся языком, повышение уровня его передачи в семьях, улучшение отношения к языку национального меньшинства)³². Данные переписей населения и социолингвистических опросов должны использоваться для того, чтобы измерить внешнюю эффективность языковой политики. В настоящей работе изучена внешняя эффективность языковой политики в Уэльсе, Стране Басков, Татарстане и главным образом в Чувашии.

Основным показателем языкового сдвига или обратного языкового сдвига является возрастная дифференциация владеющих языком (или использующих его). Прерывистость языковой преемственности представляет в результатах исследований характерную уменьшающуюся кривую: чем моложе возраст, тем реже владение регрессивным языком. Напротив, кривая обратного языкового сдвига представляет другую картину: у «среднего» поколения показатель владения языком меньшинства ниже, чем у молодого или старшего поколения. Когда, как обычно происходит сегодня, обратный языковой сдвиг связан с преподаванием в школе языка, кривая усложняется. Наибольший уровень владения языком меньшинства принадлежит не дошкольникам, а учащимся средних классов (диагр. 1). Как пра-

Диаграмма 1

Примеры предполагаемого распределения говорящих на языке по возрасту в разных условиях

вило, зона перегиба в кривой владения языком меньшинства средним и молодым поколениями представляет начало появления положительных результатов политики ревитализации языка.

Безусловно, заявления по поводу владения языками в переписях населения и социологических опросах нельзя принять без критики: чаще всего не определяется точный уровень владения языком, так как ответы носят субъективный характер. Тем не менее эти заявления анализируются вместе с другими показателями. Результаты анализа данных по разным регионам и странам показывают их достоверность по большому счёту.

Возникает методологическая проблема из-за того, что в начале процесса языкового сдвига не видна возрастная дифференциация владеющих языком. В этом случае количество родителей, не передавших родной язык, небольшое, а также дети, не говорящие на языке меньшинства дома, изучают его в определённой степени благодаря тому, что он пока довольно широко использован в обществе. Потому более точными показателями начала языкового сдвига являются в опросах ответы на специфические вопросы об использовании языков в семье и владении тем и иным языком (большинства и меньшинства). Молодой человек, который постоянно использует язык большинства и владеет им на бытовом уровне лучше, чем языком меньшинства, склонен в будущем использовать его и в своей семье как основной язык коммуникации. На самом деле, это очень затрудняет процесс обратного языкового сдвига, ведь необходимо, чтобы часть носителей языка большинства, постоянно использующих его в повседневной жизни, начала использовать язык меньшинства дома с детьми, чтобы увеличить демографическую базу регрессивного языка.

3. ПРИМЕРЫ РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

3.1. Канада

Ключевым фактором распространения модели погружения в мире стал опыт школы Сен-Ламбера в пригороде Монреаля (Квебек, Канада). В 1960-х гг. в Квебеке произошла «тихая революция», коренным образом изменившая провинцию, с её традиционной аграрной экономикой и большим влиянием католической церкви, превратив её в современное постиндустриальное светское общество. Важное значение имели рост самосознания франкоязычных квебекцев (80 % населения) и связанное с этим изменение их отношения к доминировавшему в экономике провинции англоязычному меньшинству (15 % населения). На этом фоне группу англоговорящих родителей Сен-Ламбера не удовлетворило, что выпускники англоязычных школ Квебека мало владеют французским языком, несмотря на изучение его как школьного предмета в течение 12 лет³³. Под научным руководством университетских исследователей в сентябре 1965 г. 26 детей в экспериментальном классе начали учиться методом погружения во французский язык. Следует оговориться, что руководители местного управления образования неблагоприятно отнеслись к данному эксперименту³⁴. Программа имела следующие основные цели:

- «1) обеспечить участвующих детей практическими навыками как в письменном, так и в устном аспектах французского языка;
- 2) поддерживать нормальный уровень развития английского языка;
- 3) гарантировать академическую успеваемость в соответствии со способностями и этапом обучения учащегося;
- 4) прививать учащимся понимание и принятие франкоканадцев, их языка и культуры, не умаляя принятие студентами и их идентификации с англоканадской культурой»³⁵.

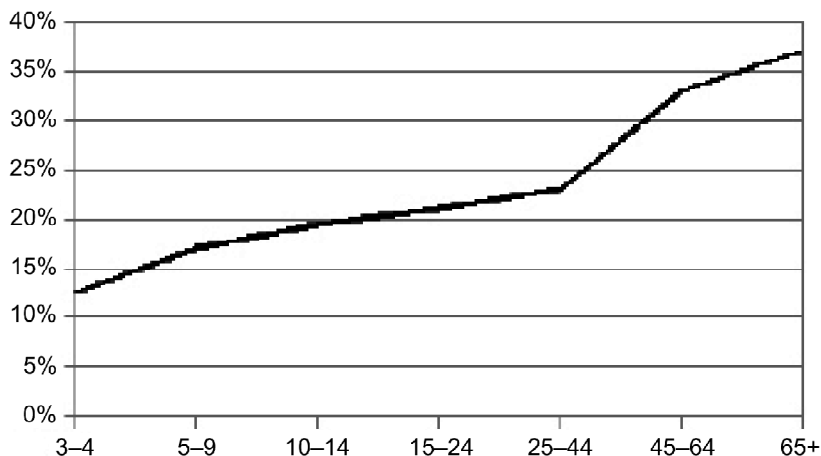
Эксперимент Сен-Ламбера оказался успешным. Тщательное высокоуровневое исследование, проведенное специалистами, обеспечило множество доказательств его результативности. Важное значение имело то, что в этом пионерном эксперименте участвовали дети из семей с социально-экономическим уровнем выше среднего, родители которых, вероятнее всего, были более заинтересованы в образовании своих детей. Заключение специалистов появилось в тот момент, когда квебекское и канадское общества были склонны к принятию их как бесспорное доказательство преимущества двуязычного образования детей, носителей доминирующего в обществе языка³⁶. Билингвальное образование по методу погружения быстро распространилось не только в Квебеке, но и во всей Канаде. К концу 2000-х гг. около 300 тыс. англоязычных канадских детей (5,9 % учащихся) стали учиться в 2 тыс. франкоязычных школах погружения³⁷. Таким образом, распространение изучения самого многочисленного из языков меньшинств детьми, носителями языка большинства, помогает усилить взаимосвязи и взаимопонимание между двумя самыми крупными языковыми сообществами Канады.

3.2. Уэльс

Методика погружения быстро распространилась и в других странах, особенно в Европе, а также в США, Новой Зеландии и др. В отличие от Канады она использовалась чаще всего представителями этнокультурных меньшинств, испытывающих серьёзный языковой сдвиг, чтобы новое поколение изучало язык дедушек или прадедушек.

Валлийский язык является самым многочисленным языком кельтской группы индоевропейских языков. По данным переписи населения 2011 г., владеют им 562 тыс. жителей Уэльса (19 % населения). Предполагается, что есть ещё примерно 150 тыс. валлоговорящих в Англии³⁸ из-за достаточно большой миграции из Уэльса. Валлоговорящие больше сконцентрированы в северной и западной частях Уэльса, где они являются большинством во многих областях, а в южной, более населённой и урбанизированной части Уэльса они являются меньшинством. Валлийский язык потерял большинство говорящих в течение XIX и XX вв. По данным британской переписи населения, в 1901 г. половина жителей Уэльса владела им, а в 1971 г. — лишь пятая часть. Диаграмма владения валлийским языком людей разных возрастных категорий в 1961 г. показывает характерный облик языкового сдвига (диагр. 2).

Распределение говорящих на валлийском языке в Уэльсе по возрасту (1961 г.)*

* Источники: *Edwards V., Newcombe L.P.* When School is Not Enough: New Initiatives in Intergenerational Language Transmission in Wales // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2005. Т. 8, № 4. P. 298—312. *Deuchar M., Davies P.* Code Switching and the Future of the Welsh language // *International Journal of the Sociology of Language*. 2009. № 195. P. 15—38.

Первая школа, нацеленная на двуязычное (валлийско-английское) обучение, была открыта в 1939 г.³⁹ Это была частная начальная школа, т.е. инициатива, как и в Квебеке, была «снизу», а не на основе государственной политики. Новизна, как отмечает Д.Г. Эдуардс, вызвала большое сопротивление «среди как валлоговорящих, так и не валлоговорящих»⁴⁰. Такое отношение объяснимо, если исходить из того, что школа в это время являлась важнейшим институтом языковой ассимиляции валлийцев. В XIX в. и, может быть, в начале XX в. «деревянная дощечка с надписью “Валлийскому — нет” оказывалась на шее любого ребёнка, замеченного говорящим по-валлийски в классе. Она передавалась от одного ребёнка к другому, и носящий её в конце дня подвергался физическому наказанию»⁴¹. Двуязычное образование начало распространяться, хотя и очень медленно. Оно получило определённую поддержку в органах государственного образования после того, как образование на валлийском языке было разрешено законом в 1944 г. После появления образования методом погружения в Канаде число детей с английским родным языком быстро увеличилось, в чём помогли и местные исследователи, описывавшие позитивные результаты первых опытов⁴². Тем не менее были необходимы «конфликты с властью, протесты, ненасильственные, но энергичные действия»⁴³. В 2013 г. 22,4 % 7-летних учащихся посещали занятия на валлийском языке в одноили двуязычных школах (в 2003 г. — 19,0 %). Спрос на обучение для учащихся на валлийском языке превышает число мест, предложенных как государственными, так и частными образовательными учреждениями.

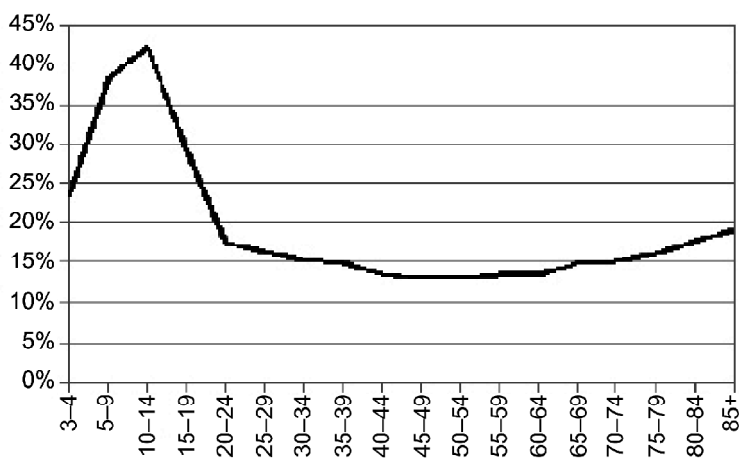
Существует дефицит квалифицированных валлоговорящих воспитателей и преподавателей⁴⁴. Кроме этого, валлийский язык является обязательным предметом обучения в возрасте с 5 (начало школьного образования) до 14 лет (с 1990 г.) и до конца обязательного образования — до 16 лет (с 1999 г.)⁴⁵. Тем не менее «такой тип обучения второму языку даёт достаточно мало детей, свободно говорящих на валлийском языке»⁴⁶.

Безусловно, улучшение отношения к валлийскому языку не универсально, и не всегда результаты его преподавания в школах позитивны. Например, Ж. Лайон в своём обширном исследовании об усвоении языков детьми в Уэльсе приводит бурные высказывания некоторых опрошенных. Одно из них: «Почему она (дочь. — Э. А.-и-Ф.) должна быть вынуждена учить бесполезный язык, когда остальная часть всего мира учит АНГЛИЙСКИЙ!?»⁴⁷ Данное исследование показывает, что некоторые родители, носители валлийского языка, считают дошкольное и школьное образование формой передачи родного языка, альтернативной семейному общению на нём. Подобным образом Д. Моррис и К. Джонс отмечают, что в семьях, где только отец владеет валлийским языком, имеется тенденция перекладывать на школу обязанности по изучению детьми валлийского⁴⁸. Тем не менее опросы показывают, что носители валлийского языка гораздо более склонны к школьному обучению своих детей на валлийском языке, чем не носители.

Данные переписи населения 1971 г. для Уэльса впервые показали положительный эффект изменения языковой политики в образовании. Эта тенденция стала ещё более ярко выраженной при анализе результатов следующих переписей населения⁴⁹. Диаграмма владения валлийским языком по возрасту в 2011 г. оказывается характерной для этих случаев (диагр. 3).

Диаграмма 3

Распределение говорящих на валлийском языке в Уэльсе по возрасту (2011 г.)*

* Источник: Перепись населения 2011 г.

Дети 5—9 лет владеют валлийским языком значительно чаще, чем дети 3—4 лет, дети 10—14 лет — чаще, чем дети 5—9 лет. Молодые люди 15—19 лет владеют валлийским языком реже, чем дети 10—14 лет. Предположительно, это следствие того, что двуязычное образование было менее распространено, когда обучалась когорта 15—19-летних. Тем не менее подростки владеют валлийским языком значительно чаще, чем люди среднего возраста. Следует также отметить большое увеличение валлоговорящих детей 3—4-летнего возраста: в 1971 их было 11,3 %, а в 2011 г. — 23,3 %. Частично в этом сыграло роль дошкольное образование на валлийском языке.

Пока число валлоговорящих не достигло 45 % ни в одной когорте. Получается парадокс: большинством с валлийским языком обучения являются носители английского языка⁵⁰ (как правило, из англифицированного южного Уэльса), а носители валлийского языка нередко предпочитают образование полностью на английском языке, особенно в среднем звене школьного образования⁵¹.

Важное значение имеет то, что доля валлоговорящих не увеличилась с 1971 г. (20,8 %), даже сократилась (19,0 % в 2011 г.). Увеличение числа молодых говорящих пока не может соответствовать сокращению (относительно многочисленному) числа говорящих старшего поколения. С методологической точки зрения, пример Уэльса подтверждает, что методика возрастного анализа имеет преимущество перед анализом общих результатов переписи населения. Расширение базы возрастной пирамиды говорящих даёт уверенность, что в ближайшем будущем общие цифры будут другими, тем не менее темпы развития валло-английского двуязычия не удовлетворяют представителей власти и большую часть населения. Поэтому структура органов, руководящих языковой политикой в Уэльсе, была изменена коренным образом в 2011 г. Предстоит большая работа по укреплению позиций обратного языкового сдвига в Уэльсе.

3.3. Баскская автономная область

Баскский язык — лингвистически изолированный язык, испытывающий в последние тысячелетия давление со стороны индоевропейских языков, которые сузили его ареал. На начало XXI в. территория, на которой говорят на нём, административно разделена между Испанией и Францией, а в Испании — между Баскской и Наваррской АО. В Баскской АО баскский язык является официальным наряду с испанским, в Наварре — только в части АО, во Франции он не располагает официальным статусом. Всего на данной территории владеют им 710 тыс. чел. (27 % населения), а в Баскской АО — 600 тыс. чел. (32 % населения)⁵². Баскский язык используется в городах значительно реже, чем в сёлах. В самом большом городе Баскской АО (Бильбао), а также в столице (Витория-Гастейс) 7 % школьников говорят дома по-баскски, а в АО в среднем — 22 %⁵³.

«Гонение» на баскский язык достигло пика в период диктатуры генерала Франко (1939—1975), когда не только преподавание его, но и издание (в первые годы диктатуры) на нём было запрещено. Баскские книги были публично сожжены, баскские имена были испанизированы в записях актов гражданского состояния и на могильных плитах⁵⁴. Вопреки запрету родители-энтузиасты и учителя смогли разными способами организовать преподавание баскского языка, и в 1960-х гг. были созданы первые послевоенные школы с баскским языком обучения. Они быстро стали популярными, что вынуждало представителей власти терпеть их, хотя баскоязычные школы продолжали быть незаконными⁵⁵. Они финансировались гражданскими организациями, что частично сохранилось и после их легализации и получения государственной поддержки в конце 1970-х гг. Например, 100 тыс. чел. пожертвовали деньги для создания баскоязычной школы в с. Ирура (1600 жителей) в 2008 г.⁵⁶

Важное значение имеет и то, что Баскская АО является регионом Испании с самым высоким (после Мадридской) ВВП на душу населения (на 30,3 % выше среднего в 2014 г.)⁵⁷. Экономическая мощь в течение XX в. приводила к масштабной миграции из других регионов Испании в Баскскую АО. В 2011 г. 20,3 % населения родилось в других регионах Испании, 8,4 % — в других государствах⁵⁸.

Создание баскского литературного языка было долгим, спорным процессом из-за достаточно большого различия между диалектами и малоразвитой письменной литературой до XX в. Наконец, в 1978 г. Академия баскского языка опубликовала первые руководящие документы для «объединённого баскского языка» на основе гипускоанского диалекта и орфографических норм 1968 г. Данное предложение было сразу широко использовано образовательной системой.

В рамках процесса демократизации и децентрализации Испании в 1979 г. создана Баскская АО с испанским и баскским официальными языками. В 1983 г. учреждена система «моделей» образования в зависимости от практики использования государственных языков в образовательном учреждении:

1) модель А использует испанский в качестве единственного языка обучения, за исключением преподавания других языков; баскский язык используется лишь в качестве обязательного предмета во всех начальных и средних школах;

2) модель В использует равномерно баскский и испанский языки в качестве языков обучения;

3) модель D использует баскский в качестве единственного языка обучения, за исключением преподавания других языков; испанский язык используется лишь в качестве обязательного предмета на всех уровнях средней школы по 4—5 часов в неделю.

Кроме этих трёх основных моделей, небольшая часть учеников, которые временно проживают в Баскской АО, может выбрать так называемую модель X. Данная модель предполагает использование только испанского языка, и школьники баскский не изучают.

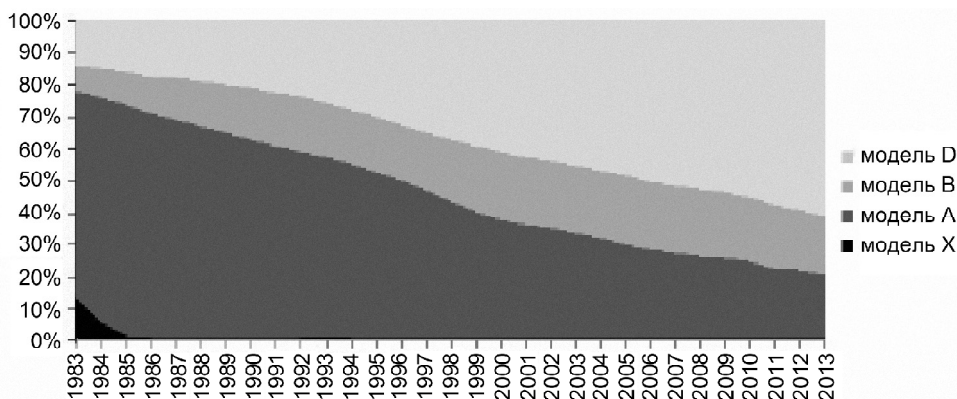
Чтобы получить лучшие результаты преподавания иностранных языков, модели усложнились в 2000-х гг. В конце 2000-х гг. свыше 25 % учащихся начальных классов и 9 % учащихся средних классов использовали формы «предметно-языкового интегрированного обучения» иностранному языку (иностраннный язык используется как средство обучения части учебного материала)⁵⁹. Часть школ добавила один или два иностранных языка обучения для отдельных предметов.

В начале 1983/84 учебного года большинство родителей выбрало модель А (64 %), моделям D и X последовало одинаковое количество учащихся (по 14 %), модели В — 8 %. Постепенно распределение по моделям изменилось коренным образом. Через 30 лет после создания системы, в начале 2013/14 учебного года, большинство родителей выбрало модель D (61 %), по модели А учатся 20 % школьников, по В — 19 %, X практически исчезла (0,5 %) (диагр. 4). Более подробный анализ данных 2013/14 учебного года показывает огромное преобладание модели D в дошкольном образовании (76 %) и начальной школе (69 %), видно её преимущество в основном общем (61 %) и среднем общем образовании (59 %), её низкий уровень в среднем профессиональном (25 %) и полное отсутствие в образовании для взрослых⁶⁰. Можно предполагать, что в будущем, по мере того, как нынешние дошкольники и первоклассники перейдут в старшие классы школы, преимущество модели D усилится.

Баскские исследователи в области образования уделили большое внимание изучению зависимости успеваемости учащихся от языка домашнего общения и модели преподавания. В 2013 г. было проведено очередное исследование в этой сфере. Протестированы практически все школьники 4 и 8 классов, то есть примерно 40 тыс. учащихся⁶¹ (в Испании школьное образование начинается на один год раньше, чем в России, то есть в

Диаграмма 4

Распределение учащихся в Баскской АО по моделям образования (1983–2013)*

* Источник: Eustat (Служба статистики Баскской АО).

возрасте российских учащихся 3 и 7 классов). Результаты учащихся модели D по испанскому языку немного ниже в 4 классе, но в 8-м нет значительных расхождений с результатами обучающихся по другим моделям. В отношении математики: обучающиеся по модели A получают худшие результаты в 8 классе по сравнению с обучающимися по другим моделям (возможно, из-за того, что они в среднем принадлежат к слоям населения с более низким социально-экономическим уровнем⁶²). Как и ожидалось, результаты по баскскому языку для модели D лучше, чем для B, результаты для B лучше, чем для A. Разница между моделями растёт по мере того, как учащиеся переходят в старшие классы (табл. 1). Анализ результатов по языку домашнего общения также показывает, что баскоязычные владеют испанским не хуже, чем испаноязычные, в то время как испаноязычные владеют баскским хуже, чем баскоязычные (табл. 2). Другие исследования показывают, что школьники с баскским языком домашнего общения имеют результаты в изучении английского языка лучше, чем школьники с испанским языком домашнего общения, и обучающиеся по модели D (независимо от родного языка) получают лучшие результаты по изучению английского языка, по сравнению с обучающимися по модели A⁶³.

Таблица 1

Результаты тестирования по предметам и моделям образования (баллы)*

	Испанский язык		Математика		Баскский язык	
	4 класс	8 класс	4 класс	8 класс	4 класс	8 класс
Модель A	265	248	253	233	208	195
Модель B	266	254	254	249	241	244
Модель D	258	252	252	255	260	268
В среднем	261	253	253	251	252	256

* Источник: По данным исследования: La educaci3n en Euskadi, 2012–2013. Euskadiko Eskola Kontseilua = Consejo Escolar de Euskadi, 2014. P. 74, 81.

Таблица 2

Результаты тестирования по предметам и языкам семейного общения (баллы)*

	Испанский язык		Математика		Баскский язык	
	4 класс	8 класс	4 класс	8 класс	4 класс	8 класс
Баскский	258	252	265	267	272	281
Не баскский	262	254	249	248	245	249
В среднем	261	253	253	251	252	256

* Источник: La educaci3n en Euskadi, 2012–2013. Euskadiko Eskola Kontseilua = Consejo Escolar de Euskadi, 2014. P. 73, 80.

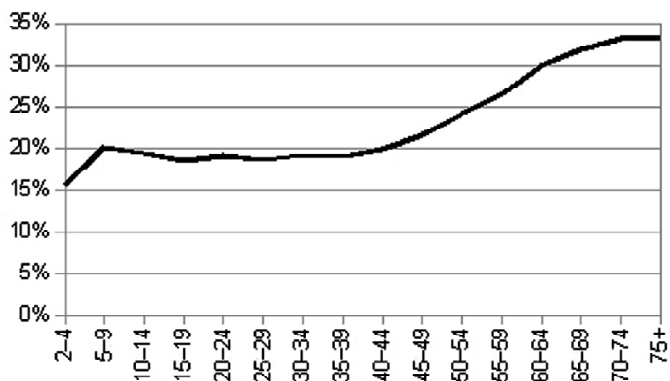
Такие свидетельства, наряду с политикой, увеличившей спрос на баскский язык, объясняют постепенный переход к массовому выбору обучения на баскском языке баскским обществом, независимо от родного языка или этнического происхождения. Интересно отметить, что большинство учащихся без испанского подданства (7,3 % учащихся в 2012/13 учебном году) также обучаются по модели D⁶⁴.

Ситуация с детьми-мигрантами заслуживает внимания для лучшего понимания происходящих социальных процессов. В. Диас Горрити отмечает, как сложен выбор языка обучения для трудовых мигрантов⁶⁵. Учебная успеваемость детей-мигрантов затрудняется в связи с низким социально-экономическим уровнем, невладением языками принимающей страны⁶⁶, неуверенностью в себе в условиях новой среды и др. Вопреки этому многие мигранты-родители предпочитают дополнительно нагрузить своих детей двумя языками, выбирая модель обучения D. По мнению В. Диас Горрити, «возможно, для поступивших на обучение по модели A краткосрочная интеграция была бы более легкой, но в долгосрочной перспективе они будут подвержены более сильному психосоциальному стрессу, так как языковой барьер между ними и их сверстниками и соседями добавится к уже существующим тенденциям маргинализации и дискриминации»⁶⁷.

Результаты языковой политики в образовании видны в данных переписей населения. Кривая владения баскским языком по возрасту для 1981 г. (первая перепись населения Испании с лингвистическими данными) показывает предполагаемое начало обратного языкового сдвига (диагр. 5). По мере распространения образования на баскском языке уровень владения баскским языком молодым поколением повысился. В 2011 г. в когорте 10—14-летних он составляет 80 %, тогда как в 1981 г. не достиг и 20 % (диагр. 6).

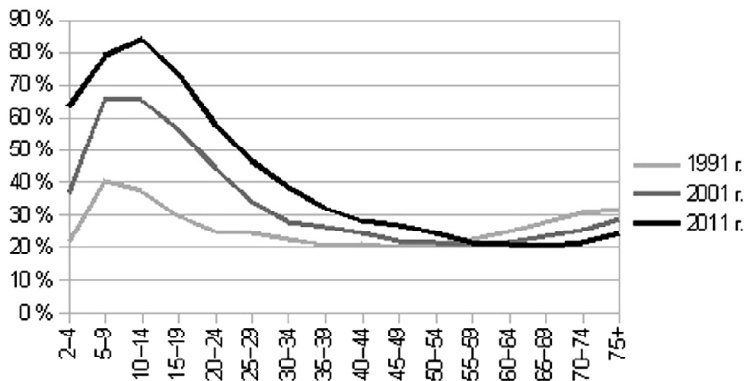
Диаграмма 5

Распределение говорящих на баскском языке в Баскской АО по возрасту (1981 г.)*

* Источник: Перепись населения 1981 г.

Распределение говорящих на баскском языке в Баскской АО по возрасту (1991–2011)*

*Источник: Переписи населения 1991–2011 г.

Несмотря на видимые успехи, необходимо иметь в виду, что «испанский язык явно доминирует у тех, для кого он родной, независимо от того, что они учатся по модели D»⁶⁸. Огромное преимущество испанского в обществе «победит» школьный язык обучения — баскский (этому также способствует отсутствие заинтересованности баскского общества в утрате родного языка большинства населения, языка 400 млн человек в мире, языка, имеющего значительную экономическую стоимость). Постепенно достигается полное двуязычие населения, но жителям Баскской АО предстоит ещё много работы, чтобы новые поколения имели тот же уровень владения испанским и баскским языками и могли свободно использовать тот или иной язык в любой ситуации в соответствии со своими предпочтениями. В настоящее время несовершенство владения баскским языком ограничивает выбор его как языка общения.

Не в последнюю очередь необходимо упомянуть о том, что укрепление статуса баскского языка служит важной мерой по устранению причин терроризма⁶⁹. Всеобщая билингвизация позволит избежать разделения людей по этническому принципу, а также извлечь возможный источник обиды, созданной имплицитной идеей о превосходстве языка и культуры одной части населения над языком и культурой другой.

3.4. Татарстан

Татарстан представляет самый развитый опыт создания образовательной системы на родном языке для нерусских народов в Российской Федерации. В конце 1980-х гг. Татарская АССР вместе с Башкирской были единственными республиками РСФСР, где сохранилось образование на нерусском языке с 1 по 10 класс⁷⁰, тем не менее, по данным Р.Н. Мусиной, на татарском языке учились 12 % школьников-татар республики,

причём в городах — не более 1,5 %⁷¹. (К. Замятин представляет другие цифры, см. ниже.) На самом деле, татарский является после русского самым многочисленным коренным языком РФ (4,3 млн говорящих в РФ). По данным переписи населения 2010 г., в Республике Татарстан (РТ) живут 2 млн татар (53 % населения), 1,5 млн русских (40 %). Татарским языком владеют 2 млн (52 %) жителей РТ, в том числе 1,9 млн (93 %) татар республики.

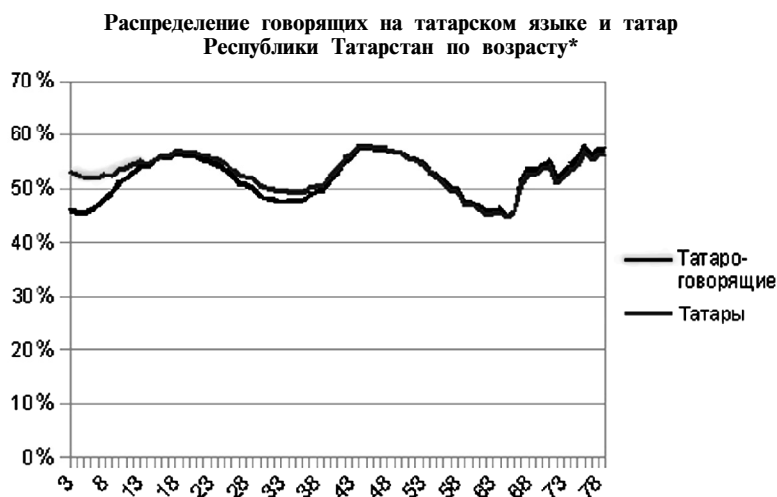
Данные о говорящих на татарском языке вообще и в РТ выглядят лучше, чем о проанализированных выше валлийском и баскском языках. Тем не менее социологические опросы показывают заметный языковой сдвиг среди татар-горожан. По результатам опроса 2014 г. в РТ, 32 % татар-горожан говорят с детьми или внуками на русском языке, а 47,5 % — на русском и татарском⁷². Данные опроса 2006—2007 гг. подтверждают, что свыше половины учащихся-татар говорят с друзьями только по-русски⁷³. Это показывает, что им более комфортно говорить по-русски, и вызывает сомнения будут ли они использовать татарский язык при общении со своими детьми. Если иметь в виду, что, по данным переписи населения 2010 г., свыше $\frac{2}{3}$ татар республики — горожане и только 3,6 % русских владеют татарским языком (при том, что 87 % русских — горожане), расширение преподавания на татарском языке в городах является совершенно закономерным.

С 1990-х гг. языковая политика в образовании была ориентирована на расширение использования татарского языка как средства обучения для татар с детского сада до высшей школы. Одновременно вводилось обязательное школьное преподавание татарского языка для всех учащихся «в равных объёмах» с русским языком⁷⁴, чтобы обеспечить, по крайней мере, минимальное владение ими татарским языком. Важнейшее значение имело создание десятков городских школ с татарским языком обучения, а также смешанных татарско-русских школ «с действующими параллельными классами, обучение в которых ведётся либо на татарском, либо на русском языке»⁷⁵. Теоретически данные школы и классы преподают все предметы с 1 по 11 класс на татарском языке, а русский язык и литературу изучают лишь как предметы. То есть предлагается либо обучение полностью на русском языке (с преподаванием татарского как предмета), либо обучение полностью на татарском (с преподаванием русского как предмета). На практике ситуация далека от такого представления. Уставы «татарских гимназий» говорят о том, что татарский и русский являются языками обучения. Их интернет-сайты в основном написаны на русском языке (в том числе все официальные документы школ, проконсультированных нами, такие как уставы, расписания, учебные планы, учебные программы и др.). Учебные программы некоторых казанских «татарских гимназий» показывают, что количество классов с русским языком обучения превышает число классов с татарским языком обучения. Также впечатляют результаты нашего подсчёта часов, посвященных русскому языку (и литературе) и татарскому языку (и татарской литературе), в 3 случайно выбранных

«татарских гимназиях» г. Казани, по данным их учебных планов на 2014/15 учебный год. В них на изучение русского языка как предмета выделено на $\frac{1}{5}$ больше учебных часов, чем на обучение татарскому (в среднем 5,5 часов в неделю с 1 по 11 класс для русского и 4,5 — для татарского). Значимо отсутствие полного паритета в учебном времени, распределенном на оба языка, и в начальном образовании (5,3 и 4,9 час./нед.), и в основном общем (5,3 и 4,6 час./нед.), и в среднем общем (6,3 и 3,3 час./нед.). Количество часов для русского языка сохраняется или увеличивается в старших классах, в то время как часы для татарского сохраняются или сокращаются. Заметное увеличение количества учебных часов на русский язык в старших классах за счёт татарского показывает влияние системы оценок ЕГЭ на лингвистический выбор участников образовательного процесса.

К. Замятин в своем исследовании отмечает, что в 1990-х гг. произошёл рост числа школьников-татар с татарским языком обучения: по его вычислениям, от примерно 27 % в 1990/91 учебном году до 48 % в 2000/01⁷⁶. Темпы роста в 2000-х гг. намного сократились. В 2007-м достигнут максимум охвата учащихся-татар татарским языком обучения — 52,7 %. Данные до 2010 г. показывают обращение ситуации вспять. В 2010 г. было 46 % школьников-татар с татарским языком обучения⁷⁷. Было бы закономерно, что в дополнение к такому снижению происходило бы снижение количества часов на обучение татарскому языку, не отмеченное государственной статистикой. Число учащихся других национальностей с татарским языком обучения, по отчётам, не значимо. Р.Н. Мусина упоминает в качестве причин снижения популярности татароязычных школ «“политику оптимизации” в российской системе образования, включающую закрытие малокомплектных школ, введение ЕГЭ только на русском языке»⁷⁸.

Диаграмма 7

* Источник: Вычисления автора по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

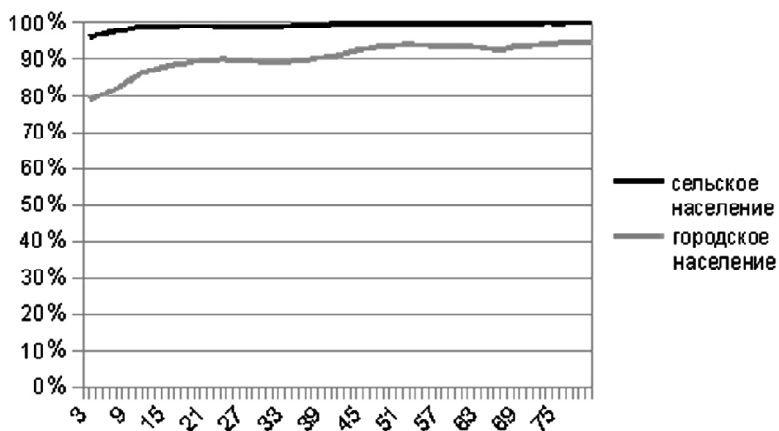
Для оценки результативности языковой политики в образовательной системе РТ проанализированы микроданные переписи населения 2010 г., поскольку в официальных отчётах переписи РФ нет информации об уровне владения языками по возрастным категориям, в отличие от других проанализированных стран.

Результаты анализа владения татарским языком гражданами разных возрастных категорий представляют необычную кривую — с чередованием подъёмов и спусков. Сравнение результатов с подобной кривой распределения татар по возрасту показывает, что вариации тесно связаны с изменениями в этническом составе населения (предполагаем, что в основном вследствие миграции). Единственное исключение — последние 15 лет до переписи (диагр. 7). С одной стороны, это говорит о сильной связи между языком и этническим происхождением (безусловно, сильнее, чем в Стране Басков). С другой — различия в молодом поколении свидетельствуют о начале языкового сдвига у татар.

Изучен уровень владения татарским языком татарами и русскими в зависимости от того, где они проживают — в городах или сёлах. Результаты показывают усиление языкового сдвига среди татар-горожан с 1990-х гг. и первые признаки этого процесса в сёлах, тем не менее почти все дети-татары сельской местности и подавляющее большинство городских детей-татар заявляют о владении татарским языком (диагр. 8). С одной стороны, заметно, что, как обычно, данные переписи выражают начальный этап языкового сдвига не так ярко, как результаты опросов об использовании языков. С другой стороны, особенно важным для нас является то, что не наблюдается среди татар-горожан формы обратного языкового сдвига, характерной для Уэльса и Страны Басков, а наоборот, получена типичная

Диаграмма 8

Распределение татар, говорящих на татарском языке, в РТ по возрасту*

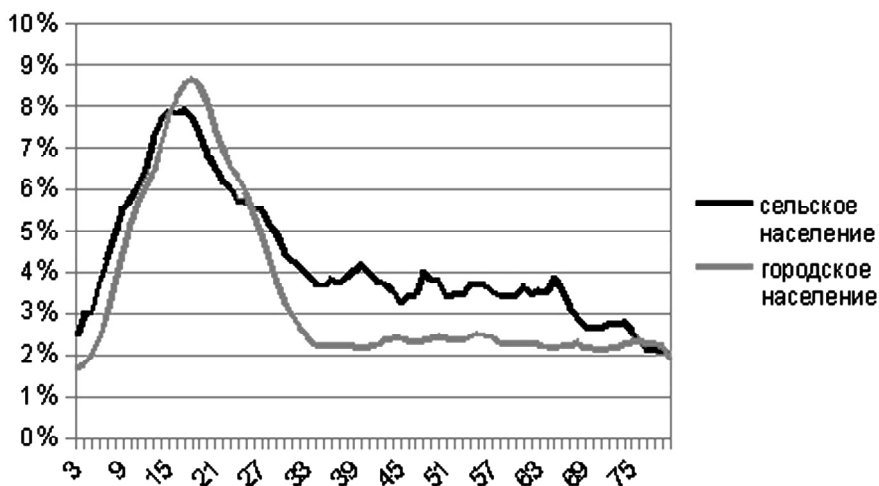
* Источник: Вычисления автора по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

кривая языкового сдвига. Поэтому мы не можем согласиться с выводами татарских исследователей, которые считают, что «принципиальным достижением (языковой образовательной политики РТ. — Э. А.-и-Ф.) является то, что были приостановлены тенденции ассимиляции татарского языка в республике»⁷⁹. Мы уверены, что система образования РТ сдерживает темпы языкового сдвига в городах, но пока не может полностью противодействовать ему.

Положительные результаты образовательной системы отмечаются при анализе ситуации с русским населением. Именно среди русских школьников наблюдается рост уровня владения татарским языком в когорте школьников как в городах, так и в сёлах (диагр. 9). Тем не менее результаты слабы (максимум 8—9 % татароговорящих в когорте 16—19 летних). Возможно, мы находимся только в начале процесса, но, на наш взгляд, мало можно ожидать, если языковая политика Республики Татарстан не сумеет привлечь русских к билингвальному обучению. В современных условиях рецентрализации РФ она с трудом сможет противостоять действиям федеральной власти, закрепляющим доминирующую позицию русского языка. На самом деле, с начала 2010-х гг. бурно проявляется активность некоторых организаций против обязательного преподавания татарского языка. Данные организации также боятся, что уменьшение количества часов, посвященных русскому языку, по сравнению с школами центральных областей России приведёт к снижению результатов учащихся в Татарстане по русскому языку⁸⁰.

Диаграмма 9

Распределение русских, говорящих на татарском языке, в РТ по возрасту*

* Источник: Вычисления автора по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

4. РАЗВИТИЕ ДВУЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЧУВАШИИ

Чувашский является пятым языком по числу говорящих РФ (1,0 млн говорящих в РФ), после русского, татарского, чеченского и башкирского. По данным переписи населения 2010 г., в Чувашской Республике проживают 815 тыс. чувашей (68 % населения), 323 тыс. русских (27 %). Чувашским языком владеют 684 тыс. (56 %) жителей Чувашской Республики, в том числе 657 тыс. (81 %) чувашей республики. Данные показатели о говорящих на чувашском языке в целом и по Чувашской Республике представляются в значительной степени лучше, чем данные о проанализированных выше валлийском и баскском языках. Доля владеющих чувашским языком в Чувашии немного выше, чем владеющих татарским языком в Татарстане, но доля владеющих чувашским языком чувашей в Чувашской Республике значительно ниже доли татар, владеющих татарским в Республике Татарстан. По сравнению с Уэльсом и Страной Басков, общие показатели по Чувашии выглядят лучше.

Данные переписи населения 2010 г. показывают большую разницу в уровне владения чувашским языком по национальностям и типам населённых пунктов. Чувашским языком владеет основная масса сельских чувашей. Городские чуваша (половина чувашей республики) значительно реже владеют чувашским языком, представители других национальностей редко говорят на нём (табл. 3).

Таблица 3

Владение чувашским языком в Чувашской Республике представителями более многочисленных национальностей (%)*

	Всего	Городское население	Сельское население
Всего	56	36	83
Чуваши	81	62	96
Русские	4	3	11
Татары	24	15	29

* Источник: Данные Всероссийской переписи населения 2010 г.; Данные о городском и сельском населении — вычисления автора по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

4.1. Образовательная система в Чувашской Республике

Преподавание на чувашском языке распространилось в конце XIX в. благодаря деятельности И.Я. Яковлева и др. Борьба с безграмотностью и политика коренизации на начальном этапе становления советской власти распространили преподавание на родном языке. Тем не менее со второй половины 1930-х гг. языковая политика изменилась коренным образом. Акцент был сделан на изучение русского языка. С 1936 г. в Чувашской АССР было введено преподавание в 8—10 классах всех дисциплин на русском языке. С 1938 г. русский стал обязательным предметом со 2 класса

и увеличилось количество часов для его изучения там, где он уже изучался⁸¹. В эти же годы под давлением партийного руководства началось массовое введение заимствованных русских слов в чувашский язык практически без орфографических и фонетических адаптаций, чтобы не затруднять процесс изучения русского языка.

В 1960 г. обучение на русском языке стало обязательным с 5 класса, и количество учебных часов для чувашского языка в чувашских национальных школах было сокращено во всех классах⁸². Под предлогом того, что города, посёлки городского типа и большинство районных центров «многонациональны», обучение в них на чувашском языке было почти полностью ликвидировано, даже если подавляющее большинство населения в них было чувашским⁸³. Несмотря на то, что с 1970-х гг. число горожан превосходило численность сельского населения и в городах чувашей стало больше, чем русских, в 1983 г. только 2 из 78 школ в 5 наиболее крупных городах были чувашскими, и ни одной такой не было в г. Чебоксары⁸⁴.

В конце 1980-х гг. новая политическая обстановка разрешила открытое обсуждение национальных и языковых вопросов. В октябре 1990 г. Закон «О языках Чувашской Республики» установил переходный период на пять лет для организации обязательного обучения чувашскому языку на всех уровнях образования — от детских садов до высшей школы — и возможность избрания его как языка преподавания в средней школе.

Языковая политика начала меняться в Чувашии в середине 1990-х гг. Закон «О языках» многократно исправлялся и стал в конечном итоге декларативным. Глубокий экономический кризис, который в России продолжался на протяжении 1990-х гг., также затруднил мобилизацию фондов, необходимых для осуществления мер по реализации прежнего варианта закона. Постепенно языковые вопросы стали терять интерес для республиканского правительства.

В 1990-х гг. преподавание на чувашском языке расширилось на несколько школ в районных центрах и городах. Однако в то же десятилетие его использование в качестве языка обучения сократилось и постепенно осталось только в деревнях. Исключением явилось несколько школ-интернатов в городах для учащихся из сельской местности, однако и они в 2000-х гг. перешли на русскоязычное образование. Последнее из таких учреждений — лицей-интернат им. Г.С. Лебедева в Чебоксарах — было закрыто городскими властями в 2012 г. под предлогом плохого состояния здания. И.А. Андреев в статье 1997 г. выступал с предложением о создании русскоязычных чувашских «национальных школ» в городах⁸⁵. Для него более важной, чем сохранение чувашского языка, целью оказывается «укрепление и развитие национального самосознания»⁸⁶. И.А. Андреев и Г.П. Чернова также поддержали идею, что «изучение чувашского языка готовит питомцев русской школы в основном к устному общению с местным чувашским населением, а изучение иностранных языков — к устному и письменному общению с иностранцами как в своей стране, так и за её пределами»⁸⁷. То есть преподавание чувашского как государственного

ориентировано главным образом на неформальное устное общение. Противопоставление обучению иностранным языкам подчеркивает второстепенность функций чувашского языка, по мнению авторов.

В то же время, в начале 1990-х гг., были приложены усилия, чтобы расширить чувашезычное образование после 4 класса, хотя оно редко достигало шестого. В 1992 г. было объявлено, что новые учебники по географии, истории и биологии для 6—8 классов будут переведены на чувашский язык⁸⁸. Однако к 1998 г. власти начали пренебрегать преподаванием на чувашском языке в средней школе «в условиях (тогда. — Э. А.-и-Ф.) острого дефицита финансовых, материальных и кадровых ресурсов»⁸⁹. Согласно статистике Минобразования Чувашской Республики, в 2013/14 учебном году только в 2 из 21 района Чувашии чувашский был языком обучения в средних классах для более чем 100 школьников. Таким образом, образовательная система Чувашской Республики предлагает два метода обучения для чувашезычных (и татароязычных) детей: мейнстрим-обучение в городах и крупных сёлах и переходное обучение в деревнях.

4.2. Чувашский как язык обучения

Чувашский язык является языком обучения только в дошкольном и школьном образовании. Среднее и высшее профессиональное образование (училища, техникумы, колледжи, университеты и др.) получают только на русском языке, за исключением отдельных случаев.

На уровне школьного образования мы располагаем сведениями о языках обучения с 2008/09 по 2014/15 учебный год (любезно предоставлены автору Министерством образования и молодежной политики Чувашской Республики). Обучение ведётся на русском, чувашском и татарском языках. Преподавание на чувашском и татарском языках осуществляется только в деревнях, практически только в начальных классах (табл. 4).

Таблица 4

Языки образования в школах Чувашской Республики в 2014/15 учебном году
(в % к числу учащихся в определённых классах)*

Классы	Язык обучения	Сёла	Города	Всего
1–4 классы	Чувашский	59,6	—	20,3
	Татарский	4,4	—	1,5
	Русский	36,1	100	78,2
5–9 классы	Чувашский	4,4	—	1,8
	Татарский	0,2	—	0,1
	Русский	95,3	100	98,1
10–11 классы	Русский	100	100	100
Всего (1–11 классы)	Чувашский	25,3	—	9,5
	Татарский	1,8	—	0,7
	Русский	72,9	100	89,8

* Источник: Данные формы Д-7 государственной статистики 2014 г.

Согласно данным Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики, образование на чувашском языке получают 59,6 % сельских учащихся начальных классов и 4,4 % сельских учащихся средних классов; на татарском — 4,4 и 0,2 % соответственно. Для других школьников обучение ведётся на русском языке. Вследствие этого чувашский является языком обучения только для 25,3 % учащихся сельских школ и для 9,5 % учащихся во всей Чувашии. С учётом распределения национальностей по городской и сельской местности это значит, что в 2014/15 учебном году около 70 % сельских чувашей получают образование в начальных классах на чувашском языке и всего по республике около 35 % детей-чувашей получают начальное образование на нём.

Статистика образования показывает постепенное уменьшение доли учащихся с чувашским языком обучения. Данные форм государственной статистики Д-7 для 2008—2014 гг. показывают две тенденции. С одной стороны, уменьшается доля учащихся сельских школ по сравнению с общим числом учащихся в республике: в 2008/09 учебном году они составляли 46,3 %, а в 2014/15 — 40,3 %. С другой стороны, уменьшается доля учащихся с чувашским языком обучения в начальных классах этих же сельских школ: в 2008/09 учебном году их было 70,1 %, а в 2014/15 — 59,9 %.

Увеличение доли учащихся с русским языком обучения в сельских школах имеет две главные причины. С одной стороны, это концентрация школьников в более крупных образовательных учреждениях в результате закрытия малокомплектных школ или из-за предпочтения семей из деревень обучать детей в более престижных школах районных центров. По данным Минобразования Чувашской Республики, в 2012/13 учебном году в школах сельских районных центров учились 32 % учащихся сельских школ, хотя население данных населённых пунктов составляет 20 % численности населения своих районов.

С другой стороны, наблюдается быстрый переход к русскому языку обучения в школах малых сёл. На самом деле, он осуществляется быстрее, чем показывает официальная статистика. Структура формы Д-7, которая даёт основную информацию о распределении учащихся по языку образования, представляет фундаментальную проблему. Она определяет, что для любого ученика занятия проводятся на одном языке. Процент учащихся на чувашском, русском и татарском языках суммируют до 100 %. На самом деле бывает, что учащиеся начальных классов учат одни предметы на чувашском, а другие — на русском. Статистика считает, что в таких случаях образование ведётся на чувашском языке. В случае уменьшения предметов с чувашским языком обучения данная статистика не отражает изменений. Подобным же образом сокращение часов преподавания чувашского языка не указывается в графе изучающих его как предмет (данное сокращение стало более заметным в 2010-х гг. как в городских, так и в некоторых сельских школах). Например, по данным Минобразования Чувашии, в Моргаушском районе в 2013/14 учебном году было 2 школы с русским языком обучения в начальных классах (в крупнейших населённых пунк-

тах — в с. Моргауши и Большой Сундырь). Считалось, что во всех других школах преподают на чувашском языке с 1 по 4 класс. Мы посетили 17 из 26 школ района и обнаружили, что половина использовала чаще всего русский язык в начальных классах и ещё чаще преподаются на русском языке предметы «математика» и «окружающий мир». Иногда преподавание велось полностью на русском языке с 1 класса. Переход к русскому языку обучения осуществлялся главным образом в 2000-х гг., особенно с конца десятилетия, по сведениям проинтервьюированных нами представителей школ.

Следует также принять во внимание, что, согласно микроданным переписи населения 2010 г., 98 % сельских детей-чувашей в возрасте 7 лет владеют русским языком (в 2002 г. было 90 %). Это показывает, что меньшинство родителей считает, что их дети не могут учиться на русском языке. Они будут выбирать образование на одном или другом языке с 1 класса, не опасаясь, что их дети не смогут полноценно понимать уроки.

Результаты проведенного нами опроса показывают, что подавляющее большинство школьников Моргаушского района говорит дома на чувашском языке. Переход к русскому языку в школах не является следствием изменения языка общения в семьях. Также опрошенные представители школ, как правило, не заметили значительного увеличения числа детей, не владеющих чувашским языком к началу 1 класса. По их сведениям, такая проблема встречается главным образом среди приехавших из городов, но их единицы. Множество проинтервьюированных как в районных центрах, так и в небольших сёлах отметило появление Единого государственного экзамена (ЕГЭ) как основную причину перехода к русскоязычному обучению. Это согласуется со временем масштабного перехода, который мы наблюдали в школах.

Напомним, что для того, чтобы получить школьный аттестат, выпускникам школ необходимо сдать два обязательных экзамена в форме ЕГЭ — по русскому языку и математике. Другие предметы не оцениваются. Для поступления в университет и другие вузы русский язык является обязательным для всех специальностей. Другие предметы могут потребоваться только для поступления на определённые факультеты или в техникумы, но чувашский язык не требуется ни для одного факультета, кроме обучения чувашской филологии. И родители, и руководители школ поняли, что ЕГЭ значительно увеличивает потребность в русском языке, и начали искать формы для увеличения посвященных ему часов. Несомненно, это идёт в ущерб «лишним» предметам, например чувашскому.

Следует отметить, что данные тенденции проходят в контексте изменений в 2007 г. в федеральном законе об образовании в структуре государственного образовательного стандарта⁹⁰ и новый закон «Об образовании в РФ» 2012 г.⁹¹, которые расширяют границы принятия решений руководителями школ и одновременно ограничивают законодательные полномочия республик в образовательной сфере⁹². На самом деле в 2006 г. Концепция национальной образовательной политики РФ считала, что

предыдущий закон создал условия для «превращения образовательного учреждения, реализующего общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках, в инструмент этнической мобилизации»⁹³. Говоря более конкретно об использовании языков в обучении, следует отметить, что в 2011 г. Государственный совет РФ высказал мнение о том, что обязательное изучение государственного языка республики с 1 по 11 класс может приводить к **«нарушению баланса языковых интересов участников образовательного процесса и ослаблению знаний русского языка у выпускников школьников»**⁹⁴. Аналогично и вышеуказанное заявление против «языковых гнезд» 2010 г.

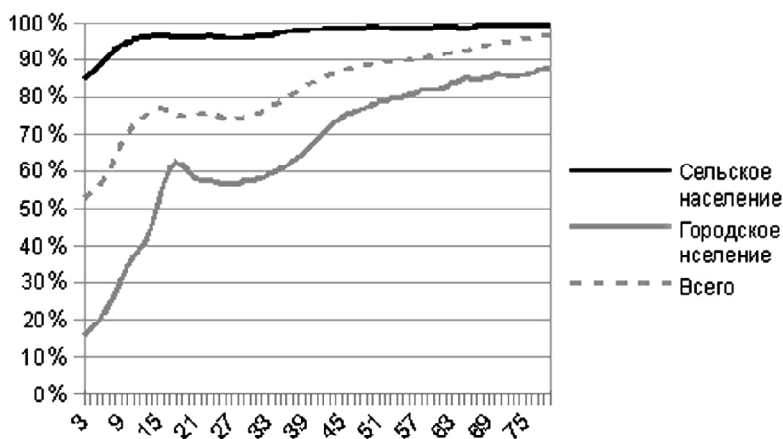
В результате не только родители и руководители школ начали действовать под влиянием новейших лингвистических приоритетов федеральных государственных органов, но и Государственный совет Чувашской Республики 27 марта 2014 г. внёс изменения в Закон «О языках Чувашской Республики», признав утратившим силу пункт об обязательном школьном преподавании чувашского языка.

4.3. Результативность языковой политики в образовании

Нами проанализирована внешняя результативность обучения чувашскому языку посредством данных переписи населения. Отдельно представлены результаты по чувашам и русским.

График распределения по возрасту чувашей, проживающих в Чувашской Республике и владеющих чувашским языком, представляет следующее. Наблюдается типичная кривая языкового сдвига для родившихся примерно до 1980 г. Среди родившихся с 1980 по 1995 г. уровень владения чувашским языком более-менее сохраняется. А с родившихся в 1995 г. начинается быстрый спад владения им (диагр. 10). Ускоренное сокращение числа говорящих за 1965—1980 гг. можно связать с усилением позиции русского языка в образовании в начале 1960-х гг., временное установление языкового сдвига — с политическими и социальными процессами 1980-х, впечатляющее усиление его — с политическими, экономическими и социальными изменениями в середине 1990-х г. (в том числе с политической демобилизацией, острым экономическим кризисом и разрушением экономической структуры чувашского села). Необходимо также считать, что у родившихся в 1990-х гг. родители учились в русифицированной системе образования, созданной хрущёвскими реформами. Данные по городам и сёлам показывают полное разрушение семейной передачи чувашского языка в городах и начало сильного языкового сдвига в сёлах к концу 1990-х гг. Данные также представляют немного неожиданное увеличение числа городских чувашеговорящих 18—22 лет, но его можно связать с временным проживанием в городе учащихся профессиональных образовательных учреждений сельского происхождения (такой же пик мы нашли при анализе данных удмуртского языка в Удмуртской Республике

Распределение чувашей, говорящих на чувашском языке, в Чувашской Республике по возрасту*

* Источник: Вычисления автора по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

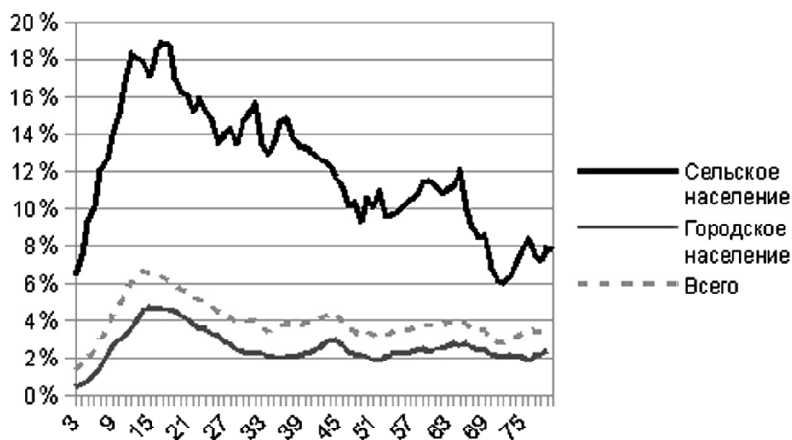
и марийского в Республике Марий Эл, где нет школьного преподавания на титульных языках в городских школах).

Анализ численности русских, говорящих на чувашском языке, помогает оценить результаты образования. В отличие от Татарстана, сильно различаются между собой кривые для городского и сельского населения. Русские-горожане практически не владеют чувашским языком, независимо от возраста. В лучшем случае можно предположить, что преподавание чувашского языка более-менее успешное для 2 % городских русских. В сёлах процент владения чувашским языком русскими небольшой, тем не менее наблюдается, что люди среднего возраста значительно чаще владеют им, чем пожилые. На наш взгляд, это показывает определённую языковую интеграцию части сельского русского населения со своими соседями-чувашами. Форма кривой для детей школьного возраста даёт сведения, что часть сельских детей-русских изучает чувашский язык в рамках образовательной системы либо в результате общения с чувашеязычными детьми (диагр. 11). Если иметь в виду, что 42 % сельского русского населения республики живут в Алатырском и Поречком районах, в которых контакт с чувашским языком редкий, результаты неплохие.

Результаты демонстрируют, что нельзя предположить, что значительная часть городских детей-чувашей овладеет чувашским языком благодаря школьному обучению и, напротив, это полностью возможно для чувашских детей сельской местности с русским языком домашнего общения.

Результаты опроса подтверждают эти выводы. По данным нашего опроса 2012 г., 94 % городских старшеклассников, не говорящих на чувашском с родственниками, не чувствуют себя в состоянии говорить на нём.

Распределение русских, говорящих на чувашском языке, в Чувашской Республике по возрасту*

* Источник: Вычисления автора по микроданным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Особо следует отметить, что после 9 лет обучения языку в школе 16 % городских респондентов «не понимают» чувашский язык и ещё 25 % «понимают очень мало», 32 % считают, что не могут говорить на нём вообще. Данные опросов, организованных исследователями Чувашского республиканского института образования, показывают похожие результаты⁹⁵. Несмотря на серьёзные недостатки, указанные выше, результаты опроса 327 родителей школьников начальных классов 2 школ г. Чебоксары, проведенного нами в 2015 г., показывают, что преподавание чувашского языка увеличивает интерес части учащихся к чувашской культуре.

Опросы также свидетельствуют, что система образования создаёт большие различия в уровне владения чувашским и русским языками по видам речевой деятельности. Из 720 проанкетированных нами школьников-чувашей Моргаушского района 31 % считают, что они владеют чувашским языком лучше, чем русским, а 24 % — русским лучше, чем чувашским. При чтении это соответственно 9 и 59 %, при письме — 12 и 45 %. Сельская школа слабо готовит читательскую аудиторию на родном чувашском языке.

Важнейшее значение имеют результаты системы образования в передаче чувашского языка в семьях. Результаты наших опросов 2012—2013 гг. показывают, что, как и прогнозируют К. Бейкер, Т. Скутнабб-Кангас и другие специалисты, язык обучения является существенной причиной резкого спада использования родного языка в семьях и между одноклассниками. Язык школы и детского сада обуславливает выбор родителями языка коммуникации с детьми. Стремясь к облегчению посещения

образовательного учреждения и максимального обеспечения школьной успеваемости своих детей, многие родители выбирают язык школы как язык домашнего общения с детьми. Результаты наших опросов демонстрируют, что почти всегда это идёт за счёт чувашского языка из-за огромных преимуществ русского в образовании. Тем не менее школьное образование на чувашском языке в начальных классах сельских школ также каким-то образом влияет на выбор родителей в пользу чувашского. Следует уделить особое внимание тому, что чувашезычные дети, погружённые весь день в среду русскоязычной школы, имеют сильную тенденцию переходить к общению на русском языке с родителями, несмотря на то, что они раньше говорили дома по-чувашски. Данный ход часто встречается среди обучающихся по мейнстрим-обучению во всем мире. Также результаты марийских исследователей показывают, что родители говорят по-марийски с детьми дошкольного возраста чаще, чем с детьми школьного возраста⁹⁶.

Наши беседы с представителями молодых чувашских семей подтвердили, что, хотя и нет принципиального отказа от передачи родного языка детям, для многих семей этот вопрос имеет низкий приоритет. Распространены ошибочные идеи о двуязычии, например: нельзя, чтобы дети изучали два языка одновременно; дети, изучавшие раньше чувашский язык, вероятнее всего, будут говорить по-русски с акцентом; дети легко изучат чувашский язык с бабушками и дедушками; или слушая родителей, говорящих между собой на этом языке, или через отдельные предложения, которые им говорят изредка. Родители предполагают, что они перейдут к чувашскому языку с детьми после начала обучения в школе, но на самом деле этого не происходит, потому что навыки коммуникации уже закреплены на доминирующем в обществе русском языке. Парадоксально, но городские родители считают необходимым передать русский язык детям дома, думая, что телевидение, Интернет, общество и образовательная система недостаточно погружают в него детей. Среди проинтервьюированных нами единственная семья, где оба родителя говорили с дочерью только на чувашском языке, испытывала давление со стороны детского психолога, который не одобрил эту практику. Другое интервью показало случай, в котором чувашская сельская семья, начинавшая говорить по-русски с сыном, перешла к родному языку за год до начала обучения в школе для того, чтобы ребёнок смог полноценно понимать уроки. Значим опыт двух чувашезычных молодых людей из сельской местности, которые познакомились в старших классах школы районного центра. Вопреки тому, что в населённом пункте свыше 70 % населения — чуваша, они говорили между собой на русском языке и этот же язык они продолжали использовать после заключения брака. Это совпадает с результатами опросов и показывает, что многие чувашезычные школьники в общении с одноклассниками и преподавателями в школах городов и районных центров используют только русский язык.

4.4. Опыт проектных классов с углубленным преподаванием чувашского языка в Чебоксарах (2010—2015 гг.)

В 2009 г. небольшая группа граждан, недовольная отсутствием преподавания на чувашском языке в Чебоксарах, обратилась в Министерство образования и молодёжной политики Чувашской Республики с просьбой организовать классы с углубленным преподаванием чувашского языка с 1 класса для не владеющих им детей. Идея состояла в добавлении нескольких часов для предмета «чувашский язык» и частичном использовании его на таких уроках, как физкультура или музыка. Предлагалось также создание более благополучной для чувашского языка среды в учебных заведениях посредством увеличения количества надписей на чувашском языке в них, а также увеличения устного употребления чувашского языка вне уроков, используя языковые знания участников образовательного процесса, включая и вспомогательный персонал.

Предложение было принято министерством положительно, финансово поддержали проект. Школа согласилась проводить у себя такое обучение, и ведущий университетский специалист стал методистом проектного класса. В апреле 2010 г. проект был представлен родителям детей, которым предстояло пойти в 1 класс в сентябре, и такой класс был скомплектован без проблем. Данный класс начал изучение чувашского языка по 5 часов в неделю, вместо обычных 2, и язык использовался ещё 7 часов в неделю на других предметах (музыка, изобразительное искусство, технология, окружающий мир, физкультура). Со 2 по 4 класс данный класс имел 4 часа преподавания чувашского языка и 5—6 часов с чувашским языком обучения. Следует отметить, что в 2011/12 учебном году вступили в силу новые федеральные государственные образовательные стандарты, которые ограничили возможность увеличения часов, отводимых на изучение чувашского языка как государственного, поэтому изучение его уменьшилось на 1 час в неделю со 2 класса⁹⁷.

На втором году реализации проекта в него включились два новых класса (один из той же школы, другой в новой для проекта школе). Количество часов, посвященных чувашскому языку, значительно уменьшилось (до 3 часов в неделю), так же как его использование как языка обучения другим предметам. На третий год подключились ещё три класса, в том числе один в другой школе. Чувашский язык уже не использовался в качестве языка обучения. Родители не были проинформированы, что их дети будут учиться в «проектных классах», преподаватели не получили повышения квалификации для проведения занятий по новой методике, денежная поддержка Минобразования Чувашской Республики прекратилась. Для новых классов проект продолжал существовать лишь формально.

В 2014/15 учебном году нами проанкетированы родители 129 учащихся 6 из 9 проектных классов 2 школ (третья школа отказалась участвовать). В качестве контрольной группы проанкетированы также 198 семей, дети которых посещали 8 параллельных классов тех же школ. Получено 3 ос-

новых типа информации: оценки школьников по разным предметам, информация о семьях (в том числе и социально-экономическая) и о причинах выбора проектного класса (если действительно родители выбрали такое обучение). Проведён многовариантный статистический анализ результатов на основе информации о семьях и количества часов обучения чувашскому языку и на чувашском языке.

Результаты не показывают различий в оценках учащихся проектных классов по русскому языку или математике по сравнению с параллельными классами. В школьной успеваемости детей играют роль другие факторы, в том числе образование матери, здоровье ребёнка, а относительно некоторых предметов — пол ребёнка и количество книг дома. Владение чувашским языком ребёнком чаще всего не оказывает влияния (положительного или отрицательного) на его школьную успеваемость, тем не менее в отдельных случаях заметно положительное влияние, особенно на обучение английскому языку.

Также статистически проанализировано, какие родители выбрали, чтобы их дети учились в классах с углублённым обучением чувашскому языку. Результаты не показывают статистически значимых различий между родителями, выбравшими или не выбравшими проектный класс (кроме класса, в котором учились дети, поскольку практически только родители детей, ставших школьниками в 2010 и 2011 гг., выбрали такое обучение). Это было неожиданностью. Мы предположили, что родители-чувашки с высшим образованием более склонны выбрать проектный класс. Возможно, эти результаты будут меняться с расширением двуязычного преподавания на чувашском и русском языках в городских школах. Тем не менее интересно отметить, что, как и в Квебеке, Стране Басков и др., есть значительная часть родителей без чувашских корней, которые заинтересованы в том, что их дети изучали на высоком уровне язык соседей-чувашей.

ДИСКУССИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В условиях современного мира язык, не использующийся широко в образовательной системе, с трудом может сохраниться дольше протяжённости жизни нескольких поколений. Чувашский язык является примером, подтверждающим выводы научной литературы о билингвальном образовании или образовании для билингвов. При условии практического отсутствия возможности личного выбора языка обучения (вопреки множеству заявлений в федеральном и республиканском законодательстве) часть чувашских родителей считает себя вынужденной говорить с детьми на языке обучения в школе, чтобы облегчить поступление в неё. На самом деле, если система образования предложит образование в городах только на русском языке, несмотря на большую численность жителей-чувашей, она громко заявляет: «В городе — по-русски!» Если она не предлагает образование на чувашском языке в элитных школах и даже сокращает количество часов

на него в них, недвусмысленно высказывается недоверие к ценности чувашского языка для успеха в образовании и жизни (вопреки множеству исследований, доказывающих, что двуязычное образование, по крайней мере, так же эффективно, как и одноязычное). Если, исходя из Стратегии развития образования в Чувашской Республике до 2040 года⁹⁸, роль в развитии «полилингвизма» играет только обучение иностранному языку, вызывает сомнение, является ли чувашский для чиновников языком или это только какая-то культурная традиция. В глазах граждан снижается статус чувашского языка, и растут сомнения в его практической ценности. В этих условиях и при слабой развитости независимых общественных гражданских организаций, отсутствие школ, в которых предлагается обучение на чувашском языке, на практике приводит к тому, что только очень смелые родители могут высказать желание обучать в городе своих детей на чувашском языке.

Даже если в этих условиях родители говорят на чувашском языке с детьми, эффект школы, полностью использующей доминирующий в обществе русский язык, приводит к тому, что чувашезычные дети говорят с одноклассниками на языке школы. Привычка говорить на этом же языке ведёт к выраженной тенденции среди детей увеличить его использование дома: главным образом в обращении с братьями и сестрами, а также с родителями. Полный переход к использованию дома доминирующего в обществе языка является обычным в мире в условиях, схожих с чувашскими городами и посёлками, в которых дети редко говорят на языке семьи вне дома и родители свободно владеют доминирующим в обществе языком. Независимо от того, насколько русский заменяет чувашский как язык домашнего общения, если молодые люди привыкли говорить практически постоянно по-русски с ровесниками, многократно увеличивается вероятность того, что он будет языком домашнего общения их семей и языком общения с детьми. Полностью возможно, что семья с ребёнком, проходящим мейнстрим-обучение, не переходит к общению на доминирующем языке и что молодой человек, проходящий такое обучение, сохраняет домашнее общение на родном языке и в собственной семье. Тем не менее исследования показывают, что частотность таких явлений тесно связана с общими тенденциями в обществе. Если люди встречают в своей среде множество примеров перехода к использованию доминирующего языка, они склонны копировать такое поведение.

Сильный языковой сдвиг в городах Чувашии существует давно. Наши исследования демонстрируют, что он сохранился на прежнем уровне или даже усилился, независимо от внедрения обязательного школьного преподавания чувашского языка. На самом деле, вышеуказанные результаты (Канада, Уэльс, Страна Басков и Татарстан) показывают, что преподавание регионального языка как предмета даёт слабые результаты. Во второй половине 1990-х гг. в Чувашии была сделана кардинальная стратегическая ошибка, когда было решено не развивать образование на чувашском языке (полностью на нём или вместе с русским) в некоторых городских

школах с 1 по 11 класс. С учётом того, что половина чувашского населения республики живёт в городах и прогнозируется, что эта доля увеличится в будущем⁹⁹, такая ситуация более чем серьёзно разрушает демографическую базу чувашского языка. Практически без доли молодого чувашеговорящего населения городского происхождения число владеющих чувашским языком будет продолжать резко снижаться, что наблюдалось между 2002 и 2010 гг. (от 1,3 до 1,0 млн в РФ, 800 до 680 тыс. в Чувашской Республике). В нынешней социолингвистической ситуации, безусловно, спрос на преподавание на чувашском языке в городских школах небольшой. Тем не менее необходимо постоянно предлагать такую возможность. Опыт других регионов показывает, что увеличение спроса на образование на региональном языке — это медленный процесс, нуждающийся в заботе в течение десятилетий. Этот процесс необходимо скоординировать с множеством других действий широкого круга сфер в пользу чувашского языка в рамках республиканской языковой политики.

Важнейшее значение имеет то, что языковой сдвиг начал распространяться в сёлах. Данные показывают, что он находится в начальной стадии, тем не менее переход сельских школ к русскому языку обучения будет усиливать тенденцию. Данные опросы и интервью показали, как чувашезычная школа мешала переходу части сельских семей на русский язык в общении с детьми. Мы уверены, что чуваша, учившиеся в русскоязычной (полностью или почти полностью) сельской школе, будут говорить в основном со своими детьми по-русски. Так же происходило, например, с чувашами, проживающими в районных центрах. Ситуация сложна, поскольку у чувашского сельского населения отсутствуют положительные примеры сохранения передачи родного языка более престижным городским населением.

Необходимые действия в школьном образовании Чувашии по внедрению чувашского как языка обучения в городах и сохранению и расширению его использования в сёлах совпали с новым устройством образовательной системы, внедрённым федеральной властью во второй половине 2000-х гг. Появление ЕГЭ принято участниками образовательного процесса как сигнал о необходимости усилить обучение русскому языку. Между тем этот экзамен не оценивает владение другими языками России. Добавление обязательного экзамена по английскому языку в форме ЕГЭ с 2020 г. увеличит впечатление о небрежном отношении чиновников федерального образования к нерусским языкам России. В то же время федеральные законы «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» (от 1 декабря 2007 г.) и «Об образовании в РФ» (от 29 декабря 2012 г.) лишили федеральные субъекты большинства их полномочий, особенно исполнительную власть субъектов.

Одна из важнейших задач Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики — убеждение родителей, преподавателей

и администрации школ, что говорить дома с детьми необходимо на родном языке и что двуязычное национально-русское образование является более результативным, чем одноязычное русское образование. В то же время необходимо сломать ошибочные стереотипы о двуязычии. По такому пути успешно следуют в Канаде, Уэльсе, Баскской АО и др. Административное давление не является эффективной формой руководства, как, среди прочего, показал представленный выше неудачный опыт с проектными классами в г. Чебоксары. Целесообразно дать небольшой стимул для родителей и преподавателей, чтобы они выбрали двуязычные детские сады и школы, например, разрешить формирование классов с меньшим количеством учащихся. Это требует дополнительных денежных ресурсов в небогатой республике, но такой шаг считаем необходимой инвестицией для сохранения чувашского языка.

Не менее важной задачей Минобразования Чувашии является влияние вместе с другими республиками на изменение формата ЕГЭ. На наш взгляд, в условиях Чувашии бессмысленно просить федеральные органы о возможности сдавать экзамен на любом из государственных языков республики. При огромном дисбалансе в школьном использовании государственных языков учащиеся-чуваши сельских школ, как правило, лучше читают и пишут на русском языке, чем на родном. Им не выгодно сдавать экзамен на чувашском языке. Необходимо, чтобы образовательная система оценивала уровень владения другими языками России. Предлагается, например, использовать французскую систему, по которой владеющие региональными языками (так же как изучившие музыку, рисование, спорт и др.) могут получить дополнительные баллы в итоговой оценке. Данная система позволяет сохранить одинаковый тип экзамена по всей России, а также достаточно легко позволяет чувашам, татарам и др., не проживающим в республиках, названных по именам своих национальностей, сдавать экзамен по родному языку.

Подавляющее большинство городских детей, которые как бы проходят двуязычное обучение, не владеют чувашским языком или имеют только элементарное знание его. Это предполагает повышение квалификации преподавателей для подготовки к новому для них типу обучения и изменения лингвистических навыков всего персонала образовательных учреждений. Чтобы избежать возможного разделения населения по этническому принципу, данное обучение должно быть широко открыто всему населению, независимо от языка семейного общения и национальности. Оно должно быть ориентировано на создание не национальной элиты, а обычных двуязычных (трёхязычных, четырёхязычных) граждан многонационального государства. Поэтому нельзя назвать эти школы, по примеру Татарстана, «чувашскими школами (гимназиями, лицеями)», а скорее «билингвальными школами». В условиях г. Канаша, где 9 % населения — татары, целесообразно создать школу или классы с татарским и русским языками обучения. В связи с этим следует принять во внимание, что законы «Об образовании в Чувашской Республике» и «О языках в Чувашской

Республике» заявляют «право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации». Данная формулировка является двусмысленной из-за возможного понимания термина «родной язык» как «первый язык» или «национальный язык». На наш взгляд, чтобы лучше сохранить права граждан, следовало бы говорить о праве на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования *на языке по выбору* из числа языков народов Российской Федерации. Это позволило бы придать законную основу выбору образования на чувашском языке для детей, не владеющих им.

Литература, источники и примечания

¹ Le bilinguisme et l'éducation / Bureau International de l'Éducation. Genève, 1929.

² Множество примеров представлено в работе: *Skutnabb-Kangas T.* Linguistic Genocide in Education, or Worldwide Diversity and Human Rights? Mahwah, N.J.: L. Erlbaum Associates, 2000. 785 p.

³ *McCarty T.L., Skutnabb-Kangas T., Magga O.H.* Education for Speakers of Endangered Languages // The Handbook of Educational Linguistics / red. B. Spolsky, F.M. Hult. Oxford; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. P. 300.

⁴ *Skutnabb-Kangas T., McCarty T.L.* Key Concepts in Bilingual Education: Ideological, Historical, Epistemological, and Empirical Foundations // Encyclopedia of Language and Education / red. J. Cummins, N. Hornberger. New York: Springer, 2008. P. 1466—1482.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Хузангай А.П.* Проблема языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 106.

⁷ Словарь социолингвистических терминов. М.: ИЯ РАН, 2006. С. 41.

⁸ *Baker C.* A Parents' and Teachers' Guide to Bilingualism. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 3rd ed. P. 34—36.

⁹ *Romaine S.* Planning for the Survival of Linguistic Diversity // Language Policy. 2006. Vol. 5. No. 4. P. 443—475.

¹⁰ *Fishman J.A.* Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991. 431 p.

¹¹ *Romaine S.* Указ. соч. С. 444.

¹² *Mackey W.F.* A Typology of Bilingual Education // Foreign Language Annals. 1970. Vol. 3. No. 4. P. 596—606.

¹³ *Baker C.* Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. Bristol: Multilingual Matters, 2011. 5th ed. P. 206—252. *Skutnabb-Kangas T.* Указ. соч. С. 579—622.

¹⁴ *Baker C.* Foundations ... С. 215.

¹⁵ Там же. С. 219.

¹⁶ *García Pérez J.I., Hidalgo Hidalgo M., Robles Zurita J.A.* Diferencias en resultado educativo de las regiones españolas según PISA—2006 / доклад, представленный на конференции «XIX Jornadas de la Asociación de Economía de la Educación», Сарагоса (Испания) 8—9 июля 2010 г. // URL: <http://2010.economicsofeducation.com/user/pdfsiones/088.pdf> (дата обращения: 20.8.2015).

¹⁷ *Ruijven B. van, Ytsmai J.* Trijetalige skoalle yn Fryslân: onderzoek naar de opbrengsten van het drietalige onderwijsmodel in Fryslân. Ljouwert: Fryske Akademy, 2008. 64 b.

¹⁸ *Tovar García E.D.* Determinants of Educational Outcomes: Analysis of the Republic of Tatarstan // Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. No. 1. P. 39—47.

¹⁹ *Cummins J.* Empowering Minority Students: A Framework for Intervention // Policy and Practice in Bilingual Education: A Reader Extending the Foundations / red. O. García, C. Baker. Clevedon: Multilingual Matters, 1995. P. 104.

²⁰ *Cenoz J., Peralles J.* Las variables contextuales y el efecto de la instrucciy en la adquisiciy de segundas lenguas // Segundas lenguas: Adquisiciy en el aula / red. C. Muñoz. Barcelona: Ariel, 2000. P. 117.

²¹ Там же. С. 118.

²² *Baker C., Lewis G. A Synthesis of Research on Bilingual and Multilingual Education // The Handbook of Bilingual and Multilingual Education / red. W.E. Wright, S. Boun, O. Garcna. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. P. 109–126.*

²³ Там же. С. 114.

²⁴ *Cummins J. The Role of Primary Language Development in Promoting Educational Success for Language Minority Students // Schooling and Language Minority Students: A Theoretical Framework. Sacramento: California State University, 1981. P. 29.*

²⁵ *Cummins J. Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire. Clevedon: Multilingual Matters, 2000. 309 p.*

²⁶ Цит. по: *Cummins J. Bilingualism and Special Education: Issues in Assessment and Pedagogy. Clevedon: Multilingual Matters, 1984. 306 p. Skutnabb-Kangas T. Bilingualism or Not: The Education of Minorities. Clevedon: Multilingual Matters, 1981. 378 p.*

²⁷ *Cummins J. Empowering Minority Students ... С. 106.*

²⁸ *Мартинова М.Ю. Школьное образование и идентичность: общественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества. М: ИЭА РАН, 2013. С. 6.*

²⁹ Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга, 9 апреля 2010 г., АСFC/SR/III(2010)005. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4c761f062.html> (дата обращения: 14.08.2015). С. 90.

³⁰ *Monteagudo H. I(Sal)irse de la lengua? // Público. 8.07.2008. P. 8.*

³¹ *Spolsky B. Language Management. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 98.*

³² *Grin F. Language policy evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. Basingstoke; Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 161–190.*

³³ *Lambert W.E., Tucker G.R. Bilingual Education of Children: The St. Lambert Experiment. Rowley: Newbury House Publishers, 1972. P. 220.*

³⁴ *Genesee F. The Canadian Second Language Immersion Program // Policy and Practice in Bilingual Education: A Reader Extending the Foundations / red. O. Garcna, C. Baker. Clevedon: Multilingual Matters, 1995. P. 122–123.*

³⁵ Там же. С. 123–124.

³⁶ *Baker C., Lewis G. Указ. соч. С. 110.*

³⁷ *Baker C. Foundations ... С. 240.*

³⁸ *Minority Rights Group International. World Directory of Minorities and Indigenous Peoples — United Kingdom: Welsh. 2008. URL: <http://www.refworld.org/docid/49749c8cc.html> (дата обращения: 07.09.2015).*

³⁹ *Edwards D.G. Welsh-medium Education // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1984. Vol. 5. No. 3–4. P. 250.*

⁴⁰ Там же. С. 250.

⁴¹ *Edwards V., Newcombe L.P. When School is Not Enough: New Initiatives in Intergenerational Language Transmission in Wales // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 301.*

⁴² Там же. С. 302.

⁴³ *Baker C. Bilingual Education in Wales // Policy and Practice in Bilingual Education: A Reader Extending the Foundations / red. O. Garcna, C. Baker. Clevedon: Multilingual Matters, 1995. P. 153.*

⁴⁴ *Jones C., Prys Jones M. The Welsh Language in Education in the UK [Ljouwert/Leeuwarden]: Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning, 2014. 2nd ed. P. 22–23.*

⁴⁵ Там же. С. 11.

⁴⁶ *Baker C. Bilingual Education in Wales. С. 156.*

⁴⁷ *Lyon J. Becoming Bilingual: Language Acquisition in a Bilingual Community. Clevedon: Multilingual Matters, 1996. P. 110.*

⁴⁸ *Morris D., Jones K. Minority Language Socialisation within the Family: Investigating the Early Welsh Language Socialisation of Babies and Young Children in Mixed Language Families in Wales // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2007. Vol. 28. No. 6. P. 493.*

⁴⁹ *Алос-и-Фонт Э. Социальное возрождение валлийского языка // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 252–256.*

⁵⁰ *Edwards V., Newcombe L.P. Указ. соч. С. 302.*

⁵¹ *Jones C., Prys Jones M. Указ. соч. С. 32.*

⁵² Evolución de la población de 16 y más años de Euskal Herria por territorio y grupo de edad según competencia lingüística: 1991—2011. Eustat, 2012. URL: http://www.eustat.eus/estadisticas/tema_458/opt_0/temas.html#axzz3l3UEteI7 (дата обращения: 07.09.2015).

⁵³ La educación en Euskadi, 2012—2013. Consejo Escolar de Euskadi, 2014. URL: http://www.consejoescolardeeuskadi.hezkuntza.net/c/document_library/get_file?uuid=c5bf5138-73a8-452f-943d-d913f63144ba&groupId=17937 (дата обращения: 07.09.2015). P. 34.

⁵⁴ *Urla J.* Reclaiming Basque: Language, Nation, and Cultural Activism. Reno: University of Nevada Press, 2012. P. 53—56.

⁵⁵ *Cenoz J.* Towards Multilingual Education: Basque Educational Research from an International Perspective. Bristol: Multilingual Matters, 2009. P. 60.

⁵⁶ Там же. С. 61.

⁵⁷ PIB de las Comunidades Autónomas. Expansión, 2015. URL: <http://www.datosmacro.com/pib/espana-comunidades-autonomas> (дата обращения: 07.09.2015).

⁵⁸ Población de la C.A. de Euskadi por ámbitos territoriales, según lugar de nacimiento. Eustat, 2011. URL: http://www.eustat.eus/estadisticas/tema_159/opt_0/temas.html#axzz3l4l1Z3Be (дата обращения: 07.09.2015).

⁵⁹ *Cenoz J.* Указ. соч. С. 120—121.

⁶⁰ Alumnado de enseñanzas de régimen general no universitarias y educación de personas adultas en la C.A. de Euskadi por ámbitos territoriales, nivel y modelo de enseñanza bilingüe: 2013/14. Eustat, 2015. URL: http://www.eustat.eus/estadisticas/tema_300/opt_0/temas.html#axzz3lGaWpDDQ (дата обращения: 07.09.2015).

⁶¹ Evaluación de diagnóstico: informe ejecutivo, 4° educación primaria. ISEI-IVEI, 2014. URL: http://ediagnostikoak.net/edweb/cas/materiales-informativos/ED13/ED13_4EPcas.pdf (дата обращения: 07.09.2015). Evaluación de diagnóstico: informe ejecutivo, 2° educación secundaria obligatoria. ISEI-IVEI, 2014. URL: http://ediagnostikoak.net/edweb/cas/materiales-informativos/ED13/ED13_2ESOCas.pdf (дата обращения: 07.09.2015).

⁶² Отчёты исследования показывают, что учащиеся 4-го класса по модели А относятся к социально-экономическому уровню выше среднего, а учащиеся 8 класса по той же модели отстают по этому показателю. В работе нет дискуссии о том, почему это получается. Учащиеся по моделям В и D не представляют отклонений в социально-экономическом уровне по сравнению со средней величиной.

⁶³ *Valencia J.F., Cenoz J.* The Role of Bilingualism in Foreign Language Acquisition: Learning English in the Basque Country // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1992. Vol. 13. No. 5. P. 433—449. *Cenoz J., Valencia J.F.* Additive Trilingualism: Evidence from the Basque Country // Applied Psycholinguistics. 1994. Vol. 15. No. 2. P. 195—207.

⁶⁴ La educación en Euskadi. P. 44.

⁶⁵ *Diaz Gorriti V.* Immigrants and Euskera: Strategies of Acculturation in the Basque Country // Peoples, Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State / red. M. Martynova and др. Moscow: IEA RAS, 2015. P. 151—163.

⁶⁶ «Третья часть детей-иммигрантов не имеет общего языка коммуникации со своим учителем». *Diaz Gorriti V.* Указ. соч. С. 155.

⁶⁷ Там же. С. 156.

⁶⁸ *Cenoz J.* Указ. соч. С. 171.

⁶⁹ *Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я.* Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки: ROGA, 2012. URL: <http://blogs.helsinki.fi/minor-eurus/files/2012/12/kakizachem1.pdf> (дата обращения: 11.09.2015). С. 78.

⁷⁰ *Артеменко О.И.* Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей народов России: государственность, этническая идентичность // Евразийский юридический журнал. 2011. № 8 (39).

⁷¹ *Мусина Р.Н.* Национальные языки в системе школьного образования // Языки в системе образования Республики Татарстан: по материалам этносоциологического исследования. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. С. 18.

⁷² *Габдрахманова Г.Ф.* Языковое поведение и этноязыковые установки русских и татар Республики Татарстан // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 32.

⁷³ *Сагитова Л.В.* Динамика билингвизма в Татарстане: результаты языковой политики правительства и социально-экономическая конъюнктура // Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. М.: ИС РАН, 2012. С. 32.

⁷⁴ О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан: Закон Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. № 1560-ХІІ (ред. от 12.06.2014). URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_350025.rtf (дата обращения: 21.09.2015). Ст. 9.

⁷⁵ *Мусина Р.Н.* Указ. соч. С. 18.

⁷⁶ *Zamyatin K.* From Language Revival to Language Removal: The Teaching of Titular Languages in the National Republics of Post-Soviet Russia // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2012. Vol. 11. No. 2. P. 85. Отметим, что «27%» Замятина не совпадает с «12%» «в конце 1990-х гг.» выше указанных татарских исследователей.

⁷⁷ Языки в системе образования Республики Татарстан: по материалам этносоциологического исследования / [Р.Н. Мусина и др.]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. С. 145.

⁷⁸ *Мусина Р.Н.* Указ. соч. С. 19.

⁷⁹ Языки в системе образования ... С. 138. Л.В. Сагитова считает также, что есть повышение уровня владения татарским языком татарами РТ из-за того, что, по данным опроса 2001 г., их было 70,2 %, а по результатам 2011–2012 гг. — 72,1 % (Указ. соч. С. 29). На наш взгляд, результаты неубедительны, потому что разница не переходит границ допустимой статистической погрешности.

⁸⁰ *Арутюнова Е.М.* Русский язык в школах Республики Татарстан: измерения проблемы // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 108–120. *Mikhailov V.* Political, Social and Ethnic Protests in Bashkortostan and Tatarstan // *Systemic and Non-Systemic Opposition in the Russian Federation: Civil Society Awakens?* / red. С. Ross. Farnham (Surrey): Ashgate, 2015. P. 153–177.

⁸¹ *Клементьев В.Н.* В 30-е годы // История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1: 1917–1945. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 186–187.

⁸² *Андреев И.А.* Национальная школа, её проблемы и перспективы развития // *Халӑх шкулӗ = Народная школа*. 1997. № 1. С. 1. *Бойко И.И.* Чувашский язык и этническая идентичность — проблемы этнокультурного и политического выбора // *Антропология социальных перемен* / под ред. Э.В. Гучиновой, В. Комаровой. М.: Росспэн, 2011. С. 501–502. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* В период «оттепели» (1953–1964 гг.) // *История Чувашии Новейшего времени*. Кн. 2: 1945–2005. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 127.

⁸³ *Андреев И.А.* Указ. соч. С. 1.

⁸⁴ Национальная школа: проблемы и перспективы // *Халӑх шкулӗ = Народная школа*. 1992. № 1. С. 12. Тем не менее респондент уверял, что в 1981 г. в одном классе одной из школ Чебоксар велось преподавание на чувашском языке, но оно прекратилось через несколько лет.

⁸⁵ *Андреев И.А.* Указ. соч. С. 4.

⁸⁶ Там же. С. 2.

⁸⁷ *Андреев И.А., Чернова Г.П.* Языковая политика Чувашской Республики в сфере образования // Современная языковая политика в образовании (по материалам Международной российско-нидерландской конференции, 8–10 июня 1998 г., г. Чебоксары) / под ред. В.Д. Данилова. Чебоксары: Руссика, 1998. С. 93.

⁸⁸ Национальная школа ... С. 7.

⁸⁹ *Андреев И.А., Чернова Г.П.* Указ соч. С. 94.

⁹⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта: федеральный закон РФ от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2007/12/05/obrazovanie-stansart-dok.html> (дата обращения: 21.09.2015).

⁹¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 21.09.2015).

⁹² *Prina F.* Localism or Centralism — Education Reform in Russia and Its Impact on the Rights of National Minorities // *Cambrian Law Review*. 2011. Vol. 42. P. 113–130. *Prina F.* National Minorities in Putin's Russia: Diversity and Assimilation. London: Routledge, 2015. 240 p.

⁹³ Приказ Министерства образования и науки РФ от 3.08.2006 г. № 201 о концепции национальной образовательной политики РФ. URL: <http://elementy.ru/Library9/pr201.htm> (дата обращения: 21.09.2015).

⁹⁴ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе: доклад Государственного совета Российской Федерации. Уфа, 11.02.2011. URL: http://www.minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html (дата обращения: 29.03.2011). С. 44.

⁹⁵ Говорят ли дети по-чувашски? / А.П. Игнатъева [и др.] // Халӑх школӑ = Народная школа. 2009. № 4. С. 41—44. Как владеют чувашским языком учащиеся городских школ / А.П. Игнатъева [и др.] // Халӑх школӑ = Народная школа. 2010. № 5. С. 48—50.

⁹⁶ Орлова О.В. Социальные аспекты функционирования марийского языка в Республике Марий Эл: выступление на Межрегиональной научно-практической конференции «Язык и социум», Йошкар-Ола, 09.12.2014.

⁹⁷ Базисный учебный план начального общего образования для образовательных учреждений, в которых обучение ведётся на русском языке, но наряду с ним изучается один из языков народов России, предоставляет 3 часа в неделю для родного языка и литературного чтения. Для части, формируемой участниками образовательного процесса, в 1 классе часов нет, во 2 и 3 классах допускается 1 час, и в 4-м — 0,5 часа (Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа (2013) / [сост. Е.С. Савинов]. 4-е изд., перераб. М.: Просвещение. 223 с.).

⁹⁸ Стратегия развития образования в Чувашской Республике до 2040 года. 2008. URL: http://gov.cap.ru/laws.aspx?gov_id=49&id=52926 (дата обращения: 21.09.2015).

⁹⁹ Предположительная численность населения. Чебоксары: Чувашстат, 2015. URL: http://www.chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/statistics/population/ (дата обращения: 18.09.2015).

СЕССИЯ 2

ИСКУССТВО И ЛИЧНОСТЬ

А.И. Мордвинова

А.И. МИГГОВ И ЧУВАШСКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Оппоненты: А.П. Хузангай, Г.Н. Иванов-Орков,
О.Л. Улемнова

ВВЕДЕНИЕ

Отечественное искусство XX в., начав со стремительного восхождения к вершинам авангарда, после Октябрьской революции 1917 г. было насильно возвращено в лоно реализма. Ко второй половине столетия это направление, главенствуя во всех видах и жанрах, торжествовало полную победу. Постепенно был сформирован и некий тематический стандарт, который использовался в живописи, кино, музыке, монументальной и станковой скульптуре и т.д. Типические образы передовых представителей общества, портреты государственных деятелей, изображение «колхозных праздников», «счастливого» детства и юности — вот тот набор, эксплуатировавшийся в разных вариантах и преобладающий во всех видах искусства.

В конце 1950-х — 1960-е гг., с наступлением хрущевской «оттепели», в изобразительном искусстве Советского Союза наметились серьезные перемены. В лоне «соцреализма» вызревало искусство молодых — «суровый стиль», в среде неофициального искусства — андеграунд. Постепенно реальная картина художественных процессов стала сильно расходиться с офи-

циальной. В Чувашии так же подспудно, в творчестве лишь нескольких художников, намечается кризис старых и зарождение новых идей и форм. В связи с этим в первую очередь мы вспоминаем имя Анатолия Ивановича Миттова — ярчайшей звезды на небосклоне чувашского искусства.

Изучение творчества А.И. Миттова (1932—1971) очень важно для понимания искусства Чувашии в XX в.¹ Оно позволяет нам выделить наиболее существенные достижения в поисках самобытного и адекватного национальному мировоззрению художественного языка. Сформулированные художником цели и задачи, оригинальность и высокий профессиональный уровень исполнения, его понимание нравственных норм и эстетических ценностей народа, знание древних традиций и народной культуры чувашей — все сплавлено в его работах в художественный символ «чувашского мира». Однако творчество художника нельзя упрощать, привязав его к одной большой, пусть и самой важной для чувашского искусства идее. За десять лет творческой жизни Миттов прошел огромный путь от академических рисунков к абстракциям и символическим образам, далее — к глубокому погружению в мир традиционной народной культуры, гениально выразив ее суть в сериях, посвященных чувашской старине, попутно создал потрясающие по психологичности и исповедальности портреты пером и тушью, а в своих последних графических сериях, таких как «Дорога через овраги», «Дорога в гору» и др., возвысился до философского осмысления «вечных» вопросов человечества.

В настоящем исследовании творчества А.И. Миттова, рассмотренного в широком контексте российского и чувашского искусства второй половины XX в., нами преследуется цель вынести на первый план достижения и открытия мастера, которые после его смерти дали импульс принципиально новому направлению в развитии чувашского изобразительного искусства, а также зафиксировать неповторимые черты его художественного языка.

1. ВРЕМЯ И ИСКУССТВО: ТВОРЧЕСТВО А.И. МИТТОВА

Особое положение А.И. Миттова, не вписавшегося в круг чувашских художников, но познакомившегося с художниками московского андеграунда, позволяет нам провести параллели как между художественной жизнью столицы и провинции, так и в характере творчества Миттова и российских художников-новаторов этого поколения. В связи с этим необходимо более детально рассмотреть культурную ситуацию, которая стала фоном для расцвета этого гения.

Анатолий Миттов учился в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина с 1954 по 1961 г. Это был один из наиболее важных периодов в жизни страны, связанных с развенчанием «культы личности» в 1956 г. и поворотом к некоторой демократизации общества. Наиболее смело и активно отреагировала на новые обстоятельства художественная молодежь. Историки искусства пишут: «Едва умер

Сталин, едва железный занавес чуть-чуть приподнялся, как на вытоптанной ниве отечественной культуры появились ростки явления, которое впоследствии назовут нонконформизмом. Толчок ему дала прежде всего гигантская, в четыре с половиной тысячи работ, экспозиция современного мирового искусства на Международном фестивале молодежи и студентов 1957 года в Москве»². Состоялись и другие выставки, вызвавшие огромный интерес и шумные дискуссии, — Давида Сикейроса (1957), Пабло Пикассо (1956) и американских художников (1959). Знакомство с неfigurативным искусством и другими направлениями, далекими от реализма, породило в монолитной среде членов Союза художников сомнение в единственно возможном пути развития искусства, постулируемом государством. Еще более остро восприняли увиденное художники, оппозиционные к официальному искусству. В произведениях иностранных художников они нашли поддержку и оправдание своим творческим экспериментам. Беспрецедентным событием стал конкурс международной пластической мастерской в ЦПКО им. Горького, проведенный в рамках фестиваля. Его председатель Давид Сикейрос присудил золотую медаль не признанным мастерам, а трем никому пока не известным, но скоро ставшим лидерами андеграунда и всемирно прославившимися художниками, — скульптору Эрнсту Неизвестному, будущему организатору «Бульдозерной выставки» Оскару Рабину и самодеятельному живописцу Анатолию Звереву.

Волна открытий и новых впечатлений захлестнула и ленинградцев. В Эрмитаж в декабре 1956 г. была перевезена из столицы выставка Пикассо, ставшая местом паломничества оппозиционной молодежи и самых яростных споров об искусстве. Будоражили и события Международного фестиваля в Москве, где, конечно, побывали многие художники.

Эти события, разумеется, не прошли мимо Анатолия Миттова без следа. Очевидно, он познакомился и с некоторыми московскими выставками, так как бывал здесь по нескольку раз в году: в каникулы путь из Ленинграда домой лежал через столицу. В блокнотах Миттова находим множество московских адресов, вероятно, он останавливался здесь у друзей и знакомых. Общая атмосфера ожидания перемен, знакомство с современным искусством зарубежных стран, свободным от идеологии, несомненно, волновали его новизной. После окончания института и переезда в г. Чебоксары связи Миттова не только не прервались, но обогатились множеством новых знакомств самого разного свойства, в том числе с художниками андеграунда.

Причастность А.И. Миттова к новым идеям и веяниям можно обнаружить по записям в сохранившихся блокнотах. В них библиотечные каталожные данные книг, которые он заказывал или, вероятно, собирался заказать. В этом списке, далеко не стандартном для советского человека, очень много зарубежных и российских дореволюционных изданий, неактуальных, а в большинстве своем и недоступных широкому читателю. Это литература о Василии Кандинском, Наталии Гончаровой и Михаиле Ларионове, Обри Бердслее и других художниках, чьи имена в те годы в Советском Союзе еще

были под запретом³. Особое внимание уделено Кандинскому: в блокнотах находим не только выходные данные изданий, но и множество выписанных художником цитат из текстов великого абстракциониста.

Ярко характеризует А.И. Миттова и его личная библиотека. Состав книг поражает не только разнообразием, но и некоторой рафинированностью. Среди книг, кроме альбомов и монографий о художниках, много поэтических сборников, которые свидетельствуют о серьезном увлечении Миттова поэзией: не только русской классической, но и средневековой европейской, японской, китайской, древнерусской, армянской. Среди поэтов XX столетия, например, репрессированный в 1936 г. армянский поэт Егише Чаренц, первые публикации которого появились лишь после реабилитации в 1956 г. Еще удивительнее было найти на книжной полке художника том Франца Кафки, переводы которого появились лишь в 1964 г. в журнальном варианте, а в книжном — в 1965 г. и вскоре были запрещены цензурой. Тут же книга живущего в США И.Ф. Стравинского «Хроника моей жизни», изданная в СССР в 1963 г. Среди зарубежных изданий — книги о литовском композиторе, художнике и поэте Микалоюсе Чюрлёнисе (на русском языке вышла только в 1975 г.), редчайшее издание на польском языке о примитивисте Никифоре Крыницком. Для интеллектуалов того времени все эти имена знаковые, олицетворяющие собой оппозицию политизированному соцреализму. Очевидно, что Миттов остро ощущал атмосферу 60-х гг., её духовную составляющую и был «внутри» современных процессов творческого сообщества страны, вернее сказать — столиц, так как до российской провинции этот поток нового устроения почти не доходил.

Очень скоро в связи с описанными событиями в конце 1950-х гг. в Москве стали появляться неформальные объединения, группы создателей нового искусства, противопоставляющих себя советскому официозу, мыслящих и живущих вразрез государственному регламенту. Они не имели возможности открыто декларировать свои убеждения и принципы, и поэтому их искусство получило название «подпольного» — андеграунд. Объектом их изображения стала эпоха «застоя», а героем — человек, морально изуродованный условиями существования в этой среде. В значительной мере андеграунд стал явлением не только художественным, но и социальным. Другой составляющей художественного, литературного, музыкального андеграунда было высокое интеллектуальное содержание, поиск истины, выражение чувства как откровение и исповедь. Но в СССР это новое искусство не замечалось и не освещалось в литературе. Выставочная и концертная жизнь андеграунда ограничивалась кухонными, квартирными форматами.

Анатолий Миттов был единственным чувашским художником, близко познакомившимся с подпольным искусством столицы. Это случилось благодаря Геннадии Айги, с которым он сдружился в 1966 г. Поступив в 1953 г. в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве, Айги оказался в гуще известных событий и в полной мере испытал на себе

давление государственных структур. Его сближение с Борисом Пастернаком, с известным коллекционером Николаем Харджиевым — знатоком русского авангарда начала XX в., через него — с художниками Алексеем Крученых, Давидом Бурлюком и художниками московского андеграунда сделало его, по словам Р.О. Якобсона, «экстраординарным поэтом современного русского авангарда»⁴. Он познакомил Миттова с кругом художников, поэтов и музыкантов, куда входили Игорь Вулох, Анатолий Зверев, Игорь Макаревич, Владимир Яковлев, Софья Губайдуллина и др. Обратившись снова к записным книжкам художника, обнаруживаем домашние адреса и телефоны таких знаковых фигур советского оппозиционного искусства, как Игорь Ворошилов, Михаил Гробман, Владимир Яковлев, Михаил Шемякин. В то время они еще не получили мировой славы, что случилось позднее, а потому напротив адреса и телефона, например Шемякина, Миттов пишет: «Шемякин Миша (художник). В 1 час 3-го дня мая позвонить». Думается, причастность к этим именам многое открывает в характере творческих поисков Анатолия Миттова, даже если это было не самым близким общением или дружбой.

К сожалению, записи эти не имеют дат, но значительная часть новых знакомств, скорее всего, появилась уже во второй половине 1960-х гг., после знакомства с Геннадием Айги. Время «оттепели» прошло в начале десятилетия. Второй съезд художников, состоявшийся весной 1963 г., определил, что «все советские художники обязаны вести наступательную борьбу против любых проявлений формализма, абстракционизма, несовместимых с принципами искусства социалистического реализма»⁵. Ко времени знакомства Миттова со многими из московских художников неофициальное искусство ушло в глубокое подполье.

1960-е гг. оказались переломными и для официального искусства. Пережив период хрущевской «оттепели», особенно остро проявившейся в Москве и других крупных городах страны, деятели литературы и искусства в очередной раз подверглись жесткому давлению со стороны власти. Однако корни свободомыслия были пущены. В изобразительном искусстве начались перемены, обусловленные появлением нового поколения творцов. Суть перемен, как писал крупнейший российский искусствовед и художественный критик А.А. Каменский, «заключалась не только в том, что именно тогда окончательно отжили свой век и отпали иные догматические регламентации, которые ограничивали диапазон возможностей и творческих приемов советского искусства. Само восприятие становится в эти годы более сложным и взыскующим; восхождение к истине обретает напряженность и душевную энергию, несовместимые с бездумной иллюстративностью и декламацией... На всем лежит явная печать проблемности и размышлений. Такой творческий климат породил цепную реакцию последствий: усложняется общая система художественной выразительности, пластическая форма отходит от пассивной фиксации природы, обретая высокую активность и первостепенное значение в драматургии полотен»⁶. Эти слова написаны о «художниках-шестидесятниках», создавших искус-

ство «сурового стиля». Новое направление родилось в лоне московской школы живописи, в основном в творчестве выпускников художественного института им. В.И. Сурикова. Ленинградская школа дала в ранний период становления этого стиля, пожалуй, только одного живописца — Е.Е. Моисеенко, для которого характерна экспрессивная манера письма, высокое, виртуозное мастерство кисти и оригинальность композиции, а самое главное — содержание, исполненное гражданственности и патриотизма, без пафоса и комплиментарности.

Новое понимание задач изобразительного искусства заключалось в желании рассказать правду о человеке, живущем в далеко не идеальной стране. Именно эти качества стали характерной чертой всех мастеров «сурового стиля», особенно на раннем, так называемом героическом этапе становления этого стиля. Картины «Полярники» братьев А.А. и П.А. Смолиных, «Геологи» П.Ф. Никонова, серия Г.М. Коржева «Опалённые огнём войны», «Плотогоны» Н.И. Андропова, «Строители Братска» В.Е. Попкова, «Гимнасты СССР» Д.Д. Жилинского, «Портрет композитора Кара Караева» Т.Т. Салахова, триптих «Солдаты революции» И.А. Зариня определили специфические свойства нового искусства, общий характер новых героев. Сами названия картин однозначно раскрывают их содержание. Герой — прошедший испытания войны, поднимавший разрушенную страну и целину — представлялся неким идеалом, носителем лучших человеческих качеств. Но не только. В этих героях появилось внутреннее напряжение и чувство трагического понимания жизни. За спокойными, усталыми лицами, за замкнутыми в себе образами ясно прочитывалась их духовная зрелость. Однако Анатолий Иванович Миттов был далек от социальной тематики. Глубокое проникновение в мир чувашской старины в период работы над иллюстрациями к поэме «Нарспи» сформировало в нем понимание яркой самобытности чувашского народа. Особенно очевидным это становилось на фоне серьезного изучения Миттовым мировой художественной культуры. После формальных экспериментов в духе кубизма и символизма первых лет творчества он возвращается в лоно родной культуры, во многом полузабытой и отодвинутой на задний план успехами соцреализма. Думается, художник видел задачей искусства не решение сиюминутных проблем, а отражение высоких человеческих устремлений и духовных ценностей своего народа. Этим всегда отличалось искусство возрожденческого характера. Настоящее определение, думается, можно применить к творчеству Миттова в силу поставленных им целей, которые он озвучил в своих дневниках, и творческих достижений, ставших гордостью чувашского искусства.

Исходя из того что основная часть произведений А.И. Миттова посвящена традиционному чувашскому миру, остановим внимание на «деревенской» теме. Так называемая деревенская проза особенно ярко прозвучала в литературе 1960-х гг. и сыграла важнейшую роль в сохранении духовно-нравственных ценностей советского общества. Она обогатила ее художественными образами современника — человека совестливого, нетерпимого

к несправедливости и способного противостоять реалиям «застойного» времени. Став персонажами романов Ф.А. Абрамова, Б.Л. Васильева, П.Л. Прокураина, В.Г. Распутина, В.И. Белова, В.П. Астафьева, В.М. Шукшина и др., они жили как большинство советских людей, которые каждый день преодолевали трудности и лишения, размышляли о жизни, умели радоваться простым вещам. Многообразие характеров в произведениях «сурового стиля» не укладывалось в рамки заданных тем и типических героев, которые теперь представлены были людьми с сильным внутренним стержнем, ярким индивидуальным началом. Такие же характеры появились в произведениях художников, которые создали свою галерею современников. В первую очередь в их число входят российские живописцы В.И. Иванов, В.Ф. Стожаров, В.М. Сидоров, братья С.П. и А.П. Ткачевы, произведения которых лишены пафоса, но полны уважения к крестьянину и его труду, к его способности поэтического восприятия мира.

В чувашском искусстве «деревенская» тема традиционно была одной из самых используемых и близких художникам в силу исторически сложившейся судьбы народа и его менталитета. Но вплоть до второй половины 1960-х гг. не видим здесь выхода за пределы реализма. В стилистике остаются те же наивные и милые рассказы о «счастливой» жизни. Примерами могут быть такие картины, как «В родной деревне» Б.М. Белоусова, «Мои новые друзья» Н.П. Карачарскова, написанные в 1964 г. То же происходило в других тематических параметрах: в картинах «Новые зрители» и «В нашей бригаде прибыло» Н.В. Овчинникова (1965), «В тихий час» В.С. Семенова (1963—1964), «Ленин и Горький» В.М. Макарова (незаконченная картина, 1964), «Объявление автономии» Н.К. Сверчкова (1963) видим также «беспроблемное» искусство соцреализма.

Разительным контрастом смотрятся произведения А.И. Миттова, написанные в эти же годы. Серии «Алран кайми аки-сухи», «Чувашская старина», «По мотивам поэмы “Нарспи” К. Иванова» явились квинтэссенцией идейных и формальных поисков художника, недавно перешагнувшего 30-летний рубеж жизни. Далеки они и от искусства московского андеграунда, которое своими новациями и смелыми идеями увлекло бы художника менее зрелого. Пересечения Анатолия Миттова со столичными авангардистами не увели его от основной, четко сформулированной им творческой задачи. Волнующие многих художников подполья социальные проблемы он отразил в своих миниатюрных сериях карикатур на темы «Художник и время» и «Философия маленького человека», «В кругу роботов», «Он и она», в серии рисунков «Абстракты»⁷. Но, видя перед собой более высокую и сложную цель — создание искусства, способного выразить суть и красоту «чувашского мира», он сосредоточил свои усилия именно на этом.

Рассматривая творчество А.И. Миттова в широком контексте советского искусства 1960-х гг., убеждаемся в том, что свежее, талантливое, глубокое искусство мастера возникло в рамках обновления всего российского искусства и одновременно наметило пути движения чувашского. Уникаль-

ность его изобразительного языка особенно ярко вырисовывается в разрезе современных ему событий и художественных достижений. Несмотря на огромное впечатление, полученное от знакомства в Москве через Геннадия Айги с талантливыми художниками андеграунда, Миттов сумел сохранить собственный индивидуальный почерк. Но поэт и весь круг его друзей-интеллектуалов способствовали выходу чебоксарского художника на новый этап творчества и жизни, рождению у него новых идей, сыграли очень важную роль в формировании Миттова-художника.

2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЧУВАШИИ 1960-Х ГОДОВ

Изучение творчества А.И. Миттова позволило под иным, более острым углом увидеть основные черты изобразительного искусства Чувашии 1960-х гг. и своеобразие его художественных процессов.

В течение первой половины XX в. молодое изобразительное искусство Чувашии только осваивало профессиональную азбуку, тогда как русское искусство претерпело в этот период сложнейшие метаморфозы, пережив в начале века обновление и даже разрушение прежних, реалистических по форме направлений, наполнив содержание новыми идеями. Однако Советскому государству для пропаганды своих идеалов требовалась армия творцов, способных воплотить их в революционном порыве. В изобразительном искусстве реалистическое направление оказалось единственно возможной формой для реализации первоочередных, идеологически необходимых задач. Главной из них было воспроизведение жизни молодой советской страны в доступных и понятных народу образах. Именно в этих формах рождалось изобразительное искусство во всех вновь образованных национальных республиках. Возникшее после Октябрьской революции и поддержанное государством сообщество чувашских художников пошло путем несопротивления, подчинившись его идеологическим установкам. Это был естественный ход событий, так как даже мощное авангардное движение русского искусства было совершенно подавлено или изгнано за пределы страны.

Формирование художественного сообщества в Чувашии началось лишь в конце 1920-х гг.⁸ Происходило это усилиями нескольких человек, главным из которых был М.С. Спиридонов. Поэтому рожденное в формате Ассоциации художников революционной России (АХРР) и развивающееся в русле советской реалистической школы чувашское изобразительное искусство в первой половине XX в. сильно отставало в профессионализме. Оно стало набирать необходимый качественный уровень лишь в 1950—1960-х гг., после того, как в столице республики открылось в 1940 г. художественное училище, переведенное из Алатыря и взявшее курс на академическое искусство. В конце 1940-х гг. в Чебоксары приехали из Ленинграда и Москвы выпускники вузов, в основном Академии художеств, что обеспечило здесь начало расцвета профессионального изобразительного

искусства реалистического направления. Наивысшие достижения видим именно в творчестве Р.М. Ермолаевой, В.С. Гурина и Н.В. Овчинникова — выпускников отделения живописи Академии художеств — Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина⁹, П.Г. Григорьева-Савушкина — выпускника Ленинградского художественно-педагогического училища, А.М. Спиридоновой, окончившей художественный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии¹⁰, и следующего поколения мастеров главным образом, их учеников, воспитанных в стенах Чебоксарского художественного училища¹¹.

Начиная с этого времени чувашское искусство по тематике и достигнутому профессиональному уровню стало соответствовать общей картине советского искусства. Но по отношению к доминирующей и необычайно разнообразной столичной культуре, вне сомнения, оно находилось в состоянии периферийности. Многие из возникших в столицах направлений вовсе не получили продолжения. А появление «подпольного» искусства в 1960-х гг. здесь было невозможным именно по причине отсутствия длительного и последовательного развития профессиональной школы изобразительного искусства, что давало бы материал для теоретического осмысления и толчок к новому этапу развития. К этому времени чувашское искусство в своем развитии только-только достигло высот «соцреализма».

Главенствуя в чувашском изобразительном искусстве, соцреализм представлен прежде всего мастерами живописного цеха. Первой фигурой долгие годы оставался Николай Васильевич Овчинников, который сыграл немаловажную, не всегда положительную роль в судьбе многих художников, в том числе и Анатолия Миттова. Во все годы творчества он прямолинейно следовал заданной советской властью художественно-политической программе и в полной мере воплотил концепцию беспроблемного искусства. Невероятно плодотворный художник, Овчинников создал историческую и портретную летопись советской Чувашии. Масштабные полотна художника появлялись сразу вслед за значительными для страны и республики событиями, как, например, полет в космос А.Г. Николаева в 1962 г., которому он посвятил несколько картин, в том числе создав авторские повторения. Можно назвать и другие картины художника, написанные на популярные темы: «Первая борозда», «Подписание В.И. Лениным декрета об образовании Чувашской автономии» (1951), «В.И. Ленин в рабочем кабинете» (1960), «Ленин с детьми» (1962) и др. Они имели большое значение в утверждении Н.В. Овчинникова как выдающегося живописца своего времени. Выбранная тема была беспроектной в советский период истории страны.

Являясь председателем Союза художников Чувашии почти три десятилетия, Н.В. Овчинников во многом определял судьбы чувашского искусства и художников. Так, известно, что художники с творческими устремлениями, не вполне вписывающимися в систему отношений Союза художников, нередко страдали от верховного диктата: не получали заказов, их произведения не допускались на выставки и т.п. Анатолий Миттов в

своих дневниках много размышлял о взаимоотношениях между художниками в строго иерархизированной структуре творческого союза, о своем незавидном положении среди коллег, подлинных задачах и критериях современного искусства. Касательно некоторых чувашских художников он писал: «Многие просто спекулируют именем живописи, продавая государству злободневные сюжеты, шумливые холсты, громкие фразы»¹². Как видим, понимание того, что происходит расхождение истинных и ложных составляющих искусства, уже в то время приходило на ум к художникам. Однако на официальном уровне искусство соцреализма было единственно признанным вплоть до конца 1960-х гг.

В рамках реалистического искусства полноценно выразили себя Н.П. Карачарсков и В.Л. Немцев. Оба художника прекрасно освоили школу живописи в стенах Чебоксарского художественного училища, славившегося академической системой обучения. Работая в разных жанрах, они внесли значительный вклад в создание народной галереи — сюжетных картин и портретов тружеников земли в селе Янгорчино. Картины «Конюхи» (1963), «Мужики» (1967) Карачарскова, «Юбиляры» (1966) и «Семья» (1967) Немцева являли будничную, наполненную трудом жизнь. Образы простых крестьян показаны вне «героических» трудовых подвигов, но за их плечами угадывается нелегкий жизненный путь. Деревенская тема всегда оставалась главной в их творчестве и в последующие годы. Карачарскову принадлежат серии картин и портретов: «Мы из “Гвардейца”» (1971—1976), «Люди колхоза “Янгорчино”» (1976—1988) и др. Он также создал ряд полотен, посвященных рабочему классу («О нас пишут», 1969). Можно сказать, что и Карачарсков, и Немцев восприняли эстетику «сурового стиля», но формальная сторона, стилистика их полотен не вышли за рамки реализма.

С конца 1960-х гг. выставки художников Чувашии перестали быть единообразными. В силу общего культурного пространства региональных отделений Союза художников и централизованного управления ими идеи и формы «сурового стиля» распространились по всей стране. В Чувашию они пришли вместе с выпускниками художественных вузов страны. Р.Ф. Федоров и В.Д. Чураков, окончив Харьковский государственный художественный институт, приехали в Чебоксары в 1963 и 1964 гг., П.В. Павлов и Н.Е. Егоров — в 1968 г. после Московского художественного института им. В.И. Сурикова, в том же году — скульптор А.К. Брындин, а в 1967 г. — монументалист А.И. Иванов после учебы в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухиной. Годы их студенчества пришлись как раз на время появления первой волны «шестидесятников», как художников «сурового стиля», так и творцов андеграунда. Затем они пережили разгром Н.С. Хрущевым выставки, посвященной 30-летию московского отделения Союза художников (Манеж, 1962), и начало жесткой кампании против формализма и абстракционизма в СССР. В студенческие годы они уже восприняли новые веяния и понимали невозможность возврата к простой, примитивно воспринятой «передвижнической»

трактовке окружающей жизни. Будучи преподавателями Чебоксарского художественного училища и художественно-графического факультета Чувашского педагогического института им. И.Я. Яковлева, они сыграли важную роль в формировании нового поколения художников Чувашии.

Появление таких полотен, как «Будни 20-х годов» В.Д. Чуракова (1968), «Сеспель» Р.Ф. Федорова (1968, 1969), «Ополченцы Красной гвардии» П.В. Павлова (1969), явилось поворотным событием в изобразительном искусстве Чувашии. С ними в официальном искусстве утвердился «суровый стиль», который открыл дорогу поискам художников поколения 1970—1980-х гг. Федоровым и Павловым и в дальнейшем создано немало полотен монументального формата и характера. Чураков успешно работал в жанре портрета. Живописный талант и яркий индивидуальный почерк этих художников, масштабность тем, созвучных времени, позволили им сразу встать в ряд ведущих художников, представлявших лицо чувашской культуры.

Поиски нового стиля характерны для Р.Ф. Федорова — одного из ведущих живописцев республики. Сплавив воедино достижения «сурового стиля» и древнерусской иконописи, которой он был увлечен, художник нашел собственную манеру письма. Варианты картины «Сеспель» (1968), «Икар XX века» и «Праздник в Шоршелах» (обе — 1974) написаны в широкой манере и смелых цветовых гармониях. Что касается тематики картин, то здесь можно провести параллели между творчеством Р.Ф. Федорова и Н.В. Овчинникова — одного из самых крупных художников соцреализма. Федоров сосредоточился на тех же темах и образах, что и Овчинников: полет А.Г. Николаева в космос, строительство Чебоксарского завода промышленных тракторов, газопровода Уренгой — Ужгород, выдающиеся люди Чувашии и др. Однако он пытается усложнить структуру картины, найти нестандартный композиционный ход. Метафоричность образов придает некоторым картинам особый смысл, прочитываемый за реальным сюжетом. «Фреска о хлебе» (1985) — наиболее удачная картина художника, в которой видится глубокий контекст, адекватный времени. Вслед за этим, в стремлении оставаться в авангарде живописного цеха в Чувашии, Федоров все более уходит в формальные эксперименты, формируя цвет и вуалируя содержание.

Особенно яркую страницу в чувашское искусство вписал мастер «сурового стиля» П.В. Павлов. Органичным было его обращение к историческому прошлому: герои и эпизоды Гражданской и Великой Отечественной войн — это его судьба, история его семьи и народа. Суровая правда жизни, ее трагические моменты были пережиты самим художником. «Образ простого человека вырастает в картинах Павлова до символа, и за ним зритель мысленно видит тысячи и миллионы таких же людей» — это было характерно для тематических картин «шестидесятников»¹³. «Ополченцы Красной гвардии» (1969), цикл таких же большеформатных картин под названием «Земля» («Красные пахари», «В партизаны», «Раздумье», «Рожь»), цикл картин «Без вести пропавший» (все — 1977) запечатлены художни-

ком как глубоко личные переживания и как народная трагедия. Герои его полотен часто оказывались в ситуациях, которые требовали от человека важного, судьбоносного выбора. Картины П.В. Павлова не терпели украшательства, монохромны в цвете, аскетичны в выражении чувств, строги в изображении деталей. Полотна художника являются в чувашском искусстве вершиной такого художественного явления, как «суровый стиль». Монументализация и драматизация событий дополняются искренностью и ясностью авторской позиции, противоположной социалистическому реализму.

На фоне такого яркого и масштабного проявления «сурового стиля», на фоне «злободневных» полотен соцреализма темперные листы из «старинной жизни» чувашей, трагические, но камерные автопортреты Анатолия Миттова были незаметны для искусства, «обращенного к миллионам». Вслед за своими идеями художник пробивался сквозь его пласты к чистому роднику чувашской земли. Накопленная веками мудрость народа, заключенная в традициях и обрядах, зашифрованная в песнях и узорах вышивки, стала материалом для творчества.

Для большинства художников следующего после А.И. Миттова поколения методы социалистического реализма неприемлемы. Глубокая перестройка художественного стиля становится заметной и в творчестве выпускников художественно-графического факультета пединститута. Начиная с 1970-х гг. ярко проявили себя живописцы Н.С. Ведерников, К.В. Владимиров, Н.А. Енилин и П.В. Петров. Решение собственных творческих задач, а не следование идеологическим установкам стало принципом их искусства. При простоте сюжета, сдержанности и лаконичности формы в духе «шестидесятников» их произведения насыщены новыми идеями, поиском нравственной, национальной, патриотической основы современной жизни. Каждый из названных художников обрел собственное лицо, но наиболее открыто заявил о своем взгляде на современную жизнь Петр Петров — младший из этой плеяды. Его творчество с середины 1970-х гг. привлекает выразительной простотой. Языком живописи он передал чувство нарастающего трагизма в мироощущении современников, предчувствие перемен в стране. Его лаконичная манера письма, графически ясные формы, сочетание монохромных бело-серых цветов, иногда изумительно нежных, пронзительно-печальное настроение картин являются собой продолжение не только поисков художественной истины А.И. Миттовым, но и мучительных ответов на вопросы о смысле жизни. Художник-философ, созерцатель, П.В. Петров не ставил задачи создания национального языка живописи, но он как будто нашупал жизненный нерв современного ему общества, и это — главная составляющая его искусства.

Таким образом, «суровый стиль» возник в свое время в поисках выхода из зоны соцреализма, приближающегося в творчестве многих мастеров к выхолащиванию. На официальном уровне это был тогда единственно возможный путь для развития искусства. Но он решал лишь часть проблем общероссийского характера, давая дозированный выход из опасно

сдерживаемого творческого потенциала нового поколения художников. Главным направлением профессионального искусства Чувашии все же оставалось реалистическое. Подправленное идеологией Коммунистической партии, оно в большинстве случаев обретало качества соцреализма, теряя подлинный патриотизм и гражданственность. Заметные перемены начинаются лишь к концу 1960-х гг., когда после учебы в художественных институтах страны вернулись художники нового направления — «сурового стиля». На несколько лет раньше их А.И. Миттов пытался перешагнуть границы общепринятых норм, что означало для художника того времени обречение себя на осуждение и поругание общества. Свежее, талантливое, оригинальное искусство Миттова значительно опередило время.

3. В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО «Я»

Изобразительное искусство Чувашии в период «оттепели», конечно, не было столь разнообразным, как в Москве или в Ленинграде. И, хотя рождение «сурового стиля» придало новый импульс, для таких художников, как Анатолий Миттов, не было ниши, подобной столичному сообществу андеграунда. В силу жизненных обстоятельств и особенностей характера он оказался в трагическом отрыве от цеховой жизни коллег. Не имея ни постоянного заработка, ни мастерской, ни нормальной квартиры (жил в «коммуналке»), он сохранял до конца жизни невероятную творческую активность. Под все возрастающим давлением окружающей его социальной среды формировалась яркая индивидуальность художника. Освоение огромного пласта мировой культуры в стенах Академии художеств, размышления над шедеврами искусства в лучших музеях страны и на выставках, глубокое вхождение в традиционный мир собственного народа привели Анатолия Миттова к ясному пониманию своей цели — найти новую художественную форму для создания подлинного национального искусства Чувашии.

Возвращаясь к истории чувашского искусства, главным образом живописи, которая оказалась основным полем для создания его национального формата, и отчасти графики и скульптуры, напомним, что художники республики далеко не сразу выросли до решения проблемы национального художественного языка, что характеризовало бы его самобытность. Начали свой путь с освоения законов реалистического искусства и основоположники чувашской профессиональной школы живописи, организаторы художественной жизни республики в 1920—1930-х гг. М.С. Спиридонов, Н.К. Сверчков, А.Д. Демидов, А.Ф. Мясников. Встав во главе созданного Союза чувашских советских художников, они реализовали задачи, поставленные государством перед художниками страны. В этом направлении работали почти все художники республики вплоть до конца советского периода истории.

Особое место в истории искусства Чувашии занимал старейшина живописного цеха Ю.А. Зайцев (1890—1972). Создав произведения, ставшие

классикой чувашского искусства («Акатуй», 1934—1935; «Портрет лётчицы. Санюк», 1940 и др.), он и в рассматриваемые нами годы не утратил дух новаторства. В творчестве этого художника, пожалуй, впервые является попытка приблизиться к выражению национальных эстетических вкусов, цветовых предпочтений, которые ярко проявились в чувашском народном искусстве — ткачестве и вышивке. Подлинный новатор, он так же, как и Миттов, интуитивно понимал, что тайна лежит в традиционной культуре народа. «В первую очередь это выразилось в использовании в живописи красочных гармоний и ритмического строя чувашской вышивки. Экспериментирует Зайцев и в области “национального колорита”»¹⁴. Во второй половине XX в., в последний период жизни, художник обретает наибольшую смелость в своих экспериментах. Начиная с пейзажей «Утренний час на Волге» (1960), «Над Цивилем» (1962, 1964) и др., он приходит к созданию предельно выразительных и оригинальных портретов и сюжетных композиций. Его картины «Автопортрет» (1965), «Матери» (1969), «Хмель» (1969), несколько стилизованные и декоративные, насыщенные контрастными цветами, становятся некой аллегорией, через которую художник стремится выразить национальные представления о красоте. Удачными были его опыты и в жанре пейзажа. Например, в картине «Утренний час на Волге» (1960) или в монументальном триптихе «Течет река Волга» (1967) цвет является основным выразительным средством, художник практически не использует возможности композиционных, ритмических построений. Он пытается выйти из формата реалистической картины, но дальнейшие попытки реализовать свои идеи через более символические образы не получили завершения. Однако приближение Ю.А. Зайцева к решению задачи национальной школы живописи через цвет очевидно.

Художники, творившие после Зайцева и Миттова в поисках национального, не обращались к цвету как к исходному элементу. Они использовали в первую очередь графические приемы, отталкиваясь именно от орнаментов вышивки и ткачества, геометрических по характеру, тогда как Ю.А. Зайцев и А.И. Миттов сделали попытку реализовать свое понимание и чувство национального еще и через цвет. Этот шаг был сделан благодаря огромным творческим усилиям художников, оторвавшихся от общих правил искусства своего времени. В 1960-х гг. наметился и индивидуальный почерк В.И. Агеева — одного из самых ярких художников Чувашии. В последующие десятилетия он создал произведения, которыми во многом определяются своеобразие и глубина чувашского изобразительного искусства. Но Агеев пошел по более приемлемому для своего времени пути, не выходя за границы реалистического искусства.

Сравнительный анализ творческих портретов художников поколения 1960-х гг. дает возможность особо остро почувствовать новаторство А.И. Миттова. Пытался найти характер национального искусства, как мы видели, Ю.А. Зайцев. Но наиболее ярко это осуществлено в творчестве А.И. Миттова и В.И. Агеева. На их примере можно видеть два совершенно

разных подхода к решению одних и тех же задач. Уже в ранних картинах В.И. Агеева определились индивидуальные качества его творчества. Он пошел по пути живописного решения своих картин. Virtuозная, широкая манера письма, колористическое богатство и мастерское владение композицией не выходили за пределы реалистического искусства. Агеев не стремился найти «чувашский» цвет или особую национальную форму, но в его полотнах есть ощущение мощного «природного» начала, его герои кажутся нам сродни легендарным предкам, полным силы и здоровой экспрессии. Он воссоздает не предметный мир глубокой старины, а яркие и живые образы. В насыщенных многофигурных композициях рядом с человеком часто присутствуют мифические, сказочные существа из чувашских легенд. Древняя история народа, события и герои не только воспроизведены художником, но и опоэтизированы. Особенностью полотен Агеева является переплетение живого ощущения жизни с сакральным, мифологическим сознанием чувашей прежних веков. Он погружается в этот давно ушедший мир и чувствует неразрывную связь с ним, как дитя, связанное с матерью пуповиной.

У Миттова использование мифологии исключено. Человек широкого мировоззрения, вышедший в своем общении за пределы «чувашского мира», он осмысливал его на фоне сложных процессов, происходящих в современном ему искусстве. Воспитанный в родном доме на традиционных духовно-нравственных ценностях, он, возвращаясь на родину, открывал ее каждый раз на новом уровне. Миттов понимал, что ушедшая в прошлое жизнь с традиционным укладом сама становилась мифом, тайной, областью сакрального. Поэтому, как кажется, и стремился выделить самые важные события традиционной крестьянской жизни. И праздничные действия, и будничные дела художник превращал в своих картинах в некий символ, ритуал, будь то «Моление о дожде», «Хоровод» или «Жатва», «Пахота» и «Молотьба». Высокая эстетика и глубинное, родовое чувство причастности к своей земле и предкам делают его искусство подлинно национальным.

Началом работы Миттова в этом направлении было освоение «этнографии». Старинные костюмы чувашей, орнаменты вышивки и ткачества он знал с детства, многое осталось в домах односельчан, в годы учебы основательно изучал их в Этнографическом музее Ленинграда. Он вслушивается в народные песни и сказания, пытается выйти за пределы простого иллюстрирования, чтобы максимально приблизиться к поставленной цели. «Под рукой у него постоянно лежал “Этимологический словарь чувашского языка” В.Г. Егорова, — пишет О.В. Таллерова. — Он мне объяснял: “Открываю этот словарь, и вдруг попадается какое-нибудь древнее слово. Оно сразу настраивает на размышление, дает толчок, чтобы приняться за новую работу”»¹⁵. Думается, не только устные предания о киремети, но и, к примеру, объяснение слова В.Г. Егоровым сыграли не последнюю роль в поисках композиции и духа темперных листов под названием «Киреметь» из серий «Земля наших дедов» и «Чувашская старина». *Киремет* — «грозный, мстительный злой дух» в чувашской трактовке, *керамет* — «благо-

родство», «великодушие», «милость» и др. — в турецкой¹⁶. Момент торжественности, молитвенного предстояния обязательно присутствует в его работах с изображением обрядовых сцен.

Очень важно отметить, что не только этнографический материал формировал «миттовский стиль». Художник понимал под «национальным» всю совокупность национальной культуры, о чем не раз писал в своих дневниках. Он любил и ценил чувашскую поэзию: в его библиотеке были книги Педера Хузангая, Якова Ухсая, Александра Алга, Педера Эйзина и др. В ритме чувашских мелодий и речи искал созвучные собственным поискам ноты и линии. Однако в поисках национального Миттов не замыкается на чувашском материале. Кропотливое изучение искусства Востока и Запада в богатейшей академической библиотеке, в Эрмитаже и Этнографическом музее дает ему понимание неповторимости традиционной культуры. Почти все исследователи творчества художника писали о влиянии на манеру художника восточного искусства. Но знание персидской миниатюры или византийской иконописи не увели его в сторону внешнего подражания. Именно хорошее образование, глубокое знание мирового искусства позволили Миттову приблизиться к подлинному проникновению в образ мыслей и склад ума родного народа, создать «свое, индивидуальное, от всего резко отличное и, несомненно, эмоциональное чувашское искусство»¹⁷.

Исходя из поставленных задач впервые в искусстве Чувашии творческая энергия художника была направлена на реконструкцию в своих произведениях уходящего «чувашского мира». В 1960-х гг. в сёлах и деревнях еще можно было видеть остатки традиционного устройства жизни чувашей. А.И. Миттов, воспитанный в семье, где оставался сложившийся в течение многих поколений уклад, глубоко чувствовал принадлежность к прошлому своего народа. Поэтому, во многом интуитивно, он выходил на богатейший пласт чувашской культуры.

Обратившись к традиционной чувашской культуре, А.И. Миттов открыл новые, доселе не использованные в изобразительном искусстве темы и сюжеты. Им была создана новая иконография, включившая в свой круг народные свадебные, похоронные обряды, хороводы, картины крестьянской жизни и труда. А если какие-то сюжеты и были использованы до него, то решались они в повествовательно-бытовом жанре и освещали социальные проблемы, часто приобретая декларативный характер. В произведениях Миттова, таких как серии «Чувашская старина», «Алран кайми аки-сухи» и др., народные сцены возникают в «очищенном», идеальном виде, без примеси «бытовизма» и назидательности. До Миттова — в первой половине XX в. — было создано немного картин, написанных на темы старинной жизни чувашей. Однако в известных полотнах М.С. Спиридонова («Пузырист», 1926; «Толчение сукна», 1927) и Н.К. Сверчкова («Киреметь», «Кража невесты», «Умыкание», 1938) видим традиционное для реалистического искусства иллюстративное решение.

Работая над темами из чувашской старины, А.И. Миттов ломает привычные представления о живописи: следуя за традиционным орнаментально-

плоскостным способом художественного мышления чувашей, он в своих темперных сериях, посвященных старине, останавливается на ярко выраженных декоративных способах построения пространства, композиции, стилизации фигур. Другой революционной идеей была разработка колорита как выражения представлений чувашей о мире, красоте и гармонии. На пути к этому находился в свое время и Ю.А. Зайцев, который более остальных художников старшего поколения был близок к созданию особой выразительности через цвет.

Словари культурологии сегодня определяют самобытность народа как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет процесс постоянного развития»¹⁸. Предметом творческого напряжения А.И. Миттова стал в первую очередь «чувашский мир», черты которого он искал и находил для того, чтобы сохранить их для будущего.

В чувашской музыке этого времени также были попытки освоить народную культуру. Композитор М.А. Алексеев в первой половине 1960-х гг. создал «Чувашское каприччио» (1962) и пять симфоний, среди которых «Кужар» (имеющий подзаголовок «Старинное чувашское народное празднество в музыкально-оркестровом воплощении»). Однако, не получив поддержки со стороны коллег, он был вынужден в 1967 г. уехать из республики в Москву.

Из всего сказанного следует, что в то время, когда начинал свой путь в искусстве А.И. Миттов, интерес к истории и традиционным духовным, нравственным, эстетическим ценностям народа лишь зарождался. Только в 1970-х гг. этот пласт начинает освещаться в книгах и альбомах по искусству национальных республик СССР, которые начинают издаваться повсеместно. Но серьезный разговор о своеобразии культуры ее народов в искусствоведении начинается лишь на исходе XX столетия. В 1960-х гг. глубокая перестройка умов в советском обществе еще не началась, и Миттов был преждевременен в своих прозрениях и амбициях.

4. «ЖИЗНЬ ТВОРЦА УСЫПАНА СТРАДАНИЕМ...»

«Жизнь творца усыпана страданием... Но это страдание возвышенно» — мысль, записанная Миттовым в дневнике, звучит как жизненное кредо¹⁹. Жизнь художника была, с одной стороны, полна вдохновенных достижений, с другой — бесконечным преодолением: устоявшихся традиций в искусстве, инертности художественной среды, неприятия коллегами его творческих устремлений, бедности и болезни. Такая сконцентрированность обстоятельств была и причиной, и следствием его короткой, но плодотворной жизни. Сегодня кажется невероятным, что в то время, когда создавались такие темперные листы, как «Ужин в саду», «Хоровод», «Жатва», «Свадебное ожидание», параллельно рождались и трагические автопортреты, полные отчаяния.

Во многом Миттов оказался новатором, в том числе в подходах к пейзажному и портретному жанрам, в тематике и стилистике сюжетных произведений. «Канд[инский]: Природа есть только предлог для выражения художественного, сама по себе она несущественна в искусстве», — читаем в блокноте Миттова. Традиционное понимание портретного или пейзажного жанра как реалистического воспроизведения внешнего вида было для него — Художника — слишком просто. Человек и окружающий мир в его произведении есть отражение смысла и сути мироздания, его порядка и красоты, а в других случаях — их катастрофического отсутствия. Видя в этом задачу искусства, он снова подтверждает свои размышления цитатой Кандинского в блокноте: «Внешнее, не рожденное внутренним, мертворожденно».

Рассматривая тот или иной жанр в творчестве А.И. Миттова, находим совершенно новые подходы в их решении, каких не было до него в чувашском искусстве. Так, пейзажный жанр, наиболее популярный у художников Чувашии, претерпел в творчестве А.И. Миттова значительную трансформацию. От натуральных изображений в ранние годы он пришел к построению особого пространства в сериях, посвященных чувашской старине. В них конкретное место, а точнее — родное Тобурданово, становилось тем же символом «чувашского мира» с характерными холмистыми далями, старыми ветлами и кладбищем на окраине. По воспоминанию О.В. Таллеровой, большинство пейзажей художник писал по памяти. В произведениях художника сложился некий свод (канон) изобразительных знаков, каждый из которых был наполнен предельным содержанием и духом. При этом их эстетическое качество тоже стремилось к идеальному: будь то пластика человеческой фигуры, силуэт коня или очертание дерева, пылающее золотом хлебное поле, таинственный сумрак вечера или ритм хоровода.

Такая полнота формы и содержания достигалась Миттовым через отказ от линейной и воздушной перспективы, роль силуэта и строго отобранных деталей композиции в темперных сериях «Чувашская старина», «Алран кайми аки-сухи», «По мотивам поэмы К. Иванова “Нарспи”» была огромна. Это придавало произведениям характер иконы, то есть предмета глубокого почитания.

Важно, что, выработав эту особую манеру в создании пейзажного фона, он в последних графических сериях 1968—1970-х гг. «Холмы», «Дорога через холмы», «Дорога через овраги», «Дорога в гору» отказывается от нее и возвращается к изображению трехмерного пространства. Однако это уже не реалистический пейзаж, а, скорее, пейзаж-аллегория жизненного пути человека на земле. В поисках высокого содержания Миттов в итоге становится как будто безразличным к внешней форме. Она проста, чиста, как формула: весь пейзаж — чередующиеся холмы и овраги, через которые проложена дорога, в конце пути — высокое небо. Пейзаж — символ места жизни человека на земле, его земной путь. И Миттов, пережив множество падений и взлетов, поднялся в конце

пути до философского, мучительного примирения с жизнью и смертью. Именно пейзаж позволил художнику подняться до эпического звучания, до пронзительно ясного понимания конца и бесконечности. Он нашел в этом жанре новые возможности, доселе художниками Чувашии не использованные, утвердил новый уровень пейзажного жанра, который, по большому счету, оставался в XX в. консервативным и мало развивающимся.

А.И. Митгов сказал новое слово и в жанре портрета. Ему принадлежит создание остропсихологических портретов такого накала, каких не было в изобразительном искусстве Чувашии. При необычайно активной интеллектуальной жизни, подгоняемый огромным желанием воплощения своих идей и пониманием необратимости все более усиливающейся болезни, художник находился в непрерывном творческом напряжении. Постоянный самоанализ заставлял его снова и снова возвращаться к созданию автопортретов, которых сохранилось немало: несколько десятков, выполненных в графических техниках — карандашом, тушью и пером, а также написанных темперой и маслом. Он записал в дневнике: «Я думаю, я должен рассказать о себе что-нибудь. Должен. Если не для людей, хотя бы для себя, должен разобраться, зачем я вел и веду такую жизнь. Ведь мог же по-другому». Степень погружения у Митгова в собственные переживания — моральные и физические — предельна и даже беспощадна, смелость Митгова, с которой он трансформирует, ломает рисунок ради выразительности, — экспрессивна и не сравнима ни с чем в чувашском искусстве. В серии «Жизнь и смерть» он снова выходит за рамки традиционного жанра: собственно автопортрета ради изображения внешнего облика здесь нет, есть только человек на грани жизни и смерти. Рисунки этой серии выполнены пером и тушью, то есть в черно-белом, а вернее — в черном цвете. Во всей истории искусства Чувашии мы не найдем произведений, более сильных по глубине переживания этой темы. «Она вся черная, все возникает как бы из мрака, из потусторонности... — пишет Н.В. Воронов об этой серии. — Среди них много сидящих, как бы бесконечно уставших. Все это перемежается знаками — треугольниками, ромбами, элементами архитектуры, какими-то неясными провалами. Но основное ощущение — одиночества, покинутости, заброшенности. Это как бы жизнь в смерть, жизнь в никуда»²⁰.

В этом жанре он снова проходит грандиозный путь от идеализированных портретов в иллюстрациях к поэме К.В. Иванова «Нарспи» или серии «Весна» до трагических автопортретов. Но так же, как и в пейзажном жанре, в последние годы жизни Митгов преодолевает свое отчаяние и создает иные по характеру автопортреты — более светлые и спокойные. Г.Н. Айги сказал о последних работах художника: «Здесь — перед гибелью — полная Победа Духа, даже — прикосновение его к Вечности и Вечному»²¹.

Пожалуй, первым среди художников Чувашии А.И. Митгов обращается к евангельской теме. К христианству он приходит через осмысление

своего жизненного пути — человека и художника, через пережитые личные страдания — душевные и физические, через творческие подъемы и неудачи. Не случайно в его творчестве появляются такие работы, как «Автопортрет с Голгофой» (1965), «Автопортрет. Смятение» (1965) (параллельно шла работа над серией «Жизнь и смерть», 1968—1969), которые демонстрируют, что путь к христианству был невероятно сложен. Очевидно, в связи с созданием «Автопортрета с Голгофой» появляется запись в дневнике: «Читал я, Христос сошел на землю и предался в руки человека, чтобы спасти его. Читал я, что люди схватили его и распяли его и хохотали ему в лицо. Он все это снес безропотно. Но как мне снести свои лишения, свои муки, мне, слабому человеку? Куда двигаться мне, не имеющему ничего, кроме печали?»²² Глубина христианских жизнеполагающих принципов выводит его к последним графическим сериям, которые ассоциируются с философской притчей. «Парадоксальность творческого пути Миттова заключается в том, что всю жизнь работая над созданием сугубо национального языка в изобразительном искусстве, в конце творческого пути он через все испытания и соблазны приходит к пониманию вневременных и общечеловеческих проблем бытия (серии «Дороги», «Холмы»)»²³. Наиболее показательными и важными в этом плане являются графические серии последнего периода жизни — «Дорога через холмы», «Дорога через овраги», «Дорога в гору». В них видим уже не конкретный тобурдановский пейзаж, а порожденное воображением сакральное пространство. Чередование холмов и оврагов становится метафорой темы возвращения и ухода. В итоге трагические метания Миттова и его мучительные искания истины уходят, оставляя место лишь смирению.

Существование А.И. Миттова за пределами замкнутого круга официального искусства — это путь одиночки и первопроходца. В силу многих обстоятельств (таланта, глубокой связи с народом и др.) он не мог пойти путем соцреализма, довольно поверхностно трактующего окружающую жизнь. Мощное, свежее движение «сурового стиля» в Чувашии также не привлекло его, возможно, тем, что художников этого стиля волновали вопросы социального характера, сегодняшнего дня. Гениальность А.И. Миттова в том, что он пошел собственным путем и, преодолев влияние захвативших широчайший круг художников идей нового искусства, нового стиля, сумел остаться верным своим новаторским идеям. Самостоятельность его была определена широтой знаний и великолепной профессиональной выучкой, полученной в стенах петербургской-ленинградской академической школы, внутренней культурой, возвращенной отцом-матерью и традициями родного народа. Можно предположить, что глубочайшее влияние на самоопределение Миттова как художника оказала и поэма К.В. Иванова «Нарспи», иллюстрирование которой он избрал в качестве дипломной работы в институте им. И.Е. Репина. Особым обстоятельством можно считать то, что Миттову, двадцатичетырехлетнему студенту третьего курса, пришлось взять академический отпуск по состоянию

здоровья. Год он провел в родном Тобурданово, погружаясь, теперь уже как художник, в реалии сельской жизни. Случившееся подобие пушкинской «болдинской осени» позволило ему определиться с темой дипломной работы. Он пережил и прочувствовал события, образы и красоту поэмы К. Иванова. Она не отпустила его и в последующих произведениях на темы из старинной жизни чувашей.

Вынужденное отчуждение А.И. Миттова концентрировало внимание на его собственных переживаниях, развивало, усугубляло нестандартное художественное мышление, обостряло восприятие жизни. Художник писал в своих дневниках: «Думал я: искать гармонию внутри самого себя» или «Мое богатство во мне самом...»²⁴ А.И. Миттов, конечно, не имел в лице коллег соратников. Его фигура одинока на пространстве искусства соцреализма, более того, гонима и не признаваема. Важно отметить, что произведения А.И. Миттова при его жизни редко появлялись на выставках, и это касается только работ, выполненных темперой или масляными красками. О.В. Таллерова пишет: «Что скрывать, при жизни художника, когда он представлял на выставку три-четыре произведения, то их либо совсем не принимали (говоря, “это, мол, народу не нужно, непонятно”, или “в жизни, мол, все не так”), либо со скрипом, еле-еле принимали одну-две работы...»²⁵ Художественным достоянием чувашского народа они были признаны лишь после смерти мастера.

Создав свои произведения, Анатолий Миттов вывел чувашское изобразительное искусство за пределы соцреализма, опередив волну «сурового стиля», набравшего в Чувашии силу лишь в конце 1960-х гг. Это искусство развивалось параллельно с соцреализмом, обретало широту и, что не менее важно, уже не было гонимо из выставочных залов. Но и на этом фоне самобытное искусство А.И. Миттова выглядело одиноко.

Рассматривая творческое наследие Анатолия Миттова в контексте современных ему событий, мы попытались выделить те новаторские качества и художественные открытия, которые он привнес в чувашское изобразительное искусство. Прямо или косвенно они стали после его смерти путеводными для многих чувашских художников. Сложность проблем, которые он пытался решать, глубина их осмысления таковы, что были посильны лишь гениально одаренному человеку. Ситуация, сложившаяся в советском искусстве, усугубляла драматизм существования Миттова среди чувашских коллег. Вопреки этому он стал Художником, не только сохранившим право иметь собственный взгляд на искусство, но и открывшим для него новые возможности. Попытка реализации национальной идеи А.И. Миттова и вслед за ним еще нескольких мастеров разных поколений в итоге изменила картину культурной жизни Чувашии.

5. ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ИСКУССТВЕ КОНЦА XX ВЕКА

Идеи Анатолия Миттова были восприняты сразу после его смерти как актуальные. Но весь масштаб созданного и высота устремлений художника стали открываться позднее, как кажется, по следующим причинам. Во-первых, молодое поколение только-только открывало для себя «суровый стиль» и увлеченно двигалось в этот период по пути его освоения. Во-вторых, даже при том, что появились публикации о Миттове, его произведения стали закупать в музеи и организовывать выставки, для осознания его уникального, оригинального художественного языка требовалось время. В силу этого невозможно было и подражание художнику. Главное, что он привнес в профессиональное искусство Чувашии 1970-х гг., — это всплеск интереса к традиционной самобытной чувашской культуре и идею использования ее в новых формах искусства, что и стало происходить уже в двух последних десятилетиях XX в. Наиболее близким к нему в решении этих проблем оказался композитор А.Г. Васильев (кантаты «Уяв», 1979—1980; «Алран кайми аки-сухи», 1995—1996), яркой чертой творчества которого была масштабность задач — «углубленный психологизм и драматизм образов, поиски гармонии через обращение к национальным и общечеловеческим ценностям»²⁶. В 1980-х гг. выделился скульптор Ф.И. Мадуров (монументальные скульптурные ансамбли из дерева «Время и жизнь», 1982; «Хоровод», 1981—1985), обратившийся к архаичным формам чувашской традиционной культовой скульптуры. Имеющим важное значение стал переезд в Чебоксары из Тольятти в 1987 г. уже известного в России В.П. Петрова (Праски Витти). Его имя также связываем с реализацией идеи национального по характеру и форме искусства. Сначала как художника-монументалиста, пользовавшегося средствами стилизованной выразительности народного искусства (в силу специфики этого вида), затем — как эмалиера, графика и живописца.

К концу XX столетия в искусстве Чувашии, как и России, возникло такое направление, как этнофутуризм: в литературе и театре это был Б.Б. Чиндыков (пьеса «Ежевика вдоль плетня», 1995), в изобразительном искусстве — С.Н. Михайлов-Юхтар (серии «Чувашские предания», 1988; «Мировоззрение болгаро-чувашей», 1990 и др.) и Г.Г. Фомиряков (серия «Мать-волчица», 1992; «Белая лошадь», 1992 и др.). Эти тенденции широко распространяются во всех видах искусства, включая декоративно-прикладное и театральное-декорационное. В произведениях большинства этнофутуристов используются сюжеты традиционной жизни чувашей, мифологические образы и элементы национального орнамента. В художественном решении применяются методы стилизации и архаизации форм. Конечно, такого глубокого вхождения в «чувашский мир», как это сделал А.И. Миттов в изобразительном искусстве, пока не находим, но это направление не затерялось среди множества новых, возникших в 1980—1990-х гг., когда вслед за глобальными переменами в политическом,

экономическом и социальном устройстве России художественная жизнь республики стала необычайно разнообразной.

Характеризуя это время, можно отметить, что одним из направлений оставалось реалистическое, в котором еще создавались выдающиеся произведения, такие как натюрморт «Калина красная» В.Л. Немцева (1983), некоторые портреты серии «Люди колхоза “Янгорчино”» Н.П. Карачарскова (1976—1988), натюрморты Р.Ф. Терюкаловой в живописи. Но в целом это было время, когда большая картина исторического или бытового жанра переживает упадок. Кроме Н.П. Карачарскова («Чувашская рапсодия», «Победители. 9 Мая в Янгорчино», 1985), наиболее продуктивен в этом формате Н.В. Овчинников, написавший картины «Навеки вместе», «Трудные километры. Строители газопровода» (1985), «Беление холста» (1989). Он не сдает позиций и в 1990-х гг. — создает полотна «А. Пушкин и Н. Бичурин в Петербурге», «Древо жизни» (1995), «И.Я. Яковлев у государя Николая II» (1997), «Школа И.Я. Яковлева на Нижегородской ярмарке в 1886 году» (1998) и др. Мы наблюдаем, что тематика его произведений меняется соответственно требованиям времени, однако мастерство художника значительно падает.

Достоинства и достижения реалистической живописи советского периода, которая в Чувашии была, несомненно, основным, стилеобразующим видом искусства, по истечении времени становятся все более очевидными. Вторая половина XX столетия выдвинула имена художников, в чьих монументальных, повествовательных полотнах находим яркое, хотя и одностороннее отражение истории родного края и всей страны. Последние два десятилетия этого века представляют совершенно иную картину. Многообразие направлений, которое позволяет художнику выразить себя наиболее полно, говорит о свободе, полученной с наступлением грандиозных перемен в стране.

1980—1990-е гг. в России проходят под знаком «перестройки». С одной стороны, значительная часть общества отрекается от всего «советского», и как реакция на это в искусстве возникает направление «соцарт», изображающее самые неприглядные стороны уходящего «совка», изнанку красивой картины жизни в Советском Союзе. В отличие от мощной волны «соцарта» в столичных кругах, в Чувашии на выставках разного уровня подобные работы появлялись в незначительном количестве и, главным образом, на самодеятельном уровне. Это опять же можно объяснить отсутствием здесь в советское время протестного искусства.

Тематический простор и отсутствие государственного контроля открыли плотину для самых разных направлений. Нетрудно стало быть последователем абстракционистов, экспрессионистов или символистов. Масса поверхностных подражателей заполнила своими картинами выставочные залы, не понимая, что основоположники этих направлений пришли к своим открытиям через трудный путь поисков, следуя своей философии жизни. В итоге оказалось, что авангард этого времени не столь революционен, а во многих случаях — вторичен. Наиболее ярким и близким к мироощущению

нового поколения оказалось такое направление, как постмодернизм. Он пришел в Чебоксары в конце 1980-х гг. и прижился в творчестве немногих художников-интеллектуалов, хотя характерный иррациональный подход в методах отражения окружающей жизни видим в произведениях многих современных мастеров.

Постепенно волна дилетантских поделок к сегодняшнему дню сошла на нет, уступая место профессиональному искусству. Ярким стимулом для профессионального роста стали крупные выставки в Чебоксарах: в 1995 г. В.Я. Акимова и начиная с 1996 г. несколько выставок А.П. Рыбкина — выпускников Академии художеств, уже в те годы известных российских живописцев. Особенно сильное впечатление произвели выставки Рыбкина, мастера крупных полотен, отмеченных не только высоким артистизмом, но и оригинальностью. В них реальные образы и предметы, обретая значение символов и знаков, переплетаются в выразительнейших, тонко продуманных композициях, вовлекающих в мир художника, полный мудрости, любви, грусти и восторга. Он откровенно и эмоционально говорит со зрителем о самых сложных и высоких предметах. Мастерством и актуальностью тем отличаются картины еще одного выпускника Академии художеств — А.М. Федосеева. Начиная с самых первых работ («Дорога», 1983; «Вечер в городе», 1988; «Туман и люди», 1991) определился лаконичный, узнаваемый стиль художника, в котором он представляет нам пассажи современной жизни.

Не ставя перед собой задачу полного обзора художественной жизни второй половины XX в., мы лишь очертили основные тенденции и имена в развитии изобразительного искусства. Во многом это служило фоном для обозначения достижений Анатолия Ивановича Миттова, чье творчество стало неким прорывом из хорошо налаженной, простой в управлении и удобной для достижения комфортного существования официальной системы. Он выполнил очень важную миссию, показав путь к подлинным целям искусства и возможность их реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1960-е гг. — принципиально важный период в развитии профессионального изобразительного искусства Чувашии. Относительная стабильность и однообразие в развитии чувашского искусства в течение первых десятилетий советского периода истории обеспечили возможность выхода на высокий профессиональный уровень всех его видов. Художники Чувашии, на наш взгляд, встали на одну ступень с мастерами официального искусства Советского Союза, что сделало возможным появление мастеров с ярким индивидуальным почерком.

Основа мировоззрения художников, начавших свой творческий путь в 1960-х гг., лежала в плоскости, требуемой идеологией Коммунистической партии и отвечающей, между прочим, самым гуманистическим требованиям. Они были воспитаны, взращены системой, сформированы в ней,

и многие искренне верили в незыблемость революционных идеалов. В реалистическом искусстве этого времени наивысшие достижения видим в творчестве живописцев, которые, следуя традициям демократического искусства второй половины XIX в., создавали произведения значительного гражданского содержания. Картины Николая Овчинникова, Виктора Немцева, Николая Карачарскова гармонично вписывались в пространство российского искусства и прославляли искусство Чувашии за ее пределами. Сегодня они являются великолепными образцами искусства соцреализма.

Мощное влияние «сурового стиля» привнесло остроту в официальное искусство. Художники искали правду жизни в будничных сюжетах, истинную красоту — в лицах старых крестьянок, духовное богатство — в образах «простых» людей. Однако вся правда жизни не вмещалась в это молодое направление. Тем более что пришло оно в чувашское искусство на десятилетие позднее после рождения в столице — лишь к концу 1960-х гг. К этому времени жизнь А.И. Миттова была уже на исходе и главные произведения были созданы, хотя и не показаны на выставках...

В поисках национального содержания и новой формы искусства рядом с Миттовым были в то время лишь Ю.А. Зайцев и В.И. Агеев, которые по-своему пытались приблизиться к решению этой проблемы. Открытие ими, а в первую очередь Миттовым, богатейшего пласта традиционной народной культуры было использовано художниками следующих поколений во всех видах искусства — живописцами, графиками, скульпторами. Сегодня такое явление, именуемое этнофутуризмом, получило в мире самое широкое распространение. В Чувашии оно представлено было в конце века Станиславом Михайловым (Юхтаром) и Георгием Фомиряковым. Архаичное культурное наследие чувашей в их творчестве преломляется сквозь призму современных проблем и творческих целей. Думается, оно неисчерпаемо.

В чувашской культуре Анатолий Миттов — уникальная и, пожалуй, самая трагическая фигура. Его искусство опередило время и во многом наметило пути его развития в последующих 1980—1990-х гг. В исследованиях последних лет были четко обозначены периоды его короткой жизни и главные новаторские достижения. Утвердилось неоспоримо важное место художника в истории чувашского искусства, хотя он и находился в своего рода «подполье» и изоляции. Именно такие художники, как А.И. Миттов, создав прецедент неформального искусства, выступили основной силой, изменившей художественную жизнь страны. Неимоверные усилия и достижения мастера уложились в короткие десять лет творческой жизни. Но, оглядываясь на XX в., видим, что произведения художника являются своеобразной вехой в развитии нашего искусства, вершиной в выражении менталитета чувашского народа. Во многом именно через его творчество познают сегодня «чувашский мир» иные народы и страны.

С именем Анатолия Ивановича Миттова мы связываем возникновение и установление принципиально важных моментов, способствующих глубокой перестройке изобразительного искусства Чувашии. Обозначим те достижения и особенности творчества Миттова, которые оказались важнейшими на пути его становления.

1. А.И. Миттовым впервые в изобразительном искусстве были поставлены вопросы самобытности национальной культуры родного народа и необходимости создания национальной школы.

2. Впервые в искусстве Чувашии творческая энергия художника была направлена на реконструкцию в своих произведениях уходящего «чувашского мира».

3. А.И. Миттовым была создана новая иконография, включившая в свой круг народные свадебные, похоронные обряды, хороводы, картины крестьянской жизни и труда.

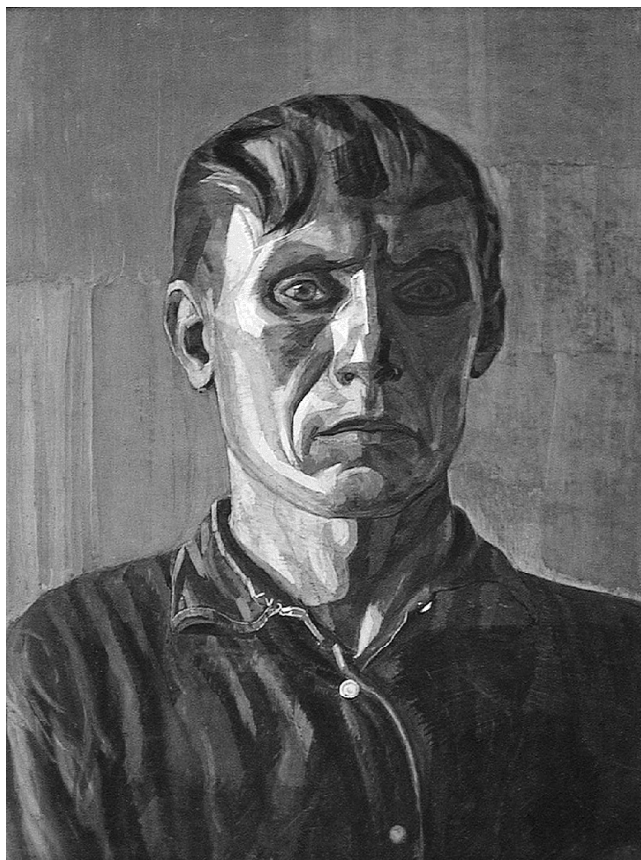
4. Пейзажный жанр также претерпел в творчестве А.И. Миттова значительную трансформацию, став символом «чувашского мира» в произведениях, посвященных чувашской старине, аллегорией жизненного пути человека — в последних графических сериях.

5. А.И. Миттову принадлежит создание остропсихологического портрета, в которых степень погружения в собственные переживания предельна.

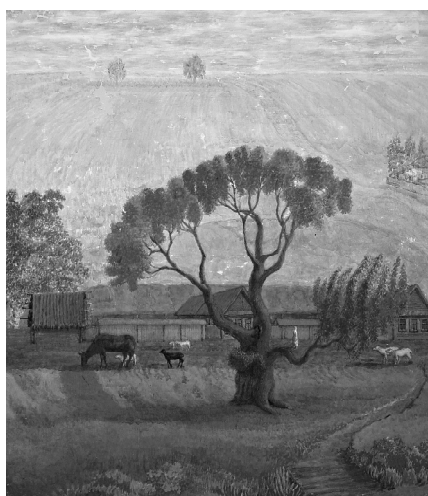
6. Одним из первых среди художников Чувашии А.И. Миттов приходит к осмыслению христианства.

Высочайшие творческие достижения Анатолия Ивановича Миттова со временем становятся все более очевидными. Этому способствовали важнейшие политические события в стране последних десятилетий XX в., которые предопределили грандиозные перемены в художественной жизни. После социальной перестройки общества десятилетиями сдерживаемая творческая энергия хлынула из мастерских. Произошли значительные изменения и в системе организации художественной жизни: рождались новые коммуникативные практики и институты, такие как частные галереи, аукционы, выставки-продажи, которые обеспечили функционирование искусства новых направлений.

К началу XXI в. открылись широкие пути для обновления изобразительного искусства, и оно вновь было ознаменовано поворотом к свободному творчеству. Большинство художников ушло от метода «соцреализма». Но подлинный реализм, сохранив изображение трехмерности мира, наполнился обостренным чувством современности и истории, ощущением причастности художника ко всему происходящему, интеллектуальным его осмыслением. Обновление искусства произошло вслед за рождением новых идей и новых имен, первым среди которых стоит имя Анатолия Миттова.

А.И. Митов.
Автопортрет. 1967 г.

Деревенский пейзаж к вечеру.
1968—1969 гг.

Жених и невеста с вороным конем.
1967—1969 гг.

Литература, источники и примечания

¹ См.: *Мордвинова А.И.* Миттов Анатолий Иванович // Чувашская энциклопедия. Т. 3. С. 103—104; *Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору: книга-альбом /* сост., науч. ред., вступ. ст. А.И. Мордвиновой. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 208 с.; *Мордвинова А.И.* Пространство пейзажа в произведениях А. Миттова // *Художник А. Миттов: Дорога в гору.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 161—169; *Её же.* Будущее не спешило ко мне... (А.И. Миттов) // *Мастера изобразительного искусства Чувашии.* Чебоксары, 2011. С. 197—206; *Её же.* Изобразительное искусство Чувашии на излете социалистического реализма // *Чувашский гуманитарный вестник.* 2013. № 8. С. 148—162; *Её же.* Творчество А.И. Миттова в контексте художественной культуры 1960-х гг. // *Художественные традиции и музей.* Вып. 2. Материалы музейной конференции «Заветы Миттова: Творчество А.И. Миттова и современные тенденции в искусстве Чувашии». Чебоксары, 2014. С. 9—26; и др.

² Выставка коллекции Александра Глезера. Каталог. М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1995. С. 9.

³ В списке А.И. Миттова упоминаются: *Эганбюри Эли* (Зданевич Илья). Наталия Гончарова. Михаил Ларионов. М.: изд. Ц. Мюнстер, 1913; *Иванов В.* Чюрленис и проблема синтеза искусств // Н.К. Чюрленис. Пг: Аполлон, 1914; *Лафорэ Ж.* Пьерро / рис. О. Бердслея. М., 1918; *Marillier H.C.* The Early Work Of Aubrey Beardsley. New York, 1967; *Kandinsky Wassily:* Unter autorisierter Benutzung der russischen Selbstbiographie. Dresden, 1920 г. а также несколько номеров журнала «мир искусства»; (1900, 1907 гг.) и др.

⁴ Реализм авангарда (Разговор с Сергеем Бирюковым) // *Айгу Г.* Разговор на расстоянии: статьи, эссе, беседы, стихи. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 282.

⁵ Энциклопедия живописи. URL:<http://painting.artyx.ru>.

⁶ *Каменский А.А.* Романтический монтаж. М.: Советский художник, 1989. С. 314.

⁷ Эти графические серии пока не стали предметом искусствоведческого изучения и анализа.

⁸ Несколько художников, учившихся в Высшем художественном училище Академии художеств в Петербурге или окончивших его до Октябрьской революции (А.А. Кокель, А.А. Александров, М.А. Адрианов), в силу жизненных обстоятельств не могли стать организаторами художественной жизни на родине. Состав изосекции, организованной в 1920 г., был очень слаб: возглавляемая М.С. Спиридоновым, она состояла лишь из нескольких человек, среди которых были художники и без специального образования.

⁹ Ныне Санкт-Петербургский академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Далее в тексте — Академия художеств.

¹⁰ Ныне Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А. Герасимова.

¹¹ С сожалением можно отметить, что в то время, когда в училище пришли Р.М. Ермалова и В.С. Гурин, привнесшие в художественное образование высокое академическое начало и строгость, А.И. Миттов был уже на старших курсах. Вероятно, отсутствие на первых курсах хорошей школы дало ему повод говорить о недостаточно хорошей подготовке к поступлению в институт. Тем не менее новая академическая система преподавания заложила в нем основы профессионализма.

¹² Дневники являются собственностью семьи художника.

¹³ *Воронов Н.В.* Изобразительное искусство Советской Чувашии. М.: Советский художник, 1980. С. 13.

¹⁴ *Малинин К.В.* А.И. Миттов и чувашское изобразительное искусство // *Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору.* С. 10.

¹⁵ Анатолий Иванович Миттов: воспоминания, стихотворения, очерки, художественно-критические статьи, дневниковые записи, рассказы, стихи художника. Чебоксары, 1990. С. 58—59.

¹⁶ *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. С. 113.

¹⁷ *Воронов Н.В.* Путь и судьба // Анатолий Иванович Миттов: воспоминания ... С. 6.

¹⁸ *Ерасов Б.С.* Самобытность // *Культурология, XX век: словарь.* СПб., 1997. С. 395.

¹⁹ Анатолий Иванович Миттов: воспоминания ... С. 19.

²⁰ *Воронов Н.В.* Путь и судьба // Анатолий Иванович Миттов: воспоминания ... С. 15.

²¹ *Айгу Г.Н.* Задумываясь о друге // Там же. С. 157.

²² Анатолий Иванович Миттов: воспоминания ... С. 143.

²³ *Малинин К.В.* Указ. соч. С. 18—19.

²⁴ Анатолий Иванович Миттов: воспоминания ... С. 170, 174.

²⁵ *Таллерова-Миттова О.В.* Мгновения — длиною в целую жизнь (страницы воспоминаний) // Анатолий Иванович Миттов: воспоминания ... С. 64.

²⁶ *Бушужева Л.И.* Васильев Александр Георгиевич // *Чувашская энциклопедия.* Чебоксары, 2006. Т. 1. С. 279.

СЕССИЯ 1

ДРЕВНОСТИ ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, Н.С. Мясников

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Оппоненты: М.И. Федулов, М.Ш. Галимова,
Д.Ю. Ефремова

ВВЕДЕНИЕ

Археологические памятники составляют значительную часть гуманитарного наследия человечества. Они занимают одно из ключевых мест в историческом познании и нередко являются единственными источниками, позволяющими пролить свет на тот или иной период развития человеческого сообщества. Особенно это актуально для изучения средневековой и древней истории.

Задача данного доклада — освещение основных вех в развитии чувашской археологии, оценка их итогов, отнесение актуальных научных проблем, требующих углубленного изучения.

Становление археологии Чувашского Поволжья как сравнительно молодой науки шло в русле развития российской и мировой археологии — от получения общего представления о прошлых эпохах до многомерных их качественных характеристик. Исследовательские задачи изменялись по мере накопления научных знаний о древности, совершенствования и появления новых методов археологии и

смежных научных дисциплин, изменения политической и экономической ситуации в стране.

В истории археологии Чувашского Поволжья можно выделить четыре этапа. Первый этап (середина XIX в. — 1920 г.) отмечен хаотичным собиранием древностей края. Второй этап (1921—1956 гг.) знаменуется началом систематических научных исследований. В этот период складываются первые представления о древних периодах истории края, о бытовавших здесь археологических культурах. Третий этап связан с созданием Чувашской археологической экспедиции и охватывает отрезок времени с 1956 по 1990-е гг., когда происходит интенсивное накопление археологических данных, ведется подготовка местных научных кадров. Перед археологами встает задача исследования этапов формирования чувашского народа. С рубежа XX—XXI вв. начинается четвертый, современный этап.

1. АРХЕОЛОГИЯ ЧУВАШИИ: ВЕХИ РАЗВИТИЯ

Первый этап. Это время разрозненных и бессистемных изысканий, когда был открыт и описан ряд памятников археологии. Первые сведения об археологических памятниках Чувашии появились во второй половине XIX в. в казанских периодических изданиях и в трудах Казанского статистического комитета¹. Созданное после 4-го Всероссийского археологического съезда в Казани (1877) Общество археологии, истории и этнографии (ОАИО) при Казанском университете сыграло на данном этапе главную роль в изучении объектов древности Поволжья. В «Известиях ОАИЭ» были изданы статьи по археологии Чувашии казанских ученых И.А. Износкова, А.А. Штукенберга, П.И. Кротова, М.М. Хомякова, а также местных исследователей В.К. Магницкого, И.Я. Зайцева, Н.А. Архангельского и И.Д. Никитина (Юркин)². Археологическое изучение края проводила и Симбирская губернская ученая архивная комиссия³. В фонды музеев Казани, Симбирска, Петербурга, Москвы, Хельсинки и др. попадали древние предметы из случайных находок и сборов, обнаруженных на территории Чувашии.

Согласно сохранившимся сведениям, имели место небольшие раскопки на позднесредневековом могильнике *Карилых* (*Карилӑх*) и курганах около д. Кадикасы (ныне Моргаушский район), а также на городище у д. Катергино (ныне Козловский район)⁴.

Второй этап. Научные экспедиции в 1921—1940-х гг. возглавили ученые, приглашенные из ведущих исследовательских центров страны (Ленинграда, Москвы, Казани), — В.Ф. Смолин, П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков, О.Н. Бадер, А.Я. Брюсов, М.С. Акимова, О.А. Кривцова-Гракова, А.П. Смирнов. Часть экспедиций была инициирована и организована Обществом изучения местного (Чувашского) края, Чувашским центральным (с 1937 г. краеведческим) музеем, ЧНИИ.

В 1926—1927 гг. проведенные Средневожской экспедицией ГАИМК (П.П. Ефименко) раскопки памятников каменного, бронзового века, раннего железного века, Средневековья и Нового времени позволили

наметить первую схему смены культур и эпох в Чувашии⁵. Изданные в 1948 г. в ЧНИИ книги П.Н. Третьякова и А.П. Смирнова явились первым обобщением и осмыслением археологии Чувашского Поволжья⁶.

Археологические исследования этого этапа ознаменовались открытиями мирового масштаба. Раскопки Абашевского*, а затем и других курганных могильников позволили описать неизвестную до этого культуру бронзового века, получившую название «абашевская». Раскопки Атликасинского кургана П.Н. Третьяковым (1930) положили начало изучению памятников фатьяновской (балановской) культуры. Изучение погребений Балановского могильника позволили О.Н. Бадеру выделить балановскую культуру. П.Д. Степанов открыл поселения балановской (фатьяновской) культуры.

Открыты и исследованы верхнепалеолитическая стоянка Уразлинская «Улянк», Яндашевская мезолитическая стоянка. Впервые раскопаны захоронения и поселения срубной культуры бронзового века в южных районах Чувашии. П.П. Ефименко, В.Ф. Смолин, П.Д. Степанов исследовали десятки городищ и селищ раннего железного века в Чувашии. Наиболее значимыми исследованиями памятников I тысячелетия н.э. явились раскопки древнемордовского Иваньковского могильника в Ядринском Посурье. Несмотря на огромный интерес к памятникам Волжской Болгарии, памятники X—XIV вв. исследовались слабо. В 1927 г. СВЭ ГАИМК разведочными раскопками исследовала Большетаябинское городище, а также несколько болгарских селищ. Лишь в 1948 г. А.П. Смирновым были проведены раскопки Большетаябинского городища и одновременного с ним могильника.

С первых экспедиций 1920-х гг. В.Ф. Смолин, П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков придавали большое значение исследованию могильников XVI—XVIII вв. Раскопаны десятки погребений в южных, северных и северо-восточных районах Чувашии, в том числе с сохранившимися на то время арабографичными надгробными камнями. В 1949—1950 гг. антрополог М.С. Акимова продолжила раскопки дохристианских могильников чувашей⁷. Селища, культурный слой городов, святилища, производственные объекты позднего Средневековья и Нового времени до 1956 г. в Чувашии практически не исследовались.

Вопросу этногенеза чувашей были посвящены сессии АН СССР и ЧНИИ (1950, 1956), где были выдвинуты концепции об автохтонном и болгарском происхождении чувашского народа. На сессиях была отмечена важность археологического изучения территории Чувашии и необходимость создания Чувашской археологической экспедиции (ЧАЭ)⁸.

Третий этап. Создание в 1956 г. Чувашской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова явилось переломным событием в развитии археологической науки в республике. Началось системное обследование территории. В первые четыре года работали по 3—4 отряда, каждый из которых специализировался на изучении определенной эпохи. Ре-

* Библиографию археологического изучения всех упоминаемых в работе памятников см.: Археологическая карта Чувашской Республики : в 3 т. Т. 1. Чебоксары, 2013. 304 с.; Т. 2. 2014. 312 с.; Т. 3. 2015. 367 с.

зультаты работ ЧАЭ оперативно публиковались в сборниках ЧНИИЯЛИЭ⁹, изданиях Института археологии АН СССР¹⁰. Первая половина 1960-х гг. ознаменовалась появлением крупных обобщающих работ: «Железный век Чувашского Поволжья» (А.П. Смирнов; М., 1961), «Балановский могильник» (О.Н. Бадер; М., 1963), «Происхождение чувашского народа» (В.Ф. Каховский; Чебоксары, 1963; 1965), «Городецкая культура» (А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова; М., 1965).

В этот период были проведены масштабные раскопки памятников абашевской, балановской и срубной культур, выявлены и изучены неизвестные до этого памятники поздняяковской и приказанской культур бронзового века. Проведены масштабные раскопки городищ и селищ РЖВ и раннего Средневековья (I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.). Все изученные городища Н.В. Трубникова и А.П. Смирнов относили к городецкой культуре. Открыты и исследованы могильники I тысячелетия до н.э., отнесенные к ананьинской культуре РЖВ, и древнемордовские захоронения I тысячелетия н.э.

Полевые исследования болгарских памятников стали целенаправленными. Отрядом ЧАЭ под руководством Г.А. Федорова-Давыдова проведены раскопки на Тигашевском и Большетаябинском городищах, открыты болгарские селища, изучены клады золотоордынских монет. В.Ф. Каховским исследованы десятки болгарских памятников, в том числе городище Хулаш в Татарстане¹¹. Не ослабевает интерес к дохристианским чувашским могильникам XVI—XVIII вв. Несколько сотен погребений этого времени изучены Н.В. Трубниковой, В.Ф. Каховским, Б.В. Каховским, Г.И. Дроздовой и др.

В конце 1960-х и в 1970-х гг. были проведены масштабные археологические раскопки в исторической части г. Чебоксары, которые перевернули сложившиеся до этого представления о ранней истории города и позволили говорить о его существовании на рубеже XIII—XIV вв. Материалы раскопок были опубликованы в монографии «Средневековые Чебоксары» (Ю.А. Краснов, В.Ф. Каховский; М., 1978).

Четвертый этап. Четвертый этап начинается с конца 1990-х гг., с экспедиций Чебоксарского отделения РАО и естественно-исторического общества «Terra incognita» и с создания в 2001 г. отдела археологии в ЧГИГН.

Основным отличием этого этапа стало целенаправленное изучение каменного века Чувашского Поволжья. Под руководством Н.С. Березиной на левобережье Волги было выявлено более 30 стоянок, проведены раскопки стоянок мезолита и энеолита. Открыта и исследована первая стоянка финального палеолита с каменными орудиями Шолма I. В 2006—2012 гг. в Алатырском Присурье совместной экспедицией археологов Чебоксар, Самары, Ульяновска, Пензы, Казани, Москвы открыто и исследовано раскопками более 20 памятников каменного века, энеолита, эпохи бронзы и Средневековья¹².

Памятники эпохи бронзы в эти годы изучались эпизодически. Работы предыдущих этапов заложили основу, которая позволила провести в Че-

боксарах международную научную конференцию, посвященную изучению абашевской культуры на современном этапе. Результатом стал сборник научных работ «Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие» (Чебоксары, 2003). Накопленные материалы позволили интернациональной группе археологов создать реестр всех известных на современном этапе каменных топоров балановской культуры, найденных на территории Чувашской Республики¹³.

Были открыты новые и изучены выявленные ранее памятники I тысячелетия н.э. древнемордовской культуры, именьковской культуры и так называемые «позднегородецкие» памятники севера Чувашского Поволжья.

Перед археологами встала задача исследования средневековых памятников, в том числе древнечувашских и болгарских, на современном уровне. Раскопками и археологическими разведками выявлены и исследованы селища домонгольского и золотоордынского периодов на территории республики и за ее пределами. Впервые археологи приступили к изучению культовых памятников: святилищ, киреметей, мест приношений.

2000-е гг. отмечены относительно масштабными охранными исследованиями культурного слоя в Чебоксарах. На Западном косогоре (бывшая территория Чебоксарского кремля) выявлен большой материал XIII—XIX вв., обнаружен древнейший некрополь погребений второй половины XVI—XVII в. Были проведены раскопки в г. Алатырь, где выявлены оборонительные сооружения, обнаружено место дома воеводы.

Важным достижением этого этапа стало широкое сотрудничество с археологами из соседних регионов, создание совместных проектов и экспедиций, проведение межрегиональных исследований.

Определенным итогом работы археологов на этом этапе стал выход в свет «Археологической карты Чувашской Республики», где опубликованы сведения о 3228 памятниках. Это первое издание энциклопедического характера, являющееся полным сводом археологического наследия республики.

За полуторавековую историю археологических работ в Чувашском Поволжье открыты и исследованы сотни памятников. Эта история отражена в работах В.Ф. Каховского, Б.В. Каховского, Е.П. Михайлова и др.¹⁴

2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

2.1. Археология каменного века

Археологические исследования, проводившиеся на территории Чувашии со второй половины XIX в., носили эпизодический характер. С началом научных исследований в 1920-х гг. перед археологами встала задача формирования представлений об археологических культурах, бытовавших на территории на разных этапах каменного века. Важнейшим открытием этого периода стали раскопки в 1927 г. под руководством П.П. Ефименко мезолитической стоянки у с. Яндашево. На долгие десятилетия Яндашев-

ская стоянка стала единственным изученным памятником мезолита в Чувашии и Среднем Поволжье. Эти материалы дали представления о кремневой индустрии периода, переходного от палеолита к мезолиту¹⁵.

Большое значение для археологии Чувашии и палеолитоведения России имели раскопки в 1936 г. Улянской палеолитической стоянки, которая являлась самой северной из всех известных к тому времени в Чувашии и самой восточной в европейской части СССР. Специалисты ГИМ А.Я. Брюсов и Г.А. Бонч-Осмоловский на глубине около 6 м обнаружили следы верхнепалеолитической стоянки — кострищный слой с многочисленными обломками костей древних животных. Каменных артефактов ими обнаружено не было. На основе изучения геологических условий исследования отнесли этот памятник к середине верхнего палеолита.

Обнаружение Улянской стоянки вызвало интерес в научной среде. В 1957 г. в Чувашию направляется палеолитический отряд Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.О. Бадера и В. Пушкарского, которым был пройден маршрут по рекам Аль, Норваш, Сугутка, Нижарка, Кубня, обнаружены кости четвертичных животных, но памятников палеолита не было найдено. Тем не менее, по мнению Н.О. Бадера, «обследованный район заслуживает большого внимания, т.к. из всех осмотренных пунктов здесь находки фауны особенно обильны и залегают в интересных стратиграфических условиях и вероятность наткнуться на остатки палеолитического времени в этом месте больше всего»¹⁶. Вопрос обнаружения и изучения памятников палеолита оставался открытым.

Представление о каменном веке края было расширено обнаружением новых памятников сплошными археологическими разведками 1960—1990-х гг. по берегам рек Волга, Сура, Малый и Большой Цивиль¹⁷. Однако эти работы носили разведочный характер. Без опорных, изученных раскопками памятников разведочные материалы не позволяли составить научную картину этого периода. Практически все открытые археологами памятники — более 30 стоянок неолита — были отнесены к балахнинской культуре. Последняя была выделена О.Н. Бадером и М.В. Воеводским в 1935 г. на основе нижнеокских материалов в окрестностях г. Балахна. А.Х. Халиков также относил средневожские памятники к ареалу распространения балахнинской культуры¹⁸. Работами В.П. Третьякова был выделен средневожский вариант памятников с ямочно-гребенчатой керамикой (в бассейне Волги, от Казани до Горького), отличающийся от балахнинских¹⁹. Признавая обширную территорию племен с ямочно-гребенчатой керамикой, однако большинство исследователей находит их культурное единство с центром в области льяловских племен в Волго-Окском междуречье²⁰.

С начала 2000-х гг. исследование памятников каменного века становится целенаправленным. В 2007—2012 гг. совместной экспедицией ЧГИГН и НЦАИ ИИ АН РТ (Н.С. Березина, М.Ш. Галимова) открыто и начато исследование финальнопалеолитической стоянки-мастерской Шолма I на р. Цивиль. Стоянка имеет уникальный характер по сохранности культурного слоя, приуроченного к погребенной почве потепления межледниковья

(13—11 тыс. лет назад), в которой сохранились костяные предметы. Найдено более 12 тыс. предметов, в том числе каменные орудия, обломки костей лошади (основного объекта охоты), бизона, северного оленя, зайца, бобра и др. Особенности каменной индустрии стоянки и основной объект охоты её населения (лошадь) позволили исследователям предположить схожесть ее с позднемезолитическими стоянками Среднего Дона — Северского Донца. Дальнейшая судьба этих охотников, вероятно, связана с усть-камской археологической культурой. Это позволило исследователям впервые получить достоверные сведения об эпохе первичного заселения человеком Среднего Поволжья, стратегиях и тактике его выживания и освоения им природных ресурсов.

Экспедицией под руководством Н.С. Березиной ведутся раскопки мезолитических стоянок Мукшумская X (2007), XIV (2001, 2008), XVIII (2003) и археологические разведки на левобережье Волги. Большая часть памятников — однослойные, с хорошо выраженным культурным слоем. Впервые удалось изучить планиграфию и конструктивные особенности, позволяющие реконструировать устройство жилища. Получены крупные коллекции каменных орудий. По углю из раскопок стоянки Мукшумская XVIII была получена радиоуглеродная дата $BP\ 8240 \pm 220$ л.н. (ГИН-13635 обр.). Исследователем отмечены основные характеристики каменной индустрии, отличающие ее: в технике первичного расщепления этих памятников преобладает отщеп, но высок процент орудий на пластинах; наличие серий шлифованных тесел, стамесок, долот, дублированных орудий, микроострий на пластинах с подретушевкой острия и общий мезолитический облик орудий. Была высказана точка зрения о культурном единстве с памятниками мезолита Марийского Поволжья, существовавшими в конце бореального — начале атлантического периода (VII тыс. до н.э.), что было подтверждено В.В. Никитиным, объединившим эти памятники в особую мезолитическую русско-луговскую культуру, занимавшую территорию Волго-Вятско-Ветлужского междуречья²¹. Недавними исследованиями ареал русско-луговской культуры был расширен. К ней отнесли вновь выявленные памятники мезолита Среднего Посурья, в том числе типологически выделенный комплекс орудий (нуклеусы, пластины, резцы ретушные, на сломе, сечения с ретушью, скребки, острия и др.) на многослойном поселении Утюж I²², стоянки Молёбное Озеро, памятники Ульяновского Поволжья (стоянка Ховринская)²³.

В исследовании мезолита Чувашского Поволжья остаются вопросы культурной интерпретации части памятников (стоянка Мукшумская XIX) с преобладанием микропластинчатого кремневого комплекса, вероятно относящихся к камской мезолитической культуре, и комплексов с геометрическими микролитами (вероятнее всего, это связано с южными импульсами). Выделенная недавно на материалах Марийско-Чувашского Поволжья русско-луговская культура позднего мезолита требует дальнейшей разработки социально-экономических и экологических особенностей, материальной культуры, сравнительного анализа каменной индустрии, раз-

работки внутренней хронологии. Хронологические рамки существования культуры необходимо подтвердить серией радиоуглеродных дат.

Масштабные археологические раскопки в Среднем Посурье совместной археологической экспедиции в 2006—2012 гг. позволили заложить основы культурно-хронологической характеристики неолита Чувашского Поволжья²⁴. Впервые получены материалы ранне-неолитического времени елшанской культуры (стоянки Вьюново Озеро I, Утюж I): зафиксированы следы жилища, найдены керамика и кремневые орудия²⁵. Характеристика керамических комплексов (илистая глина в качестве пластического сырья, тонкостенность, заглаженность, остродонность, S-видная профилировка, сквозные отверстия по горловине, своеобразии кремневого инвентаря) сближает их с памятниками лесостепного Поволжья, но с отличиями (отсутствие «жемчужин», прочерченных линий и др.). Исследователями отмечено, что преемственность между поздне-мезолитическими и ранне-неолитическими комплексами не прослеживается. По серии полученных радиоуглеродных дат подчёркивается, что елшанская керамическая традиция существует в Среднем Посурье с последней трети VI до середины V тысячелетия до н.э. Вопросы генезиса и развития елшанской традиции и связанных с ней процессов неолитизации в регионе находятся в стадии активной научной дискуссии и не решены²⁶. Возможно, продолжением этой традиции являются комплексы, представленные залощенными прямо-стенными неорнаментированными сосудами с плоским дном, зафиксированные на ранне-неолитических стоянках в Среднем Посурье и на чувашско-марийском левобережье Волги.

На большинстве исследованных памятников Посурья и Поволжья выделены ранне-неолитические комплексы с накольчатым орнаментом. Получены радиоуглеродные даты (вторая половина V тыс. до н.э.)²⁷. Исследователи отмечают в ранне-неолитических комплексах близкие параллели как с лесостепным Подоньем (сурская культура) и Поволжьем, так и с Марийским Поволжьем и Примокшаньем. Отмечены контакты с льяловскими племенами, выраженные в синкретической накольчато-ямочной орнаментации. Также отмечены немногочисленные находки фрагментов с гребенчатой орнаментацией в традиции камской археологической культуры, находящей аналогии в примокшанских древностях, орнаментальный «шахматный» мотив имеет аналогии в материалах с устья Камы и верховий Суры, что маркирует сложные процессы передвижения групп носителей гребенчатых традиций в восточном направлении с рубежа V тысячелетия до н.э. до более позднего времени. Обнаружение сосудов с гребенчатым орнаментом и так называемым «воротничком» отражает взаимодействие с населением лесостепных районов, в том числе нижнедонской культуры.

В 2000-х гг. было продолжено изучение племен с ямочно-гребенчатой керамикой льяловской культуры. На памятниках утюжского региона было исследовано несколько поселений с остатками жилищ и представительными комплексами ямочно-гребенчатой керамики (Утюж I, Вьюново Озеро I, II, Черненькое Озеро II и III и др.). Эта керамика характеризуется простыми

орнаментальными мотивами²⁸ и датируется первой половиной IV тысячелетия до н.э. Она находит аналогии в ранних комплексах льяловской керамики Чувашско-Марийского Поволжья и отчасти Примокшанья. Это указывает на исходный район ее появления в Среднем Посурье.

В период развитого неолита в Чувашском Поволжье зафиксированы миграционные импульсы носителей лесостепных энеолитических традиций, влияние которых на местное неолитическое население пока еще слабо изучено. На Утюже I исследовано самое северное на сегодняшний момент поселение хвалынской культуры, которая распространена в степном и лесостепном Поволжье в V—IV тысячелетиях до н.э.²⁹, с характерным набором каменных изделий (крупные пластины усиленного отжима, типичные скребки и острия на массивных сколах, мелкие пластины-вкладыши, а также несколько наконечников кельтеминарского типа и др.) и керамики. Было доказано, что это поселение существовало до льяловского, в первой четверти IV тысячелетия до н.э. Возможное сосуществование и контакты этих племен маркируют сосуды с венчиками с воротничковым утолщением на льяловской керамике. Было высказано мнение, что в неолите р. Сура являлась своеобразным коридором, по которому происходили передвижения носителей разных культурных традиций. На левобережье Волги (стоянка Мукшумская V) выделен энеолитический комплекс керамики токсского типа самарской культуры (последняя треть IV тыс. до н.э.), характерный для бассейнов р. Сок Самарской области и р. Ток Оренбургской области³⁰. Исследователями отмечается их влияние на более поздние энеолитические культуры Волго-Камья³¹. Вместе с тем справедливы замечания о хронологической несостыковке культур³².

Плохо изученным остается до сих пор финал неолита. На среднесурских памятниках (Утюж I, V, Утюжский Бугор) обнаружены немногочисленные фрагменты керамики красномостовской и новоильинской культур. Красномостовская культура, выделенная В.В. Никитиным, складывается в конце IV тысячелетия до н.э. на базе льяловской и при участии камской культуры и является основой для средневожской волосовской культуры энеолита³³. Новоильинская культура, распространенная в основном в Волго-Камье, имеет черты (примесь раковины в тесте и др.), свидетельствующие об устойчивых контактах с энеолитическим населением лесостепи. Обнаружение предметов новоильинской культуры говорит о его возможном участии в формировании энеолитических культур.

2.2. Археология энеолита (медно-каменный век)

В течение длительного времени памятники энеолита на территории Чувашского Поволжья не фиксировались. Впервые они были отмечены в 1967 г. В.Ф. Каховским на многослойном (исследованы стоянка и погребения) Челкасинском (Синьял-Яушском) комплексе памятников на р. Большой Цивиль в Вурнарском районе, отнесенных им к волосовской культуре. В.В. Никитин позднее не подтвердил такую интерпретацию. Необходим пересмотр культурно-хронологической оценки этого памятника.

В 1968, 1970, 1973 гг. марийские археологи Г.А. Архипов и В.В. Никитин исследовали Уржумкинское поселение (Мариинско-Посадский район), открытое П.П. Старостиним в ходе разведки 1960 г. Были исследованы 4 жилища, соединенные между собой переходами, получен богатый вещевой материал с выразительными следами обработки меди³⁴ (отнесен исследователями к позднему этапу волосовской культуры³⁵).

В.В. Никитин происхождение волосовской культуры Среднего Поволжья связывал с позднебалахнинскими племенами при участии волго-камского населения и, возможно, при опосредованном участии носителей накольчатой традиции³⁶. С появлением новых материалов, полученных работами археологов (О.Н. Бадер, В.П. Третьяков, А.Х. Халиков, Д.А. Крайнов, И.К. Цветкова, В.В. Никитин и др.) в лесной полосе Восточной Европы стала вырисовываться обширная волосовская историко-культурная общность эпохи энеолита.

В начале XXI в. были открыты новые памятники энеолита в Чувашии: на левобережье Волги (селище-городище Чебоксарский Городок, Мукшумские стоянки V, XXV, XXVI, XXX, Линевые стоянки II—V), Новая Деревня (в Цивильском районе) и в Посурье (поселение Заячий Городок, стоянки Утюж I, V, Китай-озеро, святилище Утюжский Бугор, поселение и городище Подборное Озеро). На изученной раскопками в 2005 г. стоянке Новая Деревня на р. Цивиль изучены жилища и выделены керамические комплексы развитого и так называемого пережиточного (выжумский тип) этапов волосовской культуры позднеэнеолитического времени. Последняя группа имеет сосуды с высокой горловиной, выделенным внутренним ребром, пористое тесто и, вероятно, южные средне-стоговские истоки. В состав каменного инвентаря стоянки входят кварцитовые орудия. Эта черта также характерна для памятников среднестоговской и иванобугорской культур, что отражает лесостепные компоненты в формировании энеолитических культур.

В энеолите Среднего Присурья отмечены ранневолосовские древности (Утюж I, Черненькое Озеро III), имеющие сходство со средневолжскими³⁷ (по орнаментации) и примокшанскими³⁸ (примеси раковины в тесте) материалами. Исследованы поселения развитого и позднего периодов энеолита (Утюж III (Стемасы), V, Утюжский Бугор, Китай-озеро). Поселения имеют долговременный характер, с выраженными остатками построек, иногда соединенных друг с другом. На памятниках позднего этапа развития волосовской традиции исследователи фиксируют черты южных лесостепных культур. Исследован крупнейший, известный в Восточной Европе культовый памятник эпохи энеолита — Утюжский Бугор (2010, 2011), содержащий костыше и культовое сооружение, где происходило сжигание жертвенных животных (медведей). Культовые объекты с костями медведей известны на памятниках волосовской культуры, однако меньшие по размеру, числу жертвенных особей, здесь впервые отмечено крупное наземное сооружение. На памятнике обнаружена керамика волосовской культуры, представленная ранним и развитым этапами ее существования.

Вероятнее всего, жертвенный комплекс являлся культовым центром и могильником (?) большой группы родственных племен восточной части ареала волосовской культуры на протяжении нескольких столетий.

Исследования памятников энеолита Чувашского Поволжья определили общую характеристику этого периода и научные проблемы. Памятники позднего неолита изучены плохо, что затрудняет изучение генезиса волосовской культуры. Имеющиеся материалы показывают культурную неоднородность и специфику энеолита. Отмечены контакты носителей южных лесостепных традиций самарской (чекалинский и токский типы), хвальинской и алтатинской культур с носителями красномостовской и новоильинской культур, и это, по мнению А.И. Королева, подтверждает, что в последней трети IV тысячелетия до н.э. на обширной территории лесостепи Волго-Камья складывается культурная общность (пока не получила определенности)³⁹. На финальноэнеолитических памятниках Чувашского Поволжья отмечены контакты с балановскими племенами эпохи бронзы.

2.3. Археология бронзового века

Курганы — памятники эпохи бронзы — с давних пор привлекали внимание. Появление курганов чуваша связывали с легендарным великаном Улыпом, иногда — с реальными историческими событиями: походами Ивана Грозного, восстаниями С. Разина и Е. Пугачёва. Поэтому курганы начали фиксироваться еще с середины — второй половины XIX в. Первооткрывателями множества курганов и отдельных находок были В.К. Магницкий и Н.А. Архангельский. Особенно много предметов эпохи бронзы оказалось в коллекции казанского предпринимателя В.И. Заусайлова, ныне хранящейся в Музейном ведомстве Финляндии. До 1917 г. курганы раскапывались только кладоискателями⁴⁰.

Новый этап в развитии археологии начался в 1921 г., когда были проведены первые научные исследования курганов у с. Абашево Чебоксарского уезда экспедицией под руководством В.Ф. Смолина. Была открыта новая страница в изучении неизвестной доселе яркой культуры бронзового века, получившей затем название «абашевская» (1925). В.Ф. Смолину удалось увидеть оригинальность материалов исследованного могильника и верно датировать его II тысячелетием до н.э., отметив, что абашевская археологическая культура формировалась под влиянием юга, а именно Кавказа⁴¹. Подробнее охарактеризовать памятники типа абашевских позволили масштабные раскопки П.П. Ефименко в 1926—1927 гг.⁴² К выделенной абашевской культуре были отнесены и другие курганы, исследованные в эти годы В.Ф. Смолиным. В 1940—1950-х гг. абашевские курганные древности изучались О.А. Кривцовой-Граковой и М.С. Акимовой. На данном этапе абашевские материалы были известны только в Чувашской АССР, и О.А. Кривцова-Гракова делала вывод о сложении абашевцев в Среднем Поволжье на основе балановских (фатьяновских) племен⁴³.

Раскопки под руководством П.Н. Третьякова (1930) кургана у д. Агликасы (Ядринский район) впервые выявили материалы, отнесенные к фать-

яновской культуре. Атликасинский курган был определен как более ранний, чем абашевские Алгашинские курганы, и установлена близость кургана у д. Атликасы к фатьяновским памятникам⁴⁴. Позднее, рассматривая соотношение фатьяновских и абашевских памятников, П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков считали, что, непродолжительно сосуществуя, одна культура сменялась другой. Одновременными с абашевской культурой они считали срубную и поздняяковскую, памятники сейминского типа, отмечая близость и катакомбной культуры.

В 1930—1950-е гг. под руководством О.Н. Бадера были проведены раскопки Балановского грунтового могильника (Козловский район), выявившие богатство и своеобразие его материалов, что позволило О.Н. Бадеру описать новую балановскую культуру, родственную фатьяновской, известной к западу, в Волго-Окском междуречье⁴⁵. Позднее в обобщающей работе культура датирована концом III — началом II тысячелетия до н.э., отмечен ее пришлый характер, антропологическое отличие от фатьяновского населения и близость состава металла с культурами Центральной и Южной Европы⁴⁶. Однако на этом этапе не все исследователи признавали ее выделение. Так, О.А. Кривцова-Гракова рассматривала отдельную чувашскую группу единой фатьяновской культуры (наряду с московской и ярославской), отметив, что она наиболее поздняя⁴⁷. В 1940—1950-х гг. большой вклад в изучение балановской культуры внёс П.Д. Степанов. Под наслоениями городищ I тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э. ему удалось открыть поселенческие памятники, что позволило опровергнуть точку зрения о кочевом быте балановского населения. Знаковыми стали раскопки П.Д. Степанова на Изванкинском городище «Хула сюч» и городище Ош-Пандо на границе с Чувашией в Мордовском Посурье, что позволило выявить оригинальный позднебалановский культурный комплекс. Уникальным представляется и обнаруженное им же у д. Тури-Выла культовое (жертвенное) место (могильник?) Хонки-Сёт со следами трупожжения — памятник фатьяновской (балановской) культуры⁴⁸.

Уже раскопки П.П. Ефименко (1927) в южных степных районах в с. Новое Байбатырево (Яльчикский район) двух курганов и поселения впервые выявили материалы иного культурного круга. Исследователь подчеркнул их своеобразие и отличие от курганов севера ЧАССР в погребальном обряде и инвентаре и отнес к «срубным погребениям юга»⁴⁹ (срубная культура была выделена В.А. Городцовым в 1905 г.). Работы на курганах срубной эпохи были продолжены в 1940—1950-х гг. (О.А. Кривцова-Гракова и М.С. Акимова). Итоги работ по исследованиям срубных древностей были подведены О.А. Кривцовой-Граковой, которая наметила периодизацию развития культуры (срубный этап — XVI—XIII вв. до н.э. и хвалынский — XIII—VIII вв. до н.э.) и подчеркнула, что территорией ее формирования является Нижнее Заволжье, откуда срубные племена двигались в западном направлении⁵⁰.

Следующий этап в изучении культур бронзового века Чувашского Поволжья начался с образования ЧАЭ в 1956 г. Исследованиями курганов

и поселений эпохи бронзы занялся отряд под руководством Н.Я. Мерперта. Большую роль на этом этапе сыграли работы О.Н. Бадера, В.Ф. Каховского и Б.В. Каховского.

Исследования абашевских курганов в 1957—1958 гг. под руководством Н.Я. Мерперта позволили значительно уточнить сведения об абашевском погребальном обряде: зафиксированы сложные деревянные сооружения, ограды, жертвенники, отмечена большая роль огня в обряде⁵¹. Подтверждены наблюдения Н.Ф. Калинина о неодновременности насыпей курганов над погребениями и неоднократной подсыпке насыпей⁵². Н.Я. Мерперт синхронизировал могильник Пикшик с Сейминским могильником (середина XVI — середина XV в. до н.э.), наметив перспективное направление работы — выяснение хронологического соотношения с памятниками сейминско-турбинского типа. Н.Я. Мерперт и В.Ф. Каховский считали, что абашевская культура образовалась благодаря контактам носителей срубной и фатьяновской культур. В то же время была отмечена близость абашевской и среднеднепровской культур⁵³. В конце 1950 — начале 1960-х гг. ареал средневожской абашевской культуры расширился за счет памятников Татарии и Марийской АССР. Значительное накопление источниковой базы относится к 1980-м гг., когда Б.В. Каховским было раскопано несколько абашевских курганных могильников. Работы А.Х. Халикова, К.В. Сальникова, А.Д. Пряхина, В.С. Горбунова, О.В. Кузьминой, С.В. Большова и др. выявили памятники абашевской культуры за пределами Средневожского региона. В результате все они были объединены в культурно-историческую область, состоящую из трех локальных вариантов — доно-вожской, средневожской и южноуральской культур. Это позволило по-новому взглянуть на их генезис: появились концепции, связывающие их с ямной культурой и культурой шнуровой керамики. Особо следует отметить изучение абашевского металла Е.Н. Черных, который отметил его близость к турбинскому и баланбашскому. Абсолютные даты абашевской культуры были обозначены в широких рамках — от XVII в. до н.э. и даже до начала I тысячелетия до н.э. Причем у разных исследователей сильно отличается и диапазон их бытования в регионе. В свете открытия других локальных вариантов абашевской культурно-исторической общности встал вопрос об их соотношении. Для средневожской абашевской культуры были высказаны мнения как о её более ранней и поздней хронологической позиции, так и об одновременном существовании абашевских памятников в разных регионах. На данном этапе были высказаны предположения о широком участии абашевского населения в этнокультурных процессах эпохи бронзы* в Волго-Камье, хотя отдельные исследователи считали его пребывание в Среднем Поволжье кратковременным⁵⁴.

В 1959 г. Н.Я. Мерперт исследовал также три кургана срубной культуры у д. Уразмаметево (Яльчикский район), датировав их XVI — началом XV в. до н.э. Именно Н.Я. Мерперт заложил основы нового подхода к курган-

* Например, А.П. Смирнов полагал, что абашевское население могло повлиять на культуру населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа.

ным древностям Среднего Поволжья, рассматривая детальную характеристику погребального обряда и инвентаря. Он же является автором концепции о срубной культурно-исторической области⁵⁵. Свою периодизацию срубной культуры предложил А.Х. Халиков (1969): XV—XIV вв. до н.э.; XIII—XII вв. до н.э. На первом этапе, по его мнению, срубные племена достигли рек Алатырь и Кубня — крайних северо-западных территорий своего распространения, на втором происходят их взаимодействие с поздняяковским и приказанским населением⁵⁶.

В 1956—1980 гг. было исследовано множество балановских древностей. Особо можно отметить исследование В.Ф. Каховским Чурачикского кургана (Цивильский район), с захоронением литейщика с литейными формами для отливки топора, самими топорами и другим инвентарем. По мнению исследователей, эти материалы близки к фатьяновскому погребению из Волосово-Даниловского и абашевского Пепкинского кургана, что отражает стадийный характер распространения захоронений литейщиков в культурах бронзы Евразии⁵⁷. Выделение новой балановской культуры вызвало научную дискуссию. Часть исследователей поддержала выделение самостоятельной культуры (А.Х. Халиков), другие относили ее к единой фатьяновско-балановской общности (О.В. Гадзяцкая), третьи — к локальному варианту фатьяновской КИО (сурско-свияжская группа) (Д.А. Крайнов). Важными на этом этапе стали труды О.Н. Бадера, А.Х. Халикова, Д.А. Крайнова, в которых были разработаны вопросы происхождения, хронологии и периодизации балановской культуры. Были выделены четыре этапа существования культуры: балановский (первая половина II тыс. до н.э.), атликасинский (XV—XIV вв. до н.э.), ош-пандинский (XIII—XII вв. до н.э.), хуласюцкий (XI—IX вв. до н.э.)⁵⁸. Определены направления миграций культуры боевых топоров и шаровидных амфор, к которым отнесли балановскую — с юго-запада к Среднему Поволжью, высказано предположение о ее связи со среднеднепровской культурой. Были поставлены вопросы о немирных контактах балановского населения с абашевским (с этим О.Н. Бадер связывал миграцию носителей балановской культуры на запад к Оке и переселение их на труднодоступные мысы в конце балановского этапа)⁵⁹.

Исследования конца 1950-х гг. выявили на территории Марий Эл оригинальные древности, названные чирковско-сейминскими (А.Х. Халиков) и представляющие собой процесс смешения поздневолосовских, балановских и западносибирских групп с «валиковой» посудой, связанных с сейминско-турбинскими традициями. Отнесение А.Х. Халиковым к данному культурному образованию некоторых опорных сейминских памятников не было принято другими исследователями. Был прослежен процесс складывания культуры от первых контактов до полного смешения традиций. Время существования вновь выделенной культуры опиралось на хронологию балановской и было определено с XVI по IX в. до н.э. Мнение об этнической принадлежности чирковско-сейминского населения зависело от того, какой компонент считался в ней преобладающим: волосовский (фин-

ноязычный) или балановский (индоевропейский?). Было также высказано предположение о принадлежности чирковско-сейминских поселений к абашевским, что встретило острую критику. Относительно исторической судьбы культуры высказывались предположения об участии чирковско-сейминского населения в культурогенезе Западной Сибири и Северного Приуралья⁶⁰.

Важным является исследование поселения Саушкино у д. Никитино (Ядринский район), на левом берегу Суры. В ходе работ Чебоксарской экспедиции (1969—1970) выявлены два полуземляночных жилища эпохи бронзы с керамикой, близкой к срубной культуре, в которой отмечены и местные волосовские, и балановские (хуласючские) черты. По предположению, поселение оставлено группой срубных племён, проникших на север по Суре и смешавшихся с местным населением. Здесь впервые на территории Чувашии отмечена керамика поздняяковской культуры⁶¹.

Во время раскопок Н.В. Трубниковой (1955—1957) на Криушинской дюне (Козловский район) в нижних слоях отмечены находки, отнесенные ею к приказанской культуре⁶², выделенной накануне Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым в Казанском Поволжье (1954). Позже А.Х. Халиков отнес к этой культуре Яндашевские поселения I и II (Чебоксарский район) и еще 10 памятников, расположенных на Нижнем Цивиле и вдоль волжского правобережья Чувашии. Находки очковидной подвески и височного кольца на Криушской дюне он связывал с позднеприказанским могильником⁶³. Сформулированные им основные положения характеристики позднебронзового века в Среднем Поволжье были актуальны до конца 1980-х гг. Время ее существования было определено XVI—IX вв. до н.э. и разделено на четыре периода. Генезис культуры связывался с восточными группами волосовской КИО при влиянии абашевско-покровских племен. Этническая принадлежность носителей приказанской культуры определялась как финноязычная⁶⁴.

Одним из сложных вопросов является интерпретация комплексов позднего бронзового века с текстильной и смешанной текстильно-приказанской керамикой. А.Х. Халиков считал, что последние относятся к приказанской культуре, которая на западе своего ареала испытывала влияние поздняяковского населения, В.С. Патрушев отнес их к формирующейся ахмыловской культуре, С.В. Кузьминых и некоторые другие исследователи — к двум самостоятельным культурам: позднеприказанской (маклашевской) и культуре текстильной керамики (КТК). На данном этапе появление текстильной керамики в крае датировалось рубежом II—I тысячелетий до н.э. Признавалось влияние приказанских и текстильных древностей на формирование ананьинской КИО⁶⁵.

Современный этап характеризуется критическим пересмотром взглядов 1960—1980 гг. на процессы культурогенеза эпохи бронзы в Волго-Камье.

Одна из наиболее сложных проблем — «абашевская». Из современных проблем абашевоведения центральное место занимает хронологическая,

и намечается тенденция удревнения абашевской КИО в досейминское время (XVIII—XVII вв. до н.э.). Все более распространяется взгляд на нее как на часть шнурового мира. Актуальными и неразработанными остаются вопросы хронологии и периодизации (вариант внутренней периодизации был предложен С.В. Большовым) как всей абашевской КИО в целом, так и соотношения ее локальных вариантов. Существует несколько взаимоисключающих гипотез относительно роли абашевцев в культурогенетических процессах Волго-Камья — об их достаточно длительном пребывании в регионе и участии в движении на Оку вместе с носителями сейминско-турбинских традиций и культурогенезе на Южном Урале или об их небольшом влиянии и кратковременном присутствии⁶⁶. Полное введение в научный оборот материалов раскопок абашевских памятников Чувашии на современном уровне помогло бы решить давний вопрос о соотношении правобережных и волго-вятских памятников абашевской культуры. Актуальной проблемой остается и поиск абашевских поселений в Среднем Поволжье.

Важный этап наступил в изучении балановских древностей. В 2004 г. П.М. Кожин выделил атликасинский этап балановской культуры в самостоятельную культуру, синхронную балановской, обосновав это существенными различиями в погребальном обряде и керамике⁶⁷. Это предложение поддержали Б.С. Соловьев⁶⁸, С.В. Большов⁶⁹ и др. В этой связи представляют интерес исследования синкретических памятников атликасинско-балановского облика типа Аблязовского кургана (2011). Также были получены калиброванные даты для балановских памятников Средней Оки (XXIII—XXI вв. до н.э.), подтверждающая общую тенденцию удревнения памятников средней бронзы лесной полосы Восточной Европы. В связи с этим актуальным является вопрос уточнения периодизации балановской культуры О.Н. Бадера, А.Х. Халикова, в частности абсолютной хронологии первых этапов. Нуждается в дополнительном исследовании вопрос о соотношении раннебалановских/атликасинских материалов и поздних ош-пандинских/хуласючских. Поздний этап балановской культуры является отдельной недостаточно изученной темой, напрямую связанной с территорией Чувашского Поволжья. Остаются актуальными вопросы взаимосвязи балановского и местного позднеэнеолитического населения, а также их вероятных контактов с носителями абашевской культуры на раннем этапе (Галанкина Гора). Памятники типа Галанкиной Горы отмечены и в Чувашском Заволжье: Чебоксарский Городок, Линевое II, III, в которых присутствует поздневолосовская и балановская керамика в чистом, несмешанном виде. Ключом к выяснению проблем балановской культуры станет публикация старых материалов эталонных памятников (Балановский могильник, Атликасинские курганы и др.) по погребальным комплексам с использованием современных подходов.

В целом, произошло утверждение термина «чирковская культура», хотя С.В. Большов продолжает связывать ее с сейминско-турбинскими древностями и отрицает связь с балановскими⁷⁰. Не решены вопросы происхож-

дения, развития и финала чирковской культуры, складывавшейся и развивавшейся в том числе и на территории Чувашского Поволжья (обнаружено поселение Заячий Городок в Алатырском Посурье). В последнее время указанные древности выявлены также в Примокшанье, и было высказано предположение об их связи с иванобугорскими⁷¹, что позволяет уйти от взгляда на чирковскую культуру как на локальное явление Марийско-Казанского Поволжья. Вероятно, взаимодействие носителей волосовской и балановской/фатьяновской культур на разных территориях имело свою специфику. Неясна связь чирковской культуры с древностями РЖВ, хотя исследователями обосновывается ее существование до рубежа II—I тысячелетий до н.э.

Современный этап изучения срубных древностей предполагает ревизию их единства. Идет разработка концепции об отдельных культурах и ареалах в рамках срубной КИО. Так, согласно В.В. Отрошенко и др., памятники Среднего Поволжья могут быть отнесены к покровской или «покровско-мосоловской срубной культуре» (в частности, ко второму периоду развития (XVI—XV вв. до н.э.) относится Уразмаматовский курган), а Э.С. Шарафутдинова выделила северо-восточный ареал общности, характеризующийся северной ориентацией костяков и гребенчатой орнаментацией острорёберных сосудов, куда входят и памятники Среднего Поволжья. Генезис срубной общности связывается с территориями восточноевропейской степи и лесостепи (Дон, Приуралье), а культурно — с абашевскими, покровскими, иногда синташтинскими и другими компонентами. Загадочным выглядит финал срубных древностей северо-восточного ареала. В этот период исследователи констатируют необъяснимый факт резкого сокращения численности памятников на рубеже XV—XIV вв. до н.э. (возможно, связанный с перенаселением и экологическим кризисом) и проникновения на их территорию племен-носителей приказанской, федоровской и черкаскульской культур⁷². Очень важны вопросы взаимосвязи срубных племен с местным населением. В материалах некоторых памятников Чувашии (Тигашевский курган, Малотугаевский курган⁷³) заметны черты как срубной, так и поздняяковской и приказанской (луговской) культур. В этой связи необходим пересмотр датировок и этнокультурных особенностей срубных памятников Чувашского Поволжья, уточнение времени их появления.

Вопросы генезиса и развития приказанских древностей в современной науке являются предметом острых дискуссий. Происходит пересмотр концепции приказанской культуры А.Х. Халикова. Из общего массива выделено несколько самостоятельных культур. Памятники балымско-карташихинского этапа и лесостепные памятники Заволжья так называемой сусканской группы объединены в луговскую культуру (XIV—XIII вв. до н.э.)⁷⁴. Памятники финальной бронзы атабаевского и маклашеевского этапов выделены в единую маклашеевскую культуру с одноименными этапами (в целом, XIV—IX вв. до н.э.)⁷⁵. Однако это не решило вопроса интерпретации материалов займищенского этапа приказанской культуры

(XVI—XV вв. до н.э.)⁷⁶. Материалы Криушской дюны А.Х. Халиковым были отнесены к займищенскому этапу, и соответственно в новых исследованиях они отнесены к займищенскому типу. Впрочем, остаются исследователи, не признавшие ревизию приказанской культуры и отмечающие «полную неразбериху» на этнокультурной карте Волго-Камья эпохи поздней бронзы (Б.С. Соловьев). Продолжается дискуссия относительно принадлежности и датировки комплексов с «текстильной» керамикой (выделение КТК и «ахмыловской культуры»)⁷⁷. Тем не менее представления о памятниках поздней и финальной бронзы в последнее время изменились, однако материалы Чувашского Поволжья не были пересмотрены и проанализированы на современном уровне знаний.

2.4. Археология раннего железного века и I тысячелетия н.э.

Древности Чувашского края раннего железного века и I тысячелетия н.э. (до конца эпохи Великого переселения народов) (VII в.) регулярно становились объектом более или менее подробного изучения местными краеведами и учеными Москвы, Казани, Симбирска с середины XIX в.⁷⁸ Работа исследователей в этот период сводилась к учету и описанию внешних признаков памятников, в первую очередь городищ, так как они выделялись на местности и были хорошо известны местным жителям. Интерпретация и датировка большинства памятников основывались на легендарных сведениях или данных поздних письменных источников, что заставляло относить их к позднему Средневековью и даже к Новому времени.

С рубежа XIX—XX вв. древности региона стали привлекать внимание профессиональных столичных археологов, которые включали их в обширную область распространения городищ «дьякова типа» (VI—VIII вв. н.э.)⁷⁹. Важным стало выделение в 1900 г. В.А. Городцовым из массы памятников данного типа в Волго-Окском междуречье городищ «городецкой культуры»⁸⁰. На смежной территории Нижегородского Посурья были изучены Сергачские могильники, датированные исследователями в пределах V—VI и VII—VIII вв.⁸¹ и отнесенные к памятникам «кошибеева типа»⁸². На Каме и Вятке выделяют так называемые «костеносные» городища, которые благодаря исследованиям П.А. Пономарева, Д.Н. Анучина, А.А. Спицына начали соотносить с могильниками «ананьинского» типа, а А.М. Тальгрэн и М.Г. Худяков с 1920-х гг. уже использовали термин «ананьинская культура»⁸³.

Новый этап развития археологии относится к 1920—1930 гг., когда на территории Чувашского края были проведены широкомасштабные исследования силами нескольких крупных комплексных экспедиций под руководством ведущих столичных ученых П.П. Ефименко (1926—1927) и П.Н. Третьякова (1930). Были исследованы важнейшие памятники раннего железного века региона, такие как городище и селище Малахай, Криушская дюна, Иваньковский могильник⁸⁴.

Впервые на территории Чувашского Поволжья были зафиксированы поселения ананьинского типа. Так, П.П. Ефименко отметил близость материалов исследованного им селища Малахай к кругу «костеносных» памят-

ников Заволжья, отметив на городище иную керамику с сетчатыми отпечатками⁸⁵. Кроме Малахайского селища, с ананьинскими племенами Прикамья П.Н. Третьяков связывал находки бронзовых кельтов и наконечников копий и других предметов в Чебоксарах, около Цивильска, Курбашей, Карамышева, на Криушской дюне, по Цивилю и Суре⁸⁶. Отмечалось, что на территории ЧАССР присутствуют пьяноборские материалы начала нашей эры (Яндашевский могильник), с миграцией которых связывалось формирование могильников типа Сергачского и Кошибеевского⁸⁷. Культура населения, оставившего Ивановский могильник, признавалась близкой к рязано-окским финнам, при наличии этноопределяющих «древне-мордовских» украшений, и датировалась серединой I тысячелетия н.э.⁸⁸

С середины 1930-х гг. полевые работы прекратились, а в интерпретации материала археологам были навязаны позиции эволюционизма, в рамках теории стадиальности и крайнего автохтонизма (марризм)⁸⁹. Не без этого воздействия П.Н. Третьяковым, П.П. Ефименко, А.П. Смирновым и Н.В. Трубниковой были сформулированы новые концепции развития археологических культур Западного и Среднего Поволжья в эпоху железа. К концу рассматриваемого этапа (с 1940-х гг.) территорию Сурско-Свияжского междуречья включали в область городищ с сетчатой и рогожной керамикой или памятников «городецкого типа» (VII—VI вв. до н.э. — IV—V вв. н.э.) местного генезиса⁹⁰.

Период 1950—1980 гг. является наиболее значимым по масштабам полевых исследований. Под руководством таких археологов, как П.Д. Степанов, Н.В. Трубникова, В.Ф. Каховский, П.Н. Старостин и др., были открыты сотни новых археологических памятников раннего железного века и I тысячелетия н.э., а десятки из них раскопаны широкими площадями⁹¹. Наиболее важными явились исследования на городище и селище Малахай, городищах «Пичке Сърчѣ» и Ножа-Вар, Убеевском, Чурачикском, Таутовском и Ивановском могильниках. Накопленный материал позволил А.П. Смирнову и Н.В. Трубниковой выделить северо-восточный вариант городищской культуры⁹². Авторы относили к этой культуре и ряд ананьинских могильников типа Аккозинского и Чурачикского, отмечая их смешанный, городищско-ананьинский облик⁹³. Так, Б.В. Каховский, соглашаясь с А.П. Смирновым, пишет о «довольно сильном процессе ассимиляции» между городищскими и ананьинскими племенами по материалам Убеевского могильника. При этом отмечалось, что данный некрополь имеет более выраженный ананьинский облик, несмотря на отсутствие кельтов ананьинского типа⁹⁴. Канонизация концепции «большой» (от Оки до Саратовского Поволжья) и «длительной» (от VIII—VII вв. до н.э. и, по сути, до прихода болгар) городищской культуры породила историографическую традицию, просуществовавшую, несмотря на отдельные попытки её пересмотра, до 1990-х гг. Одновременно была сформулирована и обобщенная характеристика ананьинской культуры⁹⁵.

Вместе с тем новый археологический материал вступил в противоречие с концепцией развития культур Волго-Камья А.П. Смирнова и

А.В. Збруевой. Новое поколение археологов (В.Ф. Генинг, П.Н. Старостин, С.В. Кузьминых и др.) приступило к разработке альтернативных концепций культурного развития региона. Появляются точки зрения о многокомпонентности ананьинской культуры, которая стала рассматриваться как культурно-историческая общность⁹⁶. Из массива «городецких» памятников была выделена именьковская культура, П.Д. Степановым открыта и идентифицирована ее сурская группа⁹⁷, он выделял на территории Чувашии также пьяноборские и древнемордовские памятники. На протяжении рассматриваемого этапа именьковская культура связывалась с буртасами, финнами, уграми (мадьярами) либо тюрками и датировалась в диапазоне от III до IX в. н.э. (в конце концов утвердилась дата IV—VII вв. н.э.)⁹⁸. Развивается гипотеза о неоднородности «позднего городецких» памятников, положено начало изучению писеральско-андреевских древностей (Андреевский курган, Староардатовский курган, Писеральский могильник). Последние были датированы временем от рубежа эр до I—III вв. н.э., а в культуре населения, оставившего их, П.Д. Степанов выделял сарматский, пьяноборский и городецкий элементы⁹⁹, А.Х. Халиков считал, что Писеральские курганы оставлены носителями пьяноборской культуры. Он отметил близость материалов курганов и городища «Пичке Сӓрчӓ» и выделил целый ряд местонахождений того же типа от Суры до Казанского поворота Волги¹⁰⁰.

С 1990-х гг. произошло некоторое сокращение полевой исследовательской работы и усиление кабинетно-аналитической. Важнейшими исследованиями являются раскопки на Чурачикском (2001—2005), Сендимиркинском (2012—2015) могильниках.

Суть взглядов Б.В. Каховского на памятники ананьинского и городецкого типов в Чувашском Поволжье осталась неизменной. По его мнению, ананьинские памятники Чувашии являются свидетельствами отдельных, хотя и довольно многочисленных проникновений на территорию, заселенную населением городецкой культуры, отношения с которым были как воинственными, так и мирными, приводившими к ассимиляции ананьинцев. Потомками последних в Чувашском Поволжье были оставлены клады и некоторые поселения первых веков нашей эры (Тиханкино, Янмурзино), городище «Пичке Сӓрчӓ», имеющие городецко-пьяноборский облик. Это не изменило общего городецкого состава населения правобережья Волги, которое связывается с поволжскими финнами (марийцами и мордвой) и сохраняется здесь до прихода болгар (X—XIII вв.)¹⁰¹.

В трудах других исследователей многие старые материалы, касающиеся рассматриваемых вопросов, получили новое звучание. Это в первую очередь касается «ананьинской» проблемы. Идея о многокомпонентности ананьинской культуры получает дальнейшее развитие. В работах С.В. Кузьминых, В.Н. Маркова, А.А. Чижевского, Б.С. Соловьева, В.А. Иванова и др. были выделены волго-камский (постмаклашеевский), средневолжский (аккозинский), камско-уральский (шнуровой, гребенчато-шнуровой) компоненты (культур) в рамках ананьинской КИО. В.С. Патрушев обосновал выделение своеобразной ахмыловской культуры¹⁰². Несмотря на

многокомпонентность, в целом ананьинская КИО рассматривается как общая подоснова прибалтийских, поволжских и камских финнов. Именно с ней связывается начало освоения железа в регионе, которое началось, по современным данным, еще в IX—VIII вв. до н.э.¹⁰³

Памятники, однозначно связываемые с ананьинской КИО, пока немногочисленны на территории Чувашии, но можно однозначно говорить, что это не были однокультурные памятники. Так, Убеевский грунтовый могильник А.А. Чижевский включает в аккозинскую культуру, причем пока это единственный «чистый» памятник, на котором не представлены кельты ананьинского типа¹⁰⁴. Вообще Чувашско-Марийское Поволжье считается основным ареалом аккозинской культуры. При этом ситуация осложнялась присутствием в регионе и других компонентов ананьинской КИО, что видно как по материалам некрополей на территории Марий Эл (Старший Ахмыловский, Аккозинский, Козьмодемьянский могильники), так и по поселенческим памятникам. Так, на Криушской дюне и на городище Малахай зафиксированы отдельные находки постмаклашеевской керамики¹⁰⁵. Малахайские городище и селище, Ельниковское, Карабашское и, вероятно, Демешкинское городища, судя по орнаменту керамики, в котором сочетаются зубчатый штамп и шнур, содержали материалы ананьинской культуры с гребенчато-шнуровой керамикой, однако на Малахайском и Карабашском (Звениговском) городищах есть и текстильная керамика¹⁰⁶, что подтверждает точку зрения о чересполосном расположении памятников указанных культурных традиций¹⁰⁷. В.С. Патрушев относит указанные памятники к выделенной им ахмыловской культуре, генезис которой, на его взгляд, связан со смешением восточных и западных финно-угорских племен¹⁰⁸. В.Ф. Каховский и Б.В. Каховский к числу позднеананьинских (IV—III вв. до н.э.) отнесли впускные могилы Чурачикского курганного могильника¹⁰⁹, однако последний отличается большим своеобразием на фоне других позднеананьинских могильников и некоторыми специалистами вообще исключается из их числа¹¹⁰. Памятник уникален в силу отсутствия в обширном регионе Среднего Поволжья, Нижнего и Среднего Прикамья других могильников этого времени. Анализ Чурачикского могильника с современных позиций, в том числе правильное определение керамического материала и погребальных традиций, — вопрос крайне актуальный. Отдельная проблема — интерпретация ряда городищ и селищ, которые могут быть датированы IV—III вв. до н.э. В Чувашском Поволжье есть множество многослойных памятников, содержащих напластования I тысячелетия до н.э. Материал очень невыразителен и фрагментарен, однако выделяются фрагменты толстостенной лепной керамики с примесью шамота, с текстильными отпечатками на поверхности, в т.ч. и с плоскими днищами. Этот комплекс практически не исследован (для примера можно вспомнить прямоугольную землянку с Тиханкинского I городища¹¹¹), датирующих находок почти нет, однако синяя бусина с глазчатым орнаментом IV—III вв. с городища Укся-Сют указывает на позднеананьинское время. Вопрос, имеет ли эта керамика отношение к аккозин-

ской (ахмыловской?) или городецкой культуре, остается открытым¹¹². Отсутствие в регионе явных комплексов городецкой культуры с рогожной керамикой¹¹³ и большое количество вещей ананьинского облика, скорее, говорят в пользу первого варианта, но тогда в воздухе повисает вопрос о запустевании региона после VI в. до н.э.¹¹⁴

Сильно усложняет ситуацию хиатус II—I вв. до н.э. — начала I в. н.э. В Чувашии пока не выявлено древностей этого периода. Это может быть объяснено как какими-то локальными миграционными процессами, так и политическим или экологическим кризисом. Данных для решения пока нет. Однако следует отметить здесь во многом общую для лесной зоны Восточной Европы проблему генезиса культур первых веков нашей эры и их связи с предшествующими (поздне- и раннедыяковская, культура рязано-окских могильников / древнемордовская и городецкая, ананьинская и пьяноборская)¹¹⁵.

За последний период изменились представления и о городецкой культуре. Верхняя граница её существования определяется на современном этапе исследований началом нашей эры. Мнение о её участии в сложении «древнемарийской» и «древнемордовской» культур нуждается в дополнительном обосновании. Некоторые «городецкие» памятники получили иную культурную атрибуцию¹¹⁶.

Сейчас из общего массива «позднего городецких» памятников Чувашии стало возможным выделить памятники именьковской культуры, единично зафиксированные в Алатырском Посурье в лесостепной зоне (селища Стемасы V, VII, Ивановско-Ленинское городище «Шолм» и селища). Вероятно их обнаружение в юго-восточной лесостепной части края (Комсомольский, Батыревский, Яльчикский, Шемуршинский районы). Важно отметить, что на соседних территориях в последнее время открываются «позднескифские», позднезарубинецкие и киевские древности¹¹⁷, вполне вероятно их открытие и в Чувашии.

Памятники лесной зоны Чувашии рассматриваемого периода пока представляют собой достаточно монолитный культурный массив. Анализ материалов опорных памятников убедительно продемонстрировал постепенную эволюцию материальной культуры населения этого региона в период с середины I по V в. н.э.¹¹⁸

Все большее количество памятников на близлежащей территории археологи относят к писеральско-андреевскому культурно-хронологическому горизонту, датировку которого сужают до середины I — середины II в. н.э. С них начинается новый период в истории археологии региона. Открываются и исследуются новые памятники этого типа (Климкинский, Пильнинские могильники)¹¹⁹. Вероятно, территория Чувашии и прилегающие территории Марий Эл и Нижегородской области (конкретно — Нижнее Посурье) представляются своеобразным центром распространения этой традиции. Появились концепции, выделяющие в генезисе культуры данного населения пьяноборский, городецкий, сарматский, пшеворо-зарубинецкий, южносибирский или саргатский компоненты. На наш взгляд, нельзя

исключать вероятность местных (волго-камских) постананьинских истоков в культуре этих памятников. Погребальный обряд и наличие импортных вещей являются свидетельством инокультурного участия в генезисе рассматриваемого населения, а вероятные его истоки, скорее всего, следует искать на юго-западе от Среднего Поволжья, хотя данных для решения этого вопроса пока явно мало. Все более утверждается точка зрения, что на базе памятников типа Андреевка-Писералы с III в. н.э. формируются культура рязано-окских могильников и «древнемордовская» культура¹²⁰. По современным представлениям, на территории Сурско-Свияжского междуречья существовал один из локальных вариантов последней (Сергачский могильник «Святой Ключ», Ивановский, Волчихинский могильники), и именно здесь фиксируются древности переходного типа, связанные с памятниками писеральско-андреевского круга (Сергачский «Кожина Слобода», Таутовский, Сендимиркинский могильники)¹²¹. Для последних было предложено наименование «типа Сендимиркино-Таутово» по опорным могильникам, датирующимся второй половиной II — первой половиной III в. н.э. В это время распространяется обряд погребения в грунтовых могильниках с рядовой планировкой. Материальная культура демонстрирует как сохранение и дальнейшее развитие андреевско-писеральских традиций, так и появление новых форм керамической посуды и вещей, связанных с южным («позднескифские» памятники, позднезарубинецкая/киевская и позднесарматская культуры) и северо-восточным (позднепьяноборско-раннеазелинские памятники, в первую очередь Вятского бассейна) влиянием. Наибольшую близость рассматриваемая группа памятников демонстрирует с материальной культурой «древнемордовских» могильников раннего этапа «селиксенского» типа на Верхней Сура и Мокше, при определенном локальном своеобразии некоторых типов вещей (особенно височных подвесок) и погребальной обрядности.

Окончательное оформление «древнемордовской» культуры в регионе отражено в древностях типа городища Ножа-Вар и Ивановского могильника. В целом культура формируется к середине — второй половине III в. н.э. и существует в регионе, судя по материалам поздних погребений Ивановского могильника, до VII—VIII вв. Керамика и вещевые комплексы убедительно демонстрируют принадлежность памятников к указанной культурной традиции, а наличие своеобразных типов височных привесок, отсутствие важных культуродиагностирующих находок (нагрудные бляхи, бляхи в составе наконечников, венчики), высокий процент кремаций свидетельствуют о локальном своеобразии её нижнесурского варианта. Вопрос о существовании памятников этой культуры после VIII в. остается открытым. Исследователи отмечают в последующее время отход древнемордовского населения к западу от Суры, а его возвращение, судя по погребальным памятникам, относится уже к золотоордынскому времени¹²².

Отдельные вещи свидетельствуют о связи «древнемордовского» населения III—VII вв. Нижнего Посурья с именьковскими и позднесарматскими древностями, прикамским миром, с культурой рязано-окских могиль-

ников. Возможно, с последней связано погребение на Криушской дюне IV в., а с V в. н.э. прямые миграции фиксируются и в устье Ветлуги, по материалам Младшего Ахмыловского могильника. Именно с окскими финнами связывается формирование «древнемарийской» культуры в V—VII вв. н.э. (памятники типа Безводное-Ахмылово)¹²³. Их распространение и время бытования на территории Чувашии покажут дальнейшие исследования.

Большинство памятников региона, пока достаточно условно отнесённых в основном к «позднегородецким» древностям I тысячелетия н.э.¹²⁴, нуждается в дополнительном полевом изучении для более точной интерпретации. Предварительные исследования говорят о возможности выделить в будущем из комплекса памятников, особенно в лесостепной зоне, и другие культурные традиции. Это, в частности, показали работы 2013—2015 гг. в Алатырском Посурье¹²⁵.

2.5. Археология Средневековья

Археологические памятники эпохи Средневековья (с VII—VIII по XV—XVI вв.) начали отмечаться в регионе исследователями с середины XIX в.¹²⁶ В дореволюционный период происходил сбор сведений о городищах, укреплениях, могильниках и каменных надгробиях, их полевая фиксация. При отсутствии археологических раскопок интерпретация памятников происходила по их внешним признакам, этимологии местных названий, легендарным сведениям. Часто они относились к более поздним временам и связывались с восстаниями С. Разина и Е. Пугачева, однако уже С.М. Шпилевский многие из них относил к Средневековью и, в частности, к «болгаро-татарским» памятникам¹²⁷. В этот период был сформулирован и вопрос о западных границах Волжской Болгарии — отдельные авторы доводили их до Свияги, Суры и Оки¹²⁸.

С 1920-х гг., с началом первых научных археологических раскопок и масштабных экспедиций В.Ф. Смолина, П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, появилась необходимая источниковая база для интерпретации археологических памятников Чувашии. Правда, работы 1920-х гг. в отношении средневековых древностей носили скорее разведочный характер. П.П. Ефименко на основе небольших раскопок отнес Большетаябинское городище и «иные сходные с ним городища данного района» к периоду Казанского ханства и связал их с татарами, как и надгробные камни с арабографическими надписями. С этим же временем был связан вал по р. Кубня, известный со слов местных жителей и до сих пор археологами не обнаруженный¹²⁹.

Позже П.Н. Третьяков на основе материалов 1926—1927 гг. уже уверенно относил Большетаябинское городище к болгарским памятникам, как и Тигашевское городище, хотя на последнем еще не проводились раскопки. Он также отмечал несколько болгарских селищ, одновременных с городищами (у сел Большие Яльчики, Новое Байбатырево и деревень Байдеряково и Большие Арабузи — Первомайское)¹³⁰. Исследователь считал, что только юго-восточные черноземные районы Чувашии, связанные с бассейном р. Свияга (Кубня, Була), входили в территорию Волжской Болгарии.

В северной же части Чувашского Поволжья П.Н. Третьяков отмечал, кроме болгарского (уже выделялись болгарские древности в г. Чебоксары), также более явный местный культурный компонент, который он выделял по круглодонной лепной посуде с веревочным орнаментом (селище на Криушской дюне, датированное им X—XIV вв.), считая, что она бытует в регионе с ананьинского времени¹³¹. С болгарской эпохой (конец I — начало II тыс. н.э.) связывал П.Н. Третьяков и мысовидные городища в северной части Чувашии (типа Изванкинского, Новинских, Досаевского, Калугинского¹³² и др.), считая их «твердыми» местного населения¹³³. На этом основании делался вывод о двухкомпонентном составе чувашского народа (местном и «гунно-болгарском») и разнице в генезисе двух его этнографических групп — верховых и низовых чувашей (болгарский признавался основным у низовых чувашей — анатри)¹³⁴. В целом в 1948 г. соглашался с этой концепцией и А.П. Смирнов¹³⁵.

Следующий период в изучении средневековых памятников Чувашского Поволжья начался с 1956 г., с создания ЧАЭ. Масштабные археологические исследования 1956—1980-х гг., со специальным исследованием средневековых памятников (работы Г.А. Федорова-Давыдова, А.П. Смирнова, В.Ф. Каховского, Н.В. Трубниковой, П.Н. Старостина, Р.Г. Фахрутдинова) позволили совершить качественный скачок в накоплении источниковой базы и приступить к переосмыслению поставленных ранее вопросов.

Однозначно ранним железным веком были датированы небольшие мысовидные городища в лесной части Чувашии, которые ранее относились к Средним векам. На основе нового материала уже в 1961 г. А.П. Смирнов высказывался об освоении болгарами и лесных северных пространств Чувашии не позднее X в., когда они были вынуждены уходить от феодального гнета, и отмечал, что «деление Чувашии на два культурных района... в последних исследованиях не подтвердилось»¹³⁶. В северной и центральной Чувашии к болгарским были отнесены новые памятники, наиболее важными (опорными) из которых стали раскопанные достаточно большими площадями в 1950—1980-х гг. Большеянгильдинское, Таутовское, Янмурзинское «Пялаху»¹³⁷, Челкасинское¹³⁸, Убеевское селища¹³⁹. Тем не менее, если южная часть Чувашии признавалась коренной территорией Волжской Болгарии¹⁴⁰, то на севере, как отмечалось, пришлые болгары ассимилировали местное финно-угорское (марийское) население, что дало начало чувашскому народу¹⁴¹. Определенная специфика в лесной части Чувашского Поволжья связывалась не только с иноэтничным населением, но и с удаленностью от городских центров и торговых путей¹⁴². По мнению В.Ф. Каховского и А.П. Смирнова, после прихода болгар в северной части Чувашии широко распространились плужное земледелие, развитое ремесло, в частности кузнечное дело, гончарный круг и посуда болгарского типа, появились глинобитные дома, новый погребальный обряд и новые типы украшений, что отразилось в археологических памятниках¹⁴³.

Южные памятники дали весьма ценный материал для реконструкции процессов феодализации и мусульманизации в болгарском обществе (раз-

рушение языческого святилища и строительство замка на Тигашевском городище)¹⁴⁴. Большетаябинское городище было датировано XIII — началом XIV в., при существовании на этом месте неукрепленного селища в домонгольское время. Удалось изучить каменный дом с системой подпольного отопления, принадлежащий, очевидно, хозяину замка. Судя по местным легендам, особенностям находок и времени существования памятника, было высказано предположение, что это мог быть баскак¹⁴⁵. Недалеко от городища было выявлено мусульманское кладбище, отнесенное к золотоордынскому времени¹⁴⁶.

В 1970-х гг. были открыты средневековые памятники третьей территориальной группы — Алатырского и Порецкого Посурья (в первую очередь Устиновское, Стемасское селища), также отнесенные к болгарским домонгольского периода¹⁴⁷. Это позволило В.Ф. Каховскому считать, что вся территория Чувашии входила в состав Волжской Болгарии уже в IX—X вв.¹⁴⁸

Огромное значение в средневековой археологии края имели раскопки в г. Чебоксары в 1968—1972, 1979—1980 гг., которые выявили остатки жилых строений, хозяйственные и производственные сооружения городского облика, датированные концом XIII—XIV в. При этом были обнаружены находки, свидетельствующие о том, что уже в конце XII — начале XIII в. на месте Чебоксар появилось болгарское поселение¹⁴⁹.

Многие из указанных положений, в частности о датировке и культурной принадлежности памятников северной части Чувашии, не были приняты рядом исследователей Казани и Москвы, что породило бурную дискуссию на страницах местной и центральной печати, особенно активную в первой половине 1970-х гг., не оконченную до сих пор¹⁵⁰.

Так, вполне справедливо было отмечено, что как индивидуальные находки, так и керамический материал средневековых селищ северной и центральной Чувашии указывают на XIII—XIV вв.¹⁵¹ Притом отдельные оппоненты отмечали, что эти памятники неправомерно считать болгарскими и что на них лишь чувствуется влияние культуры Болгарского государства¹⁵². Интересно, что и сами В.Ф. Каховский и А.П. Смирнов признавали, что, скажем, в памятниках бассейнов рек Большой Цивиль и Малый Цивиль «удельный вес материальных остатков болгарской культуры не является... преобладающим», а основным является позднегородецкий элемент¹⁵³. Принципиальным, по их мнению, являлся факт интеграции двух компонентов, а не просто влияние болгарского на позднегородецкий.

Наиболее компромиссную и взвешенную позицию в этом вопросе занял Ю.А. Краснов, который, можно сказать, подвел определенную черту под дискуссией о культурно-хронологической интерпретации этих памятников в 1974 г. С одной стороны, он более четко обосновал факт более поздней даты исследованных средневековых поселений лесной части Чувашии (не ранее XIII в.), а с другой — показал, что в культуре указанных памятников «органически сочетаются» болгарские и местные финно-угорские элементы (при определенном влиянии русского компонента), что говорит об их синтезе, а не просто внешнем заимствовании и влиянии.

Причем для решения этих вопросов Ю.А. Красновым были привлечены и материалы наиболее ранних чувашских языческих погребений XIV—XV вв. (Новоядринский могильник) и ранних слоев г. Чебоксары, руководителем исследований которых он являлся¹⁵⁴. Чебоксарские материалы в этом плане оказались особенно важными и в определенной степени уникальными (по сохранности и характеру накопления культурного слоя) и позволили проследить складывание синкретичной культуры «древнечувашского» облика (по Ю.А. Краснову) по массовому керамическому материалу, особенностям построек и их планировке, отдельным бытовым предметам и деталям одежды¹⁵⁵. Эта культура, по мнению Ю.А. Краснова, сложилась из местного финно-угорского субстрата и болгарского суперстрата, который не являлся преобладающим. Датировку этих процессов подтверждают также клады джучидских монет на территории Чувашии и наиболее ранние надгробные камни с арабграфичными надписями, также относящиеся к золотоордынскому времени.

Современный период исследований можно отсчитывать с конца 1990-х — начала 2000-х гг., когда масштаб раскопок средневековых памятников Чувашии уменьшился (отметим раскопки Порецкого и Утюжского селищ в Посурье), к работе приступили новые исследователи, произошло переосмысление взглядов предшественников. Мнение о юго-востоке Чувашии как части основной территории Волжской Болгарии, заселенной болгарами еще в домонгольское время, признается всеми исследователями. Отдельным регионом признается Чувашское Посурье. Датировка средневековых памятников центральной и северной Чувашии типа Большеянгильдинского селища золотоордынским временем, как и оценка этнокультурной ситуации по археологическим данным в регионе в интерпретации Ю.А. Краснова, в целом была принята чувашскими исследователями в последующее время¹⁵⁶, однако мнение некоторых казанских археологов, скорее, ближе к взглядам Р.Г. Фахрутдинова¹⁵⁷.

Говоря о перспективах дальнейших исследований, отметим, что с учётом позднего времени существования большей части памятников северной и центральной частей Чувашии (XIII—XV вв.) на сегодняшний день снова встает вопрос о памятниках домонгольского времени. Кроме некоторых отдельных находок с территории Чебоксар и Криушей (включая дятлинские находки), в распоряжении исследователей ничего не было. Однако после недавних открытий Анаткасинского могильника и погребения в Девлетгильдино ситуация начинает проясняться¹⁵⁸. Эти погребальные памятники, по предварительным данным, обнаруживают сходство с древнемарийскими могильниками IX—XI вв., что подтверждает известное мнение о заселении лесной части Чувашского Поволжья марийским населением (или близким к нему)¹⁵⁹. Присутствие собственно болгар в регионе, причины их появления и география распространения в домонгольское время — эти вопросы, таким образом, продолжают оставаться актуальными. Мнение о торговых факториях или сторожевых пунктах в г. Чебоксары¹⁶⁰ и Криушской дюне¹⁶¹ нуждается в дополнительных фактах (раскопки в быв-

шей кремлевской части г. Чебоксары пока не дали комплексов ранее XV в.). Для решения этой проблемы необходимо интенсифицировать поиск новых погребальных и поселенческих памятников раннеболгарского¹⁶² и монгольского времени.

Большое значение на современном этапе имеет переосмысление старых материалов, в частности керамического комплекса отмеченных выше памятников золотоордынского времени. Предварительное исследование, проведенное Н.Н. Грибовым и одним из авторов данного доклада, в целом подтверждает мнение Т.А. Хлебниковой о памятниках XIII—XIV вв. в лесной зоне Чувашского Поволжья. Здесь четко выделяется болгарская, местная (вероятно, поволжско-финская) лепная и круговая, русская и «славяноидная» керамика. Важными представляются разработка вопросов генезиса последней и более детальное её сопоставление на разных памятниках, учитывая большую географию ее распространения (Чувашско-Марийское Поволжье, низовья Камы, Заказанье, Закамье, Средняя Вятка). Несмотря на попытки связать её с определенной этнокультурной группой (марийская, финно-пермско-русская)¹⁶³, существует точка зрения о её разнотипном происхождении и разнородности в разных ареалах распространения, а также взгляд на нее как на хронологическое явление¹⁶⁴.

Вообще выделение так называемого «древнечувашского» (или «болгаро-чувашского») керамического комплекса и в целом этого типа памятников является насущной задачей, так как время сложения чувашской народности как раз относится к позднему Средневековию (первое упоминание в 1508 г.). Этногенетические процессы должны отражаться на археологическом материале. Этот вопрос был поставлен Ю.А. Красновым, который предлагал считать таковыми памятники типа Таутовского, Янмурзинского, Большеянгильдинского селищ¹⁶⁵. Его поддержал и Ф.Ш. Хузин, назвав их поселениями «большеянгильдинского типа»¹⁶⁶. Какие критерии в выделении памятников этого типа будут решающими и чем они будут отличаться от указанных выше горномарийских памятников, пока не совсем ясно. По предварительным данным, керамические материалы центральной и северной Чувашии отличаются от древнемарийских памятников типа Малосундырского городища чуть большей долей болгарской посуды, наличием подражаний ей и болгарской посуды так называемого «деревенского облика», заметным процентом клейменной посуды, однако этот вопрос требует специального изучения.

Конечно, необходимы и более детальные сопоставительные работы по остальному вещевому материалу, а также традициям домостроительства (в частности, по чебоксарским материалам была выявлена определенная специфика) памятников северной и центральной Чувашии и соседних регионов в свете большой, проделанной за последние 30—40 лет работы в археологии Волго-Камья.

Вероятно, для этого населения был характерен погребальный обряд типа обряда Янмурзинского могильника «Пялаху», в котором явно прослеживается влияние ислама. Насколько сильно среди населения Чуваш-

ского Поволжья был распространен мусульманский обряд погребения? Как подобные могильники связаны с языческими чувашскими кладбищами Нового времени? Какова роль марийского языческого обряда и болгарского компонента в их генезисе? Данные вопросы уже поднимались в исследованиях¹⁶⁷, и необходима их дальнейшая разработка и накопление источниковой базы.

Еще один важный момент, касающийся формирования «древнечувашской» культуры, должен быть связан с географией этого процесса. Археологи традиционно сужают его географические рамки территорией современной Чувашии¹⁶⁸, хотя историки и этнографы убедительно показали, что чувашское население как минимум с периода Казанского ханства, а скорее всего и ранее, проживало на территории Приказанья (так называемая Чувашская даруга)¹⁶⁹ и Присвияжья¹⁷⁰. Естественно, необходимо изучение древностей этих территорий в сравнении с памятниками Сурско-Свияжского междуречья.

Памятники Среднего Посурья в Чувашии стоят несколько особняком (здесь почти нет «славяноидной» керамики с раковинной примесью, в большом объеме присутствуют керамика мордовских форм и другие мордовские вещи) и в целом иллюстрируют факт проникновения мордовского населения на Суру в XIII—XV вв.¹⁷¹ Мордовские древности золотоордынского периода известны и в более восточных районах Чувашии (Тигашево)¹⁷².

Отдельной исследовательской темой является русское проникновение в Чувашское Поволжье, которое фиксируется начиная с золотоордынского времени. Явное присутствие русского населения в XIV—XV вв. в Посурье, известное по письменным данным (г. Курмыш, с. Алгаши, Засурье), подтверждается в последних археологических исследованиях при анализе старого материала (русская керамика и отдельные вещи, в том числе кресты-тельники на Малосундырском городище, Юльяльском селище в Республике Марий Эл и ряде селищ в Чувашии и в Чебоксарах) и новыми раскопками (селища Курмыш, Порецкое, Мурзицы I и Утюж в Посурье)¹⁷³. Встает закономерный вопрос о причинах, масштабах, географии их распространения на правобережье Суры и характере взаимодействия с местным населением.

К этим проблемам примыкает еще одна — проблема хронологической лакуны XV — первой половины XVI в. Памятники казанскоханского периода в Чувашском крае, кроме нескольких надгробий (причем погребения под ними не исследованы) Чебоксар и Новоядринского могильника, совершенно не изучены¹⁷⁴. А именно они могли бы продемонстрировать процессы завершения складывания чувашской народности.

2.6. Археология Нового времени (XVII—XIX вв.)

Этот период представлен разными типами археологических памятников, из которых лучше всего исследованы могильники, датированные XV—XVIII вв. Раскопкам подверглись около 40 дохристианских или языческо-мусульманских кладбищ. Всего, по подсчетам М.И. Федулова, исследовано

1345 погребений. Наиболее изученными являются могильники: Новоядринский, Верхнеачакский в Ядринском районе, Толиковский и Икковский в Чебоксарском районе, Новосюрбеевский и Тебикасинский в Цивильском районе, Тегешевский в Урмарском районе, Мартыновский в Козловском районе, Бахтигильдинский, Новоахпердинский в Батыревском районе¹⁷⁵.

Старые кладбища и надгробия чувашей отмечались еще в XIX в. в работах Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого и др. С Каршльхским могильником связаны и первые раскопки на территории Чувашии М.М. Хомякова¹⁷⁶, одним из первых обратившегося к чувашским палеоантропологическим материалам. Важным этапом исследований могильников Нового времени стали работы П.П. Ефименко 1926—1927 гг. Именно он сформулировал несколько важных вопросов, связанных с чувашскими языческими кладбищами: их отличия в ареалах расселения различных диалектологических и этнографических групп чувашей, поиск погребений, датированных ранее XVI в., их связь с поволжско-финскими древностями¹⁷⁷. После работ М.С. Акимовой 1948—1950-х гг. с целью изучения антропологии чувашского населения¹⁷⁸ наибольшее количество могильников было исследовано в 1950—1980-х гг. (работы П.Д. Степанова, Н.В. Трубниковой, В.Ф. Каховского, П.Н. Старостина, Б.В. Каховского, Г.И. Дроздовой, Е.П. Михайлова, Б.С. Соловьева, М.И. Федулова). Материалы кладбищ XV—XVIII вв. на территории Чувашии были впервые обобщены в 1978—1981 гг. Б.В. Каховским¹⁷⁹. Все изученные могильники были отнесены к чувашским и разделены на три группы, территориально совпадающие с этнографическими группами чувашей (*вирьял*, *анат енчи*, *анатри*). Б.В. Каховский усматривал общие черты этих могильников с болгарским языческим обрядом: неглубокие захоронения, погребальные ямы прямоугольной формы с закругленными углами и отвесными стенками, вытянутое расположение костяков на спине, западная ориентировка умерших, приношение в жертву лошади, наличие гробов, некоторых погребальных вещей (калачевидные кресала и височные подвески в виде знака вопроса) и т.д. Отдельные положения данной работы вызвали возражения других исследователей.

Еще в середине 1980-х гг. Т.Б. Шикаева (Никитина) возразила тем, что некоторые из перечисленных черт не были широко распространены в рассматриваемое время, многие признаки не типичны для изученных могильников¹⁸⁰. Рассматривая предшествующие позднеболгарские могильники (Большетаябинский и Пялаху), она отметила влияние на них ислама и высказала идею, что подобный обряд находит свое продолжение в могильниках типа Тегешевского (Урмарский район), которые и следует связывать с этногенезом чувашского народа¹⁸¹. С точки зрения Т.Б. Шикаевой (Никитиной), сходство погребального обряда и вещевого материала могильников в северных районах Чувашии и в Горномарийском районе Республики Марий Эл говорит об их этнокультурной общности и позволяет отнести к горным марийцам. Такой же точки зрения придерживается и казанский археолог Г.И. Дроздова¹⁸².

В 2000-х гг. появились новые работы, рассматривающие вопросы погребального обряда чувашей и марийцев (Г.И. Дроздова, А.В. Михеев, А.А. Степанова, С.А. Краснов, М.И. Федулов и др.)¹⁸³. С.А. Краснов, соглашаясь с Т.Б. Никитиной, различает две группы некрополей XVI—XVIII вв., предполагая, что это связано с их этнической неоднородностью. Общими, объединяющими могильники первой группы признаками являются наличие богатого погребального инвентаря (украшения и детали костюма, орудия труда), языческий погребальный обряд с невыраженной ориентировкой¹⁸⁴. С.А. Краснов заключает, что могильники данной группы «находят параллели с могильниками финно-угорского населения Среднего Поволжья, как марийского, так и мордовского», причем некоторые непосредственно оставлены мордвой¹⁸⁵. По С.А. Краснову, только вторая группа могильников (Тегешевский, Икковский, Татмыш-Югелевский, Новоахпердинский, северная часть Бахтигильдинского), отличающаяся незначительным инвентарем, более строгой ориентировкой по линии запад-восток, расположением инвентаря, принадлежала чувашскому населению, в религиозных воззрениях которого видятся следы и ислама, и язычества¹⁸⁶. М.И. Федулов считает, что можно говорить об «общечувашском погребальном обряде», и в целом признает выделение этнографических групп чувашей и соответствующих им могильников. Он считает, что основу погребального обряда чувашей составили древние тюркские традиции, а появление вещей финно-угорского круга, изменение ориентировки и положения костяков связаны с соседством марийцев и мордвы, отмечая влияние ислама и христианства в поздних могильниках¹⁸⁷.

Несомненно, дальнейшее изучение могильников XV—XVIII вв. представляется одной из важнейших задач археологии Чувашии. Нужен целенаправленный поиск могильников предшествующего времени, которые исчисляются пока единицами. Причем преемственность между могильниками типа Янмурзинского «Пáлаху» и кладбищами Нового времени прослеживается с трудом. Мусульманские кладбища типа Тегешевского могильника могут быть связаны и с более поздним татарским влиянием¹⁸⁸. Отнесение остальных памятников второй группы (по С.А. Краснову) к этому типу нуждается в дополнительных пояснениях. Вообще отдельные чувашские могильники Нового времени демонстрируют большую специфику в сравнении с остальными. Новых подходов требует изучение уже раскопанного материала. Явно назрела необходимость полной публикации этих памятников по комплексам с подробной типологией и сериацией, статистическим анализом и сравнением с крайне близкими погребальными памятниками удмуртов, мордвы и особенно марийцев на более высоком научном уровне. Несмотря на их большое сходство, они не идентичны: в могильниках Чувашии нет котлов и топоров, характерных для марийских погребений, есть и специфические детали одежды: булавки для крепления сурбана и масмака («пус йёппи»), хушпу, конструкции погребальных сооружений (специфичны чувашские «юпа» и заплечики в могилах), детали обряда (западная ориентировка, кости лошади) и др. Если

признать их марийскими, то встает вопрос: когда там появилось современное чувашское население и почему это не прослеживается по погребальному обряду? Не совсем ясно, на каких основаниях, кроме современного этнографического разделения, выделяются могильники верховых, низовых и средненизовых чувашей. К сожалению, на изученных памятниках собрана лишь небольшая коллекция антропологического материала. Сотрудничество с антропологической наукой должно позволить успешнее решать проблемы этногенеза чувашей и других народов Среднего Поволжья.

С могильниками тесно связаны надгробные камни с арабографичными эпитафиями XIII—XVIII вв., которых на территории Чувашской Республики зафиксировано более ста¹⁸⁹. Традиционно их рассматривали как позднеболгарские памятники времен Золотой Орды и Казанского ханства¹⁹⁰, однако последние исследования показали, что большинство их относится к концу XVII — первой половине XVIII в. и связано с чувашским населением¹⁹¹. Камни с надписями более распространены в юго-восточной и восточной частях республики, хотя встречаются также в северной и даже в северо-западных частях Чувашии. В последних случаях их сложно связывать с татарским влиянием, и вероятно, что они являются свидетельством сохранения более ранних традиций. Д.Г. Мухаметшин и другие специалисты отмечают определенные отличия их от синхронного татарского мусульманского эпиграфического материала: отсутствие на памятниках благожелательных формул и изречений из Корана, наличие в надписях отдельных чувашских слов («чүк», «сурта» и др.), отсутствие родословий и титулатуры, более грубая обработка поверхности¹⁹². Их дальнейшее выявление, картографирование, расшифровка надписей, сравнение являются важным направлением работы.

Нельзя забывать и о синхронных поселенческих материалах. К сожалению, изучена лишь их малая часть (ещё в 1970-е гг. раскапывались Беловолжское, Антипинское селища и отнесены к русским поселениям, а в последнее время исследовано ещё и Первомайское селище). Перед исследователями встают вопросы о преемственности культуры этих памятников с вышеуказанными поселениями золотоордынского и казанскоханского времени. Пока это прослежено только по чебоксарским материалам. Важным направлением является изучение исторических городов Чувашской Республики (Ядрин, Цивильск, Алатырь), где сделано крайне мало (разведочные работы В.Ф. Каховского в Ядрине и Цивильске, небольшие раскопки А.В. Вискалина в Алатыре). Их сопоставление с древностями соседних регионов, а также поиск и исследование новых являются еще одной насущной задачей.

Слабо на территории республики исследованы святилища (киремети) и другие места проведения культовых обрядов и праздников. Судя по письменным источникам, легендам и топонимике, их сотни по всей Чувашии. Археологически известно немного: Шинерпосинское, Тигашевское, Тувсинское, Табанарское, Чурачикское, Чебаковское, Амаксярское, Большеятабинское святилища. Часть их начали исследовать ещё в 1940—

1960-х гг. Новое их изучение началось в 2000-х гг. В 2014—2015 гг. обнаружены следы ритуальных мест при изучении могильников — Сендимиркинского в Вурнарском и Девлетгильдинского в Мариинско-Посадском районе. Особенно интересные перспективы представляет изучение Шинерпосинского святилища, уникального как по длительности существования (XII—XIX вв.), так и по историко-культурной характеристике, где авторы видят «преемственность традиций болгарских, чувашских и частично марийских святилищ (жертвенные ямы с продуктами жертвоприношений, наличие каменных плит, ритуалы с черепами животных)»¹⁹³. Похоже, часть этих культовых памятников древнее, чем предполагалось ранее (это доказывается и марийскими аналогиями), что открывает большие возможности для этногенетических исследований. Полное изучение так называемых «киреметей» в археологическом плане позволило бы сравнить этот материал с далеко не полными этнографическими данными, уточнить особенности планировочной структуры святилищ, культовых предметов и действий, состав жертвенного стада и выяснить характерные черты «чувашской породы» скота. Перспективность изучения святилищ доказывается исследованиями марийских и удмуртских археологов (Д.Ю. Ефремова, Н.И. Шутова).

Специфическими памятниками производственного характера являются остатки заводов, мануфактур, ремесленных центров, мельниц и др. В основном они относятся к XVII—XIX вв. Археологически их следы обнаружены пока в Чебоксарах, на Заводской Поляне в Алатырском районе, у с. Сугут-Горбиково в Вурнарском районе. «Индустриальная археология» помогла бы лучше понять особенности социально-экономического развития Чувашского края, подтвердить или опровергнуть существование тех или иных ремесленных объектов, технологию и организацию производства, особенности изготовленной продукции. Особый интерес в изучении этих объектов связан с запретом заниматься «инородцам» края кузнечным и серебряным делом в XVI — первой половине XVIII в., что уже отмечалось исследователями¹⁹⁴.

Примером такого объекта является Шешкарский производственный комплекс, исследованный в 2010—2012 гг. экспедицией ЧНМ (Д.В. Спрыжков) на правом берегу Волги (Моргаушский район). Это крупные горны, врезанные в крутой берег, которые имели около 3 м высоты и 3 м в диаметре¹⁹⁵. По нашему мнению, эти горны представляют собой печи для обжига извести, расположенные на месторождении известковых туфов. Такие сооружения в Поволжье стали массово появляться с началом каменного строительства в XVII в. (печи в Печищах, на Жигулевских горах и др.). Часто такие печи устраивали «врезанными» в склон. Исследование таких производственных комплексов важно в связи с началом каменного строительства в Чувашии.

Одним из интересных и недоисследованных типов памятников являются оборонительные сооружения — остатки засечных линий. Археологически отмечалась Карлинская засечная черта, однако она не подвергалась

раскопкам. Существовала еще и Алатырская линия, до сих пор не обнаруженная, а ведь были не только засеки, но и «ворота», остроги, земляные валы с частоколами. Отдельным вопросом является существование Кубинской засеки, о которой есть косвенные данные¹⁹⁶. Кроме отдельных валов и рвов, интересным представляется выявление острожков и «ворот» этих засечных черт, а также поселений засечной стражи. Изучение этих памятников помогло бы лучше понять особенности фортификационного строительства Русского государства и освоения южных районов Чувашского края в XVI—XVII вв., уточнить сведения письменных источников относительно расположения засечных черт и их деталей.

Отметим и необходимость изучать древние сухопутные дороги. Хотя они и не отмечались на основной территории Чувашии в письменных источниках, теоретически их обнаружение возможно и по археологическим данным. К практически неисследованным типам памятников относятся древние пашни, сельскохозяйственные сооружения и другие, более редкие памятники археологии.

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В Чувашской Республике усилиями нескольких поколений археологов исследованы сотни памятников, выявлены и раскопаны объекты, начиная с эпохи палеолита до XX в., сформированы представления (разной степени изученности) о развитии человеческих коллективов в разные эпохи, их миграциях, контактах, развитии материальной и отчасти духовной культур. Неравномерность изученности памятников как территориально (имеются районы, слабоизученные в археологическом отношении — Ибресинский, Шумерлинский, Шемуршинский, Канашский, Янтиковский и др.), так и по отдельным хронологическим периодам не позволяет представить глубокую характеристику культурно-исторических процессов, протекавших на территории края. Отметим основные задачи в изучении археологических памятников Чувашского Поволжья разных периодов.

Аналитические задачи

1. Для эпохи *палеолита* актуальной задачей остается поиск памятников с каменными орудиями, с применением современных методов разведок. Единственный памятник финального палеолита — стоянка-мастерская Шолма I (13—11 тыс. л.н.) — имеет параллели с позднепалеолитическими стоянками Восточной Украины. Применение естественнонаучных методов при исследованиях памятников палеолита существенно расширит наши возможности в точной датировке, понимании охотничьих стратегий, трудовых операций, изготовления орудий, направлений миграций и т.д.

2. Эпоха *мезолита* представлена немногочисленными раскопанными памятниками: поствидерского круга культур (Яндашевская стоянка) и русско-луговской культуры (стоянки Мукшумская X, XIV, XVIII, Молёбное

Озеро и др.). Последние относятся к позднему мезолиту — второй половине VII тысячелетия до н.э. Остаются вопросы культурной интерпретации имеющихся памятников (Мукшумская стоянка XIX) с преобладанием микропластинчатого кремневого комплекса, вероятно относящихся к камской мезолитической культуре, и комплексов с геометрическими микролитами (возможно, это связано с южными импульсами). Выделенная недавно на материалах Марийско-Чувашского Поволжья русско-луговская культура позднего мезолита требует детальной характеристики социально-экономических особенностей, материальной культуры, анализа каменной индустрии, применения радиоуглеродного датирования.

3. Ранние *неолитические* памятники региона связаны с елшанской археологической культурой (Утюж I, Вьюново Озеро I, Молёбное Озеро I), по ним получена серия радиоуглеродных дат (от последней трети VI до середины V тысячелетия до н.э.). Возможно, продолжением елшанской традиции являются комплексы, представленные залощенными прямостенными неорнаментированными сосудами с плоским дном и рядом ямок под венчиком. Отмечено проявление контактов с льяловскими племенами в синкретической накольчато-ямочной посуде. Ранний неолит отмечен присутствием немногочисленных находок фрагментов с гребенчатой орнаментацией в традиции камской культуры (Утюж I, Молёбное Озеро, Вьюново Озеро и Чёрненькое Озеро). По полученным датам можно говорить о бытовании гребенчатой традиции с рубежа V тысячелетия до н.э. до более позднего времени. Развитый неолит региона характеризуется появлением, вероятно в начале IV тысячелетия до н.э., племен с ямочно-гребенчатой (льяловской) керамикой (Утюж I, Вьюново Озеро I, II, Чёрненькое Озеро II и III и др.), которые здесь просуществовали до второй четверти IV тысячелетия до н.э. В период развитого неолита в Чувашском Поволжье зафиксированы миграционные импульсы носителей лесостепных энеолитических традиций самарской (чекалинский и токсский типы), хвалынской и алтатинской культур с красномостовским и новоильинским населением, влияние которых на местное неолитическое население пока слабо изучено.

4. Имеющиеся немногочисленные материалы *энеолита* показывают культурную неоднородность и специфику. Исследованиями получены новые материалы пока не получившей определения культурной общности энеолита, сформировавшейся в последней трети IV тысячелетия до н.э. при контактах южных лесостепных традиций с северными лесостепными и лесными. Пока недостаточно раскопанных памятников для характеристики и атрибуции этого явления. Проблемными остаются хронологические и культурные позиции оценки контактов финальноэнеолитического населения Чувашского Поволжья с балановскими и абашевскими племенами бронзового века.

5. Эпоха *бронзы*, несмотря на масштабные исследования памятников, имеет множество научных проблем. Остаются практически неизученными памятники чирковской, поздняяковской культур и приказанских древностей. Слабо исследованы памятники северо-восточной окраины срубной культуры.

Научной проблемой до сих пор с момента открытия этой культуры остаётся отсутствие абашевских поселений в крае. Также не решены вопросы культурно-хронологических отношений средневожских балановской, атликасинской, фатьяновской и абашевской культур, вопросы синхронизации памятников лесной зоны с памятниками лесостепной зоны Восточной Европы.

6. Эпоха *раннего железного века* — крайне проблемный период в истории края. Открытым остается вопрос о конкретной культурной принадлежности ананьинской КИО (постмаклашеевская, аккозинская, ананьинская культуры, культура гребенчато-шнуровой керамики) и характере взаимодействия ее основных компонентов на территории Чувашско-Марийского Поволжья. Тесно связан с ним и вопрос о классических городецких древностях в регионе: можно ли их выделять при отсутствии рогожной керамики? В должной мере не прослежены специфика и истоки памятников позднеананьинского времени (Чурачикский могильник, Тоганашское городище, Малояушское городище «Укся-Сют» и др.), а ведь именно они должны быть связаны с культурами начала I тысячелетия н.э. Препятствием на этом пути является хронологическая лакуна II—I вв. до н.э., которую нужно заполнить.

7. Без решения указанных проблем нельзя будет обратиться и к вопросам культурогенеза в *I тысячелетии н.э.*, в частности, памятников писеральско-андреевского круга, которые нельзя рассматривать в отрыве от местного культурогенеза. На наш взгляд, дальнейшее накопление источниковой базы по этому вопросу должно быть связано и с территорией Чувашии, где есть перспективные точки для исследования. Безусловно, для решения вопросов происхождения памятников этого типа необходимо рассмотреть составляющие их компоненты на более широком историко-культурном фоне. Большинство памятников региона I тысячелетия н.э. (более 100) до сих пор относится к «позднегородецким», хотя в целом в регионе выделены памятники типа Сендимиркино-Таутово, древнемордовские, древнемарийские. Актуальным является вопрос об их культурной дефиниции, границах распространения, соотношении и характере взаимодействия, а также вопрос о влиянии на население Чувашского Поволжья более глобальных процессов, имевших место в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы в I тысячелетии н.э. (распад зарубинецкой культуры, миграция населения киевской культуры, черняховская экспансия, гуннское нашествие, возвышение Хазарского каганата и др.).

8. Для эпохи *Средневековья* актуальным является период раннеболгарского времени (VIII — первая половина IX в.), памятники которого до сих пор неизвестны на территории республики. В свете открытия Анаткасинского могильника (X—XI вв.) и Шинерпосинского святилища (XI—XIX вв.) по-новому предстает ситуация в домонгольское время в северной части Чувашии. Выяснение культурной принадлежности и поиск других памятников этого круга являются насущными задачами. В этой связи по-новому представляется и решение вопроса о границах, причинах и характере распространения болгар в крае в домонгольское время. Назрела необходи-

мость переосмысления старых материалов золотоордынского времени в свете накопившихся данных в соседних регионах, выделения так называемого «древнечувашского» (или «болгаро-чувашского») культурного комплекса и разграничения его с древнемарийским. Большое значение в этой связи приобретают материалы с территории Приказанья и Присвияжья, где источники более позднего времени фиксируют значительный пласт чувашского населения. Актуальным вопросом является также русское проникновение в Чувашский край, хронология, география этого процесса и характер взаимодействия русских с местным населением. В определенной степени это касается и мордовских памятников в регионе. Решить эти вопросы невозможно без поиска памятников XV — первой половины XVI в., которые пока также неизвестны в Чувашском Поволжье (кроме Чебоксар и нескольких погребений Новоядринского могильника).

9. Традиционной, но далекой от разрешения является проблема изучения погребальных памятников Чувашии Нового времени (XVI—XIX вв.). Несмотря на высказанные версии об их связи с болгарскими и марийскими могильниками, их этнокультурные компоненты, общие и особенные признаки еще предстоит выяснить. На новом уровне это исследование можно провести при выявлении и публикации всех комплексов, современной классификации и сериации погребального инвентаря. Механическим выглядит сопоставление могильников с этнографическими группами современных чувашей. Разделение их на две группы (по Т.Б. Никитиной и С.А. Краснову) также нуждается в дополнительной аргументации. Решить многие вопросы погребальной археологии Чувашского Поволжья Нового времени может помочь поиск могильников XIII—XV вв. Пока преобладает между могильниками типа Янмурзинского «Пйлаху» и более поздними чувашскими погребениями с трудом прослеживается. Тесно связан с могильниками Чувашского Поволжья вопрос о каменных надгробиях. Требуют объяснения их отличия от синхронного татарского мусульманского эпиграфического материала. Необходима и интенсификация таких недостаточно развитых в Чувашии направлений исследований, как поселенческая, индустриальная археология и изучение святилищ, дорог, засечных черт Нового времени. Эти направления исследований могли бы расширить источниковую базу для решения многих вопросов истории Нового времени Чувашского края.

Организационно-практические задачи

1. Значительная часть памятников Чувашского Поволжья полностью не введена в научный оборот, а многие публикации прошлых лет сделаны на низком научно-методическом и полиграфическом уровне, поэтому отдельной научной проблемой является *публикация и переиздание источников*. Проведение регулярных научных форумов для обсуждения указанных выше проблем — необходимое условие для развития археологии. Назрела необходимость издания монографических исследований по археологии Чувашии (по периодам и эпохам, отдельным ключевым памятникам и др.), подводящих итоги многолетним изысканиям.

2. Применение *новых научных методов* существенно раздвигает рамки интерпретации полученных археологических материалов. Современная археологическая наука имеет неограниченный спектр применяемых методов, как собственно археологических (стратиграфический, сравнительный, трасологический, статистический и др.), так и естественнонаучных (астроархеологические, антропологические, палеонтологические, зооархеологические, палеоландшафтные и палеоклиматические, геохронологические, палеоботанические, дендрохронологические, методы радиоуглеродного датирования, геоинформационные, компьютерные и др.), что в основном было недоступно нашим предшественникам. Необходима интеграция археологии с этнографией, лингвистикой и другими гуманитарными дисциплинами.

3. *Охрана археологических памятников* — важная прикладная задача, стоящая не только перед научным сообществом, но и перед всем современным обществом республики. Важная ее составляющая — это паспортизация всех открытых археологических памятников (в настоящее время в Чувашии составлены паспорта на 10 памятников, для сравнения: в Марий Эл — около 150). Существует острая необходимость охранных работ в зоне Чебоксарского водохранилища, а также в связи с принявшим катастрофические (!) масштабы уничтожением: распашкой, строительством, варварскими кладоискательскими «раскопками» святилищ, могильников, поселений и других объектов археологии. Большое количество памятников разграблено. Необходимо, на наш взгляд, в рамках местной законодательной инициативы ввести регулирование на использование металлодетекторов.

4. Решение многих научных задач невозможно без системы подготовки квалифицированных *кадров*. Необходимы специалисты как по хронологическим периодам (эпоха бронзы, раннее и позднее Средневековье, Новое время), так и по технике и технологии изготовления керамики, металлических и стеклянных изделий и др. Это возможно только при более тесном взаимодействии с вузами республики, профильными учреждениями России.

5. От *материальной базы и финансового обеспечения работ* зависят возможности и масштабы исследований и привлечения специалистов смежных дисциплин. Без современного экспедиционного и исследовательского оборудования (георадары, тахеометры, теодолиты и др.), компьютерных программ сегодня невозможно проведение научных исследований.

6. Все археологические знания базируются на полученных в ходе раскопок коллекциях. *Хранение коллекций и доступность их* для специалистов — ключ к успешным исследованиям. Необходимо опубликование каталогов археологических коллекций, хранящихся в ЧНМ, ЧГИГН, ЧГПУ, ЧГУ и других учреждениях.

7. Важнейшей задачей всей гуманитарной науки, в т.ч. археологии, является *пропаганда и популяризация археологических знаний*. Это важно для подрастающего поколения на фоне размножившихся деятелей так называемых «фолк-хистори», которые вольно трактуют научные знания. Это важно и для современных работников сферы культуры и специалистов по охране и использованию археологического наследия.

Сокращения

- АИЗ — Археологические известия и заметки
АЕС — Археология евразийских степей
АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АФ ЧГИГН — Археологический фонд ЧГИГН
АЭМК — Археология и этнография Марийского края
АЭМ ЧГПУ — Археолого-этнографический музей ЧГПУ им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары)
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КГВ — Казанские губернские ведомости
КИО — культурно-историческая общность
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
КФАН СССР — Казанский филиал Академии наук СССР
МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией
МарНИИ — Марийский научно-исследовательский институт
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИХМК — Новочебоксарский историко-художественный музейный комплекс
НЦАИ ИИ АН РТ — Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова Института истории Академии наук Республики Татарстан
ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии
ПА — Поволжская археология
ПАЭ — Поволжская археологическая экспедиция
РА — Российская археология
РАО — Российское археологическое общество
РСМ — Раннеславянский мир
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГПИ — Саратовский государственный педагогический институт
СГПУ — Самарский государственный педагогический университет
СГУ — Саратовский государственный университет
УЗ ЧНИИ — Учёные записки Чувашского научно-исследовательского института
ЧАЭ — Чувашская археологическая экспедиция
ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧГПУ — Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
ЧГУ — Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
ЧКМ — Чувашский республиканский краеведческий музей
ЧНИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР
ЧНМ — Чувашский национальный музей

Литература и примечания

- ¹ Михайлов С.М. Предания чуваш // КГВ. Казань, 1852. № 25; *Его же*. Очерк расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде // КГВ. Казань, 1858. № 26; Мельников С.Е. Село Покровское Большая Тояба тож в Тетюшском уезде // КГВ. Казань, 1856. № 38, 39; Вечеслав Н.Н. Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. Казань, 1874; Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

² *Износков И.А.* Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии, и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. 3. С. 73—84; *Магницкий В.К.* Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. 3 (1880—1882 гг.). С. 160—179; *Его же.* Городище «Пиндьер сырч» и курганы в Ядринском и Курмышском уездах // ИОАИЭ. Казань, 1896. Т. 13, вып. 4. С. 354—373; *Его же.* Два «Хола сёче» (городища) в Ядринском уезде // ИОАИЭ. Казань, 1897. Т. 14, вып. 1. С. 101—108; *Его же.* Поездка в Курмышский и Ядринский уезды с археологической целью // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. 14, вып. 4. С. 434—441; *Зайцев И.Я.* Городище в даче села Б. Таяба Тетюшск[ого] уезда // ИОАИЭ. Казань, 1892. Т. 10, вып. 1. С. 112—113; *Архангельский Н.А.* Курганы в Туруновском и Малошарьминском приходах Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1896. Т. 13, вып. 4. С. 287—289; *Его же.* Из археологической экскурсии в 1898 году по Ядринскому уезду // ИОАИЭ. Казань, 1900. Т. 16, вып. 1. С. 72—78; *Его же.* Археологические достопримечательности Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1900. Т. 16, вып. 2. С. 213—225; *Штукенберг А.А.* Материалы для археологии Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. 17, вып. 1. С. 66—67; *Его же.* Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. 17, вып. 4. С. 165—213; *Никитин (Юрки) И.Д.* Чол-йона (каменный столб) // ИОАИЭ. Казань, 1907. Т. 23, вып. 4. С. 312—313; *Кротов П.И.* Археологическая поездка // ИОАИЭ. Казань, 1910. Т. 26, вып. 1—2. С. 52—54; *Хомяков М.М.* Материалы по антропологии Востока России // ИОАИЭ. Казань, 1909. Т. 24, вып. 6. С. 497—520; *Его же.* Материалы по антропологии Востока России // ИОАИЭ. Казань, 1910. Т. 26, вып. 3. С. 222—251.

³ *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

⁴ *Хомяков М.М.* Материалы по антропологии ... С. 52—54, 222—251; *Кротов П.И.* Археологическая поездка ... С. 52—54.

⁵ *Ефименко П.П.* Предварительный отчет о работе в Чувашской автономной республике этнологической экспедиции по изучению Среднего Поволжья (август — сентябрь 1926 г.) // Чувашское хозяйство. Чебоксары, 1927. № 1—2. С. 157—160; *Его же.* Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. I. Работы палеоэтнологического отряда в Чувашской республике // СГАИМК. Л., 1929. Т. 2. С. 160—173; *Его же.* Археологические работы среди чуваш // Первый Всечувашский краеведческий съезд. Чебоксары, 1929. С. 56—62, 96; *Смолин В.Ф.* Археологические разведки в Чувашск[ой] республике в 1926 г. // ИОАИЭ. Казань, 1927. Т. 33, вып. 4. С. 15—32. *Третьяков П.Н.* Из материалов Средневожской экспедиции ГАИМК // СГАИМК. Л., 1931. № 3. С. 3—16; *Его же.* Средневековые городища ЧАССР // СГАИМК. Л., 1932. № 5—6. С. 62—66.

⁶ *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья / ЧНИИ. Чебоксары, 1948; *Смирнов А.П.* Древняя история чувашского народа (До монгольского завоевания) / ЧНИИ. Чебоксары, 1948.

⁷ *Акимова М.С.* Отчет об археологических раскопках в Чувашской АССР в 1949 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 343; *Её же.* Отчет об археологических раскопках в Чувашской АССР в 1950 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 462.

⁸ *Третьяков П.Н.* Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // СЭ. М.; Л., 1950. № 3. С. 44—53; *Трофимова Т.А.* Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // Там же. С. 54—65; *Смирнов А.П.* Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа // О происхождении чувашского народа / ЧНИИ. Чебоксары, 1957. С. 5—27.

⁹ УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 29—47, 202—275; Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 3—149 (УЗ ЧНИИ; вып. 19); Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах. Чебоксары, 1964 (УЗ ЧНИИ; вып. 25) и др.

¹⁰ *Смирнов А.П.* Чувашская археологическая экспедиция [1958 г.] // КСИА. М., 1961. Вып. 84. С. 125—129; *Его же.* Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. (МИА; № 95); *Мерцет Н.Я.* Абашевские курганы Северной Чувашии (Раскопки 1957—1958 гг.) // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961. С. 111—156. (МИА; № 97); *Его же.* Срубная культура Южной Чувашии // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1962. Т. 4. С. 7—21. (МИА; № 111); *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Там же. С. 49—89; *Каховский В.Ф.* Поселения эпохи бронзы в Чувашии // СА. М., 1962. № 1. С. 152—162; *Матвеева Л.П.* Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии // СА. М., 1962. № 4. С. 214—219; *Смирнов А.П., Трубицкова Н.В.* Городецкая культура. М., 1965. (Археология СССР. САИ; вып. Д. 1—14); *Трубицкова Н.В.* Городище Ножа-Вар в Чувашии // СА. М., 1965. № 4. С. 144—157.

¹¹ *Смирнов А.П.* Отчет о работах археологической экспедиции 1962 г. о раскопках у д. Малые Собары Красноармейского района // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 663. Инв. № 1936.

¹² Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре / Н.С. Березина, А.В. Вискалин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Самарский край в истории России. Самара, 2007. Вып. 3. С. 14–23; Чёрненко Озеро III — новый памятник каменного века в Среднем Посурье / Н.С. Березина, А.А. Выборнов, С.А. Кондратьев, А.А. Шалапинин // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010. С. 61–75; Раннеолитическая стоянка Вьюново Озеро I в Среднем Посурье / Н.С. Березина, А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий, А.Ю. Березин // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 195–201.

¹³ Каменные топоры балановской культуры (Чувашская Республика). [Электронный ресурс] / Б.С. Соловьев, К. Карпелан, С.В. Кузьминых, Е.П. Михайлов. Чебоксары, 2014.

¹⁴ *Романов Н.Р.* Этнография и археология в Чувашской АССР // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 5. С. 200–222; *Каховский В.Ф.* Изучение археологических памятников в Чувашской АССР за 40 лет // УЗ ЧГПИ. Чебоксары, 1961. Вып. 13. С. 161–178; *Каховский Б.В.* Развитие археологии в Советской Чувашии // Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти. Чебоксары, 1980. С. 41–51 (УЗ ЧНИИ; вып. 100); *Его же.* Вклад В.Ф. Каховского в развитие археологической науки в Чувашии // Вопросы археологии и этнографии Чувашии: Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского / ЧГИГН. Чебоксары, 2000. С. 22–47; *Его же.* Вклад В.Ф. Каховского в отечественную археологическую науку // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: Материалы научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 декабря 2006 г. / ЧГИГН. Чебоксары, 2007. Кн. 1. С. 16–22; *Михайлов Е.П.* Роль В.К. Магницкого в изучении археологических памятников Чувашии // Василий Константинович Магницкий — исследователь культуры и быта чувашей. Чебоксары, 1989. С. 81–85; *Его же.* Роль Казани и казанских ученых в изучении археологических памятников Чувашии // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитарные традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана»: материалы секции археологии. Казань, 1997. С. 67–72; *Его же.* Археология // Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1930–2000 гг. Чебоксары, 2000. С. 158–170; *Его же.* К 50-летию Чувашской археологической экспедиции // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: Материалы научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 декабря 2006 г. Чебоксары, 2009. Кн. 2. С. 5–21; *Его же.* Из истории изучения археологических памятников Алатырского района // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности: Материалы межрегионального научно-практического полевого семинара, Чебоксары, 31 июля — 4 августа 2008 г. Чебоксары, 2010. С. 15–30; *Его же.* Из истории изучения и охраны памятников археологии, истории и культуры Чувашии (XIX в. — 1930-е гг.) // Чувашская археология. Чебоксары, 2012. Вып. 1. С. 5–18; *Его же.* Алексей Петрович Смирнов и археологические исследования в Чувашии // Чувашская археология / ЧГИГН. Чебоксары, 2015. Вып. 2. С. 6–24; *Михайлов Е.П., Кузьминых С.В.* В.Ф. Смолин и Абашево (К истории археологического изучения Чувашии) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы Международной научной конференции, Чебоксары, Россия, 26–30 мая 2003 года / ЧГИГН, ИА РАН, МарНИИ, СГПУ. Чебоксары, 2003. С. 12–34; *Михайлов Е.П., Березина Н.С.* Из истории изучения памятников бронзового века Чувашии // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и Средневековье. Йошкар-Ола, 2004. С. 7–13. (АЭМК; вып. 27); Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. С. 13–17.

¹⁵ *Ефименко П.П.* Материалы Средневожской экспедиции 1926 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 239, 240.

¹⁶ *Бадер Н.О.* Отчет о работах палеолитического отряда Куйбышевской экспедиции, проведенных в июле 1957 г. Н. Бадером и В. Пушкарским // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 558. Инв. № 1574. Л. 15.

¹⁷ *Старостин П.Н.* Результаты археологических разведок левобережья Волги от пос. Дубовский до с. Кокшамары // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола, 1961. С. 165–180. (Труды МарНИИ; вып. 16); *Никитин В.В.* Материалы к атласу археологических памятников Марийской ССР // *Архипов А.Г., Никитина Т.Е.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 2. С. 101–131; *Соколов А.И.* Археологическая разведка Чувашского республиканского краеведческого музея в 1991 г. // Научный архив ИА РАН. Р—1; № 16167,

16168; *Соколов А.И.* Памятники эпохи неолита в акватории Чебоксарского водохранилища // Исследования П.Б. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск, 1999. С. 56—58.

¹⁸ *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья, М., 1969. С. 96.

¹⁹ *Третьяков В.П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972. 136 с.

²⁰ *Фосс М.Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. № 29. 1952. С. 173.

²¹ *Никитин В.В.* Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 224—232.

²² Охранные раскопки ...

²³ *Вискалин А.В.* Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 228—239.

²⁴ Культурные процессы в неолите Среднего Посурья / Н.С. Березина, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Сидоров, В.В. Ставицкий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань, 2014. С. 208—210.

²⁵ Ранненеолитическая стоянка ...

²⁶ *Ставицкий В.В., Юдин С.О.* Дискуссионные вопросы изучения каменного века Чувашского Посурья // Поволжские финны и их соседи в древности и Средние века. Саранск, 2011. С. 27—30.

²⁷ Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья / А.А. Выборнов, К.М. Андреев, А.В. Барацков, М.А. Кулькова, П.М. Кольцов, А.И. Юдин, Т. Джалл, Т. Гослар, М. Ойнонен, Г. Посснерт, Б. Филиппсен // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15, № 5. Самара, 2013. С. 254—260.

²⁸ *Кондратьев С.А.* О своеобразии ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып. 2, т. 1. С. 147; *Выборнов А.А., Кондратьев С.А.* Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 11, № 6. Самара, 2009. С. 282—284.

²⁹ Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования / Н.Л. Моргунова, А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, Н.В. Скрипкин // РА. 2010. № 4. С. 18—27.

³⁰ *Березина Н.С.* О миграционных процессах в неолите-энеолите Поволжья во второй половине IV тысячелетия до н.э. (на примере тоцкого керамического комплекса стоянки Мукшумская V Чувашского Заволжья) // Чувашский гуманитарный вестник. № 10. Чебоксары, 2015.

³¹ *Габяшев Р.С.* Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней и средневековой истории Волго-Камья. Вып. 1. Казань, 1994. С. 30—32; *Васильев И.Б., Габяшев Р.С.* Взаимоотношения энеолитических культур лесного, лесостепного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 3—23.

³² *Ставицкий В.В.* К вопросу о происхождении гаринско-борской культуры // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2, т. 2. Пенза, 2008. С. 49—57.

³³ *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.

³⁴ *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977. С. 5—41. (АЭМК; вып. 2).

³⁵ *Никитин В.В.* Медно-каменный век ...

³⁶ *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1996. Т. 4. 180 с.

³⁷ *Никитин В.В.* Медно-каменный век ...

³⁸ *Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006. С. 31—60.

³⁹ *Королев А.И.* Энеолитические материалы лесостепи и вопросы происхождения средневолжских волосовских и гаринско-борских древностей // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2012. Т. 14, № 3—1. С. 1256—1264.

⁴⁰ *Михайлов Е.П., Березина Н.С.* Из истории изучения памятников эпохи бронзы Чувашии // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и Средневековье. Йошкар-Ола, 2004. С. 7. (АЭМК; вып. 27).

⁴¹ *Смолин В.Ф.* Абашевский могильник в Чувашской республике (Очерк археологических раскопок в 1925 г.). Чебоксары, 1928. 56 с.

- ⁴² *Ефименко П.П.* Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. ... С. 170—172.
- ⁴³ *Кривцова-Гракова О.А.* Абашевский могильник (Раскопки 1945 г.) // КСИИМК. Вып. 17. М.; Л., 1947. С. 92—98.
- ⁴⁴ *Третьяков П.Н.* Из материалов Средневожской экспедиции ГАИМК // СТАИМК. № 3. Л., 1931. С. 13.
- ⁴⁵ *Бадер О.Н.* К вопросу о балановской культуре // Советская этнография. 1950. № 1.
- ⁴⁶ *Бадер О.Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 168 с.
- ⁴⁷ *Кривцова-Гракова О.А.* Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. Вып. 16. М.; Л., 1947. С. 22—33.
- ⁴⁸ *Степанов П.Д.* О фатьяновских поселениях // СА. № 2. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 124—136; *Степанов П.Д.* Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР // СА. № 4. М., 1958. С. 200—202; *Степанов П.Д.* Ош-Пандо / Мордовский НИИ. Саранск, 1967. [211 с.]
- ⁴⁹ *Ефименко П.П.* Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. ... С. 172—173.
- ⁵⁰ *Кривцова-Гракова О.А.* Срубная культура в Поволжье // Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955. С. 9—82. (МИА; № 46).
- ⁵¹ *Мерперт Н.Я.* Абашевские курганы ...
- ⁵² *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ 1945—1952 гг. // Труды КФАН СССР. Казань, 1954. С. 35—39.
- ⁵³ *Мерперт Н.Я.* Абашевские курганы ... ; *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961. С. 43—110. (МИА; № 97).
- ⁵⁴ *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. С. 60—63; *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 2006. С. 27—38.
- ⁵⁵ *Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2. М., 1958. С. 45—156. (МИА; № 61).
- ⁵⁶ *Халиков А.Х.* Древняя история ... С. 209—239.
- ⁵⁷ *Каховский В.Ф.* Чурачикский курган в Чувашии // СА. 1963. № 3. С. 169—177; *Молодин В.И., Прякин А.Д.* Евразийская лесостепь в эпоху средней-поздней бронзы (некоторые проблемы) // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998. Вып. 11; *Большов С.В.* Лес и лесостепь: к проблеме контактов населения различного хозяйственно-культурного типа (на примере археологических культур неолита-бронзы севера Среднего Поволжья) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/les-i-step-k-probleme-kontaktov-naseleniya-razlichnogo-hozyaystvenno-kulturnogo-tipa-na-primere-arheologicheskikh-kultur-neolita-bronzy> (дата обращения: 25.01.2016).
- ⁵⁸ *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 2006. С. 23—27.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Соловьев Б.С.* Бронзовый век ... С. 25—28.
- ⁶¹ *Краснов Ю.А., Трубникова Н.В., Зубарева В.М.* Поселение эпохи бронзы в низовьях р. Суры // КСИА. Вып. 134. М., 1973. С. 81—90.
- ⁶² *Трубникова Н.В.* О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 227—262; *Её же.* Отчет о разведочных археологических работах, проведенных в 1955 г. у д. Криуши Чувашской АССР // УЗ ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14. С. 162—195.
- ⁶³ *Халиков А.Х.* Приказанская культура // САИ. Вып. В 1—24. М., 1980. С. 106.
- ⁶⁴ Там же. С. 23—38; *Халиков А.Х.* Древняя история ...
- ⁶⁵ *Соловьев Б.С.* Бронзовый век ... С. 74—75.
- ⁶⁶ Там же. С. 60—63; *Большов С.В.* Лесная полоса ... С. 27—38.
- ⁶⁷ *Кожин П.М.* Атликасинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и Средневековье Волго-Камья. Казань, 2004. С. 88—95.
- ⁶⁸ *Соловьев Б.С.* Бронзовый век ...
- ⁶⁹ *Большов С.В.* К вопросу о фатьяновско-балановской культурно-исторической общности // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-fatyanovsko-balanovskoy-kulturno-istoricheskoy-obschnosti> (дата обращения: 19.01.2016).

- ⁷⁰ Соловьев Б.С. Бронзовый век ... С. 25—26.
- ⁷¹ Ставицкий В.В. Чирковская культура // Археология Мордовского края: каменный век, эпоха бронзы. Саранск, 2008. С. 166.
- ⁷² Оторощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003. С. 68—84.
- ⁷³ АЭМ ЧГПУ.
- ⁷⁴ Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М., 1952. 319 с. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1985; Лыганов А.Е. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с.
- ⁷⁵ Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья. Елабуга, 2009. (АЕС; вып. 8). С. 32; Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблемы хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001. С. 30—36.
- ⁷⁶ Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир ... С. 31.
- ⁷⁷ Соловьев Б.С. Бронзовый век ... С. 73—75.
- ⁷⁸ Михайлов Е.П. Из истории изучения памятников городецкой культуры на территории Чувашии // Истории исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 51—64.
- ⁷⁹ Спицын А.А. Городища дьякова типа // Зап. отдел. русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. 5, вып. 1. СПб., 1903. С. 114—142.
- ⁸⁰ Городцов В.А. Результаты археологических исследований 1898 года, произведенных на берегах р. Оки, в пределах Рязанской области // АИЗ. Вып. 7. М., 1900. С. 193—194; ОАК. СПб., 1908. С. 16.
- ⁸¹ Датировки памятников раннего железного века были омоложены из-за представлений о хронологии того времени.
- ⁸² Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Т. 25. СПб., 1901. С. 23—24.
- ⁸³ Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир ... С. 29.
- ⁸⁴ Михайлов Е.П. Из истории изучения ... С. 55.
- ⁸⁵ Ефименко П.П. Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. Работы палеознотологического отряда в Чувашской республике // СГАИМК. Т. 2. Л., 1929. С. 166—167.
- ⁸⁶ Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории ... С. 52.
- ⁸⁷ Ефименко П.П. Рязанские могильники: опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. 3, вып. 1. Л., 1926. С. 83—84; Его же. Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. ... С. 170; Третьяков П.Н. Рязанские могильники ... С. 53—56.
- ⁸⁸ Ефименко П.П. Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. ... С. 169—170.
- ⁸⁹ Платонова Н.И. История археологической мысли в России, вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010. С. 180—188, 253—259.
- ⁹⁰ Ефименко П.П. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н.э. по археологическим источникам // СА. Вып. 2. М., 1937. С. 45—47; Смирнов А.П. О возникновении государства волжских болгар // Вестник древнейшей истории. М., 1938. № 2. С. 103—105; Третьяков П.Н. Некоторые вопросы этнологии восточного славянства // КСИИМК. М.; Л., 1940. С. 15; Трубинова Н.В. Племена городецкой культуры // Археологический сборник. М., 1953. С. 63—96. (Труды ГИМ; вып. 22).
- ⁹¹ Михайлов Е.П. Из истории изучения ...
- ⁹² Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. С. 121. (МИА; № 95). Смирнов А.П., Трубинова Н.В. Городецкая культура. М., 1965. 40 с. (САИ; вып. Д1—14).
- ⁹³ Смирнов А.П., Трубинова Н.В. Городецкая культура ... 40 с.
- ⁹⁴ Каховский Б.В. Итоги археологических работ 1979—1980 гг. в Чувашской АССР // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1982. С. 45—46.
- ⁹⁵ Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. 1952. 326 с. (МИА; № 30); Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н.э.). М., 1977. 266 с.
- ⁹⁶ Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир ... С. 30.
- ⁹⁷ Сташенков Д.А. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20—22.
- ⁹⁸ Там же.

⁹⁹ *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009. С. 7—9. (АЕС; вып. 7).

¹⁰⁰ *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МАЭ. Т. 2. Йошкар-Ола, 1962. С. 133—138.

¹⁰¹ *Каховский Б.В., Ильина Е.В.* Новые исследования Чурачикского могильника в 2001 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003. С. 172, 195—196; *Каховский Б.В.* Археологические исследования Чувацкого государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева на Чурачикском могильнике в 2002—2003 годах // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006. С. 202.

¹⁰² *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир ... С. 30—31.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 34.

¹⁰⁵ ГИМ. Инв. № 96073, 87100.

¹⁰⁶ Там же. Инв. № 96073; АЭМ ЧГПУ; АФ ЧГИГН; *Патрушев В.С.* Начало эпохи раннего железа в Марийском крае: учеб. пособие. Йошкар-Ола, 1986. С. 19—25.

¹⁰⁷ *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир ... С. 34.

¹⁰⁸ *Патрушев В.С.* Начало эпохи ... С. 36, 42, 118.

¹⁰⁹ *Каховский В.Ф.* Чурачикский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах. Чебоксары. С. 86—90; *Каховский Б.В., Ильина Е.В.* Новые исследования Чурачикского могильника в 2001 году. С. 195—196; *Каховский Б.В.* Археологические исследования ... С. 201—202.

¹¹⁰ ГИМ. Инв. № 96073, 99584, 97849, 97851, 97882, 97095; ЧКМ. № 9316; АФ ЧГИГН.

¹¹¹ *Смирнов А.П., Трубинова Н.В.* Городецкая культура ...

¹¹² От аккозинской ее отличают толстостенность и плоские днища, а от городецкой — отсутствие рогожных отпечатков.

¹¹³ Единственным территориально близким памятником, в котором был найден сосуд с псевдорогожными отпечатками, является Андреевский курган 2, однако время его возведения не совсем ясно (*Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Указ. соч. Рис. 34: 2. С. 54—56).

¹¹⁴ *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа ... С. 258; *Марков В.Н.* Антоновское городище (О поздней дате существования «текстильной» керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камья) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 102—103. (АЭМК; вып. 21); *Патрушев В.С.* Марийский край в VII—VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984. С. 202.

¹¹⁵ *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М., 2011. С. 221—223; *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С. 104; *Черных Е.М.* Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья. С. 76. (АЕС; вып. 8); *Красноперов А.А.* К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Казань, 2009. С. 92—105; *Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган ... С. 72—74; *Румянцева О.С.* Керамика центральной группы могильников. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. С. 252—253. (ПСМ; вып. 9).

¹¹⁶ *Мясников Н.С.* Современное состояние изучения археологических памятников I—VIII вв. н.э. в Чувашском Поволжье: итоги и перспективы // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2011. № 4. С. 69—77.

¹¹⁷ *Сташенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I—V вв. н.э. М., 2005. (ПСМ; вып. 7); *Его же.* Об этнокультурных связях населения именьковской культуры ... С. 23—29.

¹¹⁸ *Мясников Н.С.* Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I—VIII вв. н.э. в свете археологических данных. Чебоксары, 2013. 72 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 13).

¹¹⁹ *Зубов С.Э.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I—III вв.): миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Hamburg: LAP Lambert, 2011. С. 14—15.

¹²⁰ *Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.Р.* К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. С. 273. (ПСМ; вып. 9); *Гришаков В.В.* Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2, т. 2. Пенза, 2008. С. 99.

¹²¹ *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2001. С. 187—207; *Гришаков В.В.* Условия и факторы формирования локальных

традиций в древнемордовской культуре ... С. 99, 103—105; Сендимиркинский могильник — новый памятник первой четверти I тыс. н.э. в северной части Сурско-Свияжского междуречья / В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов, Е.П. Михайлов, Н.С. Мясников, О.В. Седышев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань, 2014. С. 320—323.

¹²² *Шитов В.Н.* Расселение мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Саранск, 2000. Рис. 4. С. 60.

¹²³ *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Труды МАЭ. Т. 5. Йошкар-Ола, 1999. С. 39—41; *Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.Р.* К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников ... С. 274—275; *Ахмедов И.Р.* Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: Мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. Самара, 2012. № 3. С. 107—123.

¹²⁴ Археологическая карта Чувашской Республики: в 3 т. Чебоксары, 2013—2015.

¹²⁵ Исследованиями последних лет Н.С. Мясникова и Л.А. Вязова в окрестностях г. Алатырь выделено несколько городищ и селищ, керамический комплекс которых отличается как от древнемордовских, так и от именьковских памятников.

¹²⁶ Описание С.Е. Мельниковым Большешетаябинского городища в 1856 г.

¹²⁷ *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877. С. 504—548.

¹²⁸ *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1975. С. 175. (Археология и этнография Татарии; вып. 1).

¹²⁹ *Ефименко П.П.* Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. ... С. 168.

¹³⁰ *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории ... С. 60—61.

¹³¹ Там же. С. 62—63.

¹³² Найденную на Калугинском городище хуласюческую керамику бронзового века П.Н. Третьяков ошибочно отнес к Средневековью, булгарам, вызвав в дальнейшем путаницу, отнесение этого городища к числу болгарских памятников (А.П. Смирнов, В.Ф. Каховский).

¹³³ *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории ... С. 65—69.

¹³⁴ Там же. С. 62—63.

¹³⁵ *Смирнов А.П.* Древняя история ... С. 25.

¹³⁶ *Смирнов А.П.* Железный век ... С. 136.

¹³⁷ Там же. С. 138—140.

¹³⁸ *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Памятники Средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники Средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 134—151.

¹³⁹ *Каховский В.Ф.* Булгарские памятники на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары, 1995. С. 22—23. (Труды / ЧНИИ).

¹⁴⁰ Здесь в 1950—1960-х гг. был открыт ряд новых памятников по рекам Була, Бездна и др. (*Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Памятники Средневековья Чувашского Поволжья. С. 116).

¹⁴¹ *Каховский В.Ф.* Булгарские памятники ... С. 160—164.

¹⁴² Там же. С. 159.

¹⁴³ Там же. С. 160.

¹⁴⁴ *Смирнов А.П.* Железный век ... С. 140—151.

¹⁴⁵ Там же. С. 151—157.

¹⁴⁶ Там же. С. 161—163.

¹⁴⁷ *Каховский В.Ф.* Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Труды / ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары, 1978.

¹⁴⁸ *Каховский В.Ф.* О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, 1980. С. 35—50; *Его же.* Булгарские памятники на территории Чувашии. С. 23—24.

¹⁴⁹ Старые Чебоксары: археология, история, топонимика. Чебоксары, 2012. 191 с.

¹⁵⁰ *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII—XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 90—92; *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР. С. 175—201; *Смирнов А.П., Корнилов Г.Е.* Вопросы этногенеза тюркоязычных

народов Среднего Поволжья // История и культура Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 481—517; *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Памятники Средневековья Чувашского Поволжья. С. 62—64; Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А.П. Смирнова) / А.Х. Халиков, П.Н. Старостин, Е.А. Халикова, А.Г. Петренко // СА. 1974. № 1. С. 265—274; *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3; *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах болгарской археологии в аспекте этногенеза чувашского народа // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара. Чебоксары, 2012. С. 37—45.

¹⁵¹ *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII—XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР. С. 90—92; *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР. С. 181—190; *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных. С. 119—120.

¹⁵² *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности ... С. 201.

¹⁵³ *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Памятники Средневековья Чувашского Поволжья ... С. 159.

¹⁵⁴ *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения ... С. 120—123.

¹⁵⁵ *Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978. С. 160—165.

¹⁵⁶ *Краснов С.А.* Этническая карта Чувашии периода Золотой Орды (XIII—XIV вв.) (по археологическим данным) // Проблемы генезиса народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С. 53—57; *Семенов С.А., Федулов М.И.* Чувашское Поволжье в эпоху Золотой Орды // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 184.

¹⁵⁷ *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах ...

¹⁵⁸ *Воробьева Е.Е., Макарова Е.М., Никитина Т.Б.* Анаткасинский могильник: предварительные итоги археологического и антропологического исследования // Доклад на VI Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова, г. Болгар, 26—30 сентября 2013 г.; *Мясников Н.С.* Полевые записи; АФ ЧГИГН.

¹⁵⁹ *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI — начало XVIII в.) по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992. С. 91—92.

¹⁶⁰ *Кокорина Н.А.* О керамике болгарского типа средневековых Чебоксар // Старые Чебоксары. Чебоксары, 2012. С. 128.

¹⁶¹ *Смирнов А.П.* Древнейшее население на территории Чувашии (первобытнообщинный строй) // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 5—49.

¹⁶² В Чувашии пока нет материалов, достоверно датированных VIII в.

¹⁶³ *Никитина Т.Б.* К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. Йошкар-Ола, 2005—2006. № 9. С. 114—130.

¹⁶⁴ *Руденко К.А.* Славяноидная керамика селищ низовой Камы XIV—XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2006. С. 349—355.

¹⁶⁵ *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения ... С. 119.

¹⁶⁶ *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах ... С. 41.

¹⁶⁷ *Каховский Б.В.* Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984; *Никитина Т.Б.* Марийцы ... С. 87; *Краснов С.А.* Этническая карта Чувашии ... С. 56.

¹⁶⁸ *Третьяков П.Н.* Происхождение чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. № 3. 1950. С. 44—53; *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения ... С. 112; *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах ... С. 37.

¹⁶⁹ *Димитриев В.Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С. 36—41.

¹⁷⁰ *Насыри К.* Материалы по археологии (о селениях Свяжского уезда) // Насыри К. Избранные произведения. Казань, 1977. С. 41—67.

¹⁷¹ *Вискалин А.В., Мясников Н.С.* Этнокультурная ситуация на западной границе Волжской Болгарии в золотоордынское время (по материалам археологических исследований многослойного поселения Утуж I) // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие. Чебоксары, 2012. С. 130. (Тюркские племена и государства Евразии в древности и Средние века; вып. 1); *Мясников Н.С.* Исследование средневекового Утужского поселения в Среднем Посурье в 2011—2012 гг. // Чувашская археология. Вып. 2; *Шитов В.Н.* Расселение мордвы ... ; Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 2. Чебоксары, 2014. С. 156. № 1628.

¹⁷² Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 1. Чебоксары, 2013. С. 119. № 347.

¹⁷³ Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья) // ПА. 2013. № 4 (6); Федулов М.И. Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009. С. 104—114; Вискалин А.В., Мясников Н.С. Этнокультурная ситуация ... С. 130; Мясников Н.С. Исследование средневекового Упожского поселения в Среднем Посурье в 2011—2012 гг.

¹⁷⁴ Михайлов Е.П. Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 3—23.

¹⁷⁵ Федулов М.И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 53—55.

¹⁷⁶ Михайлов Е.П. Золотоордынский ... С. 3—4.

¹⁷⁷ Ефименко П.П. Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. ... С. 165—166.

¹⁷⁸ Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23. М., 1955. С. 78—92.

¹⁷⁹ Каховский Б.В. Дохристианский погребальный культ чувашского населения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 23 с.

¹⁸⁰ Шикаева Т.Б. Памятники XVI—XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985. С. 108—190. (АЭМК; вып. 9).

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Дроздова Г.И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI—XIX веков: по археологическим и этнографическим материалам: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 27 с.

¹⁸³ Федулов М.И. Этнокультурные компоненты ... С. 53.

¹⁸⁴ Краснов С.А. Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем Средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): материалы научной конференции, посвященной 50-летию МАЭ (Юрино, 5—10 августа 2006 г.). Йошкар-Ола, 2007. С. 275—276.

¹⁸⁵ Там же. С. 277.

¹⁸⁶ Там же. С. 277—278.

¹⁸⁷ Федулов М.И. Этнокультурные компоненты ... С. 53—60.

¹⁸⁸ Тем более татары живут по соседству.

¹⁸⁹ Археологическая карта Чувашской Республики. Чебоксары, 2013—2015.

¹⁹⁰ Каховский В.Ф. Булгарские памятники ... С. 26—27.

¹⁹¹ Мухаметшин Д.Г., Михайлов Е.П., Иванов В.Н. (Алмантай). Эпиграфические памятники Чувашии // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие. С. 73—74.

¹⁹² Там же. С. 74.

¹⁹³ Березина Н.С., Харитонова В.Г., Ефремова Д.Ю. Предварительные итоги изучения болгаро-чувашского Шинерпосинского святилища в округе города Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки) // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. Чебоксары, 2013. С. 61.

¹⁹⁴ Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Ремесленный поселок Савад-Ту в Центральной Чувашии // КСИА. Вып. 129. М., 1972. С. 106—109.

¹⁹⁵ Спрыжков Д.В. Раскопки металлургического горна в Чувашии в 2010 г. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. С. 186—187. Автором исследования этот комплекс был интерпретирован как металлургический — для выплавки железа из болотной руды. Датировка комплекса XIV—XV вв. была приведена по одной монете, найденной рядом. Однако стратиграфических и планиграфических доказательств связи этой монеты с комплексом не обнаружено. Раскопки горнов не выявили археологического материала, позволяющего их датировать. Аналогии с горнами г. Болгара приведены автором некорректно: их размеры, формы и археологический контекст не соответствуют вышеописанным. Признаков металлоплавки (металлические всплески, остекленевшие капли и т.д.) не обнаружено. За болотную руду автором ошибочно приняты известковые туфы, обнаруженные в заполнении сооружений.

¹⁹⁶ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары, 1993. С. 166.

2017

СЕССИЯ 1
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Ю.В. Гусаров

**ПЕРЕВОДНАЯ ЧУВАШСКАЯ КНИГА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Оппоненты: А.Н. Павлова, Э.В. Фомин, Е.В. Федотова

ВВЕДЕНИЕ

Развитие культуры чувашского народа во второй половине XIX — начале XX в. отмечено крупными достижениями: началом формирования массовой грамотности, приобщением чувашей к высшему, профессиональному и среднему образованию, проникновением христианского мировоззрения в народное сознание, созданием новой чувашской письменности и возникновением литературного языка, зарождением литературы, науки и искусства. Эти успехи были бы невозможны без переводной чувашской книги, являющейся одновременно двигателем и продуктом культурного прогресса.

В широком толковании под чувашской книгой подразумевают все издания, отмеченные чувашской тематикой: языком, именем автора, местом издания (территория современной Чувашии), содержанием¹. Под переводной чувашской книгой понимаются печатные издания на чувашском языке, представляющие переводы с других языков, в нашем случае — с русского. Переводная чувашская книга возникла в конце XVIII в., однако бурное развитие получила во второй половине XIX — начале XX в. благодаря системе христианского просвещения нерусских народов Востока России, разработанной Н.И. Ильминским.

Нижней хронологической границей данного исследования является 1867 г., когда возникло миссионерское общество — Братство св. Гурия, которое взяло на вооружение систему Н.И. Ильминского и являлось главным учреждением по переводу и изданию книг на «иностранческих» языках до перехода его переводческой комиссии в 1876 г. в ведение Православного миссионерского общества; верхней границей — Октябрь 1917 г., положивший конец царской России и её институтам. Если в 1769—1866 гг. было напечатано 20 книг на чувашском языке (включая двуязычные, т.е. на русском и чувашском языках), то в 1867—1917 гг. 741 — в 37 раз больше. По этой причине Н.В. Никольский годом основания Братства датировал начало завершающего процесса христианизации чувашского народа².

Дореволюционные исследователи не обращались к истории переводной чувашской книги. В советское время она не изучалась по идеологическим причинам. Изданный на правах рукописи библиографический указатель «Чувашская книга до 1917 года» (1950) из-за информации о религиозных изданиях был пущен под типографский нож. Важной вехой в научной реабилитации темы стало его второе, дополненное издание (2001)³. Оно также нуждается в дополнении, о чем свидетельствует его сопоставление с каталогами изданий переводческих организаций, объявлениями о выходе новых книг и рецензиями на них в дореволюционных периодических изданиях. В изучении темы сделаны определенные успехи: опубликованы труды историков и филологов, в которых с разной степенью полноты освещается переводческая деятельность И.Я. Яковлева, Д.Ф. Филимонова, Н.В. Никольского⁴. В языковедческом и книговедческом аспектах чувашскую дореволюционную книгу изучают филологи Э.В. Фомин и О.Р. Студенцов⁵.

Требуют изучения история и деятельность переводческих и издательских центров Урало-Поволжья, в т.ч. теория и практика переводческого дела, история издания, распространения и бытования чувашской книги и др.; некоторые из этих вопросов рассматриваются в данной работе.

1. ПЕРЕВОДНАЯ ЧУВАШСКАЯ КНИГА В БОРЬБЕ ВОКРУГ СИСТЕМЫ Н.И. ИЛЬМИНСКОГО

1.1. Переводная книга и система Н.И. Ильминского

Система Н.И. Ильминского появилась в условиях массового отпадения в ислам крещеных народов Поволжья в 1860-х гг. и кризиса политики силовой христианизации. Своей целью она провозгласила христианское просвещение нерусских народов Востока России на родном языке в интересах их культурного развития и духовного сближения с русским народом. Её педагогические принципы легли в основу правил «О мерах к образованию населяющих Россию иностранцев» 1870 г.

В системе Н.И. Ильминского переводной книге отводилась роль орудия, обеспечивающего процесс обучения и богослужения на родном языке. Особенно тесной была её связь со школой: «Книга без содействия

правильно поставленной школы не может иметь большого значения, так как никогда не проникнет в массу народную. Школа без книги тоже ничего не может сделать», — отмечалось в материалах съезда сотрудников Переводческой комиссии Православного миссионерского общества (далее — ПК ПМО) в 1905 г.⁶ И.Я. Яковлев также отмечал зависимость возможностей миссионерской книги от грамотности населения⁷.

«Цель переводов и изданий на инородческих языках заключается в том, чтобы посредством их дать им христианскую культуру и культуру русскую», — указывал Т.А. Земляничский⁸. Конкретизируя эту мысль, И.Я. Яковлев писал, что миссионерская литература призвана способствовать тому, чтобы «инородцы коренным образом изменили своё языческое (местами и магометанское) мировоззрение на христианское, православное и усвоили русские народные обычаи и язык и тем самым слились с русским народом»⁹. Миссионерская книга была рассчитана на заинтересованного и активного читателя (слушателя). Так, Н.В. Никольский отмечал, что усвоение христианства немыслимо без постоянной духовной работы, условием которой является «слушание и чтение богослужебных и религиозно-нравственных книг на родном языке»¹⁰. Книга на родном языке показала свою действенность: по наблюдениям священников, чувашские крестьяне доверяли ей больше, чем слову миссионера¹¹.

Система Н.И. Ильминского сочетала в себе русское и «инородческое» начала, поэтому с момента возникновения подвергалась критике со стороны русификаторов, опасавшихся ослабления позиций русского языка в обучении, и национальной интеллигенции, выступавшей за развитие родной культуры и языка¹². Н.И. Ильминский успешно противостоял своим оппонентам. После его смерти дело защиты и развития системы Н.И. Ильминского продолжили его соратники и ученики.

Марийский просветитель П.П. Глезденёв отмечал, что чувашские коллеги прониклись идеями Н.И. Ильминского, объединились и наряду с татарами стали его главными сподвижниками, что позволило им добиться больших успехов в просвещении своих народов¹³. Не случайно инспектор училищ Буинского уезда М.В. Касаткин, комментируя активность интеллигенции двух соседних поволжских народов в отстаивании их национально-культурных интересов, отмечал, что дискутируемый в обществе «инородческий вопрос» касался отнюдь не многих восточных народов, а только чувашей и татар¹⁴. Своими основными противниками русификаторы считали чувашских просветителей и их «приспешников» в лице высокопоставленных государственных чиновников¹⁵.

1.2. Борьба чувашских «ильминистов» за сохранение и развитие системы Н.И. Ильминского

Центральным в дискуссии между «ильминистами» и «антиильминистами» (так называли друг друга её участники) являлся вопрос о месте «инородческих» языков в школьном обучении и богослужении, в контек-

сте которого рассматривалось будущее переводной книги. При этом обе стороны заявляли о единстве своих целей и принадлежали правому политическому лагерю (оговоримся: чувашские «ильминисты» — за малым исключением). Поэтому революционная чувашская молодежь обвиняла соплеменников-миссионеров в сговоре с реакционерами и предательстве национальных интересов чувашского народа¹⁶. Д.Ф. Филимонов отмечал, что только либералы признавали за «инородцами» общечеловеческие права, но чувашские «ильминисты» были им чужды по «преданности православию и царю»¹⁷.

Для «ильминистов» борьба носила оборонительный характер. На «Особом совещании по вопросам образования восточных инородцев» при Министерстве народного просвещения (МНП) 1905 г. их усилиями, в т.ч. чувашских деятелей, удалось отстоять систему Н.И. Ильминского. Дальнейшую эволюцию политики государства в области образования нерусских народов отразили «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1906, 1907 и 1913 гг. Реакционерам удалось взять реванш по некоторым пунктам. Скажем, в «Правила...» 1906 г. введена поправка о согласии местных властей на открытие «инородческих» школ, что стало преградой для образования на родном языке. «Правила...» 1906 и 1913 гг. закрепили тенденцию на сокращение срока начала изучения русского языка. При этом из последних был исключен принцип обучения на родном языке — оно допускалось только при незнакомстве учащихся с русским языком¹⁸.

Уже к концу XIX в. система Н.И. Ильминского дала результаты: православию проникло в сознание чувашского народа, исчезла угроза его массового отпадения в ислам, укрепился интерес чувашей к русской культуре¹⁹. Вместе с тем, по мнению чувашских «ильминистов», она нуждалась в развитии, особенно в свете завоеваний революции 1905—1907 гг. В 1907 г. Д.Ф. Филимонов писал, что «инородческая» школа нуждается в улучшении «по требованиям жизни и настоящего времени», призывал открыть нерусским народам свободный доступ к высшему образованию, не ограничивать их просвещение религиозным образованием, а развивать всесторонне: «Пусть чувашаи разрабатывают свой язык, пусть они двигают вперед своё духовное достояние — музыку, искусство, поэзию и т.п.»²⁰. В 1908 г. в черновике одного из своих трудов И.Я. Яковлев указывал, что под влиянием требований современности следует открывать «инородческие гимназии» и профессиональные школы, с помощью стипендий облегчать «инородцам» путь к высшему образованию²¹, но вычеркнул эти слова из белого варианта.

Памятуя о государственной и общественной поддержке, оказанной системе Н.И. Ильминского в период её возникновения, чувашские «ильминисты» призывали противостоять угрозе мусульманизации нерусских народов Поволжья, которая вновь актуализировалась после Манифеста 17 апреля 1905 г. о веротерпимости (непосредственно после него в Казанской, Пензенской, Симбирской, Уфимской губерниях в мусульманство перешло свыше 38 тыс. чел.²²). Так, в 1909 г. Д.Ф. Филимонов предложил дополнить систему Н.И. Ильминского программой мер по утверждению «инородцев» в христианстве и противодействию исламу, включив в неё

пункты о развитии национального художественного творчества, улучшении экономического состояния нерусских народов, расширении школьного и внешкольного образования за счет издания переводных книг исторического, сельскохозяйственного, медицинского содержания, газет и журналов на местных языках, учреждения библиотек, читален, просветительских обществ и кружков. В условиях нападков на систему Н.И. Ильминского приходилось рассчитывать на свои силы, поэтому для её развития призвал нерусское духовенство проявить инициативу и организовать межепархимальное общество по просвещению поволжских «инородцев»²³.

Систему Н.И. Ильминского считали первой ступенью к обрусению, понимаемому как овладение «инородцами» языком и культурой русского народа до потери национальной самобытности²⁴. Так, «ильминист» А.А. Воскресенский заявлял, что система Н.И. Ильминского и «обрусительная система» (русская школа) дополняют друг друга: первая приобщает «инородцев» к православию и «русским идеям», вторая несёт знание русского языка²⁵. Н.В. Никольский цитировал слова Н.И. Ильминского о том, что внутреннее (духовное) обрусение неизбежно ведет к внешнему²⁶, характеризующемуся усвоением быта и языка русского народа. Также К.П. Проккопьев заявлял, что внешнее обрусение — «это только вопрос времени»²⁷.

Чувашские «ильминисты», считая приоритетным внутреннее обрусение, выступали против ускоренной русификации, предлагаемой их оппонентами. И.Я. Яковлев отмечал, что процесс обрусения сложен и завершится «в далеком будущем», а национальная политика государства должна учитывать историческое наследие и уровень развития народов²⁸. Так же считал Д.Ф. Филимонов, писавший, что чувашаи научатся хорошо говорить по-русски не раньше чем через 50—100 лет²⁹. Ссылаясь на слова Н.И. Ильминского о том, что насильственное обрусение порождает ответственное сопротивление и вражду между народами, он призывал к дистанцированию миссионерского дела от политики и экономики³⁰.

Д.Ф. Филимонов указывал, что русский язык не делает «инородца» русским по духу (верноподданным), в отличие от православия, связывающего народы России «единством религиозных и государственных понятий и чувств». Приобщить же чувашей к последнему нельзя без родного языка³¹. В черновике очерка, посвященного 40-летию своей школы, И.Я. Яковлев писал о необходимости обеспечить «инородцам» свободу пользования родным языком в школе и церкви, поскольку только с его помощью можно «перевоспитывать... старые понятия... вводить в них новые элементы» (бороться с язычеством и насаждать православие. — Ю.Г.), а без него (т.е. посредством русского языка. — Ю.Г.) — лишь «ломать и разрушать их»³².

«Из глубины тысячелетий каждый исторически обособившийся народ выносит выработанный его собственными духовными силами и средствами скелет чувств, понятий и идей, которые умрут вместе с ним. Язык — оболочка этого духовного богатства», — писал в упомянутом черновике очерка И.Я. Яковлев, указывая, что язык умирает только вместе с создавшим его народом. Поэтому призыв к народу забыть свой язык равно-

силен «требованию смерти этого народа»³³. Д.Ф. Филимонов указывал, что язык — дар Божий, поэтому «стыдно и грешно» погубить его «искусственным образом». Он писал, что любовь чувашей «к своему роду-племени, языку и быту» естественна и непредосудительна, а чувство самосохранения отдельного человека и народов имеет одну природу³⁴. Чувашские «ильминисты» были убеждены, что национальные особенности не мешают единству народов: «Когда у инородцев одна вера, одни убеждения, одни симпатии с русским народом, различия в языке, в costume, в быту не имеют существенного значения»³⁵.

Их взгляды совпадали с позицией Н.И. Ильминского, выступавшего за привитие «инородцам» всего хорошего из русской культуры с сохранением лучшего из их национального наследия³⁶. Вот еще один пример на эту тему. По поводу фразы, приписываемой умирающему Н.И. Ильминскому: «Пусть инородцы будут русскими и любят Россию», И.Я. Яковлев писал, что никогда не слышал её из его уст, утверждая, что Ильминский не мог этого сказать «по своим убеждениям»³⁷.

Сказанное заставляет критически относиться к публичным заявлениям чувашских «ильминистов» о перспективах русификации «инородцев». Как вспоминал Д.Ф. Филимонов, возражать оппонентам и «указывать на правду русской жизни было опасно»³⁸. Красноречивыми в этой связи являются их обмолвки и намеки. Д.П. Петров (Юман) запомнил слова И.Я. Яковлева: «Победоносцев мне сказал: “И в сердце, и в голове у чувашей пусть будет только Бог и иконы”. Мы всё же будем стараться думать о большем»³⁹. В 1904 г. в частной беседе И.Я. Яковлев поставил в пример России Данию, политика которой основывалась на заботе о национальных языках («у них языки инородцев не в загоне») ⁴⁰. Известен и такой факт: на шуточный вопрос министра народного просвещения Л.А. Кассо, не хочет ли И.Я. Яковлев «оттягать» для чувашей Симбирскую губернию, он также в шутку ответил, что всю губернию нет, «а вот некоторые уезды, где живут чувашаи — да!»⁴¹.

Годы реакции ослабили систему Н.И. Ильминского. В 1916 г. Д.Ф. Филимонов в докладе петербургскому митрополиту Питириму предлагал восстановить её «в прежней силе» и распространить на все «инородческие» приходы⁴². Свержение самодержавия вызвало у И.Я. Яковлева надежду на реализацию прежних идей по развитию просвещения нерусских народов. В октябре 1917 г. в письме чиновнику Временного правительства А.А. Плетнёву он предложил оказать государственную поддержку образовательным учреждениям, созданным Н.И. Ильминским, которые «захудали» в период гонений на просвещение нерусских народов, обеспечить преподавание на родном языке в «инородческих» училищах и ввести его как предмет «на более высших ступенях школы», приобщать «инородцев» к профессиональному образованию и др.⁴³ В советское время Н.В. Никольский заявил о несостоятельности концепции обрусения («В прошлом говорили, что мелкие народы — чувашаи, марийцы, вотяки — обрусуют. 1917 год показал неправду этих слов. С началом революции чувашаи стали издавать свою газету, книги на родном языке»⁴⁴), но отдавал должное системе Н.И. Ильминского⁴⁵.

1.3. Переводная чувашская книга в дискуссии вокруг системы Н.И. Ильминского

По мнению сторонников ускоренной русификации, тайные намерения их оппонентов проявились в отношении к переводной книге. Ещё Н.И. Ильминский в письме К.П. Победоносцеву жаловался, что многие считают «иностранческие» переводы «вредными для государственного единства»⁴⁶. В 1916 г. окружной инспектор Киевского учебного округа Я.Д. Коблов писал, что в ходе борьбы «лжеильминисты» (так он называл сторонников системы Н.И. Ильминского) уклонились от идей своего учителя, например, в попытках противодействовать овладению соплеменниками русским языком, «стали в большом количестве издавать книги на иностранных языках (в особенности чувашском)» не только учебного и миссионерского, но и научного содержания, в надежде на развитие своей науки и литературы, тогда как, по мысли Н.И. Ильминского, для удовлетворения растущих культурных запросов «иностранцы» должны обращаться к русской книге⁴⁷. И.Я. Яковлева обвиняли в намерении превратить чувашский язык в литературный, что даст толчок развитию национальной литературы, а значит, национальному обособлению⁴⁸.

«Антиильминисты» выступали против переводных книг — как религиозных, так и светских. Особенно доставалось чувашским книгам: Н.И. Ильминский отмечал, что из всех иноязычных переводов Казанской переводческой комиссии только чувашские подвергались «письменной и печатной критике, настойчивой и почти непрерывной»⁴⁹ (добавим: книги как Н.И. Золотницкого, так и И.Я. Яковлева. — Ю.Г.). Один из реакционеров писал, что если при Н.И. Ильминском на «иностранческих» языках печатались книги духовного содержания, то затем стали переводить «всё, до газеты включительно... все науки», чтобы обособиться «чуть ли не до чувашского университета»⁵⁰. Перебирая факты, казанский дворянин Д.П. Арцыбашев утверждал, что чувашские учителя и священники «усиленно переводят» книги, в т.ч. «передового (либерального. — Ю.Г.) направления», на государственные средства (намёк на ПК ПМО)⁵¹. На Казанском губернском дворянском собрании было заявлено, что система Н.И. Ильминского применяется неправильно, например, на «иностранческие» языки переведено «излишнее количество» книг⁵². Отказывая чувашскому народу в праве на развитие национальной культуры, председатель Козьмодемьянской земской управы Н.А. Мельников выступал против чувашского языка и «несвойственной» ему литературы, способной развить «сепаратизм и самомнение», а также переводных книг, считая, что для удовлетворения культурных запросов достаточно тех, что дают «верхушки знаний и сведений»⁵³.

Реакционеры заявляли, что «иностранцы» вступили в стадию окончательного слияния с русским народом, «поэтому переводы богослужебных

и религиозно-нравственных книг на инородческие языки не нужны: переводы могут лишь замедлить начавшийся процесс»⁵⁴. Подобные взгляды были широко распространены. Скажем, создание газеты «Хыпар» породило разговоры о том, что издание книг и газет на национальных языках может задержать процесс обрусения народов или вызвать их отказ от него⁵⁵. Казанский архиепископ Владимир заявлял, что с превращением в православных чуваша обрусуют «и не будут нуждаться в чувашской грамоте и вообще в чувашском языке... чувашские книги будут забыты и будут такой же редкостью, как и зырянская грамота»⁵⁶. Это факт, что в 1908 г. чувашские священники предложили закупать для церковных библиотек по 10 названий каждого издания ПК ПМО, чтобы в будущем «не остаться без чувашских книг»⁵⁷.

Чувашские «ильминисты» пытались защищаться. Д.Ф. Филимонов называл «неосновательными и легкомысленными» нападки на чувашские книги, показавшие результативность в борьбе с язычеством⁵⁸. К.П. Прокопьев писал, что чувашские книги формируют у чувашей любовь к чтению, в результате они читают и русские⁵⁹. На упреки оппонентов, что под влиянием переводной книги «инородцы» начинают «чувствовать уважение к себе и презрение к русским людям», чуждаются общения с последними «и даже отатариваются», Н.В. Никольский возражал, что благодаря переводам «инородцы» предпочитают общаться с русскими, а не с татарами⁶⁰. Он указывал, что под влиянием «инородческой» школы и переводной книги отношение чувашей к Русскому государству изменилось к лучшему, например, если в старину воинскую повинность считали унижительной, то в начале XX в. признавали почётной⁶¹. «Какое сомнение и сепаратизм будут развиваться у чуваш от книг на родном языке, если они будут получать из них... полезные сведения, напр[имер] по хозяйству, о природе, и тем будут расширять свой умственный кругозор?» — вопрошал читатель «Казанской газеты»⁶².

В 1919 г. Н.В. Никольский охарактеризовал культурное развитие чувашского народа во второй половине XIX — начале XX в., одновременно как бы подведя черту под дискуссией между «ильминистами» и их противниками. Благодаря школам по системе Н.И. Ильминского, как писал он, «бесправный чувашин сознал свое человеческое достоинство и захотел многих и многих для себя культурных благ». В ходе революции 1905—1907 гг. чувашаи выдвинули требования по национальному развитию, однако наступившая реакция усмотрела в них «замаскированный культурный и политический сепаратизм». Февральская революция 1917 г. смела идеологические преграды: возникли национальные организации, приступившие к реализации программы политического и культурного развития чувашского народа, в т.ч. издания книг и газет на родном языке⁶³.

2. ЧУВАШСКИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ И ЧУВАШСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

2.1. К истории чувашских переводческих центров

В описываемый период действовали чувашские переводческие центры в губернских городах: Казани, Симбирске, Самаре, Уфе, каждый — со своей специализацией. Первым в начале 1860-х гг., благодаря деятельности Н.И. Золотницкого по составлению и изданию чувашских учебных книг в соответствии со своей программой использования родного языка в образовании «инородцев», возник казанский (вернее, начался новый период в его истории, ведущий отсчёт с первой четверти XIX в.). Символично, что Н.И. Золотницкий издал чувашский букварь в год создания Братства св. Гурия, одним из членов-основателей которого являлся. Вскоре дело перевода чувашских книг перешло к Переводческой комиссии Братства св. Гурия (с 1876 г. — ПК ПМО; функционировала до 1918 г.), издававшей книги на 23 языках⁶⁴. В 1900-х гг. редактированием чувашских книг ПК ПМО (рукописи поступали с мест) занимался помощник секретаря Совета Братства Ф.Н. Никифоров⁶⁵. После его перехода на должность инспектора училищ Ядринского и Козьмодемьянского уездов (1906) эти обязанности исполнял делопроизводитель ПК ПМО Н.В. Никольский. Известно, что к доработке рукописей он привлекал опытных переводчиков из числа чувашских священников⁶⁶.

Работа над чувашскими переводами велась в Казанской учительской «инородческой» семинарии с участием её учеников. В ней обучалось около 50 учащихся чувашской национальности, что позволяло редактировать только небольшие переводы (рассказы из житий святых, поучения, проповеди и др.)⁶⁷. Здесь же выполнялись заказы на чувашские переводы⁶⁸. Судя по письму Д.Ф. Филимонова, просившего Н.В. Никольского организовать проверку чувашского перевода учениками-курсистами⁶⁹, последний также руководил переводческой работой слушателей чувашского отделения (открыто в 1903 г.) Казанских миссионерских курсов. О масштабах последней говорят следующие цифры: в 1905 г. Казанский Спасо-Преображенский монастырь, где находились курсы, издал 35 чувашских книг (в т.ч. богослужебных и учебных), ещё 50 рукописей имел в издательском портфеле⁷⁰.

Среди чувашских переводчиков ПК ПМО выделялись: священники Н.К. Кузьмин, Я.В. Турхан, С.М. Михайлов, М.Д. Данилов, П.В. Васильев, В.А. Петров, М.С. Спиридонов, К.Е. Волков, Я.П. Петров, в т.ч. воспитанники миссионерских курсов Т.К. Кириллов, А.С. Сергеев, Н.Е. Ефремов, Н.И. Иванов и др., учителя И.С. Степанов, С.С. Сергеев, М.Ф. Данилов, И.Н. Никонов, Е.А. Алексеев, Т.А. Алексеев, Ф.П. Павлов, И.Е. Ефимов.

Позиции Казани как переводческого центра укрепило создание в 1907 г. Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа (ПК при КУО), которая издавала учебники и учебные пособия для «инородческих» школ. Первоначально её членом являлся Н.В. Никольский, после

его выхода из неё в 1910 г. на его место был назначен Н.И. Ашмарин. В 1906—1910 гг. ПК при КУО издала 41 книгу на восьми языках и диалектах, в т.ч. 9 на чувашском, общим тиражом 16,4 тыс. экз.⁷¹

В годы революций начала XX в. в Казани функционировали чувашские национальные организации, переводившие общественно-политическую и научно-просветительскую литературу. В августе 1906 г. возник «Кружок по образованию чуваш» (первая чувашская общественная организация, национальный филиал Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию), к которому перешла созданная Н.В. Никольским частная газета «Хыпар». Редакция последней издавала подцензурные чувашские оригинальные и переводные общественно-политические и научно-популярные книги и брошюры. Их авторами были «хыпаровцы» и представители национальной интеллигенции, откликнувшиеся на призыв газеты о сотрудничестве в деле перевода литературы⁷². В 1907 г. деятельность кружка прекратилась из-за арестов его членов и исчерпания собранных средств⁷³. С победой Февральской революции 1917 г. чувашские эсеры возобновили издание в Казани газеты «Хыпар» и создали чувашские национальные организации, в структуре которых действовали переводческие комиссии, специализировавшиеся на общественно-политической литературе.

В 1870 г. в Казани началась переводческая деятельность И.Я. Яковлева, который сразу вовлёк в неё учеников руководимой им Симбирской чувашской школы⁷⁴. Первая его переводная книга была издана Братством св. Гурия в 1872 г. При назначении И.Я. Яковлева в 1875 г. инспектором чувашских школ Казанского учебного округа перевод на чувашский язык богослужебных и миссионерских книг был включен в его служебные обязанности⁷⁵. С этого времени переводческая карьера Яковлева развивалась при его школе, которая являлась центральным миссионерским учреждением для чувашей, получая субсидии от МНП и Синода. И.Я. Яковлев писал, что ему повезло и уже в первые годы работы над переводами ряд учеников выказал способности к ним, а впоследствии школа превратилась в центр «создания чувашской письменности, переводов» и распространения чувашских книг⁷⁶. «Яковлевская» группа переводчиков не имела статуса подкомиссии ПК ПМО, как иногда утверждается⁷⁷. Об этом писал И.Я. Яковлев, отмечая, что занимался переводами как член ПК ПМО⁷⁸.

В Симбирске готовились большие переводы (Священное Писание, богослужебные книги)⁷⁹ и учебники (с 1906 г. не только для Казанского, но и Оренбургского учебных округов⁸⁰), для чего имелись все условия: коллектив опытных переводчиков и надежное финансирование. Уже к 1906 г. был завершён перевод круга богослужебных книг⁸¹. Другим крупным проектом стал перевод Библии (не доведен до конца). Видными представителями симбирского центра являются А.В. Рекеев, Н.В. Васильев (Шубоссинни), К.В. Иванов, И.Д. Дормидонтов, К.М. Макаров, А.П. Петров (Туринге), М.П. Петров, В.Н. Никифоров, Ф.Д. Данилов и др.

По примеру революционной Казани, в марте 1917 г. в Симбирске возникла национальная организация — Симбирское чувашское общество,

которое за год перевело на чувашский язык и издало 10 политических брошюр общим тиражом 52 тыс. экз.⁸²

В 1900 г. был создан филиал ПК ПМО (переводческая подкомиссия) при Самарском епархиальном комитете ПМО. Её руководителем являлся священник Д.Ф. Филимонов, который в 1899 г. перевёлся из Казанской епархии. Первое время редактирование чувашских переводов осуществлял Д.Ф. Филимонов (татарские и удмуртские из-за отсутствия специалистов представлялись в Самарский епархиальный комитет ПМО или в Казанскую переводческую комиссию), в 1906 г. был создан редакционный комитет из 7 чел., работавших автономно. За 12 лет было издано 96 переводных книг и брошюр общим тиражом 183 500 экз. (в т.ч. на чувашском языке 85 названий, 171 500 экз.)⁸³. В основном переводились жития святых, церковные поучения на воскресные и праздничные дни, назидательные статьи и учебники по Закону Божьему⁸⁴. К 1904 г. в подкомиссии состояли 42 чел., из них 37 — чувашские священники⁸⁵: А.С. Михайлов, К.П. Прокопьев, А.С. Иванов, А. Сенчуков, А. Алексеев, Г. Григорьев и др.

ПК ПМО координировала работу подотчётных центров, кроме того, они контактировали между собой напрямую. Например, в 1883 г. И.Я. Яковлев на полтора месяца откомандировал А.П. Петрова (Туринге) к Н.И. Ильминскому для помощи в переводческой работе, чтобы укрепить связи с казанскими учительской семинарией и крещенотатарской школой⁸⁶.

Последним сформировался переводческий центр в Уфе, о котором известно мало. В 1911 г. представители чувашской интеллигенции решили организовать перевод и издание книг при Уфимском епархиальном комитете ПМО и губернском земстве. На деньги земства, выделяемые для издания «инородческих» книг, было решено составить и опубликовать книгу «О земстве», а также напечатать перевод «Полтавы» А.С. Пушкина, выполненный семинаристом Г.Т. Тихоновым в 1908 г.⁸⁷ После того как перевод с помощью Н.В. Никольского был издан в Казани в 1912 г., дело застопорилось: четыре чувашских перевода ученика Уфимского землемерного училища Н.А. Матвеева осели в земской управе «без отзывов»; среди них — упомянутая книга о земстве и две брошюры по сельскому хозяйству⁸⁸. Утверждается, что до 1914 г. Н.А. Матвеев (он погиб на фронтах Первой мировой войны) издал в Уфе свои переводы брошюр сельскохозяйственного и медицинского содержания⁸⁹. Известно, что в 1912—1913 гг. переводы антиалкогольных брошюр Н.А. Матвеева и Г.Т. Тихонова вышли в Казани на средства уфимских губернского комитета Попечительства о народной трезвости и епархиального комитета ПМО⁹⁰. Утверждается, что из-за отсутствия средств последний не сумел наладить дело по переводу и изданию чувашских книг⁹¹. В 1914 г. Уфимский отдел православного Палестинского общества издал в Казани миссионерскую чувашскую брошюру, переводчик которой неизвестен⁹². К слову, ещё в 1900 г. по его (Уфимского отдела) заказу священник А.С. Иванов перевёл брошюру о Палестине⁹³.

На работе переводческих центров негативно отражалась борьба вокруг системы Н.И. Ильминского: в 1910 г. при реорганизации Казанской учи-

тельской семинарии переводческая деятельность при ней была прекращена⁹⁴, в 1912 г. попечитель Казанского учебного округа Н.К. Кульчицкий запретил И.Я. Яковлеву издавать книги без своей санкции⁹⁵. В 1912 г. «совершенно остановилось» переводческое дело в Самарской епархии⁹⁶. В 1914 г. Самарский комитет ПМО разрешил Д.Ф. Филимонову провести съезд переводчиков, но высказался против возобновления их работы: «В настоящее время не видно необходимости в переводе на иностранные языки»⁹⁷. В 1906—1908 гг. из-за негативного отношения руководства МНП к системе Н.И. Ильминского не удалось открыть центральную чувашскую школу в с. Туарма Самарской губернии, призванную в т.ч. расширить переводческое дело на чувашском языке⁹⁸.

Говоря о переводческих центрах, М.П. Петров отмечал: «Здесь были мастерские переводов, в кружках преданных делу людей вырабатывалась техника, устанавливались термины, насаждались и укреплялись традиции переводческой работы»⁹⁹.

2.2. Организация и техника работы чувашских переводчиков

Теоретические основы и приёмы перевода на «иностранные» языки были разработаны и апробированы Н.И. Ильминским и развиты Казанской переводческой комиссией. Работа последней строилась таким образом, что переводы составлялись при участии «иногородцев», подвергались «действительному испытанию и постепенной обработке» в школах и церковном богослужении, что приводило «к установлению и как бы открытию законов и приёмов иностранного переложения и вероучительной терминологии»¹⁰⁰. Н.И. Ильминский внёс личный вклад в становление чувашского переводческого дела, опубликовав статью с разбором критических замечаний на книги И.Я. Яковлева¹⁰¹. Его наследие было усвоено чувашскими переводчиками.

Следуя совету Н.И. Ильминского начинать перевод христианской литературы со священной истории и Евангелия, затем переходить к молитвам и только при наличии опытных и подготовленных переводчиков — к догматической и богослужебной, И.Я. Яковлев начал со священной истории и религиозно-нравственных книг, более доступных для перевода, а получив достаточную подготовку, приступил к переводу Евангелия¹⁰². Другим чувашским переводческим центрам эта работа была не под силу. Самарский священник в частном письме признавался: «Конечно, очень желательно как можно скорее видеть на чувашском языке послания св. апостолов, но боязно за них браться, так как там требуется большая точность и богословское знание»¹⁰³.

Н.И. Ильминский положил в основу «иностранных» переводов разговорный язык, требуя от своих последователей учиться ему у народа. И.Я. Яковлев признавался, что при обучении народному языку ему приходилось делать большие усилия над собой, общаться с малообразованными крестьянами, «сохранившими родную речь в её неприкосновенности»¹⁰⁴.

Помня слова Н.И. Ильминского о том, что на «инородческие» языки можно перевести всё, включая Евангелие¹⁰⁵, И.Я. Яковлев ещё в начале своего переводческого поприща в ответ на расхожие утверждения о бедности чувашского языка заявил, что он «не настолько беден», чтобы не перевести на него Библию и богослужебные книги. Он признавал, что это трудная задача¹⁰⁶, т.к. христианство не обогатило чувашский язык, потому что чуваша усвоили его поверхностно. И Д.Ф. Филимонов писал, что чувашский язык «народный и не разработанный, на нём для наименования каждой из сторон духовной природы человека и для обозначения разнообразных оттенков душевной деятельности точно установленных научных терминов нет»¹⁰⁷, хотя был убеждён, что не существует «ни одной идеи, которую бы нельзя было передать на чувашском языке»¹⁰⁸. И.Я. Яковлев писал, что с развитием христианского образования чувашский язык будет обогащаться новыми словами, «возвышаться и освящаться христианским содержанием»¹⁰⁹. Понимая значение перевода Библии для развития чувашской литературы, он сожалел о прекращении её издания в 1918 г.¹¹⁰ по идеологическим причинам. Также и М.П. Петров писал о красоте чувашского языка в переводах Нового Завета и ратовал за использование опыта дореволюционных переводчиков советскими¹¹¹.

Н.И. Ильминский указывал, что перевод христианских книг на языки народов Поволжья облегчается наличием переводов на татарский язык, поскольку обороты последнего «почти буквально» передаются на поволжских языках, в т.ч. финно-угорских¹¹². Первые чувашские переводы под редакцией И.Я. Яковлева были сделаны с крещенотатарских изданий. Они же служили подспорьем для других переводчиков. Например, священник В.Я. Смелов с помощью татарского служебника перевел на чувашский язык ектении и возгласы литургии¹¹³.

Вслед за Н.И. Ильминским, призывавшим к простоте изложения в соответствии с уровнем развития народа, снабжению непонятных мест комментариями с примерами¹¹⁴, один из самарских переводчиков советовал не подражать русскому литературному языку, с которым незнакомы чувашские крестьяне, разбивать сложные и длинные предложения на короткие, избегать подстрочного перевода (первым от этого отказался Н.И. Золотницкий¹¹⁵), распространять или сокращать текст оригинала применительно к чувашской жизни¹¹⁶. Н.В. Никольский также писал о предпочтительности перифрастического перевода (описательной передачи содержания в другой форме и другими словами), добавляя: «Исключение должно быть допущено только для книг Священного Писания и богослужебного характера»¹¹⁷.

Вольные переводы породили вопрос об их жанровой принадлежности. Г.И. Комиссаров привёл пример того, что О.Г. Романов и Н.М. Кедров взяли сюжеты из русских назидательных книг и приспособили их к чувашской жизни, а для того, чтобы получить цензурное разрешение и напечатать на средства ПК ПМО, дали брошюрам религиозные названия. Такие «переложения» он называл полуоригинальной и оригинальной беллет-

ристической литературой¹¹⁸, Д.Ф. Филимонов — «самостоятельным изложением (составлением)»¹¹⁹. К подобному приёму, позволяющему печатать оригинальные труды под видом просветительских, прибегали и другие чувашские авторы. Так, в 1911 г. Н.В. Васильев (Шубоссинни) издал сборник своих стихотворений, назвав его «Бросьте пить водку и курить табак».

Религиозные тексты требовали «осторожности и благоразумной осмотрительности»¹²⁰, дабы не допустить догматической ошибки. Переводчики-миссионеры хорошо понимали это: «Осторожность, тщательное взвешивание каждого текста Св[ященного] Писания, каждого переводческого выражения являются постоянными спутниками переводческой комиссии», — отмечал Н.В. Никольский¹²¹. В первое время для проверки переводов привлекались учителя братских школ, которых Братство св. Гурия в летнее время собирало в Казани на курсы повышения квалификации¹²². ПК ПМО приглашала опытных переводчиков с мест. Например, в один из таких приездов в Казань Д.Ф. Филимонов просмотрел и исправил до 50 чувашских рукописей¹²³.

Рукописи, поступавшие в переводческие организации, подвергались рецензированию, после чего слабые отклонялись или возвращались авторам на доработку. Но рецензия рецензии рознь: И.Я. Яковлев оставил без внимания замечания профессора П.А. Юнгера на перевод Псалтыри, поскольку тот не знал чувашского языка¹²⁴. По аналогии с религиозными переводами, чувашские переводчики указывали на желательность оценки светских рукописей специалистами в своей области¹²⁵.

ПК ПМО реагировала на отзывы читателей, поступавшие в её адрес или к казанским иерархам. Так, И.Я. Яковлев признал справедливость ряда критических замечаний священника В.Я. Смелова, после чего исправил свои переводы. Его позиция заключалась в том, что неточности и ошибки естественны «в столь большом деле», как переводы¹²⁶.

Ответственность за текст несёт и редактор. Соглашаясь с упреками, что самарские переводы «слабы и плохи», священник А.С. Михайлов признавал, что как редактор поначалу пропускал слабые рукописи, «чтобы открывать [им] дорогу», и только со временем, когда их количество умножилось, стал подходить к редактированию строже¹²⁷.

И.Я. Яковлев предупреждал об опасности неудачным переводом «положить раскол между православными и инородцами». По примеру Н.И. Ильминского в своих книгах он не исправлял ошибок, допущенных в русских переводах с греческого языка, делая исключение лишь в случаях, когда это «можно было сделать незаметно»¹²⁸. Несмотря на это, удостоился обвинений в том, что «своими неправильными переводами искажает истину и вводит чуваш в ересь»¹²⁹. Не разбираясь в переводческом деле, «антиильминисты» выступали против «отступлений и описательных выражений» в переводах священных книг и «желания всё передать на простом, грубом родном языке»¹³⁰.

Чувашские просветители следовали правилам издания книг, подготовленных Братством св. Гурия¹³¹, и требованиям Н.И. Ильминского

проверять «общепонятность (переводов. — Ю.Г.) чрез чтение народу»¹³². Самарские переводчики для проверки «правильности и удобопонятности» переводов читали их «толковым» крестьянам или обращались за советом к опытным коллегам, живущим по-соседству¹³³. Поскольку в диалектах одно и то же слово могло иметь разные значения, к проверке привлекали чувашей из разных местностей. К примеру, в 1908 г. под руководством Н.В. Никольского ученик Казанской учительской семинарии И.Е. Ефимов (Тхги) перевёл «Задачник» для начальных школ, стилистическую правку которого выполнили его товарищи — уроженцы Буинского, Чебоксарского и Ядринского уездов¹³⁴. И.Я. Яковлев писал, что ради «ясности и доступности» перевода Евангелия многократно прочитывал отрывки из него «различным личностям из чуваш различных местностей и в случае непонимания их» исправлял текст¹³⁵.

Переводы, подготовленные в Симбирской чувашской школе, являлись плодом коллективного творчества: после того как их составляли отдельные сотрудники, десятки раз читались коллективно. Выпускник школы Д.П. Петров (Юман) вспоминал: «Переводили Псалтирь, апостольские деяния. Из-за одного оборота речи спорили по три дня... Стесняет кровь эта работа. Мы, переводчики, как один не верим в Бога, но мучаемся. Успокаиваем себя [тем], что это чувашское дело»¹³⁶. В сложных случаях рукописи посылали на отзыв и просмотр учителям и священникам из числа выпускников школы. И.Я. Яковлев ценил сотрудников с литературным чутьем и «не считая себя исключительным мастером в этом деле» содержал их при школе, как, например, Ф.Д. Данилова¹³⁷. Регулярно он обращался за подобной помощью к Д.Ф. Филимонову¹³⁸.

А.П. Петров (Туринге) указывал, что подготовка рукописей велась «усердно, старательно и тщательно», переводчики стремились к точной передаче текста, правильности языка, его «легкости и удобопонятности», чтобы перевод вызывал у слушателей «те же чувства и мысли», что и оригинал. Каждый перевод читался всеми учителями школы, а в заключение — И.Я. Яковлевым, который проявлял щепетильность и придирчивость; пользовался изданиями переводимой книги на разных языках, справочными изданиями и советами специалистов¹³⁹. А.И. Яковлев сообщал, что в руках его отца собирались «целые горы рукописных эскизов переводов и поправок к ним», которые получали окончательную обработку на его письменном столе¹⁴⁰. В результате переводы изменялись до неузнаваемости, доходясь до совершенства¹⁴¹. Иными были отзывы о чувашских переводах богослужебных книг, выполненных в Казани. Священник М. Петров указывал, что они содержат «ошибки и разночтения», допущенные переводчиками по «непониманию» и «халатности»¹⁴².

Работу группы И.Я. Яковлева иллюстрирует пример с переводом Псалтыри. Сначала около 10 лет он готовился в Симбирской чувашской школе. За основу был взят оригинал на церковнославянском языке, использованы издания на греческом, латинском, французском, немецком, русском языках, симфонии на книги Ветхого и Нового Завета, словари, святоотеческие и научные толкования Псалтыри. Рукопись проверялась с помо-

щью учеников и после указаний на неправильности в языке и переводе каждый раз переписывалась. После 5–6-кратной переписки поступила в ПК ПМО на редактирование, которое было поручено её члену П.А. Юнгеру и чувашским переводчикам К.П. Прокопьеву и Н.М. Кедрову. Редакторы работали два года, после чего рукопись получила одобрение цензуры и была напечатана тиражом в 150 экз. для обсуждения и проверки знатоками языка и специалистами. Параллельно тем же занимались переводчики. По итогам коллективной работы в текст были внесены правки, и только затем, как безупречный в отношении языка и точности перевода, он был одобрен для второго, теперь уже массового издания. Однако и в последующие издания книги вносились исправления¹⁴³.

Такой способ издания религиозных книг находил понимание не у всех. В частности, симбирский архиепископ Никандр обвинил И.Я. Яковлева в отсутствии «благоговейного отношения к переводам слова Божия»¹⁴⁴. На самом деле И.Я. Яковлев следовал взглядам Н.И. Ильминского, считавшего церковнославянский текст Священного Писания и богослужебных книг за основной, а «инородческие» переводы — пособием, мостом к нему¹⁴⁵. И.Я. Яковлев писал, что исправления чувашских переводов «не могут представлять тех затруднений и опасностей, с какими сопряжено было бы изменение, например, текста славянского»¹⁴⁶.

Сотрудники Британского и иностранного Библейского общества дали высокую оценку системе работы И.Я. Яковлева, но отметили, что она требует значительных денежных расходов. Именно поэтому последний считал излишним окончательно оформлять текст рукописи до решения вопроса о её издании (финансировании), предпочитая вносить основные исправления при первой верстке¹⁴⁷. Обычно, по его словам, бывало пять корректур¹⁴⁸.

Количество типографских опечаток напрямую зависело от профессионализма типографских работников (наборщиков, корректоров), среди которых были и чувашские переводчики: Т.С. Семенов (Тимкки Тайр), Н.М. Кедров и др. Н.В. Никольский отмечал качественную работу с чувашским шрифтом типографии А.М. Петрова в Казани, указывая, что другие типографии допускают много ошибок¹⁴⁹. Как правило, опечатки исправлялись при переизданиях. Отдельные авторы, например Д.Ф. Филимонов, вносили исправления в своих экземплярах вручную¹⁵⁰.

Тексты, прошедшие проверку временем, приобретали статус эталонных. Скажем, самарские переводчики включали в свои переводы тексты из чувашских изданий Библии и церковных песнопений без изменений¹⁵¹.

2.3. Чувашские переводчики: подготовка, профессиональное мастерство

В рассматриваемый период отсутствовали учебные заведения по подготовке переводчиков, первые из которых были самоучками. С открытием центральных «инородческих» школ в них началась подготовка переводчиков. Зимой учащиеся под руководством администрации школ обучались навыкам переводческого дела, летом на каникулах совершенствовались в родном

языке через повседневное общение и этнографические наблюдения¹⁵². И.Я. Яковлев писал, что в свободное от занятий время к переводам под руководством учителей привлекались воспитанники, «более или менее основательно» знающие русский и чувашский языки¹⁵³. Отметим, что должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа позволяла ему набирать в свою школу наиболее способных выпускников сельских училищ¹⁵⁴. Симбирская чувашская школа подготовила немало переводчиков, которые работали во всех чувашских переводческих центрах. В начале XX в. над чувашскими переводами трудились сотни авторов¹⁵⁵.

Современники предлагали готовить переводчиков на миссионерских курсах при Казанской духовной академии и в других миссионерских организациях с участием ПК ПМО, отмечая, что занятия переводом требуют основательной лингвистической подготовки и вырастить хорошего переводчика стоит больших усилий¹⁵⁶. К слову, опытные переводчики, например Н.В. Никольский, охотно помогали начинающим коллегам¹⁵⁷.

Н.И. Ильминский считал, что переводами могут заниматься священники без знания языка при наличии помощника из толковых «инородцев», даже считал приоритетным, чтобы на первых порах переводчиками были русские люди, как наиболее подготовленные в христианском учении¹⁵⁸. На практике русское духовенство встало в оппозицию его системе. Д.Ф. Филимонов отмечал, что русские священники считали переводы «совершенно ненужными для чуваш» или относились к ним «с некоторого рода пренебрежением и критически», заявляя: «Если бы мы делали чувашские переводы, то перевели бы их много лучше», однако участия в этом деле не принимали¹⁵⁹. Конечно, были и исключения. Д.Ф. Филимонов отмечал священника с. Ковали Цивильского уезда, благочинного В.П. Ильинского, под руководством которого занимался переводами в бытность священником в церкви с. Мусирмы. В.П. Ильинский окончил Казанскую духовную семинарию, после назначения в Ковали овладел чувашским языком и перевел на него ектении и другие молитвословия, составил поучения прихожанам, совершал богослужения на чувашском языке по рукописи, потому что печатных в то время не было. В 1880-х гг. познакомился с Н.И. Ильминским и стал его горячим приверженцем¹⁶⁰. Основываясь на опыте, И.Я. Яковлев писал, что переводчиками должны быть выходцы из народа, связанные с ним духовными узами¹⁶¹.

В начале XX в. переводчики осознали себя цеховым сообществом. Самарские переводчики регулярно проводили съезды, на которых решались практические вопросы их профессиональной деятельности, происходил обмен мнениями. В 1911 г. на одном из них Н.В. Никольский от имени ПК ПМО озвучил программу теоретической и практической подготовки переводчиков: 1) изучение грамматики «инородческих» языков, словарей и переводов предшественников, 2) личное участие в сборе фольклорного материала для знакомства с «народной литературой», 3) упражнение в вопросах теории и практики переводческой работы по типу трудов Н.И. Ильминского¹⁶². В 1905 г. ПК ПМО также созвала в Казани съезд

переводчиков и учителей, на котором были обсуждены вопросы по развитию переводческого дела. Оценив пользу подобных форумов, делегаты постановили проводить их регулярно, а также учредить печатный орган для объединения переводчиков¹⁶³. Что касается чувашских переводчиков, то известно об одном их рабочем собрании на квартире Н.В. Никольского 12 октября 1908 г.¹⁶⁴

Изучение фольклора являлось обязательным условием совершенствования в родном языке. Например, Д.Ф. Филимонов писал о необходимости издания фольклора для «разработки языка при составлении инородческих переводов»¹⁶⁵. И.Я. Яковлев признавался, что «близко и основательно познакомиться с чувашским языком» ему помог сбор фольклора в студенческие годы¹⁶⁶. По заключению М.Я. Сироткина, благодаря богатству родного языка переводы И.Я. Яковлева «воспринимались читателями как образцы своей литературы»¹⁶⁷. Он же отмечал, что зачинателями чувашской литературы (добавим: также гуманитарных наук¹⁶⁸) были люди, связанные с переводческим делом¹⁶⁹. Многие из них занимались сбором, обработкой и изданием фольклора. Показательно, что первая антология чувашской литературы с поэтическими произведениями К.В. Иванова, Н.В. Васильева (Шубоссинни) и М.Ф. Фёдорова была издана И.Я. Яковлевым в 1908 г. под видом фольклорного сборника, чтобы избежать обвинений в создании чувашской национальной литературы. Однако единого подхода к публикации фольклора и адресации его изданий у чувашских переводчиков не было. И.Я. Яковлев считал, что сборники фольклора должны издавать научные учреждения небольшими тиражами для научных целей, «а не для распространения в народе»¹⁷⁰, хотя включал фольклорные тексты в свои буквари и напечатал сборник чувашских народных песен. Д.Ф. Филимонов также отдавал издание фольклора на откуп учёным, считая это занятие неблагоприятным для священника, однако в число адресатов таких сборников наряду с учёными и переводчиками включал грамотных крестьян¹⁷¹.

Труд переводчика требует большой самоотдачи и времени. Д.Ф. Филимонов, чья переводческая деятельность началась в 1880-х гг., когда ещё не было богослужебных книг на чувашском языке, вспоминал, что накануне церковных праздников и воскресных дней просиживал до двух часов ночи за переводами тропаря, величаний и др., так что за три года перевёл более 50 поучений. В самарский период жизни редакторская работа вкупе с обязанностями благочинного занимала у него до 18 часов в сутки¹⁷². Д.П. Петров писал, что И.Я. Яковлев работал по 16 часов в сутки, не отдыхал в праздники, не имел отпусков¹⁷³. На нехватку времени для литературной работы из-за служебных и домашних дел сетовали в письмах многие чувашские переводчики.

В ходе работы переводчики обзаводились рабочими библиотеками. Вероятно, многие, подобно Н.А. Матвееву, покупали книги по чувашскому языку Н.И. Ашмарина¹⁷⁴. В библиотеке Д.Ф. Филимонова имелось много «разных словарей (иностранных, татарских, русско-чувашских и т.п.) и других пособий по части переводческих работ», а также книг

по востоковедению. Богатой последними была библиотека священника А.С. Иванова из г. Бугульма¹⁷⁵.

Современники отмечали мастерство отдельных чувашских переводчиков. Вот отзыв одного из них о книгах священника Н.К. Кузьмина: «Что за прелесть его поучения — задушевные, целиком проникнутые духом любви к тёмному, убогому народу-карлику»¹⁷⁶. По общему признанию, талант трогательно писать религиозные поучения и наставления отличал Д.Ф. Филимонова¹⁷⁷, который добивался совершенства в муках творчества: например, рукопись своей первой брошюры исправлял и переписывал семь раз¹⁷⁸. М.Я. Сироткин отмечал, что работа с произведениями русских классиков стала хорошей школой литературного мастерства для чувашских переводчиков¹⁷⁹.

2.4. Мотивация труда переводчиков

Братство св. Гурия из-за стеснённости в средствах переводчикам не платило. Переводчики Самарской подкомиссии ПК ПМО также работали «не ради мзды земной, а во славу Божию», их усердие отмечалось поощрениями по службе. Кстати, по той же причине на самарских изданиях не указывались имена переводчиков и редакторов¹⁸⁰. И.Я. Яковлев, наоборот, всегда указывал своё авторство¹⁸¹.

Чувашские просветители рассматривали труд переводчика как занятие не только богоугодное, но и «во благо народа своего»¹⁸². «Мы работали исключительно во имя культурного развития своего рода-племени, работали сознательно, искренне и совершенно бескорыстно», — писал Д.Ф. Филимонов¹⁸³. В 1906 г. автор газетной корреспонденции, указывая на необходимость чувашских книг для народа, призывал интеллигенцию заниматься переводами без гонорара, чтобы не увеличивать стоимость первых, и жертвовать деньги на их издание и распространение¹⁸⁴. Подобные призывы имели отклик: например, Н.В. Никольский мог пожертвовать корректорским гонораром, если считал книгу хорошей¹⁸⁵. Не удивительно, что из среды переводчиков вышли крупные общественно-политические и церковные деятели: Д.С. Эльмень, И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, Д.Ф. Филимонов, М.П. Петров, А.В. Рекеев и др. С приходом к власти большевиков, взявших на вооружение атеистическую идеологию, ситуация изменилась. «Наше положение вообще незавидное, — писал Н.В. Никольский Д.Ф. Филимонову в декабре 1917 г. — Мы, прежние деятели, отгёрты, загнаны»¹⁸⁶. Что касается основной массы переводчиков, то их судьба сложилась по-разному: одни продолжили переводческую деятельность в советских учреждениях (М.П. Петров даже оставил труды по теории переводческого дела¹⁸⁷), другие, как представители духовенства, подверглись гонениям и политическим репрессиям.

Важной мотивацией служила возможность публиковаться. Так, самарский священник И. Дмитриев согласился участвовать в переводческой работе с условием: «Если только мой перевод будет допускаться до печати»¹⁸⁸. Диакон Н. Антонов признавался, что издание своего перевода на чуваш-

ский язык считает «большой честью» для себя, а по выходе книги из печати сразу выслал её на родину¹⁸⁹.

В условиях, когда многие переводчики не могли похвастаться достатком, ставка на бесплатный труд показала свою несостоятельность. В отличие от Братства, ПМО выделяло средства на оплату труда переводчиков. В начале XX в. в ПК ПМО действовали следующие расценки гонораров: авторам за оригинальные произведения, издаваемые впервые, — 3 руб. за печатную страницу в 8-ю долю; за переводные труды, издаваемые также впервые, — от 50 коп. до 3 руб. (в зависимости от сложности перевода); корректорам — по 10 коп. за страницу в 8-ю долю листа за корректуру с рукописи и по 5 коп. — с печатного издания¹⁹⁰. Известны и договорные расценки: перевод — 30 руб. за печатный лист, корректура — 3 руб.¹⁹¹ Финансовые трудности, время от времени переживаемые ПК ПМО, вносили в эту практику коррективы. Так, в 1890-х гг. для уменьшения издержек плата авторам и корректорам не производилась¹⁹². В 1877 г. из-за нехватки денег И.Я. Яковлев задержал выплату гонорара за корректуру А.В. Рекееву¹⁹³. В 1911 г. ПК ПМО предложила своему самарскому филиалу ввести плату переводчикам в размере от 8 руб. за печатный лист¹⁹⁴. Что касается ПК при КУО, то труд её переводчиков, редакторов и корректоров оплачивался изначально. Например, Н.В. Никольский за «Чувашско-русский словарь» получил 640 руб., Н.И. Ашмарин за 1-й том чувашского словаря — 160 руб.¹⁹⁵ В 1906 г. уфимское совещание по изданию переводов и книг для «инородческих» школ Оренбургского учебного округа признало необходимым поощрять авторов лучших книг и учебников премиями: 1-й степени — в размере 300 руб., 2-й — 150, 3-й — 50¹⁹⁶.

В июне 1917 г. I Общечувашский национальный съезд наметил программу по изданию чувашской литературы, высказавшись о желательности вознаграждения за переводы¹⁹⁷.

Итак, в описываемый период сложились чувашские переводческие центры в губернских городах Урало-Поволжья, была налажена система подготовки переводчиков и повышения их профессионального мастерства, развивались теория и техника переводческого дела. Обращение переводчиков к русскому, татарскому и другим языкам обогатило словарный состав и семантику чувашского литературного языка.

3. ВОПРОСЫ ИЗДАНИЯ ЧУВАШСКИХ КНИГ

3.1. Центры издания чувашских книг

Чувашские переводческие центры, за исключением самарского, являлись также издательскими. В Казани чувашские книги печатались с начала XIX в. В описываемый период, кроме книг Казанской переводческой комиссии, здесь выпускались переводы её самарского филиала, ПК при КУО, а в годы революций — и чувашских национальных организаций. В Симбирске печатались книги, подготовленные под руководством И.Я. Яковлева (первая — в 1876 г.), в 1917 г. также Симбирским чувашским обществом.

По косвенным данным, издание чувашских книг в Уфе началось в 1913 г. при участии переводчика Н.А. Матвеева¹⁹⁸ (по документированным — первая книга вышла в свет в 1914 г.¹⁹⁹). Как видно, вскоре оно остановилось, потому что в 1914—1915 гг. работники Миссионерского комитета Уфимской епархии Г.И. Комиссаров, В.А. Петров и П.П. Шленкин предприняли попытки по его возобновлению с помощью губернского земства и проектируемых чувашского просветительного общества и товарищества по изданию книг, но потерпели неудачу из-за строгости «старорежимных порядков» и индифферентности чувашских крестьян²⁰⁰.

По документам, у членов ПК ПМО отсутствовало взаимопонимание по вопросам о праве собственности на издания и порядке их финансирования, что приводило к конфликтам. И.Я. Яковлев вспоминал, что в 1896 г. делопроизводитель ПК ПМО Н.В. Никольский без ведома Братства св. Гурия стал переиздавать пользующиеся спросом симбирские издания, чем сделал «подрыв» его торговле. После этого И.Я. Яковлев явился на заседание Казанской переводческой комиссии и добился права самостоятельно издавать свои переводы, представляя их в ПК ПМО только на цензуру²⁰¹. К слову, даже в 1918 г. он утверждал, что ПК ПМО приписывала себе его работу по переводу Библии на чувашский язык²⁰². Известно, что И.Я. Яковлев самостоятельно назначал цены на свои издания, а в советское время распродал их с книжного склада при Симбирской чувашской школе в свою пользу²⁰³.

Отдельные члены ПК ПМО воспринимали самостоятельность И.Я. Яковлева как чрезмерную. В феврале 1906 г. на заседании ПК ПМО было оглашено письмо И.Я. Яковлева с просьбой о высылке денег на погашение долгов перед одной из симбирских типографий. В ответ на это Н.Ф. Катанов заявил, что проситель печатает свои издания, не сообразуясь с финансовыми возможностями комиссии, и не представляет в её распоряжение одной трети от тиража, на что последняя имеет право исходя из принципа равного распределения дохода между автором, издателем и коммиссионером. По мнению Н.Ф. Катанова, в ПК ПМО сложилась негодная практика распределения средств, при которой чувашские книги издавались в ущерб татарским, марийским, киргизским и др. Он предложил принять постановление, обязывающее И.Я. Яковлева и других лиц, печатающих свои книги на средства ПК ПМО вне Казани, высылать в её пользу треть тиража, а также не позже чем за полгода уведомлять о планируемых изданиях, их объёме и тираже, при нарушении чего не оплачивать расходов на их издание и вознаграждение сотрудников. До постановления дело не дошло, однако мнение Н.Ф. Катанова было доведено до И.Я. Яковлева²⁰⁴. В 1900 г. Н.А. Бобровников также писал о лидерстве в ПК ПМО чувашских изданий: «Мы здесь, в Казани, не успеваем справляться с работами на иных, кроме чувашского, языках»²⁰⁵.

Чувашские просветители старались применять российский опыт издания миссионерской литературы. В 1897 г. Д.Ф. Филимонов ходатайствовал перед казанским архиереем об издании на чувашском языке листов ре-

лигиозно-нравственного содержания под названием «Христианское поучение» (по примеру многих церквей и монастырей) на средства Ишаковской церкви Чебоксарского уезда. Указывал, что перевод без платы могли выполнить священники Цивильского уезда В.П. Ильинский, П.В. Васильев, В.С. Зайков, В. Ефремов, а рукописи проходить цензуру в ПК ПМО. По его расчетам, на 100 руб. можно было напечатать до 20 тыс. экз. листов в год для раздачи богомольцам²⁰⁶. О реализации этого проекта нам неизвестно.

3.2. Чувашское книгоиздание: внебюджетные источники финансирования, чувашский шрифт, статистика

В начале XX в. появился покупательский спрос на чувашские книги, что расширило финансовые возможности книгоиздателей. Так, в 1906 г. ПК ПМО профинансировала одно из изданий И.Я. Яковлева с условием возврата средств из выручки от его продажи²⁰⁷. Спрос на книги расширил круг её издателей. Способствовала этому и позиция ПК ПМО по привлечению частных средств из-за ограниченности своего бюджета. В сентябре 1905 г. чувашская секция съезда сотрудников ПК ПМО признала возможным религиозно-нравственные книги издавать на коммерческих началах, т.е. на принципе окупаемости, когда книга печатается на средства переводчика и поступает в его собственность, а ПК ПМО оказывает содействие в её реализации со своих складов²⁰⁸.

И.Я. Яковлев был первым чувашским автором, кто стал издавать книги за свой счёт, окупив затраты. Его примеру последовали П.В. Пазухин, Н.В. Никольский, И.Н. Юркин, А.И. Иванов, Т.К. Кириллов и др. Книги, опубликованные авторами, приносили прибыль, обходясь в разы дешевле, чем книги ПК ПМО, на стоимость которых влияли расходы на гонорары²⁰⁹. Помогало издателям и то, что типографии предоставляли отсрочку по оплате²¹⁰.

Традиционно книги издавались на пожертвования. В 1905 г. слушатели Казанских миссионерских курсов собрали и передали Н.В. Никольскому (вероятно, по его просьбе) небольшую сумму на издание чувашских переводов²¹¹. Способов привлечения пожертвований было множество. В 1901 г. при Самарском епархиальном комитете ПМО по инициативе Д.Ф. Филимонова был создан фонд имени Н.И. Ильминского для издания «инородческих» книг²¹². В 1906 г. решением Самарской переводческой подкомиссии ПК ПМО было введено самообложение с нерусского духовенства Самарской епархии в виде сбора на те же цели²¹³. Подобное практиковалось и в Казанской епархии: например, в 1908 г. в Чебоксарском уезде на издание чувашских книг было собрано по 3 руб. с церковного причта²¹⁴.

Применялся проверенный способ издания книг на средства от подписки: в 1906 г. по инициативе Н.В. Никольского ПК ПМО обратилась к архиереям Казанской и соседних епархий с просьбой организовать подписку на чувашский перевод «Кратких поучений на все воскресные дни», издать который она не могла из-за ограниченности средств²¹⁵. Практиковалось книгоиздание «на паях» (вскладчину).

Чувашские эсеры издавали книги на партийные средства, а также частные пожертвования. Например, несколько брошюр было напечатано на деньги ядринского промышленника З.М. Таланцева, сочувствовавшего демократическим идеям.

В начале XX в. к изданию чувашских книг обратились коммерсанты. Например, слепец-книгоноша из д. Енькасы Чебоксарского уезда Ф.П. Прокопьев, торговавший чувашскими изданиями ПК ПМО на сельских базах, издавал миссионерские брошюры тиражами в 1200—3000 экз.²¹⁶

Окружной инспектор Казанского учебного округа В.А. Ислентьев отмечал: «По богатству книг на инородческих языках, благодаря просветительской деятельности Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева, счастливее всех... крещёные татары и чувашаи»²¹⁷. Д.Ф. Филимонов указывал, что в начале XX в. ежегодно печаталось 10—20 книг на чувашском языке тиражами в десятки тысяч экземпляров²¹⁸. В 1867—1871 гг. было издано 12 книг на чувашском языке, включая двуязычные (7 учебных, 5 религиозных), а в 1872—1917 гг. — 729 (в среднем — 16 в год), следующей тематики: церковно-богослужбная — 439 (60,55 %), социально-политическая — 90 (12,41 %), научно-популярная — 78 (10,76 %), учебная — 63 (8,69 %), художественная — 55 (7,59 %)²¹⁹. По данным О.Р. Студенцова, религиозных книг больше, а именно 465, поскольку некоторые по названию были ошибочно отнесены к социально-политической, учебной или художественной литературе; общий тираж книг на чувашском языке яковлевского периода составляет около 1 млн 240 тыс. экз.²²⁰ Исследователи отмечают непостоянство количественной динамики чувашских изданий, выделяя семь резких перепадов с пиками в 1894, 1897, 1898, 1905, 1908, 1910, 1913 гг.²²¹ С началом Первой мировой войны издание чувашских книг сократилось в два раза²²². Среди книг на чувашском языке переводы с русского составляют 78 %, причём воспроизводят оригинал даже внешним оформлением²²³.

Издание чувашских книг требовало особого шрифта, цена на который была довольно высокой. В 1900 г. 3,5 пуда чувашского шрифта (этого было достаточно для издания книг) стоили 130 руб.²²⁴ Известно, что в 1885 г. при участии И.Я. Яковлева две типографии Симбирска вступили в переписку с Петербургом об изготовлении чувашского шрифта²²⁵ (типография А.Т. Токарева его приобрела). Из-за отсутствия чувашского шрифта в типографиях Самары и уездных городов Самарской губернии переводы, подготовленные Самарской подкомиссией ПК ПМО, печатались в казанской типографии В.М. Ключникова, что требовало дополнительных расходов на почтовую пересылку и наём корректора (первоначально предполагалось, что они будут печататься в типографии, арендуемой Самарской духовной консисторией, но последняя отказалась от покупки чувашского шрифта из-за того, что ПК ПМО не утвердила положение о Самарской переводческой подкомиссии)²²⁶.

В Уфе чувашским шрифтом располагала одна типография. Известно, что он был приобретён по инициативе переводчика Н.А. Матвеева, как

следует из его письма — в марте 1913 г.²²⁷ В Казани чувашский шрифт имели также не все типографии, скажем, в 1884 г. — только типография В.М. Ключникова²²⁸. В одном из писем Д.Ф. Филимонов сообщал Н.А. Бобровникову, что прожил в Казани три дня, но не сумел закончить печатание своей брошюры из-за отсутствия в типографии «чувашских букв с хвостиками»²²⁹.

В 1906—1907 гг. в Казани действовала подпольная типография, в которой печатались революционные прокламации и листовки на чувашском языке, шрифт для которой чувашские эсеры украли из казанской Центральной типографии²³⁰.

Лидерство по количеству чувашских изданий принадлежит Казани: в 1872—1917 гг. в ней было издано 82,3 % книг на чувашском языке, в Симбирске — 17,7 %²³¹. По неполным данным, в Казани в издании чувашской книги было задействовано 8 типографий, среди которых лидировали Центральная (более 100 названий), Университетская (ок. 70), В.М. Ключникова (ок. 50); в Симбирске — 5, лидером являлась типография А.Т. Токарева (не менее 30 названий)²³², в Уфе — одна. По свидетельству И.Я. Яковлева, цены на типографские услуги в Симбирске были «значительно дешевле» чем в Казани²³³.

Зародившись в Казани, чувашское книгоиздание распространилось на Симбирск и Уфу. Благодаря инициативе и активности чувашских просветителей, сплотивших вокруг себя кадры переводчиков, чувашская книга заняла ведущие позиции наряду с татарской. Две трети чувашских изданий приходятся на переводную религиозную литературу, чуть более одной пятой — на оригинальную национальную. Во второй половине XIX в. издание чувашских книг осуществлялось в основном за счёт государства и общественных благотворительных организаций, в начале XX в. с формированием книжного рынка выросла доля частных инвестиций, в числе которых появились коммерческие.

3.3. «Раскол в чувашском правописании»

Реализация системы Н.И. Ильминского вызвала необходимость организовать работу по составлению алфавитов и орфографических правил языков народов Поволжья²³⁴, в ходе которой была создана новая чувашская письменность. Её формирование проходило в остром соперничестве между И.Я. Яковлевым и Н.И. Золотницким.

В старочувашской письменности применялся русский алфавит, не соответствовавший фонетическим особенностям чувашского языка, отчего переводные книги не были востребованы. Первым этот недостаток попытался устранить Н.И. Золотницкий, но остановился на полумерах²³⁵ (как увидим далее, он руководствовался требованиями «Правил об образовании инородцев» 1870 г.). В 1867 г. в рецензии на чувашский календарь Золотницкого И.Я. Яковлев оценил его реформу транскрипции как неудачную, обвинил в плохом знании чувашского

языка и высказался за введение новых букв, выражающих фонетические особенности языка²³⁶.

И.Я. Яковлев усвоил учение Н.И. Ильминского, который считал, что алфавит «инородческих» языков должен основываться на кириллице, с небольшим её усовершенствованием за счет дополнительных букв, передающих специфику отдельных звуков языка. Исторически обосновывая свою позицию, Н.И. Ильминский писал: «Когда религия передаётся как сила образовательная и возрождающая на языке просвещаемого народа и является надобность переводить священные и богослужебные книги на местный язык, то алфавит, оставаясь в основе тем же, принимает дополнительные буквы по требованию этого языка»²³⁷. Несмотря на сопротивление ряда высокопоставленных чиновников, выступавших за применение русского алфавита без изменений, для облегчения изучения «инородцами» русского языка, Н.И. Ильминский сумел отстоять свою позицию²³⁸. В 1872 г. под руководством И.Я. Яковлева был разработан чувашский алфавит (имел промежуточные редакции), который стал использоваться в его изданиях. Отметим, что первоначально И.Я. Яковлев разделял взгляды Н.И. Золотницкого на чувашский язык, например использовал йотированные гласные²³⁹, от которых затем отказался. Учебники И.Я. Яковлева были одобрены МНП, его транскрипция принята Казанской переводческой комиссией для чувашских книг, что привело к вытеснению книг Н.И. Золотницкого и вынудило его сопротивляться.

Разногласия между миссионерами были отягощены неприязненными личными отношениями. В воспоминаниях И.Я. Яковлев уничижительно отзывался о Н.И. Золотницком²⁴⁰. В 1876 г. последний жаловался В.К. Магницкому, что в преддверии выхода его главного детища — «Корневого чувашско-русского словаря» (1875) — И.Я. Яковлев в ходе инспекторского объезда чувашских школ обливал его грязью²⁴¹. (О том, что И.Я. Яковлев «слишком резко отзывался» о Н.И. Золотницком, сообщал, например, учитель Бичуринского училища Чебоксарского уезда М.Ф. Фёдоров²⁴².) Н.И. Золотницкий пожаловался на коллегу Н.И. Ильминскому, расстроив его «до последней степени», а в январе 1876 г. о противоречиях с И.Я. Яковлевым рассказал попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову. Последний посоветовал Н.И. Золотницкому защищать честь в суде. При этом заверил, что осуждает поступок инспектора и сделает ему внушение: «Он (И.Я. Яковлев. — Ю.Г.) подобными выходками опозорил себя, будучи обязан не унижать Вас, а относиться к Вам как к предместнику (предшественнику по занимаемой должности. — Ю.Г.) и деятелю заслуженному и рекомендовать своим подчиненным обращаться к Вам как к опытному педагогу». Попечитель поблагодарил Н.И. Золотницкого за «откровенное сообщение» и успокоил, сообщив, что приказал И.Я. Яковлеву «снова изменить чувашскую орфографию»²⁴³.

Разговор с попечителем последствий не имел, поэтому в 1877 г. Н.И. Золотницкий, воспользовавшись поручением составить годовой отчет Братства, самовольно включил в него критический отзыв о транс-

крипции И.Я. Яковлева, обвинив его, а заодно и П.Д. Шестакова, давшего разрешение на печатание яковлевских книг, в нарушении правил «О мерах к образованию инородцев» 1870 г. — «чуть не в государственной измене»²⁴⁴ («Правилами» утверждалось применение в «инородческих» школах учебников на родном языке, напечатанных «русскими буквами»²⁴⁵). В отзыве говорилось о недопустимости наличия в школах учебников с разными транскрипциями, о том, что яковлевская орфография затрудняет чтение чувашских книг русскими читателями. Выражалось пожелание, чтобы И.Я. Яковлев принял транскрипцию Н.И. Золотницкого как опытного переводчика²⁴⁶. Разразился скандал: оскорблённый П.Д. Шестаков вышел из членов Братства, а Совет Братства принёс извинения И.Я. Яковлеву и в следующем годовом отчёте поместил объявление, что отзыв о чувашской транскрипции был напечатан «по недоразумению»²⁴⁷.

Н.И. Золотницкого поддерживали преимущественно русские интеллигенты (многие из них были знакомы с верховым чувашским диалектом), для которых его транскрипция была более понятной. Самым заметным из них был В.К. Магницкий, называвший Н.И. Золотницкого «отцом новой школы чувашефилов»²⁴⁸. В 1875 г., посылая Н.И. Золотницкому свою рукопись, он просил исправить её в соответствии с чувашским правописанием с целью «дать почувствовать Яковлеву, что его орфография не находит себе подражателей», добавив: «...а в статьях, подобных моей, текст с его орфографией для публики — лишний балласт»²⁴⁹. Тогда же он написал статью «о расколе в чувашском правописании», которую редактор неофициальной части «Казанских губернских ведомостей» Н.Ф. Юшков отказался печатать «как очень резко»²⁵⁰.

И.Я. Яковлев «ответил», когда В.К. Магницкий решил перейти из судей в ведомство МНП. В 1876 г. в ответ на просьбу В.К. Магницкого оказать содействие в этом, И.А. Износков посоветовал ему хлопотать о месте инспектора училищ в чувашской местности через И.Я. Яковлева, рекомендуя изучить яковлевские издания и «хорошенько усвоить правописание, им принятое», чтобы «окружной инспектор чувашских школ вполне убедился бы, что Вы будете действовать в том же направлении, в каком он действует»²⁵¹. Искомое место инспектора училищ В.К. Магницкий получил только в следующем году, причем не в Казанской губернии, как рассчитывал, а в Вятской. В письме к И.Н. Юркину обескураженный этнограф писал: «Всё это случилось непредвиденно из-за Яковлева, помимо моего желания, и так меня поразило, что я совсем пал духом и едва волочу ноги»²⁵².

В 1897 г. другой сторонник Н.И. Золотницкого, ядринский священник Н.А. Архангельский признался В.К. Магницкому, что пишет чувашские топонимы русскими буквами потому, что ему «не нравится... чувашская нынешняя транскрипция»²⁵³. Чебоксарский врач С.М. Вишневский также считал алфавит И.Я. Яковлева несовершенным, находя в нём «массу непреодолимых и излишних затруднений и неудобств»²⁵⁴.

В 1870—1880-х гг. против яковлевской транскрипции выступили священник с. Кошки Чебоксарского уезда В.Я. Смелов и участковый благочинный Козьмодемьянского уезда П. Любимов. Первый, подобно Н.И. Золотницкому, писал о сложности её для русского духовенства, попутно обвинив И.Я. Яковлева в научной реставрации чувашского языка с целью поднять его до уровня литературного, что навредит процессу обрусения; второй высказался за возврат к русскому алфавиту, т.е. к старочувашской письменности²⁵⁵. Недоброжелатели чувашской культуры из числа русских священников называли новую чувашскую письменность «яковлевской тарабарщиной» и «яковлевскими хвостиками», заявляя: «Чувашские книги и переводы и до Яковлева были, все они в народ не пошли и превратились в архивную пыль. Так будет и с книгами Яковлева»²⁵⁶.

В защиту И.Я. Яковлева выступил Н.И. Ильминский, писавший, что чувашская орфография кажется неудобной с непривычки, но быстро усваивается и русскими, и чувашами. По его словам, знакомый священник из Цивильского уезда «вник» в переводы И.Я. Яковлева и для него «их звукоизображение сделалось... ясным, легким и определительным»²⁵⁷. Правоту Ильминского подтверждает пример священника К.Е. Магницкого — отца этнографа В.К. Магницкого. В миссионерской практике он пользовался книгами Н.И. Золотницкого, поэтому издания И.Я. Яковлева поначалу поставили его в тупик. Но он не отложил их в ящик, как другие, а стал изучать, и с помощью местных учителей и работника-чуваша научился читать и понимать²⁵⁸.

По отзывам современников, книги И.Я. Яковлева были понятны всем знающим чувашский язык: «Так хороши, что лучшего и желать пока нельзя»²⁵⁹. В 1879 г. священник с. Норваши Цивильского уезда отмечал, что они сделались «самыми любимыми у чуваш»²⁶⁰. Съезд священников Цивильского уезда выступил в защиту яковлевской орфографии, указывая, что она «принята самими чувашами»²⁶¹. В 1900-х гг. цивильский крестьянин А.П. Шишкин, вспоминая о трудности чтения старочувашских книг, при котором приходилось гадать о значении многих слов, писал: «Теперь не то. Хвала тому, кто придумал чувашскую азбуку и устранил указанный недостаток»²⁶². Популярность яковлевских изданий подтверждается и их коммерческим успехом²⁶³.

Отголоски негативного отношения к чувашской транскрипции проявлялись долго. Так, в начале XX в. учителя Ядринского уезда отмечали «неудовлетворительность» чувашских букварей²⁶⁴, а иной грамотей, обучавшийся по прежним чувашским книгам, получив яковлевские издания, отворачивался со словами: «Это не мне читать»²⁶⁵.

После Февральской революции 1917 г. научный вопрос о чувашской транскрипции приобрел политическую окраску. В июне 1917 г. I Общечувашский национальный съезд постановил использовать язык яковлевских изданий «в целях теснейшего объединения чуваш всех местностей»²⁶⁶.

3.4. Выбор диалекта как основы для переводов на чувашский язык

И.Я. Яковлев писал, что ситуация с наличием разных диалектов в чувашском языке потребовала выбрать тот, который в наибольшей степени сохранил «простонародную чувашскую чистоту», и сделать его основным для переводов²⁶⁷. По этому вопросу мнения И.Я. Яковлева и Н.И. Золотницкого разошлись. Как отмечает литературовед В.Г. Родионов, Н.И. Золотницкий выделял в чувашском языке три диалекта: верховой, средненизовой, низовой — и в основу своих переводов положил второй, руководствуясь его общепонятностью и чистотой от иноязычных влияний (в отличие от низового, подвергшегося влиянию татарского языка. — Ю.Г.); успешно апробировал свой букварь в местах проживания верховых и низовых чувашей²⁶⁸. В отличие от оппонента, И.Я. Яковлев разделял точку зрения о наличии двух диалектов — верхового (в его состав включался средненизовой) и низового; составил букварь на основе родного для себя низового, что стало первым шагом к созданию чувашского литературного языка²⁶⁹.

В рассматриваемый период господствовало мнение о необходимости издания книг на разных диалектах нерусских языков²⁷⁰, что вело к их обособлению. Н.В. Никольский писал, что до Н.И. Ильминского и открытия Симбирской чувашской школы бытовало убеждение о существовании в чувашском языке множества наречий и невозможности создания перевода, доступного для всех чувашей; Н.И. Золотницкий же и его сторонники выступали за издание книг на верховом и низовом наречиях чувашского языка²⁷¹. Первоначально И.Я. Яковлев разделял этот взгляд, в начале 1870-х гг. даже приступил к работе над букварем на основе верхового диалекта, которую не сумел закончить из-за нехватки времени и финансовых средств. Одновременно совершенствовал изданный букварь. По результатам проверки его доступности среди чувашей Ядринского уезда он отказался от слов и форм, употреблявшихся только в низовом диалекте, что пошло на пользу дела: ученики повсеместно стали успешно овладевать чувашской грамотой. После этого И.Я. Яковлев пересмотрел свои взгляды на издание книг на верховом диалекте²⁷². Такую же позицию занимала ПК ПМО: выступая в 1911 г. от её имени на съезде самарских переводчиков, Н.В. Никольский отметил, что чувашки говорят «везде одинаково, с отличием лишь в той мере, в какой это заметно в отношении русских говоров, например казанского и московского», в чем встретил поддержку самарских коллег, признавших переводы, изданные в Симбирске и Казани, «вполне доступными» для чувашей Самарской губернии²⁷³.

После смерти Н.И. Золотницкого, как писал Г.И. Комиссаров, его издания были вытеснены яковлевскими, «низовое чувашское наречие, приправленное элементами верхового наречия, сделалось чувашским литературным языком»²⁷⁴. Н.И. Ашмарин отмечал, что последний достиг «значительной степени обработки в симбирских изданиях и совершенно приблизился к народной речи»²⁷⁵. Уже в конце XIX в. фиксировалось влияние

яковлевских изданий на нивелирование «диалектических особенностей» местных говоров²⁷⁶.

Итак, деятельность Н.И. Золотницкого завершила период старочувашской письменности, подготовила предпосылки для создания чувашского литературного языка, закрепив некоторые его лексические и синтаксические нормы²⁷⁷. Деятельность И.Я. Яковлева предотвратила угрозу превращения двух чувашских диалектов в самостоятельные литературные языки, а почти полувековое бытование переводной чувашской книги способствовало их сближению и формированию единого литературного языка²⁷⁸.

4. К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДНОЙ ЧУВАШСКОЙ СВЕТСКОЙ КНИГИ

4.1. Развитие переводной светской книги на чувашском языке

Светская литература составляет 32,3 % чувашских изданий яковлевского периода, разнообразна по тематике: научная, учебная, деловая, художественная и др.²⁷⁹ Подобно миссионерской, своим развитием она во многом обязана системе Н.И. Ильминского. Современники отмечали, что Н.И. Ильминский и его ученики принципиально выступали за «широкое развитие просветительных задач»: общественное развитие и улучшение благосостояния «инородцев», распространение среди них разных знаний²⁸⁰. Н.И. Ильминский писал, что Казанская переводческая комиссия «по духу, а не по букве» следовала Правилам по изданию переводов, данным Братству св. Гурия в 1868 г., и в соответствии с потребностями миссионерского дела при поддержке ПМО печатала не только вероучительные и религиозные книги, но и учебники для «инородческих» школ, словари, грамматики и иногда образцы народного фольклора²⁸¹. В отчёте ПК ПМО за 1904 г. отмечалось, что сближение «инородцев» с русскими на религиозной почве «исподволь» должно быть подготовлено изданием книг «общепросветительного характера», что не входило в программу ПМО, однако она изредка издавала их «по отсутствию иной инициативы в этой области»²⁸². ПК ПМО был издан ряд переводных учебников и книг русских и зарубежных писателей, подготовленных в Симбирской чувашской школе.

Н.В. Никольский отмечал, что с распространением грамотности появился спрос на светские чувашские книги²⁸³. Среди его черновых записей сохранились наброски по программе издания последних: история, география, естествознание, медицина, сельское хозяйство, с пояснением: «Сначала маленькими очерками, а потом в отдельных книгах и, конечно, применительно к чувашам»²⁸⁴. Вклад в издание чувашских книг «практического содержания» по профилю своей деятельности внесли общественные организации пчеловодов, медиков и др. Наиболее весомой была роль земств, о чём скажем ниже. После призыва Синода к духовенству об утверждении в народе трезвого образа жизни (1889) и введения государственной винной монополии (1894) появились церковные, общественные

и государственные благотворительные организации, издававшие антиалкогольную литературу, в т.ч. на чувашском языке²⁸⁵.

Революция 1905—1907 гг. открыла новую страницу в истории переводной светской книги. Современник отмечал, что в деле просвещения «инородцев», наряду с миссионерским, оформилось новое направление, ратовавшее за их экономическое, политическое и культурное развитие, одной из задач которого являлся перевод «лучших элементарных книг и брошюр для простого народа по политическим и общественным вопросам». По его мнению, оба направления дополняли друг друга и интересы «инородческого дела» требовали их развития в союзе между собой, чем должна была руководствоваться национальная интеллигенция²⁸⁶.

Словно откликаясь на эти слова, в 1906—1907 гг. Д.Ф. Филимонов призывал чувашскую интеллигенцию подняться над политическими интересами и объединиться ради просвещения соплеменников, повышения их самосознания, чтобы они не говорили «вырӑс пулас» (перейти в русские. — Ю.Г.) и «тутар пулас» (перейти в татары. — Ю.Г.)²⁸⁷. Антагонизм между революционерами и миссионерами оказался непреодолимым. Скажем, Г.Ф. Алюнов в печати обвинил И.Я. Яковлева в сговоре с реакционерами Д.А. Толстым и К.П. Победоносцевым²⁸⁸, а И.Я. Яковлев предложил подать в отставку двум учителям своей школы за участие в нелегальном учредительном съезде революционного «Кружка деятелей по просвещению чуваш»²⁸⁹. Наладить общение с революционной молодежью удалось только либералу Н.В. Никольскому, представлявшему младшее поколение миссионеров-просветителей: в 1906 г. он основал первую чувашскую газету, в период Февральской революции стал одним из лидеров национального движения народов Поволжья.

В годы революции 1905—1907 гг. появилось большое количество без- и подцензурных общественно-политических книг и брошюр, а также нелегальных летучих изданий (листовки, прокламации и др.) на чувашском языке. Казанский цензор М.Н. Пинегин писал, что в 1906 г. возникла периодическая и книжная чувашская печать, принявшая «направление более левое и еще более резкое, чем татарская печать»²⁹⁰ (известно, что полиция изымала у населения и торговцев газету «Хыпар» и чувашские книги даже при наличии цензурного разрешения²⁹¹). Чувашские эсеры были не единственной политической партией, выпускавшей чувашские книги: Симбирское отделение партии октябристов напечатало царские манифесты 1905 г. в переводе И.Я. Яковлева²⁹².

В революционные годы миссионеры столкнулись с новыми вызовами. В сентябре 1905 г. на съезде сотрудников ПК ПМО с участием учителей «инородческих» школ Н.А. Бобровников заявил, что «мысль о расширении переводческого дела» давно заботила Переводческую комиссию, но «задерживалась неопределенным положением её самой», однако активизация мусульманской агитации и новая волна отпадения в ислам после провозглашения веротерпимости сделали эту меру «безусловно необходимой»²⁹³. Съезд постановил организовать «Общество для просвещения инородцев»,

призванное также удовлетворить запросы нерусского населения на книги общеобразовательного характера. Чувашская секция съезда высказалась за расширение издания богословской и миссионерской литературы (за исключением книг «аскетического» направления, под влиянием которых чуваша уходили в монастыри), издание чувашско-русского и русско-чувашского словарей и книг для внешкольного образования, отвечающих насущным нуждам народа, обогащающих его духовный мир. В постановлении секции отмечалось, что ввиду бедности и малоземелья чуваша нанимаются в работники к татарам, где усваивают ислам, поэтому издание противомусульманских брошюр необходимо сочетать с мерами по улучшению материального положения чувашских крестьян, включая издание брошюр по сельскому хозяйству²⁹⁴.

В 1906 г. Д.Ф. Филимонов писал, что издание Манифеста 17 октября 1905 г. открыло народам России путь к прогрессу и для того, чтобы они не отстали от русских, необходимо дать им переводы книг по всем отраслям знаний, сборники фольклора, в т.ч. хоровых народных песен, газеты и журналы, а также политическую литературу, чем должны заниматься общественные комитеты при «Обществе просвещения инородцев», которое предложил создать (его чувашский комитет должен был располагаться в Казани). Относительно религиозной литературы писал, что её издание должна продолжать ПК ПМО²⁹⁵. К слову, сам он перевёл брошюру «Посевные семена»²⁹⁶.

В условиях третьиюньской монархии надежды на появление просветительных организаций не оправдались, поэтому переводами светских книг по-прежнему занимались миссионеры (чувашские революционные организации были разгромлены). Н.В. Васильев (Шубоссинни) писал, что под влиянием революции в Симбирской чувашской школе наряду с миссионерской стали переводить научно-популярную литературу и беллетристику²⁹⁷. В 1909 г. съезд Самарской подкомиссии ПК ПМО выступил за перевод на «инородческие» языки книг сельскохозяйственной, исторической и медико-гигиенической тематики. Известно, что члены подкомиссии редактировали такие переводы, присылаемые из Казанской и Симбирской епархий²⁹⁸. Переводческая комиссия 1-го благочиния Цивильского уезда (известна с 1911 г.) наряду с миссионерской литературой издавала сельскохозяйственные брошюры на чувашском языке для «поднятия... материального благосостояния» чувашских крестьян²⁹⁹. Интересный факт: под влиянием революции спрос на религиозную литературу упал, и в 1908 г. чувашские священники предложили для привлечения читателей издавать «духовное с недуховным», например вместе с литературной классикой³⁰⁰.

В годы реакции остались на бумаге и проекты развития культурно-просветительной работы с возобновлением издания чувашской газеты, переводных книг светского содержания, чувашской и переводной русской беллетристики и др., разрабатывавшиеся чувашскими студентами г. Казань³⁰¹.

Со свержением самодержавия открылись новые возможности для развития переводной книги. И.Я. Яковлев в числе мер по развитию просве-

щения нерусских народов предложил чиновнику Временного правительства на средства государства издавать школьные учебники и «научно-популярные книги разного рода» на «инородческих» языках³⁰². Вновь созданные чувашские национальные организации (газета «Хыпар», Симбирское чувашское общество и др.) в соответствии с программой политического и культурного прогресса чувашского народа приступили к изданию общественно-политической, учебной и научно-просветительной литературы на чувашском языке, в т.ч. переводной.

Отметим большой личный вклад И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского в издание чувашской светской книги. Первый писал, что после создания чувашского алфавита занялся переводом «произведений общеобразовательного, нравственно-назидательного, исторического, доступного пониманию простого народа характера»³⁰³. Благодаря его сотрудничеству с симбирским отделением Пироговского общества и при финансовой поддержке Симбирского губернского земства было издано более 40 санитарно-гигиенических изданий³⁰⁴, что составило «эпоху в жизни чувашей»³⁰⁵. Считая материальное благополучие важной составляющей общекультурного развития чувашского народа³⁰⁶, он наставлял своих учеников: «Чувашей приобщайте к наукам (ремёслам. — Ю.Г.)... Одни буквари нас не накормят»³⁰⁷. Как член-корреспондент Симбирского общества сельского хозяйства (с 1893 г.), он организовал перевод и издание сельскохозяйственной литературы³⁰⁸. Отдавая дань государственной идеологии, переводил на чувашский язык официальные и пропагандистские издания: о первой Всероссийской переписи населения 1897 г., Первой мировой войне, царские манифесты и др.³⁰⁹ Н.В. Никольский писал, что считает долгом способствовать изданию книг «общекультурного свойства»³¹⁰. При его участии ПК ПМО были изданы более 30 брошюр по сельскому хозяйству, о вреде пьянства, произведения чувашского фольклора и др.³¹¹

4.2. Издание чувашских книг земствами

Отводя книге важное место в деле развития крестьянского хозяйства, земства финансировали издание переводных книг «практического содержания». Указателем «Чувашская книга до 1917 года» учтено среди издателей таких книг 5 губернских земств: Симбирское (5 названий), Самарское (4), Уфимское (2), Саратовское (1), Казанское (1); 2 уездных: Симбирское (7) и Цивильское (2) — всего 22 названия. Тематически они разделяются на: книги по сельскому хозяйству (11), медицине (7), ремеслам, беллетристика, по кооперативам, учебники (по 1). Все они изданы массовыми тиражами (от 1 до 10 тыс. экз.). Отметим, что данные указателя неполные, например не содержат сведений об изданиях Чебоксарского уездного, Казанского и Уфимского губернских земств, о которых будет сказано далее.

Губернские земства средства на издание популярных брошюр закладывали в своих бюджетах, в частности, Самарское — в смету агрономического и врачебно-санитарного отделов³¹². Средства Уфимского губернского

земства на издание книг на «инородческих» языках (500 руб.) до 1912 г. не использовались³¹³. Уездные земства, имевшие скромные возможности, практиковали разовые целевые субсидии. Так, в 1906 г. Цивильское земство заказало Казанской переводческой комиссии чувашский перевод брошюры о травосеянии, ассигновав на это 15 руб.³¹⁴

Земские издания не преследовали коммерческих целей, предназначались для бесплатной раздачи. Скажем, оба издания Цивильского земства — учебник для совместного обучения чувашей и русских и брошюра по сельскому хозяйству — были розданы: по школам и среди крестьян соответственно³¹⁵. Показательно, что планы Ядринского земства по изданию чувашских книг с последующей их продажей потерпели неудачу. История вкратце такова. В 1903 г. гласный А.П. Шумилов на уездном земском собрании поднял вопрос об издании книг по сельскому хозяйству, огородничеству и др. на чувашском языке. Учитывая желание чувашских крестьян иметь в волостных библиотеках книги на родном языке, предложил заняться их изданием, наладив сотрудничество с ПК ПМО и учителями, продавать книги по 1—5 коп., направляя прибыль на развитие издательского дела³¹⁶. Управа, которой было поручено разработать вопрос к следующему собранию, выяснила условия получения цензурного разрешения и предложила земским служащим заняться составлением общедоступных брошюр по медицине, ветеринарии и агрономии. На это «весьма охотно» откликнулись земские врачи Чернцов, А.А. Стоеросов, ветеринарный врач М.А. Шашабрин и агроном Бакулевский, причём без гонорара. Затем председатель управы С.Н. Ильин обратился за содействием к земляку Н.В. Никольскому. Последний согласился сотрудничать на условиях авторского вознаграждения, а также печатания книг в типографии А.М. Петрова в Казани. По подсчетам управы, себестоимость брошюры в 0,5 листа в зависимости от формата должна была составить 4—8 коп., что делало её неперспективной для продажи, а само издание чувашских книг оценено как затратное с сомнительной пользой³¹⁷. В 1904 г. доклад управы рассмотрен не был, а в 1905 г. земское собрание по финансовым затруднениям отказалось от издания чувашских книг³¹⁸.

Для перевода книг земства пользовались услугами переводческих организаций и отдельных переводчиков. Скажем, в 1908 г. Симбирская губернская земская управа заказала И.Я. Яковлеву чувашский перевод брошюры о прививках от холеры³¹⁹. По заявкам губернских земств ПК ПМО рецензировала и издавала переводы брошюр по гигиене, сельскому хозяйству и др., в т.ч. на чувашском языке³²⁰. Например, в 1911 г. по заказу Саратовского губернского земства издала брошюру о холере³²¹. Осенью 1905 г. Казанская губернская земская управа оплатила издание и рассылку по чувашским селениям периодических листков «Письма крестьянина» с информацией о Государственной думе (издавались в Нижнем Новгороде А.И. Лебедевым), переведённых «группой интеллигентных чуваш» во главе с Н.В. Никольским³²². В сентябре 1917 г. Цивильское уездное земство выделило 1500 руб. на выписку газеты «Хыпар» для чувашских селений своего

уезда, обратившись к её редакции с просьбой не отказывать «в переводе на чувашский язык брошюр, посылаемых для перевода лекторским бюро, культурно-просветительной комиссией учащих и союзом земских служащих»³²³.

В свою очередь переводчики обращались к земствам с предложениями о сотрудничестве. В 1909 и 1911 гг. съезд переводчиков Самарской епархии ходатайствовал перед Бугульминским уездным и Самарским губернским земствами соответственно об отпуске средств на издание переводных книг по истории, медицине, сельскому хозяйству и вреде пьянства³²⁴. После прекращения издания книг Самарским епархиальным комитетом ПМО Д.Ф. Филимонов предлагал Самарской губернской земской управе чувашские переводы для публикации³²⁵. В период Февральской революции 1917 г. по предложению Г.И. Комиссарова в Уфе на средства Уфимского губернского земства для чувашских школ была перепечатана книга Л.Н. Толстого для классного чтения, в переводе которой инициатор принимал участие в бытность учеником Симбирской чувашской школы³²⁶.

Помимо цензурных комитетов Москвы и Петербурга, имевших право просматривать все рукописи на любом языке, надзор за светскими произведениями на тюркских языках осуществлял казанский отдельный цензор (предварительная цензура непериодических изданий отменена в 1906 г.)³²⁷. Рукописи по медицине отсылались на рассмотрение отраслевой цензуры в Петербург. Чтобы книги могли поступать в школьные библиотеки, требовалось разрешение учебного комитета МНП³²⁸.

При издании книг земства сталкивались с цензурными трудностями. Показательным является пример Чебоксарского уездного земства. В 1884 г. по заданию комитета народного здравия при Чебоксарской земской управе врачи Р.О. Заленский и С.М. Вишневский написали «Наставление о мерах к предупреждению холеры», которое было решено напечатать на русском и чувашском языках для раздачи населению. Тогда же был заключён договор с казанской типографией В.М. Ключникова³²⁹. В январе 1885 г. по разрешению казанского губернского медицинского инспектора брошюра вышла на русском языке, но возникли цензурные сложности в отношении чувашской рукописи. Типография предложила управе обратиться к казанскому отдельному цензору, чтобы тот получил от Главного управления по делам печати разрешение на выпуск брошюры за подписью директора учительской инородческой семинарии Н.И. Ильминского (цензор не знал чувашского языка), а также обратился к Н.И. Ильминскому с просьбой взять на себя просмотр рукописи и корректуры. Другим препятствием стало использование авторами орфографии, отличающейся от принятой И.Я. Яковлевым, что требовало заказа букв, отсутствующих в чувашском шрифте. Предложения типографии не устроили управу: в феврале 1885 г. она напрямую обратилась в Главное управление по делам печати и только по его распоряжению — к казанскому отдельному цензору. Разрешение от него было получено в апреле того же года, а в мае брошюра напечатана в той же типографии тиражом в 600 экз.³³⁰

Светская переводная книга на чувашском языке имела широкий репертуар — от беллетристики до книг практического содержания. Импульс её развитию придали демократические завоевания революции 1905—1907 гг. Свой вклад в её издание внесли революционные и либеральные партии, земства Урало-Поволжья, в т.ч. Чувашского края. Переводы художественной, исторической, медицинской, сельскохозяйственной, музыкальной, естественно-научной и другой литературы способствовали росту грамотности и уровня образования чувашского народа, повышению его хозяйственного и культурного уровня, развитию национального самосознания, сближению с русским и другими народами³³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Своим развитием переводная чувашская книга, как религиозная, так и светская, обязана системе Н.И. Ильминского. Благодаря активности чувашских миссионеров-просветителей чувашская книга наряду с татарской заняла ведущие позиции среди аналогичных национальных. За короткий исторический период она превратилась в мощный фактор культурного развития чувашского народа. Парадокс: представляя собой заимствование из русской культуры, она оказала сильное влияние на рост национального самосознания. Сравнивая бескнижное время с началом XX в., чувашки говорили: «Стало быть, и мы люди»³³². Не случайно, критикуя систему Н.И. Ильминского, реакционеры выступали против чувашской книги, видя в ней источник национального сепаратизма, а своими главными оппонентами считали чувашских «ильминистов», отстаивавших использование родного языка в обучении и богослужении.

Переводом и изданием чувашских книг занимались общие и чувашские переводческие, а также чувашские национальные организации. Свой вклад в их издание внесли земства Урало-Поволжья, в т.ч. Чувашского края, а также по профилю своей деятельности — общественные религиозные, благотворительные и другие организации. Ведущую роль играли финансируемые государством ПК ПМО и ПК при КУО. В указанный период сложились четыре чувашских переводческих центра — в Казани, Симбирске, Самаре и Уфе, каждый со своей специализацией, подготовившие издания широкой тематики: богослужебные, миссионерские, учебные, научно-популярные, сельскохозяйственные, антиалкогольные, общественно-политические и др. Лидирующее место принадлежало симбирскому центру во главе с И.Я. Яковлевым. Главным его достижением стал перевод Библии на чувашский язык, прекратившийся после прихода к власти большевиков. Формулой успеха симбирского центра воспринимаются слова Н.В. Никольского, писавшего, что важными слагаемыми результативной переводческой работы являются «коллективные усилия, масса времени и бодрая энергия»³³³. Благодаря деятельности чувашских переводческих центров получили развитие теория и практика переводческого дела, основы

которых были заложены Н.И. Ильминским. Положительный опыт дореволюционных чувашских переводчиков был унаследован советскими.

Переводческие центры, за исключением Самары, одновременно являлись издательскими. В 1867—1917 гг. ими было издано около 750 книг на чувашском языке (включая двуязычные), причем две трети — в Казани, игравшей роль столицы для Восточной России. Во второй половине XIX — начале XX в. переводами занимались сотни представителей чувашской интеллигенции, объединенных идеей служения родному народу. Из их рядов вышли общественно-политические и церковные деятели, первые чувашские писатели и ученые-гуманитарии.

Источники и литература

¹ *Фомин Э.В.* Чувашская книга конца XVIII — начала XX века. Чебоксары, 2013. С. 9.

² *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. Чебоксары, 2007. С. 118.

³ Чувашская книга до 1917 года: ретросп. библиограф. указ. лит. 2-е испр, доп. изд. Чебоксары, 2001. 202 с.

⁴ *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский — чувашский ученый, просветитель, общественный деятель: учеб. пособие. Чебоксары, 1993. 72 с.; *Его же.* М.П. Петров (Тинехпи) — деятель просвещения и культуры, этнограф и историк: учеб. пособие. Чебоксары, 2003. 56 с.; *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. Чебоксары, 1992. 416 с.; *Мукина И.В.* И.Я. Яковлев — переводчик Библии // Вестник Чувашского университета. 1997. № 1. С. 64—75; *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары, 2006. С. 64—72.

⁵ *Фомин Э.В.* Чувашская книга конца XVIII — начала XX века. 140 с.; *Студенцов О.Р.* Периодизация чувашского литературного языка: история и современность // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 262—265.

⁶ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Д. 163. С. 76.

⁷ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 235.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. V. Д. 2003. Л. 25.

⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 501. Оп. 1. Д. 83. Л. 6 об.

¹⁰ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 27, 28.

¹¹ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сб. документов и материалов / авт.-сост. Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань, 2015. С. 536; *Козлов Ф.Н.* Православие в Чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е годы. Чебоксары, 2014. С. 96.

¹² *Фомичёва О.А.* А.С. Будилович: деятельность в национальных регионах пореформенной Российской империи. СПб., 2014. С. 179.

¹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 44—45.

¹⁴ *Касаткин М.В.* Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем // Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. 1913. № 12. С. 99.

¹⁵ Там же. С. 127.

¹⁶ *Серый Чуваши.* На смерть Победоносцева // Волжские вести. 1907. 28 апреля. С. 2.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 227 об.

¹⁸ *Фомичёва О.А.* А.С. Будилович ... С. 194, 198; НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 715. Л. 18 об.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. Л. 172 об., 173.

²⁰ Там же. Отд. II. Д. 246. С. 237.

²¹ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 44.

²² НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 246. С. 404.

²³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 227 об. — 228, 292.

²⁴ *Касаткин М.В.* Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем. С. 99.

²⁵ *Фомичёва О.А.* А.С. Будилович ... С. 196.

²⁶ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 42.

- ²⁷ Дореволюционная чувашская литература. Переводы и произведения на русском языке. Т. 2. Чебоксары, 2001. С. 401.
- ²⁸ Яковлев И.Я. Становление системы образования чувашского народа. С. 125.
- ²⁹ Александров Г.А. Чувашские интеллигенты ... С. 42.
- ³⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 247. С. 662—663.
- ³¹ Филимонов Д.Ф. К десятилетию со дня кончины Николая Ивановича Ильминского // Православный собеседник. 1901. № 16. С. 346, 347.
- ³² ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 60.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 261, 264; Филимонов Д.Ф. К десятилетию со дня кончины Николая Ивановича Ильминского // Православный собеседник. 1901. № 17. С. 32.
- ³⁵ Дореволюционная чувашская литература ... С. 400.
- ³⁶ Яковлев И.Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 179.
- ³⁷ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 59.
- ³⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 188. Инв. № 455. Л. 28.
- ³⁹ Там же. Д. 2219. Инв. № 8544. С. 4.
- ⁴⁰ Там же. Отд. I. Д. 144. С. 346.
- ⁴¹ Яковлев И.Я. Моя жизнь. С. 19.
- ⁴² НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 247. С. 659.
- ⁴³ Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении. С. 363—364.
- ⁴⁴ Общечувашский съезд учащихся // Канаш. 1918. 7 июня.
- ⁴⁵ Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 1. Чебоксары, 2004. С. 59.
- ⁴⁶ Касаткин М.В. Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем. С. 114—115.
- ⁴⁷ Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX — начале XX в.: сб. материалов и документов / сост. Р.Р. Исхаков. Казань, 2012. С. 395—396.
- ⁴⁸ Касаткин М.В. Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем. С. 114, 115.
- ⁴⁹ Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии. С. 1.
- ⁵⁰ По инородческому вопросу // Деятель. 1916. № 4. С. 59, 60.
- ⁵¹ Вопрос об инородческой школе на дворянском съезде // Краины России. 1911. № 10. С. 150—151.
- ⁵² Губернское дворянское собрание // Казанский телеграф. 1911. 15 января.
- ⁵³ НА ЧГИГН. Отд. V. Д. 2003. Л. 9.
- ⁵⁴ Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 2. С. 37.
- ⁵⁵ О газете на чувашском языке // Хыпар. 1906. 7 мая.
- ⁵⁶ Извлечения из отчета его высокопреосвященства о состоянии Казанской епархии за 1894 год // Известия по Казанской епархии. 1896. 1 мая. С. 245.
- ⁵⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. Л. 161 об.
- ⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 267 об.
- ⁵⁹ Дореволюционная чувашская литература. С. 402.
- ⁶⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
- ⁶¹ Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 1. С. 355—356.
- ⁶² НА ЧГИГН. Отд. V. Д. 2003. Л. 12.
- ⁶³ Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 1. С. 59.
- ⁶⁴ Гусаров Ю.В. Переводческая комиссия Православного миссионерского общества // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 392; ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 275—275 об.
- ⁶⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 112; Отчет о деятельности Братства св. Гурия за тридцать третий братский год с 4 октября 1899 года по 4 октября 1900 года. Казань, 1899. С. 70.
- ⁶⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 166. С. 272.
- ⁶⁷ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани, с 1 мая 1895 г. по 1 октября 1897 г. Казань, 1897. С. 14.
- ⁶⁸ Постановления Цивильского уездного земского собрания 42 очередного заседания 10—14 октября 1906 г. и экстренного заседания 17 февраля 1907 г. Казань, 1907. С. 34.
- ⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 267.
- ⁷⁰ Там же. Д. 186. С. 71, 72; Н[икольский] Н.[В.] Объяснительные беседы на Символ веры на чувашском языке // Известия по Казанской епархии. 1905. 22 декабря. С. 1364.

- ⁷¹ *Гусаров Ю.В.* Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа // *Чувашская энциклопедия.* Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 393—394.
- ⁷² *Изоркин А.В.* О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров // *Исследования по истории Чувашии и чувашского народа.* Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 110—111.
- ⁷³ Дореволюционная чувашская литература. С. 463.
- ⁷⁴ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования ... С. 44.
- ⁷⁵ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 277.
- ⁷⁶ *Яковлев И.Я.* Письма. Чебоксары, 1985. С. 29, 30.
- ⁷⁷ *Комиссаров Г.И.* О чувашах. Чебоксары, 2003. С. 348.
- ⁷⁸ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 276, 277.
- ⁷⁹ Отчет Переводческой комиссии ПМО, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани, с 1 мая 1895 г. по 1 октября 1897 г. С. 14.
- ⁸⁰ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 526. Л. 8.
- ⁸¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 524. Л. 428.
- ⁸² ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 883. Л. 155—155 об.
- ⁸³ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 71.
- ⁸⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 188. Л. 17.
- ⁸⁵ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 69.
- ⁸⁶ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 92.
- ⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 121 об.
- ⁸⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 227. С. 7; Д. 238. С. 217, 219.
- ⁸⁹ Гурий Комиссаров — краевед и просветитель. Уфа, 1999. С. 129; Сердцу близкие имена: краеведческий сборник / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1996. С. 163—164.
- ⁹⁰ Чувашская книга до 1917 года. С. 158, 166; НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 236. С. 31—32.
- ⁹¹ Гурий Комиссаров — краевед и просветитель. С. 7.
- ⁹² Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1914 год. Казань, 1915. С. 10.
- ⁹³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.
- ⁹⁴ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 364.
- ⁹⁵ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Чебоксары, 1989. С. 284.
- ⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- ⁹⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 246. С. 179—180.
- ⁹⁸ Там же. Отд. I. Д. 163. С. 59; *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 23—24.
- ⁹⁹ *Петров М.П.* Н.И. Ильминский и его просветительная система. Казань, 1916. С. 79.
- ¹⁰⁰ Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии. Казань, 1890. С. II.
- ¹⁰¹ Там же. С. II—III; 34—78.
- ¹⁰² Там же. С. 53.
- ¹⁰³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 110 об.
- ¹⁰⁴ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 275.
- ¹⁰⁵ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 41.
- ¹⁰⁶ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 40.
- ¹⁰⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 192 об.
- ¹⁰⁸ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья ... С. 528.
- ¹⁰⁹ Чит. по: Переписка о чувашских изданиях ... С. 52.
- ¹¹⁰ *Юман М.* Суйласа илнисем [*Петров Д.П.* Избранное]. Шупашкар, 1997. С. 335.
- ¹¹¹ *Димитриев В.Д.* М.П. Петров (Тинехпи) — деятель просвещения ... С. 46.
- ¹¹² О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Казань, 1875. С. 18, 19.
- ¹¹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 196. С. 172.
- ¹¹⁴ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 272, 273.
- ¹¹⁵ *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка. Чебоксары, 1959. С. 44.
- ¹¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. С. 69—70.
- ¹¹⁷ *Н[икольский] Н./В./* Новые книги. Объяснительные беседы на Символ веры ... С. 1365.
- ¹¹⁸ *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 371.
- ¹¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Т. 188. Инв. № 172. Л. 4.

- 120 Отчет о деятельности Совета Братства св. Гурия с 1 октября 1868 года по 4-е октября 1869 года // Известия по Казанской епархии. 1869. 15 ноября. С. 672, 673.
- 121 *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 96.
- 122 Отчет о деятельности Совета Братства св. Гурия от 4 октября 1867 г. до 13 октября 1868 г. // Известия по Казанской епархии. 1868. 15 ноября. С. 642.
- 123 ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 192–193.
- 124 *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 280, 281.
- 125 НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 58, 59.
- 126 *Яковлев И.Я.* Письма. С. 125.
- 127 ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 163.
- 128 *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 279, 280.
- 129 Письмо редактору газеты «Канаш» // Канаш. 1918. 4 июня. С. 1–2.
- 130 *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 266.
- 131 Указы Святейшего синода // Известия по Казанской епархии. 1868. 15 июня. С. 308.
- 132 *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 92.
- 133 ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.
- 134 Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания, 3 апреля 1908 г. [Б. м.] [б. г.]. С. 16.
- 135 Переписка о чувашских изданиях ... С. 54.
- 136 НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 2219. Инв. № 8544. С. 4; *Петров Д.П.* Избранные труды. Чебоксары, 1997. С. 322.
- 137 *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка. С. 56.
- 138 *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 66.
- 139 Переписка о чувашских изданиях ... С. 53, 54, 142.
- 140 *Александров Г.А.* Иван Яковлевич Яковлев: фрагменты жизни. Чебоксары, 1997. С. 47, 48.
- 141 *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 348; ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.
- 142 НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 238. С. 565–566.
- 143 *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 96.
- 144 *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 266.
- 145 *Касаткин М.В.* Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем. С. 128.
- 146 Переписка о чувашских изданиях ... С. 53.
- 147 *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 367, 368.
- 148 *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 109.
- 149 ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1115. Л. 145.
- 150 Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.
- 151 НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. С. 69.
- 152 *Никольский Н.В.* Переводческая комиссия ... С. 97.
- 153 *Яковлев И.Я.* Становление системы образования ... С. 421; ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 80.
- 154 *Яковлев И.Я.* Становление системы образования ... С. 336.
- 155 *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). Казань, 1911. Т. 26, вып. 6. С. 548.
- 156 НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 186. С. 76, 70.
- 157 ГИА ЧР. Ф. 302. Оп. 1. Д. 26. Л. 66.
- 158 *Ильминский Н.И.* Практические замечания о переводах и сочинениях на иностранных языках. С. 160–183.
- 159 НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 246. С. 165.
- 160 *Зайцев Я.Н.* Лета и лица Урмарской земли. Чебоксары, 1994. С. 212; Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 296.
- 161 *Яковлев И.Я.* Становление системы образования ... С. 230.
- 162 ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- 163 НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 63, 64.
- 164 Там же. Д. 161. Л. 161.
- 165 ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 104 об.
- 166 Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 83. Л. 6 об.
- 167 *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1967. С. 57.

¹⁶⁸ Научные труды по чувашской истории, этнографии и языку оставили К.П. Прокопьев, А.П. Прокопьев (Милли), А.С. Иванов, Н.В. Никольский, М.П. Петров, Н.М. Охотников, Ф.Т. Тимофеев и др.

¹⁶⁹ *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. С. 39.

¹⁷⁰ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 105.

¹⁷¹ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 104 об.; Д. 3. Л. 299.

¹⁷² НА ЧГИГН. Отд. II. Инв. № 455. Д. 188. Л. 23 об.; Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья ... С. 543.

¹⁷³ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 2219. Инв. № 8544. С. 3.

¹⁷⁴ Там же. Отд. I. Д. 238. Л. 246.

¹⁷⁵ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 99.

¹⁷⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 256.

¹⁷⁷ Переводческая комиссия Братства св. Гурия в Казани и её деятельность // Православный благовестник. 1893. № 11. С. 16.

¹⁷⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 188. Л. 8 об.

¹⁷⁹ *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. С. 128.

¹⁸⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об.

¹⁸¹ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 282.

¹⁸² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 331 об.

¹⁸³ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 55.

¹⁸⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 180. Л. 204.

¹⁸⁵ *Яковлев Ю.В.* Духовное пространство Ивана Юркина. Чебоксары, 2010. С. 135.

¹⁸⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.

¹⁸⁷ *Димитриев В.Д.* М.П. Петров (Тинехпи) — деятель просвещения ... С. 46, 47.

¹⁸⁸ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 103.

¹⁸⁹ Там же. Л. 161 об., 162 об.

¹⁹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 96.

¹⁹¹ ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1115. Л. 145.

¹⁹² Деятельность Переводческой комиссии при Братстве св. Гурия в 1894/95 г. // Православный благовестник. 1896. № 6. С. 252.

¹⁹³ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 39.

¹⁹⁴ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–23 об.

¹⁹⁵ Отчет о деятельности Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа за 1910 гражданский год. С. 748.

¹⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 526. Л. 6 об.—10.

¹⁹⁷ Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск, 1917. С. 29.

¹⁹⁸ Дореволюционная чувашская литература. С. 481.

¹⁹⁹ *Фомин Э.В.* Чувашская книга конца XVIII — начала XX века. С. 61.

²⁰⁰ Об Уфимском чувашском национальном обществе // Хыпар. 1917. 13 июня. С. 3–4.

²⁰¹ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 277, 278.

²⁰² *Жиркевич А.В.* Мои встречи с И.Я. Яковлевым: из дневника за 1916—1924 годы. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары, 2006. С. 46.

²⁰³ *Жиркевич А.В.* Мои встречи с И.Я. Яковлевым. С. 184; *Яковлев И.Я.* Письма. С. 171.

²⁰⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 91, 92.

²⁰⁵ Там же. Отд. II. Д. 246. С. 109.

²⁰⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 163 об., 164.

²⁰⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 114.

²⁰⁸ Там же. С. 61.

²⁰⁹ Там же. Д. 279. С. 223–224.

²¹⁰ Там же. Д. 238. С. 222.

²¹¹ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 37 об.

²¹² Там же. Д. 5. Л. 36 об.

²¹³ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 70.

²¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. Л. 164.

²¹⁵ Там же. Д. 163. С. 113.

²¹⁶ *Гусаров Ю.В.* О книжной торговле в Чувашском крае во второй половине XIX — начале XX века // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность. Чебоксары, 2000. С. 143; Чувашская книга до 1917 г. С. 157, 163.

- 217 *Ислентьев В.А.* Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Казань; Елабуга, 1889. Оборот лицевой стороны обложки.
- 218 НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 186. С. 11.
- 219 Чувашская книга до 1917 года. С. 7.
- 220 *Студенцов О.Р.* Переводы И.Я. Яковлева как источник религиозно-духовного просвещения чувашского народа // *Семья в России.* 2006. № 1. С. 102, 104.
- 221 *Фомин Э.В.* Чувашская книга конца XVIII — начала XX века. С. 54.
- 222 *Родионов В.Г.* Чувашская литература 1909—1917 годов. Чебоксары, 2012. С. 37.
- 223 *Фомин Э.В.* Чувашская книга конца XVIII — начала XX века. С. 71.
- 224 ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 209 об.
- 225 *Яковлев И.Я.* Письма. С. 105.
- 226 ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 210—210 об.
- 227 *Гурий Комиссаров* — краевед и просветитель. С. 129; Сердцу близкие имена. С. 164; НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 238. С. 222.
- 228 ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 336.
- 229 Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 144 об.
- 230 *Изоркин А.В.* О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров ... С. 111; *Васильев Н.В.* Краткий очерк истории чувашской литературы. С. 10.
- 231 *Студенцов О.Р.* Периодизация чувашского литературного языка ... С. 262.
- 232 Там же. С. 263.
- 233 *Яковлев И.Я.* Письма. С. 107.
- 234 *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка. С. 43.
- 235 Там же. С. 46.
- 236 *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 20—21.
- 237 *Ильминский Н.И.* Избранные места из педагогических сочинений. С. 12—13.
- 238 *Павлова А.Н.* Система Н.И. Ильминского и её реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России (в последней трети XIX — начале XX века). Чебоксары, 2004. С. 77.
- 239 *Яковлев И.Я.* Письма. С. 150.
- 240 *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 193—198.
- 241 Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжско-го) федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Рук. 1815. Л. 18—19.
- 242 Там же. Рук. 2308. Л. 28.
- 243 Там же. Рук. 1815. Л. 18—19.
- 244 *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за 25 лет его существования. 1867—1892. Казань, 1892. С. 138—139.
- 245 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871. Стб. 1558.
- 246 Отчет о деятельности Братства св. Гурия за десятый братский год. Казань, 1878. С. 24.
- 247 *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия. С. 139.
- 248 ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 10 об.
- 249 Там же. Л. 13, 13 об.
- 250 Там же. Рук. 1815. Л. 18—19.
- 251 Там же. Рук. 2312. Л. 120 об., 121.
- 252 Цит. по: *Яковлев Ю.В.* Духовное пространство Ивана Юркина. С. 125—126.
- 253 ОРРК НБ КФУ. Рук. 1813. Л. 38—39 об.
- 254 ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 548. Л. 11.
- 255 Переписка о чувашских изданиях... С. 18, 33, 34, 80.
- 256 Письмо редактору газеты «Канаш» // Канаш. 1918. 4 июня. С. 1.
- 257 Переписка о чувашских изданиях. С. 46.
- 258 ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 109 об.
- 259 Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья ... С. 486.
- 260 Переписка о чувашских изданиях ... С. 22.
- 261 Там же. С. 23.
- 262 ГИА ЧР. Ф. 488. Оп. 2. Д. 1. Л. 93 об.
- 263 НА ЧГИГН. Отд. V. Д. 203. Л. 37.
- 264 Там же. Отд. I. Д. 380. Л. 201.
- 265 Там же. Отд. V. Д. 203. Л. 37.
- 266 Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом ...

- ²⁶⁷ Яковлев И.Я. Моя жизнь. С. 275.
- ²⁶⁸ Родионов В.Г. О диалектах чувашского языка в границах этнографической группы *анат енчи* // Чувашский язык и литература: теория и методика: сб. ст. Вып. 26. Чебоксары, 2016. С. 19.
- ²⁶⁹ Горский С.П. Очерки по истории чувашского литературного языка. С. 52.
- ²⁷⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- ²⁷¹ Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 2. С. 97.
- ²⁷² Краснов Н.Г. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 330, 331.
- ²⁷³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 24.
- ²⁷⁴ Комиссаров Г.И. О чувашах. С. 347.
- ²⁷⁵ Цит. по: Фомин Э.В. Научное осмысление чувашского литературного языка в конце XVIII — начале XX в. // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 2. С. 247.
- ²⁷⁶ ОРК НБ КФУ. Рук. 1813. Л. 38—39 об.
- ²⁷⁷ Горский С.П. Очерки по истории чувашского литературного языка. С. 49.
- ²⁷⁸ Краснов Н.Г. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 331.
- ²⁷⁹ Фомин Э.В. Чувашская книга конца XVIII — начала XX века. С. 59, 68, 71.
- ²⁸⁰ Старая и новая постановка инородческого вопроса // Симбирские вестн. 1906. 9 августа. С. 2—3.
- ²⁸¹ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья ... С. 267.
- ²⁸² Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 2. С. 95.
- ²⁸³ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 598.
- ²⁸⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 150. С. 561.
- ²⁸⁵ Гусаров Ю.В. Общества трезвости // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 294.
- ²⁸⁶ А-ев. Старая и новая постановка инородческого дела // Симбирские вестн. 1906. 9 августа.
- ²⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 77 об.; Александров Г.А. Чувашские интеллигенты ... С. 58.
- ²⁸⁸ Серый Чувашии. На смерть Победоносцева. С. 2.
- ²⁸⁹ Дикая репрессия // Волжский вестник. 1906. 10 августа. С. 3.
- ²⁹⁰ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Д. 214. Л. 138—140.
- ²⁹¹ Там же. Инв. № 1616. Л. 2.
- ²⁹² Чувашская книга до 1917 г. С. 118.
- ²⁹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 43.
- ²⁹⁴ Там же. С. 56, 57, 61—63.
- ²⁹⁵ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 101 об., 104.
- ²⁹⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 188. Инв. № 455. Л. 3.
- ²⁹⁷ Васильев Н.В. Краткий очерк истории чувашской литературы. М., 1930. С. 8—9.
- ²⁹⁸ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 109, 111.
- ²⁹⁹ С.Г.С. Заметка // Известия по Казанской епархии. 1912. 8 мая. С. 587.
- ³⁰⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. Л. 161.
- ³⁰¹ Гурий Комиссаров — краевед и просветитель. С. 81.
- ³⁰² Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении. С. 364.
- ³⁰³ Яковлев И.Я. Письма. С. 27.
- ³⁰⁴ Краснов Н.Г. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 342.
- ³⁰⁵ Яковлев И.Я. Из переписки. С. 276.
- ³⁰⁶ Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении. С. 361, 362.
- ³⁰⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 2219. Инв. № 8544. С. 3.
- ³⁰⁸ Краснов Н.Г. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 343.
- ³⁰⁹ Яковлев И.Я. Становление системы образования чувашского народа. С. 358.
- ³¹⁰ Яковлев Ю.В. Духовное пространство Ивана Юркина. С. 135—136.
- ³¹¹ Н.В. Никольский — ученый, просветитель, общественный деятель / В.Д. Димитриев и др. Чебоксары, 2011. С. 48.
- ³¹² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 47 об.
- ³¹³ Там же. Д. 12. Л. 120 об.
- ³¹⁴ Постановление Цивильского уездного земского собрания 42 очередного заседания 10—14 октября 1906 г. и экстренного заседания 17 февраля 1907 г. Казань, 1907. С. 34.
- ³¹⁵ Руководство к преподаванию русского языка инородцам по «Учебнику для инородцев Ислентьева». 2-е изд. Казань, 1901. С. 4; Чувашская книга до 1917 года. С. 72.

- ³¹⁶ *Шумилов А.П.* Об издании книг на инородческом языке // Казанская газета. 1903. № 8. С. 5—7.
- ³¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1115. Л. 143, 145, 147—147 об.
- ³¹⁸ Там же. Д. 1113. Л. 312.
- ³¹⁹ *Яковлев И.Я.* Из переписки. С. 204.
- ³²⁰ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1914 г. Казань, 1915. С. 9.
- ³²¹ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за время с 1 июля 1911 г. по 31 декабря 1912 г. Казань, 1913. С. 12; Чувашская книга до 1917 г. С. 150.
- ³²² НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 150. С. 557.
- ³²³ Цивильская народная газета. 1917. 21 июня.
- ³²⁴ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 47, 109.
- ³²⁵ Там же. Л. 148 об. — 149.
- ³²⁶ Гурий Комиссаров — краевед и просветитель. С. 129.
- ³²⁷ *Курмаев М.В.* Внутренняя цензура иноязычных книг в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 3. 2015. С. 377, 378, 381.
- ³²⁸ ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1115. Л. 143.
- ³²⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 336, 337 об., 346.
- ³³⁰ Там же. Д. 548. Л. 9—11, 13, 71, 79, 80.
- ³³¹ *Димитриев В.Д.* Об историческом значении просветительской деятельности И.Я. Яковлева // Известия АН ЧР. 1993. № 1. С. 32.
- ³³² *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. С. 102.
- ³³³ *Никольский Н.В.* Сборник молитв, песнопений и чтений из служб Минеи месячной, Триоди цветной и молебствий // Известия по Казанской епархии. 1905. 15 августа. С. 943.

СЕССИЯ 2

СЕЛЬСКИЙ СОЦИУМ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭПОХ

В.Г. Харитонова

СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Оппоненты: И.Е. Ильин, Р.В. Михайлова, Р.В. Шайдуллин,
А.Н. Захарова

ВВЕДЕНИЕ

Основные тенденции экономического, социального, культурного развития Чувашской Республики в начале XXI в. напрямую связаны с состоянием аграрной сферы, прежде всего с процессами развития сельского общества. Аграрные реформы, начавшиеся в 1990-х гг., внесли значительные изменения во все стороны жизни сельского населения Чувашии, обострили многие аспекты его жизнедеятельности, вызвали необходимость выработки механизмов адаптации к новым условиям. Вследствие аграрных реформ 1990-х гг. наиболее сильно проявился социокультурный, мировоззренческий перелом, пережитый деревней. Характер изменений крестьянского образа жизни, как и социальное, экономическое положение крестьянства, требует углубленного изучения. Как отмечает И.Е. Кознова, «крестьянство и его культура являют собой универсальный объект изучения, поскольку на нем прослеживаются многие базовые формы социальности...»¹. Первое десятилетие XXI в. в истории российского общества — это время стабилизации новых структур и процессов, разработки государственной политики социального развития и создания привлекательной инфра-

структуры сельских территорий, в связи с чем изучение и анализ социальных аспектов развития сельского сообщества, факторов, влияющих на динамику региональных процессов, приобретают актуальное значение. Программы социально-экономического развития региона должны опираться на активность граждан, на их инициативы².

Исследователями рассматриваются разные аспекты жизнедеятельности регионов. Намечились экономические, философские, исторические, социологические направления научных изысканий в этой области³. Тенденции развития Чувашии прослежены в рамках реализации исследовательского проекта «Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика»⁴. Одним из итоговых выводов проведенных исследований стало заключение о существовании социокультурного дисбаланса, связанного с фактором относительно высокой доли сельского населения в республике и вопросами урегулирования процессов внутри сельского сообщества⁵. Принципиальная роль аграрного наследия в истории модернизаций в России отмечается в отечественной историографии⁶. В целом проблема носит достаточно дискуссионный и даже политизированный характер⁷.

Таким образом, основные социокультурные факторы развития сельского сообщества Чувашии в первое десятилетие XXI в., их влияние на социальную модернизацию региона выступают в качестве научной проблемы. Исходя из этого положения в научном докладе основное внимание уделено анализу субъективного мнения населения и его отношения к происходящим процессам. При этом объектом изучения являются сельские жители, занятые производством сельскохозяйственной продукции, независимо от формы хозяйственной практики, ресурсный потенциал сельского общества. Наша задача – выявить тенденции трансформации сельского общества Чувашской Республики, обозначить их восприятие населением, обратить внимание на возможные пути решения основных проблем.

При проведении социологических обследований применена методика портрета региона и общероссийского мониторинга по проекту «Социокультурный портрет регионов России», разработанная Центром изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН (авторы – доктор философских наук, член-корреспондент РАН Н.И. Лапин, доктор социологических наук Л.А. Беляева), которая позволяет изучить комплекс объективных и субъективных социальных и культурных характеристик региона, выявить преимущества и слабости, базовые проблемы и тенденции социокультурного развития⁸.

Эмпирическую основу исследования поставленной проблемы составили материалы социологического изучения населения республики в 2006 (N=998) и 2012 (N=1002) гг. С целью выявления основных тенденций и направлений социокультурной динамики республики исследование проводится в мониторинговом режиме, в 2016 г. состоялся третий этап опроса. Для опросов использована стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. Опрос населения проведен в следующих сельских районах: Алатырском, Батыревском, Вурнарском, Ибресинском, Ка-

нашском, Козловском, Чебоксарском, Шумерлинском, Ядринском. Были также изучены официальные документы, статистические источники, материалы СМИ, научная литература. Основными статистическими материалами стали результаты Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. Комплексный анализ разного типа источников позволил по-новому взглянуть на ряд проблем социального развития.

Хронологические рамки исследования охватывают 2000—2012 гг., по некоторым показателям расширены до 2016 г. Нижний хронологический рубеж определяется завершением периода аграрных реформ, начавшихся в 1990-х гг., верхняя граница связана с началом реализации государственной политики социального развития села.

Тема научного доклада многопланова, находится на стыке ряда современных направлений научных исследований — социальной истории, культурологии, истории крестьянства и сельского хозяйства. Поставленные в научном докладе проблемы имеют как теоретическую, так и практическую направленность.

1. СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В современной отраслевой структуре экономики Чувашии сельское хозяйство (11,5 % в 2006 г.; 9,6 % в 2012 г.) занимает основные позиции наряду с такими отраслями, как обрабатывающие производства (25,5 % в 2006 г.; 26,3 % в 2012 г.) и строительство (9,9 %; 10 %). При этом самый высокий удельный вес республики в общероссийских основных экономических показателях приходится на продукцию сельского хозяйства⁹. В сельском хозяйстве преобладает мясо-молочное животноводство, развиты птицеводство и производство зерна, картофеля и хмеля. В результате реализации предпринятых в 1990-х гг. мер по изменению организационно-правового статуса коллективных хозяйств и государственных сельскохозяйственных предприятий, в 2000 г. в республике были зарегистрированы 444 сельскохозяйственные организации, 37 колхозов, 1471 крестьянское (фермерское) хозяйство, 211,2 тыс. личных подсобных хозяйств населения. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., аграрная сфера республики представлена широким спектром субъектов производства. Прежде всего, это 186 сельскохозяйственных организаций, которые распределяются на крупные, средние и малые; 153 микропредприятия, 33 подсобных сельскохозяйственных предприятия несельскохозяйственных организаций. В республике действуют 2524 крестьянских (фермерских) хозяйства и индивидуальных предпринимателя; 246,8 тыс. личных подсобных хозяйств и других индивидуальных хозяйств граждан; 745 некоммерческих объединений граждан (садоводческие, огороднические, дачные)¹⁰. В среднем на одну сельскохозяйственную организацию, по данным 2006 г., приходилось 46 работников, в крупных и средних предприятиях количество работников доходило до 108 чел., в КФХ трудились от 4 до 6 чел.¹¹

Сохраняется тенденция сокращения доли занятых в сельском хозяйстве. В 2000 г. в нем было занято 154,6 тыс. чел., в 2005 г. — 89,5 тыс. чел., в 2010 г. — 80,7 тыс. чел., в 2014 г. — 76,7 тыс. чел.¹²

Для изучаемого периода характерно снижение производства продукции аграрными предприятиями, что было в определенной степени компенсировано наращиванием производства в личных и фермерских хозяйствах. Хозяйства населения сохранили ведущие позиции в производстве продукции сельского хозяйства, в 2000—2012 гг. на их долю приходилось более 60 % в структуре производства продукции по основным категориям хозяйств¹³.

Одним из позитивных моментов в эволюции семейного крестьянского хозяйства за данный период стало возрождение их относительной самостоятельности, возможности развиваться в силу необходимости и достаточности крестьянского двора. В 2002 г. 396,9 тыс. (30,3 %) опрошиваемых назвали одним из источников средств к существованию личное подсобное хозяйство. В 2010 г. доход от личного подсобного хозяйства имели 289,6 тыс. чел. (23,9 %), но основным назвали его только 35,0 тыс. чел., или 12,1 % имеющих этот источник. Следует отметить, что для 27,7 тыс. чел. личное подсобное хозяйство было единственным источником средств к существованию, из них 99,7 % — это лица трудоспособного возраста¹⁴. В отношении крестьянских (фермерских) хозяйств в 2000—2012 гг. в Чувашии можно отметить положительную динамику — рост числа хозяйств, площади земли в среднем на одно крестьянское (фермерское) хозяйство, увеличение доли в производстве сельскохозяйственной продукции. Однако они не стали доминирующей силой в формировании производственного АПК в Чувашии. Развитие фермерского хозяйства в Чувашии сдерживается по двум основным причинам — это высокая плотность населения и отсутствие свободных земельных ресурсов.

Что касается количественных показателей социальной сферы села, за рассматриваемые годы произошло ухудшение положения в развитии его инфраструктуры — сокращение числа больниц, учреждений образования, культуры, объектов коммунального хозяйства, благоустройства и транспортного обеспечения. Только в жилищном строительстве (находящемся в частной собственности граждан) наблюдается рост показателей¹⁵.

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СЕЛА

В Чувашии доля населения, проживающего в сельской местности, остается высокой: 38,7 % на 1 января 2016 г. (в Российской Федерации 25,9 % на 1 января 2016 г.)¹⁶. До второй половины 1970-х гг. в республике доминировало сельское население. Перепись 1989 г. впервые выявила превышение численности городских жителей над численностью сельских. В общей численности населения доля сельчан сократилась с 54,5 % в 1979 г. до 42,4 % в 1989 г., доля горожан возросла соответственно с 45,5 до 57,6 %. В дальнейшем доля городского населения в общей численности

населения возростала, на 1 января 2016 г. составила 61,3 %¹⁷. Однако между двумя последними переписями (2002 и 2010 гг.) произошло незначительное снижение доли городского населения в республике: в 2010 г. она составила 58,8 % (в 2002 г. — 60,6 %), а доля сельского — 41,2 % (в 2002 г. — 39,4 %). На рост численности сельского населения повлияли административно-территориальные преобразования. За период с 2002 по 2010 г. 8 поселков городского типа в соответствии с законодательством республики были отнесены к категории сельских населенных пунктов. Сельское население республики за счет естественной убыли сократилось на 33,3 тыс. чел., миграционной убыли — на 21,4 тыс. чел., за счет административно-территориальных преобразований увеличилось на 52,9 тыс. чел. Однако административные изменения не могли компенсировать потери от естественной и миграционной убыли. В целом численность сельского населения продолжала сокращаться, как и всего населения республики. Во всех районах республики за межпереписной период сельское население сократилось за счет естественной убыли. За счет миграционного прироста сельское население увеличилось в Чебоксарском и Комсомольском районах, соответственно на 5,4 тыс. чел. и 137 чел. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Чувашской Республике учтено 17 сельских населенных пунктов без постоянного населения. Также наблюдается увеличение количества селений с численностью жителей 50 и менее человек (на 21,7 %). В наибольшей степени (почти на 20 %) сократилось число сельских населенных пунктов с количеством жителей от 501 до 1000 чел. Большая часть (63 %) сельчан проживала в селах и деревнях с числом жителей от 101 до 1000. Также учтено 15 сельских поселений с численностью населения более 3 тыс. чел.¹⁸

Этнодемографическая ситуация в Чувашии в последние десятилетия XX — начале XXI в. имела свою специфику. Чуваши как титульная нация преобладали и продолжают преобладать в общем составе населения (67,8 %), причем как в сельской (84,8 %), так и в городской местностях (54,7 %). Превышение численности чувашей-горожан над сельчанами было зафиксировано переписью 2002 г. Существенные изменения связаны, во-первых, с быстрыми темпами увеличения численности чувашей в городах, во-вторых, со значительным изменением и усложнением социального состава титульного этноса и, в-третьих, с интенсивной миграцией селян в города. Последнее также способствовало снижению абсолютной и относительной численности русского сельского населения. Значительный удельный вес в селе имеют чуваше. Их доля в общей численности сельских жителей, указавших национальную принадлежность, составила 84,2 % (в 2002 г. — 85,5 %). Доля русских за межпереписной период увеличилась с 8,4 до 9,6 %, татар — с 4,2 до 4,4 %. Доля мордвы снизилась за указанное время с 1,5 до 1,3 %¹⁹.

Следующим показателем является старение населения республики в целом: средний возраст жителей составил в 2010 г. 38,7 года (в 2002 г. — 37 лет). По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. средний

возраст жителей сел республики составил 40,5 года (мужчин — 37,6 года, женщин — 43,3 года). Во многих административных сельских районах республики данный показатель выше среднереспубликанского²⁰. Продолжающийся процесс демографического старения населения республики привел к увеличению численности населения старше трудоспособного возраста. Так, на 1000 сельских жителей трудоспособного возраста по данным 2010 г. приходилось лиц нетрудоспособного возраста 716 чел., детей и подростков (до 15 лет) — 301, лиц старше трудоспособного возраста — 415, в целом по республике соответственно — 610; 272 и 342 чел.²¹

В республике с 2012 г. впервые за много лет зафиксирован естественный прирост населения, но происходит естественная убыль сельского населения. В итоге показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении, рассчитываемый органами статистики, для сельского населения меньше, чем для городского (соответственно 68,12 и 71,74 в 2012 г.), хотя и имеет повышательный тренд начиная с 2000 г.²² Миграционные процессы в основном происходят внутри республики. В начале 2000-х гг. (по данным 2006 г.) в структуре причин сельско-городских миграций преобладали возвратные миграции (из города в село), далее следовали миграции в связи с учебой и работой (из села в город). Факт относительно высокой численности возвратных миграций, на наш взгляд, объясняется положительным действием инвестиционных проектов, заявленных и реализуемых в селе в эти годы. В дальнейшем вновь наблюдается рост показателей миграции из села. Миграции в пределах России и между регионами характеризуются убылью как сельского, так и всего населения республики. Подобные тенденции характерны и для других регионов России. Исследователи назвали данный процесс «неоотходничеством» и связывают его с «формированием автономных стратегий выживания, центральным звеном которого стало семейное хозяйство»²³.

Социально-демографический аспект развития взаимоотношений «село и город» отразился на сельских семьях, прежде всего в сокращении их размера. Начиная с 2002 г. в динамике рождаемости в республике наметилась положительная тенденция, причем в сельской местности рост происходит более быстрыми темпами²⁴. Несмотря на это, среди домохозяйств, состоящих из двух и более человек, 92,5 % в 2002 г. и 93,6 % в 2010 г. имели одного-двух детей. В целом в республике наблюдается тенденция отхода от модели двухдетной семьи к однодетной, поскольку в возрастной группе от 25 до 34 лет преобладает однодетная модель семьи (44 %, данные опроса 2006 г.). В селе также доминирующими становятся семьи с одним ребенком. Количество многодетных семей (ими считаются семьи с тремя и более детьми до 18 лет) в республике снижалось. В 2002 г. трех и более детей имели 7,4 % семей (в городе — 3,8 %, в селе — 13,9 %), в 2010 г. их доля уменьшилась до 6,4 % (в городе — 3,4 %, в селе — 11 %)²⁵.

По данным официальной статистики, уровень брачности и разводимости в республике в целом стабилизировался с середины 2000-х гг., некоторые всплески в отдельные годы не дают основания для выводов о поло-

жительных или отрицательных трендах. Для сельского населения период стабилизации приходится на конец первого десятилетия и начало второго десятилетия XXI в. В эти годы возросло число как вступивших в брак, так и оформивших развод. На селе показатель прочности браков традиционно высок, по данным 2012 г., на 1000 чел. сельского населения число браков составило 7,7; разводов — 2,6; в городах это соотношение 7,3 и 4,2 соответственно. Негагивные тенденции очерчены более определенно при сравнении по данным показателям сельского и городского населения. В 1991 г. показатель разводимости в селе был меньше, чем в городской местности, в 4,8 раза, в 1995 и 2000 гг. — более чем в 4, а к середине первого десятилетия XXI в. разница сократилась до 3,7 раза, к 2010 г. — до 2,1. В последующие годы выравнивание коэффициентов разводимости шло за счет разнонаправленных процессов: некоторого сокращения данного показателя в городе и роста — в сельской местности²⁶. Уровень внебрачной рождаемости на фоне снижения общего уровня рождаемости в республике продолжал расти, как и количество женщин, родивших вне зарегистрированного брака. Заключение брака перестало быть обязательным условием для рождения ребенка. Начиная с 2010 г. наблюдается некоторое снижение доли детей, родившихся вне официального брака: с 23,4 % в 2009 г. до 20,1 % в 2013 г. от общего числа рождений. Внебрачная рождаемость в конце XX — начале XXI в. стала характерным явлением не только для города, так и для сельской местности. Если в 1990-х гг. показатели внебрачной рождаемости в селе были существенно ниже, чем в городах, то с 2000-х гг. они стали даже чуть выше. Возраст матерей при внебрачных рождениях имеет два пиковых значения — до 20 лет и от 30 до 35 лет²⁷.

В рамках социологического обследования населению задавались вопросы, относящиеся к проблемам численности населения, состояния семьи, здоровья. Около 8 % сельских респондентов считают, что ничто не мешает росту численности населения в нашем регионе. Основными причинами, препятствующими росту численности граждан, по мнению сельчан, являются низкие доходы (74 %) и плохие жилищные условия (38,5 %). За период между двумя опросами возросла доля тех, кто имеет мотивацию на одну-детную семью. Одновременно респондентами как положительные отмечены меры, принимаемые государством для материальной и социальной, духовной поддержки семей с детьми, улучшение медицинской помощи. Негативными социальными факторами, влияющими на состояние семьи, по мнению сельских жителей республики, являются отсутствие средств на содержание семьи (55,4 %) и плохие жилищные условия (36,4 %), хотя прямая взаимосвязь между этими показателями не наблюдается. По сравнению с данными 2006 г. возросла доля тех, кто на первый план ставит личностные особенности (характер, нравственность, религиозные нормы, расчет на выгоду от сохранения или разрушения семьи). Состояние своего здоровья сельские жители оценивают весьма положительно: около 48 % опрошенных в 2006 г. и 53 % в 2012 г. считают, что здоровье у них нормальное. Часть населения — около 30 % — отметила, что иногда

болеют, доля имеющих хронические заболевания и инвалидность почти не изменилась. В структуре медицинской помощи, оказываемой сельчанам, незначительно (на 5 процентных пунктов) увеличилась доля платных услуг, в том числе оказываемых на дому. При этом 42,3 % респондентов в целом удовлетворены качеством медицинского обслуживания. В числе недостатков государственного медицинского обслуживания они называют следующие: очереди на приеме у врача, трудность устройства на лечение в стационаре, качество лекарств и цены на них. В плане доступности учреждений здравоохранения у населения нет больших проблем, многие сельские жители добираются до врача поликлиники или фельдшера в течение получаса, около 20 % людей тратят на это около часа. В сельской местности сложнее добираться до больничных учреждений: 40,5 % тратят на это около получаса, 40,3 % — около часа, 18 % — до двух часов. Наличие личного и общественного транспорта облегчает эту задачу. Доля оценивающих работу общественного транспорта как хорошую между двумя опросами возросла с 66,5 до 87 %, соответственно, сократилась доля тех, кто отрицательно характеризует эту работу.

Здоровье населения зависит и от окружающей среды — состояния атмосферного воздуха, воды, почвы и растительного мира, которые оказывают влияние на качество жизни и условия жизнедеятельности человека. Сельскими жителями состояние окружающей среды, в том числе и воздуха, оценивается в целом как нормальное. Качество питьевой воды — актуальная проблема, разрешение которой обозначено руководством республики как одно из важнейших направлений совершенствования инфраструктуры и создания современной системы водоснабжения населения. Осознание необходимости решения этой задачи пришло в начале 2000-х гг., важность этого понимали также местные органы власти и население. Большинство сельчан считает, что употребляет чистую питьевую воду (в 2006 г. — 84,3 %; в 2012 г. — 83, 2 %). По сравнению с 2006 г. возросла доля тех, кто не смог дать определенного ответа по поводу качества питьевой воды, снизилась доля тех, кто считает ее загрязненной. Актуальной эта проблема скорее оказалась для горожан, особенно для жителей г. Чебоксары. Объективная экологически благоприятная ситуация в Чувашии, сложившаяся исторически, определила довольно высокую уверенность опрошенного населения относительно защищенности от экологических угроз. Распределение ответов 2006 г. оказалось следующим: 36,9 % опрошенных чувствуют себя защищенными, не уверены в защите 36,8 %, а 26,2 % затруднились ответить. Городское население чувствовало себя менее защищенным от экологических угроз, чем сельское. К 2012 г. вопросы экологии стали актуальнее и для сельских жителей. Более 40 % респондентов посчитали, что не защищены от экологических угроз, затруднились с оценкой ситуации 35 %. Но если сравнить ситуацию в республике с ситуацией по России в целом (данные за 2010 г.), то жители Чувашии считают себя наиболее защищенными от экологической угрозы²⁸.

3. ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЧУВАШИИ В ОЦЕНКЕ НАСЕЛЕНИЯ

В формировании отношения к республике, наряду с социально-экономическими и природными, определенную роль играют социокультурные факторы. Природные условия жизни и человеческий потенциал оцениваются жителями села республики положительно. Одним из индикаторов качества жизни региональной социокультурной общности, сбалансированности социокультурных функций является отношение населения к своему региону. Оценка таких черт региона, как перспективность для жизни, наличие возможностей для инициативы несколько возросла, однако в абсолютном выражении эти показания характеризуют высокий уровень скептицизма населения. При опросе в 2012 г. большинство сельских жителей затруднилось с определением для себя четкой позиции по этому вопросу.

В общей оценке качества жизни в республике респондентами был проявлен значительный оптимизм (см. табл. 1). Безусловно позитивных ответов больше примерно в 3 раза, чем негативных. В то же время с 2006 г. наблюдается некоторое снижение доли тех, кто в целом положительно оценивает свое проживание в республике: с 80,1 % в 2006 г. до 76,9 % в 2012 г.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Какие чувства Вы испытываете по отношению к Чувашии?»
(% опрошенных)²⁹

Варианты ответов	2006			2012		
	все	город	село	все	город	село
Я рад, что живу здесь	38,3	35,5	42,6	34,2	26,1	47,4
В целом я доволен (довольна), но многое не устраивает	41,8	43,3	39,5	42,7	45,6	37,9
Не испытываю особых чувств по этому поводу	10,1	9,2	11,4	12,7	15,3	8,4
Мне не нравится здесь жить, но привык(ла) и не собираюсь уезжать	5,2	6,1	3,9	2,9	3,5	1,8
Хотел(а) бы уехать в другой регион России	2,9	3,8	1,6	4	5	2,4
Хотел(а) бы вообще уехать из России	0,8	1,2	0,3	2,2	3,1	0,8
Затрудняюсь ответить	0,5	0,5	0,5	1,3	1,3	1,3
Отказ от ответа	0,4	0,5	0,3	—	—	—

Наблюдается рост числа желающих уехать в другой регион России и из России: с 3,7 % в 2006 г. до 6,2 % в 2012 г. По данным опросов, позитивная оценка жизни в регионе респондентами имеет некоторые различия по возрасту, гендеру, образованию. Более существенные отличия выявлены в ответах на этот вопрос среди городских и сельских респондентов, а также среди русских и чувашей. Традиционно положительное отношение высказывают сельчане и чувашское население. Доля сельчан, выбравших вариант ответа «рад, что живу здесь», как в 2006 г., так и в 2012 г. намного выше доли горожан. Среди первых меньше недовольных

местом проживания, по сравнению с 2006 г. их доля даже уменьшилась на 5 процентных пунктов. Однако тенденция увеличения доли желающих уехать из Чувашии сохраняется и среди сельского населения. В целом следует отметить снижение оптимизма жителей республики, трансформирующееся в отстраненное отношение. Доля тех, кто позитивно оценивает свою жизнь в Чувашии, по сравнению с другими регионами одна из самых высоких, схожая ситуация выявлена в Татарстане³⁰. На оценку населения оказала воздействие сложная социально-экономическая ситуация в республике (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, жители Чувашии живут лучше или хуже,
чем жители соседних регионов?» (% опрошенных)³¹**

Варианты ответов	2006			2012		
	все	город	село	все	город	село
В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	12,3	11	14,4	7,7	5,2	11,8
По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими — хуже	49,3	50,8	46,9	51,8	55,7	45,3
В нашем регионе люди живут хуже, чем в соседних регионах	24,3	27	20,1	27,5	30,7	22,4
Затрудняюсь ответить, отказ от ответа	14	11,2	18,6	13	8,4	20,5

Около половины опрошенных как в 2006 г., так и в 2012 г. считают, что по сравнению с другими соседними регионами уровень жизни в республике может отличаться как в лучшую, так и в худшую сторону. В то же время на 5 процентных пунктов снизилась доля тех, кто считает, что «люди живут лучше, чем в соседних регионах», и на 3 процентных пункта выросла доля тех, кто считает, что «люди живут хуже, чем в соседних регионах». Сельское население более позитивно оценивает свой уровень жизни. По данным 2012 г., доля сельских жителей, считающих, что в Чувашии живется лучше, чем в соседних регионах, была вдвое выше, чем доля горожан. Но и среди сельчан в 2012 г. фиксируется более критичное отношение в оценке уровня жизни. На изменение идентификационных установок населения оказали влияние последствия финансово-экономического кризиса 2008—2010 гг., приведшего к снижению основных экономических и социокультурных показателей в республике. Для большинства респондентов в селе (55,5 %) в данном случае ничего не изменилось. Согласно данным опроса 2012 г., вследствие кризисных явлений 5,9 % сельских респондентов оказались без работы и заработка, 12,3 % потеряли в доходах, 12,6 % столкнулись с задержками заработной платы и социальных выплат, 1,7 % перешли на менее оплачиваемую работу, 7,8 % взяли за дополнительную работу. Только 2,8 % из них смогли во время кризисной ситуации повысить квалификацию и стали лучше зарабатывать, 1,4 % нашли

другую, лучше оплачиваемую работу. Исследование показало, что на сравнительную оценку условий жизни влияет материальное положение респондентов. Так как материальное положение в целом у сельчан и так было невысокое, многие из них к ухудшению положения во время кризиса отнеслись философски.

Среди проблем, волнующих сельское население, наиболее остро были поставлены вопросы экономического развития. Наиболее актуальная из них — создание новых рабочих мест (67,4 % в 2006 г. и 68,2 % в 2012 г.). К примеру, для городского населения данная проблема была также значительной, стояла на первом месте, но воспринималась не так остро, соответственно на 14 и 18 процентных пунктов ниже. В данном случае мы видим, что реальная социально-экономическая ситуация с трудоустройством в селе нашла отражение в ответах сельских жителей как животрепещущая и занимающая их более всего проблема. Также они считали необходимым обратить внимание на усиление государственного контроля за экономикой, развитие среднего и малого бизнеса, решительное отстаивание интересов региона в центре. На втором месте по остроте восприятия оказалась проблема наведения порядка, борьбы с криминалом, коррупцией (49,3 % в 2006 г. и 32,6 % в 2012 г.). Среди социальных условий жизнедеятельности, требующих улучшения, значимыми назывались медицинское обслуживание, доступность жилья, строительство дорог и образование. Что касается природных условий (оздоровления природы), то для сельчан данная проблема оказалась наименее значимой, доля тех, кто обозначил эту проблему, в 2012 г. снизилась в два раза по сравнению с 2006 г. Анализ проблем, волнующих население республики, показывает наличие существенных различий между сельским и городским населением. К примеру, для горожан более актуальными были проблемы социальные, наиболее острой — проблема правопорядка. При разработке программ развития республики и их реализации необходимо обратить пристальное внимание на данную ситуацию.

Таким образом, исследование показывает, что почти половина респондентов достаточно средне оценивает качество жизни в регионе. Большое значение в оценке уровня жизни населения имеют социальные факторы. Заметно расходятся оценки таких факторов, как уровень жизни населения и изменения хозяйственной жизни в республике, которые имели значимость для респондентов и их семей, более 60 % сельских респондентов считают, что ничего не меняется. Данные оценки имеют отрицательную корреляцию с размером заработной платы (по крайней мере, официальной) граждан. Сельское население Чувашии по этому показателю находится на одном из самых последних мест в Приволжском федеральном округе. Скорее всего, следует иметь в виду сложившиеся жизненные стандарты и соответствующие им разные уровни притязаний горожан и сельских жителей, а также уровень их информированности по указанным проблемам.

4. КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ

Чувашия относится к национальным регионам, в развитии которых большое значение имеет сохранение историко-культурного наследия народов, их межкультурное взаимодействие. Республика характеризуется исторически сложившимися доброжелательными взаимоотношениями между основными этносами, проживающими на ее территории: чувашами, русскими, татарами, мордвой, мари и другими национальностями. Вместе с тем этнокультурный облик народов, механизмы передачи национально-культурных традиций и ценностей претерпевают изменения под влиянием модернизационных процессов, новых явлений в социокультурной жизни. Достаточно сдержанное или же критичное отношение сохраняется к тому, что в Чувашию в течение последних десятилетий прибывают мигранты из бывших республик СССР и некоторых регионов современной России, напряженность в восприятии этих лиц возрастает. Контакты населения Чувашии с мигрантами незначительны, их больше в городах, чем в сельских районах. В целом абсолютное большинство респондентов не имело непосредственных отношений с ними, за исключением мест торговли. Сегодня зона контактов расширилась: это также общественный транспорт, учреждения здравоохранения, образования, общественные места, складываются деловые контакты в вузах, в некоторых трудовых коллективах. Достаточно активно происходит взаимодействие в культурно-досуговой сфере. Миграция оказывает заметное влияние прежде всего на рынок труда и социальную атмосферу. А так как большая часть мигрантов и трудовых мигрантов является носителями нетрадиционной для региона культуры, отличающимися по языку, поведению, одежде, существует некая культурная граница, которая воспроизводится на уровне межличностных и межгрупповых отношений в повседневной практике общения. Практика взаимодействия принимающего населения и мигрантов определяется не только личным опытом, но и стереотипами групповых образов: «они» и «мы». Активные процессы освоения мигрантами «не своей» территории провоцирует социальную напряженность, социально-культурный дискомфорт. В окончательном проявлении критичное отношение не обязательно трансформируется в реальное поведение и поступки, здесь также фиксируется заметная разница в пользу сдержанности, терпимости. Это усложняет и углубляет этнокультурные и этносоциальные процессы в регионе.

Межкультурные коммуникации информационного общества способны обеспечить продуктивное взаимодействие этнокультур, влиять на этнические процессы. В последние годы в результате активной межэтнической коммуникации и миграционных процессов наблюдается формирование сложной, чаще всего двойной этнической и языковой идентичности. Этот процесс характерен для многих национальностей российского общества. Конфессиональная сфера также достаточно стабильна. Более 80 % опрошенных отнесли себя к верующим, 16 % — к «скорее неверующим, чем верующим и неверующим», 3 % считают себя атеистами (2012 г.). Большинство

населения является приверженцами православия. Ислам исповедуют около 3 % населения, в основном верующие татары — мусульмане (сунниты), немногочисленная часть верующих — христиане-протестанты. В целом конфессиональная структура общества остается консервативной и в республике сохраняют позиции традиционные религии, наблюдается достаточно высокий уровень конфессиональной толерантности. Одновременно на повестку дня выходят такие составляющие конфессиональной жизни, как религиозные и религиозные экстремистские секты, деятельность которых вызывает некоторую настороженность у населения республики.

Уровень посещаемости объектов культуры не очень высок, однако по сравнению с 2006 г. наблюдается рост, также возросла численность посещающих культурные учреждения еженедельно и ежемесячно. Сельские жители чаще всего посещают библиотеку и менее активно другие культурно-развлекательные учреждения. Для сельской местности большое значение имеет развитие модельных библиотек, оснащенных компьютерной техникой, имеющих выход в Интернет. В результате библиотека становится многофункциональным учреждением, центром правовой и социальной информации, образования, в целом центром культурной жизни в селе. Далее по степени посещаемости следуют стадионы и дискотеки.

Наиболее активную культурно-развлекательную жизнь ведет молодежь в возрасте 18–24 лет. Основная масса в данной возрастной группе — учащиеся и студенты. Они являются частыми посетителями библиотек, дискотек, стадионов, клубов по интересам. Наименее активно поколение от 65 лет и старше. Таким образом, около половины населения республики недостаточно активно пользуются услугами культурных учреждений. Причины подобного состояния необходимо изучать дополнительно, в целом это комплекс проблем, связанных с образом жизни людей, социализацией культуры и социальной интеграцией.

Все большее влияние на стиль жизни жителей Чувашии оказывают информационные и коммуникативные технологии. Опрос выявил, что 95,7 % жителей Чувашии пользуются мобильным телефоном, 69,8 % — компьютером, 66,2 % — Интернетом. За 2006—2012 гг. возросло число пользователей в селе: мобильного телефона — в 1,7 раза (до 94,7 % жителей в 2012 г.), компьютеров — почти в три раза (до 60,3 % в 2012 г.), Интернета — в 4,8 раза (до 44 % в 2012 г.). Несмотря на это, для большинства сельского населения доступность и возможность использования информационных технологий проблематичны.

Значительную роль в жизни общества в современном мире играют средства массовой информации, в первую очередь телевидение, затем — печатные издания и Интернет. Они выполняют не только функцию информирования о событиях и условиях жизни в обществе и мире, удовлетворяя интересы граждан, но и функцию осуществления социальных связей (комментируя, интерпретируя происходящее, поддерживая существующие в обществе нормы, социализируя, формируя общественное мнение). Кроме того, СМИ создают преемственность, поддерживая как

доминирующие ценности, так и новые направления в культуре, и подкрепляют личностную идентификацию. Наконец, развлекая, снижая социальную напряженность, средства массовой информации выполняют рекреативную функцию.

В качестве основного источника информации жители сел республики используют, как и все население, телевизионные программы. При этом большинство из них в равной мере смотрит как республиканское, так и центральное телевидение, но предпочтение отдается центральным каналам. Прежде всего это объяснимо объективными причинами. Республиканские телепередачи готовились в ГТРК «Чувашия», работающей на пяти каналах, в 2010 г. была создана «Национальная телерадиокомпания Чувашии», вещание началось в октябре 2011 г., но в это время передачи можно было смотреть только в городах. С 2006 г. сельские населенные пункты остались без проводного радиовещания, к 2012 г., к моменту проведения исследования, во многих из них также не имелось технических возможностей для прослушивания радиопередач ГТРК «Чувашия». Созданное в декабре 2008 г. вещание началось в апреле 2009 г., Национальное радио Чувашии начало пользоваться популярностью среди жителей, это нашло отражение в ответах респондентов. Небольшая востребованность населением республики республиканских и местных телепередач соответствовала реальной ситуации на рынке телерадиовещания в республике. В основном жителей села, как и горожан региона, интересовали политические и экономические новости, спортивные передачи, художественные фильмы и спектакли, сериалы, детективы, музыкальные передачи и ток-шоу, образовательные программы и передачи о культуре (перечислены по убывающей). В качестве пожелания сельские жители высказались за увеличение числа передач о Чувашии и чувашском народе, художественных фильмов и спектаклей на чувашском языке³². За период 2006—2012 гг. увеличилась доля людей, не читающих газеты (с 17 до 22 %). Тем не менее при выборе изданий население региона отдавало предпочтение республиканским (27,3 %), нежели центральным (9,4 %). Около 40 % населения читало и те, и другие газеты. В сельской местности более востребована республиканская пресса (32 %) и выше доля тех, кто читает и те, и другие газеты (45,8 %). В целом отметим, что для населения Чувашии становятся все более доступными такие современные достижения техники, как мобильный телефон, компьютер, Интернет. Что касается времяпрепровождения, то оно остается пассивным, хотя традиционные формы досуга (посещение библиотек, музеев, объектов культуры и спорта) тоже привлекательны. Исключением являлось посещение кинотеатров, но в сельской местности их посещение остается проблематичным ввиду их отсутствия. По данным опросов, люди меньше читают и путешествуют, не занимаются спортом, предпочитают получать информацию развлекательного, а не познавательного характера. Их общение чаще ограничивается семейным кругом, в котором они находят наибольшее взаимопонимание, но при этом наблюдаем сужение возможных коммуникаций. Следовательно, при таком образе жизни населе-

ния уровень культурного потенциала не конвертируется в культурный капитал, а, скорее, снижается.

Ценностные ориентации населения выступают одним из существенных показателей социокультурных процессов в регионе.

Изучение ценностных предпочтений населения позволяет прежде всего получить ответ на вопрос, что, помимо общей территории жизнедеятельности, объединяет население данного региона в социокультурное сообщество. Ценностный спектр составляет основу самочувствия населения, а в дальнейшем служит одним из мотиваторов социального действия, поведения и образа жизни населения, его трудовой деятельности. Чем больше людей увязывают свою судьбу, судьбу своих детей и свои жизненные успехи с совместным проживанием в данной местности, тем больше существует соответствующих ресурсов для составления и реализации программ развития и региона, и сообщества. В итоговом варианте, изучив ценностные предпочтения населения, можно выявить ключевые аспекты социальной и культурной жизни республики, оценить степень готовности населения к участию в процессах, происходящих в регионе, а в целом выяснить, как общекультурная среда нашего региона влияет на поведение личности и как они взаимосвязаны. Жизнь общества можно рассматривать как интенсивный обмен ценностями, производимыми каждым членом общества. Далее хотим оговорить, что под базовыми ценностями мы понимаем основные принципы устройства семьи, общества, государства, разделяемые большинством граждан. С течением времени ценности могут эволюционировать. Каждый из нас вынужден сопоставлять, анализировать предлагаемые обществом новые ценности, способы и стили жизни, выбирать, ориентируясь на совпадение предпочитаемых ценностей с навязываемыми сообществом. Но надо сказать, что основа ценностных предпочтений, т.е. базовые ценности, сравнительно стабильна.

Анализ структуры ценностей населения Чувашии за 2006—2012 гг. показывает быструю динамику. По данным материалов республиканских СМИ, росла поддержка современных ценностей: свобода, независимость, уверенность в себе. Наибольшую поддержку, как в целом и у россиян, получили общечеловеческие ценности. Одновременно наблюдается перераспределение мнений о значимости тех или иных жизненных ценностей.

По данным социологического опроса 2006 г., в Чувашии большинством населения поддерживаются такие ценности, как семья, жизнь человека, общительность, порядок, благополучие. Имеются некоторые различия по сравнению с российским обществом, в котором наибольшую поддержку получили: семья, порядок, общительность. Менее всего в Чувашии, как и в России, поддерживаются властность и своеволие. К ценностям второго порядка в Чувашии относятся работа, свобода, традиция, нравственность, в России — жизнь человека, традиция, свобода, независимость, работа, инициативность, жертвенность. В отличие от показателей по России, такие качества, как инициативность, жертвенность, независимость, жители Чувашии не рассматривают как собственный или

личностный ориентир, т.е. их поддержало не более 40 % населения республики. Необходимо также отметить, что такой показатель, как благополучие, в Чувашии входит в число основополагающих ценностей, а в России поддерживается меньшинством населения (наряду с нравственностью). Что касается приоритетов сельского и городского населения республики, по данным 2006 г. они почти полностью совпадают. Только такой показатель, как традиции, более характерен для образа жизни сельского населения, для горожан же он оказался наименее востребованным (см. табл. 3).

Таблица 3

Ценностные предпочтения населения
(Взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)³³

Село, 2006			Село, 2012		
Ценности	баллы	место	баллы	место	Ценности
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)					
Семья	4,71	1	4,80	1	Жизнь человека
Жизнь человека	4,67	2	4,79	2	Общительность
Общительность	4,61	3	4,76	3	Семья
Порядок	4,55	4	4,60	4	Благополучие
Благополучие	4,49	5	4,51	5	Порядок
Интегрирующий резерв (3,91–4,39)					
Работа	4,29	6	4,37	6	Независимость
Традиция	4,21	7	4,36	7	Традиция
Нравственность	4,02	8	4,18	8	Свобода
Жертвенность	3,93	9	4,10	9	Работа
Оппонирующий дифференциал (3,0–3,9)					
Инициативность	3,81	10	3,82	10	Жертвенность
Свобода	3,78	11	3,7	11	Нравственность
Независимость	3,47	12	3,61	12	Инициативность
Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше)					
Властность	2,39	13	2,43	13	Властность
Своевольность	1,7	14	2,14	14	Своевольность

За рассматриваемый период общая структура ценностей сохранилась. Высокий уровень поддержки в 2012 г. имели общечеловеческие ценности: жизнь человека, семья, общительность, порядок, благополучие. Но произошла некоторая смена приоритетов: на первые позиции выдвинулись такие ценности, как жизнь и общительность человека; семейные ценности как для горожан, так и для сельчан переместились на вторые позиции. Менее значимой ценностью отмечена работа как жизненная потребность человека, а не только как средство заработка. Наиболее четко эта тенденция выявилась среди сельского населения. В целом сельское население республики также сохранило основные ценностные ориентиры. Однако большинством из сельчан не поддерживались такие качества, как инициативность, жертвенность, нравственность, необходимые для формирования самостоятельности индивида. Менее всего жители сел, как и горожане, как в целом население республики и России, поддерживают властность и сво-

евольность, хотя по сравнению с 2006 г. наблюдаем некий рост доли тех, для кого данные ценности приоритетны.

Таким образом, наиболее существенные различия в ценностных представлениях сельского и городского населения Чувашии обозначились в двух функциональных слоях: интегрирующий резерв и оппонирующий дифференциал. Эти ценностные качества проявляют наиболее высокую подвижность и подвержены изменениям. В целом мы можем констатировать, что интеграция населения республики поддерживалась следующими базовыми ценностями: семья, жизнь человека, общительность, порядок, благополучие. Данные ценностные предпочтения являются достаточно стабильными в жизни общества, исследователями отмечаются в качестве основополагающих в системе ценностей чувашей³⁴.

Исследование ценностных предпочтений населения республики указывает на существование двух моделей: с одной стороны, это традиционные ценности, с другой — современные, направленные на выработку активной жизненной позиции. Первая модель более характерна для сельских жителей, преобладание доли сельских жителей в республике, по сравнению с другими регионами, накладывает отпечаток на структуру ценностей населения в целом. Анализ структуры ценностей населения Чувашии показывает преимущественную поддержку ими традиционных ценностей. Ценностные представления отчетливо дифференцируются по таким параметрам, как возраст, образование, городской или сельский образ жизни, в том числе социальное и экономическое положение. Население республики, как в целом население России, является неоднородным по структуре базовых ценностей, то есть выделяются ценностное большинство и ценностное меньшинство. Национальные, этнические различия также не оказывают сильного влияния на дифференциацию структуры ценностей жителей Чувашии. Ценностные представления могут носить позитивный, промежуточный, негативный характер.

Система ценностей служит одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения и образа жизни населения. С другой стороны, очень сложен вопрос: как эти ценности мотивируют жизнедеятельность людей, есть ли какие-либо внутренние горизонтальные институты и структуры, готовые их транслировать? Пока социологи такие срезы не фиксируют, можно говорить о традиционных трансляторах, к примеру о семье и образовательных и культурных учреждениях, СМИ. По данным мониторинга этнокультурной ситуации в Чувашской Республике можно констатировать проявление активности отдельной личности, так как характерное для традиционного общества постоянное и целенаправленное вовлечение граждан в культурную практику уменьшается.

Одним из результатов эволюции массового сознания населения республики в 2006–2012 гг., как и в целом по России, стала стабилизация баланса различных типов ценностей и их совмещение. Основные жизненные приоритеты сельского населения в данном случае совпадают с общей тенденцией. Ценностное пространство региона расширяется, что является

положительным моментом, с другой стороны, сохранение населением основных жизненных приоритетов обеспечивает их социальную интеграцию. При этом необходимо обратить внимание на то, что сохранение высоких позиций таких ценностей, как порядок и традиции в регионе, подразумевает преобладание ценностей сохранения над ценностями изменения³⁵. В целом, социокультурная ситуация в республике предполагает появление новых ценностей и необходимость их совмещения с традиционными. Кроме того, появились основания для гипотезы о повышении толерантности населения в отношении к иным неразделяемым ценностям. Однако наблюдаются и следующие тенденции: ценностное безразличие, конфликтность между различными типами ценностей. В стратегии поведения личности, в числе других, исходя и из ценностной мотивации, выделяются три типа: интенсивная стратегия (стараюсь хорошо работать, повышаю образование, меняю квалификацию), экстенсивная стратегия (работа в нескольких местах, приработки, сдача в аренду имущества, ведение личного подсобного хозяйства), пассивная стратегия (занимаю деньги, распродают имущество)³⁶. Большинство сельских жителей (59 % опрошенных в 2012 г.) предпочло «иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне», пассивную стратегию выбрали около 8 %; 22,2 % были согласны на риски, много зарабатывать без особых гарантий на будущее и иметь собственное дело, 11,1 % не смогли определиться. Материалы исследования процессов социокультурного развития Чувашской Республики показали, что при всей противоречивости ситуации в чувашском селе складываются и предпосылки для усиления его потенциала, в частности происходит концентрация потенциала сельской семьи.

5. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ИНСТИТУТАМИ ОБЩЕСТВА

Социокультурные и социально-экономические факторы служат основой для формирования социально-территориальной идентичности населения. Она складывается в процессе жизнедеятельности людей и является динамичным показателем. Исследователи отмечают, что сравнительно высокий уровень социально-территориальной идентификации населения обуславливает сплоченность общества, что во многом определяет успешное развитие территории, на которой оно проживает. Низкий уровень идентификации населения ведет к разобщенности и социально-территориальному расколу. В период нестабильности применимы различные пути развития, именно тогда вопросы идентификации людей обостряются. Это связано с тем, что социально-территориальная идентификация является изменчивой категорией и зависит от многих факторов, как объективных (доход, образование и др.), так и субъективных (личностная самоидентификация)³⁷.

В нашем исследовании остановимся на более подробном изучении поселенческой, региональной идентичностей сельского населения республики. По данным исследования 2006 г., важным фактором, определяющим

характер региональной идентичности, являлось влияние поселенческих особенностей восприятия внешней среды. В селе почти три четверти опрошенных выделили в категорию «свое» жителей родного населенного пункта, в то время как в городе таких насчитывалось 4 из 10, то есть для шести из них другие горожане являлись «чужими». В целом же разный уровень близости со своими земляками был характерен для 93,8 % селян и 76,4 % горожан. Выявлено наличие положительной региональной идентичности: более половины граждан как близких отметили жителей не только Чувашии, но и столицы республики. По данным опроса 2012 г., сельские жители сохраняют положительную региональную идентичность, однако наблюдается тенденция снижения поселенческой и региональной идентичностей, рост общероссийской идентичности. Если вести речь о жителях всей России, то близкие к ним чувства испытывали в 2006 г. 30,7 % респондентов, в 2012 г. — 43,4 %. Таким образом, по данным как 2006 г., так и 2012 г., на первом плане для сельчан поселенческая идентичность, уровень интенсивности намного выше среднего показателя, на втором плане региональная идентичность, где интенсивность составляет чуть выше среднего. На третьем плане общероссийская идентичность, при этом интенсивность близости чуть ниже среднего. Наиболее низкий показатель близости наблюдается в отношении жителей бывших республик СССР (14,4 % в 2012 г.) и жителей всей земли (13,8 % в 2012 г.). Таким образом, несмотря на некоторое снижение интенсивности поселенческой близости сельского населения республики, поселенческая идентичность вполне благополучна для развития сельского общества. Она превышает региональную идентичность, но здесь прослеживаем положительную взаимосвязь: чем выше поселенческая идентичность, тем выше идентичность региональная. По ответам, горожане в меньшей степени чувствуют близость с жителями своего населенного пункта и своей республики, разница составляла 16 и 10 процентных пунктов соответственно. Среди горожан наиболее высока доля людей, которых можно причислить к «лишним» в своей территориальной общине: они не проявляют чувства близости к другим жителям города.

Сохранение достаточно высоких показателей среди сельского населения оказывает непосредственное стабилизирующее влияние на все население республики в целом. Для других регионов России и в целом для России также характерно наличие более высокой интенсивности поселенческой близости. Но есть и повод для раздумий: часть населения затруднилась с определением социально-территориальной идентичности, более 28 % селян и около 20 % горожан не смогли определить свое отношение к республиканской идентичности. На уровень локальной и региональной идентичностей влияет и длительность проживания в конкретном населенном пункте. Судя по данным, полученным в ходе обследований, примерно пяти лет достаточно для первичной адаптации большинства переселенцев как к новым соседям, так и к жителям региона, а для того, чтобы стать «своим» — от 10 до 15 лет³⁸.

При определении уровня идентичности населения с регионом важно выявление процессов развития внутрисемейного и межсемейного взаимодействия с различными категориями жителей, институтами общества. Согласно данным опросов 2006 и 2012 гг., наибольшее взаимопонимание сельские жители находят в непосредственном окружении: в семье (соответственно 65,1 и 64 %), в компании друзей (20 и 24 %), среди соседей (6,6 и 3,5 %), на работе (5,9 и 9,3 %), в кругу единоверцев (0,2 и 1,6 %), не находят нигде 0,9 и 0,3 %. Имеются некоторые различия между ответами сельчан и горожан. В селе, в отличие от горожан, большее взаимопонимание находят на работе, среди соседей. В городах же выше показатель близости с друзьями, как и среди мужчин. Женщины как в селе, так и в городе в большей мере ориентированы на семью — 67 %, самый высокий показатель среди всех категорий респондентов. При этом около 1,5 % жителей Чувашии нигде не находят взаимопонимания, доля таких граждан выше среди горожан (2,3 %) и среди мужчин (2,1 %), среди сельского населения их доля чуть снизилась. Значимые различия наблюдаются среди респондентов в зависимости от возраста. Молодые люди от 18 до 24 лет менее всех привержены семье (52 %), для них более приемлемы дружеские связи (46,6 %), и среди них наиболее высокий показатель ответа «в кругу единоверцев», т.е. общение по интересам, увлечениям и т.д. Чем старше население, тем больше доля тех, кто замыкается в семье: более 70 % респондентов старше 55 лет. Наибольшую поддержку на работе получает население в возрасте 35—54 лет — это люди, имеющие определенный трудовой стаж и заинтересованные в трудовой деятельности.

Этнический фактор не оказывает заметного влияния на идентификацию кругов взаимопонимания, среди чувашского населения на один процентный пункт выше доля семейных связей. Среди людей с разным уровнем образования выделяется группа с начальным образованием, где высока доля тех, кто доверяется соседям (16,3 %). Данный фактор объясняется тем, что это представители старшего поколения, проживающие одни, и для них общение с соседями, особенно в селе, когда рядом нет детей и близких родственников, выходит на первый план, в том числе и оказание помощи друг другу. Также необходимо отметить, что среди респондентов со средним специальным и высшим образованием выше показатели общения на работе: 9 и 10 % соответственно. Таким образом, доверительные отношения людей, как правило, ограничены семейными и дружескими связями. Одновременно необходимо уточнить, что для сельского сообщества, как, впрочем, и для городского, характерно значительное снижение интенсивности «слоевой» близости почти во всех ее видах: личной, дружеской, этнической, возрастной, профессиональной, имущественной. Данные явления говорят об ослаблении социальных и человеческих связей, распространении их до горизонта семьи и друзей, изменениях в самоидентификации, что в первую очередь является следствием радикальных преобразований в аграрной отрасли, и в результате мы имеем трансформацию сельского общества.

Одним из индикаторов развития сельского общества является отношение к важнейшим государственным институтам власти, институтам общества. Обращает на себя внимание значительное снижение за рассматриваемый период уровня доверия населения ко всем региональным институтам власти, хотя изначально как в 2006, так и в 2012 г. уровень доверия жителей села был намного выше данных показателей как среди горожан, так и в регионе в целом. Наименьшее доверие оказывается региональным отделением политических партий и профсоюзам. Наибольшую поддержку населения (более 50 % респондентов) в 2006 г. имели руководители республики (глава), правительство, суд, однако в 2012 г. только деятельность Главы республики получила поддержку большинства (53,9 %). Законодательному органу граждане доверяют традиционно меньше, чем исполнительной власти, однако работа Госсовета оценивалась достаточно стабильно (39,2 % в 2006 г. и 37,4 % в 2012 г.). В отношении же правительства произошло снижение уровня доверия населения, как сельского, так и городского. Одним из маркеров тревожности и напряженности в обществе выступает отношение к органам правопорядка – это тревога за свою безопасность и сохранность своего имущества. Снизилось доверие сельских жителей к прокуратуре и суду: соответственно на 8 и 11 процентных пунктов. Особое недовольство высказывается деятельностью полиции: только 34 % опрошенного сельского населения доверяли полиции, за 6 лет (с 2006 по 2012 г.) уровень доверия снизился на 8 процентных пунктов. Если сравнивать данные по республике с общероссийскими показателями, то в Чувашии ситуация лучше и не является критической, в городах произошел даже некоторый рост доли доверяющих полиции и прокуратуре. С другой стороны, полиции доверяют больше, чем региональным отделением политических партий, профсоюзам, СМИ Чувашии. И еще одно примечание: в числе респондентов, отвечавших на вопрос о доверии, меньше всего не определившихся при ответе на вопрос о полиции. Иначе говоря, ее деятельность в большей степени на виду, чем некоторых других органов власти.

Возросла готовность жителей Чувашии принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека. При этом обращает на себя внимание факт возрастания доли реально настроенных на защиту своих прав не только в городе, но и в сельской местности. Безусловно, рост этот не критический, в сумме он составляет 5 процентных пунктов, но доля полностью и частично готовых к таким выступлениям превысила уже треть опрошенных. Следует отметить и рост доли тех, кто затруднился с ответом или отказался от него.

Изменения, происходящие в сфере поселенческой и региональной идентичностей, самоидентификации населения, связаны, наряду с социально-экономическим и общественно-политическим развитием республики, с общероссийскими тенденциями. Для Чувашии характерен заметный рост показателей общероссийской идентичности, что позволяет активизировать ряд направлений социокультурного развития республики.

6. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Социальное самочувствие — совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, территориальными сообществами и обществом в целом. Это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, рационально-эмоциональные, ценностно окрашенные представления, имеющие позитивные, негативные и промежуточные значения.

Методика портрета региона и общероссийского мониторинга позволяет фиксировать четыре базовые составляющие социального самочувствия населения: степень их защищенности от главных опасностей, степень самостоятельности их жизнедеятельности, степень удовлетворенности своей жизнью в целом, степень оптимизма в оценке ими своего настоящего и будущего.

Проанализируем далее ответы на вопрос об уровне удовлетворенности респондентами своей жизнью (табл. 4). У сельского населения республики в 2006 г. ответ был в целом положительный (57 %), в том числе полностью удовлетворены 12,1 %, скорее удовлетворены — 45 %. Часть опрошенных выразила свое неудовольствие положением дел, в том числе 18,9 % были не очень удовлетворены, а 1,8 % — совсем не удовлетворены. Разница в степени удовлетворенности своей жизнью у жителей города и села оказалась небольшой — менее 2 процентных пунктов, но среди горожан на 6 процентных пунктов была выше доля тех, кто недоволен своей жизнью в целом. По данным 2012 г., налицо разделение всего массива на две значительные части, большая из которых (55,7 %) полностью или частично удовлетворена своей жизнью, а меньшая (38 %) выбрала варианты «не очень удовлетворен» или «совсем не удовлетворен».

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» (% опрошенных)³⁹

Варианты ответов	2006			2012		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село
Полностью удовлетворен(а)	11,8	11,7	12,1	13,1	13,4	12,7
Скорее удовлетворен(а)	44,3	43,8	45,0	42,4	42,1	43
Затрудняюсь сказать точно	18,9	16,9	22,0	4,9	4,4	5,8
Не очень удовлетворен(а)	21,3	22,8	18,9	34,4	34,1	34,8
Совсем не удовлетворен(а)	3,2	4,1	1,8	4,7	5,7	3,2
Отказ от ответа	0,5	0,7	0,3	0,4	0,3	0,5

Обращает на себя внимание отсутствие значимых различий между сельским и городским населением. Причем первые оказались более оптимистично настроенными в оценке своей жизни. Отметим, что в 2012 г. менее 6 % сельских респондентов затруднились определить свое отношение к данному вопросу, тогда как в 2006 г. не смогли определиться 22 %. Учитывая, что доля сельчан, полностью удовлетворенных своей жизнью в целом, по сравнению с 2006 г. изменилась незначительно, то опрос 2012 г. показал значительное увеличение доли неудовлетворенных: с 20,7 до 38 %. Таким образом, отношение к изменению своего уровня жизни сельскими респондентами стало более критичным.

Важнейшим фактором социального самочувствия населения является уверенность/неуверенность в будущем. По данным исследования, 41,1 % сельского населения в 2006 г. можно отнести к оптимистам, поскольку из них уверены в своем будущем 12,7 %, а 28,4 % — «скорее уверенные, чем не уверенные». Пессимистические настроения высказали более чем пятая часть опрошенных (18,8 %). Горожане и жители сельских населенных пунктов практически не отличаются в своем отношении к будущему. В 2012 г. среди респондентов самой большой группой являются лица, уверенные в своем будущем в той или иной степени (см. табл. 5), их доля несколько увеличилась, до 42,6 %.

Таблица 5

Степень уверенности жителей Чувашии в своем будущем
(% опрошенных)⁴⁰

Варианты ответов	2006			2012		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село
Вполне уверен(а)	12,8	12,8	12,7	14,3	15,2	12,9
Скорее уверен(а), чем нет	29,0	29,4	28,4	29,3	29	29,7
Не могу сказать точно	36,0	34,0	39,3	38	36,2	40,8
Скорее не уверен(а), чем уверен(а)	16,5	17,6	14,7	13,6	14,7	11,8
Совершенно не уверен(а)	4,8	5,3	4,1	4,3	4,4	4,2
Отказ от ответа	0,9	1,0	0,8	0,5	0,5	0,5

Весьма высока и доля тех, кто сомневался в точном ответе, иначе говоря, в оценке своих перспектив в целом (40,8 %). Менее пятой части (16 %) были настроены пессимистично. Применительно к городской и сельской местности разница в ответах не дает основания для дифференциации населения по этому признаку, что вовсе не означает одинаковый уровень притязания в оценке своего будущего.

Далее рассмотрим мнения респондентов о возможных изменениях в ближайшие годы в уровне жизни как их самих, так и их семей (табл. 6). В 2006 г., по данным опроса, доля жителей Чувашии, считавших, что их жизнь в ближайшей перспективе станет лучше, составила 37,9 %, при этом среди горожан оптимистов было больше, чем среди сельчан, на 5 процентных пунктов. Около 31 % городского и 25 % сельского населения считали, что «ничего не изменится». Доля тех, кто предполагал ухудшение условий жизни, в селе оказалась выше, чем в городах: 12,4 и 9,2 % соответственно.

Таблица 6

Жители Чувашии о перспективах своей жизни в ближайшие годы
(% опрошенных)⁴¹

Варианты ответов	2006			2012		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село
Значительно лучше	8,1	7,4	9,3	7,4	9,3	4,2
Несколько лучше	32,7	35,2	28,6	20,2	19,7	21
Ничего не изменится	28,9	31,3	25	31	31,4	30,2
Несколько хуже	8,3	6,9	10,6	8,1	8,5	7,4
Значительно хуже	2,1	2,3	1,8	1,8	1,8	1,9
Не знаю	19,6	16,6	24,5	31,3	28,8	35,3
Отказ от ответа	0,3	0,3	0,3	0,3	0,5	—

Одновременно около 24 % сельского населения не знали ответа на вопрос, доля сельского населения была выше на 8 процентных пунктов. Таким образом, в 2006 г. сельское население было менее уверено в возможности улучшения качества жизни в ближайшем будущем. По данным 2012 г., 25,2 % респондентов полагают, что они и их семьи будут в ближайшие годы жить значительно или несколько лучше. Этот показатель на 17 процентных пунктов ниже, чем доля уверенных в той или иной мере в своем будущем (см. табл. 5). Подобная пропорция отмечается и при сравнении удельного веса тех, кто не уверен в своем будущем, и группой, полагающей, что жизнь станет хуже. Кроме того, почти треть опрошенных сельчан (30,3 %) считает, что ничего не изменится. По сравнению с 2006 г. значительно увеличилась доля тех, кто выбрал вариант «не знаю», опередив число выбравших вариант «ничего не изменится». Сократилась доля респондентов, предполагающих улучшение жизни, — 9,3 %; среди горожан, наоборот, увеличилась.

Таким образом, чуть более четверти респондентов полагают, что в их жизни произойдут перемены к лучшему, а для значительного большинства ближайшее будущее ничего не изменит, или этот вопрос остается для граждан пока закрытым. Обращают на себя внимание практически одинаковые ответы у горожан и жителей села, что свидетельствует об отсутствии осязаемых перспектив для улучшения жизни у большинства респондентов. На самочувствие сельских жителей большое влияние оказывают специфика сельского образа жизни, большая его консервативность, традиционность, система самосохранения. Оптимизм и уверенность в будущем в определенной мере базируются у жителей сельской местности Чувашии на этих жизненных ценностях. Доля же их в составе всего населения республики достаточно высока (около 40 %). Считаем, что данное обстоятельство может быть одной из причин реального социокультурного дисбаланса.

Показатели социального самочувствия населения отражают противоречивость процессов, происходящих в регионе. Следует отметить важную тенденцию, наметившуюся при определении социальной самооценки: это снижение патерналистских устремлений и понимание важности собственных усилий. В 2006 г. граждан, полагавших, что улучшение их жизни полностью или частично зависит от собственных усилий, насчитывалось 85 %, в 2012 г. — 88,8 %. Среди сельчан как в 2006 г., так и в 2012 г. этот показатель был выше — 86,8 % и 89,6 % соответственно, среди горожан: 84 % в 2006 г. и 88,3 % в 2012 г. Одновременно меняется отношение населения к тому, что от действия властей, в первую очередь российских, зависит успех бизнеса и работы многих предприятий и учреждений: если в 2006 г. более 70 % респондентов надеялись на это, то по данным 2012 г. их доля составила более 50 %. Для сельских жителей важнее поддержка близких родственников, далее — друзей, земляков. В данном случае снова наблюдаем первичность семьи и друзей в процессе жизнедеятельности населения. Такие представления, по нашему мнению, сдерживают мотива-

цию улучшения жизни отдельных граждан, что и было прослежено при анализе участия жителей республики в инновационных процессах. Около 10 % населения отметили свое непосредственное участие в создании новых видов продукции, услуг, товаров: из них 7,2 % участвовали пассивно, наравне с другими, при организующей роли тех или иных лидеров — инициаторов новых общественно значимых дел. Около 85,1 % населения можно отнести к пассивному к инновациям слою. Наибольшую активность в инновационном движении показывают люди профессионально зрелого возраста, имеющие уже жизненный опыт. Существует разница в отношении мужчин и женщин к участию в нововведениях, положение как среди сельского населения, так и горожан примерно одинаково.

Выявление проблем-опасностей для населения позволяет обозначить некоторые острые проблемы развития региона. Чувашия за прошедшее время сохранила свое положение как одного из безопасных регионов России, хотя показатель коэффициента защищенности от опасности (Кз) в 2012 г. оказался ниже, чем в 2006 г.: 0,63 против 0,67. Практически по всем измеряемым видам опасности произошло снижение доли тех, кто чувствовал себя защищенным от них в той или иной мере. По мнению всех респондентов, наибольшую степень опасности представляли: преступность — 54,4 % (в 2006 г. показатель 50,5 % был также наиболее высоким), бедность — 52,5 % (рост на 5,4 пункта), произвол чиновников — 46,8 % (рост доли незащищенных по сравнению с 2006 г. на 8,6 процентных пункта), произвол правоохранительных органов — 38,7 % (рост на 8,2 пункта), экологическая угроза — 39,4 % (рост на 0,7 пункта), одиночество и заброшенность — 33,6 % (снижение на 4,1 пункта).

При этом жители сельских поселений острее воспринимают проблемы бедности (44,5 % в 2006 г. и 48,8 % в 2012 г), произвола чиновников (29,6 и 42 %), правоохранительных органов (20,7 и 32,4 %). Немного повысились в 2012 г. показатели оценки защищенности от преступности, одиночества и заброшенности. По сравнению с такими потенциальными опасностями, как бедность, преступность, произвол чиновников и некоторые другие, ущемления по таким признакам, как национальная принадлежность и религиозные убеждения, в несколько раз менее значимы. Не защищенными от ущемления из-за национальной принадлежности чувствуют себя 7,9 % респондентов, а от притеснений из-за религиозных убеждений — 5,8 %, возраста и пола — 13 %, политических убеждений — 12,3 %. В то же время и в данной ситуации наблюдаем рост уровня незащищенности населения по сравнению с 2006 г. Уровень интенсивности ощущения проблем-опасностей в Чувашской Республике ниже общероссийского, хотя их последовательность по убыванию (преступность, бедность, произвол чиновников, произвол правоохранительных органов), кроме экологической угрозы, совпадает со средними по России данными. Различия по отношению к видам опасностей определяются в основном местом жительства — городом или деревней, как и в других случаях.

В целом отметим, что полученные материалы, с одной стороны, свидетельствуют о достаточно стабильном социальном самочувствии сельского населения Чувашии, с другой – отражают противоречивость процессов развития региона, связанную с поселенческими особенностями. На наш взгляд, их основу составляет не столько одинаковое понимание проблемных жизненных ситуаций, сколько то, что оптимизм и уверенность в будущем частично базируются у жителей сельской местности Чувашии по другим параметрам, в которых преобладают традиционные установки. Данное обстоятельство может быть причиной социокультурного дисбаланса, что отчасти завуалировано характером ответов на вопросы обследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная аграрная политика в республике предусматривает всестороннее развитие села, инфраструктуры, улучшение условий труда и быта, повышение качества жизни. Взаимоотношения «село и город» выходят на новый этап. Сельскохозяйственная отрасль республики представлена широким спектром субъектов производства, в первое десятилетие XXI в. произошли процессы их становления и стабилизации. Тем не менее для этого периода характерны адаптационные процессы сельского населения республики, вызванные необходимостью изменения привычных моделей поведения, особенно в социокультурной сфере. Масштабы и круг ресурсов адаптации, выработка и выстраивание механизмов стратегии развития сельского сообщества внесли изменения в основные социальные и культурные установки крестьянского мировоззрения, носящие как объективный, так и субъективный характер, имеющие свои преимущества и слабости.

Кризисный характер последствий реформ экономики и общества прежде всего сказался на демографическом развитии сельского населения. Давая краткую характеристику демографическим процессам населения Чувашии конца XX – начала XXI в., следует отметить главным образом следующее. Налицо замедление темпов прироста населения, основным источником прироста остается естественный. Сохраняется значительно высокая на всероссийском фоне плотность населения. Миграция сельского населения носит интенсивный характер. И наконец, идет углубление процесса старения населения, особенно значительное в сельской местности.

Чувашская Республика выглядит в глазах населения сравнительно благополучным и спокойным регионом. Сельские жители в целом удовлетворены своим настоящим и в меньшей степени уверены в своем будущем. Социокультурные аспекты развития сельского сообщества имеют ряд особенностей, дифференциация по параметру «сельский образ жизни и городской образ жизни» достаточно велика. Специфика сельского образа жизни, большая его консервативность, традиционность, веками складывавшаяся система самосохранения накладывают ряд требований к социальной политике в селе. Материалы исследования процессов социокультурного развития Чувашской Республики показали, что при всей противоречивости

ситуации в чувашском селе в нем складываются и предпосылки для усиления его потенциала, в частности происходит концентрация потенциала сельской семьи. Однако значительный социальный и культурный, человеческий потенциал лишь в небольшой части преобразуется в активно работающий капитал. Прежде всего это связано с недостаточной востребованностью данного ресурса, в итоге мы не имеем ощутимого позитивного воздействия потенциала сельского общества на процессы, происходящие в социуме. Это сдерживает переход к инновационному экономическому росту и современному качеству жизни всего населения. В сельском сообществе наблюдается наличие разнонаправленных тенденций, наиболее тревожные, дестабилизирующие из них связаны с основополагающими сторонами жизни: работой, социальным самочувствием и взглядом на будущее. С другой стороны, совокупность социальных и культурных изменений сельского населения влияет на уровень и качество жизни, развитие формальных и неформальных правил действий индивидов, организаций в экономической, политической и общественной жизни всего общества. Так, сохранение достаточно высоких показателей поселенческой и региональной идентичностей среди сельского населения оказывало непосредственное стабилизирующее влияние в целом на все население республики. Индекс социального самочувствия населения Чувашии остается стабильным (0,63 в 2006 г. и 0,64 в 2012 г.) в основном благодаря более традиционному отношению сельского населения республики к развитию общества.

Для проведения эффективной социальной и культурной политики в регионе необходимо также учитывать изменения в нормах, ценностях, ориентациях и социальных практиках населения, во многих случаях они носят эмоциональный, а не рациональный характер.

Еще один важный источник жизнеспособности села — это социальный капитал, т.е. социальные связи и отношения. Речь идет главным образом о семейных, родственных, соседских, общесельских связях и отношениях. Здесь возникает проблема налаживания реального эффективного партнерства между всеми субъектами, институтами сельского сообщества, с учетом того, что наблюдается рост уровня традиционного крестьянского недоверия к представителям государственной власти.

Следует признать, что в Чувашии сложилась умеренная социокультурная сбалансированность, однако темпы экономической, социокультурной и информационно-когнитивной модернизации республики недостаточны для решения современных задач. Ключевые процессы региональной модернизации протекают в основном в русле общероссийских тенденций и не способствуют сокращению разрыва республики от срединного уровня. При этом процессы урбанизации и субурбанизации становятся для республики одними из ведущих факторов дальнейшего развития. Анализ социокультурных аспектов развития сельского мира, крестьянства Чувашии показывает, что данные процессы являются гибкими, но не абсолютными и решение этих проблем может стать ключевым в дальнейшем развитии республики.

Таким образом, особенности развития сельского социума Чувашской Республики необходимо учитывать при реализации программ социально-экономического, социального и культурного развития, активного использования потенциала сельского населения, налаживания взаимосвязи с соответствующими институтами и структурами для оптимизации дальнейшей жизнедеятельности.

Источники и литература

¹ *Кознова И.Е.* Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 12.

² Заседание президиума Госсовета по вопросу повышения роли регионов в модернизации экономики. URL: <http://президент.рф/news/13477/> (дата обращения 22.12.2015).

³ *Пацюрковский В.В.* Сельская Россия, 1991—2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003; *Кознова И.Е.* Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // Социс. 2004. № 12. С. 74—85; *Великий П.П., Морехина М.Ю.* Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 55—64; *Староверов В.И.* Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социс. 2004. № 12. С. 64—74; *Ильин И.Е.* Современное российское село: реформы и повседневность: монография. Чебоксары, 2014; *Его же.* Аграрная реформа в России на рубеже XX—XXI веков. Чебоксары, 2005; *Его же.* Аграрная реформа в полиэтничном регионе России (социологический анализ). Чебоксары, 2005; *Шайдуллин Р.В.* Особенности развития малых форм хозяйствующих субъектов в аграрном секторе Татарстана в 1990—2010-е гг. // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: история, экономика, право: сборник материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10—12 октября 2012 г.). Казань: Ин-т татар. энциклопедии АН РТ, 2012. С. 64—74; *Мансуров П.М.* Формирование устойчивого жизнеобеспечения населения сельских территорий Ульяновской области. Ульяновск: УлГТУ, 2012; *Никитина Г.А.* Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX—XXI веков: ресурсы и опыт адаптации: монография. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2015; *Михайлова Р.В.* Духовность крестьянства России, XX век. Чебоксары, 1997.

⁴ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., Academia, 2009; Чувашская Республика: социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН, 2011; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; сост., общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., Academia, 2013. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И.И. Бойко [и др.]; под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары, 2015.

⁵ Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика. С. 233.

⁶ *Рогалина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.

⁷ *Никольский С.А.* Россия, год 2006: конец крестьянства? // Октябрь. 1996. № 1. С. 147—160; *Штейнберг И.* Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 50—61.

⁸ Проблемы социокультурной модернизации регионов России; Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010.

⁹ Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика. С. 20; Регионы России: социально-экономические показатели, 2015: статист. сб. / Росстат. М., 2015. С. 28—29, 491.

¹⁰ Чувашия, 1920—2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 75; Агропромышленный комплекс Чувашии, 2009: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2009. С. 106; Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года: предварительные итоги: статист. бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. М., 2016. С. 13—37.

¹¹ Агропромышленный комплекс Чувашии, 2009: статист. сб. 2009. С. 106.

¹² Регионы России: социально-экономические показатели, 2006: статист. сб. / Росстат. М., 2007. С. 112—113; Регионы России: социально-экономические показатели, 2015: статист. сб. / Росстат. М., 2015. С. 108.

¹³ Статистический ежегодник Чувашской Республики, 2013: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2013. С. 268.

¹⁴ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике. URL: <http://chuvash.gks.ru>. (дата обращения: 22.12.2016 г.).

¹⁵ Агропромышленный комплекс Чувашии, 2009: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2009. С. 130—135.

¹⁶ Чувашия в цифрах, 2016: краткий статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2016. С. 47.

¹⁷ Чувашия, 1920—2010. Цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 23; Чувашия в цифрах, 2016: краткий статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2016. С. 47.

¹⁸ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике. URL: <http://chuvash.gks.ru>. (дата обращения: 22.12.2016 г.).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Статистический ежегодник Чувашской Республики, 2013: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2013. С. 53, 57.

²³ *Великий П.П.* Социальные аспекты село-городской трудовой миграции // Региональные особенности аграрных отношений в России. Чебоксары, 2010. С. 416—421; *Великий П.П., Морехина М.Ю.* Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 63—64.

²⁴ Здравоохранение в Чувашской Республике. Чебоксары, 2014. С. 15.

²⁵ Число и состав домохозяйств: Брошюра по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Чебоксары, 2013. С. 7. URL: <http://chuvash.gks.ru>. (дата обращения: 25.12.2016 г.).

²⁶ Семья, женщины и дети Чувашской Республики: статист. сб. Чебоксары, 1997. С. 27; Статистический ежегодник Чувашской Республики: статист. сб. Чебоксары, 2014. С. 64; Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика. Чебоксары, 2015. С. 46.

²⁷ Семья, женщины и дети Чувашской Республики: статист. сб. Чебоксары, 1997. С. 19; *Марков Ю.К.* Демографическая ситуация в Чувашской Республике: региональные аспекты // Сборник научных публикаций. Чебоксары, 2007. С. 51; Статистический ежегодник Чувашской Республики: статист. сб. Чебоксары, 2014. С. 59.

²⁸ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. С. 683.

²⁹ Результаты опросов 2006, 2012 гг.

³⁰ *Салагаев А.Л., Сергеев С.А., Лучишева Л.В.* Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан. Казань: КНИТУ, 2011. С. 103.

³¹ Результаты опросов 2006, 2012 гг.

³² *Иванова Н.М., Харитонова В.Г.* Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона. Чебоксары, 2013. С. 80.

³³ Результаты опросов 2006 и 2012 гг.

³⁴ *Желтов М.П.* Чăваш халăх философийĕ. Шупашкар, 2010. С. 64—74.

³⁵ *Лалин Н.И., Беляева Л.А.* Структура ценностей, социальное самочувствие и трудовая мотивация населения современной России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 3 (48). С. 245.

³⁶ *Лалин Н., Беляева Л.* От стабилизации к интегрированной модернизации России: аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений. М., 2011. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=eff20f41-11d1-4b38-9766-8036d129054d&print=1>.

³⁷ *Корепанов Г.С.* Социальное воспроизводство региона: экономико-социологический анализ: монография. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. С. 185.

³⁸ Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика. С. 30.

³⁹ Результаты опросов 2006, 2012 гг.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

2018

СЕССИЯ 1
**СОВРЕМЕННОЕ ЧУВАШСКОЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

В.В. Никифорова

**СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС:
ЧУВАШСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА
РУБЕЖА XX—XXI ВЕКОВ**

Оппоненты: Ю.М. Артемьев, И.В. Софронова,
Т.Л. Кузнецова

Все это мифы, распространяемые издателями, — будто люди хотят читать легкую литературу.

Люди очень быстро устают от простых вещей.

У. Эко¹

ВВЕДЕНИЕ

Современный литературный процесс исследовать весьма непросто. Объективная оценка любого творчества предполагает проверку временем. В подобных случаях часто вспоминают выражение С. Есенина: «Лицом к лицу лица не увидать, / Большое видится на расстоянии...» («Письмо к женщине», 1924). Тем не менее современная литература как специфическая сфера человеческой деятельности нуждается в анализе — чтобы понять, в каком направлении она развивается, расставить акценты в общей картине и т.д. Следует заметить, что изучение литературной ситуации настоящего времени непременно выводит на междисциплинарный уровень, на котором пересекаются филология, философия, психология, культурология. Объект данного исследования — современная литература — представляет собой сложный спектр явлений (традиционное и новаторское, элитарное и массовое и т.д.), и наша задача — осмыслить один из аспектов текущего литературного процесса, который получил название «интеллектуальная проза».

Развитие литературы тесно связано со временем, в которое она создавалась. Чувашская проза периода своего становления (конец XIX в.) характеризуется неторопливостью, размеренностью, растянутостью (Игн. Иванов, И. Юркин, Н. Кедров, О. Романов). Отчасти это обусловлено стремлением к достоверному отражению действительности, отчасти тем, что ещё сильна связь с устной народной традицией². В 1930-х гг. и прозу, и поэзию, и драматургию пронизывает публицистичность. Новые реалии (коллективизация, индустриализация) требовали именно такого способа изображения. Вся литература периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. оперативна, пафосна, эмоциональна и подчинена одной цели — добиться скорейшей победы над врагом. Послевоенная литература, а также литература 1960—1970-х гг. акцентируют внимание на идее о ценности человеческой жизни. В связи с этим на авансцену выступает психологическая (Хв. Уяр, Ю. Скворцов), историческая (Хв. Уяр, М. Ильбек, К. Турхан, Н. Мранька) и философская проза (Ю. Скворцов, Н. Мартынов, Хв. Агивер).

Начиная с середины 1980-х гг. в прозе ярко намечаются две линии — *традиционная* (Хв. Агивер, Д. Гордеев, Е. Лисина, А. Тарасов, Н. Максимов и др.) и *альтернативная*. Под «традиционной» мы понимаем реалистическую литературу, ориентированную на классические традиции. «Альтернативная» проза — общее условное определение новых явлений и тенденций, наблюдаемых в литературе с началом перестройки и гласности, связанных с творчеством молодых авторов. Такая проза нарушает сложившиеся устои, разнообразна по форме и содержанию: интеллектуальная (постмодернистские произведения — Б. Чиндыков, В. Степанов, Г. Федоров, Ю. Терентьев); эротическая (В. Эктель); мистическая (В. Степанов, Н. Петровская); социально-политическая (Ю. Сан). Даже при поверхностном анализе становится очевидным, что не все составляющие «альтернативной» литературы проявляют себя сегодня: эротическое начало постепенно сходит на нет, не пишутся мистические книги. Интеллектуальная же литература продолжает развиваться и в XXI в.

На современном этапе пересмотрены критерии оценки художественности произведения. Был период, когда публично раздавались голоса, ставящие под сомнение сам факт существования литературы (настоящей, истинной). В последние три-пять лет подобные мысли высказываются реже (причины могут быть разные). «Есть ли чувашская литература, нет ли ее? Я не могу ответить на этот вопрос. У нас выходит единственный литературный журнал “Тăван Атӑл” (Родная Волга), там печатаются и прозаические, и поэтические произведения, но, на мой взгляд, читать в нем нечего. Единственное, что интересного там выходит иногда — это публицистика, мысли некоторых людей. Критик и литературовед Юрий Артемьев пишет, может быть, известные вещи, но все равно они заслуживают внимания», — отмечает прозаик и драматург Б. Чиндыков в 2012 г.³ Чувашская литература «болезнью орнаментализма»⁴ затронута в меньшей степени, что в первую очередь объясняется тем, что литература менее публична как вид искусства, чем, к примеру, театр. Разумеется, в околотеат-

ратурном пространстве, в первую очередь в поэзии, также наблюдались эмоциональные декларации / презентации избитых лозунгов типа «Как хорошо быть чувашом!». Является ли такая *продукция* литературой в прямом смысле этого слова, заслуживает ли особого внимания? Конечно, вовсе игнорировать её нельзя, так как лучше понять значимость того или иного феномена можно, рассмотрев его в общем контексте.

Сегодня роль писателя в обществе изменилась, стал иным и читатель. Современная литература в большей степени социально ориентирована. (Впрочем, это касается почти всех сфер деятельности человека: рыночная экономика не может развиваться без учёта мнения потребителя.) Немало писателей считают, что нашим читателем востребованы прежде всего лёгкие жанры⁵, и идут у него на поводу. К такой позиции можно относиться по-разному. Важно другое: существует литература, которая ведёт читателя за собой, подразумевает диалог с ним на равных. Это, в частности, так называемая интеллектуальная литература.

1. КРАТКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Понятие «современная литература» в науке трактуется неоднозначно. Некоторые исследователи считают, что современная литература — это совокупность прозаических и поэтических произведений, написанных в конце XX — начале XXI в.⁶ Известные исследователи Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий точкой отсчёта современного периода русской литературы в начале XXI в. назвали середину 1950-х гг., определив его хронологические рамки примерно в полвека. Другие исследователи к современной литературе относят произведения XXI в.⁷ Есть мнение, что под «современной литературой» подразумеваются тексты, опубликованные с 1985 г. по настоящее время⁸. Мы поддерживаем последнюю точку зрения: «современную литературу» воспринимаем как корпус художественных текстов, заявивших о себе в последние два-три десятилетия. Данный этап развития чувашской литературы связан с переменами в политической и социальной жизни страны, происшедшими после «перестройки». Распад СССР, изменение социально-политического устройства России, идеологических и нравственных ориентиров сильно изменили культуру в целом и литературу в частности. Конец XX в. в истории чувашской литературы характеризуется как период смены литературно-художественной парадигмы.

В определении качественных черт современного литературного процесса нам более близка точка зрения М. Бондаренко: «В собственно литературоведческом аспекте текущий литературный процесс предстает в виде соприкасающихся полей (страт), охватывающих всю совокупность художественных (или претендующих на художественность) текстов, которые производит на данный момент культура, реализуя свою потребность в эстетическом / литературном»⁹. Иными словами, современный литературный процесс — это функционирование литературы на данном этапе. Частью лите-

ратурного процесса непременно является также его восприятие читателем и критикой. Объём понятия «текущий литературный процесс» расширяется, если речь идёт о литературе послеперестроечного периода, когда начала публиковаться «возвращённая» и «задержанная» литература. Тексты, написанные в разные годы во времена СССР, но не печатавшиеся в основном по идеологическим мотивам, становятся частью литературного процесса позже.

Литература обозначенного промежутка времени отличается сочетанием разнообразных художественных тенденций и методов творчества. В чувашской литературе конца XX в. наблюдаем усиление публицистического начала: создаются художественно-публицистические произведения. Данная тенденция присуща периодам кардинальных перемен в жизни общества (социальных, политических, культурных): литература стремится адекватно реагировать на вызовы современности и ищет новые формы своего выражения. Самой распространённой художественной системой в чувашской литературе того времени является *реализм*, претерпевший большие изменения; также существуют *постмодернистские* традиции. Из литературного пространства изживается социалистический реализм. Реализм конца XX — начала XXI в. содержит в себе два метода: традиционный (Д. Гордеев, Н. Максимов, А. Тарасов, Г. Максимов, А. Мышкина, Н. Ильина и др.) и так называемый «жестокый» («чёрный») реализм (Д. Гордеев, Н. Симунов, С. Павлов и др.). Во втором десятилетии XXI в. «чёрный реализм» мало-помалу преодолевается, появляется устойчивая тенденция к объективному отражению действительности, что служит одной из примет завершения определённого этапа в истории литературы.

В современной литературе в количественном отношении доминируют прозаические жанры. В обозреваемый период выходят в свет произведения малой формы (в том числе и рассказы-миниатюры, например Н. Карая), также романы, изредка — серия романов (С. Павлов), одноактные пьесы и цикл таких пьес (А. Чебанов), стихотворения-миниатюры и роман в стихах (Ю. Сан). При этом короткая форма преобладает до рубежа двух веков. На передний план в тот период выходит отдельная личность, часто — человек ничем не примечательный; трагедия отдельно взятого человека находит художественное воплощение именно через короткий жанр. В 1990-х гг. молодые писатели Б. Чиндыков и А. Тарасов отмечали, что современный прозаический жанр начал «сжиматься», длинные произведения не пишутся, высказываемое слово тяготеет к краткости, образность теснее связывается с душой героя¹⁰. Иными словами, краткая форма в данный период приобретает всё большее значение, становится насыщенной, динамичней. Таким образом, осмысление перемен, происходящих в жизни страны и народа, началось с погружения во внутренний мир конкретного человека. Известный исследователь литературы коми Т.Л. Кузнецова, в частности, заметила, что именно «малые формы прозы конца XX — начала XXI в. органично выражают особенности мироощущения современника, своеобразие его духовного мира»¹¹.

Традиционно высока роль поэтического слова в современной литературе. Поэзия играла ведущую роль в разные периоды истории литературы, особое место принадлежит ей и сегодня. В ней выявляется преемственность, в контексте традиционного происходит творческое освоение реалистического метода и развитие опыта предшественников. В творчестве отдельных авторов прослеживается сложная связь традиции с авангардистскими художественными поисками. Существует практика новаций в плане формы и содержания (Г. Айги, П. Эйзин, С. Садур, М. Карягина, некоторые другие образцы интеллектуальной поэзии). Отмечается тяготение к элитарности, выражаемое в усилении интеллектуального начала, усложнении художественной структуры, в экспериментах с формой, в своеобразии художественного синтеза. Меняется ситуация и в драматургии. В ней представлены разнообразные варианты как традиционных, так и новых жанров. По наблюдениям И. Кирилловой, на её развитие «немалое влияние оказала русская и зарубежная авангардная драматургия»¹². В конце XX — начале XXI в. появились новые имена: А. Пртта, Л. Сачкова, М. Карягина, В. Николаев.

Последние десять-пятнадцать лет XX в. в чувашской прозе являются временем открытий, новых явлений, обретений. Проза начала XXI в. осмысливает приобретённый опыт, с того времени вплоть до настоящего момента не наблюдается кардинальных перемен, громких открытий. На наш взгляд, в начале нового века завершился процесс «перестройки» художественного сознания, продолжавшийся около двух десятилетий. Полагаем, что «обновление» будет длиться примерно столько же. Таким образом, период с середины 1980-х гг. по настоящее время является неким переходным этапом, а мы становимся свидетелями ситуации, когда окончательно утверждаются характерные черты новой чувашской прозы.

В современной прозе мы выделяем *традиционную* и *альтернативную* линии. Традиционная (реалистическая) проза весьма разнообразна по содержанию и представлена широко: среди авторов — представители всех поколений: старшего, среднего и молодого. Проза старшего поколения продолжает предыдущие традиции: до начала нового века в ней просто поменялись герои (например, вместо коммунистов — руководители организаций), язык же этих произведений заметно не изменился. С середины 1980-х лет на двадцать со страниц литературных произведений постепенно исчезает положительный герой (что было связано именно с разрушением прежних идеалов в обществе). На первый план выходит герой отрицательный — человек, жаждущий материальных благ; опустившаяся женщина и т.д. К писателям старшего поколения в начале 1990-х гг. присоединяются молодые авторы Г. Максимов, А. Тарасов, Л. Сачкова, Елен Нарби, А. Мышкина, Н. Ильина и др. В первом и втором десятилетиях XXI в. появляются в печати произведения В. Константинова, Е. Алексеевой, О. Австрийской, Р. Прокопьевой, В. Николаева, И. Трифоновой, А. Владимировой и др. Эти авторы стоят на страже вечных ценностей (дом, семья, нравственность и т.д.). Вместе с тем расширяется диапазон тради-

ционной прозы (лирико-философская, лирико-психологическая проза). Аналогичные тенденции прослеживаются, к примеру, в развитии маорийского рассказа конца XX в.: «философизация содержания, усиление драматизма повествования, углубление психологизма, усложнение сюжетно-композиционной сферы»¹³. Прозаики обращаются к ранее не разработанным темам (историческая — культ личности; современные — ситуация в Советской армии и афганская война, социальное дно).

Альтернативная проза также разнообразна, но представлена меньшим количеством образцов. Это постмодернистские произведения (роман-киллер В. Степанова «Эфемероптера казе́, е ФАУст-2» (Эфемероптерова ночь, или ФАУст-2, 1994—2007), некоторые произведения Б. Чиндыкова, метафорический эскиз Г. Фёдорова); эротическая литература (повесть «Лили» В. Эктеля, 1990) и мистические произведения (рассказы В. Степанова, повести Н. Петровской). Такой вид прозы отчасти сопоставим с «другой» прозой («прозой новой волны») в русской литературе. Общие особенности: «оппозиционность» «официальной» прозе; усиленное внимание к художественной форме; признаки постмодернизма, в том числе пародийная, ироническая стихия. В реалистической прозе появляются новые грани: эротика, мистика, натурализм и т.д. В отличие от «другой» прозы, в чувашской альтернативной прозе меньше нарочитой демонстративности; нет насилия, физиологизма, ненормативной лексики; она стремится к формальной завершенности, т.е. быть опубликованной («другая» проза принципиально не печаталась, появлялись «самиздатовские» и «тамиздатовские» публикации).

В рамках альтернативной литературы можно рассматривать и интеллектуальную прозу. На наш взгляд, она по-новому отражает и современность, и некие первоосновы национальной идентичности, так что заслуживает пристального внимания.

2. СОВРЕМЕННАЯ ЧУВАШСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА

2.1. Общая характеристика интеллектуальной литературы

Развитие литературы тесно связано с развитием общества. Литература XX в. во всем мире (в чувашской это происходит в последнюю треть XX в.) характеризуется усилением в ней интеллектуального начала. Появляются, в частности, произведения, в которых центральное место занимают не персонажи, а идеи. Интеллектуальная литература, продолжая традиции философской литературы¹⁴ (способность рождать различные ассоциации на разных уровнях, многозначность иносказания, мифологизация, притчевость), характеризуется глубиной содержания, уплотнением смысла, усложнением техники письма. В мировой литературе в ряд крупнейших представителей такого рода литературы включают немецких писателей Т. Манна¹⁵, Г. Гессе, австрийского писателя Р. Музиля, французов Ж.П. Сартра и А. Камю, англичан Д. Оруэлла, У. Голдинга, А. Мёрдок, Д. Фаулза, аргентинцев Х.Л. Борхеса и Х. Картасара, колумбийца Г.Г. Маркеса¹⁶. В любых

вариантах интеллектуальная литература требует вдумчивого чтения, напряжения мысли.

Впервые черты интеллектуального произведения, а именно романа, выделил Т. Манн в статье «Об учении Шпенглера» (1924). Он пишет о современной ему литературной ситуации: «...осуществилось то слияние критической и поэтической сферы, которое начали еще наши романтики и мощно стимулировала философская лирика Ницше; процесс этот стирает границы между наукой и искусством, вливает живую, пульсирующую кровь в отвлеченную мысль, одухотворяет пластический образ и создает тот тип книги, который, если не ошибаюсь, занял теперь главенствующее положение и может быть назван “интеллектуальным романом”»¹⁷. Вслед за Т. Манном термин «интеллектуальная литература» закрепился в литературной критике и стал широко применяться начиная с эпохи модернизма.

В русской литературе, с точки зрения литературоведов Н.Л. Лейдермана и М. Липовецкого, интеллектуальная тенденция в прозе проявилась в 1970-х гг. (конец 1960-х — середине 1980-х). Из современных этому явлению исследователей они называют А.Г. Бочарова и Р.В. Комину. Анализируя ряд произведений В. Быкова, В. Тендрякова, Д. Гранина и др., А.Г. Бочаров заговорил об интеллектуализации прозы: «Интеллектуальность — особое многогранное качество, содержащее трудноуловимые, трудновыделяемые, но реально существующие элементы, которые, не разрушая, не разрывая образной ткани, обладают более высоким удельным весом содержащейся в них мысли. <...> Термин “интеллектуальная проза” трактуется мною в прикладном его значении — как склонность и способность искусства оперировать усложненными аналитико-ассоциативными ходами, не ограничиваясь лишь образно-сюжетными решениями». Критик доказывал, что существуют специфические “формы интеллектуализации прозы”, к ним относятся прежде всего разные способы прямого и косвенного воплощения мысли и мыслительной работы (сюжет диспута, нравственного эксперимента, парадокс), а также разные приемы условности (“смещение реального и ирреального”, “двойничество”). Этот арсенал форм интеллектуализации художественного произведения можно значительно расширить. Но главное в том, что он представляет собой систему, т.е. не набор приемов, а поэтику, которая обеспечивает создание художественного целого, где ценностным центром становится мысль человека как главное орудие овладения миром. Эта поэтика обладает и своим конструктивным принципом — им становится притчевость. Говоря о притчевости, мы опираемся на общепринятое толкование притчи как дидактико-аллегорического жанра, данное С.С. Аверинцевым»¹⁸.

В чувашской литературе интеллектуализм отчасти получил выражение также в 1970-х гг. в первую очередь в поэзии (Н. Теветкель, Ю. Айдаш, В. Эндип). Именно в поэзии отразились прежде всего мысли и чувства, вызванные динамичными жизненными процессами, с научно-технической революцией и т.д. Интеллектуализм проявился «в решительном обновлении содержания и формы лирических произведений. <...> В цент-

ре поэтических сборников оказывались проблемы нравственные, философские, иллюстративное начало уступало место аналитическому. Лирика, как и вся художественная литература, возвращала себе исследовательский пафос», — эти и другие особенности поэзии данного периода отмечает литературовед О.В. Скворцова¹⁹. В 1960—1990-х гг. интеллектуализм проступает и в научно-фантастической прозе (Г. Ефремов, Г. Краснов, Н. Максимов).

С середины 1980-х гг. в чувашской лирике происходит углубление семантики образа-слова, но акценты меняются: усиливается ассоциативность, всё чаще обращение к поискам основ национальной философии. Появляется особый тип прозы, который характеризуется ещё большей усложненностью, насыщенностью содержания. Появление его не случайно. Интеллектуальная база современного писателя отличается весьма существенно. «Вырос» не только писатель, но и кругозор, интеллектуальный уровень читателя. Круг его знаний в информационный век стал гораздо шире. Чтобы заинтересовать читателя, завладеть его вниманием, писателю требуется особое мастерство. В связи с этим возрастает роль знания в творческом процессе. Интеллектуальная литература — это попытка осмысления имеющегося опыта на *ином*, отличном для нынешнего момента уровне. Возможно, не следует говорить о том, что этот уровень выше или ниже: он другой. Интеллектуальная литература — это углубление философской, но углубление, с нашей точки зрения, происходит не только в философию, но и в культуру, историю, психологию, мифологию и т.д.

Интеллектуальная проза — не привнесённое, не чужеродное явление в чувашской литературе: она «вырастает» из особенностей менталитета нации, т.е. это естественное состояние литературы на определенном этапе ее развития. В ряду особых свойств национальной словесности литературовед Г.И. Фёдоров отметил «тягу к уплотнению смысла, краткости повествовательного слова, к особым формам эпичности» и подчеркнул: «Эти свойства усиливают ассоциативность речи, углубляют смысл высказывания за счёт различных форм условности и иносказания»²⁰. Им был сделан вполне обоснованный вывод о том, что «чувашское национальное сознание более предрасположено к извлечению интеллектуального смысла, притчевого содержания, аллегорическо-символического потенциала из мифов, обыкновенных сцен бытовой жизни, присказок и побасенок»²¹. Таким образом, линия «интеллектуального» в чувашской литературе не послужила поводом для деления литературы на элитарную и массовую. Чувашские писатели в целом стараются придерживаться «золотой середины» — учитывать потребности и интересы читателей всех категорий. «Сложный» язык прозаика Г. Фёдорова, к примеру, вполне понятен читателю чувашской национальности подсознательно, так как содержит множество готовых структур и формул. Можно предположить, что у интеллектуальной прозы весьма перспективное будущее.

Особенности интеллектуальной литературы в региональном контексте изучали татарские литературоведы Д.Ф. Загидуллина, Б.Х. Ибрагимов²².

В русле тенденции «интеллектуализации» ими анализируются творчество татарских писателей рубежа XX—XXI вв., таких как Г. Гильманов («Албастылар»), Р. Сибат («Ялгызак»), Ф. Байрамова («Канатсыз акчарлаклар»), а также роман-трилогия профессора Казанского университета, литературного критика Т. Галиуллина «Саид Сакманов». Б.Х. Ибрагимов к основным признакам интеллектуальной прозы относит принадлежность к модернистской и постмодернистской литературной традиции, смешение реального и ирреального, притчевость. Отмечается при этом, что в современной татарской литературе интеллектуальная проза находится в процессе становления, говорить о сформированности жанра пока нельзя²³.

В аспекте темы «интеллектуальная литература» необходимо рассмотреть и соотношение таких понятий, как постмодернизм и этнофутуризм. Новые явления в литературе связаны прежде всего с изменением мышления современного человека, трансформацией традиций. Когда мы говорим о постмодернизме последнего десятилетия XX в. в чувашской литературе, то подразумеваем в первую очередь новое художественное сознание, отрицающее однозначную интерпретацию реальности, а не имеем в виду сформировавшееся литературное направление. С появлением Интернета возрос объём информации, поэтому потребителю (в широком смысле слова) приходится действовать энергичнее, чтобы успеть выполнить запланированное. На углубленное созерцание времени не остается. Опыт, накопленный до него, применяется чаще в готовом виде с грамотной расстановкой акцентов. Это отчасти объясняет явления как постмодернизма, так и рационализма в литературе, особенно в поэзии. Тем не менее традиционная литература сохраняет позиции, хотя сильно развита и её философская ветвь.

Эстетика постмодернизма, громко заявив о себе во всём мире, не могла не затронуть литературный процесс нашего региона. Творчество отдельных авторов, а именно ряд произведений Б. Чиндыкова, В. Степанова, проза Г. Фёдорова, претендует на рассмотрение их в контексте литературы постмодернизма. При всей индивидуальности их художественного почерка есть точки соприкосновения, общие особенности культуры постмодернизма, проявляющиеся в их творчестве: «использование мифологических образов» (главным источником, безусловно, являются национальные реалии. — *В.Н.*), «тяготение к метафорике», «концепция интертекстуальности», «принципиально новая интерпретация феномена темпоральности»²⁴. Постмодернизма как течения у нас быть не может, так как не было модернизма, как считает А.П. Хузангай²⁵. (Хотя теоретически постмодернизм мог возникнуть и минуя этап модернизма — под влиянием русской литературы.) В.Г. Родионов придерживается другой точки зрения: «Факты увлечения М. Сеспеля символизмом и его имажинистские симпатии, футуристические эксперименты ряда поэтов (П. Хузангай, А. Петтоки и др.) окончательно подтверждают положение о том, что в 20—30-е гг. XX в. на фоне отрицания традиционной культуры утвердился чувашский модернизм, по типу схожий с татарским

модернизмом того же периода»²⁶. Сеспеля как «отца современной чувашской культуры в целом» воспринимает воронежский исследователь М. Кирчанов²⁷. Если исходить из данной точки зрения, интеллектуальная литература (в модернистском варианте) у чувашей существует уже с 1920—1930-х гг. В рамках научного доклада считаем нецелесообразным заострять внимание на данном вопросе: он требует отдельного рассмотрения и относится к другому периоду развития литературы.

С выводом о неоформленности постмодернизма как направления, на наш взгляд, нужно согласиться. Тем не менее он проявился не только в художественной литературе, но и в живописи (И. Улангин, А. Сафин). Творчество некоторых художников (Г. Фомиряков, С.Н. Михайлов (Юхтар), скульпторов (Ф.И. Мадуров, Н.М. Балтаев, В.П. Нагорнов, П.С. Пупин) рассматривается исследователями в рамках этнофутуризма. Этнофутуризм как течение в чувашской литературе также не сложился. В качестве характерного примера в данном случае приводится творчество М. Карягиной²⁸. Данный вопрос достаточно подробно разработан в удмуртском литературоведении²⁹. Известный теоретик удмуртского этнофутуризма В. Шибанов считает наиболее узким и точным значением его следующее: «Та культура этнического содержания, которая напрямую выходит на полемический диалог с западным постмодернизмом (и где в одном ряду с этнофутуристами работают художники иных направлений и поисков)»³⁰. Есть исследования, в которых проза Б. Чиндыкова, В. Степанова и др. рассмотрена в контексте и постмодернизма, и этнофутуризма³¹. В целом же вопрос о соотношении понятий «постмодернизм» и «этнофутуризм» в чувашском литературоведении остается открытым. Тем не менее отметим основные мысли в этом диалоге.

Многие национальные литературы относятся настороженно к термину «постмодернизм»: он «считается угрозой для основ национальной литературы, так как слишком уж западнически звучит»³². Мы воспринимаем данное явление как единую мировую тенденцию. Литературы разных народов существуют не изолированно, а находятся в диалоге и даже в полилоге: в них происходят похожие процессы, и здесь речь не может идти о влиянии одной литературы на другую. В каждой национальной литературе развитие происходит, разумеется, своеобразно. Иными словами, общая тенденция (в данном случае постмодернизм) проявляется индивидуально у каждого народа. Тот же самый этнофутуризм (или другое какое-либо явление), в частности, можно представить как национальный вариант постмодернизма.

Постмодернизм признан в татарской литературе. Считается, что в современной татарской прозе постмодернизм является «полноправной, самостоятельной художественной парадигмой, функционирующей наряду с возрожденными реалистическими, романтическими и модернистскими явлениями»³³.

В чувашской интеллектуальной литературе нами выявляются две тенденции: литературный авангард и «профессорская литература».

2.2. Авангардные тенденции в художественной литературе рубежа XX—XXI веков

В пространстве чувашской интеллектуальной литературы мы рассматриваем творчество прозаиков Б. Чиндыкова, В. Степанова, отчасти — Ю. Терентьева, поэтов Г. Айги, С. Садура, М. Карягиной и др. Каждый из них сумел сказать своё собственное слово, новое для национальной литературы, и их деятельность расценивается как авангардная с разных точек зрения. В базовом переносном значении «авангард» — это передовая, ведущая часть какой-нибудь общественной группы³⁴ — к творчеству названных авторов вполне подходит данная характеристика. Произведения некоторых из них рассматриваются в чувашской литературоведческой науке в русле авангардизма³⁵. Таким образом, художественные поиски вышеназванных авторов, отличающиеся новизной эстетики, позволяют оценить их творчество как авангардистское.

Прозаика, поэта и драматурга *Бориса Чиндыкова* (р. в 1960 г.) в разное время относили и к сюрреалистам, и к экзистенциалистам, и к импрессионистам, а также к дадаистам, неонатуралистам, авангардистам, модернистам³⁶. На рубеже веков стали представлять его как постмодерниста и этнофутуриста³⁷. Такое разнообразие интерпретаций вполне объяснимо: Чиндыков усвоил опыт разных культур, выработал свой неповторимый почерк, оставаясь глубоко национальным писателем.

«Роман-киллер на получувашском языке», «полухудожественное, постмодернистское издание в формате “анти”» *Владимира Степанова* (р. в 1962 г.) «Эфемероптера каşё, е ФАУст-2» (Эфемероптерова ночь, или ФАУст-2, 1994—2007) можно сопоставить с европейским интеллектуальным романом. Одна из характерных особенностей — интертекстуальность, отражающая опыт мировой литературы. При первоначальном приближении складывается впечатление, что содержание книги сложно будет понять. По мере погружения в текст читатель убеждается в обратном, так как свободный, ироничный стиль прозаика упрощает восприятие сложной информации. Данная книга является наглядным примером того, что о сложных вещах можно писать увлекательно. Стиль прозаика отчасти напоминает язык У. Эко. В национальной литературе ему близок слог современника *Юрия Терентьева* (1961—1996). Оба автора вызывают удивление умением «играть словом». При этом они весьма серьезно и ответственно относятся к такому важному инструменту, как слово, создавая свои творения. В их прозе отражается национальный склад ума, особенности мышления чуваша: он предпочитает ходить окольными путями (*çавра кайнĕ — пыл хытнĕ* «окольным путем пошёл — мёда поел»), ему присуща ироническая речь. Отсюда — сложные синтаксические конструкции, эмоционально окрашенные слова, множество эпитетов и сравнений и т.д. В. Степанов — автор романов-этнофэнтези «Пихампар йытти» (Господа Пигамбара пёс, 1999) и «Тенкри хёçё» (Сабля Тенгри, 2015). Это на данный момент единичные образцы этнофэнтези (фэнте-

зи) в чувашской литературе. Фэнтези как вид постмодернистской литературы отличается от традиционной фантастики тем, что вымышленная ситуация выдается и воспринимается в ней как реальная. Элемент «этно-» очерчивает основной объект изображения (и может навести на мысль об этнофутуристических устремлениях писателя). В. Степанов пытается понять загадку своего народа, национальный дух, реконструируя древние пласты мифологии и раскрывая его историю с точки зрения сегодняшнего дня.

В повестях Ю. Терентьева «Кремль сакки сарлака» (Широка скамья Кремля, 1991), «Коррида, самурайсем, е Анӑсран тухнӑ хӗвел» (Коррида, самураи, или Восход с запада, 1992), «Салхулӑ пӑлӑх» («Сурхи тӑлӑх»; Грустный полюх, 1994), «Мӑнкун иртсен — тунтикун» (После Пасхи — в понедельник, 1993) сильно ощутимы черты антиутопии и осмысливается не только чувашская действительность, но и процессы, происходящие во всей стране, в том числе в политике. Они выступают как пародия на общество периода «перестройки», современность и пугающее будущее — мир, которого не должно быть никогда. Антиутопия критикует государственную систему, разрушает прежние идеалы, предупреждает от ошибок. В ней неразрывны реальное и вымышленное. Важная роль принадлежит изображению карнавального сознания (пародии на лозунги и речи, игра, шутовство — *мыскара*). Творчество Ю. Терентьева можно расценивать как новый виток в развитии чувашской сатирической литературы.

В контекст мировой литературы вошло творчество чувашского поэта *Геннадия Айги* (1934—2006). Ярче всего он проявил себя в русскоязычных стихотворениях. Он разорвал круг стереотипов, расширил представление о поэтическом слове, создал особый синтаксис, собственный тип стиха («гетероморфный стих», по определению Ю. Орлицкого³⁸) и новую образность. С годами в творчестве поэта явственней становится интеллектуализм (более всего — в русскоязычных стихах). «Поэзия Айги неординарна не только в чувашской и российской литературе, но и во всей мировой литературе. В ней мысли закодированы настолько, что праздному читателю трудно уловить их смысл. Требуется в высшей степени напряжение ума и чувств, чтобы за словами-символами, иероглифами почувствовать нерационализированный смысл бытия. Кажется, что даже традиционная философия не пригодна для передачи этого для-себя-в-себе-смысла: пусть читатель сам домыслит недосказанное, пусть остается место для свободной и тонкой вибрации единозначительности, объяснение лишило бы поэзию её таинственности»³⁹.

Сильна интеллектуальная струя в поэзии *Николая Теветкея* (р. в 1937 г.), признанного мастера чувашского сонета. Немалый вклад в обновление лексики и стилистики национального поэтического слова внес *Василий Эндип* (1937—2017). В коротких двустишиях и катренах (*тӑкел йӑрке* «парные строки») поэту удается излагать свою мысль максимально сжато, приближая её к афоризму. В развитие жанра интеллектуальной поэмы свою лепту

внёс *Николай Ижмендей* (р. в 1953 г.): «Кăмака йсти» (Славный мастер-печкоклад, 1993); «Тунти сѹти» (Свет «тунти», 1994; по авторскому определению — *поэма-шырав* «поэма-поиск»); «Суралман ача сасси» (Голос нерожденного ребенка, 1993) и др. Постижению тайны родного слова, его истории, корней много внимания уделяет *Станислав Садур* (р. в 1959 г.).

Проза и поэзия *Марины Карягиной* (р. в 1969 г.) часто сочетает в себе противоположные качества. С одной стороны, мир чувств и эмоций, поток сознания, и произведение воспринимается сердцем. С другой — сильная интеллектуальная атмосфера, глубокомыслящие герои в прозаических произведениях, что требует сосредоточенного прочтения («Тухатнă сѹр» (Заколдованная ночь, 1987), «Кѹтни» (Ожидание, 1991), «Унăн чунѹ шăши пулса килни» (Явление его души в виде мышонка, 1991), «Хура тумлă арсын» (Мужчина в чѹрном, 2003) и др. В творчестве поэта (впервые в нашей поэзии) появляется жанр палиндрома — стихотворения и даже поэмы. Ею же был основан новый жанр в поэзии — тексты, читаемые в обе стороны (в «обратном» чтении получается другое стихотворение). Этот жанр был впервые продемонстрирован на Международном фестивале «Всемирный день поэзии — 2017» в Москве⁴⁰. М. Карягина выступает и как драматург: вышла из печати и успешно сыграна на сцене трагедия «Кѹмѹл тумлă сар» (Серебряное войско).

К интеллектуальной литературе можно отнести повесть Л. Таллерова «Перентей вѹрманѹнче усăлса сѹрени» (Прогулки по Берендеевскому лесу, 2002—2005), герои которой «путешествуют» в пространстве чувашской (и мировой) культуры, литературы, истории.

Таким образом, авторы, чѹ творчество правомерно рассматривать как авангардистское, вносят весомый вклад в обновление чувашской литературы как целостного явления.

2.3. Чувашская «профессорская литература»: миф или реальность?

«*Профессорская литература*» как общемировое явление. Художественному творчеству отдают дань профессора многих стран мира. Как правило, это филологи и философы⁴¹. Нельзя сказать, что данное явление во всех случаях представляет яркую страницу, тем не менее понятие «профессорская литература» существует в российском литературоведении. Термин впервые появился в работах доктора филологических наук, литературоведа и культуролога В.А. Лукова при анализе зарубежной литературы. «Большинство художественных произведений постмодернистов, — пишет он, — можно отнести к так называемой “профессорской литературе” — своеобразному явлению литературной жизни Запада. Так как писательский гонорар нестабилен, многие литераторы создают свои произведения на досуге, работая, как правило, преподавателями в вузах или занимаясь научной деятельностью (обычно в области филологии, философии, психологии, истории).

Такова судьба Мёрдок и Мерля, Голдинга и Толкиена, Эко и Акройда, многих других знаменитых писателей. Преподавательская профессия накладывает неизгладимый отпечаток на их творчество, в их произведениях обнаруживается широкая эрудиция, знание схем литературных произведений. Они постоянно прибегают к открытому и скрытому цитированию классиков, демонстрируют лингвистическую эрудицию, наполняют произведения реминисценциями, рассчитанными на столь же образованных читателей. Огромный массив литературоведческих, культурологических знаний отгеснил в «профессорской литературе» непосредственное восприятие окружающей жизни. Даже фантазия приобрела литературоведческое звучание, что ярче всего проявилось у создателя фэнтези Толкиена, а затем и у его последователей⁴². Профессор В.А. Луков объединил и охарактеризовал в рамках обозначенного термина литературное творчество всемирно известных писателей-учёных разных стран. Термин «профессорская литература» применяет и доктор филологических наук, специалист по зарубежной литературе В.А. Пронин⁴³.

Альтернативными, но не синонимичными являются понятия «университетская проза», «университетский роман»⁴⁴. В англоязычном (британском и американском) литературоведении существует понятие «роман кампуса (campus novel)», или «академический роман (academic novel)»: «это роман, чьё основное действие разворачивается внутри и вокруг кампуса (университета)»⁴⁵. Реже используется выражение «научный (учебный) роман»⁴⁶.

В региональном литературоведении на такую разновидность произведений практически не обращали внимания⁴⁷. Понятие «университетская проза / роман» не совсем точно отражает ситуацию в нашей стране и республике: во-первых, «университетская проза» тематически охватывает только то, что связано с университетом, студентами и преподавателями; во-вторых, на Западе «университет» — это обособленная местность (городок) со своими сложившимися традициями; в-третьих, тематика произведений вышеназванных авторов охватывает все сферы жизни, и наконец, в-четвертых, понятие «профессорская литература» можно трактовать шире, включив в него творчество не только университетских преподавателей, но и научных работников.

Различия в определениях одного и того же явления вызваны разными причинами, в первую очередь менталитетом. Во всей английской литературе, на наш взгляд, интеллектуальное начало имеет стержневое значение, и нет необходимости как-то выделять творчество деятелей науки⁴⁸. Очевидно, последнее — явление, весьма характерное именно для Англии. К тому же оно не определилось как цельное, отличное от других течение.

В немецкой литературе существует понятие «профессорский роман» (Professorenroman). Подразумевается литературное произведение учёного-историка, а также «особая разновидность художественно-исторической прозы, впитавшей научный подход к истории». Жанр появился ещё во второй половине XIX в., в период бурного развития культурно-исторического

направления в немецкой историографии⁴⁹. В то самое время в Англии профессором математики Оксфордского университета, философом, диаконом и фотографом *Льюисом Кэрроллом* (1832—1898) было написано знаменитое произведение «Алиса в стране чудес» (1864). В XX в. в Англии уже появляется немало авторов. Во второй половине XX в. всемирную известность приобретает «Властелин колец» (1954—1955) — трехчастная фантастическая эпопея английского филолога, писателя *Джона Толкиена*⁵⁰ (1892—1973), послужившая прообразом жанра фэнтези в мировой литературе. У англичан в конце XX в. эта книга была во главе списка самых важных литературных произведений столетия⁵¹. На основе модели волшебной сказки Толкиеном создан особый виртуальный (мнимый, воображаемый) мир со своими законами⁵².

Всемирную известность получило творчество *Умберто Эко* (1932—2016), итальянского учёного-медиевиста, философа, семиотика, специалиста по массовой культуре, литературного критика. *Милорад Павич* (1929—2009), доктор философии, переводчик и историк сербской литературы XVII—XIX вв., исследователь сербского барокко и поэзии символизма, югославский и сербский поэт, прозаик, постмодернист, прославился своим романом «Хазарский словарь» (1984) и др.

Во Франции в определённый период «учёные» писатели оказались в центре всего литературного процесса. «В 1981 г. (1980-й — год смерти Сартра и Барта, знаковых фигур французской литературы второй половины века) журнал «Лир» (*Lire* читать) опубликовал список наиболее влиятельных, по-мнению редакции, современных писателей Франции. На первом месте оказался этнолог К. Леви-Стросс, за ним следовали философы Р. Арон, М. Фуко, теоретик психоанализа Ж. Лакан. Только пятое место было отдано “собственно” писателю — С. де Бовуар. М. Турнье занял восьмое место, С. Беккет — двенадцатое, Л. Арагон — пятнадцатое»⁵³. Статус самого популярного в мире немецкого писателя принадлежит Бернхарду Шлинку (р. в 1944 г.), автору серии детективных произведений и романа «Чтец» (1995), профессора права. Во всём мире увлечённо читают роман молодёжь и взрослые.

В пространстве бывшего Советского Союза о таком виде творчества как особом явлении говорят в Казахстане. Профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая М. Уюкбаева в контексте «профессорской литературы» анализирует творчество казахских писателей-учёных Берика Жылкибаева, Аслана Жаксылыкова⁵⁴.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнём, что термин «профессорская литература» используется прежде всего в российском литературоведении, но применительно к зарубежной литературе. Следует добавить, что правомерно употребить термин «профессорская проза», так как в большинстве случаев речь идёт об авторах-прозаиках. Проза А. Мёрдок, Дж. Р.Р. Толкина, У. Голдинга, Дж. Фаулза исследователями расценивается как одно из самых ярких явлений в английской литературе⁵⁵. В российской «учёной» поэзии и «профессорской» прозе пока открытий

мировой величины не наблюдается и термин употребляется очень редко⁵⁶. Чаще используются термины «филологическая проза / роман», «филологическая поэзия / стих»⁵⁷.

Таким образом, во всём мире в литературе существует пласт, отличающийся даже при поверхностном рассмотрении, по крайней мере, двумя признаками: авторами произведений являются учёные, в текстах определяющим является интеллектуальное начало. Так называемая «профессорская литература» есть реально существующее явление, которое заслуживает пристального внимания и требует специального анализа. Данный термин, с нашей точки зрения, является также достаточно продуктивным, способным объединить в своем содержании творчество всех писателей-учёных (не только филологов и не только тех, кто работает в университетах).

Чувашская «профессорская литература». О «профессорской литературе» применительно к чувашам можно говорить как тенденции, которая стала прослеживаться в конце XX в. Важно оговориться, что произведения чувашской «профессорской литературы» (в отличие от западной линии, которая развивается в постмодернистском ключе) относятся большей частью к традиционной литературе, т.е. находятся за пределами понятия «интеллектуальная литература». (Но их творчество мы здесь кратко также проанализируем, так как нет отдельных работ на данную тему.) В то же время есть основания, позволяющие выявить в творческих мирах всех учёных-писателей интеллектуальное начало как некую константу. Где-то такая константа представляет собой сухую (голую) формулу, некий набор фактических знаний — и произведение получается искусственным. В основном формульность всё-таки преодолевается, и чувашские профессора своими художественными произведениями вносят определённый вклад в литературу. Особняком стоит творчество Г. Фёдорова. Это образец интеллектуальной литературы во всех смыслах этого слова.

Любой анализ требует в первую очередь определения границ распространения явления. Такая «инвентаризация», или формальный подход, необходима, чтобы приблизиться к пониманию явления. С данной точки зрения к «профессорской литературе» мы считаем возможным отнести творчество всех писателей и поэтов, чья профессиональная деятельность связана с наукой и преподаванием. В таком случае речь, конечно же, идёт не о течении или направлении. Этот пласт («горизонталь», по выражению Ю.М. Артемьева) необходимо рассматривать, так как, при разнообразии стилей, содержания и формы, в творчестве этих авторов есть объединяющее начало. Это прежде всего подчинённость логике, отсутствие излишеств, что объясняется чувством языка, так называемой филологической интуицией, знанием законов построения произведения и т.д. Поэты-филологи вольно или невольно демонстрируют хорошее знание законов стихосложения.

«Горизонтальный» список весьма внушителен. Это произведения следующих авторов: доктор философских наук, профессор Н.А. Исмуков (р. в 1941 г.); доктор филологических наук, профессор Ю.М. Артемьев

(Эрдей Киурё, р. в 1941 г.); доктор филологических наук, профессор Г.И. Фёдоров (1942—2015); доктор философских наук, профессор М.П. Желтов (М. Сунтал, Сарри М., р. в 1945 г.); доктор филологических наук, профессор В.Г. Родионов (С. Эрдиван, р. в 1947 г.); доктор филологических наук, профессор Н.И. Егоров (р. в 1949 г.); доктор филологических наук, профессор П.Н. Метин (П. Метте, 1949—2011); доктор филологических наук, профессор А.Ф. Мышкина (р. в 1972 г.), фольклорист, текстолог Г.Ф. Трофимов (Юмарт, р. в 1938 г.); кандидат филологических наук, доцент П.Я. Яковлев (П. Яккусен, р. в 1950 г.) и др. Творчество большинства из них воспринимается как профессиональное (заслуженно высокую оценку получила поэзия Н. Исмуква и П. Яккусена⁵⁸), а некоторые и сами не относят себя к писателям. Многие переводят (в основном с чувашского и русского), есть переводчики с французского и с турецкого. Доктор филологических наук, профессор Г.А. Ермакова (р. в 1943 г.) является автором и прозаических, и поэтических текстов, пишет и на русском, и на чувашском языках.

Первые публикации *Николая Исмуква* появились в начале 1960-х гг., а первая книга издана гораздо позже, что свидетельствует о большой требовательности автора к собственному творчеству. В поэзии зрелого Н. Исмуква сочетаются традиции классической философии и многовековой культурный опыт народа. В ней содержится немало размышлений о времени и о себе, рассуждений на абстрактные темы, встречается множество имен — философов, поэтов⁵⁹. Он интересуется проблемами национальной философии и по роду своей деятельности — как учёный. Н. Исмуква — автор монографий «Диалектика национального и интернационального в духовной культуре» (М., 1985); «Современность и проблема целостности национальных культур» (Чебоксары, 1994); «Национальное измерение культуры (философско-методологический аспект)» (М., 2001) и ряда статей⁶⁰. У него около 20 поэтических книг, в том числе роман в стихах «Ахърсамана» (Светопреставление, 1991). Особой выразительности достиг в форме четверостишия. Это жанр, в котором гармонично сочетаются квинтэссенции достижений поэзии и философии: циклы «Сăваç чунне сеш манран пăчăртаса ан кăлар» (Только душу поэта у меня не отнимай, 1992), «Хур тĕкĕпе сырнă сăввăмсем» (Стихи, написанные пером; 1998), сборник «Тăват йĕркен» (Четверостишия, 1997) и др. Четверостишие как жанр, более всего форма рубаи, в 1990-е гг. приобретает немалую популярность. «Сама восточная форма поэтического творчества требует философского подхода к жизни. Я бы отнёс их (четверостишия. — *В.Н.*) к так называемой экзистенциальной поэзии. А в остальном свою поэзию, как и мои коллеги по перу, я считаю лирической. <...> Мировая поэзия в своём историческом развитии всё более и более тяготеет к философии. Не могу сказать определенно что-либо о чувашской прозе, но поэзия наша парит на высоте европейского полёта», — заявил в одном из своих интервью Н. Исмуква⁶¹. В экзистенциальной литературе на первый план выдвигаются вопросы бытия и сущности человека. Экзистенциальные мотивы в

целом принадлежат к области модернистской поэзии, поэтому при анализе некоторых произведений поэта следует учитывать данный контекст.

Однозначно можно утверждать, что занятие философией как наукой оказало влияние на тематику произведений поэта: его лирика — это размышления о смысле жизни, о роли поэта и поэзии в обществе, о взаимоотношении поэзии и власти, об историческом пути и современном положении чувашского народа, чувашском менталитете (устройстве мироздания, мировоззрении чуваша) и т.д. В 2008 г. Н. Исмуков был удостоен звания народного поэта Чувашской Республики.

Прозаика, поэта, публициста, учёного *Михаила Сунтала* в любой сфере его деятельности занимают «чувашские» вопросы, и он ищет на них ответы. Начал писать с 80-х гг. XX в., выпустил книги «Алтър сәлтәр шерпечё» (Шербет из Звездного Ковша, 1990), «Асамлә алгоритм» (Волшебный алгоритм, 1994), «Аса сәпнә чун» (Пораженный громом, 1997), «Хёвел сүтипе килетёп» (Прихожу с рассветом, 2001), «Мәнту вәртгәнләхё» (Тайна Великой горы, 2011). В качестве адресата фантастических повестей и рассказов им указан «средний школьный возраст». Тем не менее они представляют интерес и для читателя постарше. Научно-техническая мысль органично проникает в пространство художественного текста.

В книге прозы «Аса сәпнә чун» М. Сунтал размышляет о загадочной чувашской душе, национальном характере, ценностях национальных и общечеловеческих. В философских сказках, в частности, автор обращается к сюжетам из истории чувашей, размышляет о судьбе народа. Чаще всего Сунтал раскрывает смысл известных пословиц и поговорок, интерпретирует значение того или иного явления, характерного для чувашей [«Чăваш пётсен тёнче пётет» (Если чуваша не будет, то и мира не будет) и др.].

М. Сунтал — автор научных изданий: «Сущностные отношения “человек—земля”» (Чебоксары, 2006), «Проблема этничности» (Чебоксары, 2011), «Картина мира как основа этногенеза» (2012) и др. Один из немногих, кто философию как науку исследует на родном языке. Из-под его пера вышли учебные издания «Пурнăс философийё» (Философия жизни, 2008), «Чăваш халăх философийё» (Философия чувашского народа: конспект лекций, 2010). В фонде Национальной библиотеки ЧР имеется более десяти электронных изданий, подготовленных Сунталом, — это сборники стихотворений и рассказов: «Малтанхи сăвăсем» (Из ранней лирики, 2009); «Кун хыççан кун» (День за днём, 2010); «Икё тёнче хушшинче» (Меж двух миров, 2012) и др. Является автором слов нескольких известных песен («Ан кай, кайăк!» — Не улетай, птица! 1998; «Юр пёрчи» — Снежинка, 1990-е и др.)⁶².

Доктор филологических наук, профессор *Николай Егоров* известен больше как лингвист, фольклорист и публицист. В публицистических статьях затрагиваются актуальные проблемы истории и культуры чувашей. В народе популярны песни на стихи Н. Егорова, написанные совместно с композитором и исполнителем В. Адюковым⁶³. Тексты песен Н. Егорова во многом близки к народной песне: в них утверждаются традиционные человеческие ценности (дом, семья, любовь к родине, ценность самой жизни:

«Гудбай, Америка!», «Каҫ та пулса кайрӗ...» (Уж вечер настал...) и др. Немаловажную роль в творчестве играет авторская ирония, шутливая, игровая интонация («Алтӑр-сӑлтӑр» — Созвездие Большой Медведицы, «Кумкуммая» и др.). В текстах много реминисценций, благодаря которым «пекреличка» происходит с мотивами, сюжетами традиционной чувашской народной песни, их язык понятен и современной молодёжной аудитории, поэтому немало стихов становились лидерами в хит-парадах современной популярной песни. Учёный, хорошо знающий и чувствующий народное творчество, интуитивно нащупывает такие устойчивые структуры или формулы родного языка, которые находят отклик в душе каждого чуваша; в его текстах есть настоящее чувство и нет пустых слов. Сценический успех этих произведений во многом обеспечен талантом автора музыки к текстам и исполнителя В. Адюкова, творчество которого есть некоторые основания рассматривать как разновидность фолк-музыки (англ. folk music «народная музыка»), жанра популярной музыки, соединившего традиционный музыкальный фольклор и современную музыку⁶⁴.

К «профессорской литературе» в широком понимании термина следует отнести и поэзию *Петра Яккусена*. Это счастливый (идеальный) вариант соединения природного таланта и филологической интуиции. Первые стихи языковеда опубликованы в 1967 г. Изданы поэтические сборники: «Тӑм тӑвайкки вӑййисем» (Игры на проталинах, 1985), «Уй варринче» (Среди долин, 1987), «Юман чӗлхи» (Язык дуба, 1990), «Савра кӗлӗ» (Круглое озеро, 1993), «Кӗмӗл кимӗ» (Серебряная лодка, 2010), «Шурӑ пӗлӗтсем» (Белые облака, 2012), а также книга рассказов для детей «Кумалӑк» (1984, 2006) и прозаическая повесть-сказка «Эснереш» (2007). Природа, детство, отчий дом — ведущие мотивы его поэзии. В качестве сотрудника Института перевода Библии (М., 2000—2007) П. Яковлевым изданы переводы «Четвероевангелия» (Ырӑ Хыпар, 2001), Библии для детей (Ача-пӑча Библийӗ, 2006) и полного текста Нового Завета (Сӗнӗ Халал, 2009). П. Яковлев — исследователь чувашской фонетики. Им опубликованы ряд статей и учебное пособие «Чӑваш фонетики» (Чувашская фонетика, 1995). У П. Яккусена знание (научный опыт, который из сознания или подсознания никуда не может исчезнуть) полностью проверяется чувствами. Или знание и чувства находятся в гармонии настолько, что почти не выходят за сферы влияния друг друга. Окружающую действительность поэт пропускает через сердце, поэтому у него нет публицистической поэзии. Применительно к нему и его творчеству напрашиваются такие определения, как «чистая поэзия», «рыцарь без страха и упрека». Следует заметить, что, несмотря на музыкальность поэтических текстов данного автора (как и выдающегося П. Хузангая), на его стихи сложено мало песен⁶⁵. Одной из возможных причин этого, на наш взгляд, можно назвать отсутствие близкого по духу и равнозначного по таланту композитора.

Таким образом, к концу XX в. в чувашской литературе складывается особый тип художественного мышления, который не может обойти знание, даже поэзия. Сознательно или бессознательно знание влияет на ха-

рактик создаваемого произведения. Большинство авторов имеет филологическое образование. Известный российский литературовед В. Новиков отметил, что «филологическому» стиху, в частности, недоступны две эстетические крайности — виртуозный артистизм и речевая естественность⁶⁶. Но важно то, чтобы личность с учёной степенью была способна адекватно оценить собственное литературное творение. Столь же важным показателем является и восприятие читателем их творчества. П. Яккусена, М. Сунтала, Н. Исмукова читатели принимают в первую очередь как поэтов и писателей. Обобщив, подчеркнем, что основой, определяющей степень художественности произведения, является природный дар. В случае его отсутствия рождается нежизнеспособное, «искусственное» произведение. При наличии таланта знание способствует во многих случаях рождению интеллектуальной литературы. Другой важный момент: при оценке любой литературы мы осознанно или неосознанно сравниваем её с традиционной классической литературой, что выдержала проверку временем. Объективная оценка любого явления предполагает определённую временную дистанцию. Мы не можем сказать, что «профессорская литература» неполноценна только потому, что она часто нарушает сложившиеся каноны. Пока мы можем только предполагать, какие произведения имеют право на будущее. Без сомнения, что в истории литературы останутся те тексты, которые одновременно выразили индивидуально-авторское и то, что волнует многих.

Очевидно, что только профессиональная принадлежность не является достаточным основанием при определении обозначенного явления. В связи с этим возникает необходимость в выявлении других черт, чтобы точнее охарактеризовать суть такого вида литературы. Общие черты чувашской интеллектуальной, как и любой другой литературы, определяются национальными особенностями. И Г. Фёдоров, и другие чувашские авторы не демонстрируют свой научный багаж и опыт, не «подавляют» ими читателя, не настаивают на единственной верности своей позиции, навязывая те или иные идеи: у них всё более органично и более чувственно. Тем не менее ощущаешь «высоту», и хочется подтянуться. Заметим, что наши писатели, в том числе и профессора, пишут не из-за гонораров, как нередко происходит на Западе.

В других национальных литературах также немало учёных-поэтов. Лирика удмурта В. Ванюшева, в частности, в поэзии второй половины XX в. занимает особое место. Отмечают, что его «творческие поиски проходят в русле интеллектуальной поэзии»⁶⁷. Иными словами, научная деятельность всё же накладывает отпечаток на литературное творчество В. Ванюшева. И кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета, известный учёный, популяризатор удмуртского этнофутуризма В. Шибанов заявляет о себе как поэт. Хорошо известен своим поэтическим творчеством удмуртский этнограф, доктор исторических наук В. Владыкин. Он предпочитает форму стихотворения-метафоры, использует и рифмованный, и белый, и свободный стих.

Сопоставив, мы увидели, что к практике обращается немало чувашских теоретиков искусства. Один из них — доктор искусствоведения, про-

фессор А.А. Трофимов (р. в 1935 г.). Он является автором не только научных трудов, но и книги рассказов для детей «Сырулла кёпе» (Волшебные узоры, 1981), где в увлекательной форме передаются знания о древнечувашиской письменности. Книга входит в школьную программу по чувашской литературе. Есть примеры другого рода. Доктор философских наук В.И. Чекушкин (р. в 1936 г.) исполняет и пропагандирует чувашскую песню далеко за пределами нашей страны⁶⁸. Известен как прозаик доктор медицинских наук, профессор А.Н. Волков (р. в 1931 г.)⁶⁹, в творчестве которого отражаются будни медицинских работников, в частности хирургов.

2.4. Творчество Г. Фёдорова как яркий пример чувашской «профессорской литературы»

В рамках «профессорской литературы» выделяется творчество *Георгия Иосифовича Фёдорова* (1942—2015) — прозаика, поэта, доктора филологических наук. Очень важно, что во всех видах творческой деятельности, в том числе и в научной, известный учёный стремится найти истоки национальной культуры, выразить посредством слова ее своеобразие. По его мнению, у чувашей сохранился стержень культуры. И этот стержень есть внутри каждого ее представителя — важно его «нащупать». А первооснову нужно искать в философии искусства, традиций, музыки, слова... («*ийнӑр*» *идеийи*)⁷⁰.

Произведения литературы (стихотворения и прозу) он начал публиковать в начале 1990-х гг. Среди них были и тексты, написанные в 1960—1970-х гг. У этого автора-филолога высочайшие требования к себе и своему творчеству. Г. Фёдоров предпочитает классические формы: сонет, октаву, рондо. Книга философской лирики, изданная в 2000 г., называется «Рондо». По большому счёту, его лирика выходит за рамки философской. У Г. Фёдорова очень обостренное восприятие Времени. В его творчестве вступают в диалог разные эпохи, разные культуры, разные виды искусства. В выражении лирического настроения немаловажная роль принадлежит образам из мира искусства: музыкальным инструментам (рояль, саксофон, контрабас, пианино); композиторам (Шуберт, Бетховен, Дебюсси, Скрябин, Чайковский); литераторам (Пушкин, Есенин, Шекспир, Блок, Ходасевич); гениям литературы (Иванов, Сеспель, Скворцов). Современность и собственное бытие Фёдоров воспринимает как нахождение на грани⁷¹. Поэтому не удивляет переход на язык прозы в лирических циклах «Эпиграф» (1993), «Абрис» (1995), «Хёсмет» (Служение, 1995) и т.д. В свою очередь, в прозе Г. Фёдорова, а именно в повести-эскизе «Ай мӑнтарӑн хир мулкачи» («У нас колесница одна»; букв. «О бедный полевой заяц», 1992—2015) нередко наблюдается стремление к ритмизации текста. Эти особенности объяснимы поисками новых форм выражения: литературоведу Г. Фёдорову как никому другому ведомы каноны жанров.

Как произведение интеллектуальной литературы рассматриваем его цикл повестей «У нас колесница одна»⁷². Жанр произведения автором определя-

ется как «метафорический эскиз». Данное произведение — осмысление «модели национальной жизни», чувашского менталитета, драматизма XX в. в национальном варианте, исторических его катаклизмов в «чувашском» преломлении (время действия в произведении — новейшая история, период колхозного строительства, репрессий). В данном цикле повестей изображена жизнь чувашского крестьянина — человека, оказавшегося один на один с перипетиями судьбы⁷³. По панорамности охвата действительности и внутреннему потенциалу это произведение тяготеет к роману.

Проза Г. Фёдорова укоренена в традициях национальной культуры, то есть основу ее определяет *национальное*. Основа эта складывается из глубокого знания устного народного творчества, народной философии, литературы, культуры. Большую часть своей жизни начиная с 1960-х гг. Г.И. Фёдоров посвятил изучению чувашской фразеологии: собирал по крупицам богатство родного языка из художественной, научной и политической литературы и общаясь с людьми. На основе накопленного материала и был подготовлен «Толковый словарь фразеологизмов чувашского языка», насчитывающий около 10 тысяч фразеологических оборотов. Многие из этих устойчивых выражений вошли в его повесть.

Творчество писателя вобрало в себя лучшие традиции мировой литературы. Цикл повестей прозаика потенциально соотносим с жанром интеллектуального романа⁷⁴. В нем — одна идея, общие герои, общее историческое и культурное пространство. Менее зримо, но не менее существенно проявлена в данном произведении тема музыки. В тексте Фёдорова важнейшую роль играет принцип интертекстуальности. Название произведения вызывает ассоциацию со стихотворением Гр. Филиппова «Жизнь бедняка что жизнь зайца в поле» («Чухан сын пуранясе — хирти мулкач пуранясе», 1880—1890), «Мулкач юрри» (Песня зайца)... Образ зайца в чувашской литературе (и в сознании чувашей) присутствует как традиция или как общее место. К нему обращались в разные периоды её развития М. Трубина, А. Емельянов, Н. Ижендей, И. Шермет. Фёдорова интересует прежде всего тип личности, находящейся в состоянии «межсостоянья» (Павел Ясак). Для него это состоянье — всегда трагедия. По всей видимости, образно и адекватно оно отражается в образе *хир мулкачи*. В постмодернистском тексте в целом и в произведении Г. Фёдорова в частности много реминисценций или готовых формул, общих мест — того, что известно многим. По большому счёту, задача и способ мышления и Г. Фёдорова и многих его современников зависят от эпохи — хаотичного XX в., его исторической данности. Этим объясняется и хаотизм повествования, и хаотизм жизни, который приходится преодолевать и героям, и автору, и читателю. Круг — реприза — соната — символы-образы — притчи являются следствием преодоления такой данности.

Особенности «профессорской литературы» также обусловлены национальными чертами. К примеру, итальянцы — общительные, открытые люди с чувством юмора, и в текстах У. Эко герой-рассказчик легко вступает в диалог с читателем. Чувашки же — народ сдержанный, скром-

ный, не обнаруживающий своих чувств и эмоций. Его характер очень точно запечатлён предшественником Г. Фёдорова, его любимым писателем Ю. Скворцовым⁷⁵. В «метафорическом эскизе» выстраивается стержневая линия близких по духу художников: И. Тхти — Хв. Уяр — Ю. Скворцов — Г. Фёдоров. Личность Фёдорова — классический тип чуваша. Поэтому потенциал произведения Фёдорова сразу не бросается в глаза. Если при чтении того же У. Эко наслаждаешься легкостью юмористического стиля, способностью сочетать высокое и низкое; при чтении Фёдорова удивляешься насыщенности, концентрированности стиля, глубине проникновения в национальное мышление. В тексте Фёдорова есть юмор и ирония, но насмешка у него более тонкая, завуалированная. Ирония Фёдорова скрыта в содержании, глубине произведения. (Для сравнения: новое поколение — В. Степанов, Ю. Терентьев — более открыто: ирония у них заметна и на уровне формы). Автор не эстетствует, а мыслит: в тексте полно устойчивых оборотов речи, пословиц, поговорок. Практически непере译имый текст. Он не «использовал» знания, а переработал их, пропустив через собственную призму восприятия опыт предшественников, таким образом создал *художественное произведение нового типа*, с которым необходимо познакомиться каждому мыслящему человеку. Это при том, что Г. Фёдоров теоретик (неспроста возникла идея о «теоретической прозе» чувашского языка, а «внутренний редактор» его очень требователен). Прозаик Г. Фёдоров практически «свободен», насколько возможно, от груза знаний литературоведа. Уже начиная с первой повести, в которой развивается мысль о быстротечности времени и содержатся размышления о смысле человеческой жизни, не чувствуется напряжения в изложении, попытки «подстроиться» под замысел, под понимание того, какой схеме должно быть подчинено литературное произведение. От повести к повести это ощущение свободы, размаха растёт. Но, конечно же, личность автора — как языковеда, как литературоведа — не исчезает никуда, его позиция не может не проявляться. От этого текст не проигрывает: интеллектуальная литература как раз рождается на стыке разных областей знания.

В конечном итоге «обыкновенного» читателя привлекает то, что близко к поверхности: интересный сюжет и оригинальный язык. Этим заслужили любовь читательской публики, к примеру, и роман чувашского писателя Н. Мранька «Ёмёр сакки сарлака» (Жизнь прожить не поле перейти, 1959—1980, в 5 томах), и романы английской писательницы Д. Роулинг о Гарри Поттере (1997—2007, в 7 книгах). И в том, и в другом случае выстраивались очереди, чтобы получить книгу в библиотеке или купить её. Разница лишь во времени (и, соответственно, в культурном контексте). Н. Мранька начал печататься, когда не только компьютер, но и телевизор ещё не стал «членом семьи», книги заменяли все виды культурной продукции. В его книге отразилась жизнь чувашей за довольно длительный дореволюционный период: психология народа, быт и нравы. «Новое время — новые песни»... Это касается и литературы. Современная литература не обязательно отражает существующую реальность. И совре-

менного читателя трудно удивить. В «Гарри Поттере» отражена вымышленная реальность, тем не менее он получил всемирную известность.

В идеале современный писатель должен учитывать потребности любого читателя: и «обыкновенного», и взыскательного. Этого добились, в частности, Д. Толкиен, А. Мёрдок, У. Эко. Произведение Г. Фёдорова, кажущееся сложным для восприятия первоначально, откроется читателю вдумчивому, серьёзному, настроенному на сотворчество. Такой читатель осознает, что проза Г. Фёдорова — это тот случай, когда испытываешь «удовольствие от текста»⁷⁶. Данное же обстоятельство доказывает, что талант писателю дарован природой. Ведь, зная, как писать, чтобы «угодить» всем, он писал по своему, подчиняясь только внутренней логике развития произведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой опыт оставляет след в душе человека, а литература (искусство) отражает дух эпохи. В век Интернета попытки писать гекзамером не воспринимаются никем. В рождении произведения искусства не последнюю роль играет уникальное соединение разного опыта. Знание здесь также играет важную роль. Личность, обладающая глубокими познаниями, не сделает тех или иных ошибок. В XX в. изменилось знание, культура в целом, после «трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце 19 в.» (Ж.-Ф. Лиотар, «Состояние постмодерна», 1979).

Современная художественная литература разнообразна по содержанию и форме. Интернет не смог заменить литературу, реальную книжную продукцию, как остерегались многие. У чувашской литературы читатель сохранился, особенно в сельской местности⁷⁷. Более того, возросла роль читателя в обществе, вырос его уровень. Литература всё больше пытается осознать и учитывать интересы читателя, возможности выбора которого выросли. Пишущей братии достаточно много, и явно низкопробная литература вряд ли найдёт себе читателя. С другой стороны, и авторы-любители стали строже относиться к своему творчеству. В профессиональной же среде практически определился круг авторов, которые осознают литературу как призвание. Отсутствие гонораров не сломило их желания писать.

Из наблюдений над отдельными жанрами можно сделать вывод, что возрождается интерес к роману и у писателей, и у читателей. Жанр приобретает другие качества. Появляются новые формы: интеллектуальный (постмодернистский роман, метафорический эскиз) роман («Эфемероптерова ночь, или ФАУст-2» В. Степанова, «У нас колесница одна» Г. Фёдорова); этнофэнтези («Господа Пигамбара пёс» В. Степанова); социально-политический роман («Над медвежьим оврагом» Ю. Сана); развивается исторический роман. Во втором десятилетии нового века возрождается интерес писателей к далёкому прошлому чувашского народа: авторы в ином контексте (в контексте всемирной истории, контексте вечности) размышляют о значимос-

ти каждого народа: роман-легенда Н. Максимова «Шурă акăш сұлĕ» (Путь белого лебедя, 2010, отдельной книгой вышел в 2016 г.), роман-этнофэнтези «Сабля Тенгри» В. Степанова (2015). В романе-трилогии Н. Сорокина «Вечная Волга» (2006, 2013) осмысливается судьба чувашской деревни в контексте истории страны за столетний период⁷⁸.

В конце XX в. о себе даёт знать и так называемая «интеллектуальная» литература. Это естественный этап в литературном развитии, который нельзя рассматривать как явление прогрессивное или кризисное в литературном процессе. Интеллектуальная тенденция просто неизбежна в век компьютерных технологий. Интеллектуальная литература прочно заняла свое место в современной литературе и уже вряд ли уйдёт со сцены. Хотя она возникает как знак определённого периода исторического развития, но ее особенности связаны с типом национального мышления.

В рамках чувашской интеллектуальной литературы выявляются две линии: литературный авангард и «профессорская литература». Художественные поиски авторов, отличающиеся новизной эстетики, позволяют оценить их творчество как авангардистское. Авторы, которых мы относим к «профессорской литературе», обладают некими знаниями, присутствие которых влияет на создание ими литературных текстов. Это также весьма распространённое явление в пространстве литературы народов СНГ. В «Антологии поэзии народов России», изданной в 2017 г., представлено немало деятелей, сочетающих научную деятельность с литературной практикой. Это Магомедзапир Абдуллаев (р. в 1968 г.) — даргинский поэт-песенник, композитор, кандидат исторических наук; Адо Улуру (Курилов Гаврил Николаевич, р. в 1938 г.) — юкагирский поэт, прозаик, доктор филологических наук; Любовь Арбачакова (р. в 1963 г.) — шорская поэтесса, прозаик, художник, кандидат филологических наук; Варвара Аркук (Беллолюбская, р. в 1948 г.) — эвенская поэтесса, кандидат филологических наук; Равиль Бикбаев (р. в 1938 г.) — башкирский поэт, доктор филологических наук; Василий Ванюшев (род. в 1936 г.) — удмуртский поэт, публицист, доктор филологических наук; Александр Варламов — эвенкийский поэт, фольклорист, доктор филологических наук; Светлана Динисламова (Садомина, р. в 1960 г.) — мансийская поэтесса, прозаик, кандидат филологических наук; Аза Евлоева (р. в 1965 г.) — ингушская поэтесса, кандидат филологических наук; Алёна Ельцова (р. в 1979 г.) — коми поэт, кандидат филологических наук; Нина Зайцева (р. в 1946 г.) — вепская поэтесса, переводчица, доктор филологических наук; Даши-Дондоп Очиров (р. в 1948 г.) — бурятский поэт, доктор философских наук и др.⁷⁹ Возможно, их имена в общероссийском литературном пространстве подчас мало кому известны, но в своих национальных литературах эти авторы занимают места в ряду наиболее выдающихся.

«Что делает произведение художественным, что превращает его в творение искусства?» — этот вопрос в отечественной науке начал глубоко изучаться ещё в 1920-е гг. Л.С. Выготским⁸⁰. И сегодня не можем сказать, что на него ответ найден. Меняется время, меняются критерии оценки

литературы. Но в любой национальной литературе есть произведения, которые выдержали испытание временем и продолжают волновать всё новых и новых читателей. Есть надежда, что часть литературных произведений с проявляющейся в них интеллектуальной тенденцией останется в истории и чувашской литературы.

Литература и примечания

¹ Правила жизни Умберто Эко. URL: <https://esquire.ru/wil/umberto-eco> (дата обращения: 11.05.2017).

² Авторы данных произведений принадлежат к этнографической группе *анатри* (низовые чувашки). Характерной чертой фольклора данной группы является многосложность и многословие. В частности, в песенном фольклоре многослоговые песни «занимают видное место как по их общему количеству, так и по распространённости их мелодий и текстов» (см.: *Кондратьев М.* Предисловие // Песни низовых чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. С. 6). Одна и та же песня у верховых может выражаться в семисложных строках, а у низовых с вводными словами получается длиннее. Касается это и других жанров.

³ *Чиндыков Б.* Болезнь орнаментализма // Лекция в лагере общественной организации «Хавал» летом 2012 г. URL: <http://www.irekle.org/articles/i13.html> (дата обращения: 18.10.2017).

⁴ Выражение Б. Чиндыкова, высказанное в следующем контексте: «У театра, по-моему, сегодня больше возможностей, чем у литературы. Во всем мире это так, потому что в театре есть живая игра, можно проводить эксперименты, чтобы искать путь к зрителям. У него больше связей с масс-культурой, сейчас легче привлечь человека театром, чем книжкой. Но чувашскому театру все это чуждо, он уже давно идет ложным путем. Да и не только театр, вся чувашская культура, как массовая, так и профессиональная. Мы давно заболели болезнью, которую можно назвать орнаментализмом. Вы, наверное, часто видите девушек в чувашских костюмах на официальных встречах, на фотографиях с государственного сайта сар.рф. Но за этими костюмами в душе ничего нет, обычно их надевают только для того, чтобы спрятать пустоту. Было бы намного лучше, если бы чувашки ходили в американской одежде, в шортах, в рубашках, но говорили бы при этом по-чувашски. Эта болезнь орнаментализма... не знаю, как от нее излечиться» (Там же).

⁵ «XXI ёмёрти вулакан чылай улшанчĕ. Вăл халĕ сăмăл вуланакан кĕнеке ыйтать: юрату романĕсем, детективсем... Вăл шухăшласа пуçа сĕмĕресшĕн мар. Вулакан ыйтăвĕсене кунсерен тивĕстерсе тăнăран (библиотекара ёслетĕп) эпĕ те вĕсем хыççăн каятăп пулас: сăнарсене тарăннăн усса парас вырăнне юрату “виç кĕтеслехĕсемпе” аппаланас вĕсен кăмăлне тивĕстеретĕп» (*Муравьев В.* Вулакан кăмăлĕ — сыравçă тивĕçĕ // Тăван Атăл. 2011. 2 №. С. 1).

⁶ URL: <http://www.litdic.ru/sovremennaya-literatura/> (дата обращения: 13.11.2017).

⁷ Русская проза рубежа XX—XXI веков: учеб. пособие / под ред. Т.М. Колядич. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 4.

⁸ Современный литературный процесс: учеб. пособие для вузов / сост. Т.А. Тернова. Воронеж, 2007. С. 3.

⁹ *Бондаренко М.* Текущий литературный процесс как объект литературоведения (статья первая) // Новое литературное обозрение. 2003. № 4 (62). С. 65. Специальный выпуск: Современная поэзия — вызов гуманитарной мысли.

¹⁰ Г. Фёдоров: «Б. Чиндыков, А. Тарасов, эпĕ вĕсемпе жанр уйрăмлăхĕсем сĕнчен сăмах пуçарсан, сăпла каласçĕ: жанр “хĕсĕнерех” пынă пек, вăрăм япала сырăнмасть, калас сăмах кĕсен хывăнать, сăнлăх-сăнар герой чунĕпе тачăрах сыханать. Лайăх-и ку? Лайăх. Паянхи литература уйрăмлăхĕ сăпла» (Паянхи прозăри калавпа повесть: сăвра сĕтел // Тăван Атăл. 1993. 2 №. С. 69).

¹¹ *Кузнецова Т.Л.* Малые формы коми прозы конца XX — начала XXI века: особенности художественного развития. Сыктывкар, 2014. 40 с. С. 3. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; вып. 518).

¹² История чувашской литературы XX века. Ч. 2: 1956—2000 годы: коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 413.

¹³ *Кудрявцева Р.А.* Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2009. С. 8.

¹⁴ Что позволяет некоторым исследователям определять такую литературу, в частности прозу, как интеллектуально-философскую (*Луков В.А.* История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. М.: Академия, 2003. С. 434).

¹⁵ В 1929 г. писателю была присуждена Нобелевская премия по литературе «прежде всего за великий роман “Будденброки”, который стал классикой современной литературы и популярность которого неуклонно растет». В своей приветственной речи член Шведской академии Фредерик Бок сказал, что «Томас Манн стал первым немецким романистом, который достиг уровня Чарльза Диккенса, Гюстава Флобера и Льва Толстого». Бок также отметил, что Манн, с одной стороны, создал сложное духовное искусство, а с другой — подверг сомнению его целесообразность. По мнению Бока, величие писателя заключалось в его способности примирить «поэтическую приподнятость, интеллектуальность с любовью ко всему земному» (URL: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=29> (дата обращения: 02.05.2017)).

¹⁶ *Луков В.А.* История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. С. 434.

¹⁷ *Манн Т.* Об учении Шпенглера. URL: // <http://oswald-spengler.narod.ru/mann.htm> (дата обращения: 14.09.2017).

¹⁸ *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература, 1950—1990-е годы. Т. 2: 1968—1990. URL: // https://royallib.com/read/leyderman_n/sovremennaya_russkaya_literatura_1950_1990_e_godi_tom_2_1968_1990.html#819200 (дата обращения: 13.11.2017).

¹⁹ *Скворцова О.В.* Чувашская лирика второй половины XX века: монография. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. С. 35.

²⁰ *Фёдоров Г.* О поисках некоторых методологических ориентиров изучения национальной художественной литературы // Диалог культур: проблемы художественного сознания. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 26.

²¹ *Фёдоров Г.* Художественный мир чувашской прозы 1950—1990-х годов. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 195.

²² См.: *Загидуллина Д.Ф., Ибрагимов Б.Х.* Направления и тенденции современной татарской прозы // Национальные литературы республик Поволжья (1980—2010 гг.): учеб. пособие. Казань: Казан. ун-т, 2016. С. 166—169; *Ибрагимов Б.Х.* Интеллектуальное направление в татарской литературе рубежа XX—XXI вв. // Актуальные проблемы лингвистики — 2015: материалы международной научно-практической конференции. Тюмень, 2015. С. 162—167; *Его же.* Характерные особенности современной татарской интеллектуальной прозы // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 8 (62). Ч. 2. С. 13—15.

²³ *Ибрагимов Б.Х.* Характерные особенности современной татарской интеллектуальной прозы. С. 15.

²⁴ *Можейко М.А.* Постмодернизм // Постмодернизм: энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 601—605.

²⁵ *Хузангай А.* А была ли бабочка? // Степанов В.В. Эфемероптера қаҫё, е ФАУст-2: роман-киллер. Шупашкар, 2009. С. 291.

²⁶ История чувашской литературы XX века. Ч. 1: 1900—1955 годы: коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 429.

²⁷ *Кӓрчан Макӓм.* Сеспель Мишши: Рождение современной чувашской литературы // Публикации по тюркским исследованиям. Вып. 2. Воронеж, 2007. С. 17.

²⁸ *Хузангай А.П., Мордвинова А.И., Кондратьев М.Г.* Авангардизм // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1: А—Е. С. 16, 17.

²⁹ «Теоретически обоснованное эстонскими (Ю. Каукси, С. Кивисилдник, А. Хейнапуу, М. Пярл-Лыхмус) и финскими (Кари Саламаа) исследователями, этнофутуризм нашёл своё практическое развитие в финно-угорских культурах России, среди которых Удмуртия стала одной из самых показательных» (*Шибанов В.* Современная удмуртская литература в контексте финно-угорского этнофутуризма // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: сб. научных статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. С. 179).

³⁰ *Шибанов В.* Современная удмуртская литература в контексте финно-угорского этнофутуризма // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: сб. научных статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. С. 180.

³¹ *Хузангай А.* Между Сциллой и Харибдой: Проект будущего для чувашской нации // Республика. 2001. 28 ноября; *Его же.* А была ли бабочка? С. 289—291.

³² *Мартиросян В.* Отделение литературы от государства (Размыкание пространства. Переделкинские встречи — 2007) // Дружба народов. 2008. № 4. С. 213.

³³ Юзмухаметова Л. Постмодернизм в татарской прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. URL: <http://cheloveknauka.com/postmodernizm-v-tatarskoj-proze> (дата обращения: 16.10.2017).

³⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Avangard-48.html> (дата обращения: 09.11.2017).

³⁵ Хузангай А.П., Мордвинова А.И., Кондратьев М.Г. Авангардизм. С. 16, 17. Особый случай — Г. Айги, которого в свое время определили «как экстраординарного поэта современного русского авангарда» (Якобсон Р. Письмо о Малевиче // Чаваш Ен. 1994. Август, 13—20. С. 10).

³⁶ Яковлев Ю. Право на страдание // Лик Чувашии. 1994. № 1. С. 137—141. Здесь также возникают сложнейшие вопросы, связанные с пониманием терминов «авангардизм» и «модернизм», с их соотношением. Один вариант — когда речь идёт об эстетических системах, другой — когда говорим о направлениях, третий — об отдельных идеях или признаках. В нашем случае — третий вариант.

³⁷ Хузангай А. Между Сциллой и Харибдой ...

³⁸ Орлицкий Ю. Гетероморфность как основной принцип стихотворной поэтики Г. Айги // Творчество Геннадия Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард: материалы международной конференции: тезисы, статьи, эссе. Чебоксары, 2009. С. 19—24.

³⁹ Исмуков Н. Философия и поэзия: проблема лидерства // ЛИК. 2007. № 2. С. 140.

⁴⁰ Смирнова Н., Карягина М. Пин суллахсен пушарё витёр... // Хыпар. 2017. Утӑ, 7.

⁴¹ Исследователи зарубежной литературы XX в. отметили, что многие постмодернисты получили филологическое образование (Зарубежная литература XX в.: в 2 т. Т. 2: Вторая половина XX — начало XXI века: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.М. Толмачёва. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 129). Тут также прослеживается очевидная связь: у авторов-филологов накапливается большой сознательный и подсознательный багаж знаний в области литературы и имеется чувство языка.

⁴² Луков В.А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. С. 486, 487.

⁴³ Пронин В.А. Искусство и литература. Ч. 1: Искусство и литература за рубежом. М.: МГУП, 2009. 306 с.

⁴⁴ Термины разработаны ещё в 1980-х гг.: Люксембург А.М. Англо-американская университетская проза: проблемы эволюции и типологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 43 с. Исследование анализирует данный вид литературы с момента его возникновения в начале XIX в. до 80-х гг. XX в. В анализе произведений, «изображающих нравы и конфликты вузовской среды» (с. 2) автор диссертации ещё руководствовался «марксистско-ленинской философией и эстетикой, достижениями советской литературоведческой науки» (с. 3), тем не менее им было сделано много в деле систематизации и изучения данного явления.

⁴⁵ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Campus_novel; <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/oi/authority.20110803095545380> (дата обращения: 17.03.2017).

⁴⁶ URL: <https://academic.oup.com/alh/article-abstract/24/3/561/103335/The-Rise-of-the-Academic-Novel?redirectedFrom=PDF> (дата обращения: 17.03.2017).

⁴⁷ Можно назвать следующую работу: Окишева Л.Ф. Университетская проза США. Дж. Хайнс «Издай и умри» // Классика и современность: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. С. 74—82.

⁴⁸ О преобладании интеллектуального начала у данного народа писал ещё всемирно известный немецкий философ Ф. Гегель. Он отметил: «Англичан можно было бы назвать народом интеллектуального созерцания. Они познают разумное не столько в форме всеобщего, сколько в форме единичного. Поэтому их поэты стоят гораздо выше их философов. У англичан сильно выступает вперед оригинальность личности. Однако их оригинальность не является непосредственной и естественной, но возникает из мысли, из воли» (Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Ч. 3: Философия духа. С. 24. URL: <http://www.rulit.me/books/enciklopediya-filosofskih-nauk-chast-tretya-filosofiyaduha-read-02296-24.html> (дата обращения: 31.07.2017).

⁴⁹ Золина Е.Н. В поисках формы: к поэтике «профессорского» романа // Языковое образование в России: прошлое, настоящее, будущее: материалы научно-практической конференции. Иваново, 2005. С. 43.

⁵⁰ Фамилия в русском переводе встречается в двух вариантах: Толкин и Толкиен.

⁵¹ Информация по книге: Зарубежная литература XX в.: в 2 т. Т. 2: Вторая половина XX — начало XXI века: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.М. Толмачёва. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 179.

⁵² Традиционная фантастика отличается ориентацией на научное мышление.
⁵³ *Ариас-Вихиль М.А.* Французская литература второй половины XX — начала XXI века // Зарубежная литература XX в.: в 2 т. Т. 2: Вторая половина XX — начало XXI века. С. 116.

⁵⁴ *Уюкбаева М.* «Профессорская» литература Казахстана // Мысль (Казахстан). 2015. 24 апреля. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=5934> (дата обращения: 17.03.2017). Особое внимание отводится роману-эссе Б. Жылкибаева «Казахский эротический роман». Притча-эссе доктора филологических наук Б. Жылкибаева насыщена философскими размышлениями, ассоциациями между разными литературами. В ней важное значение имеет поток сознания, изображение человеческих чувств.

⁵⁵ *Гоголева С.А.* Профессорская проза в английской литературе XX века // Наука и образование. 2010. № 3. С. 67—68.

⁵⁶ «В России тоже существует культура университетской словесности, когда писатели и поэты преподают в университетах, и это тоже стало особым направлением в современном искусстве. Но, несмотря на свои интеллектуальные претензии, ученая поэзия и профессорская проза почему-то не становятся открытием в искусстве» (*Захаров Н.В.* Университет, ученый, студент: российская и западная парадигмы. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gumtech/education/articles/2007/Zakharov/> (дата обращения: 17.03.2017). Причины сложившейся ситуации требуют отдельного рассмотрения.

⁵⁷ URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=153666&page=142>. *Чупринин С.* Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям (дата обращения: 17.07.2017). Заслуживают внимания дальнейшие размышления автора. Он говорит о близости к термину «университетский роман» понятия «филологический роман»: «...честь открытия которого обычно адресуют Владимиру Новикову, хотя он-то как раз напомнил: “Мы должны для начала выписать патент на самый термин “филологический роман” Александру Генису, давшему именно такой подзаголовок своей книге “Довлатов и окрестности” (1999)”, — а затем и уточнил, что еще раньше с таким же подзаголовком в издательстве “Советский писатель” была напечатана книга Юрия Карабчиевского “Воскресение Маяковского” (1990). Среди прародителей университетского романа называют, как правило, Вениамина Каверина с романом “Скандалист, или Вечера на Васильевском острове” (1928), Андрея Битова с романом “Пушкинский Дом” (закончен в 1971-м, впервые издан в 1978 году) и Юрия Лотмана, который определил жанр своей книги “Сотворение Карамзина” как “роман-реконструкция” (1987). <...> И тем не менее следует, видимо, признать, что само это явление пока что находится у нас в стадии формирования, пополняясь такими книгами, как “БГА” Михаила Пророкова, “Крюк” Сергея Боровикова, “Роман с языком” самого Владимира Новикова, а также такими маргинальными, балансирующими на грани между художественностью и эссеизмом произведениями, как “Конец цитаты” Михаила Безродного, “Записки и выписки” Михаила Гаспарова, “Эросипед и другие виньетки” Александра Жолковского, “Буквы” Марины Вишневецкой. Нелишне будет, вероятно, рассмотреть под этим углом зрения и многочисленные романы Анатолия Наймана, романы Александра Чудакова “Ложится мгла на старые ступени”, Андрея Дмитриева “Закрытая книга”, Владимира Сорокина “Голубое сало”, объединяемые той важной ролью, какую играет в них собственно филологическая проблематика».

Значение определения «филологический» также понимается по-разному. Теоретические и практические проблемы «филологической прозы / поэзии» основательно проанализированы доктором филологических наук, профессором МГУ и прозаиком В. Новиковым (см. его статьи: Филологический роман: Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/10/novik.html; Nos habebit humus: Реквием по филологической поэзии // Новый мир. 2001. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/6/nov.html4 (дата обращения: 13.06.2017).

⁵⁸ Их творчество в ряду пяти лучших представителей национальной поэзии представлено в уникальной книге: Современная литература народов России: поэзия // Антология. М.: Организационный комитет по поддержке литературы, книгоиздания и чтения в Российской Федерации; Объединенное гуманитарное издательство, 2017. С. 470—473.

⁵⁹ Знания в области мировой философии, по признанию автора, способствуют углублению его поэзии: «Тёнче философиине пёлни вара мана сáвáсене тёлпёнрех сáвáрса илме пулáшáть. Тарáн шухáша поэзин сáмáл сунáттисем сине лартса вёстерме пёллен сáвáссене кáмáллáтáп эпё» (*Исмуков Н.* Поэт — хай синчен // Сыринсен пуххи. I т. (1954—1988). Шупашкар, 2014. 11 с.).

⁶⁰ См. его работы: Чăвашăн философи пур-и? // Ялав. 1992. 10 №. С. 27, 28; Ялав. 1993. 6 №. С. 19. Имеется ряд статей по вопросам взаимоотношения философии и поэзии: «Философия и поэзия: проблема лидерства»; «Экзистенциальная поэзия О. Хаяма: опровержение однонаправленности времени»; «Чувство вечного долга» и др. (см.: Шырынсен пуххи. III т.: сăвăсем, поэмăсем, публицистика. Шупашкар, 2014. С. 154—332).

⁶¹ *Исмуков Н.* Над чем работают, о чём спорят философы // КИЛ. 2013. № 1—2. С. 175.

⁶² Публиковались в периодике и сборнике «Песня в подарок» (2012).

⁶³ «Каç та пулса кайрĕ...» (Уж вечер настал: в соавторстве с М. Адюковой), «Алтăр çăлтăр» (Созвездие Большой Медведицы), «Гудбай, Америка!», «Чун туртать çав тăван Кинчерех» (Тянет в родное Янситово), «Шупашкар — Чăвашьен» (Чебоксары — Чувашия), «Юратăва упрар» (Давайте беречь любовь), «Санпа çеç» (Лишь с тобой), «Мĕн-ма тĕл пултăм-ши сана?» (Почему я встретил тебя?), «Авăтатъ куккук» (Кукует кукушка), «Кум-куммая», «Хĕвел тухать ирхине» (Солнце всходит утром), «Чакăр хăмăр куç» (Кареглазая), «Карти-карти...» (Летела стая), «Сенкер шăнкрав чекĕ» (Колокольчик), «Хурлахантан хура» (Чернее смородины), «Катка-матка-лапатка» (Шуточная), «Тур сыхлатăр сана» (Пусть Бог тебя бережёт), «Пĕтересçĕ чăваша» (Губят чуваша), «Кикак-кикак хур кайăк» (Курлы, курлы гуси-лебеди), «Сисеймерĕм çав ĕмĕр иртнине» (Не заметил, как жизнь прошла), «Саррине савас-ши?» (Не влюбиться ли в блондинку?), «Эх, чикан майри» (Эх, шыганка), «Тав тăвам сире» (Благодарю вас), «Наташапа Саша» (Наташа и Саша) и др. — более 60 песен. Тексты почти не публиковались. Только первая песня опубликована в следующих изданиях: Тантăш. 2000. Сурла, 17; Чăваш хĕрарăмĕ. 2000. Авăн, 9; Шырамастăп çăлтăр тўпере [Не ищу звезду на небе: сборник]. Шупашкар, 2010. 414 с.

⁶⁴ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фолк-музыка> (дата обращения: 21.07.2017). Пожалуй, у В. Адюкова более всего песен в стиле фолк-поп, сочетающем в себе особенности поп-музыки и народной музыки. «Характерными для него являются повторяющиеся музыкальные и танцевальные ритмы». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Чалга> (дата обращения: 21.07.2017).

⁶⁵ Из опубликованных песен нам встретилась только песня на стихи «Юр çеçки тататăп» композитора Е. Фёдорова (*Фёдоров Е.* Аса илĕр мана... [Вспоминайте меня]. Шупашкар, 2011. С. 144).

⁶⁶ *Новиков В.* Nos habebit humus: Реквием по филологической поэзии.

⁶⁷ URL: <http://www.alibudm.ru/pis/pudm39.html> (дата обращения: 11.07.2017).

⁶⁸ *Чекушкин В.* Слушай чувашскую песню, Америка! // КИЛ. 2015. № 1 (16). С. 168—189.

⁶⁹ *Артемов Ю.М.* Илемлĕ хайлаври типсемпе вĕсен пурнăçри прототипĕсем çинчен // Тăван Атăл. 2017. 5 №. С. 58—67.

⁷⁰ Изложение по статье: *Яковлев Ю.* Чунри ункайлăха кĕретĕп... // Ар. 2001. Нарăс, 6.

⁷¹ «...Эпир пурăнанан вăхăт — алкумĕнчи урата пек. Иртнипе хальхине икке уйăрат. Пĕрлех манпа тĕнче хушинчи чикĕ те вăл. Хатарлă чикĕ. Ярса пусан та шат урăх тĕнчене лекен: унта Бетховен, Шопен, Чайковский; М. Федоров та унта, К. Иванов, Çеçпĕл... Вилĕмпе пурнăç хушинчи хутлăхра эп, сăмахпа кĕвĕ хушинче» (*Фёдоров Г.* Хĕсмет: ярăм-поэма // Тăван Атăл. 1995. 6 №. С. 49).

⁷² Произведение подробно проанализировано нами в следующей работе: *Никифорова В.В.* Интеллектуальная проза в чувашской литературе: поэтика творчества Г. Фёдорова // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 124—139.

⁷³ Опубликовано шесть из предполагаемых семи повестей. Все повести увидели свет в журнале «Тăван Атăл» (Родная Волга). Это «Вăр-вăр кайăк, вăр кайăк» (Птичка моя, невеличка; 1992—1995. В ж.: Родная Волга. 1996. № 10. С. 14—54), «Туй ачи, пуса ачи» (Праздничный свадебный гуляк; в ж.: Родная Волга. 2002. № 2—6), «Ан кай, кайăк, вăрман» (Не лететь бы птичке в лес. В ж.: Родная Волга. 2005. № 4, 5, 7), «Анис улма кустартăм» (Красно яблочко анис. В ж.: Родная Волга. 2006. № 10. С. 3—45), «...И çил вĕрет, çил вĕрет» (И ветры тревожные дуют. В ж.: Родная Волга. 2007. № 9. С. 64—94; № 10. С. 68—86), «Çисет çиçем çĕр сурса...» (И молний устрашает сила. В ж.: Родная Волга. 2009. № 1. С. 11—49). Седьмая повесть написана, но ещё не опубликована.

⁷⁴ Здесь не ставится знак равенства. Тем более в чувашской прозе нет опыта создания философского романа. Но есть малые (рассказ) и средние (повесть) жанры. О чувашском «нероманном» мышлении в целом писал Г. Фёдоров: «Чувашская профессиональная словесность вообще тяготеет к малым и средним жанрам прозы и поэзии. Здесь и собственно романы — это совсем не то явление, положим, что в литературах

славянских и западных. Роман Ф. Уяра “Тенёта”, к примеру, скроен из как бы отдельных новелл; поэтому Уяра, как ни парадоксально, должно квалифицировать более как новеллиста, чем романиста...» (Фёдоров Г. Стихии на пространстве кануна: надежды или отчаяние (Заметки о чувашской прозе последних 10—15 лет) // ЛИК. 2005. № 1. С. 104). В случае с циклом повестей прозаика Г. Фёдорова речь идет о его внутреннем потенциале. Интеллектуальный роман (проза) основывается на достижениях философского романа (прозы) (см. выше).

⁷⁵ Приведём всего один пример из повести «Уках хуранё» (Берёза Угахви, 1958): «Укахви хуйяха та, саваняса та пёрешекелех тўлеккён, никама нимёнпе палартмасар чатса, пытарса сўреме вёренсе сите пусланя ёнтё. Чавашсен “аллу хуялсан — алса ашне пытар” текен каларашё ун чуннех кёрсе ларня. Хуйя-и, саваняса-и — пурпёрех лапкя сўренё, лапкан каласня. Пёр ыглашши самах та вёсерёне кайман унан. Вёл сапла сўренё пирки “ку туйямсёр, чунсёр хёрача” теме те пулна. Анчах та Укахвие хуйя чух хуйяярмасар, саваняслай чух хавасланмасар, екки пур чух каласмасар чатма пысак чун вайё кирлё пулна. Кунта темле хайне евёр чатам сисёнен...» (Скворцов Ю. Уках хуранё: повесемпе калавсем. Шупашкар: Чаваш кёнеке изд-ви, 1993. 86 с.).

⁷⁶ В смысле: испытываешь положительные эмоции от чтения — восхищаешься языком и поражаешься его внутреннему потенциалу, наличию в нём знания в разных формах (исторического, культурного и др.) и глубоких чувств и т.д. Есть аналогичное выражение Р. Барта. См.: *Барт Р. Удовольствие от текста (1973) // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 462—518.* «Текст-удовольствие — это текст, приносящий удовлетворение, заполняющий нас без остатка, вызывающий эйфорию; он идет от культуры, не порывает с ней и связан с практикой комфортабельного чтения» (с. 471). Часть 1 — о Фёдорове, но мы не можем говорить в его случае о комфортабельном чтении: читателю приходится порой изрядно напрягаться, чтобы связать воедино сюжетные линии и понять авторский замысел. Отчасти здесь происходит пересечение с другим определением Р. Барта — «текст-наслаждение». «Текст-наслаждение — это текст, вызывающий чувство потерянности, дискомфорта (порой доходящее до тоскливости); он расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношениях с языком» (Там же).

⁷⁷ Сайтов на чувашском языке, которые публикуют родную литературу, немало: Чаваш халăх сайчĕ. URL: <http://www.chuvash.org>; Чаваш чĕлхин инçет вĕренуĕ центрĕ. URL: <http://inset.chv.su>; Чаваш халăх пултаруляхĕ. URL: <http://yumah.ru>; Чаваш Хит Радио (чавашла, акълчанла, вырăсла). URL: <http://chavash.narod.ru>; Чавашла вĕрентекенсен пĕрремĕш сайчĕ. URL: <http://www.chuv06.narod.ru>; Чавашла вĕрентекенсем валли хайсем тĕллĕн электрон ханăхтарусем тума хатĕрленĕ ятарлă программалла сайт. URL: <http://rkanash.chv.su/hanahtarusem>; Электрон ханăхтарусен пуххи (сĕнĕ сайт). URL: <http://inzetchuv.narod.ru>; Vula — чавашла вулаттаракан сайт. URL: <http://vula.narod.ru>; Википеди — Ирĕклĕ энциклопедиин чаваш уйрăмĕ. URL: <http://cv.wikipedia.org/wiki/>; Издательский дом «Хыпар». URL: <http://hypar.ru>; Сайт о чувашском. URL: <http://www.chuvash.ru>; Таван самах. URL: <http://gov.cap.ru/main.asp?govid=157>; Электронлă вулавăш. URL: <http://chuvash.org/lib>; Чаваш педагогĕсен Интернет каналĕ. URL: <http://rkanash.chv.su/>; Чаваш литература каталогĕ. URL: <http://chuvlit.narod.ru/simple.html>; Викикĕнекесем. URL: <http://cv.wikibooks.org>; «Чаваш тĕнчи» сăнŷкерçĕксен ярăмĕ. URL: <http://gallery.chuvash.org/main.php>; Тутарта тухса таракан «Савар» хаçат. URL: <http://suvar.su/>; Нестĕр Янкас пĕрлĕхĕн сайчĕ. URL: <http://nesterjankas.ucoz.ru>; Шкул ачисен сайчĕ. URL: <http://chuvshkola.ucoz.ru/>; «Чĕвĕлти чĕкеç» конкурсĕн сайчĕ. URL: <http://chuvlast.ucoz.ru/>; «Камăл» вĕренуĕ пĕрлешĕвĕн сайчĕ. URL: <http://kamal.3dn.ru/>; двуязычные сайты организаций и министерств, например Национальной библиотеки ЧР. URL: <http://www.nbchr.ru> и др. Тем не менее традиционная чувашская книга не лишилась своего читателя.

⁷⁸ Произведение написано вначале на русском языке. В переводе на чувашский язык под названием «Аттеçем Атăл» вышло в 2016 г.

⁷⁹ Современная литература народов России: поэзия // Антология. М.: Организационный комитет по поддержке литературы, книгоиздания и чтения в Российской Федерации; Объединенное гуманитарное издательство, 2017. 568 с.

⁸⁰ *Выготский Л.С. Психология искусства / общ. ред. В.В. Иванова, коммент. Л.С. Выготского и В.В. Иванова, вступ. ст. А.Н. Леонтьева. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. 573 с. См. «Психологию искусства» (1925) и другие работы.*

СЕССИЯ 2

ЯЗЫК НАРОДА — ДУША НАРОДА

А.В. Кузнецов

ЧУВАШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Оппоненты: Н.И. Егоров, А.Д. Ахвандерова, Л.В. Коротаева

ВВЕДЕНИЕ

Языки народов мира нередко имеют диалекты. В некоторых случаях исследователям трудно определить с точностью, диалектом известного языка либо самостоятельным языком является тот или иной вариант языка определенной группы людей. По мнению авторов «Лингвистического энциклопедического словаря», в настоящее время в мире насчитывается от 2500 до 5000 языков. Точное число установить невозможно, потому что различия между языками и диалектами того или иного языка условны¹. Более двух веков ведутся разговоры и о специфических чертах речи чувашей, проживающих в разных местностях.

Чувашское языкознание располагает значительным количеством исследований в данной области: это труды Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, Т.М. Матвеева, В.Г. Егорова, Л.П. Сергеева, Р.И. Цаплиной, А.С. Канюковой, Г.Е. Корнилова, Н.И. Егорова, Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, А.Д. Ахвандеровой, Л.В. Власовой и др. Разграничению диалектов и говоров, принципам классификации диалектов, особенностям диалектов и говоров в ударении, в произношении гласных и согласных

и т.д. посвящены десятки книг и сотни статей, собраны диалектологические материалы по разным программам и анкетам, разработанным известными чувашскими языковедами. Но наука не стоит на месте, и перед диалектологами возникают другие задачи. До сих пор ведутся споры, касающиеся дифференциации диалектов, нет единого мнения о количестве диалектов и говоров, их названиях и т.д. В настоящее время особых возражений не вызывает наличие двух диалектов под названиями *тури* (*вирьял*) «верховой» и *анатри* «низовой». Часть исследователей предлагает выделить три основных диалекта: *верховой*, *средний* и *низовой*. При этом средний диалект нередко считается возникшим в зоне смешанных говоров или, в лучшем случае, смешанным диалектом. Таким образом, в чувашском языке имеем следующие диалекты: *верховой* диалект — **тури**, или **вирьял**; *низовой* диалект — **анатри** «нижний, низовой», **хирги** «степной» (по Н.И. Ашмарину и П.И. Орлову); *средний* диалект — **анат енчи** (букв. «нижне-сторонний»), **вӑта** «средний, срединный», **анатри** «нижний, низовой» (по Н.И. Ашмарину), **анатри (малги, мал енчи)** «низовой» (по П.И. Орлову), **хутӑш** «смешанный», **хутӑш калаҫу** (талккӑшӗ) «(зона) смешанных говоров» (по Л.П. Сергееву) и т.д.

Лингвистический ландшафт чувашского языка достаточно однороден, различия между диалектами с точки зрения их лексики незначительны. Диалекты отличаются прежде всего фонетическими особенностями. Так, при употреблении существительных во множественном числе наблюдаем:

1) гармонию гласных по ряду, т.е. по мягкости-твёрдости *-сам* / *-сем* (верховой диалект),

2) гармонию гласных по ряду и лабиализации, т.е. по мягкости-твёрдости, огубленности-неогубленности *-сӑм* / *-сӗм*, *-сӑм* / *-сӗм* (средний диалект),

3) нарушение сингармонизма *-се* / *-сем* (низовой диалект).

В настоящее время различия между диалектами ещё более нивелируются. Это обусловлено тем, что основанный на низовом диалекте литературный чувашский язык, преподаваемый во всех школах республики, оказывает влияние на диалекты. «Навязываемые» литературным языком варианты лексем иногда сами поддаются влиянию диалектных особенностей разных говоров. Например, в турмышском говоре среднего диалекта происходят изменения такого рода: турм. *чулуа* ~ лит. *чӑлуа* ~ совр. турм. *чӑлуо*; турм. *хулуа* ~ лит. *хӑлуа* ~ совр. турм. *хӑлуо* и т.д.

Практически во всех диалектах отмечается сильное воздействие русского языка: чувашские слова заменяются русскими эквивалентами, и постепенно стираются различия (*шӑнкӑравла* — *звонить ту*, *пӑрт купала* / *пӑрт ухтар* — *пӑрт строить ту*; *кукаҫи*, *маҫак* — *дедушка*; *кукамай*, *мамак* — *бабушка*; *анне*, *апи* — *мама* и др.).

В данной работе мы постараемся дать оценку современного состояния диалектов чувашского языка, описать характерные черты, сохраняющиеся по настоящее время. Попытаемся разрешить вопрос о полноценности среднего диалекта, именуемого «смешанным (переходным) диалектом», «зоной смешанных (переходных) говоров», «зоной вибрирования».

Цель нашего доклада — поставить точку в споре о порядке образования диалектов, об их первичности-вторичности, по проблемам «смешанного диалекта» и «малокарачкинского говора» чувашского языка.

Задачи нашего исследования:

- 1) дать краткую характеристику развития чувашской диалектологии от истоков до наших дней;
- 2) обозначить наиболее острые проблемы диалектной дифференциации чувашского языка и пути их разрешения;
- 3) раскрыть особенности взаимоотношения носителей разных диалектов чувашского языка в аспекте «свой — чужой»;
- 4) поставить точку в вопросе о статусе *пошкăрт калаçăвĕ* — малокарачкинского говора чувашского языка (язык чувашского типа, особый диалект чувашского языка, говор верхового диалекта чувашского языка и т.д.).

В работе используются присущие диалектологии термины и понятия: *диалект (территориальный диалект), диалектизм, диалектология, говор, наречие, изоглосса, лингвистическая география, идиолект, лабиализация, огубленные гласные, сингармонизм* и т.д. (подробнее см.: Приложение). При решении поставленных задач автор опирался на материалы диалектологических экспедиций и выполненные по теме труды.

1. ЧУВАШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Предыстория. Первые сведения о диалектном членении чувашского языка появились еще в XVIII в. В 1768 г. А.Л. Шлёцер (A.L. Schlözer) написал о том, что в чувашском языке различаются два диалекта². Г.Ф. Миллер же указывал, что чувашский схож с татарским, а вотяцкий (удмуртский) — с черемисским (марийским), но больше похож на пермский, при этом каждый из этих языков разделяется на два диалекта или наречия. Он заметил, что чуваша, живущие около Васильева, Козьмодемьянска и Чебоксар, говорят иначе, чем живущие ниже устья реки Камы, и записал несколько слов, доказывающих особенности второго диалекта³. П.С. Паллас в XVIII в. также отмечал, что живущие в степях по левую сторону Волги чуваша всех обитающих на гористой стороне называют *верейял*, а сами себя — *хирдиял*⁴.

И.И. Лепёхин в работе «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» указал на то, что чуваша имеют различия в языке, что чебоксарские чуваша не понимают пензенских, а пензенские — чебоксарских⁵. В.И. Лебедев отметил, что чуваша в основном везде одинаковы, но немного отличаются их наречия (диалекты) и некоторые обычаи. По его наблюдениям, казанские чуваша любят причастия и деепричастия и опускают личные глаголы, чуваша симбирские, наоборот, выражаются в речи личными глаголами без деепричастий или к деепричастиям прибавляют личные глаголы. Под «казанскими чувашами»

автор подразумевает чувашей бывшей Казанской губернии, под «симбирскими» — чувашей бывшей Симбирской губернии, именно верховых чувашей, проживавших в Курмышском уезде этой губернии⁶.

В середине XIX в. С.М. Михайлов опубликовал предания чувашей⁷ и разговор низового чуваша с верховым⁸, где отражаются особенности языковых различий верховых и низовых чувашей. В.Г. Родионов в своем исследовании отмечает, что «противопоставление двух этнографических групп и диалектов чувашского народа впервые встречается в очерках С.М. Михайлова» и приводит из этой книги следующий отрывок: «Чуваши разделяются на низовых и верховых, — писал исследователь в очерке “Предания чуваш”, написанном в 1852 г., — низовые называются по-чувашски *анатри*, то есть “низовой”, а верховые — *вирьял* “верховые деревни”. Здесь же он отмечает, что верховые чуваша к низовым имеют “какое-то особенное уважение и называют их старинными или коренными чувашами, так как низовые чуваша до сих пор костюм свой не переменили, одеваются так же, как будто в старину; но верховые переняли манеры у черемис, по обычаю коих одеваются и живут”⁹.

Таким образом, предьсторией чувашской диалектологии можем считать упоминания в разных источниках XVIII—XIX вв. о диалектах чувашского языка, о различиях говоров чувашей, проживающих в разных местностях.

Истоки. Современные лингвисты выдвигают разные точки зрения об истоках чувашской диалектологии. Некоторые считают Н.И. Ашмарина «первым чувашским диалектологом, начинателем изучения многочисленных чувашских говоров»¹⁰. Другие утверждают, что именно Т.М. Матвеев впервые на научной основе выделил говоры чувашского языка¹¹. Третьи первым ученым-диалектологом называют Н.И. Золотницкого¹². Нам представляется, что ближе к истине версия, по которой история чувашской диалектологии начинается с Н.И. Золотницкого. Еще в 1867 г. он писал о трех диалектах чувашского языка — верховом, среднем и низовом, причем свои работы составлял на «чебоксарско-цивильском наречии» среднего диалекта¹³.

В исследовании чувашских диалектов большое значение имеют труды конца XIX — начала XX в., авторы которых обосновали свое видение классификации на этнографические группы, на диалекты (Н.И. Ашмарин¹⁴, Г.И. Комиссаров¹⁵, П.И. Орлов¹⁶ и др.). Но в чувашской диалектологии получило развитие положение, выдвинутое И.Я. Яковлевым и его учениками, а именно деление диалектов и говоров чувашского языка только на две группы: верховой и низовой. Л.П. Сергеев, ученый-диалектолог, посвятивший изучению диалектов чувашского языка всю жизнь, также считает, что в чувашском языке только два диалекта: верховой и низовой. Обращаясь к предисловию первого чувашского букваря И.Я. Яковлева, Л.П. Сергеев приводит слова просветителя: «Чувашский язык разделяется на два главных наречия: *анатри* и *вирьял*, что значит по-русски “низовой” и “верховой”... Нужно сказать, что наречие чуваш *анатри* от наречия

чуваши различаются главным образом оттенками произношения, затем немногими словами и, наконец, отчасти некоторыми глагольными формами и особенными оборотами»¹⁷. Обобщая высказанные мысли о двух диалектах чувашского языка, ученый отмечает: «...в исследованиях других авторов, занимавшихся историей, этнографией и языками народов Поволжья, мы также находим те или иные замечания по поводу деления чувашей и их языка на две группы (диалекта). Таким образом, давно было известно о существовании двух диалектов чувашского языка; однако специальным изучением этих групп говоров и их классификацией до конца XIX века никто не занимался»¹⁸. Действительно, многие из тех, кто касался темы чувашских диалектов, писали о наличии двух диалектов — верхового и низового, но мало кто из современных исследователей (кроме Н.И. Егорова и В.Г. Родионова) обратил внимание на то, что С.М. Михайлов, Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, П.И. Орлов, говоря о чувашах анатри (низовых), имели в виду современных чувашей *анат енчи* (средне-низовых), а под диалектом *анатри* они подразумевали современный диалект *вӑта, мал ен* (средний).

Из чувашских лингвистов многие занимались вопросами диалектологии. Однако в этом ряду отсутствует имя Н.В. Никольского, который также интересовался языковыми проблемами, в том числе вопросами диалектной структуры чувашского языка, ее лексическим составом. В научном архиве ЧГИГН среди работ Н.В. Никольского особое место занимают материалы по отдельным говорам¹⁹. Описание говора Козьмодемьянского уезда, составленное Григорием Никифоровым, дает такое диалектное членение говоров: 1. Северо-западный ареал (малокарачкинский, большеюногинский и отчасти татаркасинский); 2. Средний ареал (Акрамовская волость, отчасти Татаркасинская и Сундырская волости); 3. Юго-восточный ареал (не указан). Говор Большого Сундыря Козьмодемьянского уезда (ныне Моргаушского района ЧР) описан Петром Столяровым. Ценный материал для историков, этнографов, диалектологов содержится в рукописи «Особенности говора села Моргауш Козьмодемьянского уезда». Автор пытается объяснить происхождение названия «Моргауши». Вольнослушателем Илларионом Алексеевым записан ряд слов, заимствованных из русского языка: *крапльа* «грабли», *окашка* «окно» и др. С. Яковлев, описывая особенности говора чувашей с. Моргауши, уверяет, что нельзя считать его чисто чувашским, так как он резко отличается от говора чувашей Чебоксарского, Цивильского и Ядринского уездов²⁰. Даже сами чувашки называют себя «тури», или «чикме сынни», что означает «верховые», или «козьмодемьянцы». В архиве Н.В. Никольского имеется также описание говора д. Яжуткино Ядринского уезда, они называют себя *вӑрман енчисем* (чувашки, живущие в лесной стороне), относятся к верховым (*вир-йал*). В рукописи представлены некоторые диалектизмы: *картофель* — *умма*, *блины* — *ёне чӑлхилӗ икерчӑ*.

Таким образом, у истоков чувашской диалектологии стояли Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, П.И. Орлов, Г.И. Комиссаров. Среди них мы смело можем назвать и Н.В. Никольского, который обращал внимание на

говоры всех этнографических групп чувашей. Собранные им материалы важны в изучении диалектов и истории языка. Вышеназванные ученые заложили прочный фундамент чувашской диалектологии.

Советский период. Диалектологии советского периода XX в. начало положено работой Т.М. Матвеева, «который впервые на научной основе выделил группы говоров чувашского языка, лингвистические и экстралингвистические причины их образования и показал примерные границы крупных диалектных подразделений»²¹.

В этот период изучением диалектов чувашского языка занимались такие ученые, как И.А. Андреев²², А.А. Алексеев²³, Р.Г. Ахметьянов²⁴, Л.В. Данилова²⁵, А.С. Канюкова²⁶, Г.Е. Корнилов²⁷, В.И. Котлеев²⁸, Н.П. Петров²⁹, Р.И. Цаплина³⁰, Т.Я. Чуркин³¹, Г.В. Лукоянов³², Л.П. Сергеев³³, В.И. Сергеев³⁴ и др. Ими рассмотрены фонетические, грамматические, семантические, лексические особенности многих говоров чувашского языка, подготовлены программы и анкеты для сбора материала³⁵. В Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова и Чувашском НИИЯЛИ (ныне — ЧГИГН) регулярно выпускались сборники статей³⁶, посвященные проблемам диалектологии. Был собран, обработан, систематизирован и введен в научный оборот огромный материал по фонетике, морфологии, лексике, семантике и синтаксису многих говоров и диалектов чувашского языка. Л.П. Сергеевым был подготовлен уникальный труд — «Диалектологический атлас чувашского языка», который с 1960-х гг. хранится в научном архиве Чувашского НИИЯЛИ. Кроме этого, в научном архиве института имеется более 400 единиц хранения, содержащих материалы по диалектам и говорам чувашского языка³⁷. Несмотря на то что в этот период сделано немало в диалектологической науке, остались и нерешенные вопросы. Один из основных, на наш взгляд, место и роль **среднего диалекта**, характеризующегося в научной и учебной литературе как «**зона смешанных (переходных) говоров**» в диалектной системе чувашского языка.

Конец XX — начало XXI в. В настоящее время особенности диалектов и говоров являются предметом рассмотрения таких исследователей, как Л.П. Сергеев, Н.И. Егоров³⁸, Г.А. Дегтярёв³⁹, А.П. Долгова⁴⁰, А.Д. Ахвандерова⁴¹, Л.В. Власова⁴², В.В. Павлов⁴³, Н.В. Матвеева⁴⁴, П.В. Желтов⁴⁵, А.В. Кузнецов⁴⁶ и др. Преподаватели и студенты факультета чувашской и русской филологии ЧГПУ им. И.Я. Яковлева под руководством Л.П. Сергеева, заведующего Научно-исследовательской лабораторией чувашской диалектологии, проводят экспедиции в районы Чувашской Республики и в места компактного проживания чувашей в других регионах (республики Татарстан и Башкортостан, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Оренбургская, Тюменская области). Публикуются материалы конференций, статьи, словари и монографии, посвященные диалектам и говорам чувашского языка. Несмотря на большое количество работ по чувашской диалектологии (Л.П. Сергеев и его последователи), большинство из них носит описательный характер и их целью являлась фиксация диалектного материала. Вышеуказанный недостаток может быть восполнен⁴⁷.

В последнее время изучению диалектов, их происхождения много внимания уделяет П.В. Желтов. Он пытается заниматься исторической диалектологией. Его исследования, выводы пока не получили поддержки среди чувашских языковедов, так как высказанные предположения не всегда подтверждаются фактическим материалом, а в большинстве случаев, ввиду отсутствия письменных источников, позволяющих ознакомиться с особенностями языка чувашей и их исторических предков, живших в XIV—XVI вв., а также фиксации особенностей «заказанского» и «казанского» диалектов «древнечувашского языка», сделать анализ данных диалектов не представляется возможным. Ученый предлагает привлечь материалы горномарийского, удмуртского и кыпчакских языков и приходит к следующим выводам: «...северо-западные говоры являются результатом смешения одного из северных говоров “древнечувашского языка” — “заказанского” с “казанским” диалектом “древнечувашского языка” (непосредственным предком верхового диалекта чувашского) и наложением его на местный марийский субстрат, говоривший на горномарийском наречии. При этом субстрат оказал большее влияние на малокарачквинский говор»⁴⁸, «северо-западные говоры... тяготеют к отдельному диалекту древнечувашского языка — “заказанскому”, и их сближение с верховым диалектом является поздним явлением, произошедшим уже на территории Чувашии»⁴⁹, «средний (средненизовой диалект) сохранил редуцированные лабиализованные гласные и вместе с северо-восточными говорами (козловско-урмарскими), которые выделяются прогрессивным огублением, восходит, вероятно, к предказанским говорам “древнечувашского” языка, ареал распространения которых был в древности южнее Казани и в горной стороне нынешней Татарии, где он сохранился и до сегодняшнего дня»⁵⁰, «низовой диалект чувашского языка имеет относительно позднее происхождение (XVII — начало XVIII в.) и развился из среднего (средненизового диалекта)»⁵¹, «чувашские диалекты — верховой с выделяющимися северо-западными говорами (малокарачквинский, большекарачквинский, сундырско-козьмодемьянский), средний (или средненизовой) и низовой — являются прямым продолжением не одного, а нескольких (как минимум двух) диалектов “древнечувашского языка” — группы среднебулгарских диалектов, на котором говорила социально обособленная группа болгар, называвшаяся чувашами и сформировавшаяся из чувашей — одной из болгарских народностей, составлявших болгарский народ (булгары, сувары, савиры, берсула, темтюзи, эсегели и чувашаи)»⁵². Не все из сказанного П.В. Желтовым можем принять за истину, в частности то, что савиры — одна из составляющих болгарского народа; что северо-западные говоры тяготеют к «заказанскому» диалекту древнечувашского языка, и то, что были «заказанский» и «казанский» диалекты древнечувашского языка и пр. Вместе с тем важен сам факт того, что ведутся исследования в русле исторической диалектологии. Надеемся, что они будут развиваться и дальше.

В изучение диалектов чувашского языка свой вклад вносят Л.П. Сергеев, А.П. Долгова, Т.В. Денисова, А.Д. Ахвандерова и др., регулярно публикуя свои разработки как в региональных изданиях, так и за пределами республики.

2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В данном разделе сделан акцент на том, что с утверждениями некоторых предшественников о количестве (два диалекта) и порядке происхождения диалектов (верховой → низовой → средний) можно не согласиться. Представим иную точку зрения на этот вопрос.

Практически вся диалектология чувашского языка в своем развитии шла неверным путём из-за, казалось бы, маленькой ошибки, недочета, выраженного в том, что за аксиому, неоспоримый факт было взято следующее утверждение: «В чувашском языке два диалекта: верховой и низовой, а в зоне их взаимодействия образовалась зона смешанных (переходных) говоров (или средний (смешанный) диалект)». Результатом стало изучение диалектов чувашского языка в отрыве от истории, а конкретно — процесса расселения чувашей на территории современного их проживания. После печальных событий XIII—XV вв. расселение чувашей на территории современной Чувашии происходило в следующем порядке: сначала были освоены территории северо-восточных и центральных районов, затем — северо-западных районов, только в последнюю очередь — юго-восточных и южных районов. Если бы ученые обратили внимание на эти факты, то ошибок удалось бы избежать. По словам В.Д. Димитриева, в середине XVI в. чувашаи в основном обитали в двух местах: 1) в центральных и северных районах территории современной Чувашской Республики (южная граница их земель проходила по реке Кубне); 2) в Приказанье и Заказанье, где от Казани на восток до Средней Камы широкой полосой растянулась Чувашская даруга. По утверждению ученого, «территории современных Яльчикского, Комсомольского, Батыревского, Шемуршинского районов Чувашии, юго-западных районов и закамской части Татарстана, Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской областей представляли собой «дикое поле» — пространство без оседлого населения и поселений»⁵³, только с последней четверти XVI до начала XVIII в. чувашаи вернулись на оставленные в XIV — начале XV в. земли юго-восточной и южной частей Чувашии⁵⁴.

Таким образом, освоение чувашами территории современного пребывания происходило в следующем порядке: северо-восточные и центральные районы → северо-западные районы → юго-восточные и южные районы. По утверждению ряда диалектологов XX—XXI вв., сначала образовались верховой и низовой диалекты, а затем, в результате их взаимодействия — «зона смешанных (переходных) говоров», в которой проявляются особенности как верхового, так и низового диалектов, а также «свои специфические особенности, которые отсутствуют в системе обоих диалектов», но все же «исторически смешанный диалект образовался в ходе интенсивных междиалектных контактов, продолжавшихся в течение ряда столетий»⁵⁵. Судя по выводам некоторых диалектологов, чувашские диалекты развивались независимо от носителей этих диалектов: хотя чувашаи, образовавшие современную этнографическую группу средненизовых,

первыми поселились на территории современной Чувашии, их диалект сформировался в последнюю очередь, а *низовой* диалект возник раньше среднего, даже если этнографическая группа «низовые чувашаи» (в современной интерпретации) образовалась позже других этнографических групп. Чтобы разобраться в данной путанице, обратимся к исследованиям по истории, этнографии чувашей, истории чувашского языка.

Н.И. Егоров и А.В. Кузнецов в разделе «Язык и диалекты» монографии «Народы и культуры. Чуваши» отмечают, что диалектная система чувашского разговорного языка состоит из трех крупных совокупностей локальных наречий, говоров и подговоров. На современном этапе изученности специалистами выделяются три основных диалекта: верховой (*вирьял*), средний (*мал ен*) и низовой (*анатри*). Статус «среднего» диалекта, декларированного ещё Н.И. Золотницким, только-только устанавливается, в специальной литературе он описывается традиционно как группа переходных, смешанных говоров под разными терминологическими обозначениями: «средненизовой», «средний», «центральный», «смешанный», «переходный» и пр. Нейтральным, на наш взгляд, следует признать термин «средний (*мал ен*) диалект». Различия между диалектами чувашского языка (верховым, низовым и средним), а также между ними и говорами чувашской диаспоры незначительны, они не препятствуют пониманию между носителями местных говоров. В каждом из диалектов выделяются более мелкие локальные подразделения — наречия, говоры и подговоры.

Ареал верхового диалекта занимает пространство междуречья Суры и Цивиля; среднего — междуречье Цивиля и Кубни; южнее железнодорожной линии Шумерля — Канаш и нижнего течения Кубни начинается ареал распространения низового диалекта. Намеченные границы носят условный характер, но проведение более точной демаркационной линии между диалектами не имеет смысла, так как существуют так называемые зоны вибрирования. Тиражируемая во всех современных изданиях карта диалектов и говоров чувашского языка на территории Чувашской Республики не отражает реальной ситуации (особенно в части разграничения среднего и низового диалектов). Низовой диалект распространен на огромной территории, включающей отдельные районы Татарстана, Башкортостана, Ульяновской, Самарской, Саратовской, Оренбургской и некоторых других областей Российской Федерации.

Носители низового диалекта являются относительно поздними (с XVII—XVIII вв.) переселенцами из территорий проживания средненизовых и верховых чувашей, поэтому во многих случаях говоры низового диалекта являются смешанными и содержат остаточные особенности материнских говоров то верхового, то среднего диалектов, а иногда того и другого одновременно⁵⁶.

Е.А. Ягафова выделяет шесть этнотерриториальных групп чувашского населения Урало-Поволжья: приволжскую, закамскую, заволжскую, бузулукскую, приикскую и прибельскую. Далее в каждой из выделенных этнолингвокультурных групп вычленяет ряд говоров: в приволжской —

сенгилеевский, самаролукский, неверкинско-кулаткинский, барышский; в закамской — малочеремшанский, аксубаевский, нижнечеремшанский, среднечеремшанский; в заволжской — сокский и рысайкинский; в бузулукской — самобытный бузулукский; в приикской — северный (суньский) и приикский; в прибельской — верхнебельский, нижнебельский и косяковский⁵⁷.

Н.И. Егоров в статье «Чувашская диалектология и этимология» выражал сожаление по поводу того, что и ареальная, и историческая диалектология в чувашском (и не только) языкознании до сих пор находится в зачаточном состоянии. Он тогда еще говорил о пересмотре членения «чувашского разговорного языка на диалекты и говоры», так как традиционная чувашская диалектология различает только «два диалекта — верховой (вирьял) и низовой (анатри) и так называемый “переходный говор”, причем последний считается образованным в результате смешения двух основных диалектов. Сравнительно-историческое изучение особенностей этого говора в ходе работы над этимологическим словарем показывает, что так называемый “переходный говор” имеет право на статус третьего диалекта (среднего), так как многие его особенности в ретроспективной проекции не восходят ни к особенностям верхового, ни к особенностям низового диалектов, а представляют вполне автономные и довольно архаичные образования. Каждый из трех диалектов требует особого подхода при ретроспективном анализе их языковых особенностей. Так, лексические диалектизмы верхового диалекта большей частью носят субстратный характер и объясняются исходя из марийского языка, а лексические диалектизмы низового диалекта носят адстратно-суперстратный характер и объясняются исходя из татарского языка»⁵⁸.

Обратимся к истории изучения данных диалектов. В своей работе «По вопросу о способах образования чувашей» Н.И. Золотницкий отмечает: «...г. Магницкий говорит, что “Чуваш кнеге” составлена на наречии *низовых* чуваш, а буинский Степан Иванович пишет, что в ней встречаются *верховые* (вирьяльские) слова. В действительности же для составления чувашских учебников принято *среднее* чебоксарско-цивильское наречие, отличающееся правильностью форм, чистотою чувашских звуков и наименьшим заимствованием татарских слов»⁵⁹. Данное достижение Н.И. Золотницкого, к сожалению, в дальнейшем было исключено из научного оборота. И.Я. Яковлев в своих учебниках начал писать только о двух диалектах: *тури* и *хирти*, причем в состав *тури* включал и средненизовых чувашей, которых он в дальнейшем перестал упоминать в своих работах⁶⁰. Такое отношение И.Я. Яковлева к средненизовой этнографической группе, к среднему диалекту, на мой взгляд, можно объяснить тем обстоятельством, что взаимоотношения с Н.И. Золотницким у него были не самые теплые, к тому же последний издавал свои учебники с использованием языкового материала среднего диалекта.

Н.И. Ашмарин в Предисловии к «Материалам для исследования чувашского языка» (1898) указывал на то, что «чувашский язык (*чйваш чёлхи*)

распадается на две главные ветви: наречие *вир-йал* (*вире-йал*, *вери йал*) и наречие *анатри*, причем оба эти наименования легко объясняются из современного чувашского языка. Первое из них — *вир-йал* или по-другому, менее правильно, произношению — *вире йал*, *ври йал* — составлено из *вир* — “верх” и *йал* “селение”, так что слово *вир-йал* собственно значит “верховые поселения”, “верховой народ”, т.е. народ, живущий в верхнем течении реки Волги. <...> Название *анатри* “низовой” есть не что иное, как имя прилагательное, образованное от местного падежа существительного *анат*, означающего “низовье”, “низменность под горою”, “пóйма” и пр. Кроме вышеупомянутого названия *вире-йал* низовые чувашаи обозначают своих верховых соплеменников также выражениями *тури*, *тáври* “верхний (соб. горный)” и *сýл йенчи*, что значит “находящийся в верхней стороне”⁶¹. Уже в следующем труде «Заметки по чувашской диалектологии» Н.И. Ашмарин начинает сомневаться в количестве диалектов и предлагает считать три наречия, т.е. диалекта: «Мы не знаем определенно, сколько надо считать чувашских наречий: остается ли утверждать старое деление на *вире-ял* (*вирьял*) и *анатри* или пока принять другое, по которому чувашский язык распадается на три главнейшие ветви, из которых *анатри* составляет как бы переходную ступень от *вирьял* к *хирти*. Последнее деление имеет за собою достаточно основания, так как, помимо других этнографических признаков, чувашаи *хирти* по особым свойствам их наречия действительно могут быть выделены в отдельно стоящую группу»⁶². Здесь, как видим, Н.И. Ашмарин говорит о возможности выделения в самостоятельный диалект наречия *хирти*, т.е. современного низового диалекта, т.к. тогда диалектом *анатри* считался современный средний диалект или «наречие» современных чувашей *анат енчи*.

До Н.И. Ашмарина о трех диалектах чувашского языка, кроме Н.И. Золотницкого, писали Г.И. Комиссаров и П.И. Орлов, которые были выходцами из средненизовых чувашей⁶³. В работе «О чувашах Казанского Заволжья» Г.И. Комиссаров, в частности, отмечает, что этнографы чувашей «разделили на две группы: на *вирьял* (вир-ял), или верховых, и *анатри*, или низовых». Он продолжает: «...мы берем смелость не согласиться с принятым мнением ученых и предлагаем свою поправку. Дело в том, что деление чуваш на две группы, по нашему мнению, неопределенно, потому что оно не указывает, где проходит линия, разделявшая одну группу от другой. Если мы приедем в страну чуваш с западной стороны, то увидим их такими, какими они признаются за *вирьял*, а если мы заедем в Чувашляндию с восточной стороны, то найдем чуваш с такими чертами, за которые их причисляют к группе *анатри*. <...> Но если мы обратим внимание на полосу Чувашии, где группа *вирьял* соприкасается с группой *анатри*, то увидим, что в районах соприкосновения этих двух групп фактически образовалась третья группа, средняя между группами *вирьял* и *анатри*, имеющая свои особенности и в одежде, и в языке»⁶⁴. Продолжая размышления о группах чувашей, Г.И. Комиссаров акцентирует внимание

на том факте, что чуваши «средней, промежуточной группы... упорно отделяют себя как от настоящих верховых, или западных, чуваш (вирьял), так и от настоящих низовых, или восточных, чуваш (анатри). Они называют себя обычно “анат енчи” (нижнесторонние), чистых вирьяльцев они называют “тури” (верхнесторонние, верховые) или “кай енчи”, “кайри” (западнесторонние), чистых анатри они называют “мал енчи” или “анатри” (восточные, низовые), или “ирсе” (ирзе), чистые вирьялы называют среднюю группу “анат енчи”, а в некоторых местностях “хитре мал енчи”, что значит “красивые восточные”... Чистые анатри плохо отличают группу “анат енчи” от вирьяльцев и чаще относят их к “тури” (вирьялам); иногда зовут их “Шупашкар енчи” (чебоксарской стороны), т.е. живущие в районе Чебоксар»⁶⁵.

Несколько иную классификацию и терминологию предлагает исследователь П.И. Орлов: «Анатри (малти, мал йенчи) чăвашсемпе хирти чăвашсем тата вир-йалсем (хура урасем). Чăвашсем пирĕн виçĕ пая уйăрăласĕ: анатри чăвашсем, хиртисем, вир-йалсем. <...> Вăсенчен (вирьялсенчен. — А.К.) хĕвел тухăçĕ йеннелле анатри (малти, мал йенчи) чăвашсем пурăнаçĕ. Вăсем Атăлтан пуçласа Йĕпреçпе Шăхрана ситиччен кăнтăралла, вир-йалсемпе хиртисем хушшинче, тăрăхла кăна пĕр лаптăк пек сĕре йышăнса пурăнаçĕ. Çав лаптăкăн кăнтăр йенчи пуçенче кушлавăшсем те çак анатри чăвашсемпе хисепленеçĕ. <...> Анатри чăвашсенчен чуқун сул урлă лерелле вара хирти чăвашсем пуçланса каяçĕ»⁶⁶. Границы территории распространения диалектов, этнографических групп, с точки зрения жителей разных районов, очень сильно отличаются в зависимости от места проживания. По утверждению Т.М. Матвеева (в отличие от Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, Г.И. Орлова, Г.И. Комиссарова и др.), чуваши Янтиковской волости Цивильского уезда считали, что вирьялы проживают севернее железной дороги, а жители с. Яншихово-Норваши причисляют к вирьялам уже жителей д. Малые Кибечи, расположенной против Норваши по северную сторону железной дороги⁶⁷. Жители д. Малые Кибечи, скорее всего, себя вирьялами не считали, их к вирьялам и сегодня никто не относит.

Обратимся непосредственно к происхождению и характерным особенностям данных диалектов.

Средний диалект сравнительно слабо подвергался иноязычным влияниям, здесь меньше всего марийских и татарских заимствований. Система вокализма среднего диалекта сохранила некоторые архаичные черты довольно хорошо реконструируемой среднебулгарской системы вокализма. В частности, здесь наиболее отчетливо проявляются следы губной гармонии, полностью утерянной низовым диалектом и базирующимся на этом диалекте литературным языком, более последовательно произошло сужение $e > u$ и т.д.⁶⁸

Во время социолингвистической экспедиции 2004 г. были опрошены носители всех трех диалектов — жители четырнадцати населенных пунктов шести районов Чувашской Республики:

1) **средний диалект:** дд. Карабаши, Сятракасы, Аксарино, Шанары, Верхнее Байгулово Марпосадского района; сс. Турмыши и Яншихово-Норваши Янтиковского района;

2) **низовой диалект:** д. Старое Янашево Яльчикского района;

3) **верховой диалект:** д. Яманакы Красноармейского района; д. Алгазино Вурнарского района; дд. Видесючи, Азамат, Русская Сорма, Чувашская Сорма Аликовского района.

Анализ собранного в перечисленных населенных пунктах материала показал следующее: несмотря на утверждения диалектологов 50—60-х гг. XX в. о нивелировке диалектов, отличительные черты всех основных диалектов еще сохраняются, хотя наблюдается влияние литературного языка. Л.П. Сергеев, А.С. Каниюкова и др. в то время писали, что, например, губная гармония гласных (одна из отличительных черт урмарского говора средненизового диалекта) постепенно утрачивается. В настоящее время эта особенность ярко выражается в речи основной массы представителей как старшего, так и молодого поколения жителей дд. Карабаши, Сятракасы, Аксарино, Шанары, Верхнее Байгулово Марпосадского района; сс. Турмыши и Яншихово-Норваши Янтиковского района. Например: *тă̆моно* «сова», *вй̆рмонолло* «в лес; в сторону леса», *шолдон шоло* «все глубже и глубже», *кй̆рого* «печь», *сй̆рон* «ворон», *кй̆пишонк* «насекомое; жучок; мокрица» и т.д.

Широко распространены лексико-фонетические особенности:

а) фонетические варианты вопросительной частицы **-и:** *-а*, *-е (э)*, *-о:* *ларатна (ларатн̆н + -и)* «сидишь (ли)?», *килетне (килетн̆н + -и)* «приходишь (ли)?», *тй̆ротно (тй̆ротн̆н + -и)* «стоишь (ли)?» и пр.;

б) в терминах родства и свойства: *ати* «отец» и *ани* «мать» (в речи представителей старшего поколения), *хй̆до* «сват» и *тй̆хлоч* «сваха» (в речи большинства опрошенных);

в) в анатомических терминах: *амбусси* «плечо», *сй̆мзо* «нос», *шй̆м-жюк* «тело; кости»;

г) в названиях животных, насекомых: *чй̆бй̆н* «комар», *мй̆гоц* «заяц», *тй̆рно* «журавль»;

д) в названиях деревьев, кустарников, растений: *умма* «яблоко», *паранк* «картофель», *сй̆вй̆лч* «лист; листья», *игел* «желудь»;

е) в детских словах: *омокко* «чудище; страшилище», *амутти* «чудище; страшилище», *косси* «живот», *оппа ду* «подними; возьми на руки»;

ё) в названиях праздников, обрядов, игр: *сй̆мй̆р чикки* (< *сй̆мй̆р + чй̆к*) «моление о дожде; детская игра в поливание друг друга и прохожих водой в засушливую и жаркую погоду, призванная вызвать дождь», *вй̆рмон вй̆ййи* «лесные игры; лесной праздник (аналог акатуя)», *пй̆р алла* «аналог лапты», *виц алла* «в три руки (аналог лапты, при котором старшие каждой из двух команд имеют право бить по мячу три раза подряд)», *тй̆ртла* «игра в войну»;

ж) в названиях продуктов питания: *пй̆лй̆м* «блины, оладьи», *паранк тонккоми* «картофельное пюре», *ешник* «яичница (с молоком), приготавливаемая в печи»;

з) в названиях предметов утвари, внутреннего убранства дома, других находящихся в них предметов, объектов, вещей: *чўрече карми* «шторы, занавески», *каймого* «печь», *чўресе янаххи* «подоконник»;

и) в названиях предметов, используемых в приусадебном хозяйстве, предметов и объектов, расположенных вне дома: *тараза* «колодец», *пасма* «пазмо, место для усадьбы», *сёвре* «борона», *хўмме* «забор»;

й) в глагольных формах: *ух* «подниматься, взбираться», *удала* «обмануть», *тўбелеи* «драться», *хышла* «грызть», *ўбелен* «ползти, ползать», *ўле* «выть; громко плакать», *кан* «я пойду», *кан* «ты пойдешь, ты идешь», *кат'* «он идет, он пойдет» и др.

В речи носителей янтиковского говора наблюдается явление, при котором сочетание ауслатного «к» и анлаутного «с» дает звук «ч»: *ак + сак > ачак* «вот этот». Данный факт зафиксирован в селах Турмышы и Яншихово-Норваши, наблюдается, в частности, в д. Нижарово Янтиковского района.

Говор янтиковских чувашей разные исследователи относят к различным диалектам, сам говор также называют по-разному:

1) Н.И. Ашмарин⁶⁹, Г.И. Комиссаров⁷⁰, Л.П. Сергеев — ибресинско-янтиковский говор⁷¹, А.С. Канюкова — урмарско-янтиковско-канашский говор северо-восточной группы⁷², янтиковские низовые чувашы⁷³ включают в состав низового диалекта;

2) Т.М. Матвеев включил в состав среднего (переходного) говора (южноцивильский подговор)⁷⁴.

Материалы экспедиции 2004 г. отчетливо показывают, что изоглоссы не совпадают с границами административно-территориальных единиц и даже при близком расположении населенных пунктов наблюдаются различия как фонетического, так и лексического плана.

Верховой диалект, как известно, содержит определенную часть диалектной лексики, что объясняется влиянием марийского языка, обычно квалифицируется как заимствования. При историческом картографировании марийских заимствований чувашского языка выясняется, что основная масса мариизмов сконцентрирована в северо-западных говорах верхового диалекта, граничащих с Горномарийским районом Марий Эл и имеет хронологическую глубину не более трех столетий. За исключением граничащих с горномарийской языковой территорией говоров, в верховом диалекте чувашского языка слов марийского происхождения набирается не более двух-трех десятков, а в среднем и низовом диалектах — не более полутора десятков⁷⁵.

Суммируя данные топонимики, Н.И. Егоров пришел к выводу, что «в сравнительно недавнем историческом прошлом территория, занимаемая ныне верховыми чувашами, была населена предками марийцев. Лингвистическая болгаро-чувашская экспансия распространялась на марийский субстрат примерно с бассейна р. Цивиль и достигла берегов Суры и Волги. Хронологическая граница прихода на эту территорию болгаро-чувашей колеблется с XIII—XIV вв. в левобережье Цивиля и с XVII—XVIII вв. на северо-западной окраине Чувашии. Интенсивность субстратной марийской лексики

в верховом диалекте возрастает также по мере продвижения с левобережья р. Цивиль в северо-западном направлении, достигая своего апогея в моргаушско-сундырском говоре. На крайнем северо-западе Чувашии в малокарачинском говоре до сих пор наблюдается чувашско-марийское двуязычие»⁷⁶.

В период формирования верхового диалекта (XIV—XVIII вв.) субстратный марийский язык растворялся в болгаро-чувашском. Язык коренного марийского населения вытеснялся сначала частично, затем полностью языком прибывших болгаро-чувашей. При этом в языке последних сохранились некоторые особенности марийского языка, в том числе и проникшие в него ранние болгарские заимствования. Носителям языка-субстрата незачем было повторно заимствовать ранее ими освоенные болгаро-чувашские слова в новом, уже собственно чувашском звучании. Этим объясняется довольно устойчивое сохранение болгаризмов марийского субстрата в верховом диалекте чувашского языка⁷⁷. Так называемые «татарские заимствования» в чувашском языке хронологически можно разделить на две группы и условно назвать их: 1) кыпчакскими заимствованиями (XI—XV вв.) и 2) собственно татарскими заимствованиями (XV—XIX вв.). Особую трудность вызывает отделение кыпчакизов от тюркской по происхождению лексики, заимствованной в разные периоды истории чувашского языка из огузских и иных тюркских языков⁷⁸.

Во время экспедиции 2004 г. нами были исследованы д. Алгазино Вурнарского района; дд. Видесючи, Азамат, Русская Сорма, Чувашская Сорма Аликовского района, которые относятся к территории распространения калининско-аликовского говора верхового диалекта чувашского языка. Но тут встречаются свои особенности: в д. Алгазино Вурнарского района; в дд. Видесючи, Азамат Аликовского района Чувашской Республики характерная черта верхового диалекта — оканье — слабо выражена или отсутствует. Вместо *пор* «есть», *сок* «нет», *воннй* «десять» и др. в данном говоре распространено практически совпадающее с нормами литературного языка произношение *пур*, *сук*, *вуннй* и т.д. По мнению Л.П. Сергеева, уканье тут является вторичным явлением, переход оканья в уканье произошёл вследствие интенсивных междиалектных контактов.

В д. Видесючи Аликовского района в значении «здоровый» зафиксировано использование лексемы *таза*. Данное слово в литературном языке имеет значение «чистый». Слово *таса* «здоровый» наиболее часто встречается в этикетном выражении *Таса пул!* «Будь здоров!», произносимом в адрес чихающего человека. В интервокальной позиции в данном говоре происходит процесс удлинения согласных (в других диалектах в данной позиции глухие согласные озвончаются): *туттӑр* — *тоттӑр* «платок», *куккӑль* — *коккӑль* «пирог», *коккӑр* «кривой», *шӑпӑр* «метла» и др.

В ходе исследования говора д. Яманаки Красноармейского района нами были зафиксированы лексемы, характерные для многих говоров верхового диалекта (*маӑзак* «дедушка» (по отцу), *мамак* «бабушка» (по отцу), *поскил* «сосед», *мӑнаӑи* «гром», *хӑбар* «подниматься, взбираться», *сӑва*

«кладбище» и т.д.). Но встретились и такие особенности: *к'ирлӑ* «нужный» вместо лит. *кирлӑ* «id.», *мамок* «бабушка (по отцу)» вместо стандартного верхового *мамак*, лит. *асанне* «id.».

Низовой диалект чувашского языка, в отличие от среднего и верхового, продолжительное время контактировал с татарскими диалектами уже начиная с середины XVI в. и, естественно, особенно богат татаризмами. Здесь они нередко вытесняют соответствующие общенациональные чувашские слова или существуют наряду с ними, иногда оттесняя их на второй план; ср.: чув. (низ.) *тӑкӑс* — тат. *тыгыз* «тесный», при собственно чув. *тӑвӑр* — «тесный»; чув. (низ.) *тикӑс* — тат. *тигез* «ровный», при собственно чув. *такӑр* «ровный»; чув. (низ.) *ен* — тат. *ян* [*jän*] «сторона, бок», при собственно чув. *сум* «бок, сторона»; чув. (низ.) *яш* — тат. *яш* [*jaʃ*] «молодой», при собственно чув. **сум*, ср. *сум* «год, возраст» и т.д.⁷⁹

Таким образом, мы видим, что процесс формирования диалектов чувашского языка, как и формирования самих этнографических групп, проходил в ином порядке, чем описывается, преподносится в работах по чувашской диалектологии. Низовой диалект чувашского языка сформировался из среднего (средненизового) диалекта, который характеризуется также уканьем, после проведения засечной черты от набегов ногайцев южные лесостепные районы Чувашии стали постепенно заселяться чувашами из современных Янтиковского, Урмарского, Канашского и отчасти Цивильского районов. Средний (средненизовой) диалект чувашского языка является неоднородным (по акцентуации и огублению), но в целом тяготеет к низовому вследствие уканья.

Во время экспедиции 2004 г. в д. Старое Янашево Яльчикского района Чувашской Республики фонетические особенности, отличия от норм литературного языка в системе гласных зафиксированы не были. Особенностью говора является постановка ударения на конечный гласный независимо от редуцированности-нередуцированности гласных (*кайрӑ'м* «я пошел»; *килдӑ'м* «я пришел», *ташла'* «танцуй», *пӗлӗ'т* «небо» и др.). В данном говоре замечены небольшие отличия в произношении согласных. Например, звук *ч* произносится как мягкий *т'*: лит. *чӑваш*, ст.-янаш. *т'ӑваш* «чуваш». В лексике староянашевцев наблюдаются следующие отличия: *мартӑ* «улей», *куймак* «блины», *пӑске* «мяч», *пуппул* «подвал, погреб» и т.д. Фонетический облик дательного-винительного падежа также имеет свои особенности. Литературному варианту *-сене* соответствует *-се*. Например: лит. *хӗрсене* — ст.-янаш. *хӗрсе*; лит. *сынсене* — ст.-янаш. *сынсе* и др.

Основные особенности диалектов чувашского языка. В диалектах чувашского языка и в литературном чувашском языке, сформированном на основе буинского говора низового диалекта, основная часть элементов словаря и грамматического строя является общей, но имеются некоторые отличия.

К **фонетическим** различиям относятся: 1) в начальном слоге слов верхового диалекта вместо *у* (уканье) низового и среднего диалектов употребляется *о* (оканье): *пор* ~ *пур* «есть», *олттӑ* ~ *улттӑ* «шесть», *топрӑм* ~

тупрѧм «нашѧл» и др.; 2) в верховом и среднем диалектах имеются огубленные гласные *ѧ°*, *ѧ°*, в низовом диалекте им соответствуют звуки *ѧ*, *ѧ*; 3) в говорах верхового диалекта употребляется *ѧ*, являющийся соотносительной мягкой парой *о* (*пѧрт* «дом», *тѧрт* «спина», *шѧртне* «суп» и т.д.) вместо употребляемого в других говорах *ѧ*; 4) в говорах низового диалекта аффриката *ч* слышится почти как мягкий *т'*, в то время как у носителей верхового и среднего диалектов *ч* почти не отличается в произношении от русской аффрикаты *ч*; 5) в большинстве говоров верхового диалекта перед сонорными *л*, *н*, *р* и смычным *т* выпадает звук *й* и происходит палатализация указанных согласных: *кар'а* (< *кайра* «позади, сзади»), *сул'а* (< *суйла* «выбирать»); 6) в большинстве говоров верхового диалекта происходит геминация интервокальных согласных в целом ряде слов: *тоттѧр* «платок», *коккѧль* «пирог» и т.д.

К морфологическим особенностям причисляют следующие: 1) количество вариантов аффикса множественного числа: верховой диалект имеет сингармоничные варианты аффикса *-сам* (*-сем*): *лашасам* «лошади», *ѧне-сем* «коровы»; в низовом встречается только *-сем*: *лашасем*, *ѧнесем*; средний диалект представляет сингармоничные варианты, но не только по ряду, но и по огубленности *-сѧм* (*-сѧм*), *-сѧм* (*-сѧм*), *-сен*: *лашасѧм*, *ѧнесѧм*, *тѧмоносѧм*, *хѧрсѧм* и др.; 2) в говорах верхового диалекта распространен аффикс притяжательного падежа *-йѧн* (*-йѧн*): *лашайѧн*, *ѧнейѧн*, дательного падежа — *-йа* (*-йе*): *лашайа*, *ѧнейа*, *ѧнейе*, в низовом диалекте *-нѧн* (*-нѧн*, *-н*), *-на* (*-не*): *лашан(ѧн)*, *ѧнен(ѧн)*, *лашана*, *ѧnene*; в среднем диалекте *-н*, *-на* (*-не*): *лашан*, *ѧнен*, *лашана*, *ѧnene*, кроме этого, в среднем диалекте в формах указанных падежей существительные и местоимения, оканчивающиеся на *у* (*ѧ*), имеют следующие особенности: *пѧрун*, *пѧруна*, *кѧр ѧн*, *кѧр ѧна*, *ун*, *уна* вместо литературного и встречающегося в других диалектах *пѧрѧвѧн*, *пѧрѧва*, *кѧрѧвѧн*, *кѧрѧве*, *ун(ѧн)*, *ѧна* и др.; 3) аффиксу 2 лица *-у* (*-ѧ*) верхового и среднего диалектов в низовом соответствует *-ѧ* (*-ѧ*): *сан пуѧу* ~ *сан пуѧѧ* «твоя голова», *сан хѧрѧ* ~ *сан хѧрѧ* «твоя дочь»; 4) в говорах верхового диалекта распространена геминация в аффиксах 2 лица множественного числа глаголов настоящего времени: *ѧсѧр вулаттѧр* (в низовом и среднем диалектах: *ѧсир* (*ѧсѧр*) *вулатѧр* «вы читаете»); 5) в говорах верхового диалекта, а также в некоторых говорах Канашского, Ибресинского, Вурнарского и других районов аффикс возможности глаголов *-ай* (*-ей*) превратился в звук *-и*: *калимарѧм* «не мог рассказать», *пѧлимарѧм*, *пѧлимерѧм* «не смог узнать» (в говорах низового и среднего диалектов — *калаймарѧм*, *пѧлеймерѧм*); 6) в говорах верхового диалекта употребляется только один вариант вопросительной частицы *-и*: *ѧсѧ кайрѧн-и?*, *ѧсѧ пѧлетѧн-и?*; в низовом диалекте распространены сингармоничные варианты вопросительной частицы *-а* (*-е*): *ѧсѧ кайрѧн-а?* «Ты уехал?», *ѧсѧ пѧлетѧн-е?* *ѧсѧ пѧлетн-е?* «Знаешь ли ты?»; в среднем диалекте также встречаются сингармоничные варианты вопросительной частицы: *-а*, *-е* (*э*), *-о*: *Ларатн-а?* «Сидишь (ли)?», *Килетн-е?* «Приходишь (ли)?», *Тѧротн-о?* «Стоишь (ли)?» и пр.; 7) в верховом и среднем диалектах отдельные словосочетания

превращаются в сложное слово: в среднем *улмуҫси*, в верховом *олмаҫси* — в низовом *улма йывйҫё* «яблоня», в верховом *ҫатмари* — в низовом *ҫатма аври* «сковородник»; в среднем *кассап* — в низовом *касса яр* «отрежь» и т.д.

Из **синтаксических** различий диалектов особо следует обратить внимание на следующие: 1) в говорах верхового диалекта деепричастие на *-са* (*-се*) выполняет функцию простого сказуемого, в среднем и низовом диалектах подобное не наблюдается: *Эп килсе* ~ *Эп(ё) килтём* «Я пришёл»; 2) в верховом и среднем диалектах преимущественно употребляются аналитические конструкции, в низовых — синтетические: верх. *анат ҫима килёр*, ср. *анат ҫиме килёр* — низ. *аната килёр* «идите обедать»; верх. и ср. *хаҫат ҫинче ҫырнӑ* — низ. *хаҫатра ҫырнӑ* «написано в газете».

В лексике диалектов также имеются различия. Для верхового диалекта характерны слова *маҫак* «дедушка» (по отцу), *мамак*, *мамок* «бабушка» (по отцу), *поскил* «сосед», *хӑпар* «подниматься, взбираться», *ҫӑва* «кладбище» и т.д., в низовом и среднем вместо указанных лексем употребляются *асатте*, *асанне*, *кӱриё/кӱрӱи*, *аслати*, *уӑх/ух*, *ҫерси*, *масар*⁸⁰.

Самое время для обращения непосредственно к **первоисточнику путаницы**, связанной с появлением смешанного (переходного) диалекта. В «Материалах для исследования чувашского языка» Н.И. Ашмарин пишет: «Живя в некоторых местностях по соседству друг с другом, чувашаи “вир-йал” и “анатри” иногда перемешали оба наречия, и таким образом получились **смешанные говоры** (выделено нами. — А.К.), с множеством мелких особенностей»⁸¹. При этом ученый указывает, что низовое наречие употребительно в Симбирской (за исключением Курмышского уезда), Самарской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской губерниях, а также в Чистопольском, Спасском, Свияжском, Тетюшском уездах и частью — в Чебоксарском уезде Казанской губернии; верховое наречие слышится в Цивильском, Ядринском, Козьмодемьянском и отчасти Чебоксарском уездах Казанской губернии и Курмышском уезде Симбирской губернии (к тому же Н.И. Ашмарин уточняет: «К сожалению, эти сведения о географическом распределении чувашских наречий не вполне точны». — А.К.)⁸². Т.М. Матвеев в своем исследовании исходит из утверждения, что «по течению Волги, по признакам культурно-бытовым, костюму и языку принято делить чувашей на две большие группы: верховых и низовых. Первые из них в среде низовых чувашей в разных местах обозначаются терминами *вир ял*, *вире ял*, *вирё ял*, т.е. “верхняя деревня”, “верховое поселение”, или *тури*, т.е. “горные”, *ту* “гора”, *ту-ра* местный падеж, *ту-ри* “расположенный в горной местности”»⁸³. Далее ученым анализируются работы Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова и П.И. Орлова о диалектах чувашского языка, об их границах. Обращаясь к статье Г.И. Комиссарова, Т.М. Матвеев отмечает, что «к востоку от указанной границы верховых Комиссаров выделяет особую, переходную до чисто низовых полосу, которую он, пользуясь названием, известным у чувашей Чебаевской и смежных волостей, называет *анат енчи* “нижнесторонние”»⁸⁴. Подводя итоги анализа работы Г.И. Комиссарова, Т.М. Матвеев говорит: «Таким образом,

по Комиссарову, все чувашаи делятся на три группы: *вирьял*, *анат енчи* и *анатри*, т.е. верховые, нижнесторонние и низовые, причем все эти группы занимают у него в классификации совершенно одинаковое место»⁸⁵. Т.М. Матвеев не согласен с тем, что все три группы имеют равный статус. По его мнению, средний диалект всего лишь «промежуточный»: «на такие три этнографические группы удобнее было бы делить чувашей. За верховой группой может остаться традиционное, употребительное у низовой группы название “вирьял”, “группа вирьял”, “вирьяльская группа”, а за низовой группой – распространенное у верховых название “анатри”, “группа анатри”, “низовая группа”. Группа промежуточная может называться просто средней группой»⁸⁶.

Ссылаясь на работу Г.И. Комиссарова «Чуваши Казанского Заволжья», Т.М. Матвеев к верховым чувашам в качестве подгруппы предлагает «присоединить ту группу чувашей, которую Комиссаров под названием *анат енчи* “нижнесторонние” выделил как группу среднюю между верховыми и низовыми. <...> Из всего сказанного о средней группе чувашей видно, что группа *анат енчи*, по Комиссарову, не может претендовать на самостоятельное место наравне с верховыми и низовыми. Ее, как имеющую больше общих черт с группой вирьял, лучше всего в качестве подгруппы присоединить именно к ней. Близость эта заметна в costume, в равной степени поддерживается данными языка»⁸⁷. Таким образом, Т.М. Матвеев, будучи представителем низовых чувашей, занял позицию И.Я. Яковлева, для которого все чувашаи, проживающие севернее Тетюш, были *тури*: «в состав “вирьял” просветитель включал не только верховых, но и средненизовых чувашей. На его родине вирьялами называли всех, проживающих в сторону Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губернии, там названий *тури* и *анатри* вообще не имелось»⁸⁸.

Некоторые исследователи до сих пор придерживаются точки зрения И.Я. Яковлева и Т.М. Матвеева и пишут только о двух диалектах: верховом и низовом, а между ними располагают «зону переходных (смешанных) говоров»⁸⁹, иногда называют его средним (смешанным) диалектом. Все эти ошибки, недочеты не были бы допущены в свое время, если бы особенности чувашских диалектов, история их происхождения изучались с учетом истории чувашского народа в целом, истории расселения чувашей. Исходя из вышесказанного, необходимо пересмотреть принципы деления чувашского языка на диалекты, т.к. основным все-таки является средний (*мал ен*, *вӑта*) диалект, а смешанными являются диалекты *тури* (или *вирьял*) и *анатри*, которые образовались в результате чувашско-марийских и чувашско-мишарских взаимодействий. А средний диалект не зря был выбран Н.И. Золотницким для создания своих учебников: он считал данный диалект наиболее чистым, мало подверженным влиянию как марийского, так и татарского языков. Это утверждение ученого поддерживают и современные исследователи, в частности Н.И. Егоров, В.Г. Родионов и др.

3. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЧУВАШЕЙ В АСПЕКТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «СВОЙ — ЧУЖОЙ»

Во взаимоотношениях чувашей разных этнографических групп оппозиция «свой — чужой» проявляется в разной форме. Данной проблемы касается в своих публикациях Г.А. Николаев⁹⁰. В одной из них исследователь отмечает: «...низовым чувашам не нравилась в верховых чувашах манера говорить, которую они находили несколько “неряшливой”»: *Вирьял вӑл тутине-сӑварне йӗлпешкелентерсе калаҫать* — “Вирьялы разговаривают зубоскаля”; *Ак ӗнтӗ итле, вирьял сӑвар карать* — “Вот же слушай, вирьял горланит”. По их мнению, образец правильного чувашского наречия в данном плане являла их, низовых чувашей, речь: *Хиртисем сӑмаха татса, вирлӗ калаҫаҫсӗ, лайӑх калаҫаҫсӗ, пасара тухсан хирти калаҫнине илтсен тӗлӗнсех тӑран вара, [ӑ]стан тухать сӑмахӗ, епле чӗлхи саврӑнать* — “Степные выговаривают слова четко, говорят бойко, приятно, услышишь на базаре их речь и диву даешься, откуда только слова берутся, как только умудряются так выражаться”⁹¹. Верховые чувашки носили широкие рубахи, подпоясывая их коротко, а обувались “толсто”. За такие особенности костюма низовые чуваша не без насмешки называли их: *сӑрмӑс пеккисем* (букв.: подобные марийцам), *мӑн урасем* (букв.: толстые ноги). Костюм низовых чувашек выглядел по-другому: они одевались в длинные рубахи, а ноги обували “тонко”. Но верховые чуваша находили костюм низовых чувашей лишенным всяческого вкуса: *мийӗх кӗпе тӑхӑнакансем* (одевающиеся в мешкоподобные рубахи)⁹². Не жаловали и манеру обувания низовых чувашей, о которой верховые чуваша нелестно отзывались следующим образом: *Вӗсенӗн урисене пушӑ аврипе сӑпсанах хуҫӑлмалла* — “Их ноги переломить можно одним ударом кнutowища”⁹³.

Если примеров, подобных приведенным Г.А. Николаевым, в настоящее время практически не встречается, то случаи употребления чувашами *анатри* выражения *хура тятпа* для уничижительного обращения к представителям верховой (иногда и средненизовой) этнографической группы довольно часты. Приведем пример из форума «Чӑваш халӑх сайчӗ».

Тема: «Хура тятпасем» («хура урасем») — Кого так называли и называют?

Serte Untri: Хотелось бы узнать про «хура тятпа» как можно больше.

Васса: Эс ху, Унтри, чӑн-чӑн хура тятпа вӗт. Сӑпла вирьял (тури) чӑвашсене калаҫсӗ пирӗн енче. Вирьялсем урисене хура тӑла тӑхӑнса сырӑнӑ, анатрисем шура тӑлапа сырӑнӑ, савӑнна «хура тятпа» тенӗ, вирьялсен урисем кӑна хура мар, вообще хура тӑхӑнма юратаҫсӗ, туя-мӗне те хура кӗпесемпе каяҫсӗ, мӗн калӑн ӗнтӗ — вирьял пӗр сӑмахпа, пӗр япалана та сын евӗр туманнипе «вирьял» тенӗ ӗнтӗ вӗсене, ан сӑлленӗр те — ман вирьялсенчен ӗмӗр кулас, йӗкӗлтес, виртлешес килет...

Vyacheslavna: Юрать-ха, сӑк сайт тупӑнчӗ, хам хура тятпа пулнине пӗлмесӗрех вилсе выртатӑмчӗ. Туя хӗр илме хура сӑхманпа кайнине пӗлетӗп, иккӗмӗш кунне вара пурте шап-шура хитре кӗпе тӑхӑнна, халӗ те сӑплах.

Хура тятпа вараланни палармасть, шура тятпапа мице кун суренё-ши мантаран чавашё, кашни кун сумалла-ске, ват чаннипех хура тятпа пулса тама пултарна въл. Кёписем вара чаннипех те телёнмелле: Етернесенпе суреме пулатъ-ха, Чугайсенне туртма-хитрелетме пълмесен ан та тӑхан въл кёпене. Шур тятпасен херарамсен кёпе аркисене мёнле утюгласа тӑханащё-ши? Юрать, пире валли урӑх мода тупӑнчӑ, тасти чаваш, тӑрех пёлейместён те. «Таҫта-у?» — тесен пълме пулатъ ёнтӑ.

Юлгам: Пирён тарӑхра та хёлле туй арӑмсем хура сӑхман тӑханащӑ, сулла туйра шура кёлесемпе... Тага, аставацца, пулскил карчӑк, сулла санталӑк пит вӑйлӑ пӑчӑхтарса парӑхсан, калатчӑ: мёнле ёлӑк херарамсем уя ёслеме тенкёсем ҫакса, туй кёлесем тӑхӑнса суренё-ши ҫакӑн пек шӑрӑхра?..

Sinun: Ой, да, так вирьялов называли из-за чёрных онучей. А ещё помню из детства, что *тятпасем* — это ножки ребёночка. А у взрослых — *урасем*. Если не так, то поправьте. Но мне так вот запомнилось.

Serte Untri: Очень жаль, что за основу литературного языка не взят язык вирьяла. Мне лично многие слова непонятны. К примеру, вместо «президент Чувашии» предлагают по-чувашски «эльтепер».

Sinun: Не, я совсем не поняла, но я плохо язык знаю. Но когда пишут на литературном, то многое, конечно, понимаю. Да, вы правы, надо бы издать отдельно словарь вирьял и написать учебник! Наверное, у вирьялов в языке много сокровищ!

Васца: Вирьялём анатрисенчен сахалрах та хавшакрах пулна пуль ёнтӑ, тен, халь те ҫапларах пуль, ҫавӑнпа литература чёлхи анатри ҫинче никёсленнӑ. Пурте, вирьялсем пек, ҫерҫи чёппине — «вараби ҫури», сысна ҫурине — «пороҫонка чёппи», кишёре — «морка» тата тем те пёр калама тытансан, аҫта кайса кёмелле. Вирьял Африкара та вирьял ёнтӑ въл, мён тӑвас тен?

Serte Untri: Эй, тур сырлах! Мёне пёлсе сыран пёлмен япалана?

В Москве купил цветы и поехал к бабе с Комсомольского района. Увидя меня в дверях с цветами, сказала по-чувашски следующее: «Ак пӑх-ха ӑна, ҫеҫке йӑтса килчӑ».

AvanS: Хӑвӑр сырнине вулар та, ӑнланатӑр: мёншён тата аҫтан тухна сӑмах «чаваш чаваша юратмасть» тени тата урӑх килёшӑсёр сӑмахсем...

Ҫакӑнпа хура-шура тятпасем ҫинчен пулеме парӑхсан лайӑхрах мар-ши...

Васца: Аванс, сёре тёрёс сын вёт-ха эс, пурне те ху пек тӑвӑттӑн, чаваш чаваша юратманни мар ку, ман вирьялсене ыталаса илсе, ачашласа-супӑрласа, вёсен чёлхипе виртлешсе хутшӑнас килет, ку мана питӑ савӑнтарать, кӑмӑла уҫса ярать. Вёсем эпӑ йёкёлтешсе калаҫнине ӑнланманни тата та вёсен чёлхипе калаҫма хистет. Ман анне вирьял, эпӑ вирьялсене юрататӑп, анчах хамӑн вирьял пулас килмест.

Vyacheslavna: Эпӑ Вассан юлашки предложенине «эп аннене юратмастӑп» тесе ӑнлантӑм. Пороҫонка чёпписем таҫтарах пурӑнащӑ ёнтӑ, пирён патра сысна ҫурисемех чупса сӑрресӑ. Правилӑсене пухакан сын анатри чаваш пулна, тури чаваш пулна пулсан эсёр те пирашкалах калаҫатӑр.

Vyacheslavna: Сырнине аьланма полать поль?

Кырыкмары: А почему за литературный взяли низовой диалект, а не тури, потому что в последнем больше русизмов, верховой мне кажется древнее низового?

Алатар: Говорят, это потому, что те, кто взялся за создание литературного чувашского, были из низовых. Кто первый встал, того и тапки⁹⁴.

Как видим, «противостояние» носителей диалектов, взаимные уничтожительные высказывания все еще продолжаются. Инициаторами таких высказываний в основном являются носители низового диалекта. До сих пор представители низовых часто по отношению к верховым говорят *хура тятпа*, подразумевая под данной группой всех чувашей, проживающих севернее Комсомольского, Яльчикского, Ибресинского районов.

4. О СТАТУСЕ МАЛОКАРАЧКИНСКОГО ГОВОРА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В сотнях работ по диалектологии авторы в чувашском языке выделяют только два диалекта⁹⁵: **верховой** («окающий») — выше по течению Волги; **низовой** («укающий») — ниже по течению Волги. Некоторые же исследователи предлагают выделить третий диалект, но не **средний** или **средненизовой**, а **малокарачкинский диалект**, который занимает обособленное положение⁹⁶. Малокарачкинское наречие (говор) — наречие чувашского языка (тюркский язык болгарской группы), распространенное в с. Малое Карачкино Ядринского района Чувашии и близлежащих населенных пунктах. С лингвистической точки зрения малокарачкинское наречие по ряду признаков противопоставляется остальному чувашскому ареалу. Эти различия в основной массе сложились в среднечувашский период, затрагивают прежде всего вокализм и консонантизм. В **вокализме** обнаруживаются следующие особенности: сохранение *ö* (в верховом диалекте сохраняется *o*, но *ö* > *y*); *ыв*, *аь* > *y*; *ев* > *y*; *ав* > *a* (в последнем слоге *o*); *ив* > *ив/ий*; *ий* > *и*; *ев* > *ö*. В **консонантизме**: совпадение после гласных в глухом варианте *-č-* и *-č'č-* > *-č-*; изменение *-к-*, *-х-* > *-у-* (между гласными и после сонантов), *-г-* (после *и*); *-кк-*, *-хх-* > *-к-*; *-к*, *-х* > *-к*; *-п-* > *-в-*; *-вв-* > *-п-*. Н.И. Ашмарин отмечал также звонкость согласных в начале некоторых слов. Традиционно считается особым наречием чувашского языка⁹⁷.

Во время социолингвистической экспедиции 2009 г. были опрошены носители малокарачкинского говора, образцы их речи были записаны на цифровые носители. Расшифровка собранного материала показала, что отличительные черты диалекта сохраняются, хотя и наблюдается влияние литературного языка.

Как известно, по признакам вокализма ареал чувашского языка можно разделить на три полосы. Первую полосу составляет группа говоров, отличительным признаком которых является оканье, под которым понимается произношение *o* на месте тюркских *a* и *o*. Эта группа говоров может быть названа «окающей» группой, а по географическому положению

относительно Волги — верховым диалектом. Граница этой группы проходит на территории Чувашской Республики через следующие пункты: г. Шумерля, верховье р. Выла, с. Аликово, р. Сорма от с. Русская Сорма до ее впадения в р. Большой Цивиль, р. Большой Цивиль, с. Большие Челлы, д. Шорга, отсюда граница по р. Цивиль (на «окающей» стороне остаются г. Цивильск и д. Байгеево) идет на д. Большое Шигаево и д. Малое Собачкино и выходит на Волгу. На территории «окающей» группы, по мнению Л.П. Сергеева, можно выделить пять говоров: 1) сундырский; 2) моргаушко-ядринский; 3) красночетайский; 4) калининско-аликовский; 5) чебоксарский⁹⁸. Интересующий нас говор с. Малое Карачкино входит в состав сундырского говора. По классификации Т.М. Матвеева⁹⁹, данный говор является частью козьмодемьянского говора, граница которого проходит через следующие пункты (от Волги к Суре): с. Хыркасы, д. Ядринкасы, д. Анаткасы-Киняры, д. Сыбайкасы, д. Корлуй, затем по р. Моргаушка д. Ишелькасы, д. Лебедкино, д. Вурманкасы, д. Асламас, д. Чебаково, р. Сура.

К особенностям данного говора относятся следующие:

Фонетические признаки: 1) оканье, а именно появление *o* в односложных словах и в первом слоге многосложных слов на месте общетюркского *a*, напр.: *ора* «нога», *хоран* «котел»; *торт* «тянуть»; оканье наблюдается и в уменьшительно-ласкательных аффиксах: *Марок*, *Ман'ок* «Мария» и т.д.; 2) оканье в другом случае — это сохранение тюркского *o* без изменения: *хол* «плечевая часть руки, рука», *хор* «положить»; *сол* «дорога»; 3) сохранение *ǎ*, *ǝ* (< тюрк. *y*, *ǖ*), напр.: *пǎр* «лед» — эта особенность в вокализме является общей для верхового и среднего диалектов; 4) чув. верх. *y*, *ǖ* || низ. и сред. *ыв*, *ǎв*, *ив*, *ǝв*, напр.: верх. *шу*, низ. *шыв* (*шǎв* в слове *шǎвар* «поить», *шǝв* в слове *шǝвек* «жидкость»), тюрк. *су* «вода»; чув. верх. *йуҫ*, низ. *йывǎҫ*, сред. *йǎвǎҫ*, тюрк. *агач* «дерево»; 5) переход сочетаний *йр*, *йл*, *йн*, *йт* в *р'*, *л'*, *н'*, *т'*; напр.: верх. *мар'а*, низ. и сред. *майра* «русская женщина, женщина другой народности»; верх. *мыр'ǎ*, *мур'ǎ*, низ. и сред. *мǎйǎр* «орех»; верх. *сар'а*, низ. и сред. *сайра* «редко» и т.д.; из этих явлений йотации некоторые случаи встречаются и в низовых говорах; 6) *m* на месте тюрк. *n*: верх. *ылтǎм*, низ. *ылтǎн*, сред. *ылтǎн* «золото», тюрк. *алтын*; верх. *солхǎм*, низ. и сред. *сулхǎн*, тюрк. *салкын* «прохладно».

Морфологические признаки: 1) форма дательного падежа в словах на *a*, *e* образуется прибавлением *-йа*, низ. и сред. *-на* (*-не*); верх. *лаша-йа* «лошади», *ёне-йа* «корове», низ. и сред. *лаша-на*, *ёне-не*; 2) подчинение сингармонизму показателя множественности в основном падеже: *лаша-сам* «лошади»; *ёне-сем* «коровы», но слова с исходным *й* имеют всегда в основном падеже широкозвучное окончание: *телей-сам* «счастье», *ёскей-сам* «деверья»; 3) окончание положительной глагольной формы 3 лица единственного числа настоящего времени верх. *-ам*¹⁰⁰, эмфатич. *-амǎ*, отрицат. *-маҫ* / *-маҫт'*; 4) вопросительной частицей во всех случаях служит *-и*, а в низ. в форме 2 лица *-а* (*-е*), в форме 3 лица *-и* и т.д., в сред. *-а*, *-е* (*-э*), *-о*.

Кроме указанных, малокарачкинский говор характеризуется следующими особенностями:

1) Сильное оканье. Если взять всю «окающую» территорию чувашского языка, то наиболее сильно это явление заметно в указанном районе, где наблюдается не только наибольшее количество слов с *o* вместо общетюркских *a*, *o*, но и встречаются слова с *o*, чего в других местах «окающих» говоров нет. Слов с *o* больше всего в малокарачкинском говоре, в остальных группах этот звук в соответствии с тюркским *o* сузился, изменился, перейдя в *y*; 2) Эканье. В этом говоре имеется значительный слой слов со звуками *ä* и *э* (очень узкий звук) в соответствии с общечувашским *и*, напр.: *när* «мы», *närën* «наш, у нас», *sär* «вы», *särën* «ваш, у вас» вместо общечув. *э-пир*, *э-пёр* «мы», *пирё-н* «наш, у нас»; *э-сир*, *э-сёр* «вы», *сирё-н* «ваш, у вас», *хёрёç* вместо общечув. *хирёç* «против»¹⁰¹; 3) Наличие слоя слов с гласным *y* вместо общечув. *ы*. Напр.: общечув. *пыр*, тюрк. *бар*, козъм. *пур* «идти» и «горло»; общечув. *выльăх* — малокарач. *вул'ăх* «скотина»; общечув. *выр* — малокарач. *вур* «жать»; общечув. *вырăс* — малокарач. *вурăс* «русский»; общечув. *пыл* — малокарач. *пул* «мед»; 4) Наиболее выдержанный сингармонизм в отличие от всех остальных диалектов. Можно предположить, что данное явление развилось под влиянием горномарийского языка. В отношении говора с. Малое Карачкино Н.И. Ашмарин этот вопрос объясняет таким влиянием¹⁰². Примеры: *попля* «говорить», в других местах *попле* или *пупле*; *калях* «опять», в других местах *калех*; в глагольных формах: *калат* «он говорит», *каламас* «он не говорит», вместо *калат'*, *калатё*, *каламаст*, *каламастё*, *каламаç* в других местах этой группы; 5) Сохранение плавного *p* в глагольных формах прошедших времен (прошедшее действия и состояния), в 3 лице единственного и множественного числа повелительного наклонения и во всех формах утвердительных и отрицательных, в которых *p* стоит перед *t*¹⁰³. Примеры: *йар* «послать, посылать, пустить, пускать», прош. действия, *йар-тăм*, прош. состояния *йарнăй*, 3 лица множ. ч. повел. накл. *йарччăр* «пусть посылают», *йарма* «послать» (форма супина); 6) Образование форм имен на *y*, *ÿ* с аффиксом принадлежности 3 лица *-ё* без растяжения *y*, *ÿ* в *ăв*, *ёв*. Пример: *шу-ÿ-ё* вместо *шыв-ё* «его вода»; 7) Положительная форма 3 лица единственного числа глагола в настоящем времени оканчивается на *-ат* (*-ет*): *калат* «говорит», *парат* «дает», *килет* «идет», *перет* «ударяет» вместо книжн. *калат'*, *килет'*. Формы *калат*, *каламас* известны в средней группе чувашских диалектов ближе к татарской границе и являются обычными для низовых говоров, но в последних в узкозвучных словах сингармонизм выдерживается. Получается произношение, приблизительно схожее с русским *t* в словах *нет*, *кот*. По-видимому, здесь имеем дело с частным случаем общего явления, проявлением тенденции к отвердению после узкозвучных гласных вообще и других согласных. По крайней мере, этому закону, насколько удалось установить, подчиняется еще *n*: слово *пин* «тысяча» здесь произносится с твердым *n* (как русское *пин*).

Материалы экспедиции 2009 г. отчетливо показывают, что приведенные особенности сохранились. Московский исследователь О.А. Мудрак,

участвовавший в экспедиции, обратил внимание на наличие в данном говоре такой согласной, как *β*. Нами был опрошен ряд носителей диалекта, и удалось зафиксировать губно-губной звук *β* (соответствует губно-зубному *β* из других диалектов и литературного языка) в слове *пёβэр* «почка». До этого никто не обратил внимания на это явление фонетики. К сожалению, другие примеры употребления звука *β* нам зафиксировать не удалось. Пока данный случай выглядит исключением, необходимы новые исследования в этом плане.

Как известно, в тюркских языках гласные образуют пары по твердости-мягкости, в чувашском языке имеются следующие пары: *а — э (ä)*, *ä — ё*, *о — ö*, *у — ү*, *ы — и*. Во многих работах, посвященных верховому диалекту, мы видим в основном одно слово *пёрт* «дом», в малокарачклинском говоре этот звук содержится в лексемах *пёкё* «дуга; дужка», *кёленчёк* «лужа», *кёпчэмэ* «белый гриб», *шёрбэ* «суп», *кёэнтэ* «коромысло», *тёрэчэ* «окно» и т.д. (Следует отметить, что подобный звук, вопреки существующему мнению, встречается и в других говорах, например в говорах среднего диалекта. Так, запись и электронная обработка показали, что в турмышском говоре в слове *пурт* «дом» встречается звук, очень близкий к малокарачклинскому *ö*, который можно обозначить как дифтонг *öү*, *үö* или *ö^ү*, *ү^ö*, что обнаружил О.А. Мудрак.)

Лексические особенности малокарачклинского говора представлены в следующей таблице:

Малокарач.	Лит., сред., низ.
Термины родства и свойства	
<i>папти</i>	<i>асанне</i> «бабушка»
<i>тётти</i>	<i>асатте</i> «дедушка»
<i>апи</i>	<i>анне</i> «мама»
<i>эчки</i>	<i>апта</i> «старшая сестра»
<i>йэнки</i>	<i>инке</i> «жена старшего брата»
<i>шайкъл</i>	<i>шайлъл</i> «младший брат»
Еда, питье, фрукты и овощи	
<i>лэшкэ</i>	<i>яшка</i> «суп»
<i>паранк</i>	<i>сёр улми</i> «картофель»
<i>энис</i>	<i>укроп</i> «укроп»
<i>орэн</i>	<i>уйран</i> «пахта»
Животные и птицы	
<i>чепё сүри</i>	<i>чэх чепти</i> «цыпленок»
<i>варати</i>	<i>серси, салакайък</i> «воробей»
Предметы одежды	
<i>ом арки</i>	<i>сапун, черситти</i> «фартук»
Утварь, предметы быта, строения	
<i>пилэ</i>	<i>пайкэй</i> «пила»
<i>янтар</i>	<i>бутылка, кёленче, пулайтух</i> «бутылка»
<i>миска</i>	<i>кастрюль</i> «кастрюля»
<i>стёл'</i>	<i>сётел</i> «стол»
<i>молча</i>	<i>мунча</i> «баня»
<i>сайкак</i>	<i>сарай, лунасай</i> «сарай; хлев»

Имена прилагательные	
<i>патлорт</i> <i>прамой</i> <i>шотлӓ</i> «исправный, хороший, красивый» <i>сӓнӓ цок</i>	<i>кере, яка, тачкамас</i> «большой, тучный (о человеке)» <i>тӓрӓ, ырай, йӓркелӓ</i> «хороший, порядочный» <i>тӓссӓр, илемсӓр</i> «бесцветный, выцветший, некрасивый»
Глаголы	
<i>пӓтицлен</i> <i>сӓккӓрӓ</i> <i>сӓрлӓ пыр</i> <i>этрӓм</i> <i>шу кӓрт</i> <i>Ӕслемесси ара?</i>	<i>кукӓрӓл, пӓкӓрӓл</i> «согнуться, состарившись» <i>сӓхрӓ</i> «ужалила (змея)» <i>сӓтӓлсе пыр</i> «распутываться (о нитках)» <i>ыйтрам</i> «спросил» <i>шыв ӓсса кӓр</i> или <i>шыв илсе кӓр</i> «занеси воду (в дом)» <i>Ӕслемест-и вара?</i> «Не работает ли?» и т.д.

Ряд числительных также имеет свои особенности. Здесь мы видим как стандартное соответствие звуков *у* и *о*, так и локальные особенности, выраженные в соответствии лит. *ӓва* и малокарач. *а*, лит. *и* и малокарач. *э* (*ӓ*), лит. *н'* и малокарач. *н*. Сравните:

Малокарач.	Лит.
<i>пӓрре</i>	<i>пӓрре</i>
<i>иккӓ</i>	<i>иккӓ</i>
<i>вицӓӓ</i>	<i>вицӓӓ</i>
<i>таттӓ</i>	<i>тӓваттӓ</i>
<i>пиллӓк</i>	<i>пиллӓк</i>
<i>олттӓ</i>	<i>улттӓ</i>
<i>сиччӓ</i>	<i>сиччӓ</i>
<i>саккӓр</i>	<i>саккӓр</i>
<i>тӓххӓр</i>	<i>тӓххӓр</i>
<i>воннӓ</i>	<i>вуннӓ</i>
<i>сӓрӓм</i>	<i>сирӓм</i>
<i>вӓтӓр</i>	<i>вӓтӓр</i>
<i>хӓрӓх</i>	<i>хӓрӓх</i>
<i>аллӓ</i>	<i>аллӓ</i>
<i>отмӓл</i>	<i>утмӓл</i>
<i>сӓтмӓл</i>	<i>ситмӓл</i>
<i>сакӓр воннӓ</i>	<i>сакӓр вуннӓ</i>
<i>тӓхӓр воннӓ</i>	<i>тӓхӓр вуннӓ</i>
<i>сӓр</i>	<i>сӓр</i>
<i>тат сӓр</i>	<i>тӓват сӓр</i>
<i>олт сӓр</i>	<i>улт сӓр</i>
<i>пинӓ</i>	<i>пин'</i>

Местоимения также имеют свою специфику. Эту особенность исследователи отмечали и сто лет назад, сохраняются они и в настоящее время:

Малокарач.	Лит.
<i>эп</i>	<i>эп(ӓ)</i> «я»
<i>эс</i>	<i>эс(ӓ)</i> «ты»
<i>вӓл</i>	<i>вӓл</i> «он, она, оно»
<i>пӓр</i>	<i>эпир</i> «мы»
<i>сӓр</i>	<i>эсир</i> «вы»
<i>вӓсам</i>	<i>вӓсем</i> «они»

К морфологическим особенностям относятся следующие:

— вместо аффикса *-и(ч)ё* малокарачкинцы используют *-иё* (*лартсаиё* «давно посадил было» вместо *лартнайччё*),

— вместо усилительной частицы *-ах (-ех)* употребляется *-ак (-ек)* (*ёссек йэр* «выпить все»),

— вместо частицы *-ске* здесь распространено *-ца* (*калап-ца* «говорю же» вместо *калатан-ске*).

К русским заимствованиям относятся: *алă пили* «ножовка», *пилă* «пила» (вместо *пайка*), *янтар* «бутылка», *миска* «кастрюля», *стол'* «стол», *вос* «воз», *чельник* «пасека (< пчельник)» и др.

К марийским заимствованиям можем отнести: *пелетйш* «цветок», *ийёлё* «червяк» и др.

Служебные части речи также содержат свои особенности. Среди них особо выделяются: *кап* «подобно» вместо *пек* (лит. *ун пек*, малокарач. *он кап*), *салак* «все равно» вместо *савах*.

Распространены морфосинтаксические особенности, выраженные в явлении внешнего сандхи: *ёссэр* «выпей» (*ёссе + йэр*), *шайнкартсэртём* «ударил в нос» (*шайнкартса + я(р)тём*) и др.

Т.М. Матвеев писал: «Следует особо подчеркнуть обилие марийских лексических проникновений». Этот тезис давно укоренился в чувашском языкознании, и при анализе диалектов, при исследовании чувашско-марийских, тюркско-финно-угорских контактов ученые практически всегда подчеркивают этот факт. Но анализ так называемых марийских заимствований в чувашском языке с использованием электронных тюркских, финно-угорских, монгольских, иранских и т.д. словарей показал, что некоторые лексемы в других финно-угорских языках не встречаются, а локализовались только в нескольких населенных пунктах, соседствующих с с. Малое Карачкино. Фонетический облик не позволяет пока точно установить их происхождение, т.к. подобные лексемы не встречаются не только в финно-угорских, но и в тюркских, иранских, монгольских, славянских языках.

Участники экспедиции не нашли подтверждения утвердившегося в чувашском языкознании мнения о том, что данный говор основан на марийском языке и основную часть лексики составляют марийские слова. В процентном соотношении марийские заимствования в данном говоре составляют примерно столько же, сколько в литературном чувашском языке, и относятся к лексике, связанной с лесом, насекомыми, животными.

Небезынтересным представляется сравнение содержащих дифтонги лексем с чувашскими заимствованиями в марийском языке. Например: *кавакар* ~ *коакар* «синеть, багроветь», *кавакарчян* ~ *коахарчан* «голубь» > мар. *көгөрчен* вытесняются из речи верховых чувашей.

Говоры верхового диалекта характеризуются комплексом важнейших отличительных признаков.

• Лингвогеографическое изучение сундырского говора позволило выделить в нем два подговора — сундырский и малокарачкинский. Послед-

ний подговор, обстоятельно изученный в свое время Н.И. Ашмариним, представляет собой своеобразный уголок чувашской языковой общности, в котором сохранились многие архаические черты. Малокарачкинский подговор отличается от сундырского и других говоров верхового диалекта:

а) наличием губного переднего ряда, соответствующего у других говоров: *nört* «дом, изба», *çöre* «ходить», *йөнё* «дешевый»;

б) звуковые комплексы *йва* и *ёве* в этом подговоре через ступень *oa*, *oe* превратились в долгий гласный: *чааш* (*чоаш* < *чйвааш*) «чуваш», *хёел* (< *хоел*, < *хёвел*) «солнце»;

в) очерчивается изоглоссами лексических явлений: *nanni* «бабушка со стороны отца», *töttö* «дедушка со стороны отца», *вилё карти* «кладбище», *күйчёк* «подушка» и др.

• Характерным является употребление *c* вместо *ç* других говоров и литературного языка: *ста* «где», *ниста* «нигде», *пасёр* «давеча».

• Имеется ряд лексических изоглосс, конфигурация которых имеет картину, сходную с границей двух говоров: *чйм* «кувшин», *пошут* «всадник», *чён çури* «цыпленок», *паранк* «картофель», *ййлан* «уствовать», *пичи* «деверь, старший брат мужа».

Данное утверждение служит сигналом к всестороннему исследованию группы населенных пунктов, в которых распространены особенности малокарачкинского типа, на предмет выявления финно-угорских, славянских и других заимствований, а также древних собственно чувашских форм всех строевых уровней языка, часто принимаемых за марийские.

Материалы экспедиции 2009 г. отчетливо показывают, что изоглоссы не совпадают с границами административно-территориальных единиц и даже при близком расположении населенных пунктов наблюдаются различия как фонетического, так и лексического плана.

Таким образом, в результате исследования удалось прийти к следующим выводам:

1. На границе Ядринского, Моргаушского районов Чувашской Республики и граничащих населенных пунктов Республики Марий Эл образовалась зона, сохранившая, вероятно, архаичные черты древнечувашского языка.

2. Простое анкетирование и опрос относительно отдельных фонетических и морфологических особенностей лексем не всегда дает адекватные сведения, нередко лишь запись на аудио- или видеокассету позволяет определить те или иные черты.

3. Утверждение диалектологов о том, что малокарачкинский говор сложился в результате наложения чувашского языка на марийский и поэтому основную часть лексики составляют марийские слова, не соответствует действительности. В малокарачкинском говоре марийские заимствования занимают примерно столько же места, сколько в литературном языке.

4. В данном говоре обнаружен губно-губной согласный звук *β*, пока не зафиксированный в других говорах и диалектах.

5. Вопреки утверждениям 50—60-х гг. XX в. о том, что происходит нивелировка диалектов, отличительные черты диалекта, говора в обследованном населенном пункте Ядринского района сохраняются.

6. Несмотря на существенные различия в фонетике, лексике и семантике, малокарачклинский говор не может быть определен как отдельный диалект, а тем более — как язык чувашского типа: многие из особенностей данного говора наблюдаются в других говорах верхового диалекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые сведения о диалектном членении чувашского языка появились еще в XVIII в. Предысторией чувашской диалектологии мы можем считать упоминания в разных источниках XVIII—XIX вв. о диалектах чувашского языка, о различиях в говоре чувашей, проживающих в разных местностях. В настоящее время существуют разные точки зрения относительно истоков чувашской диалектологии. Предлагают истоками учения о чувашских диалектах считать труды Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, Т.М. Матвеева и т.д. Нам представляется, что историю чувашской диалектологии справедливо начать с Н.И. Золотницкого. Ученый еще в 1867 г. писал о трех диалектах чувашского языка — верховом, среднем и низовом, причем свои работы писал на «чебоксарско-цивильском наречии» среднего диалекта, понятном и верховым, и низовым чувашам. Немногие из тех исследователей, кто утверждал о наличии двух диалектов — верхового и низового — обратили внимание на то, что С.М. Михайлов, Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, П.И. Орлов, говоря о чувашах-анатри (низовых), имели в виду современных чувашей «анат енчи» (средненизовых), а под диалектом *анатри* подразумевали современный *в́ата*, *мал ен* (средний) диалект. Диалектологию советского периода XX в. справедливо будет начать с работы Т.М. Матвеева, впервые «на научной основе» выделившего группы говоров чувашского языка, лингвистические и экстралингвистические причины их образования и показавшего примерные границы крупных диалектных подразделений. В советский период рассмотрены фонетические, грамматические, семантические, лексические особенности многих говоров чувашского языка, подготовлены программы и анкеты для сбора материалов, выпускались сборники статей, посвященные проблемам диалектологии. В этот период был собран, обработан, систематизирован и введен в научный оборот огромный материал по фонетике, морфологии, лексике, семантике и синтаксису многих говоров и диалектов чувашского языка. Л.П. Сергеевым был подготовлен уникальный труд — «Диалектологический атлас чувашского языка», который с 1960-х гг. хранится в научном архиве ЧГИГН. Кроме него, в архиве института для будущих поколений оберегают более 400 единиц хранения, где содержатся материалы о диалектах и говорах чувашского языка. Молодые исследователи выдвигают новые гипотезы, предположения, предлагают заниматься не только описательной диалектологией, но и исторической.

Вся диалектология чувашского языка развивалась по ошибочному пути из-за, казалось бы, маленькой ошибки, выраженной в том, что за аксиому, неоспоримый факт был взят тезис: «В чувашском языке два диалекта: верховой и низовой, а в зоне их взаимодействия образовалась зона смешанных (переходных) говоров». Данный подход позволил проводить изучение диалектов чувашского языка в отрыве от истории, а конкретно — истории расселения чувашей на территории современной Чувашской Республики, а также за ее пределами. Пришло время исходным считать другой тезис: «Средний диалект является основным диалектом, а верховой и низовой диалекты образовались в результате межъязыковых и межкультурных контактов с марийцами и татарами-мишарями».

В настоящее время перед чувашскими диалектологами стоит задача подключиться к глобальным проектам, направленным на документирование тюркских языков и их диалектов, в том числе к проекту «Система автоматического морфологического и синтаксического анализа для корпусов миноритарных тюркских языков России». Проект подчинен задаче документации миноритарных языков России, прежде всего создания их корпусов. Особо следует отметить достижения татарских диалектологов. Электронная версия атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири является результатом совместной разработки ученых Института прикладной семиотики, Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан и Казанского (Приволжского) федерального университета. Выпуск электронного варианта атласа является новым этапом представления диалектологических знаний по татарскому языку. Нам также следует подключиться к подобным проектам, а также с помощью современной аудио- и видеотехники фиксировать все особенности современных чувашских диалектов и говоров. Этот процесс очень важен для изучения истории языка, для объяснения изменений, происходящих в настоящее время и произошедших много веков назад. С учетом того, что численность носителей языка и диалектов стремительно сокращается, вполне вероятно, что через 30—40 лет исследователям диалектов чувашского языка придется обращаться уже к архивным материалам. Работу в данном направлении не следует пускать на самотек.

Приложение

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Диалектом (< греч. διάλεκτος «разговор, говор, наречие») называется разновидность какого-либо языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. В основном различают **территориальные** и **социальные** диалекты¹⁰⁴. Под **социальными диалектами** понимают язык определённых социальных групп (отличающиеся от общенародного языка только лексикой профессиональные языки охотников, рыболовов, гончаров и др.);

групповые жаргоны или сленги учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодёжных, коллективов и т.д.¹⁰⁵ **Территориальные диалекты** всегда являются частью целого, отдельно взятого языка. Они имеют отличия в фонетике, грамматике, словообразовании, лексике. Становление литературного языка периода формирования нации обычно происходит на основе одного из диалектов. Этот диалект по существу представляет собой синтез различных диалектов. Возможно развитие двух вариантов литературного языка на основе разных диалектов, обусловленное длительной разобщённостью носителей одного языка (например, марийских или мордовских языков)¹⁰⁶.

Диалектизмами называются характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературную речь. Диалектизмы выделяются в потоке литературной речи как отступления от языковой нормы. Различаются диалектизмы фонетические (в чувашском языке — оканье и уканье, то есть произношение «пор» и «пур»); семантические (турмышские *хăрăк* «худой, худощавый (о человеке)», *хавшак* «шустрый, бойкий» вместо литературных *хăрăк* «сухой, засохший; гнилой; ветхий», *хавшак* «слабый, хилый, немощный, больной, болезненный, слабый») и т.д. Среди лексических диалектизмов различают: лексические диалектизмы — синонимы, соответствующие литературным словам (верх. *маçак* — лит. *асатте* «дедушка по отцу», верх. *ани* — лит. *анне*); семантические диалектизмы (морг. *вутă* «сено», лит. *вутă* «дрова»)¹⁰⁷.

Диалектологией называется раздел языкознания, изучающий местные, территориальные разновидности языка, диалекты. В.В. Иванов выделяет «**описательную**, изучающую современные исследователю местные разновидности языка, и **историческую**, изучающую развитие диалектов в истории данного языка»¹⁰⁸, диалектологию. **Описательная диалектология** изучает языковые особенности территориальных диалектов, устанавливает характер тех фонетических, грамматических, лексических черт, которые отличают данные диалекты и имеют определённое распространение в тех или иных местных разновидностях. **Историческая диалектология**, имеющая своей целью реконструкцию истории разных диалектов, истории возникновения, развития или утраты диалектных особенностей, распространения их на определённых территориях или сужения области такого распространения, в конечном счёте стремится воссоздать историю данного языка в его диалектных разновидностях на всём протяжении его существования и развития. В отличие от диалектологии, изучающей территориальные диалекты, выделяется **социальная диалектология**, изучающая социальную, возрастную, профессиональную дифференциацию языка¹⁰⁹.

Лингвистическая география — раздел языкознания, изучающий территориальное распространение языковых явлений. Она тесно связана с ареальной лингвистикой. Перенос на географическую карту данных об особенностях тех или иных диалектных образований показал, что их распространение на территории, занимаемой языком, образует сложное переплетение **изоглосс** (**изоглосса** — от греч. *ισος* «равный» и *γλωσσα* «язык,

речь»¹¹⁰), линий на географической карте, ограничивающих территориальное распространение отдельного языкового факта, причём обычно изоглоссы разных явлений, характерных для данного диалекта, не совпадают. Однако, не совпадая полностью, отдельные изоглоссы проходят близко друг от друга, образуя так называемые **пучки изоглосс**, между которыми выделяются территории, характеризующиеся языковым единством по явлениям данного пучка и образующие территориальные диалекты. Появление и развитие лингвистической географии связано с картографированием диалектных различий языков и созданием атласов диалектологических¹¹¹.

Говор — наименьшая территориальная разновидность языка, используемая в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских населённых пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий. Различают **говоры переходные (смешанные)**, занимающие промежуточное положение между другими говорами и совмещающие в себе характерные черты нескольких говоров (языков); **говор материнский** — язык жителей населённого пункта, откуда переселилась его часть, образовавшая говор переселенческий; **говор островной** — находящийся в окружении другого языка или резко отличающегося по многим языковым чертам диалекта того же языка¹¹². **Переходным (смешанным) говорам** и путанице в чувашской диалектологии, связанной с ними, мы посвятили специальный раздел.

Наречие в диалектологии, кроме названия одной из частей речи, имеет и другое значение, которое в разных источниках трактуется по-разному:

1) наречие — крупное подразделение языка, объединяющее группу говоров, связанных между собой общими языковыми явлениями (севернорусское наречие)¹¹³;

2) наречие — совокупность местных говоров, диалектов, обладающих общими чертами, диалект более крупный, чем говор (окающее и акающее наречия русского языка)¹¹⁴;

3) наречие — крупное подразделение языка, объединяющее группу говоров (и даже диалектов), связанных между собою рядом общих явлений, неизвестных другим наречиям того же языка; образование наречий бывает вызвано или существованием крупного областного центра, способствующего объединению части говоров языка, или слиянием в один язык близкородственных самостоятельных языков вследствие политического или культурного объединения народностей, говорящих на этих языках¹¹⁵.

Лабиялизация (от ср.-лат. *labialis* «губной») (огубление) — артикуляция звуков речи (как гласных, так и согласных), сопровождаемая округлением вытянутых вперёд губ. Для разных языков характерна разная степень лабализации¹¹⁶. Разная степень лабализации наблюдается и в диалектах чувашского языка. Так, основным различительным признаком верхового и низового диалектов принято считать противопоставление двух огубленных гласных *o* и *y*: *пор* ~ *пур*, *сок* ~ *сук*, *шорă* ~ *шурă* и т.д. В чувашском языке лабализация особенно отчетливо наблюдается при произношении редуцированных гласных *ă* и *ĕ* говорах, распространенных на северо-

востоке Чувашии (средний диалект): *кăмăл*, *кĕмĕл*, *вăрăм* и т.д. Данная особенность наблюдается и в некоторых населенных пунктах, входящих в ареал верхового диалекта. Но, в отличие от верхового диалекта, в среднем диалекте лабиализация редуцированных гласных носит повсеместный характер. Кроме данной особенности, в мариинско-посадском, козловском, урмарском, янтиковском говорах среднего диалекта распространено огубление *a*: $a > a^o > o$. Оно наблюдается в таких словах, как *вăрмон* «лес», *кăшмон* «свекла», *тăмоно* «сова» и т.д. В итоге, в диалектах чувашского языка встречаются следующие **огублённые (лабиализованные, губные) гласные**, образующиеся при округлении и вытягивании губ: [o], [ö], [y], [ý], [ä°], [ë°].

Для чувашского языка характерен **сингармонизм** (от греч. σύν «вместе» и ἁρμονία «созвучие») — морфонологическое явление, состоящее в единообразном вокалическом (иногда и консонантном) оформлении слова как морфологической единицы. **Сингармонизм** присущ главным образом **агглютинативным языкам**, где он обеспечивает целостность и отдельность словоформы, действуя как «цементирующее средство» (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Конкретный тип сингармонизма зависит от характера вокалической и просодической системы языка; в урало-алтайских языках с их тембровым богатством гласных представлен тембровый и лабиальный сингармонизм. Понятие сингармонизма шире, чем обычно отождествляемое с ним понятие гармонии гласных, так как сингармонизм может выражаться и в консонантной гармонии¹¹⁷.

Ударение (акцент) — выделение в речи той или иной единицы в последовательности однородных единиц с помощью фонетических средств. Обычно выделяют словесное, синтагматическое (фразовое) и логическое ударения. По акустическим признакам в чувашском литературном языке, в верховом и среднем диалектах различаются два типа ударения: у гласных *a*, *э*, *у*, *ý*, *ы*, *и*, *о*, *ö* — долготно-силовой, *ă*, *ĕ*, *ă°*, *ĕ°* — только силовой. В низовом диалекте только один тип — долготно-силовой¹¹⁸.

Литература и примечания

¹ Языки мира // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 609.

² *Schlözer A.L. Probe Russischer Annalen. Bremen und Göttingen. 1768. S. 105—106. Цит. по: Сергеев Л.П. Чăваш диалектологийĕ. II. Хрестомати. Шупашкар: И.Я. Яковлев ячĕллĕ Чăваш патшалăх педагогика университетĕ, 2002. С. 5.*

³ Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках, сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, Императорской академии наук профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции. Санкт-Петербург. Иждивением Императорской академии наук. 1791 года. URL:

<http://сувары.рф/ru/content/opisanie-zhivushchih-v-kazanskoj-gubernii-yazycheskih-narodov> (дата обращения: 03.09.2017).

⁴ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская академия наук, 1773. 786 с. URL: <http://сувары.рф/ru/content/puteshestvie-po-raznum-provinciyam-rossijskoj-imperii> (дата обращения: 03.09.2017).

⁵ *Лепёхин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 году. СПб.: Императорская академия наук, 1771. 562 с. URL: <http://сувары.рф/ru/content/dnevnye-zapiski-puteshestviya-po-raznum-provinciyam-rossijskogo-gosudarstva> (дата обращения: 03.09.2017).

⁶ *Лебедев В.И.* Симбирские чувашы // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. 30. № 6. С. 303—355. URL: <http://сувары.рф/ru/content/simbirskie-chuvashi> (дата обращения: 03.09.2017).

⁷ *Михайлов С.М.* Предания чуваш // Казанские губернские ведомости. 1852. № 24, 25, 28. Часть неофициальная.

⁸ «Разговор анатры, то есть низового чувашина, с вирьялем, то есть верховым чувашиним» см.: *Михайлов С.М.* Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853. С. 3—9.

⁹ *Родионов В.Г.* Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 173—174.

¹⁰ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка: монография. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2007. С. 12.

¹¹ *Матвеева Н.В.* Обзор диалектологических работ из рукописного фонда Н.В. Никольского // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 192.

¹² Свое мнение об этом Н.И. Егоров высказал в кратком отзыве о рукописи данного научного доклада.

¹³ *Матвеева Н.В.* Обзор диалектологических работ из рукописного фонда Н.В. Никольского. С. 192.

¹⁴ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолитограф. Императ. ун-та, 1898. С. II—V.

¹⁵ *Комиссаров Г.И.* Чувашы Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 27, вып. 5. Казань, 1911. С. 429—432.

¹⁶ Материал информатора П.И. Орлова, уроженца с. Орауши Ядринского уезда Казанской губернии, о различиях между группами чувашей «Анатри (малти, мал енчи) чăвашсем хирти чăвашсем тата вирьялсем (хура урасем)» см.: *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Т. 1. Хусан: Татполиграф, 1928. С. 217—226.

¹⁷ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. С. 11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 217.

²⁰ Там же.

²¹ *Матвеева Н.В.* Обзор диалектологических работ из рукописного фонда Н.В. Никольского. С. 192.

²² *Андреев И.А.* Об изучении чувашских диалектов // Вопросы диалектологии тюркских языков: Материалы II Регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11—15 ноября 1958 г. Казань, 1960. С. 137—139; *Его же.* К характеристике лексики говора башкирских чувашей (По материалам экспедиции 1962 г.) // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 2. С. 49—100; *Его же.* Происхождение формы множественности в свете диалектных данных // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 3. С. 44—58; *Его же.* Способы актуализации высказывания в чувашских диалектах // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 3. С. 25—43.

²³ *Алексеев А.А.* Чăваш чĕлхин вĕрăнти калаçăвĕсене тĕпчетпĕр [Изучаем местный говор чувашского языка] // Çĕнтерĕ сулĕ, 1958. Август, 17; *Его же.* Рикка калаçăвĕнчи сасăсен составĕ [Звуковой строй говора деревни Рикка] // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960. Вып. 1. С. 175—196; *Его же.* Особенности сенгилеевского говора чувашского языка // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 4. С. 5—28; *Его же.* Особенности языка чувашей села Живайкино Барышского района Ульяновской области // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1979. С. 75—85.

²⁴ *Ахметьянов Р.Г.* Некоторые чувашско-татарские диалектные лексические параллели и их этимологии — 1 // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1978. Вып. 6. С. 79—89; *Его же.* Некоторые чувашско-татарские диалектные лексические параллели и их этимологии — 2 // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1980. Вып. 8. С. 165—171.

²⁵ *Данилова Л.В.* Материалы по чувашским говорам // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщения / ЧГУ. Чебоксары, 1975. Вып. 3. С. 77—101; *Её же.* Об одной помете Н.И. Ашмарина // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1978. Вып. 6. С. 94—97.

²⁶ *Канюкова А.С.* Говор деревни Мёлэш Аликовского района Чувашской АССР и влияние на него чувашского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1950. 14 с.; *Её же.* О состоянии изучения диалектологии чувашского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков: материалы конференции. Баку, 1958. С. 113—118; *Её же.* О чувашских диалектах // Вопросы диалектологии тюркских языков: Материалы II Регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11—15 ноября 1958 г. Баку, 1960. С. 124—125; *Её же.* Чăваш чĕлхи грамматикин историйĕпе диалектологийĕ [История грамматики и диалектология чувашского языка]: педагогика институтĕн программисем. Шупашкар, 1959. С. 16—21; *Её же.* Некоторые особенности чувашей тури и анатри // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 1. С. 80—122; *Её же.* Некоторые фонетические и лексические особенности чувашских диалектов // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 2. Баку, 1960. С. 191—206; *Её же.* Чувашская диалектология: (краткие очерки). Чебоксары, 1965. 148 с. и т.д.

²⁷ *Корнилов Г.Е.* Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. С. 133—161; *Его же.* О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 99—104; *Его же.* Опыт исследования по чувашской диалектологии и болгаро-чувашской топонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. 20 с.; *Его же.* К теории имитативов и данные чувашских диалектов — I // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1977. Вып. 5. С. 61—142; *Его же.* К теории имитативов и данные чувашских диалектов (к теории имитативов — II) // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1978. Вып. 6. С. 98—152; *Его же.* К теории имитативов и данные чувашских диалектов (к теории имитативов — III) // Диалекты и топонимия Поволжья: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1979. Вып. 7. С. 23—66; *Его же.* К теории имитативов и данные чувашских диалектов (к теории имитативов — IV) // Диалекты и топонимия Поволжья: межвузовский сборник / ЧГУ. Чебоксары, 1980. Вып. 8. С. 103—130; *Его же.* К теории имитативов и данные чувашских диалектов — V // Диалекты и топонимия Поволжья: межвузовский сборник / ЧГУ. Чебоксары, 1981. Вып. 9. С. 3—37 и др.

²⁸ *Котлеев В.И.* Морфологические особенности краснотетайского говора // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 2. С. 35—48; *Его же.* О некоторых фонетических особенностях краснотетайского говора // Там же. С. 12—34; *Его же.* Об акустической природе верхового *o* в чувашском языке // Вопросы русской и чувашской филологии: сб. статей / ЧГУ. Чебоксары, 1973. Вып. 3. С. 3—9; *Его же.* О качестве чувашского безударного [o] в диалекте тури-вирьял // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщения. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 91—100; *Константинова С.И., Котлеев В.И.* Особенности русской фонетики в зеркале малокарачклинского говора чувашского языка // Межязыковое взаимодействие в Волго-Камье: сб. научных трудов / ЧГУ. Чебоксары, 1988. С. 27—36.

²⁹ *Петров Н.П.* Морфологические особенности чувашских говоров Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 3. С. 119—172; *Его же.* Заметки о лексико-синтаксических особенностях некоторых глаголов в чувашских говорах Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 4. С. 37—44 и др.

³⁰ *Цаплина Р.И.* Основные фонетические особенности ишлейского говора // Записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1952. Вып. 4. С. 32—51; *Её же.* Говор средней части Ишлейского района ЧАССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1948. 18 с.; *Её же.* Морфологические особенности ишлейского говора // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960. Вып. 1. С. 123—144; *Её же.* Особенности говоров чуваш, проживающих на территории Татарской АССР и Куйбышевской области (По материалам экспедиции 1961 г.)

// Научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ ЧНИИ за 1961 год. Тезисы докладов, обсуждаемых на заседаниях секции языка. Чебоксары, 1961. С. 17—20; *Её же*. Оканье в чувашском языке // Родной и русский язык в национальной школе: сб. статей. М., 1962. С. 40—54; *Её же*. Особенности чувашских говоров на территории Татарской АССР и Куйбышевской области // Тезисы докладов на V Региональном совещании по диалектологии тюркских языков, 27—30 мая 1963 г. Фрунзе, 1963. С. 32—35; *Её же*. Особенности некоторых чувашских говоров Татарской АССР и Куйбышевской области // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 2. С. 180—206 и др.

³¹ *Чуркин Т.Я.* Опыт изучения чувашских говоров Сундырского района ЧАССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1950. 20 с.; *Его же*. Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района ЧАССР // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 152—176.

³² *Лукоянов Г.В.* Маризмы в говорах верхового диалекта чувашского языка // Диалекты и топонимия Поволжья: материалы и сообщения / ЧГУ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 101—116; *Его же*. Марийские заимствования в чувашском языке / М-во просвещения Чуваш. АССР, Чуваш. ин-т усовершенствования учителей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974, 120 с.; *Его же*. Эпир: тури тата анатри чăвашсем [Мы: верховые и низовые чуваша] // Таһан Атӑл. 1988. 1 №. С. 53—54 и др.

³³ *Сергеев Л.П.* Основные особенности моргаушского говора // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 1. С. 145—174; *Его же*. К характеристике вокализма Козловского говора // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 2. С. 113—132; *Его же*. Урмарский говор чувашского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 25 с.; *Его же*. Из наблюдений над говором саратовских и пензенских чувашей // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 3. С. 59—112; *Его же*. Чăваш чӗлхин вырăнти калаçăвĕсем [Местные говоры чувашского языка]. Шупашкар, 1969. 79 с.; *Его же*. Словарь чувашских народных говоров. Фонетические диалектизмы // Материалы по чувашской диалектологии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. Вып. 4. С. 45—166; *Его же*. Вокализм верхового диалекта чувашского языка // Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1972. Вып. 1. С. 173—206; *Его же*. Диалектная система чувашского языка (Диалектологический атлас): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1973. 43 с.; *Его же*. Консонантизм верхового диалекта // Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 39—125; *Его же*. Еще раз о чувашско-марийских параллелях // Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 406—437; *Его же*. Лексика верхового диалекта чувашского языка — 1 // Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 45—74; *Его же*. Лексика верхового диалекта чувашского языка — 2 // Чувашский язык и литература. Чебоксары, 1975. С. 12—40 (Труды / ЧНИИ; вып. 59); *Его же*. Лексика верхового диалекта чувашского языка — 3 // Чувашский язык. Чебоксары, 1976. С. 124—133 (Труды / ЧНИИ; вып. 66); *Его же*. Диалектная система чувашского языка: монография. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2007. 428 с.; *Его же*. Чувашский язык: диалектологический аспект: избранные статьи: в 2 т. / под ред. Н.И. Егорова. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. Т. 1. 322 с.; Т. 2. 278 с. и др.

³⁴ *Сергеев В.И.* Чӗлхери сӑмахсен йышӗ усӑ курас енчен сийленни: Диалект сӑмахӗсем [Лексика чувашского языка с точки зрения сферы ее употребления: диалектные слова] // Чăваш чӗлхин лексикологийӗ: ЧНТИ статья пуххи. Шупашкар, 1977. С. 160—171; *Его же*. Шыв сӑмахӑн диалект, дериваци тата этимологи йӑвисем [Диалектные, деривационные и этимологические гнезда слова «шыв»] // Чтения по вопросам этимологии и ономастики, посвященные 60-летию со дня рождения академика Г.Е. Корнилова: тезисы докладов и сообщений / ЧГУ. Чебоксары, 1996. С. 18—19.

³⁵ Программа по собиранию материалов о говорах чувашского языка / под ред. И.П. Павлова. Чебоксары, 1955. 91 с.; *Сергеев Л.П.* Чăваш чӗлхин вырăнти калаçăвĕсен материалĕсене пухмалли программа [Программа по собиранию материалов о говорах чувашского языка]. Шупашкар, 1971. 72 с.; *Его же*. Вырăнти калаçăвӑн паллӑрах уйрӑмлӑхӗсене пухмалли анкета [Анкета по собиранию особенностей местного говора]. Шупашкар, 1963. 4 с.; *Егоров Н.И., Хузангай А.П., Виноградов Ю.М.* Диалектологическая практика: методические указания для студентов отделения чувашского языка и литературы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. 40 с.; *Егоров Н.И., Хузангай А.П.* Диалектологическая

практика: методические указания по сбору лексического материала. Чебоксары: ЧГУ, 1988. 20 с. и др.

³⁶ Диалекты и топонимия Поволжья (материалы и сообщения). Вып. 1 / ЧГУ. Чебоксары, 1972. 104 с.; Вып. 2. 1973. 117 с.; Вып. 3. 1975. 152 с.; Вып. 4. 1976. 84 с.; Вып. 5. 1977. 142 с.; Вып. 6. 1978. 152 с.; Вып. 7. 1979. 152 с.; Вып. 8. 1980. 172 с.; Вып. 9. 1981. 147 с.; *Материалы по чувашской диалектологии*: сб. статей / ЧНИИ. Вып. 1. Чебоксары, 1960. 196 с.; Вып. 2. 1963. 224 с.; Вып. 3. 1969. 207 с.; Вып. 4. 1971. 106 с.; Вып. 5. 1997. 191 с.

³⁷ Подробнее см.: *Батченко Е.И.* Путеводитель аннотированный по научному архиву Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отдел языкознания / науч. ред. А.В. Кузнецов. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 116—214.

³⁸ *Егоров Н.И.* Взаимовлияние диалектных систем терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // IX конференция по диалектологии тюркских языков: тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1982. С. 121—123; *Его же.* Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 55—66; *Его же.* Взаимовлияние диалектных систем терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // Проблемы диалектологии и лингвострановедения тюркских языков. Уфа, 1986. С. 145—149; *Его же.* Взаимовлияние диалектных систем терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // Межязыковые взаимодействия в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. № 12. С. 58—67; Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка / сост. Л.В. Власова, Н.И. Егоров. Стерлитамак: СГПА, 2004. Ч. 1. 200 с.; Ч. 2. 225 с. и т.д.

³⁹ *Дегтярёв Г.А.* Названия дикорастущих растений в низовом диалекте чувашского языка // Чувашский язык: история, этимология, фонетика: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 66—90; *Его же.* Традиционные названия морфологических частей, этапов роста и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур в чувашских диалектах // Чувашский язык: история и современность: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. С. 48—63; *Его же.* Названия полевых культур в системе диалектного языка // Чувашский язык: история и современность: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. С. 5—15; *Его же.* Названия садовых культур в чувашских говорах // *Материалы по чувашской диалектологии*: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. Вып. 5. С. 39—45; *Его же.* Названия овощных культур в диалектном языке // *Материалы по чувашской диалектологии*: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. Вып. 5. С. 9—30 и др.

⁴⁰ *Долгова А.П.* Язык чувашей Оренбургской области как опыт изучения // Чувашши в Оренбургском крае (Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чувашского просветителя И.Я. Яковлева). Оренбург, 1998. С. 44—46; *Её же.* К вопросу о состоянии языка чувашей Среднего Предволжья // Язык, культура, общество: социально-культурные аспекты развития регионов Российской Федерации: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, Ульяновск, 19—20 февраля 2002 г. / Ульянов. гос. техн. ун-т. Ульяновск: УлГТУ, 2002. С. 68—70; *Её же.* Об особенностях говора чувашей Самарской Луки // Чувашши Самарской Луки. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 68—88; *Её же.* К характеристике языка симбирско-саратовских чувашей // *Вопросы чувашской диалектологии*: сб. статей. Кн. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. С. 24—31; *Её же.* Чăнлă районĕнчи (Ульяновск облаçĕ) Сĕнĕ Улхаш калаçăвĕн сасă тытăмĕнчи уйрăмлăхĕсем // Чăваш диалектологийĕн ыйтăвĕсем: статьясен пуххи. 4-мĕш кĕнеке. Шупашкар: ЧППУ, 2009. С. 24—31; Симбирско-саратовские чувашши: монографическое исследование / А.П. Долгова, Г.Н. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин; под общ. ред. М.Г. Кондратьева. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2004. 274 с.

⁴¹ *Ахвандерова А.Д.* Диалекты как источник изучения истории чувашского языка // Чăваш чĕлхипе литературин ыйтăвĕсем. Шупашкар, 2001. С. 43—45; *Её же.* Из опыта исследования говора села Мусирмы Чувашской Республики // *Первой удмуртской грамматике 225 лет*: сб. статей / УдмИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002. С. 93—98; *Ахвандерова А.Д., Сергеев Л.П.* Островные говоры восточных районов Чувашской Республики (на примере урмарского говора смешанного диалекта) // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. Чебоксары, 2015. № 01 (85). С. 20—25 и др.

⁴² *Власова Л.В.* Пушкăртстан чăвашĕсен калаçăвĕнчи лексика уйрăмлăхĕсем [Лексические особенности говора башкирских чувашей] // Проблемы изучения и преподавания филологических наук: сб. материалов: в 4 ч. Всероссийская научно-практическая конференция, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 11—13 мая 1999 г. Ч. 4: Татарская и чувашская филология. Стерлитамак, 1999. С. 159—164; *Её же.* Заимствованные слова

чуваши́х говоро́в Респу́блики Башко́ртостан // Чуваши́я Респу́блика на рубе́же ты́сячелетий: исто́рия, эконо́мика, ку́льтура: Тези́сы Ме́ждунаро́дной нау́чно-пра́ктиче́ской ко́нференции, посв́ященной 80-лети́ю Чуваши́ей Респу́блики. Чебо́ксары, 2000. С. 329—330; *Её же*. Темати́ческая класси́фикация диалектны́х слов в говоро́х чуваши́ей Респу́блики Башко́ртостан // Акту́альные пробле́мы тюркско́й и финно-угоро́ской фи́лологии: тео́рия и опы́т изуче́ния: к 70-лети́ю Арсла́нова Л.Ш. Ела́буга, 2002. С. 52—55 и др.

⁴³ Диалектоло́гический сло́варь чуваши́его язы́ка [Элеќтронный ресу́рс] / Л.П. Серге́ев, В.В. Па́влов, А.Д. Ахванде́рова; Чуваши́. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковле́ва. Чебо́ксары, 2017. 164 с.

⁴⁴ *Матвеева Н.В.* Обзор диалектоло́гических рабо́т из рукопи́сного фо́нда Н.В. Ни́кольского // Вестни́к Чуваши́его уни́верситета. Гума́нитарные нау́ки. 2008. № 1. С. 192—194.

⁴⁵ *Желтов П.В.* Вопро́сы реконст́рукции дре́внечуваши́ей и среднебу́лгарско́й фо́нетики: крити́ческий обзор // Со́временные пробле́мы нау́ки и образо́вания. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/106-7440>; *Его же*. Дре́внебу́лгарская субста́тная лексика в тюркски́х язы́ках // Со́временные пробле́мы нау́ки и образо́вания. 2012. № 7. URL: <http://www.science-education.ru/107-8103>; *Его же*. К эти́мологии тюркски́х указа́тельных местоиме́ний *bu* и *bul* ‘это́т’, ‘э́та’, ‘э́то’ // Со́временные пробле́мы нау́ки и образо́вания. 2013. № 2. URL: <https://www.science-education.ru/108-8473>; *Его же*. Про́исхождение чуваши́их диалекто́в // Фундаме́нтальные иссле́дования. 2013. № 6, ч. 6. С. 1535—1538. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31774> (дата обра́щения: 03.10.2017); *Zheltoy P.V.* A Comparative analysis of some Chuvash and Tatar case affixes // *Turcica*. Paris, 2007. № 38. P. 325—331; *Zheltoy P.V., Fomin E., Luutonen J.* Reverse Dictionary of Chuvash // Societe Finno-Ugrienne. Helsinki. 2009. 344 p.

⁴⁶ *Кузнецов А.В.* Та́вай ча́вашсен че́лхе уйра́мля́хесем [О́собенности ре́чи янти́ковски́х чуваши́ей] // Ча́ваш че́лхи ыйта́вёсем: В.И. Серге́ев профе́ссор 60 су́л тулта́рине хала́ланя́ а́сла́х ко́нференци́ материалё́сем / ЧПУ. Шу́пашкар, 2002. С. 91—93; *Его же*. Вербальны́е средста́ этикетно́го обще́ния в чуваши́ем язы́ке (К вопро́су о лингвогеографи́ческой и диалектоло́гической ха́рактеристике) // Материа́лы Ме́ждунаро́дного симпози́ума, посв́ященного 70-лети́ю Васи́льевой Елиза́веты Фе́доровны. Чебо́ксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковле́ва, 2004. С. 38—43; *Его же*. Речево́й этикет наро́дов Волго-Ура́лья: моногра́фия. Чебо́ксары: ЧГИГН, 2008. 320 с.; *Его же*. Та́рмаш кала́са́вён ха́ш-пе́р уйра́мля́хесем си́нчен [О некото́рых о́собенно́стях турмы́шского гово́ра] // Ча́ваш диалектоло́гийён ыйта́вёсем: ста́тьясен пу́ххи. 4-ме́ш ке́неке / явап. ред. А.Д. Ахванде́рова. Шу́пашкар: И.Я. Яковле́в яче́ллэ Ча́ваш патшалáх педаго́гика уни́верситече́, 2009. С. 73—79; *Его же*. Со́временное состо́яние ма́локара́чкинского гово́ра чуваши́его язы́ка // Чуваши́йский язы́к и этнос в исто́рии евра́зийско́й цивили́зации: материа́лы Ме́ждунаро́дной тюрколо́гической ко́нференции (Чебо́ксары, 16—18 сентя́бря 2010 г.) / ред.-со́ст. А.В. Кузнецов. Чебо́ксары: ЧГИГН, 2011. С. 140—147; *Его же*. Та́вай райо́нёнчи Та́рмаш я́лэ кала́са́вён фо́нетика уйра́мля́хесем си́нчен [О фо́нетически́х о́собенно́стях гово́ра села́ Турмы́ши Янти́ковско́го райо́на] // Вопро́сы чуваши́ей диалекто́логии: сб. ста́тей. Кн. 6 / отв. ред. Л.П. Серге́ев. Чебо́ксары: Чуваши́. гос. пед. ун-т, 2012. С. 51—55; *Его же*. Со́временное состо́яние диалекто́в чуваши́его язы́ка (по материа́лам социолингвисти́ческой экспеди́ции 2004 г.) // Чуваши́йский гума́нитарный вестни́к. 2015. № 10. С. 165—172; *Кузнецов А.В., Кузнецова Н.М.* К вопро́су о диалекта́х чуваши́его язы́ка // Акту́альные пробле́мы диалекто́логии язы́ков наро́дов Росси́и: Материа́лы XV Все́российско́й нау́чной ко́нференции. Уфа, 2015. С. 126—130 и т.д.

⁴⁷ *Желтов П.В.* Про́исхождение чуваши́их диалекто́в // Фундаме́нтальные иссле́дования. 2013. № 6. Ч. 6. С. 1535. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31774> (дата обра́щения: 19.12.2016).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 1536.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 1537.

⁵² Там же. С. 1538.

⁵³ *Димитриев В.Д.* Чуваши́е исто́рические преда́ния: Очерки исто́рии чуваши́его наро́да с дре́вних вре́мен до сере́дины XIX ве́ка. 2-е, доп. изд. Чебо́ксары: Чуваши́. кн. изд-во, 1993. С. 130.

⁵⁴ Там же. С. 131.

⁵⁵ *Сергеев Л.П.* Диалект́ная систе́ма чуваши́его язы́ка: моногра́фия. Чебо́ксары: Чуваши́. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковле́ва, 2007. С. 363.

⁵⁶ *Егоров Н.И., Кузнецов А.В.* Язык и диалекты // Народы и культуры: чуваш. М.: Наука, 2017. С. 128.

⁵⁷ *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этно-территориальных групп (XVII — начало XX в.). Чебоксары, 2007. С. 230—257, 400—408. Карты 2—7.

⁵⁸ *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985. С. 58.

⁵⁹ *Золотницкий Н.И.* Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 25.

⁶⁰ Статью В.Г. Родионова «О диалектах чувашского языка и границах этнографической группы анат енчи» см.: *Родионов В.Г.* Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 176.

⁶¹ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Казань: Типолитограф. Императ. ун-та, 1898. С. II.

⁶² *Ашмарин Н.И.* Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 65.

⁶³ *Родионов В.Г.* Чувашский этнос ... С. 177.

⁶⁴ *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова, предисл. Л.П. Куракова. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2003. С. 25.

⁶⁵ Там же. С. 26.

⁶⁶ *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. I т. С. 217—222.

⁶⁷ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 21.

⁶⁸ *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология. С. 58.

⁶⁹ *Ашмарин Н.И.* Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 71.

⁷⁰ *Комиссаров Г.И.* Чуваша Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 27, вып. 5. Казань, 1911. С. 429—432.

⁷¹ *Сергеев Л.П.* Чăваш чĕлхин ырӑнти калӑсăвĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1969. С. 41—47.

⁷² *Канюкова А.С.* Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары, 1960. С. 80—122.

⁷³ *Канюкова А.С.* Чувашская диалектология: (краткие очерки). Чебоксары, 1965. С. 127.

⁷⁴ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов ... С. 8—64.

⁷⁵ Н.И. Егоров считает, что в некоторых исследованиях количество мариизмов в чувашском языке завышено, к ним отнесены многие исконно чувашские слова тюркского происхождения. См., например: *Лукоянов Г.В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 119 с.

⁷⁶ *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология. С. 59—60.

⁷⁷ Там же. С. 60.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 62.

⁸⁰ *Сергеев Л.П.* Диалекты чувашского языка // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 1: А—Е. С. 511—512.

⁸¹ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. С. IV—V.

⁸² Там же. С. IV.

⁸³ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов ... С. 17.

⁸⁴ Там же. С. 19.

⁸⁵ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов ... С. 20.

⁸⁶ Там же. С. 23.

⁸⁷ Там же. С. 24.

⁸⁸ *Родионов В.Г.* Чувашский этнос ... С. 176.

⁸⁹ См., например: *Ахвандерова А.Д., Сергеев Л.П.* Островные говоры восточных районов Чувашской Республики (на примере урмарского говора смешанного диалекта) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2015. № 01 (85). С. 20—25.

⁹⁰ *Николаев Г.А.* Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX века: «свой» и «чужие» // Чувашский гуманитарный вестник.

Чебоксары, 2010. № 5. С. 138—158; *Его же*. Средневолжская поликонфессиональная деревня второй половины XIX — начала XX века в аспекте отношений «свой» и «чужой»: к постановке проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI — начало XX в.)» (Казань, 5—6 октября 2011 г.). Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 5—15; *Его же*. Мир средневолжской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой», вторая половина XIX — начало XX века. Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 2); *Его же*. Мир средневолжской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой», вторая половина XIX — начало XX века // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона, XVIII—XXI вв.). Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 188—198; *Его же*. Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 312 с.

⁹¹ *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века. С. 64.

⁹² Там же.

⁹³ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 2000. Т. 1. С. 221, 230; Цит. по: *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века ... С. 64—65.

⁹⁴ Хура тяппасем (хура урасем). Кого так называли и называют? URL: <http://oldforum.chuvash.org/cgi-bin/ikonboard.cgi?act=ST&f=7&t=3047> (дата обращения: 10.09.2017).

⁹⁵ Языки народов Российской Федерации и соседних государств. М.: Наука, 2005. Т. 3. С. 389.

⁹⁶ Чувашский язык. URL: http://www.gpedia.com/ru/gpedia/Чувашский_язык#cite_note-7 (дата обращения: 12.09.2017).

⁹⁷ Малокарачкинский язык. URL: http://www.gpedia.com/ru/gpedia/Малокарачкинский_язык (дата обращения: 13.09.2017).

⁹⁸ *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка ... С. 352—359.

⁹⁹ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов ... С. 8—79.

¹⁰⁰ Здесь неполное смягчение *т*.

¹⁰¹ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. С. 350.

¹⁰² Там же. С. 349.

¹⁰³ Там же. С. 306.

¹⁰⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 132.

¹⁰⁵ Там же. С. 133.

¹⁰⁶ Там же. С. 132—133.

¹⁰⁷ Там же. С. 133.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 134.

¹¹⁰ Там же. С. 172.

¹¹¹ Там же. С. 268—269.

¹¹² Там же. С. 110—111.

¹¹³ *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. С. 139.

¹¹⁴ *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. С. 337.

¹¹⁵ Наречие (диалектология). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Наречие_\(диалектология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Наречие_(диалектология)) (дата обращения: 04.09.2017).

¹¹⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 250.

¹¹⁷ Там же. С. 445.

¹¹⁸ *Хузангай А.П.* Ударение и интонация // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4: Се — Я. С. 297—298.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алос-и-Фонт Эктор, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Березина Наталия Степановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Викторов Юрий Васильевич, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Гусаров Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Ильин Иван Егорович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Кондратьев Михаил Григорьевич, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Кузнецов Александр Валерьянович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Михайлов Евгений Петрович, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Мордвинова Антонина Ильинична, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Мясников Николай Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Никифорова Вера Витальевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Охотникова Светлана Валерьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Харитонова Валентина Григорьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

СВЕДЕНИЯ ОБ ОППОНЕНТАХ

Артемов Юрий Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

Ахвандерова Алина Давыдовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары)

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

Галлям Рашид Габдельфатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

Данилов Анатолий Васильевич, кандидат педагогических наук, профессор кафедры живописи Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары)

Егоров Николай Иванович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Егорова Анна Семеновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языка и литературы Чувашского республиканского института образования (г. Чебоксары)

Елагин Владимир Исакович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Ефремова Диана Юрьевна, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола)

Иванов Виталий Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Иванов-Орков Геннадий Николаевич, заведующий отделом научно-исследовательской работы Чувашского художественного музея (г. Чебоксары)

Ильин Иван Егорович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Ильина Светлана Викторовна, кандидат искусствоведения, доцент, проректор по воспитательной работе и социальным вопросам Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары)

Коротаева Лариса Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (г. Стерлитамак)

Кугураков Игорь Константинович, младший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Кудрявцев Владимир Геннадьевич, доктор искусствоведения, профессор кафедры культуры и искусств Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Кузнецова Татьяна Леонидовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар)

Матвеев Георгий Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Михайлова Рената Васильевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии (г. Чебоксары)

Никитина Галина Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск)

Нуриева Ирина Муртазовна, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск)

Орлов Виталий Владимирович, доктор исторических наук (г. Чебоксары)

Павлова Алевтина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

Протасова Екатерина Юрьевна, доктор педагогических наук, доцент, преподаватель Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Селиванова Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

Софронова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

Улемнова Ольга Львовна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела изобразительного и декоративно-прикладного искусства Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

Федотова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

Фомин Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств (г. Чебоксары)

Хузангай Атнер Петрович, кандидат филологических наук (г. Чебоксары)

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (<i>Николаев Г.А.</i>)	4
2015	
<i>Охотникова С.В.</i> «Ясачные чуваша»: некоторые итоги и задачи изучения	5
<i>Ильин И.Е.</i> Модернизация российского села на рубеже XX—XXI веков: исторический опыт и уроки реализации	32
<i>Кондратьев М.Г.</i> «Чувашский след» в фольклоре завятских удмуртов	60
<i>Викторов Ю.В.</i> Чувашская станковая живопись XX века: основные этапы и итоги развития	92
2016	
<i>Алос-и-Фонт Э.</i> Преподавание чувашского языка и проблема языкового поведения родителей	122
<i>Мордвинова А.И.</i> А.И. Митгов и чувашское изобразительное искусство второй половины XX века	166
<i>Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С.</i> Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения	194
2017	
<i>Гусаров Ю.В.</i> Переводная чувашская книга второй половины XIX — начала XX века	242
<i>Харитонова В.Г.</i> Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурный аспект	285
2018	
<i>Никифорова В.В.</i> Современный литературный процесс: чувашская интеллектуальная проза рубежа XX—XXI веков	314
<i>Кузнецов А.В.</i> Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения	345
Сведения об авторах	385
Сведения об оппонентах	386

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады

**ИТОГОВЫЕ
НАУЧНЫЕ
СЕССИИ
2015—2018 ГОДОВ**

Составитель и ответственный редактор
Николаев Геннадий Алексеевич

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Оригинал-макет *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати 17.04.2018. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Гарнитура Times. Бумага офсетная
Печать оперативная. Усл. печ. л. 28,29
Тираж 100 экз. Заказ № 6

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1.